

С.Т. Золян, Г.К. Мирзоян

**НАГОРНЫЙ
КАРАБАХ
и ВОКРУГ НЕГО**

*Глазами независимых
наблюдателей*

*Сборник
документов*

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Настоящий сборник составлен на основе публикаций тех советских авторов, которые не следовали утвержденному свыше предвзятому официальному взгляду на «События в Нагорном Карабахе и вокруг него», а попытались самостоятельно разобраться в проблеме. Сейчас уже многим ясно, что все, что происходило и происходит в Нагорном Карабахе, Армении и Азербайджане, центральные средства массовой информации, следуя укоренившейся традиции, сначала пытались замолчать, затем обратились к умышленному искажению событий, и потчуют читателя полуправдой.

Сама по себе Карабахская проблема предельно ясна и может быть выражена буквально одним предложением, как это было сделано великим гражданином России А. И. СОЛЖЕНИЦЫНЫМ:

«Проницательный Ильич — первый называл вопрос границ «даже десятистепенным». (Так и Карабах отрезали к Азербайджану, какая разница — куда, в тот момент надо было угодить сердечному другу Советов — Турции)» («Как нам обустроить Россию»).

Сразу же была понята Карабахская проблема и великим поборником прав человека Андреем Дмитриевичем Сахаровым, чьи многочисленные отклики на события в Нагорном Карабахе читатель найдет в нашем сборнике. Это недвусмысленно показывает, что сложность Карабахской проблемы, о которой столь часто говорят сейчас, — явно надуманная. И именно из-за предельной ясности и простоты справедливого требования народа Карабаха потребовалось воздвигнуть вокруг карабахской проблемы бастионы проблем совсем иного рода — геноцид в Сумганте, затем в Баку и Кировабаде, блокада Армении и НКАО, политические репрессии, непрекращающиеся провокации — высшее политическое руководство страны всеми средствами старалось — и безуспешно — подменить проблему Карабаха многочисленными проблемами «вокруг Нагорного Карабаха». В этом же духе действовала и пресса. Вследствие явно тенденциоз-

Н Нагорный Карабах и вокруг него...

Н 167 Глазами независимых наблюдателей (сборник материалов). Составители: С. Т. Золян, Г. К. Мирзоян. — Ер.: Луйс, 1991 г. — с. 567.

В сборнике нашли отражение публикации советских авторов, независимых наблюдателей-неармян о «событиях в Нагорном Карабахе и вокруг него».

Книга рассчитана на широкие круги читателей, не сумевших, вследствие тенденциозного подхода к освещению проблемы НКАО, понять, что же представляет собой эта проблема,

Н 0803010400 (29) не объявлено. 1991 ББК 66. 3 (2 Ар)
702 (01) 1991

ISBN 5-545-00849-7

© С. Т. Золян, Г. К. Мирзоян, составление, 1991

ного подхода к освещению проблемы НКАО сложилась ситуация, когда, несмотря на обилие публикаций, широкие круги читателей так и не смогли понять, что же представляет собой эта проблема.

К этому следует добавить, что азербайджанская русскоязычная печать приложила огромные усилия для того, чтобы пустить гулять по свету откровенную, ни на чем не основанную ложь. При этом попирались самые элементарные нормы журналистской, научной, издательской и просто человеческой этики (достаточно упомянуть лишь статьи академика З. Буниатова, полные самых беспардонных оскорблений и угроз в адрес А. Д. Сахарова и его супруги). Между тем именно азербайджанскому читателю в первую очередь крайне необходима непредвзятая информация.

Однако, несмотря на все массивированные усилия, правда о проблеме НКАО смогла прорвать кордоны возводимой вокруг нее лжи и найти отклик не только в нашей стране, но и у людей доброй воли во всем мире. Разумеется, здесь сыграли свою роль средства массовой информации, однако, в данном случае, сначала зарубежные, и лишь потом — советские, причем в большинстве случаев это были независимые издания.

Тем не менее мы вынуждены с сожалением констатировать, что массовое дезинформирование советского читателя не могло пройти бесследно, и ныне среди введенных в заблуждение есть многие, кто стоит за справедливое решение карабахского вопроса, но не располагает необходимой информацией, ибо для них остались недоступными статьи и размышления непредвзято настроенных авторов. Настоящий сборник призван помочь им составить самостоятельное представление. Думаем, сборник поможет составить впечатление не только о карабахской проблеме. Дело в том, что, ответив репрессиями и сумгаитами против Карабаха и ветев армянского народа, центральное руководство по сути подтолкнуло эскалацию насилия по всей стране. Теперь уже ясно видно, в каких регионах страны события развивались по сумгайтскому сценарию: Фергана, Ош, Дубоссары...

А ведь об этом предупреждали почти все авторы, которые с самого начала соприкоснулись с проблемой. Приведем только одно предупреждение, прозвучавшее еще весной 1988 года: «В течение десятилетий нацио-

нальные вопросы в нашей стране замалчивались, находились в пренебрежении. В ходе демократизации все искусственно подавлявшиеся проблемы неизбежно вступают на повестку дня, нередко в очень острой форме. От успеха решения национальных проблем во многом зависит судьба всего процесса демократизации. Нельзя закрывать глаза и на то, что люди и инстанции, которым не по душе происходящее обновление нашего общества, могут специально разжигать недоверие между народами, даже провоцировать столкновения. Поэтому сумгаит — не просто очередной эпизод трагической истории армянского народа, — это набат, который призван предупредить нас всех, разбудить нашу совесть». К сожалению, справедливый голос М. Лотмана, А. Сахарова и других авторов остался не услышанным как тогда, так и сейчас.

При составлении сборника мы руководствовались следующими принципами:

1. В сборник не были включены статьи армянских авторов. Исключение было сделано лишь для материалов, освещающих ход судебного разбирательства над сумгайтскими преступниками, поскольку эти процессы практически не были освещены ни в официальной, ни даже независимой прессе, и статьи «Почему не досказываете, товарищ генерал», ибо факты, приведенные в ней, принадлежат не авторам.

2. Материалы даны преимущественно в хронологическом порядке и при этом, для удобства читателей, сгруппированы в тематические разделы, хотя, конечно, эта рубрикация весьма относительна. Особенно это проявилось в материалах 1990 г. — если ранее события носили более локальный характер, то в 1990 г. «события вокруг Нагорного Карабаха» уже не укладываются в какие-либо тематические рамки. Они охватывают и погромы на границе, и репрессии против русскоязычного населения, и, к несчастью, ставшую уже общесоюзной, проблему беженцев. Естественно, что по техническим причинам было невозможно охватить весь 1990 г., и составители вынуждены были ограничиться материалами по ноябрь месяц.

3. При изложении карабахской проблемы составители не допускали каких-либо изменений или сокращений в тексте. Однако, чтобы не обременять читателя,

при воспроизведении некоторых статей и интервью опускались никоим образом не относящиеся к проблеме фрагменты. По техническим причинам опущены фотографии.

4. В случае фактических ошибок и неточностей составители вносили уточнения в форме примечаний, не затрагивая основной текст.

Хотим оговорить, что целью составителей было воспроизвести высказанные независимые точки зрения, почему сборник не претендует на то, чтобы представить полную документированную историю карабахского вопроса — как до, так и после февраля 1988 г. Дело в том, что составители были ограничены составом имевшегося в их распоряжении материала, тогда как многие происшедшие события не нашли никакого отражения в прессе. Да и наивным было бы ждать от одного сборника исчерпывающего освещения богатой истории Нагорного Карабаха и карабахского движения. Ликвидация информационных лагун — дело будущего, пока же их частичные могут компенсировать следующие издания:

1. Нагорный Карабах. Историческая справка. Ер., 1988.
2. Правда о Нагорном Карабахе. Степанакерт, 1989.
3. Правда о Нагорном Карабахе. Ер., 1989.
4. Сумгаитская трагедия в свидетельствах очевидцев, кн. 1. Ер., 1989.
5. Сумгаит... Геноцид... Гласность? — Ер., 1989.
6. Л. А. Хуршудян. Истина — единственный критерий исторической науки, Ер., 1989.
7. Ю. Г. Барсегов. Право на самоопределение — основа демократического решения межнациональных проблем. К проблеме Нагорного Карабаха, Ер., 1989.

Вполне возможно, что из нашего поля зрения выпал ряд важных материалов, которые мы постараемся учесть в последующем. Все ваши замечания, пожелания и предложения просим высылать по адресу:

Ереван-49, ул. Мравяна 1, Ереванский университет, кафедра истории философии.

НАГОРНЫЙ КАРАБАХ

1. **Хроника событий.** Для мира события в Нагорном Карабахе разворачивались так, словно кто-то крутил пленку в обратном направлении. 18 и 19 февраля западные телеграфные агентства сообщили о демонстрациях в Ереване. Особого шума известие не вызвало: сочли, что это продолжение прежних демонстраций, экологических. Новые сведения, поступившие 20-го, еще более запутали ситуацию. Получалось, что демонстранты — неизвестно зачем и почему — требуют присоединения к Армении части территории соседнего Азербайджана, Нагорно-Карабахской автономной области.

Только с 21 февраля картина стала проясняться. Оказалось, что демонстрации в Ереване были явлением вторичным, производным. Началось же все в Степанакерте, столице Нагорного Карабаха, и гораздо раньше — 11 февраля. В этот день в городе стали распространяться листовки и открытые письма с призывами добиваться выхода области из Азербайджана и включения ее в состав Армении. Школьники и студенты единственного в городе института бойкотировали занятия. 12—13 февраля по всему Карабаху прошли собрания с требованием созвать внеочередную сессию областного совета. Это предложение поддержали четыре райисполкома (из пяти) и 87 членов самого областного совета. 20-го сессия была созвана и подавляющим большинством голосов (110 против 17, при 13 воздержавшихся) приняла решение ходатайствовать перед Верховными Советами обеих республик о передаче НКАО в состав Армении. На следующий день решение было опубликовано в газете «Советакан Карабах».

Сразу после этого в Степанакерт прибыли два руководящих деятеля из Москвы — П. Демичев и Г. Разумовский. По их требованию был срочно созван пленум обкома партии. Однако пленум (80 голосами против 10) одобрил резолюцию областного совета. Таким образом, решение совета, беспрецедентное само по себе, приобре-

Демонстрации (жители пяти шестых земного шара — плюс Армении — имели возможность видеть их по телевидению) проходили исключительно организованно. К 10 часам утра на главных площадях и основных магистралях столицы собирались жители Еревана, к ним присоединялись представители других городов и сел. В 23 часа демонстрации прекращались, чтобы возобновиться на следующий день. В Ереване резко сократилась преступность, не было зарегистрировано ни одной кражи. Даже заместитель министра внутренних дел СССР В. Трушин вынужден был признать, что в городе «не отмечено никаких нарушений общественного порядка».

24 февраля в Ереване был создан Организационный комитет воссоединения. Его почетными председателями избрали писательницу Сильву Капутикян и президента Академии наук Армении Виктора Амбарцумяна. В состав комитета вошли директор Степанакертского театра Ваче Саруханян, кандидат исторических наук Игорь Мурадян, математик Армен Оганесян и др.¹

В тот же день в Армении начались забастовки. В самой столице работали только хлебопекарни, продуктовые магазины, больницы, радио и телевидение. Движение городского транспорта полностью прекратилось. В Ленинанкане забастовка была всеобщей.

Армянское телевидение и радио заявили решительный протест в связи с передачей московской программы «Время», где демонстранты были названы экстремистами. По телевидению выступали многие видные общественные деятели Армении: член Совета ветеранов афганской войны, представитель армянских курдов. Особенно большое впечатление произвела речь Католикоса всех армян Вазгена I. Призвав к сдержанности, он, однако, не оставил сомнений в том, что поддерживает демонстрантов. Вазген I сообщил, что он направил М. Горбачеву письмо с призывом удовлетворить требования народа.

По армянскому телевидению выступил и секретарь ЦК КПСС В. Долгих. Он тоже признал, что в Нагорном Карабахе были человеческие жертвы. Но главное, он сообщил, что партактив Армении обратился к ЦК КПСС «с просьбой всесторонне рассмотреть проблему Нагорного Карабаха». Понятно, что такое обращение означало ревизию недавно принятого решения ЦК КПСС. Ревизию, одобренную на высшем уровне, ибо в собрании

актива участвовали секретари ЦК: сам В. Долгих и Г. Разумовский².

Тем не менее 25-го в Ереван были переброшены части внутренних войск: три тысячи — эшелонами и еще две тысячи — самолетами. Солдаты перекрыли движение по ул. Ленина, просп. Туманяна и другим центральным улицам города, блокировали площадь перед Оперным театром и парк. Но столкновений с демонстрантами не было. Милиционеры подчеркнуто держались в стороне, у них было отобрано оружие.

Одновременно в Москву были приглашены представители демонстрантов. Двое — Сильва Капутикян и многолетний корреспондент «Литературной газеты» Зорий Балаян — несколько часов беседовали с членом Политбюро А. Яковлевым, а затем были приняты М. Горбачевым. Результаты встречи оба оценили по-разному. З. Балаян, выступая в ереванском Доме писателей, дал понять, что на сей раз вопрос будет рассматриваться серьезно, а для этого надо дать Горбачеву передышку. Более эмоциональная (но и куда более опытная) С. Капутикян — в речи по телевидению — оценила итоги разговоров гораздо сдержаннее.

26 февраля секретарь ЦК КПСС В. Долгих зачитал обращение М. Горбачева «к трудящимся, к народам Азербайджана и Армении». В центральных газетах оно не публиковалось, но ереванский «Коммунист» напечатал его полностью. Документ оставляет двоякое впечатление. В нем нет уже той бездумной категоричности, с которой еще недавно ЦК КПСС отметал саму мысль об изменении «существующего национально-территориального устройства». «Мы не за то, — сказал Генеральный секретарь, — чтобы уклоняться от обсуждения различных идей и предложений, но делать это надо спокойно, в рамках демократического процесса и законности...»

С другой стороны, ощущение такое, что и теперь, после всего, что произошло, М. Горбачев не до конца понимает серьезность ситуации, ибо рассчитывает справиться с ней путем дежурных заклинаний. Это верно, что и Египше Чаренц, и Самед Вургун призывали народы обеих республик жить в дружбе. Столь же верно, однако, что дружбы не получилось. К сожалению, вся история XX века полна примерами того, как благородные призывы виснут в воздухе, а отношения народов форми-

руются по каким-то иным, не вполне ясным пока законам...

Все-таки призывы к спокойствию и благоразумию как будто подействовали. Вечером 27 февраля Организационный комитет решил приостановить демонстрации и забастовки на месяц. Зная по опыту (хотя бы крымских татар) умение властей спускать острые вопросы на тормозах, оргкомитет объявил, что если рассмотрение проблемы затянется, демонстрации будут возобновлены 26 марта в два часа дня.

С этого момента обстановка в Ереване постепенно нормализуется. Правда, в Степанакерте волнения продолжались. Бастовали рабочие, учащиеся, студенты. Огромные толпы народа ходили по улицам с плакатами. Перед отлетом из Нагорного Карабаха П. Демичев обратился к демонстрантам с речью, призывающей к спокойствию. Одновременно были приняты меры, направленные на предоставление армянам НКАО кое-какой «культурной автономии». Было объявлено о расширении радиопередач на армянском языке, передачи школ, театров и других учреждений культуры в ведение армянских органов (?), реставрации древнего армянского города Шуши, пришедшего в полный упадок.

Это призрачное успокоение продолжалось недолго. Из Армении в Азербайджан устремился поток беженцев, напуганных размахом волнений. 29 февраля по бакинскому радио выступил А. Катусев, сообщивший, что в Агдамском районе Азербайджана, граничащем с Нагорным Карабахом, были убиты два азербайджанца. Как это произошло и при каких обстоятельствах — до сих пор не ясно. Есть основания думать, что они были убиты охраной при попытке захватить склад оружия³.

Однако не это заявление, само по себе достаточно рискованное, привело к взрыву. В Сумгаите, основном центре беспорядков, волнения начались еще 27 февраля⁴. Толпа в несколько тысяч человек, собравшаяся на главной площади города, принялась забрасывать камнями щит с гербом Армянской ССР (на площади были выставлены гербы всех советских республик). Слабые попытки милиции и пожарных разогнать толпу успеха не принесли. Небольшое армейское подразделение, доставленное утром 28-го из Баладжар, тоже оказалось бес-

сильным. Солдаты отступили, за ними бросились бежать милиционеры. Город остался во власти толпы.

При оценке того, что произошло в Сумгаите, нужна сугубая осторожность. Официальные сообщения, опубликованные в газетах 1 и 5 марта, нарочито расплывчаты: «Группа хулиганствующих элементов... Имели место случаи бесчинства и насилия... Приняты меры...» Единственное, о чем сказано определенно, — о гибели 32 человек. Среди убитых — старики и женщины.

По рассказам людей, которым удалось спастись, жертв несравненно больше. Называют и сто, и двести, и свыше пятисот убитых. Возможно, что власти включали в сообщение лишь тех, кто погиб на месте. Но и очевидцы могли ошибиться: от тех, кого убивают, трудно требовать почтения к статистике.

Но еще важнее другое — обстоятельства беспорядков. Сообщения, расходящиеся в ряде деталей, едины в главном. Грабежами, убийствами, изнасилованием занималась не бесформенная толпа, а организованные банды — по 30, 50, 100 человек. Банды нападали не только на случайных прохожих, но врываются в дома, ломали окна и двери. Они знали, куда врываться, ибо какая-то часть азербайджанцев, повинувшись требованию бандитов, выключала в своих квартирах свет, в армянских же он продолжал гореть. Среди нападавших было много людей, завезенных в город на машинах откуда-то из других мест. Наиболее «грязную» работу выполняли подростки 14—17 лет, которым, по закону, не грозит смертная казнь...

Все это дает основания думать, что если взрыв насилия и был стихийным, то стихия была хорошо организована. Кем? Поговаривают о подпольной мусульманской организации. Если и так, эти деятели неплохо разбираются в общей ситуации и в психологии советского руководства. На представителей ЦК КПСС, побывавших в Ереване и Степанакерте, не могло не произвести впечатление то единодушие, с которым буквально все армяне — по обе стороны границы — поддержали идею воссоединения. Какое-то впечатление, надо полагать, произвела и беседа с представителями демонстрантов в Москве. Доводы у сторонников отделения Карабаха были веские, а излагать их и эмоциональная Сильва Капутикян, и подчеркнута рациональный Зорий Балаян

умеют. В этих условиях возникла реальная опасность того, что кремлевские вожди выберут меньшее из зол — передачу НКАО Армении. При желании это можно было оформить достаточно эффективно — как еще одно яркое свидетельство дружбы двух братских народов!

Надо было срочно доказать, что это представление ошибочно, что такое решение чревато не менее серьезными последствиями, чем те, которыми грозит отказ изменить существующие границы. Конечно, миллионные демонстрации, выступление Католикоса, резолюции областного совета и обкома партии — доводы серьезные, но опасность всеобщей резни (а кто поручится, что беспорядки в Сумгаите не были всего лишь репетицией?) — довод еще более веский. Пусть эти люди в Кремле бросят на чашу весов то и другое. Посмотрим, что перелопочит...

На всякий случай сумгаитские события были подкреплены волнениями в других городах Азербайджана: Кировабаде, Агдаме, Евлахе. Напряженная обстановка сложилась даже в Баку. Было сделано все, чтобы показать Москве, что Азербайджан не потерпит покушения на его территорию.

Хотя и с опозданием, беспорядки в Сумгаите удалось остановить. В город были введены войска: автоматчики, более 50 танков, бронетранспортеры. С 20 часов до 7 утра был установлен комендантский час. Многие армяне были размещены в охраняемых зданиях горкома партии и Дворца культуры. Арестовано около 200 человек. Заместитель Генерального прокурора СССР Катусев открыто расценил происшедшее в Сумгаите как погром.

Таким образом, активные действия с обеих сторон удалось приостановить. Однако взрывная волна продолжала распространяться. Азербайджанцы из Армении устремились в Баку, армяне из Азербайджана бежали в Ереван. В обеих республиках были приняты меры, чтобы приостановить этот процесс и вернуть бежавших обратно. Тысячи армян хлынули в Москву. 28 февраля и 6 марта они провели митинги на старом армянском кладбище, у церкви Вознесения. Был создан Комитет беженцев, отслужена панихида по погибшим. Митинги, посвященные памяти погибших, прошли и в Ереване.

Но, в общем, стороны заняли выжидательную позицию, избегая действий, которые могли бы сдвинуть

хрупкое равновесие. Ждать осталось как будто недолго: были даны заверения, что окончательное решение будет вынесено до 26 марта. 9 марта состоялось совещание в ЦК КПСС. На нем было сказано, что «решением Политбюро Секретариату ЦК поручено организовать глубокое и всестороннее изучение накопившихся проблем в автономной области Нагорного Карабаха, причин международных отношений вокруг нее, проработку соответствующих предложений и по мере готовности вносить на рассмотрение ЦК КПСС и правительства СССР».

Последняя часть фразы позволяет предположить, что вопрос, видимо, будет решаться по частям. Такой «лоскутный» метод позволяет сбить остроту и ограничиться полумерами, что вообще характерно для Горбачева. Впрочем, справедливости ради надо признать, что ситуация и в самом деле крайне сложна и запутана, ибо на протяжении десятков лет советское руководство просто игнорировало действительность, свято веря, что все национальные проблемы можно решить с помощью мифических лозунгов и реальных репрессий.

2. История вопроса. Попытки решить спор о принадлежности Нагорного Карабаха ссылками на историю явно лишены смысла. Этот небольшой пятачок входил в состав древней Албании; его захватывали арабы, турки-сельджуки, монголы; здесь разворачивались кровавые сражения между Ираном и Турцией. После присоединения Карабаха к России район входил в состав разных областей. При этом царские власти руководствовались соображениями сугубо административными.

Решение образовать Нагорно-Карабахскую автономную область и включить ее в состав Азербайджанской ССР было принято в июле 1923 г. Решение это отнюдь не было бесспорным. И в этом районе, и во многих соседних преобладающую часть населения составляли армяне. Неудивительно, что в специальной декларации, опубликованной 1 декабря 1920 г. за подписью тогдашнего председателя Азербайджанского ревкома Наримана Нариманова, было объявлено о предстоящей передаче Армении трех районов — Нагорного Карабаха, Зангезура и Нахичевани. В дальнейшем, однако, этот сомнительный эпизод не упоминался. Официальная исто-

рия излагалась так, будто в декларации ничего подобного не было.

Каким же образом все-таки армянская область оказалась в составе Азербайджана? Виною тому сложное сплетение обстоятельств, начало которому положило истребление армян в Турции, начавшееся весной 1915 г. При этом 1,5 миллиона было уничтожено, еще 600 тысяч угнано в пустыни Месопотамии, где большинство из них погибло. Но тремстам тысячам удалось спастись — они укрывались в России.

Видимо, эти оставшиеся в живых свидетели преступления всерьез беспокоили турок. Дважды — в апреле 1918-го и в сентябре 1920 года — турецкие войска вторглись на территорию независимой Армении. Эти войны сыграли немалую роль в судьбе страны: из двух зол армяне выбрали меньшее.

Принято считать, что решение передать НКАО Азербайджану было принято под давлением Турции. Вряд ли это верно. К 1923 году у Советского Союза хватало сил, чтобы противостоять потерпевшим поражение туркам. Иной вопрос, что тогдашнее советское руководство вовсе не хотело ссориться с Турцией, ибо здесь была одна из «слабых точек» империализма и, по прогнозам, именно в этом направлении должна была развиваться «мировая революция». Чего стоила, в сравнении с этой великой целью, такая малость, как национальные интересы каких-то армян?...

Но будем объективны. В начале 20-х годов большевистские лидеры искренне верили, что Октябрьская революция раз и навсегда решила все национальные проблемы. И Армения, и Азербайджан вошли теперь в братскую семью народов. С этого момента постановка вопроса, в состав какой из республик включен Карабах, потеряла смысл. Как писал один из известных в те годы журналистов: «Всюду есть Солнце и Советская власть!»

Между тем реальность совсем не была такой радужной. Вражда двух народов — азербайджанского и армянского — уходит в глубь веков. Трудно сказать, что тому причиной: разные религии, вторжение захватчиков — чаще всего, мусульман, психологическая несовместимость. Факт тот, что, например, в Баку — городе многонациональном и веротерпимом — столкновения между

двумя народами вспыхивали уже в 1905—1907 гг., задолго до трагических событий в Турции.

Однако подлинного размаха межнациональная вражда достигла в 1918 году, когда Азербайджан заняли турецкие войска. Именно к этому периоду относится печально знаменитая «татаро-армянская» резня. Были ли к ней причастны турки? Вероятно. В самом Баку они, правда, держались осторожно, прямо в резню не вмешиваясь. Но в том же Нагорном Карабахе их войска откровенно поддерживали единоверцев. В результате Карабах потерял 20 процентов всего населения. Нужно было обладать незаурядной смелостью (или верой в «идею»), чтобы через пять лет после этой резни включить область, населенную почти исключительно армянами, в состав «дружественного» Азербайджана!

Мы до сих пор не знаем, что послужило поводом к нынешним событиям в Нагорном Карабахе. По одной версии, все началось с армянского села Чардахлы, родины маршала Баграмяна. При жизни маршала местное начальство жителей не притесняло. Но после его смерти село стали заселять азербайджанцами, у местного колхоза отрезали земли и т. п. Дело будто бы кончилось погромом, который возглавил лично первый секретарь райкома. И хотя формально село лежит за пределами НКАО, жители области восприняли этот эпизод как сигнал тревоги.

По другой версии, поводом к волнениям послужил очередной отказ Москвы удовлетворить петицию об изменении территориального подчинения области, подписанную 75 тысячами ее жителей. Похоже, что эта петиция была последней в длинном ряду заявлений, с которыми население Карабаха обращалось к центральным властям на протяжении многих лет. Однако эта петиция была вручена лично секретарю ЦК КПСС А. Яковлеву, да и времена нынче изменились. Поэтому на сей раз карабахцы были уверены в успехе. И вдруг — снова отказ. Отказ немотивированный, небрежный, подписанный второстепенным чиновником. Было ясно: по существу вопрос никто и не рассматривал, от проблемы, затрагивающей судьбы тысяч и тысяч людей, просто отмахнулись. Как от назойливой мухи.

Не исключено, однако, что серьезного повода для волнений вообще не было. Когда обстановка напряжена

до предела, любая мелочь способна вызвать взрыв, а горячего материала хватало. И в самой области, и за ее пределами.

Лет десять назад в «Правде» был опубликован смешной фельетон Шатуновского. В нем описывалась полемика между историками двух союзных республик на тему, чья культура древнее. Читателю могло показаться, что автор, в соответствии с законами жанра, явно преувеличивает. Между тем Шатуновский преуменьшал. Он, например, ничего не сказал о том, как видный бакинский историк прокомментировал тот печальный факт, что древние рукописи на армянском языке сохранились, а на азербайджанском их нет. А прокомментировал он их точно по анекдоту о беспроволочном телеграфе. Поскольку азербайджанские рукописи не найдены, хотя они бесспорно были, ясно, что злоумышленники-армяне перевели их на свой язык, а подлинники... уничтожили. Заметим, впрочем, что работы некоторых армянских историков были выдержаны примерно на том же уровне...

Общеизвестно, что руководителем Бакинской коммуны (1918 г.) был Степан Шаумян. Однако в изложении бакинских газет он давно стал фигурой призрачной, а на первое место вышли азербайджанцы — Мешади Азизбеков и Мир Гасан Везиров. Портрет Шаумяна работы известного скульптора П. Сабсаля долгие годы пылится в его мастерской — никто и слышать не желал о том, чтобы установить в Баку бюст «этого армянина».

И вдруг произошло чудо: Гейдар Алиев, заняв пост первого секретаря ЦК, распорядился водрузить скульптуру верного ленинца в Шаумяновском районе Баку. Торжество было задумано как еще одно свидетельство... Нет, не братской дружбы народов, а того, что если и есть в Закавказье подлинный интернационалист и радетель этой дружбы, то, конечно же, Гейдар Алиевич Алиев. И момент был выбран с поразительной точностью: именно в это время возникла первая волна слухов, что незаменимого Гейдара Алиева с повышением переведут в Москву...

В апреле прошлого года «Известия» напечатали статью «Столь долгое ожидание» — рассказ о том, как были приговорены к расстрелу два ни в чем не повинных человека — Данакян и Багдасарян. История эта случилась не в Нагорном Карабахе, а севернее, в армян-

ском селе Нидж, и, может быть, выбор этих людей в качестве жертвы за чужие грехи не имел никакого отношения к их национальности, — может, просто попались под руку. А все-таки факт, что рядового бухгалтера Багдасаряна осудили на смерть, а его начальника, главного бухгалтера Хасмамедова, даже и не привлекли к ответственности. Легко себе представить, как восприняли это нашумевшее в республике дело люди, которые и без того считали себя ущемленными!

Но правомерно ли говорить о дискриминации Нагорного Карабаха? Ответить на этот вопрос чрезвычайно сложно. Дело не в фактах, а в их интерпретации. Область, безусловно, принадлежит к числу наиболее отсталых и бедных районов Азербайджана. В НКАО всего одно предприятие, которое с оговорками можно считать заводом — Степанакертский электротехнический. Один вуз — педагогический. Свыше половины всей продукции приходится на пищевую промышленность, еще около 30% — на легкую. Промышленность работает почти исключительно на местном сырье.

Основная отрасль сельского хозяйства — выращивание винограда, причем преобладают технические сорта. Решения о борьбе с алкоголизмом были приняты в Азербайджане как сигнал к выкорчевыванию виноградников. Эта мера особенно ударила по Нагорному Карабаху, для которого дешевое вино было главным продуктом вывоза. Не исключено, что этот — экономический — аспект тоже сыграл свою роль в событиях.

Существующую ситуацию можно рассматривать двояко. Можно считать, что нежелание вкладывать крупные средства в развитие района обусловлено естественными причинами: удаленностью области от центров, бедностью природных ресурсов, трудным рельефом и т. п. Можно, однако, усмотреть в этом и тенденцию — стремление изолировать «чужую» область, законсервировать ее на исходно низком уровне. Все, очевидно, зависит от подхода. Но как раз объективного подхода при нынешних отношениях ждать трудно. Общая обстановка недоверия и подозрительности приводит к тому, что любое действие (или бездействие) бакинских властей воспринимается жителями области вполне определенно — как сознательное ущемление их интересов. Важно даже

не то, правильно это или неправильно, важно, что подобная реакция стала определяющей. Обстоятельство, с которым никак нельзя не считаться.

3. **Что же остается?** Казалось бы, проблема Нагорного Карабаха при всей своей остроте носит локальный характер. Область невелика и по площади (5,1% территории Азерб. ССР), и по населению (2,8% — на 1 января 1973 г.). Однако надо учитывать и более широкий аспект. В Армении живет свыше 160 тысяч азербайджанцев, а в Азербайджане — около 500 тысяч армян. Их взаимная «рокировка» (а бегство уже началось) не только стала бы концом легенды о дружбе народов, но и тяжело отразилась бы на экономике обеих республик, не говоря уже о судьбах сотен тысяч людей.

Между тем не надо быть провидцем, чтобы понять, что нынешний накал страстей еще больше осложнит и без того весьма непростые межнациональные отношения. Нелепо, разумеется, говорить о фатальной неизбежности конфликтов, о непримиримой вражде, заложенной в генах. Ничего этого нет. И среди армян, и среди азербайджанцев есть достаточно людей, свободных от всяких предубеждений. В Армении, насколько нам известно, чего-то похожего на погромы вообще никогда не было. В сообщениях из Сумганта подчеркивалось, что многие жители-азербайджанцы укрывали и защищали армян, ставших жертвами нападения, помогали им выбраться из города, оказывали всяческую помощь.

Все это так. И однако же не секрет, что в моменты накала страстей погоду определяют не столько люди широкие, терпимые и благоразумные, сколько накипь, которая есть, увы, в каждом народе. Да и об отношениях между нациями судят, увы, не по вершинам. Сто проявлений дружбы и благородства далеко не всегда уравновешивают в сознании народа даже единственный случай национального изуверства.

Будем объективны. Секретариату ЦК КПСС предстоит решить нелегкую задачу; может быть, задачу, которая сегодня не имеет решения. Знакомство с прошлыми решениями этой достопочтенной организации никак не настраивает на оптимистический лад. Скорее всего, дело ограничится серией полумер — чем-то вроде армянской «культурной автономии» НКАО в рамках

Азербайджана и очередной порцией призывов к укреплению партийной работы, усилению интернационального воспитания и пр. Все это будет подкреплено «затягиванием гаек».

Конечно, предложить что-нибудь более разумное не легко. Искусственный отрыв области от Армении был мерой не просто бессмысленной, но и преступной. Как сказал один из участников событий: «Нужно быть армянином, чтобы понять, что значит Нагорный Карабах для армян». Но и для азербайджанца — самого объективного, самого доброжелательного — одобрить отделение области будет трудно. Не потому, что она так уж нужна республике (характерно, что в Азербайджане не было массовых выступлений в «защиту» НКАО), а потому, что за 65 лет все привыкли к нынешним границам, стали считать их собственными.

Что же остается? Видимо, только одно. Ввести в Нагорном Карабахе (хотя бы временно, хотя бы до успокоения страстей) «президентское правление». Система эта широко практикуется в Индии. Когда правительство штата теряет контроль над ситуацией, или в штате вспыхивает междоусобная резня, или возникает угроза волнений, президент распускает местные органы власти и вводит систему прямого управления штатом из центра. Практически это означает, что руководство переходит в руки «нейтральных» чиновников, назначенных правительством в Дели.

Ничего подобного у нас до сих пор не было? Конечно. Но у нас много чего не было. Ни кооперации, ни семейного подряда, ни «Доктора Живаго». И если нынешнее руководство собирается не играть в перестройку, а заниматься делом, оно должно быть готово к тому, что при этом возникнет множество проблем и решать эти проблемы придется по-новому.

Легко предсказать, что введение президентского правления ни в Армении, ни в Азербайджане не вызовет энтузиазма. Но взрыва возмущения, усиления национальной вражды оно тоже не вызовет, поскольку ни одна из сторон конфликта не будет считать, что спор решен в пользу другой.

Вероятно, это не идеальный выход. Но идеального сейчас и не может быть. После 70 лет полнейшего произвола в национальном вопросе, беззаконий, риторики

и демагогии всякая мера, которая сможет способствовать успокоению страстей,— уже благо. Именно под этим углом зрения и следует решать сегодня проблему Нагорного Карабаха.

События в Нагорном Карабахе продолжают развиваться. Ко времени выхода этого номера журнала в свет они несомненно получают новый поворот. Наш журнал намерен вернуться к этой проблеме в следующих номерах.

ОБРАЩЕНИЕ КОМИТЕТА ПО ВОССОЕДИНЕНИЮ НАГОРНОГО КАРАБАХА С АРМЯНСКОЙ ССР

Организации Объединенных Наций
Парламентам и правительствам
всех стран

Всемирному Совету Церквей
Коммунистическим и рабочим партиям
Социалистическому Интернационалу
Международному Красному Кресту

Во второй раз в двадцатом веке армянский народ переживает геноцид. Виноваты в этом руководители советского Азербайджана и бюрократические элементы в руководстве КПСС, стремящиеся умиротворением азербайджанских националистов за счет интересов и достоинств армянского народа закрыть карабахский вопрос. Все 70 лет руководство Азербайджана с переменным успехом осуществляло в Нагорном Карабахе, как и в других армянских областях, геноцид армянского населения. Так, исконная армянская область Нахичевань, включенная в состав Азербайджана в соответствии с договором СССР с Турцией (1921), в настоящее время почти полностью лишена армянского населения. Однако руководителям Азербайджана, несмотря на чудовищную политику геноцида, не удалось полностью вытеснить армянское население из Нагорного Карабаха. Оно со-

бавляет 75 процентов населения области — 132000 человек. Армяне Нагорного Карабаха сохранили осколки национальной государственности вплоть до прихода русских войск в Закавказье. Создание невыносимых условий жизни, сдерживание социально-экономического развития, постоянное оскорбление национального чувства, постоянное уничтожение памятников христианской культуры, беспримерная фальсификация истории, почти полная изоляция от советской Армении — не сломили освободительный дух армян Нагорного Карабаха. Пользуясь обстановкой относительной гласности в стране, армянское население Нагорного Карабаха после многомесячного освободительного движения конституционным путем на сессии областного совета (это местный парламент) провозгласило воссоединение своего края с Советской Арменией. В ответ на это руководители советского Азербайджана массовой пропагандой инспирировали межнациональные столкновения в самом Нагорном Карабахе, а затем и в других районах и городах Азербайджана, где проживает многочисленное армянское население. Обращение Генерального секретаря ЦК КПСС Горбачева к азербайджанскому и армянскому народам вызвало в двух республиках совершенно различную реакцию. Если армянский народ как в Армянской ССР, так и в Нагорном Карабахе прекратил демонстрации и приступил к работе, то азербайджанские националисты восприняли известное постановление ЦК КПСС и обращение Горбачева как узаконивание своей правоты, начали резню, погром армянского населения в городах Сумгаите, Кировабаде, Шамхоре и других местах. В Сумгаите было 30 человек убито. Этими действиями руководители Азербайджана надеются заставить армянский народ в Нагорном Карабахе и в Армянской ССР отказаться от борьбы за воссоединение. Этими действиями объективно потворствуют советские средства массовой информации, оказавшиеся беспомощными в создавшейся обстановке. Бюрократические элементы в ЦК КПСС своей беспомощностью, отрицанием национальных проблем в СССР, нежеланием решать вовремя эти проблемы довели карабахский вопрос до критического состояния, что привело к резне.

Мы обвиняем руководителей советского Азербай-

джана, ряд ответственных работников ЦК КПСС в преступлениях против всего армянского народа.

Надежда не покидает нас. Залог тому — официальное признание советским правительством карабахского вопроса и обещание рассмотреть его.

Армянский народ полон решимости вернуть Нагорный Карабах в объятия Родины. Ничто не может поколебать дух армян Нагорного Карабаха.

Родина или смерть!

Комитет призывает и просит человечество принять все усилия по спасению армянского населения в Азербайджане и решить вопрос воссоединения Нагорного Карабаха с Армянской ССР.

3 марта 1988, Ереван

«Страна и мир»
январь—февраль, 1 (43)

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Неточность: Игорь Мурадян — экономист, а Армен Оганесян — писатель-публицист.
2. Неточность: в Ереване находились А. И. Лукьянов, а не Г. Разумовский.
3. Эти сведения в дальнейшем не подтвердились. Подробности см. в статье А. Василевского.
4. Волнения в Сумгаите начались не 27-го, а 26-го февраля. Кроме того, в Сумгаите и вокруг него находились довольно значительные воинские силы, однако они не имели приказа действовать.
5. Нагорный Карабах (Арцах) никогда не входил в состав древней Албании (Кавказской или левобережной Албании), которая граничила с Арменией. Недоразумение основано на том, что после раздела Армении между Персией и Византией и упразднения Албании Арцах был присоединен к образованному персами марзпанству, которое получило название «Албания» (Аран). Следует отметить также, что попытки идентификации ассимилировавшихся еще в раннее средневековье кавказоязычных албанцев с тюркоязычным населением Аз. ССР, лишены какого-либо основания. Тюрки появились в Закавказье лишь к XI в.
6. Решение было принято на заседании Кавбюро РКП(б) 5 июля 1921 г. (см. статью М. Ю. Лотмана и др.), а в 1923 был опубликован Декрет ЦИК Аз. ССР об образовании НКАО.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ В ЗАКАВКАЗЬЕ И КРИЗИС ПОЛИТИКИ ГЛАСНОСТИ

Я уже писал об остром национальном конфликте между Азербайджаном и входящей в его состав Нагорно-Карабахской областью (НКАО), единственным в СССР автономным образованием при наличии союзной республики с аналогичным и преобладающим по численности национальным составом. Этот конфликт втянул в свою орбиту фактически все население Армении и Азербайджана, проживающих в Москве.

Излишне говорить о беспокойстве в руководящих органах ЦК КПСС и СССР, где лихорадочно искали возможности справедливого решения этой неожиданно возникшей проблемы. Теперь эти решения приняты на всех уровнях. В ЦК КПСС признается и обсуждается факт многолетней национальной дискриминации армянского населения НКАО, поощряемой из Баку, и пренебрежения социальными и культурными проблемами области. Принято постановление по ускорению социально-экономического и культурного развития НКАО в 1988—1995 гг. В области расширяется строительство жилых домов, школ и дошкольных учреждений, больниц, домов школьников, спортивных сооружений. Принимаются меры для улучшения преподавания армянского языка, в педагогическом институте снова вводится недавно отмененное изучение истории Армении, увеличивается издание и продажа литературы на армянском языке, в срочном порядке будут завершены работы по обеспечению приема-передач армянского телевидения, будут также построены новые дороги, соединяющие НКАО с Арменией.

Однако главное требование подавляющего большинства населения области, поддержанное даже обкомом партии и облисполкомом о передаче НКАО в состав Армении было отвергнуто на заседании Президиума Верховного Совета СССР, где выступили не только Громыко и Горбачев, но и представители всех союзных республик. Это решение готовилось в такой спешке, что в нем имеется ряд положений, противоречащих Конституции СССР. В постановлении Президиума имеется, на-

пример, фраза: «Признать недопустимым... пересмотр закрепленных в Конституции СССР национально-государственных и национально-административных границ». («Правда», 25 марта 1988 г.). Между тем в Конституции СССР нет статей, закрепляющих границы союзных и автономных республик. Напротив, статья 73 Конституции СССР позволяет Верховному Совету СССР «Утверждать изменения границ между союзными республиками» и «Образовать новые автономные республики и автономные области в составе союзных республик». Все эти изменения происходили многократно, в том числе и в Закавказье. Но Президиум Верховного Совета ссылается почему-то не на статью 73, а на статью 81, которая в первую очередь охраняет права союзных республик от посягательства извне и о защите «революционных завоеваний трудящихся перед лицом империализма» (Конституция СССР, политико-правовый комментарий, М., 1982 г., стр. 240).

Решением ЦК КП Армении и Совета Министров республики в Ереване запрещены самочинные демонстрации, а также деятельность общественного комитета «Карабах», которая якобы противоречит действующему законодательству и интересам народа. В НКАО запрещена деятельность общественного комитета «Крунк» (по-армянски крунк — журавль, символ тоски по родине). Все эти решения приняты населением Армении и Азербайджана без энтузиазма. Население Еревана решило отказаться от проведения намеченных на 26 марта митингов и демонстраций, и большинство жителей города не выходило 26—27 марта на улицу. Вечерние спектакли театров и показ фильмов проходили в полупустых залах. В НКАО армяне демонстрируют свое недовольство продолжением не только манифестаций, но и забастовок. Большинство рабочих и служащих области не вышли на работу в понедельник и вторник 28—29 марта. Показательно, что отказались работать в этот день и азербайджанцы.

Принятые решения открыли дорогу в Закавказье десяткам журналистов из всех центральных газет. Но их встречают здесь более чем холодно. Как признает корреспондент «Известий» П. Гутионов, профессия журналиста в НКАО сегодня далеко не самая уважаемая. И в том, якобы, есть доля вины самих журналистов, т. е.

они давали в печать слишком «куцые» сообщения. Надо добавить, что главная вина лежит на руководителях, принуждавших не только к молчанию, но и прямым фальсификациям. Особенно отличалась по части фальсификации газета «Правда». Так, например, популярный в Армении народный артист Р. Каплянян неожиданно обнаружил под демагогической заметкой в «Правде» свою фамилию, хотя он не писал и не подписывал этой заметки. Протест Капляняна по поводу такой пиратской работы был опубликован только 17 марта и не в «Правде», а в газете «Советская культура». Особенное возмущение в Армении вызвали статьи в «Правде» от 21 и 22 марта. Дело дошло до того, что московские армяне пытались устроить возле редакции газеты демонстрацию, остановленную московской милицией. А корреспондент «Правды» по Армении Ю. Аракелян вынужден был публично отказаться от своей подписи под статьей «Эмоции и разум» (21 марта), и газета так же публично «приостановила его полномочия» как корреспондента «Правды» по Армянской ССР («Правда» 25 марта). Газета «Правда» откровенно намекает, что весь нынешний кризис вокруг Нагорного Карабаха порожден не дискриминацией армянского населения в Азербайджане, а попыткой руководства Армении отвлечь критику центральной печати в свой адрес. Это совершенно нелепое положение, ибо именно в дни массовых февральских демонстраций в Ереване армянское партийное руководство во главе с Демирчяном демонстрировало полную неспособность вести за собой армянскую нацию. Армянский народ выразил явное недоверие своим нынешним официальным лидерам. Миллионную демонстрацию и справедливое негодование армян «Правда» объясняет армянским национальным эгоизмом. Тенденциозно и лживо излагаются в «Правде» и события в Армении, и деятельность общественного комитета «Карабах». Газета игнорирует заявления и выступления уважаемых в Армении ученых, писателей, артистов, общественных деятелей, известных всему советскому народу, но произвольно цитирует (и то не без искажений) отдельные выступления людей, вроде К. Нагапетяна, который неизвестен в Ереване и проживает в Москве. Даже самые первые сообщения «Правды» из Закавказья еще в конце февраля вызвали возмущения в Армении и

Нагорн м Карабахе и объективно спровоцировали нежелательное развитие событий. Что должны думать десятки тысяч армян из Нагорного Карабаха, когда они читали в «Правде», что их справедливый протест спровоцирован безответственными экстремистскими элементами, и что их демонстрации сопровождались «нарушениями общественного порядка». Между тем именно в НКАО в феврале и марте практически не зарегистрировано ни одного преступления, тогда как вспышки населения были в действительности спровоцированы в соседнем с НКАО Агдамском районе, где группа азербайджанских националистов сумела сколотить толпу из более чем двух тысяч азербайджанцев и провести ее в Нагорный Карабах «наводить порядок». В столкновении этой толпы с органами порядка и погибли двое азербайджанцев, что вызвало бегство сотен азербайджанских семей из Армении в Баку и дало толчок погрому и настоящей резне армянского населения Сумгаита. Пресса молчала, и люди руководствовались слухами, которые становились все страшнее. Что же удивляться, что сегодня, когда газеты, наконец, заговорили, население Армении, да и Азербайджана, не верит ни корреспондентам, ни специальным прокурорам. Так, например, следственная группа в Сумгаите упорно заявляет, что в ходе погромов в этом городе погибло 32 человека, из которых 26 армян и 6 азербайджанцев. Но слухи упорно увеличивают эту цифру до 300 и более человек, и Армения верит, что погромщики убивали не только стариков и женщин, но и маленьких детей, даже только что родившихся армянских детей, выбрасывая их в окно. Еще большее недовольство в Армении вызвала позиция местной прессы, которая ничего не писала о событиях, происходящих рядом — за окнами редакционных кабинетов.

Более объективную картину событий в Закавказье дает газета «Известия». Газета справедливо отмечает, что в Азербайджане реакция на решение народа НКАО была совсем иной, чем в Армении. Что руководители Азербайджана пытались отрицать допущенные ими ошибки, повсюду преобладало стремление «наказать неблагодарных» армян, живущих в Азербайджане. По свидетельству «Известий» (24 марта), и сейчас в ЦК КП Азербайджана склонны некритически смотреть на причины разыгравшегося кризиса. Азербайджанские руко-

водители ищут причины кризиса где-то далеко за границей, указывая на существование «подрывных центров на западе, пытающихся разыграть национальную армянскую карту».

Но разве не большего внимания заслуживает версия армянской общественности о влиянии на азербайджанцев активной пропаганды из Турции и Ирана. Если демонстранты в Ереване несли портреты Ленина и Горбачева, то среди отдельных групп азербайджанских националистов можно было видеть портреты Хомейни.

Только теперь положение в Армении и Азербайджане начинает меняться. Отменен комендантский час и выведены войска из Сумгаита. Еще раньше комендантский час был отменен в Кировабаде, где страсти также накалялись до опасного предела, и армянские семьи вынуждены были вооружаться. Возвращаются в свои дома беженцы из разных городов и районов. Активно ведется следствие по поводу трагедии в Сумгаите, и первые результаты расследования обещают обнародовать в начале апреля. Новые люди пришли к руководству в НКАО и в Сумгаите. Можно не сомневаться, что новые люди придут и к руководству в ЦК КП Армении и ЦК КП Азербайджана. Можно, конечно, понять растерянность и осторожность тех московских руководителей, которые, вероятно, только в феврале 1988 г. узнали о существовании Нагорно-Карабахской автономной области и ее нелегких проблем. Но нельзя понять, ни тем более оправдать растерянность и недостойное поведение нынешних руководителей Армении и Азербайджана и их ближайшего окружения.

Восстанавливается в Закавказье порядок, но не прежний образ мыслей. Народ Армении и Азербайджана обрел в эти дни немалый новый опыт, получил важные уроки, в том числе и в отношении своих официальных и неофициальных лидеров. Нагорный Карабах остался в составе Азербайджана, но было бы опрометчиво заявлять, что это положение сохранится навсегда, «ибо земля у нас везде советская». События, подобно тем, которые происходили на наших глазах в Армении и Азербайджане, сохраняются в национальном сознании и памяти. Что касается армянского населения Нагорного Карабаха, то для народа здесь нормальная во всех

отношениях жизнь и работа станет только тогда, когда ясное и недвусмысленное волеизъявление народа этой небольшой горной области будет воплощено в жизнь фактически и юридически.

РОЙ МЕДВЕДЕВ

Опубликовано в газете «Лос-Анжелес таймс»,
апрель 1988 г.

ЗА СПОКОЙСТВИЕ И МУДРОСТЬ!

21 марта 1988 года я направил письмо Генеральному секретарю ЦК КПСС М. С. Горбачеву, в котором изложил свою точку зрения по двум острым национальным проблемам: о возвращении крымских татар в Крым и о воссоединении Нагорного Карабаха с Арменией. Я призывал и призываю к решениям, основанным на спокойном, и по возможности, беспристрастном учете интересов каждого из народов нашей страны.

24 марта опубликовано Постановление Президиума Верховного Совета СССР о положении в Нагорном Карабахе. Однако в этом Постановлении не высказано отношение к решению областного Совета народных депутатов Нагорного Карабаха, я надеюсь, что это еще не последнее слово Верховного Совета и его Президиума.

Мне представляется необходимым в соответствии с Конституцией СССР рассмотреть ходатайство областного Совета народных депутатов Нагорного Карабаха в Верховном Совете Азербайджана и Верховном Совете Армении. В случае разногласия арбитражное решение должен вынести Верховный Совет СССР.

В эти тяжелые дни я обращаюсь с просьбой и призывом к народам Азербайджана и Армении полностью исключить насилие.

Было бы величайшей трагедией, если бы ответом на уже совершенные чудовищные преступления стали новые преступления.

АНДРЕЙ САХАРОВ, академик

«Московские новости», № 14,
3 апреля 1988 г.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Считаю необходимым привести упомянутое письмо А. Д. Сахарова, а также дополнение к нему, которое, как может убедиться читатель, было опубликовано в «Московских новостях» с одним существенно изменившим его смысл сокращением.

Открытие письма М. С. Горбачеву

Глубокоуважаемый Михаил Сергеевич!

Я решил обратиться к Вам по двум наиболее острым в настоящее время национальным вопросам: о возвращении крымских татар в Крым и о воссоединении Нагорного Карабаха и Армении. В каждом из этих случаев речь идет об исправлении несправедливости в отношении к одному из народов нашей страны. Автономная национальная область Нагорный Карабах была присоединена к Азербайджанской ССР в 1923 г. В настоящее время примерно 75% населения составляют армяне, остальные — курды, русские, азербайджанцы. В 1923 г. доля армян была еще выше — до 90%. Исторически вся область Нагорный Карабах (Арцах) являлась частью Восточной Армении. Можно предполагать, что присоединение Нагорного Карабаха к Азербайджану было произведено по инициативе Сталина. В результате внутренних и внешнеполитических комбинаций того времени, вопреки воле населения Карабаха и вопреки предыдущим заявлениям Сталина и руководства Азербайджана, на протяжении последующих десятилетий оно явилось постоянным источником межнациональных трений. Вплоть до самого последнего времени имеют место многочисленные факты национальной дискриминации, диктата, ущемления армянской культуры.

В обстановке перестройки у армянского населения Карабаха возникла надежда на конституционное решение вопроса. 20-го февраля на сессии областного Совета депутатов было принято решение о ходатайстве перед Верховными Советами Азербайджана, СССР о передаче области в состав Армянской ССР. Ранее аналогичные решения были приняты на сессиях четырех из пяти районных советов депутатов. Решения районных и областного советов были поддержаны многотысячными мирными демонстрациями в области и в Армении. Несомненно, во всем этом

проявились новые демократические возможности, связанные с перестройкой. Однако дальнейшее развитие событий не было благоприятным. Вместо нормального конституционного рассмотрения ходатайства органов Советской власти начались маневры и уговоры, обращенные преимущественно к армянам. Одновременно появились сообщения в прессе и по телевидению, в которых события излагались неполно и односторонне, а законные просьбы армянского населения объявлялись экстремистскими, и заранее как бы предопределялся негативный ответ.

К сожалению, приходится констатировать, что уже не в первый раз в обострившейся ситуации гласность оказывается подавленной как раз тогда, когда она особенно нужна. Все это не могло не вызвать соответствующей реакции. В Ереване, в Нагорном Карабахе и в других местах произошли забастовки и новые демонстрации, которые носили законный мирный характер. Но в Азербайджане в последние дни февраля произошли события совсем другого рода: трагические, кровавые, вольно или невольно напоминаящие 1915 год.

Я думаю, что события в Азербайджане, как и волнения 1986 г. в Алма-Ате, спровоцированы и, быть может, организованы силами местной антиперестроечной мафии в ее арьергардной борьбе. Так или иначе, перестройке брошен вызов. Я надеюсь, что руководство страны, Политбюро, ЦК КПСС, Верховный Совет найдут способ — соответствующий ситуации: решительный, демократический и конституционный.

Поднятые в этом письме проблемы стали пробным камнем перестройки, ее способности преодолеть сопротивление и груз прошлого. Нельзя вновь на десятилетия откладывать справедливое и неизбежное решение этих вопросов и оставлять в стране постоянные зоны напряжения.

С глубоким уважением.

Академик **АНДРЕЙ САХАРОВ.**

21 марта 1988 г.

Дополнение

Это письмо передано Генеральному секретарю 21 марта. Я считаю важным сделать к нему следующее до-

полнение. Я призываю к решениям, основанным на спокойном и по возможности беспристрастном учете интересов каждого из народов нашей страны. Мне представляется необходимым в соответствии с Конституцией СССР рассмотреть ходатайство Областного совета народных депутатов Нагорного Карабаха в Верховном Совете Азербайджанской ССР и в Верховном Совете Армянской ССР. В случае разногласия арбитражное решение должен вынести Верховный Совет СССР. Я призываю Верховные Советы Азербайджана, Армении и СССР учесть ясно выраженную волю большинства населения автономной области и областного совета как главное основание для принятия конституционного решения.

В эти тяжелые дни я обращаюсь с просьбой и призывом к народам Азербайджана и Армении полностью исключить насилие. Было бы величайшей трагедией, если бы ответом на уже совершенные чудовищные преступления стали бы новые.

24 марта опубликовано постановление Президиума Верховного Совета СССР о положении в Нагорном Карабахе. Однако в этом постановлении не высказано отношение к решению областного Совета. Я надеюсь, что это еще не последнее слово Верховного Совета СССР и его Президиума.

АНДРЕЙ САХАРОВ

(Письмо в «Огонек»)

В 9-м номере «Огонька» за этот год была опубликована хорошая карикатура — бюрократ, грозящий пальцем, и надпись «гласНОсть!» Карикатура вполне злободневная. Как в старые добрые времена, о событиях за рубежом мы знаем куда больше, чем о проблемах своей собственной страны. К примеру, о том, что творится в Палестине, можно узнать в любое время, стоит только включить телевизор или радио. А по поводу событий в Азербайджане и Армении слышим самые общие фразы о «необходимости больше уделять внимание вопросам национальных отношений» и о том, что «обстановка там нормализуется» (после чего?)

В программе «Время» 9 марта вся информация о событиях в Сумгаите заключалась в словах «случилось то, что случилось» и «негативные явления». Прекрасный урок для дипломатов — говорить 10 минут и не сообщить буквально ничего! Впрочем, таких «дипломатов» у нас на телевидении больше, чем нужно. Особенно изощренно умеют обходить острые углы наши участники телемостов, Прямо бери любого и посылай хоть в Штаты, хоть в Китай. Не подкачают! В последнем телемосте «Москва—Лондон» наши дорогие соотечественники, по-видимому, слегка увлеклись и забыли, что телевизор смотрят не только англичане. Интересно, где живут у нас эти люди, у которых все есть, которые отлично одеты, не любят ходить по магазинам и никогда не стоят в очередях, которые всегда и во всем согласны, вдумчиво обсуждая свое будущее? Странно. Не знаю, как подбирают этих участников телемостов, но впечатление они подчас производят убогое.

Я считаю, что демонстрируя образцы такой гласности, наше телевидение проявляет элементарное неуважение к своему народу. Игнорируется право каждого человека получать своевременную и полную информацию о том, что происходит не только в Новой Зеландии, но и в своей собственной стране.

С. ГОРЯЧЕВ, геофизик
Мурманск

«Огонек», № 18 (3171) 30
апреля—7 мая 1988.

НАГОРНЫЙ КАРАБАХ — СУМГАИТ

Полуночная программа Эстонского радио

27. 05 23⁰⁰ — 28. 05 00³⁰

Диктор: В течение десятилетий национальные вопросы в нашей стране замалчивались, оставались в пренебрежении. В ходе нынешней демократизации все искусственно подавлявшиеся проблемы неизбежно встают на повестку дня, нередко в очень острой форме. От успешного разрешения национальных проблем во многом за-

висит судьба всего процесса демократизации. Нельзя закрывать глаза на то, что люди и инстанции, которым не по душе происходящее обновление нашего общества, могут специально разжигать недоверие между народами, даже провоцировать столкновения. Поэтому Сумгаит — это не просто очередной трагический эпизод в истории армянского народа, это набат, который призван предупредить нас всех, разбудить нашу совесть.

В задачу этой передачи не входит всесторонний анализ событий — выявление всех их причин, обстоятельств и следствий. В еще меньшей мере мы можем взять на себя право судить народы. Нашей основной целью является солидарность с жертвами — с людьми, на долю которых выпали нечеловеческие страдания без малейшей вины с их стороны. В конце апреля в Закавказье был научный сотрудник Института кибернетики **Михаил Лотман**. Он рассказывает о своих впечатлениях об армяно-азербайджанском конфликте и его исторической перспективе. Армянские шараканы читает **Лембит Петерсон**.

М. Л. Не имея ни малейшей предвзятости или антипатии по отношению к азербайджанцам, поневоле склоняюсь к передаче этих событий так, как их видели и чувствовали армяне, ибо, согласно общечеловеческому принципу, сначала нужно выслушать пострадавшую сторону. До сих пор, к сожалению, этим пренебрегали. Передача эта не была бы возможна, если бы не помощь людей — армян, грузин, азербайджанцев, русских, — с которыми мне удалось общаться в конце апреля в Армении и Грузии. Всем им я глубоко признателен.

Музыка (М. Маштоц. Гимн)

Шаракан. В буквальном переводе означает «ряд жемчужин». Шаракан — это средневековое армянское духовное песнопение или стихотворение. Создателем этого жанра считается св. Месроп Маштоц (V в.); он же создатель армянского алфавита. Шараканы слагались до XV века. Самыми плодотворными были V—VII вв. («золотой век»). Следует отметить, что территория современной Армянской ССР — лишь малая часть той местности, которую армяне населяли на протяжении веков

и где в ходе исторического развития у них складывались различные типы разноименных государственных образований. Так, во II в. до н. э. сложилась так называемая Великая Армения, границы которой простирались от Каспийского до Средиземного моря. После распада Великой Армении возник целый ряд более мелких царств, например, Киликийское в Западной Армении, в Восточной Армении — в числе прочих — Албанское. Их жители называли себя по имени государств — киликийцами, албанцами и т. п., хотя этнически они были в основном армянами. Территория Албании включала в себя всю территорию Нагорного Карабаха. В Великой Армении эта территория составляла провинцию Арцах.

В начале IV в., точнее в 301 г., Армения приняла христианство; через несколько десятилетий христианство было принято и в Албании. Христианство в Армении имеет довольно экзотическую форму: это наследие монофизитской ереси, возникшей в Византии и вытесненной оттуда на периферию христианского мира (Армения, Северная Африка). Различие между армянами и албанцами было чисто политическим — ни этническим, ни культурным, ни языковым¹. В отличие от ортодоксального православия или католичества, монофизиты считают Христа лишь Богом, а не человеком. Поэтому и дистанция, отделяющая Бога от человека, здесь большая. Одной из основных тем шараканов является безусловная греховность человека, лишаящая его всякой надежды на спасение; единственное, что может его спасти — это Божья милость.

Музыка (дудук)

Л. П.: Согрешил я Тебе, Господи — очисти меня. Все согрешили, творили беззаконие, не соблюдали Твоих Заповедей: согрешили мы Тебе, Господи — очисти нас. Отложи, Господи, гнев твой, пусть мимо идет ярость Твоя: согрешили мы Тебе, Господи — очисти нас.

(дудук).

М. Л.: Перенесемся теперь совсем в другой ареал. Значительную часть Евразии занимает так называемая великая степь, простирающаяся от Восточной Европы до

Тихого океана. Населяли ее многочисленные племена скотоводов-кочевников; во времена, когда сочных пастбищ было достаточно, племена эти были в основном миролюбивыми. Однако периодически в великой степи происходили экологические катастрофы — засухи, в результате которых эти народы устремлялись в поисках новых пастбищ и завоевания их. Около 1000 лет назад в великой степи начался очередной засушливый период. Как известно, в эпицентре новой волны в эмиграции народов оказались монголы, которые теснили и «толкали» перед собой другие племена и народы. Среди них были и прототюрки — предки нынешних турок, азербайджанцев и других тюркских народов. Их прародина находилась в бассейне реки Енисей и где до сих пор сохранились уникальные рунические надписи прототюрков. Пройдя через Среднюю Азию, где уже за несколько веков до этого утвердилось тюркское влияние, тюркские племена устремились на запад, в Малую Азию. По пути часть из них вторглась в Закавказье. Это произошло во II-ой половине XI века. Огузы (называемые также по имени правящей династии сельджуками) завоевали большую территорию Закавказья и обосновались на территории нынешнего Азербайджана. Этногенез азербайджанского народа начался в XI в. и продолжался пару столетий. Уже в XIII в. почти все жители Азербайджана, а там наряду с тюркским были также и иранский и мн. др. этнических элементов, в своей обиходной речи пользовались тюркским языком, хотя языком литературы и культуры оставался иранский язык — фарси. Ситуация, когда народ говорит на другом языке, обычна в средневековом обществе, однако в Азербайджане это иногда приводит к доходящим чуть ли не до курьеза проблемам культурного наследия. Так, великого поэта Низами и мн. др. поэтов, живших на территории Азербайджана, но писавших на фарси и ориентировавшихся на персидскую культуру, считают своими классиками как азербайджанцы (тюрки), так и таджики (иранцы). В эстонской советской энциклопедии Низами назван лишь персидским поэтом. Вообще следует отметить, что само понятие «азербайджанская литература» обладает известной проблематичностью. Так, в столь авторитетном источнике как «Принстонская энциклопедия по поэзии и поэтике», вообще отсутствует статья

«Азербайджанская поэзия», хотя мы найдем там, к примеру, такие статьи, как «Эстонская», «Латышская», «Литовская», разумеется «Армянская» и «Грузинская поэзия». Все то, что мы считаем азербайджанской поэзией, разделено между иранской и турецкой литературой. После османского завоевания Византии почти вся территория Армении оказалась под турецким игом. Армения все более разделилась на две части: Западную и Восточную. Вся Западная Армения оказалась под властью Турции; последнее западноармянское государство — Киликийское царство прекратило свое существование в XIV в. В то время как Восточная Армения в своей культурной ориентации была связана с сохранением культурного наследия и национальной традиции, Западная Армения во все большей мере ориентировалась на европейскую культуру. Армянские колонисты жили во многих странах Европы; большая колония армян, например, в Венеции, где была основана и первая армянская типография. В 20-х гг. XIX в. Закавказье было присоединено к Российской империи, причем большая часть азербайджанцев осталась жить в Иране, а большая часть армян — в Турции. Если мы взглянем на проблему Нагорного Карабаха в историческом аспекте, то мы увидим, что значительная часть нынешних трудностей берет начало в административном членении царской России: область Нагорного Карабаха вошла в состав Елизаветпольской губернии, где большинство населения составляли азербайджанцы. Границы между губерниями проводились совершенно произвольно: руководствовались при этом размером территории и количеством населения, но не этническим составом этого населения. Это должно быть нам хорошо понятно: ср. границу между Эстляндской и Лифляндской губерниями. К счастью, эстонцам и латышам впоследствии удалось эту границу передвинуть так, что сейчас эстонцы живут в своих этнических и исторических пределах.

Когда в XIX в. Оттоманская империя начала ослабевать как в политическом и военном, так и в экономическом отношении, поработанные народы начали поднимать голову; восстали греки, сербы и др.; в 70-х годах восстали и армяне. Турецкие власти ответили политикой геноцида. Живущим на Балканах славянским народам оказала поддержку царская Россия, грекам помогли

англичане и др. Армянам же, жившим в глубине турецкой территории, пришлось вести борьбу в одиночку. В 70-х гг. начались массовые убийства армян Западной Армении. Европейская общественность ответила протестами и давлением на свои правительства, в результате чего в Берлине была подписана конвенция, согласно которой Турция должна была гарантировать права армян на национальное развитие. Однако договор этот остался клочком бумаги, и в 95-м г. по Западной Армении прокатилась еще более кровавая волна геноцида: в течение короткого времени было убито 200—300 тыс. человек. Вся прогрессивная Европа ответила протестами. Вот что, например, заявил Анатолий Франс:

Л. П.: Выступление на собрании в защиту Армении и Македонии
18. III. 1903.

Граждане, по приказу кровавого султана убито 300 000 армян. От вершин Тавра до склонов Арарата живет этот осиротевший народ с ножом, приставленным к горлу. В Македонии, в нескольких часах езды от Будапешта и Вены турецкие солдаты и чиновники убивают крестьян, жен и дочерей которых насилюют. Европа должна бороться против этих позорящих ее преступлений. К этому обязывает ее человечество; Берлинский договор дает ей на это полное право. (...)

Неужели султан, предавший Армению и Македонию произволу головорезов, не рисковал протестом со стороны великих держав? Его покровители — Германия, Англия и Франция — говорят ему: «Ты можешь убивать, если только ты нам заплатишь!» Если верить хитрецам, есть два сорта политики. Осторожная политика и наша. Мы же говорим, что перед лицом таких преступлений возможна лишь одна политика: общечеловеческая. Утверждают, что нам не хватает скромности и осторожности. Нет, если мы предвидим резню, которая через несколько дней потопит в крови Македонию; когда мы кричим каждому, кто нас слушает, что турецкий меч все еще угрожающе занесен над Арменией, то нам не недостает ни осторожности, ни мудрости. Осторожность не может заключаться в отрицании или замалчивании резни. Подлым молчанием оправдывать преступления —

это не осторожность. Трусовость не является мудростью. Что за мудрость в молчании, если кровь жертв вопиет? Только наша политика мудра, потому что она искренна и откровенна, кривые пути приводят лишь к неожиданностям и опасностям. Лишь наша политика миролюбива, ибо она основана на чувствах цивилизованных народов, а народ везде ненавидит войну. Граждане, сочувствуя судьбе армян и македонцев не потому, что они христиане, а потому, что они люди, требуем их спасения и во имя укрепления всеобщего мира неукоснительного выполнения частей Берлинского договора, касающихся Армении и Македонии.

М. Л.: Протесты охватили и Российскую империю, включая и Эстонию. Как отметил профессор ТГУ Сергей Исаков: «Скорбная судьба далекого армянского народа была близка эстонцам еще и потому, что она ассоциировалась в их сознании с тяжелым положением самих эстонцев под игом чужеземных поработителей. Интерес к национально-освободительному движению сближал эстонских и армянских писателей» («Кеель я киряндус», 1982, № 12).

Еще более чудовищный акт геноцида был осуществлен в 1915 г., когда было убито около 1,5 млн. чел. Практически это означало истребление всего западно-армянского населения. Из Стамбула было вывезено в пустыню и там убито ок. 200 000 чел. В Стамбуле было арестовано 10 000 армян-интеллигентов и все они были уничтожены.

Отголоски политики геноцида, проводимой в Турции, имели место и в Российской империи, где также проживало много турков. В 1907-1908 гг. происходили кровавые столкновения; во многих городах и деревнях армянское население было практически ликвидировано. Одно из последних таких побоищ имело место как раз в Нагорном Карабахе, где в марте 20-го года войска мусаватистского Азербайджана совместно с турками уничтожили столицу Нагорного Карабаха Шушу. Ок. 40 000 чел. было убито. Цитирую статью «С позиции правды» из газеты «Советский Карабах» от 15 марта с. г. (авт. член СЖ СССР Г. Айвазян): «Помню март 1920 г. В то время мне было 10 лет. Мой родной город Шуша за несколько дней был сожжен, день и ночь языки пламени лизали стены домов, поднимаясь до неба. Тысячи невин-

ных людей, в том числе женщины, дети, старики, были зверски убиты. Губернатор мусаватистского правительства Султанов воодушевлял, подзадоривал преступников: убивайте, уничтожайте, отвечать буду я.

(...) Серго Орджоникидзе, будучи в Шуше, стал очевидцем событий: «Этот красивый армянский город был уничтожен; в колодцах я видел трупы женщин, детей», — вспоминал он позднее.

Через 10 лет в Шуше был великий русский поэт Осип Мандельштам. В 30-ом г. Шуша был по-прежнему мертвый город, вид которого произвел на поэта самое удручающее впечатление. В одном из его стихотворений встречаем такие строки: «Так, в Нагорном Карабахе, В хищном городе Шуше, Я изведаль эти страхи, Соприродные душе. Сорок тысяч мертвых окон Там глядит со всех сторон...» Мервый город пробудил врожденные страхи, спрятанные у человека далеко в подсознании. Позже город стал заселяться мигрантами из Азербайджана; армян в Шуше не прописывают до сих пор...

1 декабря 1920 г. была установлена советская власть в Армении; в Азербайджане советская власть уже была установлена. Одним из первых шагов, предпринятых Советским Азербайджаном, был отказ в пользу Армении от тех армянских территорий, которые достались ему в наследство от царизма. В последнее время много говорится о различиях в ленинской и сталинской национальных политиках. В судьбе Нагорного Карабаха это отличие прослеживается довольно отчетливо. Ленин с самого начала поддерживал идею возвращения Армении спорных территорий. Так, в музее Ленина в Москве каждый может видеть карту, где рукой Ленина написано: «Нахичеван, Зангезур и Нагорный Карабах — Армении»². Любопытно отметить, что вначале был за это и Сталин. Так, в статье «Да здравствует Советская Армения», напечатанной в «Правде» 4. XII. 20 г. он писал:

«Ни лживые заверения Англии, «Вековой защитницы» армянских интересов... ни широкообещательные обещания Лиги наций с ее «мандатом» на управление Арменией — не смогли (и не могли!) спасти Армению от резни и физического истребления. Только идея Советской власти принесла Армении мир и возможность национального обновления... 1 декабря Советский Азербайджан добро-

вольно отказывается от спорных провинций и декларирует передачу Советской Армении Зангезура, Нахичевана и Нагорного Карабаха. (...) Вековая вражда между Арменией и окружающими ее мусульманами решилась одним ударом, путем установления братской солидарности между трудящимися Армении, Турции, Азербайджана.

Пусть знают все, кому вестать подлежит, что так называемую армянскую «проблему», над которой тщетно ломали голову старые волки империалистической дипломатии, оказалась в силах разрешить только Советская власть. Да здравствует Советская Армения».

Однако очень скоро руководство Азербайджана изменило своему решению и стало требовать назад Нагорный Карабах. Нарком Азербайджана Нариманов мотивировал это тем, что в противном случае в Азербайджане поднимут голову антисоветские элементы. Позицию Нариманова поддержал Сталин, хотя остальные члены Кавбюро (Орджоникидзе, Киров и др.) голосовали против этого предложения. Сталину удалось без голосования решить спор в пользу Азербайджана. Дополнительным аргументом Нариманова стала нефть: от бакинской нефти зависела вся экономика страны.

Одновременно с этим Турция оккупировала ряд восточноармянских провинций (Карсскую обл. и др.); на территории Турции до сих пор оказывается национальный символ армян — Арарат. Турция требовала общей границы с Азербайджаном в результате чего (опять-таки не без помощи Сталина) Нахичеван был передан Азербайджану, причем в советско-турецком договоре Нахичеван рассматривается в качестве азербайджанского протектората. На нашем политическом языке он автономная республика, для турок — протекторат.

После смерти Сталина жители Нагорного Карабаха возобновили борьбу за воссоединение с Арменией. Петиция 65-го г. собрала 45 000 подписей; попытки не прекращались и в 70-е гг., когда в Москву было послано несколько петиций, однако кульминации достиг этот процесс в начале этого года, когда все партийные и советские организации Нагорного Карабаха проголосовали за присоединение области к Армении. Почему же карабахцы не хотят жить в составе Азербайджанской ССР? Приводятся четыре ряда причин. Во-первых, демогра-

фические процессы: в конце прошлого столетия армянского населения в Нагорном Карабахе было ок. 95%, в 20-х — ок. 90%, сейчас — ок. 75%. Причем армянское население сокращается не только процентуально, но и абсолютно: сейчас армян примерно на 30 000 меньше, чем в 1926 г. Вторая причина — в политике в области культуры и просвещения. Поскольку все культурные и образовательные учреждения подчинены соответствующим ведомствам Азербайджана, национальные интересы армян дискриминированы. Школ с армянским языком обучения мало. В школах не преподается история Армении, вместо нее учащиеся должны изучать историю Азербайджана, причем последняя подается в форме, оскорбляющей национальные чувства армян, особенно же карабахцев. Следующая причина связана с охраной древностей. В Нагорном Карабахе сохранилось большое число значительных памятников архитектуры и культуры. Судьба их прискорбна. Старые церкви — некоторые из них X века — ломаются. В одной церкви устроена уборная. Старые кладбища оскверняются. Уникальные армянские хачкары (стелы с изображением креста) измельчаются в щебенку и используются для прокладки дорог. Между прочим, и в Турции уничтожается большинство памятников, связанных с армянской культурой. Наконец, последняя причина связана с экологией. Азербайджанцы — овцеводы; они заинтересованы в больших пастбищах. Для расширения площади пастбищ в горах вырубается леса. Однако в горах очень сильная эрозия почв, они постепенно превращаются в пустыни. Всякий, кто путешествовал по Закавказью, отчетливо видит разницу между горами северной Грузии, покрытыми лесом и плодовыми садами, и южной Грузии, где только песок и камни: несколько столетий назад турки вырубали там леса для расширения площади пастбищ. Сейчас этих пастбищ больше нет.

Карабахцы хорошо помнят судьбу Нахичевана, где сейчас армян практически не осталось. После ряда массовых преследований начала века в 20-х гг. там оставалось немногим более трети армянского населения; в 26-м г. ими составляло уже лишь 11%, а в 1970-х — 1,4%; сейчас менее 1%.

Требования карабахцев поддержали жители Армении, особенно Еревана. В феврале там начались массовые

митинги и демонстрации, достигшие своей кульминации 25 и 26. II. В отдельные моменты число демонстрантов достигало 1 200 000 человек. Это были крупнейшие демонстрации в истории СССР. Демонстрации эти были мирными, требования, выдвигаемые манифестантами, находятся в полном соответствии с конституцией нашей страны. Ереванские демонстрации продолжались почти десять дней, но в течение всего этого времени в столице Арм. ССР не было совершено ни одно преступление, ни одно сколько-нибудь серьезное нарушение общественного порядка. Когда демонстранты затоптали клумбу, то после окончания демонстрации добровольцы ее восстановили; даже ереванские воры решили в эти дни воздержаться от воровства... В магазины Армении и Нагорного Карабаха была в больших количествах завезена водка, но население ее практически не покупало. Следует также подчеркнуть, что ереванские демонстрации не были направлены ни против одного народа, в том числе азербайджанского. Манифесты специально указывали, что азербайджанский народ не несет ответственности за преступления сталинского режима, направленные против целых народов.

О ереванских демонстрациях известно довольно широко; гораздо меньше — о проходивших в Тбилиси демонстрациях в поддержку требований жителей Нагорного Карабаха, в которых участвовали и грузины. Позже я беседовал с грузинскими учеными. Я спросил у одного из участников этих демонстраций, была ли их цель только поддержка армян. Не только, ответил он: в Азербайджане есть целый ряд грузинских поселений, жители которых подвергаются, как он сказал, «белому геноциду». Это значит: делается все для того, чтобы народ прекратил на данной территории свое существование, не прибегая, однако, к кровавым деяниям.

В Ереване армяне поддержали и курды, что, по моему, особенно знаменательно, поскольку курды — мусульмане (как азербайджанцы), а не христиане (как армяне). Тем не менее, они ходатайствуют о присоединении районов их проживания в Азербайджане к Армении: в Армении у курдов есть возможность получать образование на родном языке, имеется курдская газета и т. п., во время как в Азербайджане ничего этого нет. Более того, в Аз. ССР — курды дискриминируемый народ. Цитирую

письмо курдов Генеральному секретарю КПСС: «... пробудившийся в сталинские времена пантюркизм действовал тайно, маскируясь знаменем марксизма-ленинизма. И сегодня официально отрицается существование в Азербайджане компактного курдского населения, фальсифицируется перепись, постоянно занижается численность курдов. Нет курдских писателей, артистов, художников, работников советского и партийного аппаратов. Для того, чтобы занять ответственную должность, для курда непременным условием является в паспорте отметка об азербайджанской национальности. Разве можно назвать это равенством и братством? (...) Вновь и вновь мы просим, требуем удовлетворить просьбу курдского населения Азербайджана, отнестись с уважением к нашему ходатайству и ввести граничащие с Арменией (курдские) районы в состав Армянской ССР и спасти их от белого геноцида, который был начат азербайджанскими властями в 1929 году и продолжается до сих пор. Перестройка и демократизация для курдского народа начинаются с коренного пересмотра судьбы и положения курдского населения Азербайджана».

26. 2. Генеральный секретарь КПСС Горбачев обратился к азербайджанскому и армянскому народам. В ответ на его призыв 27. 02. армяне прекратили демонстрации. 27. 02. была суббота, но жители Еревана вышли на работу; работали они и в воскресенье 28. 02. В субботу 27. 02. в Сумгаите и некоторых других городах Азербайджана начались погромы³.

Музыка

Сумгаитские события освещались недостаточно и крайне неясно. Большинство сообщений подавалось нам в соответствии с худшими традициями застойных времен. Как написал один из читателей «Огонька», они могут побить все рекорды туманности формулировок. В качестве примера он приводит такие выдержки, как «когда случилось то, что случилось» и т. п. В статье «Тревожные дни» («Собеседник», № 15, апр. 1988), например, сказано: «Что последовало дальше, всем известно», однако авторы забыли указать, откуда это известно. Тем не менее, некоторая правдивая информация

содержится и в этой публикации. Например, там сказано, что 26 марта в Армении было 2669 сумгаитских беженцев. Примерно ту же цифру дает «Правда» от 11 мая, где сказано, что сейчас в Сумгаите пустоет около 1200 рабочих мест. Приведу небольшую цитату из «Собеседника»: «Директор пансионата «Шушан», где размещены беженцы из Сумгаита, Р. Сафарян рассказал нам, что многие приезжие, по мнению врачей, страдают нервно-психическими расстройствами; один из прибывших умер от инфаркта». И далее: «В блокнотах и на магнитофонной пленке другие исповеди: там приемы зверств, насилия, мародерства — просто не верится, что все это могло случиться на нашей земле» (с. 12). Однако, что же именно содержится в этих «исповедях», авторы не сообщают. По-моему, ужасные страдания, выпавшие на долю этих людей, заслуживают по крайней мере того, чтобы мы их наконец выслушали. Хочу обратить внимание на то, что даже так жестоко пострадавшие люди не переносят свой гнев на азербайджанский народ и сердечно признательны всем азербайджанцам, которые помогли им в беде. И еще одно предварительное замечание: я прошу всех родителей, чьи дети в этот поздний час еще не спят, отослать их от радио: мы должны эти вещи знать, психику детей следует щадить.

Музыка

Л. П.: Говорит Юрий Ишханян, бригадир-электромонтер: 27 числа это началось. Днем на площади был митинг, приехал Сеидов (Председатель Совета министров Аз. ССР). У них были лозунги: «Долой армян из Сумгаита», «Хотим крови армян», «Эрмени—эрмиви» (смерть армянам). И вот руководители горкома партии и республики — все они были на трибуне. Вечером первый секретарь горкома Муслим-заде впереди этой шайки встал, ему дали плакат. Пошли по городу. Останавливали машины. Если машина с армянским номером, то невзирая на то, что там азербайджанцы, они эту машину сжигали. А если армянин, значит, и убивали, и машину сжигали. Разгромили автовокзал. Армян вытаскивали из автобусов и убивали. О том, что было 28-го, рассказывать страшно. Начали они с 3-го микрорайона, основная

часть армян там живет. Там ни одной квартиры не оставили. У меня там брат живет, они в последнюю секунду убежали через балкон. Без денег, почти голые... 29-го мой русский товарищ пришел узнать, что с нами. Пришел и взрослый мужчина, начал плакать: людей с балкона бросают, в 3-м микрорайоне на улице Мира девочку за волосы вытащили на балкон и сбросили с 5 этажа... 29-го убили наших родственников, которые жили в 41-м квартале. Его звали Согомон Мелкумян — он очень известный специалист в Сумгаите, даже председатель горисполкома его друг. Он, видать, надеялся, что его не тронут. Убили его, двух сыновей, дочку, жену. Только невестку с ребенком успели передать через балкон (эта невестка — моя племянница). Над дочкой Согомона издевались на улице: раздели, потом облили бензином и заживо сожгли... а его жену ранили дома, она выбежала на улицу и лежит раненая, а их мальчишки кричат «добивайте ее!» и стали палками бить, пока не убили... а нашего зятя — его звали Эдик Мелкумян — сожгли на костре... Племянница плакала: ничего от Эдика не осталось, один пепел... Трупы хоронили по всему Апшерону. Наших, например, похоронили в 70 км от Сумгаита. Никого на похороны не пустили, только племянница была и другая невестка... В нашем доме три армянские семьи были, их всех перерезали...

М. Л.: Я живу в Сумгаите. Вот что я своими глазами видел... видел. Немец таких вещей не делал. Своими глазами видел, как дома сжигали, женщину убивали, девушку бросили в огонь... Я не могу говорить, просто знайте, таких случаев было много... Целыми семьями вырезали... всех... молодую девушку... да еще как... Даже грудных детей голыми выкидывали... Простите меня, не могу. Многого мог сказать, не могу (плачет). Это все я сам видел. В нашем квартале все армянские дома испортили — 100%. В 3-м микрорайоне. В 8-м. Представьте: в нашем квартале я один живой остался... Я подготовился: взял бензин, кислоту. С топором вышел к двери, встал... трижды подходили, чтобы напасть... испугались, не подошли... закричали «дальше, дальше» и ушли. Из 2000 только мы целы остались...

(дудук)

Л. П.: О святой Стефан! Ты, который просил прощения толпе, метавшей в тебя камнями, моли ныне Сидящего одесную Отца также за нас, твоих поклонников. Ты, первый из свидетелей, который удостоился принять мученический венец, будь заступником нашим перед Венчающим святыми.

(дудук)

Л. П.: Говорит Рузанна Авакян, секретарь-машинистка: 28 февраля мама пришла с работы и стала нервно срывать с двери табличку «Авакян». Мы говорим: «Зачем ты срываешь? Стыдно ведь: соседи подумают, что мы испугались». А мать отвечает: «Вы не знаете того, что я видела: в 3-м микрорайоне в квартиры врываются... на троллейбусной остановке я увидела убитую молодую женщину, а ее ребенка—грудному ребенку—завязали веревку на шею и тащили за собой...» В 6 часов вечера эти бандиты приехали на грузовике... пошли в соседний дом, поднялись на 4-й этаж, но там уже никого не было. Они выбросили оттуда все вещи и подожгли их... Потом поднялись на 5-й этаж, там тоже жили армяне... Девушку раздели догола, я своими глазами видела, как ее вывели... Мать и брата избили в подъезде... Девушку вывели догола раздетую. Она просила по-азербайджански: «Братцы мои! не надо, пожалейте меня...» Они говорят: «Какие мы тебе братья, сволочь!» Ее стали избивать, увели в чайхану... издевались над ней... насильовали ее... обливали горячим чаем... потом стали сигаретами прижигать... От соседей мы узнали, что она сошла с ума. Сейчас она в больнице. Зовут ее Галья.

Еще я знаю: в 4-м микрорайоне в 16-м доме с балкона сбросили ребенка. Над матерью хотели издеваться, но она с дикой силой оттолкнула этих людей и крикнула, уже стоя на перилах: «Я иду за своим ребенком, но не дамся вам» и бросилась вниз. Оба погибли... ее мужа не было в городе... Ребенку было 3 года, матери — 24.

Наш сосед-азербайджанец, который нас спас—его зовут Гюльмамед Мамедов—рассказывал, что нашему первому секретарю горкома партии Муслиму-заде дали в руки зеленый мусульманский флаг и он шел с этим флагом впереди. Сосед сказал: перед Муслимом-заде перевернули машину, там была одна азербайджанка, 2-3 армянки и шофер-армянин, Машину подожгли... Азербай-

джанка просит: «Я азербайджанка, меня не убивайте», а они: «Что ты, азербайджанка, делаешь в армянской машине». Машину подожгли, а Муслим-заде даже не отвернулся: на его глазах так убивали людей.

(дудук)

Л. П.: Блаженные святые младенцы, как мужественные поборники, приняли смерть за Сына Божия. Трупы святых младенцев, как цветы гранатового дерева, побитые градом, лежали в святом Вифлееме; а души их, как стадо голубей, взлетели на небо и были причислены к небесным ангелам.

(дудук)

М. Л.: Говорит Жора Тамразян: ... 27 февраля день рождения двоюродного брата моей жены. Наши пошли его поздравить, я не пошел. Потом вижу на улице толпа 500—600 человек с криками. Вышел на балкон. Наверху один азербайджанец живет, он говорит: «Жора, иди к нам, вдруг и тебя придут убивать». «Нет», говорю, быстро выбежал, сел в такси, поехал к семье. Еду, вижу на площади Ленина митинг, напротив горкома партии. Сказал таксисту: «Стой, я выхожу». Вышел, вижу красивая женщина, красиво, по-современному одетая, ведет митинг. Это была второй секретарь горкома Байрамова. Потом (после погрома) нас, партийных, собрали на сессию горкома. Один парень встал и сказал: «Я сам слышал, как во время митинга вы призывали к крови армян». Я сказал: «Правильно, я тоже это видел». I-ый и II-ый секретари Сумгаитского горкома не отрицали этого. I-ый секретарь Муслим-заде сказал: «Я не понимал, что я делаю, куда иду, но я взял флаг в руки и пошел, а бандиты за мной. Только тогда, когда я увидел, как сжигали машину, я понял, что поступаю неправильно, иду не по линии партии. До этого не понимал, что делаю». Что еще рассказать,—рядом с нами в 41 квартале жену и мужа убили, двух девушек убили, двух парней убили. У моего друга 17-летнюю дочь убили, после чего сделали армянский крест, облили бензином и всех сожгли... До резни у нас с азербайджанцами были очень хорошие отношения. Я никак не мог предви-

деть, что такое может случиться. Я даже породнился с ними: «кирвой» у них был, кумом то есть. Жили дружно, как одна семья. Мы сами не понимаем, как все это могло произойти. Некоторые азербайджанцы сами говорят: «Ненавидим мы этих своих, лучше б они не жили в этом мире».

(дудук)

Л. П.: Голоса с небес наполнили земли; ибо вы, как запах благоухания, распространились перед Христом; вы принесли себя как посвященные Богу. Телесная, блестящая ваша красота обезумила царя и изумленных язычников; бодрые же духи при виде дивной богоданной красоты дев ликовали с людьми.

(дудук)

Л. П.: Говорит Раиса Даллакян, учительница иностранных языков... после погрома мы были в клубе. Подошла моя ученица (она кончила 10-ый класс). Имени ее я не называю—стыдно. Подошла в одеяле, лица не видно. Я обняла, поцеловала ее руки, спрашиваю, что случилось?... Она была в шоковом состоянии... все рассказала... Она очень красивая девушка... Ворвались к ней домой и 17 человек ее изнасиловали. Между собой спорили, кто первый... Первым стал один сорокалетний, за ним другие. Из них 7-х она знала—они из микрорайона. Нельзя передать, в каком она состоянии. Она распахнула одеяло—смотрите. На ее теле выжжен папиросами крест. Мне стало плохо, начала плакать... муж тоже заплакал, все, кто там были, заплакали. Она пошла в больницу. Врач ей сказал: ничего с тобой не сделали, уходи: ты сбманыраешь. Ваши парни наших девушек сделали, а наши—вас (это врач сказал)... Ее сестру тоже изнасиловали. Ее мать и отец рядом стояли, отец хотел помешать, его так избивали, что он не мог встать, мать тоже свалили... Только самая младшая сестра успела выскочить и спаслась... Другая моя ученица—Рузанна Адамян, тоже ее в клуб привезли. Ее отца и деда убили⁴. Так на улице и остались лежать... Что я еще видела? Видела, как человека сожгли—он в нашем

доме на 10-м этаже жил. Он в машине был, машину подожгли—он хотел выйти, его не выпустили. Десять сожженных машин я своими глазами видела... И такое впечатление, что все это было сверху организовано. Три дня людей убивали... Потом нас в клубе собрали. Там солдаты дважды ловили азербайджанских подростков, которые хотели поджечь нас. У них были бутылки с бензином...

М. Л.: Одна женщина не назвала своего имени, т. к. ее брат в Москве занимает, как она сказала, высокий ответственный пост.

...У моей двоюродной сестры мужа сожгли. Он служил в Афганистане два года—ни одного ранения не получил, а у себя дома его порезали на кусочки и сожгли во дворе. Брата его убили, сестру, мать, отца... всю семью... Мой старший мальчик (он во втором классе) начал думать: почему нас убивают? почему мы армяне? почему нас убивают, а русских не убивают? Он даже говорит моей маме: «Бабуль, давай будем русскими, чтобы нас не убивали». Ночью просыпается, спрашивает: бабуль, там еще убивают? машина еще горит? Он ведь весь этот ужас видел... Вообще наше горе невозможно описать... Убили близкого друга мужа Арама Арамяна (мой мальчик в честь его назван Арамом). Отца его убили, брат пытался убежать—ему подставили ногу... потом сожгли. Его бедная мать только по ногам узнала, что это Артур Арамян...

(Музыка)

Л. П.: Ужасен день кончины и страшен день суда—в тот день страшного суда не отринь, не презри купленных ценою Твоей крови—во втором Твоем пришествии приди мне на помощь. Я увидел страшный суд твой, о Судия, и ужаснулся; ибо он застал меня не готовым, о Царь веков—во втором Твоем пришествии приди мне на помощь.

(Музыка)

М. Л.: Таких показаний можно было бы привести еще много. Отметим еще некоторые обстоятельства. Практически все беженцы из Сумгаита утверждают, что за не-

которое время до начала в Сумгаите, а также в некоторых других городах Азербайджана (например, к Кировабаде), была проведена перепись армянского населения, причем списки — не знаю случайно или нет — попали в руки бандитов, которые приходили по конкретным адресам искать конкретных людей. Другое обстоятельство: 27. 02 во многих квартирах армян был отключен телефон; у соседей — азербайджанцев — телефон работал, у армян — нет. Далее, за несколько дней до начала событий в Сумгаите на самосвалах были привезены камни и свалены на улицу. В одном из сумгаитских заводов организована заточка железных прутьев, которыми, как и топорами, орудовали бандиты...

Когда мы думаем об этих кошмарных событиях, мы не можем обойти стороной и роль средств массовой информации в их развитии. Азербайджанцам постоянно давалась ложная информация о том, что происходит в Армении: им внушались чувства недоверия и опасности. Просмотр русскоязычной азербайджанской прессы показывает, что вплоть до 27. 02 она полна угроз и оскорблений в адрес армян: они названы экстремистами, подонками, подлецами... Однако еще более противно мне было читать газеты, вышедшие после 27. 02: ни слова об убийствах, зато очень много громких слов об интернационализме и братстве народов... Встречается также немало намеков и прямых заявлений на тему, что вся проблема Нагорного Карабаха — не что иное, как провокация, устроенная армянскими эмигрантами. В наиболее яркой форме этой темы коснулась телевизионная передача «Публицист» (8 марта), где ситуация в Армении сравнивалась с Прибалтикой. Как нечто само собой разумеющееся, утверждалось, что это национальное движение целиком инспирировано эмигрантами. Академик АН Азербайджана Немазова точно знает, что эстонское национальное движение направляют и финансируют эстонские эмигранты из Швеции. Она даже указала точную цифру 3 500 000 марок. То, что в Швеции денежной единицей является крона, ее несколько не смущает. Все это показывает лишь уровень самих авторов таких передач и статей, соответствие их слов и дел.

Мы слышали, как соседи-азербайджанцы спасали своих соседей и друзей; многие из них сами погибли за то, что прятали армян, но мы не можем не пройти и ми-

мо того, как поведла себя в этой ситуации по крайней мере часть азербайджанской интеллигенции. Так, известный и в Эстонии писатель Анар, писатель безусловно талантливый, к творчеству которого я испытываю уважение, в ряде своих выступлений заявлял, что азербайджанцев хотят вытеснить в море, отняв у них Нагорный Карабах, что азербайджанцы как народ в опасности. Передо мной потрясающий документ, полученный в сумгаитские дни АН Арм. ССР. Зачитываю телеграмму:

ПРЕЗИДЕНТУ АН АРМ. ССР В. А. АМБАРЦУМЯНУ

Взываем к вашей совести. Третий раз за неполные сто лет армяне являются зачинщиками жестоких столкновений между братскими народами. Обратитесь к вашей интеллигенции, остановите бесчинства ваших сограждан. Как можно требовать земли соседа?! Азербайджан — не пирог, от которого можно отрезать лакомый кусок. Если не вы, то кто остановит разбушевавшуюся толпу, это ведь на руку только зарубежным армянам-экстремистам. Наш интернациональный долг — предупредить об этом вас.

Сотрудники АН Азерб. ССР 240 подписей

Это значит, что боины конца века и геноцид 1915 г. устроены армянами, а не их братским турецким народом. Самые шовинистические заявления в последнее время обязательно содержат выражения типа «братство народов», «интернациональный долг», «дружба народов» и т. п. Как было сказано в письме курдов: пантюркизм в данном случае очень успешно прикрывается марксизмом-ленинизмом.

Что же дальше? Различные инстанции нас заверили, что ничего подобного в Сумгаите больше не произойдет, но голословными обещаниями проблему не решить. Очаги напряжения подавлены, но они сохраняются.

В последнее время наше государство предприняло ряд очень смелых шагов в области внешней политики и достигло многообещающих результатов. Аналогичный прорыв должен быть сделан и при решении национальных проблем нашего государства. Здесь нужно поистине

новое мышление. Настоящий интернационализм и братство не могут быть воздвигнуты на фундаменте из лжи и несправедливости.

(Музыка)

Дикт.: В течение десятилетий национальные вопросы в нашей стране замалчивались, находились в пренебрежении. В ходе нынешней демократизации все искусственно подавлявшиеся проблемы неизбежно встают на повестку дня, нередко в очень острой форме. От успеха решения национальных проблем во многом зависит судьба всего процесса демократизации. Нельзя закрывать глаза и на то, что люди и инстанции, которым не по душе происходящее обновление нашего общества, могут специально разжигать недоверие между народами, даже провоцировать столкновения. Поэтому Сумгаит — не просто очередной эпизод трагической истории армянского народа, — это набат, который призван предупредить нас всех, разбудить нашу совесть.

В студии были Михаил Лотман и Лембит Петерсон.

Музыка

В заключительные минуты передачи звучит музыка Комитаса. Пару слов об авторе. Комитас (наст. имя — Согомон Согомонян) был выдающимся армянским композитором и деятелем национальной культуры. Он окончил духовную академию в Эчмиадзине и консерваторию в Берлине. С 1910 г. жил в Константинополе — Стамбуле, где стал свидетелем резни 1915 г. Ему удалось спастись, но в результате увиденного и пережитого он сошел с ума, и хотя он прожил еще 20 лет, его творческий путь окончился в 1915 г.

Музыка

Радиопередача Эстонского радио с некоторыми сокращениями была помещена в финской газете «Хелсингин саномат», 3 июня 1988 г.

ПРИМЕЧАНИЯ К РАДИОПЕРЕДАЧЕ М. ЛОТМАНА

1. Такая ситуация сложилась к раннему средневековью, тогда как ранее собственно Албания, область, находившаяся по левую сторону Куры, была населена преимущественно кавказоязычными племенами.
2. На карте подобной надписи нет, однако Нахичеван, Зангезур и Карабах на карте включены в состав Армении.
3. Волнения в Сумгаите начались 26 февраля, после состоявшегося перед зданием горкома митинга.
4. Дед Рузанны остался жив, погиб отец — Рафик Амбарцумович Товмасын, 1956 г. рождения, который вместе с тестем, Адамяном Грантом, оборонялся в квартире соседей Трдатовых в течение восьми часов. Бандиты пытались проникнуть в дверь, в пролом перегородки из соседней квартиры, с балкона верхнего этажа и, наконец, по лестнице пожарной машины, прибывшей в подкрепление.

I

НЕИЗБЕЖНОСТЬ ПЕРЕСТРОЙКИ*

Другая особо острая национальная проблема, о которой я писал, — судьба Нагорного Карабаха. Автономная национальная область Нагорный Карабах была присоединена к Азербайджанской ССР в 1923 году. В настоящее время примерно 75% населения области составляют армяне, остальные 25% — азербайджанцы, русские и курды. В 1923 г. доля армян была еще выше — до 90%. Исторически вся область Нагорный Карабах (Арцах) являлась частью Восточной Армении. Можно предположить, что присоединение Нагорного Карабаха к Азербайджану было произведено по инициативе Сталина в результате внутренних и внешнеполитических комбинаций того времени. Присоединение было произведено вопреки воле населения Карабаха. На протяжении последующих десятилетий оно являлось постоянным источником межнациональных трений. Вплоть до самого последнего времени имели место многочисленные факты национальной дискриминации армян, диктата, ущемления национальной культуры.

В обстановке перестройки у армянского населения Карабаха возникла надежда на конституционное решение вопроса. 20 февраля 1988 года на сессии областного

Совета народных депутатов было принято решение о ходатайстве перед Верховными Советами Азербайджана, Армении и СССР о передаче области в состав Армянской ССР. Ранее аналогичные решения были приняты на сессиях четырех из пяти районных Советов народных депутатов. Решения районных и областных Советов были поддержаны многочисленными мирными демонстрациями и митингами в области и Армении. Несомненно, во всем этом проявились новые демократические возможности, связанные с перестройкой. Однако дальнейшее развитие событий не было благоприятным. Вместо нормального конституционного рассмотрения ходатайств органом Советской власти начались маневры и уговоры, обращенные преимущественно к армянам, одновременно появились сообщения в печати и телевидении, в которых события излагались нелепо и односторонне, а законные просьбы армянского населения объявлялись экстремистскими и заранее как бы предопределялся негативный ответ. К сожалению, приходится констатировать, что уже не в первый раз гласность оказывается подавленной — как раз тогда, когда она особенно нужна. Все это, естественно, не могло не вызвать соответствующей реакции. В Ереване, Нагорном Карабахе и других местах прошли новые демонстрации, забастовки и митинги, которые, однако, носили законный и мирный характер. Но в Азербайджане в последние дни февраля произошли события совсем другого рода — трагические и кровавые, вызывающие в памяти страшные картины геноцида 1915 года. Опять убийства женщин и детей, чудовищные зверства, насилие и издевательства. Я думаю, что события в Азербайджане, также как волнения 1986 г. в Алма-Ате, были спровоцированы и, быть может, организованы силами местной антиперестроечной мафии, как ее арьергардные (хотелось бы надеяться!) бои. 23 марта я написал дополнение к письму. В нем я пишу: «Мне представляется необходимым в соответствии с Конституцией СССР рассмотреть ходатайства областного Совета народных депутатов Нагорного Карабаха в Верховном Совете Армении и Верховном Совете Азербайджана: в случае разногласия арбитражное решение должен вынести Верховный Совет СССР. В эти тяжелые дни я обращаюсь с просьбой и призывом к народам Азербайджана и Армении полностью исключить насилие.» В

тот же день было опубликовано Постановление Президиума Верховного Совета СССР, в котором без упоминания о решениях областного Совета народных депутатов автономной области отвергалась возможность пересмотра территориальных границ в обстановке давления и нагнетания страстей как крайне опасное действие с непредсказуемыми последствиями. По моему мнению, к крайне опасным последствиям для процесса перестройки может привести именно игнорирование демократического волеизъявления народа, решения органа Советской власти, отступление перед шантажом антиперестроечных сил. Не случайно преступление в Сумгаите произошло тогда, когда выявились признаки неуверенности в позиции центральных властей. Я надеюсь, что Постановление от 23 марта не последнее слово Верховного Совета СССР и его Президиума по этой проблеме.

С началом перестройки на поверхность вышли многие острые проблемы, до этого существовавшие подспудно, — социальные, экономические, нравственные, культурные и, к сожалению, национальные. Они стали пробным камнем перестройки — ее способности преодолеть сопротивление и груз прошлого. Вера людей в перестройку в значительной степени зависит от того, будут ли тут дела соответствовать словам. К числу таких ключевых проблем относятся: возвращение крымских татар в Крым и воссоединение Арцаха (Нагорный Карабах) с Арменией. Нельзя вновь на десятилетия откладывать справедливое и неизбежное решение этих вопросов и оставлять в стране постоянные зоны напряжения.

А. Д. САХАРОВ

* Отрывок из статьи в кн.:
«Иного не дано, М; 1988.

КАРАБАХ

ПО МАТЕРИАЛАМ,
ПРЕДОСТАВЛЕННЫМ КОРРЕСПОНДЕНТАМИ
ИЗ АРМЕНИИ

События, произошедшие в НКАО, и дальнейший их ход нам предстоит осмысливать еще долго. Чем больше погружаешься в материалы и документы по этому вопросу, тем тяжелее свыкнуться с мыслью, что это произошло в наши дни, в нашей стране. А потом бесконечно гнетущие вопросы: «Кому это выгодно? Кому? Зачем? Чего ОНИ хотели добиться?»

Историческая справка (Нагорный Карабах в 1918—1923 гг.).

В 1918—1923 гг., когда антисоветские силы Закавказья отторгли край от Советской России, мусаватистское правительство неоднократно пыталось захватить Нагорный Карабах, Нахичеван и Зангезур. Трудовое армянское крестьянство этих областей с оружием в руках отстаивало свое право и землю от этих посягательств. 3 июня 1919 г. член Военного Совета XI Красной Армии С. М. Киров, подчеркивая несостоятельность требований мусаватистов, сообщал В. И. Ленину, что армянские области «Карабах и Зангезур не признают азербайджанского правительства». В 1918—1920 гг. власть в Нагорном Карабахе находилась в руках Армянского национального Совета.

После победы Советской власти в Азербайджане (1920 г.) Н. Нариманов, под предлогом не допустить усиления дашнакской Армении и якобы не дискредитировать Советскую власть в Азербайджане, требовал присоединить Нагорный Карабах, Нахичеван и Зангезур к Азербайджану. Эту точку зрения поддерживал и Сталин. В телеграмме на имя тов. Орджоникидзе, упрекая последнего в лавировании, он писал: «Мое мнение такое, что нужно определенно защищать одну из сторон, в данном случае Азербайджан вместе с Турцией». Н. Нариманов говорил: «Никто в мире не в состоянии помещать нам повлиять на население указанных областей высказаться за соединение с Азербайджаном». И руководство Азербайджана стало действовать гибко.

Из писем председателя Карабахского губернского ревкома Асада Караева Герусинскому уездному ревкому.

19 июля 1920 г.

«Глубоко ошибочна была ваша старая политика, т. е. занятие Карабаха и Зангезура войсками. Мы знаем, что наши войска разбиты и отступили, а сегодня вместо войска наши деньги делают чудеса. Снова и снова повторяю мой совет — не жалеть никакой суммы, увеличьте жалованье, дайте награды и все то, что они хотят. Правительство постановило для присоединения Карабаха и Зангезура к Азербайджану отпустить 200 миллионов рублей».

21 июля 1920 г.

«До сих пор еще не обезоружено 90 процентов зангезурских деревень. Это печально. Но более печально то, что до сих пор не обезглавлено зангезурское армянство. Его интеллигенция и главари, военные до сих пор остаются в деревнях... Постарайтесь, чтобы все видные и нужные армяне были арестованы... Оставьте человеколюбие. Этим нельзя создать государство, завоевать страны... В богатых войсками известных местах, с целью ослабления армии, убейте одного русского воина и обвините в этом армян. Знаете, что (с ними) сделают русские? Не оставляйте в Зангезуре ни одного порядочного человека, ни богатства, чтобы это проклятое племя (армяне) не могло больше подняться на ноги».

ЦК РКП(б) не разделял мнение тех, кто настаивал на присоединении указанных областей к Азербайджану. 24 июня 1920 г. В. И. Ленин писал Г. Чичерину: «Нельзя ли поладить миром с Наримановым?» Г. Чичерин, отвечая вождю, констатировал: «Карабах есть исконно армянская местность».

ЦК РКП(б) счел необходимым в качестве временной меры в указанных областях создать местные Советы с введением войск. В полном соответствии с линией ЦК Г. Чичерин 19 июня 1920 г. в телеграмме на имя Г. Орджоникидзе писал: «Карабах, Зангезур, Шуша, Нахичеван, Джульфа не должны присоединяться ни к Армении, ни к Азербайджану, а должны быть под российскими оккупационными войсками с созданием местных Советов, ибо другое решение сорвало бы нашу политику

мира». Претензии Нариманова на армянские земли он квалифицировал как «покровительство мусульманским тенденциям».

9 июля 1920 г. Г. Чичерин по данному же вопросу телеграфировал Г. Орджоникидзе: «Нам неоднократно заявляли, будто оставление Карабаха и Зангезура под нашей временной оккупационной властью вместо передачи их Азербайджану подрывает Советскую власть в Баку. Сообщите ясно и конкретно, в чем дело. Если дело идет о потворствовании аннексионистическим стремлениям мусульман-националистов — это плохая политика. На этом этапе пути мы будем содействовать лишь развитию националистических инстинктов... сумеем сравниться с мусаватистами, а тем самым поможем им. И если дело (в) расширении сфер Советской власти, это будет достигнуто и при российской оккупации. Если тут скрыто стремление мусаватистской ориентации, ее надо отвергать, как и противоположную».

7 июля 1920 г. под председательством В. И. Ленина Политбюро ЦК РКП(б) приняло постановление-инструкцию о политике, проводимой на Кавказе. В ней, в частности, в п. 8 работающим на Кавказе коммунистам вменялось в обязанность: разъяснять населению спорных территорий, занятых русскими войсками, что эти территории заняты нашими войсками временно с целью недопущения межнациональной резни, что вопрос о принадлежности территорий будет решаться Смешанной комиссией под председательством представителя России, «причем Смешанная комиссия будет руководствоваться этническим составом населения и его волей».

После победы Советской власти в Армении (29 ноября 1920 г.) вопрос спорных территорий решился следующим образом. Ревком Азербайджана заявил, что отказывается от этих территорий.

«Рабоче-крестьянское правительство Азербайджана, получив сообщение о провозглашении в Армении от имени восставшего крестьянства Советской Социалистической Республики, приветствует победу братского народа. С сегодняшнего дня границы между Арменией и Азербайджаном объявляются аннулированными. Нагорный Карабах, Зангезур и Нахичеван признаются составной частью Армянской Социалистической Республики. Да

здравствует братство и союз рабочих и крестьян Армении и Азербайджана!

Председатель Ревкома
Азербайджана

Н. Нариманов.

Народный Комиссар по
иностранным делам

Гусейнов.

30 ноября 1920 г.»

Такое решение было принято с глубоким одобрением. Г. К. Орджоникидзе в речи, произнесенной на торжественном заседании Бакинского Совета 1 декабря 1920 г. по поводу установления Советской власти в Армении, говорил: «Товарищи! Советский Азербайджан, выступая сегодня в лице т. Нариманова, доказал всему миру и прежде всего рабочим и крестьянам Армении, что только Советская власть способна разрешить все проклятые вопросы, связанные с межнациональной враждой, которые были здесь и которых очень много во всем мире. Очень характерно выступление т. Нариманова. Он прочел нам свою декларацию. Зангезур, Нахичеван и Карабах... в этих уездах... заключается узел так называемого армяно-мусульманского вопроса, здесь, в Закавказье, того вопроса, который стал источником ужасов... И вот сегодня глава Азербайджанской республики выходит и говорит: «Этого ужасного вопроса больше не существует...» Этот акт, прочитанный здесь, акт величайшей важности, это исторический акт, который не имел в истории человечества примера».

Декларацию Ревкома Азербайджана горячо приветствовал председатель Ревкома Армении С. Касьян. В телеграмме на имя Н. Нариманова он писал: «С чувством братского восхищения принял Военно-Революционный Комитет Социалистической Республики Армении весть об историческом акте Азербайджанского Советского правительства от 30 ноября 1920 г. о Зангезуре, Нахичеване и Нагорном Карабахе.

Акт этот послужит живым примером новых, небывалых еще в истории взаимоотношений между соседними странами, в которых власть фактически осуществляется самими трудящимися, когда руководимы не стремле-

нием к порабощению ценой крови и слез своих соседей расширить границы своих владений, а святой идеей социалистического строительства. Советские государства в один миг, легко, разрешают казавшиеся до того столь затруднительными и неразрешимыми вопросы».

Такое решение проблемы вызвало среди народа Армении невиданный политический подъем, всенародное одобрение и новую волну ненависти к дашнакам за их клевету на Советский Азербайджан и Советскую власть вообще.

Ликование народа продолжалось недолго. Позиция руководства Советского Азербайджана в отношении Нагорного Карабаха претерпела кардинальные изменения. Н. Нариманов (председатель СНК Азерб. ССР) потребовал оставить его в составе Азербайджана, заявив, что в противном случае «Совнарком слагает с себя ответственность», так как при таком исходе дел «мы восстанавливаем в Азербайджане... антисоветские группы...»

26 июня 1921 г. Г. Орджоникидзе и С. Киров телеграфировали Нариманову: «Если интересуетесь нашим мнением, то оно следующее: в интересах окончательного решения всех трений и установления истинно дружественных отношений при решении вопроса о Нагорном Карабахе необходимо руководствоваться таким принципом: ни одно армянское село не должно быть присоединено к Азербайджану, равно как ни одно мусульманское село нельзя присоединить к Армении».

4 июля 1921 г. для решения вопроса о Нагорном Карабахе созывается Кавбюро ЦК РКП(б), на котором в присутствии Сталина большинством голосов было решено Нагорный Карабах присоединить к Советской Армении.

Однако Н. Нариманов запротестовал и потребовал, чтобы окончательное решение вопроса было перенесено в ЦК РКП(б). Кавбюро так и постановило. Но это решение не было выполнено, а на следующий день было созвано новое заседание Кавбюро, которое пересмотрело предыдущее решение и вынесло угодное Н. Нариманову решение без обсуждения и голосования. В постановлении было сказано: «Исходя из необходимости национального мира между мусульманами и армянами и экономической связи верхнего и нижнего Карабаха, его постоянной связи с Азербайджаном, Нагорный Карабах

оставить в пределах Аз. ССР, представив ему широкую областную автономию с административным центром в г. Шуше, входящим в состав автономной области».

Решение от 5 июля 1921 г. было принято под давлением И. Сталина и ультимативно-угрожающего заявления Н. Нариманова. На первом съезде КП Армении (26—29 января 1922 г.) А. Мясникян, отвечая на вопросы, почему Нагорный Карабах не был присоединен к Армении, сказал: «Если характеризовать заседание Кавбюро, то как будто там сидел Агаронян, Топчибашев и Чхенкели. Так, Азербайджан говорил, что если Армения потребует Карабах, то не отпустим керосину».

Таким образом, решением пленума Кавбюро ЦК РКП(б) от 5 июля 1921 г. нагорная часть Карабаха, населенная армянами и являющаяся исконной армянской землей, была искусственно отрезана от Армении, а территориальное разграничение, проведенное в 1923 г. при образовании области было проведено таким образом, чтобы Нагорный Карабах не имел общей границы с Армянской ССР, хотя он непосредственно примыкает к ее территории. От Нагорного Карабаха также был оторван ряд земель, ранее входивших в его состав. Таким образом, выходит, что мир между мусульманами и армянами достигался лишь при условии передачи Нагорного Карабаха (в те годы армяне составляли 95 процентов от населения области) Азербайджану.

Нахичеванская провинция также была частью Армении как в древности, так и в средние века, вплоть до присоединения восточно-армянских земель к России. С 1829 г. она вошла в состав Армянской области, а затем в Ереванскую губернию и являлась одним из политических и культурных центров Армении.

Правовой основой для создания Нахичеванской АССР в составе Азербайджанской ССР явился договор, заключенный между Россией и кемалистской Турцией 16 марта 1921 г. в Москве. Турция, не удовлетворившись отторжением от Армении Карсской области и Сурмалинского уезда, настойчиво требовала, чтобы Нахичеванская область также была отделена от Советской Армении.

В своем стремлении о включении в состав Азербайджана Нахичеванской области Турция спекулировала не только благоприятной для себя внешнеполитической обстановкой, но и помощью отдельных азербайджанских

коммунистов. В их числе был член Ревкома Азербайджана Б. Шахтагинский, который после известной декларации Ревкома от 30 ноября 1920 г., находясь в Нахичеване, заявил, что он против этой декларации. Уполномоченный XI Красной Армии в Нахичеване Велибеков впоследствии писал, что Б. Шахтагинский заявлял, что Ревком Азербайджана предал интересы Нахичевана, декларировав его передачу Армении. Б. Шахтагинский призывал нахичеванских мусульман ориентироваться на Турцию: «Теперь взирайте на турок, они ваше единственное спасение. Крепко держитесь за них». И голос азербайджанских националистов дошел до Турции, представители которой потребовали присоединить Нахичеван к Азербайджану. Турция и азербайджанские националисты добились своего.

В третьей статье упомянутого договора говорится: «Обе договаривающиеся стороны согласны, чтобы Нахичеванская область в границах, указанных в приложении 1 (с) настоящего договора, образует автономную территорию под протекторатом Азербайджана при условии, что Азербайджан не уступит сего протектората третьему государству».

Это требование было новым проявлением антиармянской политики Турции, продолжавшейся после установления в Армении Советской власти.

После включения Нагорного Карабаха в состав Азербайджанской ССР начинается отток его армянского населения. Так, за 1926—1979 гг. численность армян возросла всего на 10,2 процента, тогда как численность азербайджанцев, при вполне сравнительных темпах естественного прироста, возросла почти в 3 раза. И если в 1923 г. доля армян в Нагорном Карабахе составляла 94,4 процента общей численности населения, то по переписи 1979 — 75,9. Год за годом ущемлялись национальные права армян: запрещен преподавание в школах НКАО истории армянского народа, ограниченное поступление литературы и учебных пособий на армянском языке, усложнение каких-либо культурных связей с Арм. ССР.

В 1918—1920 гг. армянское население Нахичевана и других мест современного Азербайджана (Баку, Шуша и др.) подверглось массовой резне со стороны турецких оккупантов и мусаватистских банд. Спасшимся от резни

1918—1921 гг. и покинувшим свои родные края нахичеванским армянам впоследствии было запрещено вернуться обратно. 24 июля 1922 г. Председатель Совнаркома Азербайджана Мусабеков в телеграмме Совнаркому Армении сообщал, что по решению ЦИК Азербайджана запрещается массовое переселение населения в границы Азербайджана. И этот вопрос практически был закрыт Постановлением Нах. ЦИК от 26 апреля 1926 г. и Аз. ЦИК от 29 мая 1929 г., несмотря на непрерывный поток жалоб-заявлений беженцев-армян из Нахичевана.

По статистическим данным, в древней армянской области — Нахичеване, в 1917 г. проживало 53,9 тыс. армян (почти 40 процентов общей численности населения), в 1926 г. численность их сократилась в 5 раз, а в настоящее время там проживает лишь 1—2 тыс. армян (по данным переписи 1979 г. 3,4 тыс. — 1,4 процента всего населения). Из 44 армянских селений дореволюционного периода ныне осталось лишь 2 села.

Интересны следующие сравнения. В Ереване с 2,3 тыс. азербайджанским населением (1979 г.) имеются 2 азербайджанские школы, азербайджанский театр, азербайджанский факультет в Армпединституте им. Х. Абовяна, тогда как в Баку с более чем 200 тыс. армянским населением закрыт армянский театр, институт (АПИ), нет национального культурного центра, из 76 армянских школ Баку довоенного периода не осталось ни одной.

В течение 1987 г. почти на всех предприятиях, в учреждениях, колхозах и совхозах области состоялись собрания коллективов, принявшие решение о необходимости воссоединения НКАО с Армянской ССР. Эти решения своевременно представлены директивным органам.

В начале 1988 г. сессии Советов народных депутатов районов НКАО приняли решение о выходе области из состава Азербайджанской ССР и воссоединении с Армянской ССР.

20 февраля 1988 г. состоявшаяся в Степанакерте внеочередная сессия областного Совета народных депутатов приняла следующее решение: «Идя навстречу пожеланиям трудящихся НКАО, просить Верховный Совет Азербайджанской ССР и Верховный Совет Армянской ССР проявить чувство глубокого понимания чаяний армянского населения Нагорного Карабаха и решить во-

прос передачи НКАО из состава Азербайджанской ССР в состав Армянской ССР, одновременно ходатайствовать перед Верховным Советом Союза ССР о положительном решении вопроса передачи НКАО из состава Азербайджанской ССР в состав Армянской ССР». В поддержку решения областного совета в Степанакерте начались массовые митинги трудящихся.

После обращения сессии Совета народных депутатов НКАО трудящиеся Армении единодушно поддержали справедливое требование армянского населения Карабаха. Поддержка выразилась в решениях, принятых собраниями трудовых коллективов, в демонстрациях и митингах, которые проходили в Ереване и других городах республики с 21 февраля. Демонстрации и митинги, число участников которых все возрастало, достигнув в отдельные дни нескольких сот тысяч человек, проходили под лозунгами безусловной поддержки в стране революционной перестройки, ленинской национальной политики партии. Демонстранты несли государственные флаги СССР и Армянской ССР, портреты В. И. Ленина и Михаила Сергеевича Горбачева, транспаранты с лозунгами: «Ленин—партия—Горбачев», «За перестройку и гласность» и т. п. На состоявшихся митингах выступали видные деятели науки и культуры, рабочие, студенты, представители творческих союзов.

В течение первых трех дней многотысячных демонстраций центральные и республиканские средства массовой информации полностью игнорировали как эти демонстрации и митинги, так и сам факт созыва сессии Нагорно-Карабахского областного Совета народных депутатов и вынесения его столь важного решения. Затем информационная программа «Время» Центрального телевидения квалифицировала конституционное требование армянского населения Нагорного Карабаха как инспирированное «экстремистами» и «националистами». Такая оценка способствовала увеличению числа демонстрантов. С другой стороны, эта оценка позволила периодической печати Азербайджана («Бакинский рабочий», «Молодежь Азербайджана» и др.) развернуть кампанию против «этих подонков», «экстремистов», «националистов», «группы подстрекателей».

26 февраля по Армянскому телевидению выступил находившийся в Ереване кандидат в члены Политбюро,

Секретарь ЦК КПСС тов. В. И. Долгих, огласивший текст обращения Генерального секретаря ЦК КПСС тов. М. С. Горбачева к трудящимся, к народам Азербайджана и Армении. В частности, М. С. Горбачев призвал трудящихся обеих республик «проявить гражданскую зрелость и выдержку, вернуться к нормальной жизни и работе, соблюдать общественный порядок». Одновременно это обращение было обнародовано и в Азербайджанской ССР.

27 февраля участники митинга в Ереване приняли решение прекратить митинги, возвратиться к своим рабочим местам, ударным трудом в субботние и воскресные дни наверстать упущенное.

27—29 февраля 1988 г., г. Сумгаит.

Свидетельство. «Я, Григорян Армен Григорьевич, по специальности — сталевар, нахожусь на пенсии, свидетельствую о следующем:

В ночь с 26—27 февраля 1988 г. начались погромы азербайджанцев Карабаха на армян, живущих в г. Сумгаите. Что касается моей семьи, состоящей из жены (русской — Людмилы Викторовны, 50-ти лет), двух сыновей — Павла (1948 г. р.), Владимира (1959 г. р.) и дочери Елены (1963 г. р.), то все они были убиты вечером 27 февраля у себя дома ворвавшимися 10-ю азербайджанскими головорезами.

В это время я находился на заводе на дежурстве. Об этом несчастье мне сообщил мой сосед по дому — азербайджанец Закир, который приехал ко мне на работу и, не пустив меня посмотреть на убитых членов моей семьи, взял к себе домой. В связи с царившей хаотической обстановкой в Сумгаите меня не допросили представители следственных органов из Москвы. Прибывшие из Баку кареты скорой помощи увозили убитых армян в морги больниц Сумгаита.

3 марта я похоронил четырех членов моей семьи на сумгаитском кладбище. Кроме гробов членов моей семьи были также захоронены еще примерно 15 гробов. Это захоронение происходило в 2 часа дня, и нас охраняли солдаты. Позже опять происходили захоронения.

Мне очень тяжело обо всем этом писать, единственно считаю своим долгом сказать, что убитых было на-

много больше, примерно свыше 100 человек (что я видел и слышал от своих близких), но не 32 человека, как сообщила наша пресса. И много оказалось пропавших, о чем говорили их родственники.

Мне удалось благодаря помощи соседа Закира приехать в Москву.

Все это пишу в здравом уме.

г. Москва, 22 марта.

Григорян (подпись)¹.

Свидетельство: «Днем на площади был митинг, приехал Сендов (председатель Совета министров Аз. ССР). У них были лозунги: «Долой армян из Сумгаита», «Хотим крови армян», «Эрмени — эрмиви» (смерть армянам). И вот руководство горкома партии и республики — все они были на трибуне. Вечером первый секретарь горкома Муслим-заде впереди этой шайки встал, ему дали плакат. Пошли по городу. Останавливали машины. Если машины с армянским номером, то невзирая на то, что там азербайджанцы, они машину сжигали. А если армянин — значит убивали, а машину сжигали. Разгромили автовокзал. Армян вытаскивали из автобусов и убивали. О том, что было 28-го, рассказывать страшно. Начали они с 3-го микрорайона, основная часть армян там живет, там ни одной квартиры не оставили. У меня там брат живет, они в последнюю секунду убежали через балкон. Без денег, почти голые... 29-го мой русский товарищ пришел узнать, что с нами. Пришел, и взрослый мужчина начал плакать: людей с балкона бросают, в 3-м микрорайоне на улице Мира девочку за волосы вытащили на балкон и сбросили с 5-го этажа. 29-го убили наших родственников, которые жили в 41-м квартале. Его звали Согомон Мелкумян, даже председатель горисполкома его друг. Он, видать, надеялся, что его не тронут. Убили его, двух сыновей, дочку, жену. Только невестку с ребенком успели передать через балкон (эта невестка — моя племянница). Над дочкой Согомона издевались на улице: раздели, потом облили бензином и заживо сожгли... а его жену ранили дома, она выбежала на улицу и лежит раненая, а их мальчишки кричат «добейте ее!» и стали палками бить, пока не убили... а нашего зятя — его звали Эдик Мелкумян — сожгли на

костре. Племянница плакала: ничего от Эдика не осталось, один пепел... Трупы по всему Апшерону. Наших, например, похоронили в 70 км от Сумгаита. Никого не пустили на похороны, только племянница была и другая невестка... В нашем доме три армянских семьи было, и всех перерезали.

Свидетельство (Жора Тамразян): 27 февраля — день рождения двоюродного брата моей жены. Наши пошли его поздравить, я не пошел. Потом вижу — на улице толпа 500—600 человек с криками. Вышел на балкон. Наверху один азербайджанец живет, он говорит: «Жора, иди к нам. Вдруг и тебя придут убивать». Говорю: «Нет», быстро выбежал, сел в такси, поехал к семье. Еду, вижу, на площади Ленина митинг, напротив горкома партии. Сказал таксисту: «Стой, я выхожу». Вышел, вижу, красивая женщина, по-современному одетая, ведет митинг. Это была второй секретарь горкома Байрамова. Потом, (после погрома) нас, партийных, собрали на сессию горкома. Один парень встал и сказал: «Я сам слышал, как во время митинга вы призывали к крови армян». Я сказал: «Правильно, я тоже это видел». Первый и второй секретари Сумгаитского горкома не отрицали этого. 1-й секретарь Муслим-заде сказал: «Я не понимал, что я делаю, куда иду, но я взял флаг в руки и пошел, а бандиты за мной. Только тогда, когда я увидел, как сжигают машину, я понял, что поступаю неправильно, иду не по линии партии. До того не понимал, что делаю».

Что еще сказать... Рядом с нами в 41-м квартале жену и мужа убили, двух детишек убили, двух парней убили. У моего друга 17-летнюю дочь убили, после чего сделали армянский крест, облили бензином и всех их сожгли... До резни у нас с азербайджанцами были очень хорошие отношения. Я никак не мог предвидеть, что такое может случиться. Я даже породнился с ними: «кирвой» у них был, кумом то есть, это когда по мусульманскому обычаю маленького мальчика обрезают... Жили дружно, как одна семья. Мы сами не понимаем, как все это могло произойти. Некоторые азербайджанцы сами говорят: «Ненавидим этих своих, лучше б они не жили в этом мире».

Аванесян Альберт Манвелович 1955 г. р., г. Сумгаит, 5 кварт., ул. Дружбы, д. 19/28, кв. 1 — 28. 02. 88 г.,

убийство на улице, острая кровопотеря, ранение левого легкого и межреберной артерии, проникающие колотые-резаные раны левой половины грудной клетки. Врачебное свидетельство о смерти № 164 от 04. 03. 88 г.

Григорян Эмма Широ́вна 1930 г. р., г. Сумгаит, 3-й микрорайон, ул. Лермонтова, д. 5/2, кв. 45, пенсионерка, 29. 02. 88 г., шок от кровопотери, разрыв задней стенки влагалища с повреждением стенки прямой кишки, забрюшинная гематома, перелом 2,4 ребер справа, 10 грудного позвонка. Свидетельство о смерти № 274 от 22. 03. 88 г.

Мелкумян Согомон Маркович (Сергей среди знакомых) 1931 г. р., г. Сумгаит, 41-й квартал, д. 25, кв. 21, д. т. 4-02-25, работал в РСУ при горисполкоме бригадиром-отладчиком, 29. 02. 88 г., ожоги тела, открытая черепно-мозговая травма. Свидетельство о смерти № 267 от 22. 03. 88 г.

Мелкумян Раиса Арсеновна 1934 г. р., г. Сумгаит, работала в РСУ при горисполкоме, 29. 02. 88 г. убийство на улице, острая кровопотеря, рана головы, рубленая рана свода черепа, прободная рана прямой кишки с кровотечением, переломом пятого ребра справа, ссадины и кровоподтеки тела. Свидетельство о смерти № 371 от 22. 03. 88 г.

И так далее... Кровавые следы отставания своих прав на территорию или ...?

До погрома в Сумгаите, по многочисленным свидетельствам, была проведена перепись населения (армянского), бандиты, шли по конкретным адресам. Камни и железные прутья, которыми орудовали, были развезены по городу накануне, причем прутья изготовлялись централизованно на заводе.

И почему же так опоздали войска? А после всего этого ужаса постоянное передергивание в прессе, начиная с центральных газет? Неужели есть какие-то высшие соображения, которых нам не понять?

Нет, мы не понимаем все, даже то, что не говорят. Сумгаит — еще один результат предыдущей политики, результат закономерный. Мы сегодня платим за преступ-

ные сговоры вчерашних вершителей судеб народных. В Сумгаите было так. А как будет у нас или у вас?

Сознание народное пробуждается, пробуждается осознание своей силы. Карабах, как колокол — будит и зовет.

В. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО

1915 г. (геноцид армян турками)

Над чем ваш дикий смех, слепое осуждение
И злая ненависть? Как будто в вражий стан
Попали мы на казнь и поношенье...
О, если б летопись кровавую армян
Могли бы вы узнать!

И славны, и могучи
Когда-то были мы. На рубежах родных
Дружины смелые сбиралися, как тучи
В громах и молниях, на стражу прав святых.
В Армении цвела великая свобода,
Благословенный труд счастливых деревень.
В руинах царственных погибшего народа
Вам не понять его тоскующую тень.
У наших алтарей не ваши ли молитвы?
Не тот же ли у вас животворящий крест?
Мы вместе с вами шли в огонь священной битвы
За общую судьбу одних и тех же мест.
Да, правда, мало нас! И меньше с каждым годом
Становится армян... Осмеивайте их!
Но вы ведь тешитесь над жертвенным народом,
Распятым, как Христос, на рубежах своих.
Мы на Голгофу шли с восторженной любовью,
И в темные века боролись мы одни.
Могли бы напоить мы ад своею кровью
И погасить его багровые огни.
А унижения мучительного плена?
А пытки и позор, а горе и боязнь?
О, нас спасло бы всех предательство, измена,
Но мы — мы выбрали апостольскую казнь.
Надгробный слышен плач над братской и великой
Могилою армян, и погребальный звон...
Стыдитесь! Жалок смех вражды и злобы дикой
В благословенный час народных похорон.

1. Президиум Верховного Совета СССР, рассмотрев просьбу Верховного Совета Армянской ССР от 15 июня 1988 г. о переходе Нагорно-Карабахской автономной области в состав Армянской ССР в связи с ходатайством Совета Народных депутатов НКАО и решением Верховного Совета Азербайджанской ССР от 17 июня 1988 г. о неприемлемости передачи Нагорно-Карабахской автономной области в состав Армянской ССР, считает невозможным изменение границ и установленного на конституционной основе национально-территориального деления Азербайджанской ССР и Армянской ССР...

Для исправления сложившегося в Нагорном Карабахе положения и устранения серьезных недостатков постановками ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР намечены крупные меры по обеспечению дальнейшего развития экономики, культуры, повышения благосостояния трудящихся Нагорного Карабаха по укреплению социалистической законности и общественного порядка, усиления воспитания населения Азербайджанской ССР и Армянской ССР...

2. ...Считать целесообразным поручить изучение связанных с этим вопросов, поставленных на заседании Президиума Верховного Совета СССР, специально создаваемой комиссии Совета Национальностей, которая будет по мере готовности вносить свои предложения на рассмотрение Президиума Верховного Совета СССР.

(Из постановления Президиума Верховного совета СССР от 18 июля 1988 г.).

...События, происшедшие в НКАО, и дальнейший их ход нам предстоит осмысливать...

«Мастерская»

Информационно-пропагандистский
листок Таллинского центра молодежной инициативы и Таллинского

ГК ЛКСМЭ

Октябрь, 1988 г.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Относительно показаний Григоряна существуют неясности, поэтому считаем нужным привести разъяснения Грайра Улубаяна, данные им на пресс-конференции и опубликованные в кн.: «Сумгаит... Геноцид... Гласность?», Ер., 1989, с. 62—63:

«В средствах массовой информации в августе 1988 г. по каналам ТАСС было распространено интервью с зам. Генерального прокурора СССР Катусевым «Сумгаит: прокуратура продолжает следствие». Катусев писал: «Совсем недавно в следственную группу поступило письмо жителя Армении Г. Б. Улубаяна, к которому он приложил заявление гражданина А. Г. Григоряна, проживающего в Сумгаите. В заявлении сообщалось о гибели во время массовых беспорядков его жены и троих детей. В связи с этим обстоятельством А. Г. Григорян 4 июля пояснил следователю Прокуратуры СССР дословно следующее: «...Все мы живы: я, моя жена, сын Павел и дочь Елена. Сына Владимира у меня никогда не было. По поводу того, что якобы погибла моя жена и дети, я никогда никому не заявлял и в связи с этим в Москву не ездил. Мне предъявлена копия свидетельства, написанная от моего имени. Но подпись не моя, я так не расписываюсь. Сведения, которые приводятся в этом заявлении, являются вымышленными».

Как было на самом деле? В следственную группу Прокуратуры СССР я не обращался. Во время одного из митингов мне передали упомянутое свидетельство Григоряна. Я переслал его в прокуратуру Арм. ССР с просьбой проверить правильность этого свидетельства. Через несколько месяцев появилось в «Известиях» вышеупомянутое интервью.

Катусев представляет дело так, будто я сам его сочинил, я же просто просил проверить.

Есть и другие неясности. Во-первых, Григорян был в Москве. В Москве, в постпредстве Армении, есть заявление того же А. Г. Григоряна, где он пишет, что пять членов семьи его погибли в Сумгаите, а он просит оказать ему денежную помощь, чтобы доехать до Еревана.

В расходном ордере от 22 марта значится, что ему было выделено 80 руб.

Во всех трех документах указаны одни и те же паспортные данные, тот же адрес. Проверка в паспортном столе показала, что эти данные верны. Подпись и в свидетельстве, и в документах постпредства, одна и та же. Кто направил Григоряна в Москву и заявил, пока не выяснено. Но ясно, что либо Катусев, либо Григорян лжет».

ТУЧА В ГОРАХ

Это случилось в середине семидесятых. Я возвращался к себе в редакцию на Ленинградское радио, где тогда работал. На многолюдной и шумной из-за обилия овощных лотков Малой Садовой (здесь всегда что-то «давали») я обратил внимание на молодого человека, явно иностранца. Он шел вдоль громадной очереди, кажется, за дынями. Элегантно одетый, загорелый, с ослепительной улыбкой, он так кричаще диссонировал с хмуро-озабоченными лицами из очереди, что я невольно любовался им. Потом заметил: иностранец не один. В нескольких метрах от меня стоял его спутник с кинокамерой на плече. Он снимал — я это отчетливо видел — вовсе не своего товарища, а очередь: уставших после работы людей с сумками, портфелями, даже с детскими колясками, обреченных на долгое и унижающее стояние. Мною вдруг овладело чувство, какое бывает у человека, которого хотят бесцеремонно надуть в его собственном доме. И тут я допустил поступок, неожиданный прежде всего для меня самого. Проходя мимо человека с кинокамерой, я несильно, но явно преднамеренно, толкнул его плечом. Снимающий с досадой и испугом обернулся. Мы встретились взглядами: он все понял. Съемка прекратилась. Но на нас уже обратили внимание люди из очереди. Ближние к нам сбились в кучу, начался возмущенный галдеж. Кто-то даже шлепнул иностранца по спине газетой... А я, зачинщик, поспешно ретировался, испытывая противоречивые чувства. Но очень скоро об этом случае забыл...

И только теперь, спустя много лет, я снова вспомнил его. Мне было неловко и тогда. Я понимал, что допустил бестактность, даже грубость по отношению к гостю нашей страны, который не нарушил ни одного из наших законов. Но только сейчас понял и другое: я и люди из очереди оказались в плену эмоций, далеких от истинного чувства национальной гордости. И те, двое, едва не стали жертвой этих эмоций. Винить-то надо было не их, а устроителей очередей и нашу собственную притерпелость к ним.

Я возвращался из Закавказья весной 88-го с тревогой и беспокойством на душе. Позади месяц команди-

ровок в Армению и Азербайджан, встречи со многими людьми. По сути, они были нескончаемым интервью на одну тему. Я узнал десятки новых деталей, штрихов, дополняющих «события в Нагорном Карабахе и вокруг него». Но они тонули в океане противоречивых мнений и полярно противоположных эмоций.

С чего начать? Как и о чем писать? Волновало и другое. Есть ли у меня право писать, оценивать события? Не давала покоя печальная улыбка женщины-экскурсовода Ереванского эстетического центра, ее слова «Есть вещи, о которых не принято говорить. Вам никогда не понять до конца всего, что произошло. Для этого надо родиться на Кавказе и быть армянином». В самом деле, не покажусь ли я тем самым иностранцем, о котором писал Пушкин: «Я, конечно, презираю отечество мое с головы до ног — но мне досадно, если иностранец разделяет со мною это чувство». Но — какой же я иностранец! Разве закавказские республики не часть моей родины? Разве мало у меня друзей-единомышленников в Грузии, Азербайджане, Армении, обретенных за добрый десяток лет журналистской работы? А до журналистики был спорт. За многие годы в профессиональном футболе я исколесил нашу страну вдоль и поперек. Не раз приезжал и в Армению, и в Азербайджан. И каждый визит дарил много друзей. Даже братьев по очень трудному, порой — жестокому, но любимому делу.

Спорт по сути своей интернационален. У нас нередко бывали стычки в игре, выходящие за рамки правил, но национализмом здесь и не пахло. Не могу в связи с этим не вспомнить давнишний матч в Кировабаде. Судья откровенно подсуживал хозяевам, и это ожесточало нас. Меня особенно раздражал капитан кировабадцев — центральный защитник. Этот невысокий рыжий азербайджанец в первом тайме забил нам гол, неожиданно подключившись в атаку, а во втором вообще перешел в нападение. Признаюсь, я играл против него грубо, очень грубо. Но он словно не замечал моих толчков и ударов. Только в самом конце, видимо, устав от моей «копеки», он сказал: «Послушай, друг, оставь меня в покое. Я не думаю забивать вам еще». — «Что же ты делаешь в нашей штрафной?» Он объяснил. Оказалось, в первом тайме у него вывалился золотой мост и теперь его, бедола-

гу, словно магнитом тянуло к тому месту, где он упал. После игры я остался с ним на поле, и мы долго искали злосчастный мост. А потом, обнявшись, пошли в раздевалку...

И теперь, сидя за пишущей машинкой, я вижу этого парня. Вспоминаю ереванца Саркиса Овивяна, бакинца Фуата Таги-заде — друзей своей юности, и как бы слышу и их немую просьбу, высказанную мне много раз в последней командировке на Кавказ: «Напиши обо всем, что видел и слышал. Только всю правду».

Я приехал в Степанакерт в конце апреля. Небольшой, чистый, уютный город радовал свежей листвой топей. С окраинных садов плыл тонкий аромат цветущих абрикосов, кизила, сливы. Но было по-осеннему прохладно, моросил мелкий дождь. Над городом нависли тяжелые тучи. Лишь изредка показывалось солнце, освещая изумительные по красоте альпийские луга окрестных гор.

Казалось, город жил нормальной, размеренной жизнью. Но чувствовалось в людях то суровое единение, которое бывает после трудных испытаний, когда все обыденное, житейское не просто отходит на второй план, но как бы вовсе перестает существовать. Стоило заговорить с любым человеком и сразу обнаружилась неутраченная боль, вызванная трагедией минувшего февраля, когда кровавым эхом вдруг отозвались самые страшные страницы истории армянского народа, канувшие в Лету, казалось, навсегда. Но главное, не утихли опасения, что Сумгаит может повториться: он ведь не был непредсказуемым, как стихийное бедствие, как извержение вулкана или селевой поток, хотя очень напоминал разгул стихии.

Армян сейчас прежде всего волнует правда о Сумгаите. Азербайджанцев — события, которые этому предшествовали, то есть события в Степанакерте. Теперь-то мы знаем, чем были вызваны эти события, об этом уже писали все газеты: запущенностью социально-экономических проблем, пренебрежением руководства Азербайджана к древней армянской культуре Нагорно-Карабахской автономной области. Подавляющее большинство ее жителей — армяне — стремились отстаивать свое человеческое и национальное достоинство. Чтобы представить стиль и методы руководства производственной и общественно-политической жизнью автономной области, позна-

комим читателей с теперь уже бывшим первым секретарем обкома партии Кеворковым. Вот как характеризует Кеворкова знавший его лично журналист «Комсомолки» Рафик Гусейнов: «Надменный, холодный взгляд из-под стекол очков, барские манеры. Любил заставить подождать в приемной, сам решал, куда селить гостей, приехавших в командировку в Степанакерт. Можно в гостевой дом с вышколенной прислугой, можно в номер-люкс городского отеля, а можно в комнату для приезжих в убогой районной гостинице.

...Кеворков — беспринципный руководитель, которого не беспокоило ничто, кроме собственной карьеры, — был удобен. Для начальства умел быть беспрекословным, вовремя подливал елею, «поддерживал» и «одобрял», а когда давали команду — «обличал».

Только два штриха, красноречиво демонстрирующих характер «братской» национальной политики в НКАО, осуществляемой этим руководителем-вельможей. Свою деятельность в партийной организации области он начал в 1973 году с пленума обкома по национальному вопросу, после которого в Шуше, древней столице Нагорного Карабаха, стали исчезать афиши, названия, вывески на армянском языке. Там же несколько лет назад с благословения бывших руководителей Азербайджанской ССР с помощью милиции был разрушен памятник воинам-армянам, погибшим в годы Великой Отечественной войны.

Все началось с демонстраций армянского населения в Степанакерте, затем — в Ереване. Кончилось Сумгаитом. И в этом есть своя закономерность. Самый беглый анализ решений и действий руководства НКАО и Азербайджана в феврале заставляет подумать, что людям, ответственным за жизнь сотен тысяч жителей, была либо неизвестна, либо глубоко безразлична древнейшая и горчайшая из истин — при любом обострении социальных недугов ощущение несправедливости, законное недовольство легко обретают форму национальной розни, что она же, замешанная на лживом или неумном слове, поступке, мгновенно может вылиться в кровавую распря.

В ночь на 14 февраля, когда в Степанакерте прошла первая демонстрация, на заседании бюро обкома партии зав. отделом ЦК КП Азербайджана Асадов заявил, что

«сто тысяч азербайджанцев готовы в любое время ворваться в Карабах и устроить бойню». В час ночи 15 февраля в горкоме партии первый секретарь горкома Мовсесян проинформировал об этом руководителей всех крупных предприятий, но категорически отказался послать телеграмму в ЦК КПСС, информирующую о ситуации. Телеграмма была отправлена только через четыре дня.

20 февраля, в день проведения областной сессии, на которой должен был решаться вопрос о «воссоединении НКАО с Арменией», работники ГАИ, милиция, спецслужбы МВД, добровольцы из азербайджанского населения блокировали все дороги, связывающие Степанакерт с районами, чтобы не допустить на сессию делегатов-армян из глубинки.

21 февраля республиканское радио и телевидение сообщили о том, что происходящие волнения в НКАО — дело рук отдельных экстремистских группировок.

22 февраля многотысячная толпа жителей азербайджанского города Агдам, тесня милицейские посты, громя все, что попадалось на пути, двинулось в сторону ближайшего нагорно-карабахского поселка Аскеран. В середине дня толпа была остановлена и рассеяна на подступах к поселку с помощью двадцати отрядов милиции (примерно 1000 человек). В ходе беспорядков при невыясненных обстоятельствах убито двое молодых агдамцев, ранено и доставлено в больницу около пятидесяти жителей НКАО.

В последующие дни Азербайджанское телеграфное агентство, а вслед за ним ТАСС, всесоюзное радио и ЦТ передали сообщение об убийстве двух азербайджанцев «в результате столкновения между жителями Агдама и Аскерана». Убийство это произошло при невыясненных по сию пору обстоятельствах. Несомненно, по крайней мере, что к убийству одного из них, двадцатидвухлетнего Али Гаджиева, фрезеровщика агдамского станко-строительного завода, армяне Нагорного Карабаха отношения не имеют. Вот что рассказал мне об обстоятельствах гибели Али его родной брат, двадцатидевятилетний инженер-строитель Ариф Гаджиев:

«В Али стрелял милиционер-азербайджанец. Брат умер мгновенно: выстрел был в упор, пуля прошла на-

сквозь, попала в сердце. Между ним и офицером произошел спор. Потом Али схватился за Ульви Вахрамова, своего приятеля, и сказал: «Держи меня, в меня стреляли». И упал. Ульви видел милиционера, который стрелял. Он его не знает, но он хорошо знает другого офицера — агдамского, который сразу посадил стрелявшего в машину и уехал. Недавно подполковник из Москвы Николаев сказал, что сейчас началось новое следствие. Дано объявление в газете с просьбой свидетелей убийства прийти в милицию...»

Представитель прокуратуры СССР Валерий Владимирович Василенко, временно исполняющий обязанности прокурора НКАО, согласился со мной, что информация в прессе об убийстве двух азербайджанцев в столкновении жителей Агдама и Аскерана без дополнительных пояснений была в той взрывоопасной ситуации неуместной.

Многие считают, что именно это сообщение послужило спичкой, поднесенной к пороховой бочке, которая взорвалась в Сумгаите.

Сейчас высказываются сомнения: а стоит ли рассказывать о страшной трагедии Сумгаита. «Не в традициях советской прессы разжигать страсти эмоциональными, леденящими душу рассказами о подробностях убийств, изнасилований, издевательств, погромов. В накаленной обстановке такого рода информация не принесла бы ничего, кроме вреда». («Аргументы и факты», 1988, № 16). Какая трогательная забота о нашем читателе! Живи спокойно, дорогой соотечественник. Не волнуйся и не переживай! Потому, что на всех сгоревших, утонувших, застреленных и задушенных за кордоном слез все равно не хватит. У нас же, если и случается подобное, то не иначе как ЧП. Но и здесь не спеши переживать: стражи закона и порядка всегда начеку и «ни один виновник не уйдет от ответственности». Функция рождает мышцу — говорят медики. К чему приводит отсутствие проблем и скудный паек информации для душевных переживаний, мы уже знаем — к «застою», застою, деградации личности. К новым чернобылям и сумгаитам. Какой бы страшной ни была правда, она всегда исцеляет. Потому что будит совесть, заставляет искать корни случившегося.

«В Сумгаите было страшно. Конечно, виноваты мест-

ные органы власти — советские, партийные. Бездействовала милиция...»

«Накануне погрома позвонили, дали три телефонных номера, куда звонить в случае беды, и через два часа связи не стало. И пять суток не было. Кто это сделал? Почему «Скорая помощь» и милиция не приезжали на помощь пострадавшим? Почему войска были вызваны только через двое суток?»

«Даже не пострадавшие от бандитов, но видевшие все это — теперь душевно больные. Мой брат, спасаясь 29 февраля, ночью под дождем пробежал сорок пять километров за четыре часа. Ему места в машине не нашлось: там было восемь человек. Представляете, какой страх был в нем!»

«...С флагом шли мимо нашего дома. На флаге надпись: «Смерть армянам!» У 22-й школы они соединились со школьниками. Кое-кто из школьников, правда, остался. В течение получаса группа из 40—50 человек превратилась в толпу — 5-6 тысяч. И так они по всему району ходили, крича: «Смерть армянам!» Каждую машину проверяли, в трамваях, в автобусах искали, вытаскивали...»

«В ереванском санатории я жил с человеком, который, спасаясь, прыгнул с третьего этажа. Ногу сломал, но спасся...»

«28-го вечером заехали в город. Мы на даче два дня были, ничего не знали. Сосед со мной был — азербайджанец. Я отвез его домой, в 41-й квартал, и еду к себе. Вдруг из-за поворота камни полетели. Развернуться не успел — окружили. Вытащили из машины. Один — камень к виску приложил: «Документ давай». Я по-азербайджански говорю: «А ты кто такой». — «Давай документ, посмотрим, кто ты». — «Не видишь, я азербайджанец. — без акцента говорю, а сам боюсь, что они документы вытащат из куртки. — Документа нет». Он кричит: «Давай документ!» Я говорю: «Машина чужая. Ни прав, ни техпаспорта нет». Потом его осенило: «Скажи «финды». Этим словом они армян проверяют. Я сказал. Он кричит «Еще раз!». Я кричу, он кричит. Кто-то сказал: «Не видишь, свой. Отпусти его». Потом они мне объяснили: «Наших увидишь, не бойся — три гудка давай и тихонечко подъезжай. Но документ все-таки возьми» Тому, кто меня спрашивал, лет 40—45. На всю жизнь его лицо запомнил...»

89

«...Мнацакан, инвалид Великой Отечественной войны. Его и дочку его ранили, машину разбили. Он токарем работал. Рассказывал, за несколько дней до этого заказ получил: заготовки из арматуры делать. Нарезать и затачивать. Он потом свою арматуру у погромщиков видел.»

«Мои родственники — брат Армен, Армо и его семья — жили в Сумгаите со дня его основания. Ночью к ним ворвались. Над женой брата надругались — изнасиловали — на глазах мужа и сына. Били. Она потеряла сознание. Потом убили сына ее и мужа, моего брата. Из их подъезда убили еще семь человек. Трупы покидали в кучу и сожгли. Спасибо соседу-азербайджанцу: он оттащил тело брата и сына в сторону и их потом смогли нормально похоронить.»

Продолжение этой последней истории, рассказанной Ларисой Николаевной Сухаэлян, учителем 10-й степанакертской школы, я неожиданно узнал от офицера бакинской милиции, с которым летел 3 мая из Баку в Ленинград. Юра, широколицый, крепкий русский парень, сначала уходил от разговора, скрытничал. Но когда я дал ему послушать рассказы сумгаитцев, записанные на пленку, разоткровенничался. Оказалось, Юра был все эти страшные дни в Сумгаите.

«Отца и сына Армо помню, сам хоронил. Хоронили рано утром, скрытно, под охраной автоматчиков: боялись нападения на родственников (от каждого убитого — по одному). На кладбище везли в каких-то фургончиках.»

После трех дней неделю дрожали руки. Спали по два-три часа. Работали в толпе в штатском и без «стволов» — не давали, боялись, что оружие может попасть к бандитам. Ходили в толпе. Чтобы нас не вычислили, в руке носили камень или палку. Самых отъявленных бандитов брали хитростью. Отзовешь в сторону: «Есть подходящая квартирка», заводили в тихое место и — запихивали в машину. Но мы взяли не самую крупную рыбу. Главные заводили и зачинщики всего, думаю, успели уйти.»

Услышал я от Юрия и еще одну версию поведения в начале событий в Сумгаите бывшего первого секретаря Сумгаитского горкома партии Муслима-заде. По признанию самого Муслима-заде корреспонденту «Комсомолки»,

он возглавил шествие от горкома, чтобы увести толпу к набережной. Следствию он сказал, что «шел под ножами». И вот еще одно мнение — Юрия: «Надеялся, что демонстрация будет мирной: пройдут, поугауют армян и разойдутся».

Самым трудным для меня испытанием в Степанакерте было посещение десятой средней школы, где сейчас учатся несколько ребят из Сумгаита. Завуч, Ирина Владимировна Григорян, прежде чем привести их, предупредила: «Мальчики, особенно малыши первого—третьего классов, все еще травмированы душевно: боятся оставаться одни, в классе стараются сидеть у окна, чтобы видеть дверь, и — обязательно — улицу. Не утомляйте их расспросами».

Эдгар Геворкян, 8 лет:

«Первый раз нас спас сосед-азербайджанец Мамед. Он сказал, что мы азербайджанцы, и они ушли. Но Мамед скоро ушел на работу, и они пришли снова. Стáli ломать дверь. Мы бежали через окно и спрятались у другого азербайджанца».

Вадик Балаян, 9 лет:

«В тот момент были дома я и мама. Бабушка ушла спасать своего старшего сына, папа на работе. Позвонили в три часа. Мама открыла дверь и тут же захлопнула. Они стали ломать дверь. Сломали. Зашли. «Вы — Балаяны?» Я сказал, что мы русские, квартиранты. А мама моя тоже блондинка, только крашеная. Бабушкина комната была закрыта на ключ, и они поверили, что мы снимаем у Балаянов две комнаты. Но они все равно, что могли, в доме поломали, многое забрали, остальное выбросили в окно».

Виталик Даниелян, 15 лет. Вошел, как тень, ни кровинки в лице. Говорил тихо, медленно. Он еще не знает, что от неминуемой смерти его спасла мама: когда его стали избивать, она легла на него и прикрыла своим телом. Мама и отец погибли. Вот что рассказал Виталик:

«27 февраля мы поехали в Баку к дяде на день рождения, вернулись в Сумгаит на следующий день. По дороге наш автобус остановили, стали требовать армян. Водитель и пассажиры закричали, что армян нет. Они не поверили. Заставили всех выходить. Проверяли по внешности, и мы как-то проскочили. Пришли домой.

Через несколько минут соседи прибежали. Сказали, чтобы мы спустились к ним. Когда толпа пришла, мы у них сидели. Спросили: «Есть армяне?» Им сказали: «Нет». Они ушли смотреть списки жильцов. А мы недавно переехали сюда и нашей таблички не было. Толпа ушла и мы поднялись домой. Через некоторое время позвонил товарищ с папиной работы. Он сказал, что придет к двум часам ночи, достанет машину или такси и увезет нас в Баку. Мы стали потихоньку готовиться. Но через 15-20 минут к нам зашли... Потом стали выводить... Остальное все в тумане... Простите, больше не могу говорить...»

Виталик встал и пошел к двери. Через короткие волосы были видны шрамы. Пока Виталик отдыхал, Ирина Владимировна рассказывала о сложностях работы в сегодняшней степанакертской школе: «Я преподаю в двух девярых классах. И вот в буре этих событий приходилось успокаивать, гасить эмоции ребят, направлять их чувства в нужное русло. Но мне не удавалось, потому что каждый раз после очередной статьи, где не было правды о том, что у нас происходит, я со страхом шла на урок, боясь вопросов. Сегодняшний школьник — это не тот ребенок, которому учитель может сказать: «Я так сказал, считай, что так на самом деле». Они очень эрудированы, много читают и могут аргументированно спорить. Очень трудно смотреть в глаза сумгаитскому мальчику Виталику и рассказывать об интернационализме. Мне один ученик сказал: «Ирина Владимировна, успеем — и до Толстого дойдем. И до Чехова. Какне у нас сейчас беды, какая трагедия! А вы приходите и говорите: «Путь исканий Пьера Безухова». Давайте разберемся в своих путях, а потом и до Пьера доберемся...»

Вернулся Виталик и продолжил свой рассказ:

«Они ворвались в квартиру, стали кричать, что пришли пить кровь армян. Кричали, что пришли освободить Азербайджан от армян, что следующая очередь Карабаха. На улице, куда нас вывели, кричали тоже самое. Было много людей: сто, может быть, двести. И каждый подошел и ударил. Били дубинками, арматурой, камнями, заостренными металлическими копыями от оград.

— Возраст убийц можешь сказать? Как они выглядели?

— Возраст — от 16 до 35. Все незнакомые. Одеты по-разному. Некоторые даже в галстуках. Один даже в белой рубашке и галстуке. Когда нас выводили, он на пианино играл...

Начали с меня. Я сразу потерял сознание. Раза два приходил в себя и снова терял. Не помню, сколько времени прошло, очнулся. Как-то поднялся. Попытался маму поднять, потом — папу, они еще были живы, но не смог: рука была перебита.

— А что соседи? Ведь было только девять вечера. Они же могли все это видеть.

— Многие смотрели с балконов, из окон. Это я заметил, когда нас выводили... Я попытался подняться к соседям. Несколько раз падал: ничего не видел. Стал стучаться. Нигде не открывали. На третьем этаже мне дали тряпку вытереть кровь с лица и обещали позвать «Скорую помощь». Потом проводили меня к себе. Квартира была разграблена, пол весь в стекле. Я не знал, что делать. Помыл голову горячей водой — этого делать было нельзя. Открытые раны были, в шести-семи местах, потом забылся... Утром пришли люди какие-то. Стали составлять протокол, расспрашивали, что и как. Помню, все допытывались: был ли у нас магнитофон. Потом меня уложили в «скорую помощь». Было двенадцать дней — это я хорошо помню: часы были в «скорой».

Потом узнал о папе и маме. Они пролежали до восьми утра. Их забрали уже мертвых. Видимо, истекли кровью или замерзли. Если бы сразу помогли, может быть, они и остались живы...

— Теперь, Виталик, скажи, накануне мог ли ты предположить, что такое может случиться? В школе ты это чувствовал?

— У нас в школе дружбы между азербайджанским сектором и русским — сюда входят армяне — никогда не было. К нам все время приставали: то отбирали что-то, то били. Приходилось драться, защищать себя и товарищей, которые слабые. 25-26 февраля они вели себя особенно вызывающе, нагло престо. Подходили и забирали что хотели. Даже портфели отбирали.

— А что обычно отбирали?

— Книжки, тряпки, авторучки, часы...

— Как к этому относились учителя?

— Обычно не замечали. Ну а если мы шли к ним и жаловались, они говорили, что разберутся. Иногда разбирались, иногда — нет. Все оставалось по-прежнему. Бывало, кто-нибудь из нас плохо делал, учителя тут же говорили: «Армянские выходки». Либо кричали: «Сядь на место, армянин!» Или: «Заткнись, армянин!» Или что-то в этом духе...»

Жертв, безусловно, могло быть и больше, если бы сотни азербайджанцев, рискуя жизнью своей и близких, не спасали своих соседей-армян от насильственной смерти. Отдадим должное этим мужественным людям. Скажем спасибо от всех нас. И не будем осуждать тех, кто испугался прийти на помощь. Кто из нас знает наперед, как поведет себя в минуту смертельной опасности? У каждого были свои обстоятельства. И пусть каждый сам будет себе судьей.

Меня беспокоит и волнует другое: расчетливо-спокойное отношение к событиям в Сумгаите некоторых отдельных людей. Отношение — как к неизбежной расплате за те акции, которые были начаты армянами в Степанакерте. Даже случаи изощренного изуверства не разбередили их души. Они как бы не хотят этого видеть и знать. На такую невеселую мысль навел «круглый стол» в Степанакертском педагогическом институте с участием студентов и преподавателей обеих национальностей.

Именно здесь я в полной мере ощутил, сколь напряжена еще была обстановка в Степанакерте в конце апреля, сколь накалены были страсти между армянским и азербайджанским населением НКАО и сколько проблем здесь еще ждет своего решения. Сюда меня буквально затащили студенты азербайджанского и армянского секторов — будущие историки, попросив стать своеобразным арбитром в их диалоге за «круглым столом». Разговор получился трудным, даже тяжелым, были моменты, когда я жалел, что согласился в нем участвовать. Скажу честно, кончился он всеобщим гвалтом, когда его участники, разбившись на кучки, даже пары, молотили друг друга словами-ударами, словно боксеры в ближнем бою. Но, как отметил один из его участников,

это был первый за последние два месяца разговор, в котором обе стороны высказали свою точку зрения.

«...28 апреля было торжественное собрание, посвященное Дню рождения республики. Впереди Первомай, затем — День установления Советской власти. Наш уважаемый декан доклад делал. О чем он должен был говорить в такой день? О дружбе, конечно, о нормализации учебного процесса. А что в докладе было? В первую очередь о Сумгаите. Тенденциозно, в националистическом духе. Вот почему студенты-азербайджанцы начали шуметь и мы, опытные преподаватели, возражали.

— Мы должны критиковать негативные явления всегда, где бы они ни были. Кое-кто в праздник хотел скрыть правду, показать, что у нас все здорово. Если душа болит за наше общество, дружбу, надо говорить правду. Раньше мы только кривили здравницы в честь дружбы. К чему это привело? Правда очищает. Надо с классовой позиции оценивать историю народа. Самед Вургун, Исаакян, Кулузаде, Туманян — прекрасные люди. Писатели — и армянские, и азербайджанские... Но были и нехорошие люди. В 20-е годы они себя проявили. Я всегда говорю: нет плохих народов, есть плохие люди.

— Джейхун, скажи, хоть одного азербайджанца в Степанакерте обидели? Почему же вы месяц не приходили на занятия?

— А почему вы ходили на демонстрация? Лично меня оскорбила одна армянка 22 февраля.

— А в институте тебе кто-нибудь сказал плохое?

— Нет. Но в городе...

— Надо было прийти к друзьям в институт.

— Джейхун, ты осуждаешь события в Сумгаите?

— Надо разобраться, почему это произошло.

— «Это произошло!»... Убили людей, ни в чем не повинных. Как ты к этому относишься?

— Это хулиганство на почве социально-экономических проблем. Но посмотрите, где лучше экономическое положение: в Степанакерте или в Сумгаите? «Позиция» об этом четко сказала.

— Но ты все-таки скажи, осуждаешь ты убийц в Сумгаите? Разве армяне виноваты, что азербайджанцы в Сумгаите плохо живут?

— Я всегда против убийства.

— Нет, ты конкретно скажи.

— Я там не был. Правительство Азербайджана просило вас прекратить демонстрации и выйти на работу...

— Тебя, азербайджанца, не интересует, почему мы, армяне, не можем изучать историю своего народа?

— Я об этом не думал. Я хочу знать, из-за чего произошли забастовки здесь и в Ереване. Из-за социально-экономической отсталости?

— Это не главное. Студенты Москвы не ходят в таких костюмах, как ты и я. Сейчас экономические проблемы — не главное. Нам дадут полмиллиарда рублей. Откуда их возьмут? Разве богатство нашей страны безразмерно? В «Прожекторе перестройки» говорилось, что в некоторых городах РСФСР люди годами не видят мяса. А ведь мы от них деньги не берем...

— И такой вопрос. Почему наше общежитие отдали сумгаитским армянам? Пусть они квартирантами живут. Министерство высшего образования это общежитие для нас построило.

— Правильно: когда сумгаитцы приехали, по решению облисполкома часть нового общежития отдали им. Но у нас есть старое общежитие. Его освободили для студентов. Почему вы там не хотите жить? Временно.

— Это несправедливо.

— У меня вопрос. Вы — азербайджанцы — принимаете передачу «Позиция»?

— Да.

— Значит, вы согласны с исторической справкой: Нагорный Карабах стал в 1923 году составной частью Азербайджана из-за сложностей в международном положении нашей страны?

— До двадцатого года Шуша была центром Карабаха. Почти два века тут было Карабахское ханство...

— Шуша была центром не только азербайджанским, но и армянским тоже. Мои предки из Шуши. Они погибли в 1918 году в результате резни. Тут родился дважды Герой Советского Союза Нельсон Степанян. Как вы чтите его память? Во что вы превратили памятник в парке имени 26 бакинских комиссаров? Почему в селе Ванк ваши колхозники держат баранов в христианском храме? Это исторический памятник, чудо древности!..

— У нас тоже есть мечеть, которая разваливается. В этом руководство республики виновато, а не народ.

— Когда в Сумгаите шел погром, 28-го, вечером, по азербайджанскому телевидению показывали концерт: азербайджанские песни исполняли армянские артисты. Трагедия в том, что мой коллега из армянского сектора не подошел ко мне и не сказал: «Держись, Олег! Прими соболезнования». Азербайджанский народ не имеет к этому позору никакого отношения. Трагедия в том, что азербайджанское правительство не выразило соболезнование пострадавшим, не осудило должным образом резню.

Трагедия не в количестве убитых. Главное в том, что в одной республике один народ поднял руку на другой. Англичане за три дня добрались до Фолклендских островов. Почти столько же потребовалось нашим войскам дойти до Сумгаита. Сумгаиту предшествовали события в Аскеране. Это тоже должно было стать сигналом для руководства. И последнее. Республиканские средства массовой информации занимались идеологической войной против собственного народа. И центральная пресса не была на высоте. Овчаренко в «Правде» писал: «...Ворвались в квартиры армян с целью грабежа». Разве уважающий себя журналист может допустить такое? Если мы думаем решать проблему существования наших народов, то мы прежде всего должны все факты разобрать досконально и гласно.

С первых дней стали говорить, что здесь идет межнациональный конфликт и ЦТ и пресса раз за разом стали призывать нас к порядку. Неужели нашей стране более соответствует толковать все, как межнациональный конфликт, нежели так, как это было: люди подняли вопрос о воссоединении автономной области со своей республикой?..»

Время и мудрость исцеляют душевные раны. Время помогает забыть, мудрость — лечит. Решения, которые состоятся, — дело законодателей и политиков, мудрецов и поэтов — лучших представителей народа. К чему хочется призвать мне? Дважды с разной степенью громкости прозвучало слово «покаяние». В фильме Тенгиза Абуладзе и в кратком обращении академика Дмитрия Лихачева. Совесть не является национальной категори-

ей. И поэтому я обращаюсь ко всем, кто делом, словом и помыслами может быть причастен к этой трагедии, с мольбой о покаянии.

АЛЕКСАНДР ВАСИЛЕВСКИЙ

«Аврора», 1988 г., № 10.

УРОКИ КАРАБАХСКОГО КРИЗИСА

Осознанию реальности — а следовательно, и выбору верной линии социального поведения нередко мешают мифы. Один из них, глубоко проникший не только в обыденное, но и научное сознание: кризисы — удел капитализма, при социализме их быть не может. События в государствах Восточной Европы поколебали это представление, но не перечеркнули его. И жестокие слова о предкризисной ситуации, произнесенные на Пленуме ЦК в январе 1987 года, восприняты нашим обществом, на мой взгляд, без полного осознания опасности.

Действительно, близость кризиса предопределила поворот, призванный увести наше общество от опасной грани, к которой оно приближалось до 1985 года. Но едва ли разумно считать, что перестройка будет идти по заранее выверенному графику.

Длительный период стабильности политической системы, когда единственной движущей силой исторического процесса казался календарь, а заметными вехами — торжественные государственные юбилеи и похороны, сформировал вредные стереотипы общественного сознания.

Мы все еще не приспособили свои представления к иному темпу времени, к быстрой смене декораций и действующих лиц. Мы все еще исходим из того, что в запасе — если не вечность, то изрядный срок, в течение которого можно спокойно обмениваться мнениями, постепенно расширять зоны гласности, переналаживать экономический механизм, отрабатывать систему юридических гарантий, экспериментировать с выборными процедурами, вести переговоры о разоружении, которое в перспективе даст резервы для повышения благосостояния и т. д.

Наибольшей опасностью многие сторонники перестройки считают урезанный, консервативный вариант реформы.

Я рад был бы ошибиться — поскольку постепенные преобразования часто оказываются прочнее тех, которые приходится импровизировать под давлением обстоятельств, — но боюсь, что времени на эксперименты уже не осталось. Оно не только съедено годами застоя. Оно поджимается и с другой стороны: вспыхнувшими, но еще не реализованными надеждами, которые возбудила перестройка, ожиданиями ее плодов. Недавно нам напомнили, что от чернового наброска В. И. Ленина о переходе от продразверстки к продналогу до его доклада на X съезде партии, утвердившем коренной социальной поворот, прошло всего 5 недель! («Коммунист», 1988, № 7, с. 37). Современные общественные структуры значительно более инерционны, и это чревато серьезными опасностями.

На необратимость перестройки работает сама перестройка — гласностью, раскрепощением сознания, развитием общественной активности и инициативы также и в тех заповедниках, которые неукоснительно блюла административно-командная система. Было бы, однако, опасной иллюзией считать, что единственная наша забота — сломать механизм торможения. На его основе монтируется и другой, еще более опасный механизм реставрации. Конечно, в прямом виде история никогда не повторяется, а возврата к застою или кровавому разгулу террора не хочет никто. Но изменение неустойчивого пока политического баланса — а силы реставрации всячески подталкивают вещи именно в эту сторону — может перехлестнуть намечаемые ныне ориентиры и повести к далеко идущим последствиям, ибо логика борьбы сильнее логики первоначальных человеческих намерений. Некатастрофической альтернативы последовательному проведению перестройки нет. Безопасность перестройки неразрывно связана с миром в нашем многонациональном государстве.

Карабахские события обозначили самый глубокий политический кризис в ходе самой перестройки, из которого необходимо извлечь уроки.

Самый очевидный из них: любую ситуацию легче взять под контроль до того, как она обострилась. Между тем в национальной политике уже не первый раз

обнаружилось неумение своевременно замечать нарастающие кризисной ситуации. Убеждение в том, что явления нет, пока мы его не признали, вполне соответствует стереотипам прежнего политического мышления и поведения, но необъяснимо в условиях расчета с догмами. Еще труднее объяснить бездействие в центре и на местах, когда конфликт уже вышел наружу. Ожидание, что все уладится само собой, что натиск ослабеет, когда власть возьмет свое, вело к потере, а не выигрышу времени. Ситуация в Закавказье в течение всей первой половины 1988 года быстро накалялась, и с каждым месяцем найти и провести в жизнь мирное и справедливое решение становилось все труднее.

В национальной политике, как и в других сферах, необходимо последовательно проводить основные принципы перестройки: демократизацию, ответственность, гласность. Все это предполагает нестесненное обсуждение существующих проблем, спокойное сопоставление разных точек зрения и подходов. Такого обсуждения не хватало, когда разразились карабахские события. Гласность, как справедливо заметил А. Д. Сахаров, отказывала как раз тогда, когда она всего более была нужна. Но и в последующий период, когда средства массовой информации стали уделять этим событиям значительное внимание, преобладающий подход к проблеме оставался односторонним, поскольку неизменность существующего административно-территориального разграничения утверждалась как бесспорный, исходный принцип, а не один из возможных вариантов решения. Именно это, а не подстрекательская деятельность неких «темных сил» заставляла сторону, считавшую себя ущемленной, усиливать натиск.

Не было в должной мере оценено, какую глубокую черту в развитии событий проложила трагедия Сумгаита, какой всплеск отчаяния и протеста вызвала она в сознании армянского народа, наложившись на его историческую память о геноциде 1915 года. На мой взгляд, реакция на Сумгаит вне Армении была и остается неадекватной злодеянию. События, которые накаляли эмоции, действительно не могут оставить спокойными ни ум, ни совесть. Конечно, нельзя возлагать за них ответственность на народ Азербайджана. Но азербайджанские семьи, укравшие своих армянских соседей от

погромщиков, повели себя более мужественно и достойно, чем власти, которые проявили непонятную робость в политической оценке событий, как бы опасаясь задеть чьи-то чувства.

Последовательный общегуманистический подход, казалось бы, должен был подсказать, что необходимо первым делом опубликовать поименный список жертв армянского погрома в Сумгаите. Это могло бы сразу снять спор о числе погибших, не говоря уже о том, что значение события и элементарное чувство солидарности требовали объявить общенародный траур (который, к слову сказать, начался у нас в последние годы по менее существенным поводам). Но если первую реакцию еще можно объяснить элементарной растерянностью, то нельзя понять, почему суду над участниками и организаторами массовых беспорядков и бандитизма (а не просто хулиганства) не было придано соответствующее общественное звучание, и гласность была как бы приглушена. До сих пор не дан внятный ответ и на вопрос, кто отвечает и как могло случиться, что решительные меры были приняты лишь на третий день погрома, развернувшегося рядом с азербайджанской столицей. Политическая и нравственная глухота помешала своевременно навести мост между Ереваном и Баку.

Любое прочное и справедливое решение национальных споров должно опираться на компромисс, а не «победу» одной из сторон. Важно отдавать отчет в том, что карабахский кризис поставил центральную государственную власть в нелегкое положение: к ней апеллировали обе стороны и на нее легла ответственность за сохранение порядка, за восстановление нормального ритма экономической жизни. Вместе с тем, поле возможных политических решений центра крайне ограничено; насильственное подавление народного движения за воссоединение Карабаха с Арменией (к чему не преминули бы обратиться в минувшие годы) имело бы катастрофические последствия для перестройки. Но нельзя и волюнтаристски, простым решением центра, как это случалось в прошлом, менять границы республик, пока на это не получено согласие обеих сторон. Наконец, жизненно важно предотвратить развертывание цепной реакции межнациональных споров и притязаний, способных загубить перестройку.

Время покажет, было ли решение, принятое в июле 1988 года Президиумом Верховного Совета СССР, когда противоречащие друг другу решения Верховных Советов двух соседних республик завели ситуацию в тупик, оптимальным. Но общая установка на то, что компромисс должен быть выработан на основе согласия сторон, а не навязан центром, верна. Как видятся поиски компромисса?

Хотя конфликтная ситуация создана в значительной мере дефектами прошлой экономической и социальной политики, нельзя рассчитывать, что известные решения о социально-экономическом развитии НКАО содержат будто бы все необходимые и достаточные предпосылки для урегулирования. Сама программа нуждается в политических гарантиях ее осуществления. Поиск этих гарантий — ядро проблемы. Вообще ошибочно думать, что обострившиеся межнациональные коллизии можно решить дополнительными ресурсами, направляемыми в ту или иную территорию из общесоюзного фонда. Во-первых, этот фонд не беспределен. Во-вторых, даже если национальное напряжение форсировано чувством экономической ущемленности, действительной или мнимой, снять его только средствами материального порядка нельзя, ибо национальное сознание — весьма тонкая и ранимая сфера; раз возникнув, симпатии и антипатии живут по собственным законам. Трактовать ущемленные национальные чувства как проявление национализма, как некую «форму», которая должна быть подчинена социально-экономическому «содержанию» (это сделал, например, философ, комментировавший телепередачу о Нагорном Карабахе), означает увести реальную проблему в дебри бессодержательной схоластики.

Подлинно демократический и плюралистический подход предполагает, что в обществе могут существовать различные интересы, которые сплачивают те или иные социальные группы, в особенности группы меньшинства, — в том числе и на национальной основе. Проблема возникает тогда, когда интересы одной национальной группы сталкиваются с действительными или воображаемыми интересами другой. Такие расхождения могут возникать и в социалистическом обществе, и задача заключается в том, чтобы не доводить их до антагонизма, до вражды.

В карабахском конфликте, как и в выступлениях некоторых других национальных меньшинств, привлекали внимание, а нередко и вызвали осуждение, непривычные формы социального действия в поддержку требований: многотысячные митинги, забастовки, голодовки. Эти действия, как правило, сопряжены с экономическими, социальными, политическими издержками, а некоторые нарушения общественного порядка крайне опасны и заслуживают безусловного осуждения. Но не менее опасно на этом остановиться. Ведь позиции тех, кто защищает статус-кво и выжидает, наблюдая ход событий, заведомо сильнее, чем у тех, кто добивается его изменения и выдвигает свои требования в необычных, подчас довольно острых формах. Нельзя возлагать всю ответственность за обострение лишь на одну сторону, не принимая во внимание, в какой мере другая сторона склонна к уступкам и компромиссу, а центральная власть готова сказать свое слово. Поразительно не то, что массовое движение способно порождать подобного рода эксцессы, а то, что это произошло через несколько месяцев, в течение которых взрывоопасный характер ситуации и возможность грозного развертывания неконтролируемых событий явно недооценивались.

Конечно, забастовка — крайне острое орудие, безответственное и неумеренное применение которого может повлечь тяжкие последствия. Но едва ли правомерно всю вину за нарушение экономических связей и нормального ритма жизни возлагать исключительно на забастовщиков, а тем более возбуждать против них недоброжелательство людей, изображая способ социального действия, от которого мы отвыкли, но который признан во всем цивилизованном мире как банальное отлынивание от труда. Такая переакцентировка с существа проблемы на методы действия порождает законные подозрения в одностороннем подходе.

Но еще более сурового осуждения заслуживает тоска по силовым методам наведения «порядка», которая подчас проникает в печать и которая прозвучала в некоторых выступлениях на заседании Президиума Верховного Совета СССР. Силовые методы рекомендуют привлечь в ответ на «давление, которому подвергаются государственные органы». Между тем интересы тех или иных меньшинств не всегда встречают понимание с самого

начала. Действия, которые призваны привлечь общественное мнение к требованиям, которым они придают большое значение, пока подобные действия сохраняют мирный законный характер, представляют неотъемлемую принадлежность современного демократического процесса. Жесткая позиция, с поддержкой которой связали себя некоторые официальные лица и органы печати, всего более накаляла обстановку и развязывала страсти. Перестройка проходит серьезное испытание — всерьез поставлен вопрос: способны ли мы разрешить кризисную ситуацию цивилизованно, не прибегая к привычному методу подавления?

Пришла пора расстаться с удобным представлением, что накал национальных и политических страстей создают некие экстремисты, сознательная или бессознательная агентура внешнего врага. Необходимо разработать принципы и методы урегулирования спорных вопросов национального развития внутри Союза, основанные на уважении прав и волеизъявления национальных меньшинств. Конечно, не все их пожелания, в частности касающиеся административного устройства, могут быть в полном объеме и немедленно удовлетворены, да еще явочным порядком. Но сложные проблемы национального самоопределения малых народов не могут решаться одними «инстанциями», хотя бы и самыми авторитетными.

Универсальным методом снятия или, того лучше, предотвращения кризисных ситуаций подобного рода, по-видимому, мог бы стать равноправный диалог партийных и государственных органов с представительными массовыми движениями, поскольку они уважают законность и порядок и соблюдают нормы цивилизованного поведения. Исходные позиции сторон в начале такого диалога, естественно, могут быть различны. Но даже самые острые вопросы должны находить решение в русле общего курса на демократизацию и гуманизацию нашего общества.

В самостоятельных движениях, выдвигающих пожелания и требования, которые отвечают чаяниям многих людей, и придерживающихся мирных, ненасильственных действий, необходимо видеть не деструктивную, а конструктивную силу, работающую на перестройку. Это ячейки возрождающегося гражданского общества, одна

из форм реализации политического плюрализма. Спокойный и уважительный диалог с ними — лучшее средство отсекающих тех элементов, которые заинтересованы в конфронтации, а не поисках компромисса.

Политический потенциал национального самосознания надо не загонять в оппозицию, а использовать его в интересах перестройки, демократии, социализма. Национальное оформление в ряде республик приобретают Народные фронты, объединяющие активных сторонников перестройки, формалов и неформалов.

Весьма важную роль в урегулировании карабахского вопроса может сыграть специальная комиссия Совета Национальностей, которая должна получить высокий статус и к работе которой важно привлечь не только руководящих работников, но и авторитетных неформальных лидеров из Армении и Азербайджана, Центра, широкие общественные круги. Комиссия должна найти и предложить высшему органу государственной власти (а возможно и на всенародное обсуждение) компромиссный вариант выхода из кризиса, контуры которого были намечены в решении Президиума Верховного Совета.

Сохранение или изменение границ и статуса отдельных образований внутри Союза по многим причинам очень сложно. Здесь столкнулись два правовых принципа: право наций на самоопределение, которое не должно зависеть от согласия доминирующей нации, и государственный суверенитет, который предусматривает, в частности, что границы республики не могут быть изменены без ее согласия.

На мой взгляд, право нации на самоопределение выше, в принципе значимее государственного суверенитета, и это должно найти отражение в обновленной Конституции. Это соответствует и тем идеям, которые отстаивал Ленин в начале века, и общедемократическому правосознанию, утверждающемуся в мире на исходе столетия. Не эмоции, не волевая перекройка границ, а обращение к разуму, говорят нам, требуются сегодня. Но разум не может не считаться с эмоциями, а в карабахском споре оскорбленное и встревоженное национальное чувство народа с нелегкой исторической судьбой столкнулось с территориальными амбициями и ложно понятыми соображениями престижа. Я глубоко верю, что азербайджанский народ может осознать, сколь неравновесны

эти ценности, и что лучше иметь друга возле своего дома, чем насильственно удерживать в нем другой народ.

В то же время необходимо учитывать, что этническая карта СССР ныне существенно расходится с административно-территориальным делением. Это расхождение, по-видимому, будет со временем усиливаться. Увеличиваться будет число ареалов со смешанным национальным составом. Чтобы удовлетворительным образом решать возникающие в связи с этим проблемы, надо последовательно проводить курс на экономическую и политическую децентрализацию, расширять компетенцию местных органов, интенсифицировать прямые связи в экономике, которые будут отодвигать на второй план вопрос о подчиненности предприятия одному или другому звену в системе государственных экономических ведомств, а территориальную автономию необходимо дополнить национально-культурной, которая могла бы найти адекватное отражение в структуре органов государственной власти и, в частности, в намеченной реформе Совета Национальностей Верховного Совета СССР. Радикальное же устранение кризисов и обострений в национальных взаимоотношениях может быть достигнуто лишь в рамках глубокой демократизации политической жизни.

«Революция должна уметь себя защищать» — это часто повторяемое положение приобретает нередко узкую, а то и просто неверную интерпретацию. Люди, не имеющие ни малейшего представления о реальной обстановке сил в Чили в начале 70-х годов, в упрек правительству С. Альенде ставят нерешительность в проведении репрессивно-карательной деятельности. Между тем надежнейшая защита общественных преобразований, как революционных, так и эволюционных — в том чтобы обеспечивать им на каждом этапе прочную и широкую социальную базу, соразмерять цели и средства с реальной ситуацией, адекватно реагировать на события, которые грозят выйти из-под контроля.

Работает ли каждый наш день, как иногда говорят, на перестройку, делает ли ее все более необратимой? Честный ответ на этот вопрос может быть только — и да, и нет. Да — потому что интенсивно идет очищение сознания миллионов людей от старых мифов, от смиренного с ролью «винтиков». Нет — потому что нарастает уста-

лость от слов и лозунгов; бумерангом возвращаются несбывшиеся ожидания и несвершившиеся надежды. И поэтому недостаточно сегодня убеждать себя и других, как худо будет без перестройки. Еще важнее отдать себе отчет в том, почему и как она может не получиться. Исключительно сложный, исторически пионерный процесс сам неизбежно порождает обострения, которые могут приобретать критический накал. Начисто исключить их едва ли удастся; вопрос о том, как их предвидеть, смягчать и выходить из них с наименьшими потерями. Перестройка разобьется о подводные камни, если разразится кризис, который мы не сумеем предотвратить или преодолеть.

ВИКТОР ШЕЙНИС

доктор экономических наук
ВЕК XX и МИР, 1988, № 10.

ПРИМЕЧАНИЕ К СТАТЬЕ В. ШЕЙНИСА

В. Л. Шейнисом была любезно предоставлена заключительная часть статьи, по техническим причинам не вошедшая в журнальный текст. Приводим заключительную часть статьи:

Но если высшие государственные инстанции вынуждены были решать вопрос, который при данной его постановке удовлетворительного решения не имеет, то общественное мнение обязано было сказать свое слово, положить на весы свой моральный авторитет. Слова укоризны, с которыми обратился к нашей интеллигенции С. Золян, справедливы, и горькую обиду армянского народа, отстаивающего правоту своего дела почти в одиночестве, не так-то легко будет стереть. Скажу резко: в массе своей наша интеллигенция проявила нравственную политическую глухоту, позволила недобросовестным журналистам, комментаторам и «экспертам», позорившим высокое звание ученого, создавать у людей искаженный образ событий, разжигать страсти против «экстремистов», а за деле — против народа, натолкнувшегося на глухую стену непонимания и безразличия. Наша интеллигенция не смогла понять, что колокол звенит не по далеким жертвам Сумгаита, а по каждому из нас, кто и перестройку принимает как отмеренные и поднесенные сверху блага.

На мой взгляд, право нации на самоопределение выше, в принципе значимее государственного суверенитета, и это должно найти отражение в обновленной Конституции. Это соответствует и тем идеям, которые отстаивал Ленин в начале века, и общедемократи-

ческому правосознанию, утверждающемуся в мире на исходе столетия. Не эмоции, не волевая перекройка границ, а обращение к разуму, говорят нам, требуются сегодня. Но разум не может не считаться с эмоциями, а в карабахском споре оскорбленное и встревоженное национальное чувство народа с нелегкой исторической судьбой столкнулось с территориальными амбициями и ложно понятыми соображениями престижа. Я глубоко верю, что азербайджанский народ может осознать, сколь неравновесны эти ценности, и что лучше иметь друга возле своего дома, чем насильственно удерживать в нем другой народ. Но именно это российская интеллигенция обязана сказать во весь голос. Это надо было сказать вчера, не прибегая к дипломатическим уверткам и «уравновешивающим» формулам. Но лучше сказать поздно, чем никогда.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО МОЕМУ ДРУГУ НАБИ ХАЗРИ

Дорогой Наби!

Пусть то, что я скажу, не так уж мудро,
Но мудрость друга — выслушать меня...

Десятки писем, бандеролей, телеграмм буквально за последние месяцы — мог ли я ожидать такой громадной почты из Азербайджана? Но главная неожиданность: вся эта почта — стихия недоумений, разочарований, упреков, угроз и просто ругани, подчас в форме нот и ультиматумов — вызвана моим выступлением на заседании Президиума Верховного Совета СССР 18 июля 1988 года.

И все же, признаюсь, самый тяжкий груз, навалившийся на мое сердце, — твоя телеграмма. Ты пишешь: «Не выхожу из дома. Друзья меня проклинают за друга. Что случилось? Раскололась вершина горы. Больно! Тяжело!»

За меня не надо стыдиться, мой друг Наби. Я немало прожил, немало дорог прошел и проехал, но папаху и честь свою не уронил, друзей не продавал и горам не изменял.

Думаю, ты и твои земляки поторопились с выводом, не имея повода. Сделали обобщение без фактов: мое

выступление не было напечатано полностью. Стоило ли взбираться на вершину горы, чтобы громогласно прокричать то, что прежде не мешало бы шепотом обсудить у подножия? Увы, многие считают это гласностью. Если к тому же кто-то, не желая понимать и принимать добрые намерения, зло извращает, как ему выгодно, проты и ясные мысли.

Между тем узел так затянут, что руками развязать нет сил, а зубами невозможно: там кровь. Обмен телеграммами и телефонными звонками в этом случае мало что даст. Дело можно лишь больше запутать. Поэтому лучше нам слезть с коней, посидеть, покурить и побеседовать.

Но для начала — для ясности! — посылаю тебе стенограмму моего выступления в президиуме. Без единой правки и купюр.

«Уважаемые товарищи! Мне очень тяжело выступать сегодня, но не сказать своего слова я тоже не могу, потому что события в Нагорном Карабахе — это большая беда, это настоящий духовный Чернобыль для нас. В апреле 1921 года Владимир Ильич Ленин в письме коммунистам республик Кавказа выразил надежду, что их тесный союз создает образец национального мира. Почти 70 лет мы работали над выполнением этого ленинского завета, и никто не мог предполагать, что наш путь будет омрачен столь тяжелыми и неожиданными событиями, свидетелями которых мы являемся сегодня.

Тесному союзу народов, образцу национального мира, о котором мечтал Ленин, нанесен ощутимый удар. Нарушен самый святой закон, основной закон для нашего народа, для нашей страны, чем мы гордились, — закон дружбы. Отчужденность, озлобленность взяли верх над разумом, добротой и правдой. Обидно и больно.

Нагорный Карабах с моих поэтических вершин — это прекрасный край, который объединяет две братские республики — Азербайджан и Армению. А сейчас оказывается, что этот край является краем, разъединяющим эти две республики. Я считаю, в наше время в одном доме можно жить людям, говорящим на разных языках. В Дагестане 40 народов живут чувством единой семьи, и никому не тесно. Дружно живут в том числе армяне и азербайджанцы.

Вспоминаю, с каким чувством рассказывал о своей родине — Нагорном Карабахе маршал Советского Союза Баграмян, как вспоминал друзей своего детства: армян и азербайджанцев. Как не хватает нам сегодня его голоса, его совета, как не хватает нам сегодня больших вершин азербайджанской, армянской культуры XX века: Исаакяна и Самеда Вургуня, Сарьяна и Кара Караева, Хачатуряна и Гаджибекова — они умели дружить. Их заветы в счет не были приняты, когда такие события делали. Как нам не хватает сегодня совета руководителей Бакинской коммуны Степана Шаумяна и Мешади Азизбекова, убитых, можно сказать, одной пулей — один армянин, другой азербайджанец, но они принадлежали к великой нашей партии, великой единой и неповторимой нашей революции.

Но, к сожалению, мы забываем о прекрасных людях, прекрасных борцах, певцах нашей Родины, нашей земли, нашей дружбы, о тех, кто творил революцию, и о тех, кто пал в Отечественную войну, о них забываем, а вспоминаем в истории все негативное и враждебное, кто прав, кто не прав. Это очень обидно, особенно в наше время, когда авторитет нашей страны в глазах всего мира становится все больше и больше. И, кроме того, мы забыли о будущем, о потомках, о детях, о правнуках. А что мы оставляем потомкам, которые должны жить, творить, радоваться, в наследство? Такую неприятную вражду, такую заботу?..

Кто же и в чем виноват? Я понимаю чувство древнего великого армянского народа, народа многострадального, который в своей истории много испытал — было много трагических событий. Они хотят, люди одного языка, одной судьбы, одной культуры, одной древней письменности, они хотят вместе жить.

Национальные чувства — это естественные чувства каждого человека. Но это чувство можно иметь где бы ни был, где бы ни работал, не обязательно в своем доме. Но когда это чувство перерастает в националистическое чувство, в местническое чувство, эгоизм — тогда это нам, нашей идеологии, нашей позиции, нашему мировоззрению не подходит.

Я понимаю чувства великого азербайджанского народа, их чувство земли. Чувство земли — это чувство Родины. Они многими веками были разобщены. Этот

народ имеет свою землю. Но когда это чувство земли превращается в территориальное чувство — это противоречит нашим взглядам. Территория и земля не одно и то же. Это чувство может быть сверхпатриотизмом, но к советскому патриотизму оно не может иметь отношения.

Все здесь выступали и говорили, как общее найти. Но если Председатель Президиума Верховного Совета Азербайджана и Председатель Президиума Верховного Совета Армении не будут общее здесь искать — что требовать от других?

Итак, дружбу народов все признали, а дружба людей под подозрением. Секретари ЦК, поэты с поэтами не встречаются, не разговаривают, враждуют. Ученые с учеными не разговаривают и разными телеграммами бомбят членов президиума.

Получается, что все друг друга критикуют, а самокритики совсем нет, никто как будто в этих событиях не виноват. Какую-то вину надо на себя принимать. После выступлений получается, что оба правы, а на самом деле оба неправы.

Положение усугубляется и тем, что эти тревожные события создают прецедент, который завтра может отозваться в любой части страны. Это как камнепад в горах.

Кто же виноват? Что же делать? Кто виноват, разбираемся и никак не можем разобраться, хотя и все знаем. Что виновато — тоже знаем: это националистические чувства, которые быстро распространяются, как пожар.

А что делать? Над этим надо думать. Дело так поставлено — речь идет о том, что Армения поставила вопрос о переходе Нагорного Карабаха в состав Армении. Разве это разрешит вопрос? Разве в Азербайджане пройдет это так просто? Это общей дружбе народов поможет? Целой стране поможет? Это не решение вопроса.

А если оставить как есть? Как было по Конституции 1924 года, как есть сейчас? Я не уверен, что можно оставить все по-прежнему. Я не уверен, хотя говорят, что Армения успокоится. Положение нормализовано сразу не будет, потому что обстановка накалена. Может быть, до выработки общих принципиальных решений допустить в отношении к Нагорному Карабаху возможность

промежуточных урегулирований? Мне видится это следующим образом: не касаясь сейчас вопроса административно-территориального и государственного статуса Нагорно-Карабахской автономной области, передать временное управление областью непосредственно в ведение Верховного Совета или Совета Министров СССР или создать специальную какую-то форму, придумать временно... Если происходит землетрясение, то все республики спешат помочь тому региону, где это землетрясение... Когда сейчас сердцебиение у нас, почему мы не спешим что-то делать, помочь успокоить людей, принять серьезные меры?

У обоих народов должно хватить мудрости и понимания того, что национальные интересы каждого из них неразрывны как друг от друга, так и от интересов всех народов СССР. Надо смотреть вперед, а не назад, и не решать сегодняшние проблемы средствами вчерашнего дня».

Перечитав свою речь, не нахожу в ней ничего такого, что противоречило бы логике и что могло вызвать бурю гнева у твоих земляков. Прочти и ты, друг, мою речь спокойно. Есть ли в ней хоть одно слово, умаляющее достоинство азербайджанского народа? Есть ли хоть одно выражение, бросающее тень на славу и подвиги страны Вагифа и Физули, Хагани и Сабира, Микаила Мушфика и Самеда Вургуня? На страну, где живешь ты и много других достойных и хлебосольных людей?

Мне все народы очень нравятся,
И трижды будет проклят тот,
Кто вздумает и кто пытается
Чернить какой-нибудь народ.

Это я написал давно и сейчас подчеркнуто повторяю: в них отражена не погода, а природа моей души и смысл моей жизни.

Я родился и вырос в многонациональной республике. Моя земля скупа на щедрости. Но по количеству языков и наречий на гектар земли она занимает первое место в мире. Я научен мысли: всем людям хватит места на земле. Как волнам в море и звездам на небе. История моего Дагестана не знает, чтобы один народ

враждовал с другим. Нам всегда было вместе хорошо: и все мы гордимся своими соседями, глупец, кто о соседях плохо отзывался. Вот почему я себе и другим не позволю чернить твой народ. Слишком многое связывает мой народ с Азербайджаном — история, культура, традиции и быт. Все мы — травы одного корня.

Но нам ли с тобой, Наби, не знать, что не столько плоть и кровь, язык и религия, но, главное, те высшие гуманистические идеалы и цели, которые мы носим в сердцах, делают нас, людей планеты, братьями по духу?

Щедрость души, щедрость любви и доброты — этого богатства должно у нас хватать в равной мере для всех народов, где бы они ни жили, на каком бы языке ни говорили, какому бы богу не молились, ибо по отношению к народам не может быть применимо понятие «первые» и «последние». Все народы должны быть равны по правам и по обязанности. Особенно в наше время!

Если судить не по архивным данным и древним протворечивым документам, если судить по разуму и благородному чувству сегодняшнего дня (а сегодняшний день — итог многих лет и прогноз на многие грядущие), все наши народы — земляки и ровесники! Дети одной большой нелегкой судьбы.

И мои корни идут к древней Кавказской Албании. Но сейчас спорить и ругаться вокруг той или другой церкви — албанская она или армянская — несерьезно. Пусть она будет общечеловеческой. Или пусть каждый останется при своем мнении, если это доставляет ему радость. Однако тут нет причины хвататься за кинжалы.

Еще в молодые годы я написал стихи об Азербайджане — с чувством любви и благодарности. И эти же чувства, и эти песни во мне продолжают жить. И эти же добрые чувства к Азербайджану я выразил, когда выступал в Президиуме Верховного Совета. Но позвольте мне такие же чувства питать и к другим народам Кавказа, и всей страны, и всего мира. Пусть хорошим людям везде будет хорошо, а плохие становятся хорошими.

Все эти месяцы сквозь поток тревожной информации передо мной сверкали открытые и приветливые улыбки сотен и тысяч моих приятелей из Баку и Еревана, и я вопрошал: как же это могло случиться?

Ведь Аветик Исаакян писал: «Из наших древних дымоходов клубится добрый дым...» Ведь наш учитель Са-

мед Вургун писал: «Пусть будет щепкою подарок друга, — с той щепкой я моря переплыву!»

Что же делать мне, когда два соседа, призванные гордиться и утверждать друг друга, пошли по пути отрицания друг друга? И с кем прикажете мне пойти? Я не хочу в архивах рыться и древние надписи на мегальных камнях разбирать — не хочу культуру двух народов резать, как арбуз! Это занятие для ученых-историков, археологов, юристов. Они сами запутались в этом и запутали нас. Я стихотворец. Я бывал гостем Исаакяна и Сарьяна, знал Узеира Гаджибекова, испытал дружбу Хачатуряна; бывал в театрах Азербайджана и Армении; листал старые рукописи; часами смотрел на исторические памятники. Я не могу противопоставить один народ другому, тем более соседей. Оба они для меня великие, ибо мерилом величия того или другого народа для меня являются прежде всего те духовные сокровища, которые они оставили и оставляют своему и другим народам мира. «Великие» претензии не делают нас великими. Скорее наоборот. Чтобы быть великим, не обязательно иметь моря и океаны, корабли и большие территории.

Мне и в голову не могло прийти, что могут найтись люди, что способны считать себя смертельно оскорбленными, если услышат добрые слова о другом народе. Это же абсурд!

Повторяю: я люблю и Азербайджан, и Армению. И седой Хазар, и светлый Севан — им обоим в моем дагестанском сердце не тесно. Моя позиция — утверждение достоинства каждой нации и каждой народности. Дружбу я ценю превыше всех сокровищ на свете. «Берегите друзей» — это не просто книга моя. Это лозунг мой, принцип жизни. И я решительно против вульгаризаторов и фарисеев, которые на словах за дружбу, а сами готовы найти союзников и, объединившись, идти громить другой народ.

Митинговая любовь не по мне. И очень больно и страшно, что мы нередко льстили и лгали друг другу. Тем самым унижали друг друга, целуясь без любви, рассыпая комплименты без правды. Братские отношения мы зачастую подменяли панибратскими. Так удобнее: ни к чему серьезному они не обязывают. Позорны приписки

в экономике, но еще позорнее приписки в духовной сфере, особенно во взаимоотношениях между нациями.

Случилось, кажется, неповторимое. И все же не пытайтесь поправить — этого мы себе не простили бы до самой смерти. Это надо делать ради самой жизни. В Азербайджане говорят: невозможно склеить разбитое стекло. Но тут общими усилиями во что бы то ни стало надо склеить, чтобы в этом зеркале отражались не слезы, тем более кровь, а счастливые лица детворы.

Нечасто встречаются соседи, которые ни разу не поссорились бы, но им всегда хватало мудрости вовремя помириться, ибо сосед соседу, как брат брату, необходимо. Как известно, одной и той же иглой шьют и саван, и свадебное платье. Лучше свадебные платья, чем траурные, которые носят в эти месяцы многие женщины Армении и Азербайджана.

Нет и не может быть оправдания убийству, какими бы мотивами — логическими, этическими, национальными или религиозными — оно не было вызвано. Эту мысль, мой друг, задолго до нас высказал великий гуманист Кастеллио: «...Убить человека никогда не означает защитить учение, нет, это означает лишь одно — убить человека».

Воспетый всеми поэтами, Кавказ был далеко виден не только своими сверкающими вершинами, но и достойной судьбой народов, умением совместно отстаивать честь и достоинство каждого и всех. Кавказ — это уникальный союз наций. Горько, когда здесь появилась трещина! Но только ли горько?

Я подумал, чем бы это кончилось, случись в другое время, не в 88-м, а в 37-м или же 48-м годах? Жуткие трагические последствия немыслимо и представить. «Живи и помни» — посмотри на Каспий и подумай, мой друг.

Правда, мне могут возразить: тогда бы этого не могло быть. Под «солнцем сталинской Конституции» никому бы и в голову не пришла подобная «шалость», ибо для гресечения ее у угрюмого вождя были такие опричники, как Берия и Багиров. И гласность тогда не была в моде. Неужели язык кнута и пряника для иных более привлекателен, чем язык правды, совести и разума?

Представь и другое: чем бы обернулись события, будь Кавказ в других рубежах, в другой общественной

системе? Не избежать бы безрассудного кровопролития, аналогично ирано-иракской войне.

Пожар кровью не заливают. Теперь, когда мы пострадали ценой тяжелейших потерь, ценой позора, запятнавшего нашу историю и совесть — я говорю о судьбах целых народов, изгнанных с родной земли, — право иметь свое мнение, неужели мы будем драться каждый за свое «имение»?

Не удивительно, что этим не преминули воспользоваться те, кому не по душе бесцензурная совесть и честная мысль без чадры. Они говорят: «Вот до чего довели ваша демократия и гласность! Это еще цветочки».

Можем ли мы сейчас сказать, что никаких оснований для этих высказываний у них совсем нет? Увы, мой друг.

Так кто же виноват, если послушать вас и армянских товарищей? И виновных нет, и невиновных нет. Виноваты и дашнаки, и мусаватисты, и Сталин, и ЦРУ, и зарубежные армяне, и средства массовой информации. Во всем виноваты «дальние родственники». Нельзя же свои пока необъяснимые отношения друг с другом целиком сваливать на других и тем самым уходить от разумных, пусть и необычайно трудных переговоров, полагаться на грубую, слепую силу. Но прозорливее и сильнее мудрости любви нет.

Дорогой Наби, в истории бывают такие моменты, когда поэты не должны плыть по течению, а быть способными, как здоровая рыба, идти против течения, быть народоводителями, пытаться вернуть заблуждающихся, озлобленных, обманутых на путь доброты, навстречу прекрасному, ибо поэт — тот, у кого прекрасная цель и кто совершает достойные этой цели поступки, чего бы это ему ни стоило. Орел всегда летит против ветра. Если бы армянские и азербайджанские поэты, как это делали их отцы, подняли свои голоса против негативных явлений, многого можно было бы избежать. Органы правоохранения призваны пресекать преступления, а художники обязаны пресекать пороки. Пусть в своих делах поэты и мыслители порой остаются и в одиночестве, изоляции, но правде в конце концов суждено победить.

Прежде чем выступить в Президиуме, я согласовал свое выступление со своей совестью. Совесть мою формировали мои главные учителя: природа, опыт жизни и

мудрость веков. Я советовался и с классиками Азербайджана и Армении — и не нашел ни одной строки в их произведениях, ущемляющей чувства других народов. Потому что они умели уважать, дружить и любить. Иначе они не были бы классиками.

Будучи в Азербайджане, мы вместе ездили в Закаллы и Балаханы, где живут твои и мои земляки. Они нас встретили как родных братьев. Вспоминаю, когда мы ездили в Шемаху по местам Сабира, ты рассказывал мне об этом удивительном поэте Азербайджана. Помнишь его стихотворение, написанное еще в 1905 году? Оно называлось «К согражданам мусульманам и армянам», и есть в нем такие строки:

Тогда, как наши дни
 в союз объединиться нам велят,
И каждый человек у нас покою,
 миру был бы рад,
И между нами
 никаких не возвышается преград —
Вдруг дети родины одной вражду затеяли,
 разлад!
Армяне — братья мусульман!
 Зачем же встал на брата брат?
Где ж мудрые? Где храбрецы?
 Они ли спора не решат?
Красноречивые, сюда! Где ваше рвенье?
 Час настал!
Друзьям о дружбе возвестить, о единенье —
 час настал!

Сильные, правдивые, мужественные слова! Как жаль, что о сегодняшней трагедии нет подобных стихов у сегодняшних поэтов. Думаю, и Сабира в свое время произнести их было нелегко. И наверняка опасно: расплатой могли стать свист и вой оголтелых фанатиков-«патриотов», отверженность и раже расправа. Но еще опаснее для человека, Поэта льстить народу, который поручил ему говорить правду о мире и о себе. Правда, в частности, и в том, что ни один народ не согласится быть счастливым за счет горя другого. Как бы ни убеждали его в этом «доброхоты», суля победу.

Почему же иные поэты сегодня стыдливо молчат, а

иные дали националистическому эгоизму и угару взять верх над собой? Не потому ли, что мы, многие годы упиваясь славословием о безоблачности дружбы народов, постепенно утрачивали моральное право на правду? Не думали о последствиях. В том числе о проклятии лжи и... невежества сердца. Да, мой друг, не оглядывались в радости, боимся оглянуться и во гневе. Но это сделать необходимо.

Это, поверь, не просто слова. Другое дело, что от частого употребления все обезценились многие из святых понятий. В этом большая доля и нашей вины. И моей, и твоей, Наби. Я не говорю о других: пусть сами определяют степень своей вины или, если могут, считают себя непогрешимыми. Болезни не бывает без предвестников-симптомов. Но болезнь обостряется и нередко кончается печальным исходом, если не поставить вовремя правильный диагноз или, еще хуже, глушить ее усыпляющими таблетками.

В Нагорном Карабахе и этого не было. В лучшем случае, когда бушующая река грозила выйти из берегов и сток воды не мог регулироваться, некоторые стали на улицах и площадях прикрывать слякоть соломой. От этого под ногами не стало чище: а на душе было невыносимо тяжело. Говоря же без метафор, мы оказались преступно беспечны: не расслышали сигнал бедствия. Не поняли, что предвещали отдельные толчки. А почему? Были уверены: у «нас» ничего подобного не может быть. И продолжали воспевать «счастливую жизнь», заглушая трезвые голоса и в Армении, и в Азербайджане. Себя заглушали тоже. А гром уже гремел. Догадались об этом лишь тогда, когда дождь и град обрушились на нашу голову. И тогда-то кое-кого вместо прозрения ослепила злоба: как смел грянуть гром? Наверняка это козни соседа — ату его!

Разумеется, у меня и в мыслях нет всю ответственность за трагедию переложить на плечи «лириков», хотя некоторые из нас и мнят себя «политиками». Но, как видим, те средства, которые они «изобрели» в Азербайджане и в Армении, не помогли вытащить занозу, а загнали ее вглубь.

Сумей мы сами найти достойный выход за столом переговоров, не пришлось бы выносить этот вопрос в Президиум Верховного Совета СССР.

Теперь несколько слов о моей «прюармянской» позиции. Я не мыслил одних возносить, других унижать. У всех, и у меня в том числе была одна цель — восстановить мир и дружбу между двумя братскими народами. Прости, но только в кошмарном бреду можно представить, чтобы вопрос на обсуждении мог быть поставлен иначе. Например: «Кто за Армению? Кто за Азербайджан?» Голосовали за создание образца национального мира кавказских республик. В свое время В. И. Ленин призывал учитывать своеобразие республик Кавказа и потому рекомендовал не копировать общую тактику, а «обдуманно видоизменять ее применительно к различию конкретных условий».

«Конкретные условия» сложились очень запутанные, трудные, сложные: демонстрации, забастовки, погромы, поножовщина — все это позорно не только между соседями и братьями, но вообще в любом цивилизованном обществе. И в это время, когда положение так раскалилось, надо было незамедлительно найти середину. Пусть она и не золотая, но все же я предложил обсудить ее, надеясь, что необходимый компромисс будет содействовать хотя бы промежуточному урегулированию проблемы. Я предлагал, не касаясь вопроса административно-территориального и государственного статуса Нагорно-Карабахской автономии, передать временное управление областью непосредственно в ведение Верховного Совета или Совета Министров СССР или создать какую-то иную форму хотя бы временно. Где же тут нарушение Конституции, о чем мне пишут из Азербайджана? И где же тут основание, чтобы «расколослась вершина горы»? Горам нет причины рушиться, но они удивленно смотрят на то, что творится сейчас, в конце XX века, вокруг Нагорного Карабаха. Казбек и Эльбрус, Гуниб и Шахдаг давно не видели такого.

Как и все, я пришел на заседание Президиума не для того, чтобы проголосовать за подготовленный заранее проект решения, как это было во времена продолжительных аплодисментов, переходящих в бурную овацию, а высказать свое мнение. Мои же корреспонденты из Азербайджана решили пристыдить меня, что я после других авторитетных выступлений смел внести свое предложение от имени дагестанского народа.

Во-первых, принципиальных расхождений в предложениях не было. Во-вторых, пора бы привыкнуть, что каждый может иметь и высказывать свое мнение. В-третьих, как Блок сказал о поэте: «...И мало ему конституций!» Мои чувства в определенных ситуациях, увы, не всегда отражают статьи законов. И самое главное, я не выступал от имени дагестанского народа, тем более от имени азербайджанского или армянского. Я выступаю от своего имени, ибо никто не уполномочивал меня говорить от имени народа.

Я был просто удивлен посланиями азербайджанских товарищей. Один пишет: «Ты завоевал ненависть азербайджанского народа»; другой: «Ты перешел на сторону врага»; для третьего я — «предатель»; четвертый сообщает, что сжег мои книги. Что ж, как явствует из истории, книги сжигались не самые худшие. Поэтому я не обращусь за помощью к пожарным. За что же такая средневековая, безумная ненависть? Будто бы я предложил территорию Азербайджана передать Армении. Ничего подобного в моей речи нет. И быть не могло. Моя задача скромна: внести свою лепту в формирование общего подходящего мнения. По величине птицы от нее и кровь.

Не утаю, сначала я хотел воспользоваться мудрым советом Пушкина — «и не оспаривай глупца». Но, кажется, «глупость» зашла слишком далеко и превратилась в нечто такое, что страшно не за себя, а жутко за них: поэтому их письма и телеграммы я не цитирую. Почему это возможно в наше время? Тут требуется безотлагательное лечение. Очень жаль, что знаменитый доктор Святослав Федоров, дружбой с которым я горжусь, не может вернуть ослепшим от злобы свет истины, как он возвращает слепым калекам свет мира и красоты, радость жизни. Но мы-то, Наби, должны стремиться к этому.

Хочу повторить, дорогой друг: кто любит свой народ, тот не должен без конца, в каждом случае, молотя себя в грудь кулаком, от его имени выступать, а обязан словом и делом служить ему. Подлинный патриот — это интернационалист. Кто хочет процветания своей нации, тот особенно сейчас должен иметь добрые чувства ко всем народам, особенно к соседям. Я готов с тобой и всеми друзьями делить печаль, беду, горе, радость. Но

не могу ни с кем делить злобу и ненависть к какому бы то ни было народу.

После меня сразу выступал в Президиуме первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана товарищ А. Х. Везиров. Боль и обида, тревога и досада, надежда и вера — вот что прозвучало в его выступлении. В речи не было и намека на озлобление, ни одного резкого слова об Армении и о других соседях. Наоборот, он выразил добрые чувства к армянскому народу. Он искал слова не разъединяющие, а объединяющие.

По-моему, работать надо именно в этом направлении. Когда на небе тучи, крестьянин спешит спасти урожай. Мир и дружба народов в опасности — между двумя замечательными народами раздор. Надо найти лучшие средства, чтобы избежать духовного СПИДа, распространения националистической наркомании.

Неужели ты, Наби, написавший стихи «Сибирь в моем сердце», стихи о Японии, Чехословакии, Югославии, не найдешь доброго слова для своего соседа, подобного тому, что исторг из своего сердца наш любимый Сабир и другой ваш великий поэт: «Вступай с земными бедями в борьбу, пока они тебя не доконали»? Да, мой друг, сейчас пробил час мужества, прозорливости. Час открытой души и лица. Это пришло мне на ум в связи вот с чем. Когда мне довелось быть в Иране, живший там азербайджанский поэт Сура-Хан пригласил меня на концерт знаменитой певицы Гугуш. Она пела чудно. Особенно запомнилась мне песня со словами «верю, люблю». После исполнения этой песни армянские поклонники преподнесли ей корзины роз, сквозь которые едва было видно ее прекрасное лицо. Говорят, что лицо теперь в чадре. Неужели тогда, в шахском Иране, азербайджанцы и армяне могли мирно жить и армянин мог преподнести азербайджанке цветы, а в нашей Отчизне Гоар должна быть лишена закатальских роз, Зейнаб — ереванских тюльпанов? Обидно. Ты скажешь: мы не виноваты. Но все же, все же, все же... Наби.

Когда-то возможно же было создание федерации кавказских республик. Создание самостоятельных прекрасных республик — неужели оно продемонстрировало духовный отрыв друг от друга? Это похоже на детей одной матери, которые, вступив в самостоятельную жизнь, живут только своими интересами, забыв друг о друге,

или ревнуют друг к другу, или враждуют друг с другом, как выяснилось сейчас.

Еще до революции в Тбилиси выходило ежемесячное красочное журнальное приложение к газете «Кавказ» на русском языке. Этот журнал имел хорошую репутацию и знакомил читателей с жизнью многочисленных малых и больших народов. И сейчас есть «Литературная Грузия», «Литературная Армения», «Литературный Азербайджан». Но не мешало бы возродить в современных условиях и журнал с гордым названием «Кавказ», на страницах которого обсуждали бы важные темы и проблемы, общие и отдельные для народов Кавказа.

Есть многое, над чем следует размышлять. Надо много преград преодолеть. Но самая большая преграда — в нас самих. Самоизоляция, отчужденность, вражду, коли они возникли, необходимо выпалывать, как сорняки. Я не понимаю тех, кто заботится об экологии окружающей среды и в то же время злостно засоряет умы сограждан национализмом. Меня совсем не задевают предупреждения националистов, что в их рядах нет места для меня. Мне нечего делать в их «рядах». В такой же мере избегаю шовинистов, сионистов, антисемитов, пантюркистов, панисламистов и прочих «истов». Зато я богат настоящими друзьями. Они везде, в том числе и в Азербайджане, и в Армении.

Недавно в центре управления космическими полетами я связался с космическим кораблем, пилотируемым Владимиром Титовым и Мусой Манаровым. Я разговаривал с представителем нашей планеты, нашего Союза, с допгим Мусой. Он сын маленького лакского народа из Дагестана, вырос в Баку, учился в Москве и поднялся так высоко, совершает свой космический полет и принимает там гостей. И ты, Наби, и я, и все другие можем совершить свои полеты жизни, если мы найдем дорогу к сердцам друг друга. Если мы найдем дорогу к соседям, к старшим и младшим, к нациям и народностям, если мы будем владеть искусством жить в дружбе и мире. Другого пути нет!

Я думаю и говорю в эти непростые дни, что наступит день добрых встреч и братства, и вновь твержу песню Гугуш: «Верю, люблю, люблю, верю!»

20 октября 1988 года

РАСУЛ ГАМЗАТОВ

Р. С. Письмо, дорогой Наби, уже было закончено, когда пришла «Литературная газета» с твоей статьей. Это даже и не статья — гнев и плач о трагической судьбе замечательного азербайджанского поэта Микаила Мушфика, павшего жертвой чудовищного произвола. В ней же обвинение тому и тем, кто, не найдя в своем сердце мужества (а как бы вели себя тогда мы?), молчал, отдавая душу народа на растерзание палачам. «Я думаю, — пишешь ты, — неужели этот страшный опыт не научит нас ответственности за время, за историю, не пробудит желания бережно относиться друг к другу, к людям, к жизни, которая у каждого одна и потому неповторима? Никого и никем нельзя заменить».

Прекрасные слова! Но то, что относится к людям, относится и к народам. Так что у нас нет права уклоняться, молчать, когда под угрозой дружба соседей — Армении и Азербайджана. Страшный опыт повториться не должен.

Р. Г.

«Литературная газета»
30 ноября, 1988 год

СУМГАЙТСКИЕ ПРОЦЕССЫ

СУМГАЙТ. ЭПИЛОГ ТРАГЕДИИ

Подшел к концу первый судебный процесс над участниками беспорядков в Сумгаите

Судебные протоколы ведутся без эпитетов и сравнений, но нет, кажется, ничего страшнее сухого скрупулезного их цитирования. «Лучеобразный перелом затылочной кости, переломы грудных и шести ребер... Смерть в результате тяжелой черепно-мозговой травмы... Умиравший был обожжен...» Так погибал 62-летний плотник Шаген Саркисян, за минуту до смерти вышвырнутый разъяренной толпой из своей машины на сумгайтской улице Мира.

Как это происходило? В судебном заседании Верховного суда Азербайджана под председательством Альберта Клокова пытаются не упустить ни малейшей подробности. В ответ на каждую из них — слезы, еще белее

кажутся пальцы, обхватившие голову в черном платке. Каково это слушать, заново переживать жене, сыну, близким?

В какой-то момент показалось, что горе в этом зале с двух сторон сомкнулось: горе жены убитого — горе матери и отца обвиняемого в убийстве. У бригадира штукатуров Салеха Исмаилова и дворника Чимназ Аббасовой 8 детей, один из них, Тале, — на скамье подсудимых. «Мне стыдно смотреть на людей. Я не могу в это поверить», — сказал превратившийся в потухшего старика 50-летний отец. Но сын не отрицал преступления: да, эго он нанес избитому, поваленному на асфальт Саркисяну два страшных удара по голове металлическим прутом.

...Все дни процесса маленькое здание суда в 9-м микрорайоне Сумгаита было оцеплено многочисленными рядами милиции. Недалеко от входа выставили двух автоматчиков в касках и специальных жилетах с прижатыми к стволам штыками. Понятны опасения. Но эта подчеркнутая боевая готовность, образцовое оцепление при полном отсутствии желающих его прорвать напомнили нам совсем другое — беспомощность сумгаитской милиции в первые, самые тяжелые дни беспорядков. Еще придет черед суда над теми, кто семь часов в жесточайшем зверстве штурмовал квартиру, где двое оборонялись кипятком, током, кулаками. — конец этого дикого штурма был страшен. Но ведь все семь часов они звали, обращались в милицию!

Еще предстоит выяснить, как получилось, что 28 и 29 февраля многие телефоны в городе отключились, кто ответит за успокаивающие советы: «Сидите дома», в то время как людей нужно было срочно эвакуировать. Одно очевидно: бездействие тех, от кого были вправе ждать защиты, поощрило толпу. Поощрило на убийства и изнасилования, на разгром 200 квартир, 50 магазинов и киосков, поджог 20 автомашин.

Более десятка офицеров — руководителей сумгайтской милиции сейчас из органов МВД уволены. Прокуратура СССР ведет специальное расследование.

Боясь, мало серьезного будет в уроках сумгайтских событий, если ограничатся лишь увольнениями начальников. Слишком свежо в памяти время, когда руководитель района, области — да что там, страны! — становил-

ся у нас героем всех побед либо виновником любых просчетов.

В тесном зале суда я сижу в четырех-пяти шагах от 20-летнего Исмаилова, обвиняемого в страшном преступлении. Бледный, тонкая шея с бегающим кадыком, смотрит все время в пол. Трудно верится в показания одного из свидетелей: «Я видел его в толпе. Он кричал, как все, и был веселым». Из тех, кто «как все», уже арестовано более 80 человек: большинство — рабочие, большинство — комсомольцы. Подавляющее большинство — вчерашние жители села, постояльцы заводских общежитий и «нахалстроев». Почему бы, сменяя здесь первого секретаря горкома комсомола, не посмотреть, что, кроме членских билетов, дал «передовой отряд молодежи» этим молодым людям, подробности преступлений которых поразили даже судмедэкспертов?

Суд призван давать четкие однозначные ответы. Но кто ответит, почему никогда раньше не имевший дело с милицией Тале пошел в тот вечер убивать армян, почему кричал он и веселился, почему убил? Он не знал Шагена Саркисяна, не был знаком с тремя его сыновьями, он не держал злобу и обиду ни на одного конкретного армянина, живущего на этом свете, зато у него перед глазами были армяне — друзья отца по бригаде, и он приветствовал с их сыновьями... Кто знает ответ, ответьте!

Жестокие события, суть которых мы пытаемся сейчас понять, потребовали житейского мужества от простых, никак не склонных к подвигам людей. Пенсионерка Махлуга Алиева двое суток прятала своих соседей — семью Осипа Даниеляна; чтобы квартиру не разграбили, табличку на их двери замазала краской и нацарапала другую, азербайджанскую фамилию. На третий день Даниелянов эвакуировали в горком, и хотя было еще спокойно, пенсионерка Алиева, сварив обед на трюх, отправилась через весь город с кастрюльками. Полдня разыскивала своих соседей среди эвакуированных — и нашла. А недавно Даниеляны, уезжавшие в Ереван, к сыну, возвратились в Сумгаит. Они — одна из 253 вернувшихся семей. Правда, 965 еще в других городах. Да и Даниеляны краску с дверной таблички стирать не спешат.

Испуг и скованность после случившегося ощутила и церковь.

— Прихожан стало значительно меньше, — рассказывает настоятель церкви святого Григория-просветителя в Баку Давид Диланян, — многие огорчились, узнав, что нашу церковь пытались поджечь. Недавно, на Пасху, мы подсчитали: к нам пришло втрое меньше обычного.

Суд идет... В городе очень хочется забыть об этом. По-летнему жарко. На каждом перекрестке лотки с клубникой, черешней, пунцовыми помидорами. Что еще надо?!

А надо, считает новый председатель Сумгаитского горисполкома, недавний директор алюминиевого завода Расим Эмамбейли, отселить злополучные трущобы «нахалстройка» — беду города и поставщик кадров февральской толпы. Решено предоставить семьям землю и ссуды для настоящего строительства. Чтобы развязать этот узел, потребуется и городу построить вдвое больше жилья в следующем году. В принципе задача разрешимая, если будут помогать. Вот, скажем, в нынешнем квартале на социальные и бытовые нужды Сумгаиту выделили в пять раз больше обычного денег. Но неужели, чтобы решать городские проблемы, обязательно нужна такая встряска?

Центром всех сумгаитских событий был автовокзал, здесь собирались хулиганы и погромщики, отсюда начинали они свои шествия. Задумал председатель горисполкома построить новое здание, а старый автовокзал из центра города убрать, прежде всего как напоминание о событиях.

Но не так это просто — забыть. Память о тех нескольких днях будет болью не один год.

Не будем скрывать, страшные события выделили Сумгаит в общественном сознании отнюдь не в лучшую сторону. Название города теперь мало ассоциируется с трудовыми победами. Нелегко будет развеять дурную славу. Но ошибкой была бы и изоляция Сумгаита. 26 городов прислали его туристскому бюро отказ в сотрудничестве. Что ж, никто насильно сюда гостей затягивать не станет. Но ведь при таком круговом отказе и сумгаитцы лишаются возможности путешествовать по стране, бывать в других городах и республиках. Жаль, ведь изоляция не лучший способ интернационального воспитания.

— Когда я передаю этот репортаж, закончены прения сторон. Государственный обвинитель, помощник Генерального прокурора СССР Вячеслав Лебедев попросил осудить Т. Исмаилова к 15 годам лишения свободы.

Просоветовавшись более пяти часов, к концу дня 16 мая Верховный суд Азербайджанской ССР вынес приговор, которым назначил Т. Исмаилову максимальную меру лишения свободы, предусмотренную законом, — пятнадцать лет.

ВИКТОР ЛОШАК,
наш специальный
корреспондент.

«Московские новости», № 22,
22 мая 1988 г.

НАСТАЛ ЛИ ЧАС РАСПЛАТЫ?

12 октября в городском народном суде Сумганта началось выездное заседание судебной коллегии по уголовным делам Воронежского областного суда по делу в отношении Мехдиева А., Рзаева З., Турабиева А., обвиняющихся в организации и участии в массовых беспорядках в Сумганте, сопровождавшихся убийствами, изнасилованиями, разбойными нападениями, погромами, грабежами, разрушениями, поджогами. Председательствующий на суде В. П. Королькова. Интересы потерпевшей стороны на суде представлял член коллегии адвокатов Армянской ССР Р. Саакян.

Начало процесса было отложено из-за отсутствия одного из потерпевших. Через день судебное разбирательство было возобновлено. Но теперь уже подсудимый Рзаев, отказавшись от услуг местного адвоката, потребовал приглашения адвоката из РСФСР. 17 октября в зале суда появился воронежский адвокат и теперь Рзаев отказывается от услуг и этого защитника. Одновременно адвокат потерпевшей стороны потребовал время для более обстоятельного ознакомления с материалами уголовного дела. Ходатайство было удовлетворено. Судебное разбирательство возобновилось 24 октября.

Через день потерпевшая сторона покинула зал судебного заседания, отказавшись от участия в судебном следствии, дачи показаний, и потребовала освобождения адвоката Р. Саакяна от дальнейшего участия в деле.

Редакция обратилась к Рубену Саакяну с просьбой пролить свет на ход данного судебного разбирательства.

— Очевидно, для подобного поведения у потерпевшей стороны были веские причины. Что побудило ее отказаться от дальнейшего участия в деле?

— Еще накануне, 24 октября, в конце подготовительной части судебного заседания, т. е. до оглашения обвинительного заключения, я вынужден был обратиться к судебной коллегии с ходатайством о возвращении дела на дополнительное расследование в связи с «крайне неполным, невесторонним предварительным расследованием». Оно велось следственной группой Прокуратуры СССР под руководством следователя по особо важным делам при генпрокуроре СССР, ст. советника юстиции В. С. Галкина с 1 марта с. г. при участии около 200 следователей.

— Что именно вы подразумеваете под «крайне неполным и необъективным расследованием»?

— В моем ходатайстве выдвигалось 17 пунктов, подтверждающих неполноту следствия. Перечислю наиболее уязвимые моменты, которые не могли удовлетворить требования защиты потерпевшей стороны.

На мой взгляд, Мехдиеву не было предъявлено также обвинение за подстрекательство к совершению изнасилований и убийств. Рзаеву было предъявлено обвинение в убийстве В. Аванесяна, в покушении на убийство его брата А. Аванесяна, совершенных из хулиганских побуждений. Однако по делу установлено, что братьям были нанесены многочисленные телесные повреждения, а их убийства совершались одновременно на небольшом расстоянии друг от друга, чем причинили им особые страдания, то есть преступление было совершено также с особой жестокостью.

Потерпевшим и свидетелям предъявлялись на опознание не все подозреваемые по делу (одному предъявляли пятерых, другим — 24 подозреваемых). А ведь известно, что под следствием по фактам сумгаитских событий находятся более 90 азербайджанцев и что многие из них совершали свои кровавые злодеяния в разных частях города в разное время.

Были предъявлены также серьезные претензии по отношению к местным правоохранительным органам и

властям, своевременно не попытавшимся пресечь, предотвратить и ликвидировать беспорядки, что привело к трагическим последствиям.

В тот же день защитники подсудимых потребовали время для ознакомления с доводами моего ходатайства и высказывания своего мнения по нему.

На следующее утро они обратились к судебной коллегии с просьбой отклонить ходатайство. Потом последовало заключение прокурора: «...Ряд доводов адвоката заслуживает внимания, но я думаю, что эти доводы можно будет разрешить и в ходе судебного следствия, на то оно и проводится. Значительная часть пунктов предъявленного ходатайства о возвращении дела на дополнительное расследование связана с неполнотой предъявляемого обвинения, неправильной юридической оценкой, с неустановлением и привлечением всех лиц, участвовавших в преступлении. Но мы рассматриваем в настоящем судебном заседании только часть общего дела, или часть сумгаитских событий, о которых говорим. Представитель потерпевшего пытается смотреть на дело через призму всех событий, в общем, может быть, это правильно, это его право.

Но обратите внимание: уголовное дело было возбуждено по фактам массовых беспорядков в феврале с. г. в Сумгаите и еще не закончено, ведется расследование и здесь был поставлен вопрос: по скольким делам будут участвовать еще потерпевшие по нашему делу в качестве потерпевших. Ответить на этот вопрос будет очень трудно. Это будет зависеть от результатов следствия, по окончании расследования по всем событиям.

Считаю, что это ходатайство преждевременное, его нужно будет обсудить еще в ходе судебного следствия. Поэтому следует отклонить...»

А вот мнение председателя суда: «...Ходатайство г. Саакяна не может быть удовлетворено, ибо все вопросы, изложенные в письменном ходатайстве о возвращении дела на дополнительное расследование могут быть объективно разрешены только после тщательного исследования в судебном заседании всех материалов уголовного дела, всесторонних допросов потерпевших, подсудимых, свидетелей. При таких обстоятельствах суд считает, что ходатайство адвоката Саакяна является преждевременным...»

— Известно, что и потерпевшая сторона выдвинула ходатайство.

— Да, потерпевшие Римма Аванесян и Владимир Бабаев, сыновьями которых являются убитые Валерий и Альберт, заявили ходатайство о признании их гражданскими истцами, выдвинули требование о возмещении материального ущерба в сумме 65 тысяч 500 рублей, нанесенного им в процессе погромов. В исковом заявлении Р. Аванесян отмечается, что она ходатайствует о возмещении материального ущерба лишь с одной целью — построить памятник сумгаитским жертвам, а оставшуюся часть средств перечислить в Дегский фонд. Аналогичные требования выдвинули также Нина и Хачатур Бабаевы (сумма ущерба составила 29 тысяч 800 рублей). Они были единодушны в требовании признать гражданским ответчиком правительство Азербайджанской ССР, мотивируя это тем, что несвоевременное принятие надлежащих мер именно с его стороны привело к трагическим последствиям.

— Понятно, что суд признал потерпевших гражданскими истцами, а вас их представителем. А какое решение он принял в отношении «гражданского ответчика»?

— Приведу оба мнения: прокурора и суда.

«... Что касается признания правительства Азербайджана гражданским ответчиком, считаю, что это ходатайство подлежит отклонению, т. к. меры принимались, достаточные или недостаточные, но меры принимались...»

«... Ходатайство о признании гражданским ответчиком правительство Азербайджана, по мнению суда, может быть разрешено только в конце судебного следствия, когда судом будут установлены все обстоятельства совершенного преступления. В зависимости от того, какие будут добыты доказательства в судебном заседании, будет решен вопрос о привлечении в качестве гражданского ответчика правительство Азербайджанской ССР...»

— Насколько понимаю, после этого последовало письменное ходатайство потерпевших и их представителя с просьбой о проведении судебного следствия в г. Воронеже.

— Известны и неопровержимы мотивы подобного заявления. Потерпевшие и некоторые свидетели боятся давать правдивые показания в Сумгаите. В городе, где

на их глазах убивали ни в чем не повинных людей, насиловали женщин, громили квартиры, раздевали мужчин и женщин, водили их по улицам, издевались и глумились над своими жертвами, забрасывали камнями воинские подразделения, переворачивая и поджигая их транспортные средства...

Адвокат, а затем и прокурор, предложили отклонить это ходатайство. Судебная коллегия также отклонила просьбу, считая целесообразным проведение судебного следствия в Сумгаите, учитывая, что по делу должны быть допрошены около 50 человек, основная часть которых — местные жители.

— Потерпевшая сторона покинула зал — был ли это единственно разумный шаг в создавшихся условиях?

— Увы; да. 14 октября, до начала судебного заседания неизвестные лица азербайджанской национальности угрожали потерпевшим расправой. Я вынужден был сообщить об этом судебной коллегии. Присутствовавший следователь следственной группы Прокуратуры СССР Ш. Валеев отвел потерпевших в безопасное для них место, где находятся члены следственной группы. Потерпевшая М. К. сообщила, что на дверях ее квартиры в г. Баку неизвестными лицами были нарисованы кресты.

Здание суда в Сумгаите, где проходит судебный процесс и проводится дальнейшее расследование событий, находится под усиленной вооруженной охраной, а в зале суда, кроме усиленного конвоя подсудимых, постоянно находится большая группа сотрудников милиции. Эти факты, бесспорно, свидетельствуют о понятных опасениях судебной коллегии и следственной группы Прокуратуры СССР. Естественно, что эти опасения не покидают потерпевшую сторону и вне зала суда.

— Итак, потерпевшие заявили, что в Сумгаите давать показания не будут и потребовали освободить их представителя от участия в деле. Насколько разумен ваш уход из зала суда и дальнейшее неучастие в судебном процессе?

— С правовой точки зрения, я должен был выйти из участия в деле, т. к. требование потерпевших само по себе является расторжением соглашения на мое участие в деле. Однако я склонен думать, что присутствие адвоката позволило бы в полном объеме представить в суде

интересы потерпевших, участвовать в оценке доказательств, способствовать вынесению законного приговора. Мои подзащитные, несмотря на эти доводы, не допустили моего дальнейшего участия в деле, мотивируя отсутствием гарантий моей безопасности и непредсказуемостью последствий в момент вынесения приговора.

— Значит ли это, что и в отношении вас допускались какие-то противоправные действия?

— С первого же момента моего участия в деле я использовал магнитофон, что не запрещено уголовно-процессуальным законодательством. Это не понравилось адвокатам подсудимых, и они ходатайствовали перед судом воспретить мне применять звукозапись. В ход пошли надуманные предлоги о якобы провокационных целях, преследуемых мною... Суд отклонил их незаконное требование. Видимо, подобное поведение азербайджанских адвокатов послужило поводом для нецензурной брани в мой адрес в момент выхода из помещения со стороны родственников обвиняемых, присутствовавших в зале.

— А кто представлял интересы подсудимых?

— Инициалы адвокатов не были названы, и я знаю лишь их фамилии — Керимов, Турбовская, Асланов. В деле участвовал также общественный защитник, выдвинутый коллективом спецуправления механизации № 2 (СУМ—2) спецреста «Промстроймеханизация», где работал подсудимый Мехдиев. Одновременно этот же коллектив выдвинул ходатайство о передаче материалов дела в отношении Мехдиева на рассмотрение товарищеского суда СУМ-2 (М).

— Простите, не понял. О каком общественном защитнике идет речь? Не цинично ли выдвигать защитника от коллектива. И не свидетельствует ли это о том, что в Азербайджане до сих пор не дана должная оценка по поводу трагических событий в Сумгаите?

— Согласен с вами. Учитывая тяжесть вмененного в вину Мехдиеву преступления, казалась, естественнее было бы появление в зале общественного обвинителя. К тому же Мехдиев не признает себя виновным и его адвокату предъявлять суду это ходатайство коллектива с учетом тяжести преступного деяния выглядит неграмотным с правовой точки зрения.

— Что конкретно инкриминируется каждому из подсудимых?

— Мехдиев Аламдар Гасанали оглы — азербайджанец, 36 лет, бригадир асфальтировщиков СУМ-2, отец троих детей, обвиняется в устной пропаганде и агитации с целью возбуждения национальной вражды и розни, организации массовых беспорядков в 4—5 кварталах города. Рзаев Закир Мамед оглы — азербайджанец, 26 лет, уроженец села Фиолетово Гугаркского района Арм. ССР, имеет двоих детей, без определенного рода занятий и места жительства, обвиняется в участии в массовых беспорядках, разбойном нападении с целью завладения личным имуществом граждан, а также умышленном убийстве из хулиганских побуждений В. Аванесяна и покушении на умышленное убийство из тех же побуждений А. Аванесяна. Турабиев Азер Гасан оглы — азербайджанец, 22 года, уроженец села Айдарян Гугаркского района Арм. ССР, член ВЛКСМ, холост, моторист бетономешалки завода ЖБ изделий № 12 треста «Железобетон», обвиняется в участии в массовых беспорядках и умышленном убийстве из хулиганских побуждений А. Аванесяна.

— Все кровавые преступления в Сумгаите были направлены против представителей одной нации — армян. В деле же постоянно фигурирует формулировка «из хулиганских побуждений». Ваше мнение по этому поводу?

— Следственные органы исходили из действующего ныне в стране уголовного законодательства.

Мне кажется, многократно повторяемую формулировку «из хулиганских побуждений» вызвал избранный правовой подход к сумгаитским событиям. Если бы сумгаитская трагедия рассматривалась как единое многоэпизодное преступление, вероятно, были бы найдены новые и более точные формулировки, которые в пересматриваемом сегодня уголовном законодательстве отсутствуют. Ведь происшедшее в Сумгаите — беспрецедентный случай в истории советского общества. И юристы обязаны осмыслить это явление в комплексе, в качестве суммы убийств, насилий, поджогов, разбоев, грабежей, как одно преступление, а не как отдельные преступления, по случайности имевшие место в одном и том же городе и в то же время.

124

— Подтверждается ли приведенная вами версия свидетельскими показаниями?

— Четко или однозначно ответить на этот вопрос можно будет лишь после завершения всех процессов по делу о сумгаитских событиях. Сейчас же можно лишь констатировать, что в деле имеются многочисленные показания свидетелей, которые требуют досконального расследования на суде.

Подсудимые свидетели, ответственные должностные лица, в основном азербайджанской национальности, в период следствия давали показания, что один из организаторов погромов (Мехдиев), подстрекая к совершению бесчинств в отношении армян, говорил следующее: — Вы не мусульмане, в Армении убивают азербайджанцев, насилуют азербайджанских женщин, режут им груди, стригут наголо, раздевают их и выводят на улицы, выжигают на лбах кресты и за это нужно убивать армян, уничтожать их...

— Вероятно, необходимо обладать железными нервами, чтобы изо дня в день выслушивать этот кошмар?..

— Вчитываясь в материалы дела, человек может потерять рассудок. В течение часа взламывали дверь квартиры Аванесянов, забрасывали окна камнями, пытались поджечь квартиру, попали камнем в висок отчима. Он упал, потеряв сознание. Жена оттащила мужа на второй этаж, в квартиру, где проживала русская семья. Братья попытались спастись бегством, однако каждого из них в отдельности окружила толпа, вооруженная арматурными прутьями, камнями, ножами, топорами, зверски избивала их насмерть.

При ознакомлении с материалами дела я был поражен ходатайством азербайджанского адвоката по эпизоду убийства Турабиевым А. Аванесяна. Со слов обвиняемого он пишет, что его подзащитный, случайно оказавшись на месте преступления и увидев, что очень много людей держат за руки какого-то человека и поняв, что это армянин, с целью напугать последнего ударил перочинным ножом и что этот человек (А. Аванесян) даже не отреагировал на удар и продолжал стоять на ногах. Адвокат заключает свое ходатайство следующим образом: «У Турабиева не было умысла убить Аванесяна. Основываясь на вышеуказанных причинах, в действиях Т. нет состава преступлений, предусмотренного

125

статьями 72 и 94 п. 2 УК Аз. ССР. Прошу прекратить уголовное дело».

Согласно показаниям потерпевшей по делу М. К., она и ее сестра М. Л. во время погрома в их квартире были изнасилованы десятками мужчин-азербайджанцев в одной комнате. Затем голую М. К. вывели на улицу города и продолжали избивать и издеваться над ней. Дело в отношении изнасилованной находится в стадии расследования. Многие из насильников, по словам М. К., арестованы. По данному же делу М. К. привлечена в качестве потерпевшей, т. к. Турабиев нанес ей несколько ударов по телу.

— Как вы квалифицируете действия местных органов внутренних дел?

— В письме председателя Сумгаитского горисполкома, направленном в адрес следственной группы, отмечается, что «принятые меры против толпы органами внутренних дел были крайне недостаточными». Считаю, что поведение сумгаитской милиции иначе, как преступное бездействие, квалифицировать нельзя.

Вот выдержка из показаний одного свидетеля (азербайджанца): «Рядом со мной находились четверо сотрудников милиции — все сержанты, и двое пожарников, которые никаких мер не принимали. Вскоре из подъезда выбежали окруженные толпой братья. Валерий побежал к насосной станции, а Альберт к горвоенкомату (расстояние между объектами составляет около 50 метров). Около десяти человек окружили Валерия и стали избивать. Он упал, его продолжали бить. Это продолжалось минут пять, пока он перестал шевелиться и подавать признаки жизни. Никто из сотрудников милиции ему помощь не оказал. Даже пожарная машина, выехав со двора, чуть не наехала на Валерия. Один из милиционеров сказал, что помощь ему оказывать бесполезно, т. к. он все равно сдохнет. Я был сильно удивлен, что на глазах у 4 сотрудников в форме, имеющих огнестрельное оружие, происходит такое и они не оказывают помощь человеку, которого убивали. Я подошел и с пяти метров увидел, что он еще шевелится и тяжело вздыхает. Снова подошел к милиционерам и сказал, что он живой. Один из них ответил, что все равно сдохнет, и предложил уйти со двора.

Видел, как у военкомата человек десять избивали Альберта. Он кричал. Я близко не подходил, но понял, что и его убили. Милиционеры также наблюдали». Свидетель сообщил также, что может опознать милиционеров и что у одного из них имеются «Жигули» — ВАЗ 2107 красного цвета.

— Установлены ли личности этих «блуссителей по-рядна»?

— По данному делу личности этих милиционеров не установлены. Добавлю, что этот же свидетель заявил, что может опознать еще двух активно участвующих в погроме и убийствах лиц и описал их внешность. Однако на опознание ему никого не предъявляли. Подобных показаний по этому и другим эпизодам множество.

Потерпевший Хачатур Бабаев с риском для жизни спустился с третьего этажа по водосточной трубе и направился во 2-е отделение милиции Сумгаита, находящееся напротив его дома, и сообщил о происходящем. К дому был отправлен наряд милиции (10—12 человек). Однако последние не зашли в подъезд, а скрылись в неизвестном направлении. А в это время погромщики пытались выбросить из окон 3 этажа его жену, раздев ее догола, один из них пытался отрезать мочку ее уха, чтобы присвоить серьгу. Установлено, что в это же время во дворе дома Бабаевых находилась группа сотрудников милиции во главе с ответственным должностным лицом, полковником МВД Аз. ССР, которому «ценою огромных усилий» удалось уговорить Мехдиева повлиять на толпу и прекратить погром в квартире Бабаевых.

— Вы в Ереване, потерпевшие тоже. Ходатайство о проведении судебного следствия за пределами Азербайджана отклонено, судебный процесс продолжается...

— С этим очень трудно смириться. Я юрист, не могу смотреть в глаза Аванесян Римме — матери, в течение часа потерявшей двоих сыновей. Владимиру Бабаеву, далеко не молодому уже человеку, оставшемуся без семьи и крова по воле «сумганта». Нине и Хачатуру Бабаевым, выжившим, но не забывшим февральские дни.

История судопроизводства страны не знала такого примера. «Нет практики», — как говорим мы, юристы, в исключительных случаях. Но «случай» имел место. «Сумгаит» невозможно стереть со страниц истории между-

циональных отношений в нашей стране. Новую юридическую категорию «сумгаит» невозможно вырвать из тысяч страниц советского судопроизводства. Это означает, что советская юридическая наука обязана найти в себе моральные силы, чтобы обеспечить всестороннее и полное расследование, осмысление категории «сумгаит», найти адекватную ей оценку. Хотя бы ради того, чтобы «сумгаит» остался единственным беспрецедентным примером в истории отечественного судопроизводства.

Беседу вел
В. САРКИСЯН

«Коммунист»
№ 256 (16535) 30 октября 1988 года

ВОДОРАЗДЕЛ

Первоначально отрывочные сведения о трех последних февральских днях, следовавшие затем напоминающие бред безумного свидетельства беженцев-очевидцев, разрастаясь подробностями, зловещими, наводящими ужас, поначалу ввели всех в протрацию. Кажущиеся неправдоподобными и непостижимыми размеры и методы кошмара, амплитуды количества палачей и жертв, накладываясь на официальные сообщения с их искажениями и умалчиваниями и полное отсутствие информации, разверзли ту бездну, которую условно можно назвать сумгаитским водоразделом.

До сумгаита и после сумгаита...

Если до сумгаита были крепко зажмурены многие и многие глаза, безучастны многие и многие умы и спокойны сердца, то после сумгаита прозвучало тревожное: неужели ничего не изменилось? Не изменилось ничего с 1895-го, 1915-го, 1920 годов? Уже в начале марта азербайджанский писатель улыбался и разглагольствовал о дружбе народов по Центральному телевидению, и спустя несколько дней во главе официальной делегации отбыл в Анкару...

Было заявлено, что никто не избежит наказания. И вот на скамье подсудимых оказались девяносто молодых людей и недорослей, арестованные, большей частью, в

последний день. Согласно официальным, опубликованным в печати сведениям, убито двадцать шесть армян, более четырехсот получили телесные повреждения различной тяжести, сожжено более двухсот квартир, разграблены сотни домов, разрушены более пятидесяти объектов культурно-бытового назначения, повреждены или уничтожены более сорока автотранспортных средств, часть которых сожжена. Государству нанесен ущерб более чем на семь миллионов рублей...

Возникает вполне законное недоумение: как могло случиться, что девяносто желторотых юнцов в течение трех дней разносили целые кварталы, насиловали, жгли, убивали, грабили и мародерствовали, копируя, подобно прилежным ученикам, давние и знакомые методы? Ведь на каждого арестованного в городе приходилось несколько штатных милиционеров, прибавим сюда введенные на второй день в город воинские подразделения и боевую технику. Официально было зафиксировано, что к уголовной ответственности будут привлекаться сотрудники сумгаитской милиции. И если это будет действительно так, то, думаем, судить их надо не за профессиональную беспомощность, мягче — за безмолвие, еще мягче — за халатность, а по обвинению в содействии погромам, резне, грабежам. Свидетельств более чем достаточно: местная милиция буквально покровительствовала диким толпам.

Невольню снял с полки монографию «Геноцид армян в Османской империи». Посол России А. И. Нелидов свидетельствует:

«Из разных турецких кварталов высыпали вооруженные ножами и прутьями толпы башибузуков, которые стали нападать на всех тех, кого принимали за армян, и началось самое варварское избиение беззащитных и ни в чем не повинных христиан. Полиция не только оставалась спокойной зрительницей происходящих ужасов, но даже во многих случаях принимала участие в убийствах и грабежах. Войска, весьма поздно появившиеся на месте беспорядков, также ничего не предпринимали для их прекращения».

Газеты сообщили, что сумгаитские убийцы были вооружены ножами, топорами, огнестрельным оружием, заранее изготовленными одинаково заостренными металлическими прутьями, бутылками с зажигательной смесью.

Десятки лет назад, в Константинополе, согласно официальному документу.

«... по предварительно разработанной системе банды головорезов были вооружены ножами, огнестрельным оружием, керосином, специальными дубинками со свинцовыми наконечниками одного и того же образца».

Были групповыми все изнасилования в «городе дружбы народов». Варвары часто доводили своих жертв до смерти. Насиловали девушек и пожилых женщин: сорвав одежды с измученных и растерзанных, водили их по дворам и улицам, глумились перед входом в чайханы. В одном из документов той же монографии говорится: «... вожак Хаджи Бего проявил чудовищную жестокость, он заставил разрезать на четыре части одну женщину и повесить куски ее тела на столбах для всеобщего обозрения: по приказу этого палача другая женщина была раздета догола и проведена обнаженной по деревне...»

Чудовищная связь времен. Невидимый мост преемственности, который красноречивее всех доказательств свидетельствует, что сумгаит не свалился с неба. Связь эта станет тем более явственной, если те, кто в наши дни упорно игнорирует факт геноцида, хотя бы раз перелистают эту монографию. Перелистают и убедятся, что сумгаитский кошмар стал возможен по той единственной причине, что цивилизованный мир до сих пор не осудил одно из величайших преступлений против человечества. Не осудил, а значит не оградил себя от тьмы и геены.

В Москве, в здании Верховного суда СССР, продолжается суд над Ахмедовым, Исмаиловым и Джафаровым.

Выдержка из обвинительного заключения:

«Руководимая Ахмедовым А. И. группа хулиганствующих лиц, в которую, наряду с неустановленными лицами, вошли Джафаров Я. Г., Исмаилов И. А., вооруженная топорами, ножами, металлическими трубами, арматурными прутьями, камнями и другими предметами, врывается в квартиры, в которых проживали граждане армянской национальности, ломала двери, мебель, другие предметы домашнего обихода, била посуду, стекла в окнах, выбрасывала из квартир, жгла и грабила имущество, причинив своими действиями крупный материальный ущерб каждой подвергшейся нападению семье

130

(перечисляются 17 квартир квартала 41а — А. О.) ..Общий размер причиненного потерпевшим материального ущерба от погрома указанных квартир составил 215.919 рублей. Затраты на ремонт этих квартир в этой связи составили 4.904 рубля».

Предвидя возникающий сразу вопрос, а кто эти другие, неустановленные лица, приведем еще одну выдержку:

«В совершении преступлений принимали участие сотни граждан, в основном, азербайджанской национальности. Погромы квартир, поджоги, избияния, изнасилования, убийства совершались группами бесчинствующих хулиганов. Часть из них следствием установлена и привлекается к уголовной ответственности... некоторые из этих лиц осуждены. Расследование преступной деятельности этих лиц продолжается и займет длительное время»...

Заверение есть, сроки, понятно, указаны быть не могут.

Но возникает другой вопрос, что это стряслось с нашими следственными органами? В случае обыкновенной квартирной кражи, если обнаружен хотя бы один из злоумышленников, выявление других, как уверяют мужественные и проникательные капитаны и майоры-киногерои, всего лишь «дело техники». Но вот официально объявлено, что значительную часть «хулиганствующих элементов» составляли учащиеся ПТУ и живущие в антисанитарных, невыносимых условиях («нахалстрой») отчаявшиеся, преступные элементы. Что же получается: до этого они не знали друг друга, сбились в стаи лишь в последние февральские дни? Три дня подряд, среди бела дня, в присутствии тысяч свесившихся с балкона «зрителей» творили они преступления. И что же, представляет большую трудность выявить свидетелей?

Что бы там ни было, допустим, что это следственная тайна, и людям, далеким от юриспруденции, не разобратся в этих тонкостях и хитросплетениях. Согласимся с этим и подождем, когда же обнаружат остальные сотни преступников. Точнее, тысячи. Поскольку любое лицо, ставшее свидетелем и не сделавшее попытки предотвратить, остановить преступление, становится по закону его участником.

И трое преступников в зале Верховного суда СССР в большей или меньшей степени отказываются от своих прежних показаний, отрицают или признают частично свою вину, изворачиваются, лгут, уличаются во лжи, притворяются простачками и снова лгут. Но слишком вески доказательства, многочисленны свидетели, суд располагает обширными фактами, и возмездие кажется неотвратимым.

Есть еще время для точного определения, и в зале суда решается судьба только троих из них.

Троих из них. Всего лишь троих...

Отдельное дело, небольшой фрагмент бездонных сумгаитских злодеяний, в основном, о тяжких преступлениях в городском квартале № 41а.

Семь жертв: Аракелян Арташ Леонович, Амбарцумян Миша Арсенович, Мелкумян Согомон Маргарович, Мелкумян Ранса Арсеновна, Мелкумян Ирина Согомоновна, Мелкумян Эдуард Согомонович, Мелкумян Игорь Согомонович.

Любое преступление, большое или малое, тяжкое или не столь значительное, имеет свои побудительные причины, мотивы, цели. Повторим эти азбучные истины и вновь приведем выдержки из обвинительного заключения:

«...Увидев это, Ахмедов подбежал к Бабаяну А. А. и с целью умышленного убийства из хулиганских побуждений замахнулся на него имевшимся у него топором, намереваясь нанести удар по голове... (Растерзанный А. Бабаян остался в живых, сумев укрыться на проходной молочного комбината, в это время появились бронетранспортеры и преступники убежали — А. О.) ... Подошедший Ахмедов присоединился к Джафарову, Исмаилову и другим и начал избивать Аракеяна А. Л. В ходе избияния потерпевшего Ахмедов имевшимся у него в тот момент секачом нанес Аракеяну А. Л. с целью убийства из хулиганских побуждений удар по спине. Джафаров и Исмаилов имевшимися у них топорами с той же целью также нанесли Аракеяну А. Л. по несколько ударов каждый по голове и другим участкам тела... После совершения убийства, проявив жестокость, хулиганствующие лица труп Аракеяна А. Л. сожгли... С целью совершения умышленного убийства из хулиганских побуждений Аракеян А. Т. (жена Аракеяна Ар-

таша — Ася. — А. О.) он (Джафаров — А. О.) имеющим у него ножом нанес ей несколько ударов в различные части тела... Полагая, что после причиненных ей повреждений Аракеян А. Т. скончалась, поскольку не подавала признаков жизни, на нее набросили палас, облили легковоспламеняющейся жидкостью и подожгли, в результате чего Аракеян А. Т. были причинены термические ожоги плеч и спины 2—3 степеней... (Рассказанное в зале суда этой чудом уцелевшей, мужественной и невероятно выносливой женщины предпочитаю не излагать. — А. О.) ...Джафаров с целью умышленного убийства из хулиганских побуждений топором нанес удар по голове Мелкумяну Эд., который затем другими лицами был брошен в горевший рядом костер...»

И так — все время...

Предварительным следствием перечисленные действия определены следующим образом:

«Ахмедову Ахмеду Имани-оглы... организация и непосредственное участие в массовых беспорядках, сопровождающихся погромами, разрушениями, поджогами и другими подобными действиями; покушение на умышленное убийство из хулиганских побуждений одного лица; умышленное убийство из хулиганских побуждений с особой жестокостью второго лица; организация умышленного убийства из хулиганских побуждений с особой жестокостью нескольких лиц и пособничество в их убийстве, как лицо, совершившее ранее умышленное убийство».

С незначительными различиями такое же определение в отношении Исмаилова и Джафарова. В обвинительном заключении нет иного определения побудительных мотивов и целей.

Чуть позже увидим, как вожак Ахмедов объясняет свое участие в происшедших событиях.

А пока выясним, что же такое «хулиганство». Согласно советскому уголовному законодательству — это умышленное действие, грубо нарушающее общественный порядок и выражающее явное неуважение к обществу. Особо строгая ответственность установлена за злостное хулиганство (действия, отличающиеся исключительным цинизмом, особой дерзостью, с сопротивлением представителю власти, а также с применением или попыткой

применения оружия). За мелкое хулиганство виновные привлекаются к административной ответственности.

Определение хулиганства одинаково в Уголовных кодексах всех союзных республик. Не представляет труда взять эти кодексы и попытаться втиснуть в рамки определения действия, совершенные, пусть даже не главарем, а отметившим в августе свое 18-летие Джафаровым. Даже при очень большом желании определение «хулиганские побуждения» вызовет снисходительную улыбку у стороннего человека, а у целого народа, пережившего не одну резню, давшего на закланье на кровавый алтарь миллионы, потом десятки тысяч, а в наши дни уже десятки жертв, может возбудить лишь гнев и ярость. Хулиганством можно назвать лишь «соображение», что мол, видите, число жертв со временем сокращается, потому что оно отличается откровенным цинизмом, особой наглостью. Но и в этом случае только при большом желании...

Вернемся к Ахмедову. Согласно его собственным показаниям 29 февраля до 14 часов он находился на рабочем месте, потом направился домой. Дойдя до пересечения улиц Мира и Дружбы (какие названия!), где расположен автовокзал, решил принять участие в митинге, послушал выступающих, которые говорили, что в Нагорном Карабахе убивают азербайджанцев, насилуот женщин. Кто-то сказал, что на станцию Баладжары прибыл состав из Карабаха, набитый трупами убитых. Все это и явилось причиной его участия в массовых беспорядках. Когда в толпе раздались призывы отомстить армянам, он взял мегафон из рук одного парня и предложил пойти в квартал 41а, громить кварталы армян. Большая часть молодежи откликнулась на этот призыв, и толпа двинулась вперед.

Идущий к себе домой с работы и внезапно ощутивший в себе потребность в мщении прессовщик кричал в мегафон следующие призывы:

«Громите квартиры, но вещи не берите, а уничтожайте», «Мусульмане, укажите квартиры армян (свидетель М. Ильясов)», «Смерть армянам, армяне здесь больше жить не будут», «Вы не знаете, что делается с нашими братьями и сестрами в Нагорном Карабахе. То, что мы делаем — ерунда» (свидетель Ф. Аббасов), «Да здравствует Азербайджан», «Братья, наших братьев и сестер

убивают в Карабахе, будут и вас убивать» (свидетель Р. Адилов).

Другой свидетель, А. Меликов, заявляет, что среди тех, кто выводил из его квартиры укравшихся там Игоря и Эдика Мелкумянов, был и парень с мегафоном, который попозже зашел вновь, чтобы попросить извинение за беспокойство, и, показав на свои руки, сказал, что на них есть кровь этих армян.

Свидетель Р. Рзаева говорит: «... потом этот мужчина упал лицом вниз. Тогда мегафонщик ударил этого мужчину тесаком один раз по спине. Мужчина больше не двигался. Мегафонщик ударил его последним. На тесаке после удара была кровь, и мегафонщик потому обтирал тесак о ковер, который накинул на мужчину перед тем, как поджечь его...»

21-го октября, во время судебного заседания одна из овдовевших невесток семьи Мелкумян — Карина Мелкумян, от имени всех потерпевших сделала на суде следующее заявление и попросила внести его в дело:

«Уважаемые судьи.

Велико наше горе, неизлечимы наши раны, несмотря на грядущий приговор.

Мы потеряли своих близких, некоторые из нас — буквально всех.

На скамье подсудимых перед нами и вами трое бандитов, которые любыми способами пытаются уйти от заслуженной кары, ведут себя нагло и вызывающе. Для нас, для вас тоже очевиден тот страшный факт, что они хотя бы внутренне не осуждают свои мерзкие преступления. Наоборот, считают себя жертвами сегодня, а героями — после оглашения приговора.

По ходу процесса становится явным и очевидным, что трое бандитов, а один из них недоросль, не смогли бы бесчинствовать, убивать и насиловать целые кварталы, жечь дома и трупы, машины и живых людей.

Разве у вас не возникает вопрос, а где те сотни людей, где истинные организаторы этого страшного преступления не только против армян, но и всего советского народа, всего человечества?

В советской прессе появилось сообщение о процессе в Бразилии: действия пятерых бандитов, которые привели к убийству трех индейцев, квалифицированы как геноцид.

А разве не геноцид убийство мирных жителей—сумгаитских армян? Вы не убеждены в этом? Вы — высококвалифицированные юристы, которые впервые в своей обширной практике сталкиваются с подобными проявлениями национальной ненависти, вандализма и зверства.

Мы считаем, что высший орган советского суда, выше которого только Закон, не имеет ни профессионального, ни морального, ни человеческого права не учитывать нашу просьбу. Нашу надежду на выявление Истины. А истина всем ясна: в Сумгаите был подготовлен и осуществлен настоящий геноцид, и трое бандитов, три незначительных винтика в этом огромном механизме сидят перед нами и вами и лгут. Лгут беззастенчиво и уверенно. Мы настаиваем на соответствующей квалификации, на выявлении истины.

Не может высший судебный орган нашей страны заниматься элементарной уголовщиной, каковой представляется эпизод сумгаитской трагедии в этом авторитетном здании. Не может высокий суд не дойти до истины и не огласить ее.

Во имя Истины, во имя Закона, во имя Гуманизма».

Остается добавить, что мать преступника Джафарова — свидетель Э. Джафарова, во всеуслышание заявила на суде, что истинных организаторов преступления нет на скамье подсудимых, что ее сын стал слепым орудием в их руках.

В номере десятом за этот год ежемесячника «Век XX и мир» опубликовано письмо заведующего кафедрой русского языка Ереванского государственного университета С. Золяна и комментарий к письму доктора экономических наук В. Шейниса.

С. Золян, в частности, пишет: «Что скажет о нашем обществе грядущий историк, когда, обшарив стопки газет за 1988 год, с удивлением обнаружит, что письма, соболезнования и возмущение происшедшим в Сумгаите можно найти только в личных архивах? Что скажет этот историк, когда узнает, что сумгаитские беженцы, сами нищие, перечислили деньги пережившим железнодорожную катастрофу в Арзамасе, но тщетно будет он искать в какой-либо газете упоминания о фонде помощи сумгаитцам?.. У нас общие беды и общие проблемы.

Всем нам памятно выступление Г. Бакланова на XIX партконференции. Хочу повторить его же мысль, но в иной форме: кто в дни сумгаита предпочел молчать и к этому призывал других, кто не сказал четко и ясно, с кем он: с палачом или с жертвой, — тот завтра окажется перед необходимостью решать: кем ему быть самому — палачом или жертвой».

В. Шейнис пишет: «... значение события и элементарное чувство солидарности требовали объявить общенародный траур (который, к слову сказать, назначался у нас в последние годы по менее существенным поводам). Но если первую реакцию еще можно объяснить элементарной растерянностью, то нельзя понять, почему суду над участниками массовых беспорядков и бандитизма (а не просто хулиганства) не было придано соответствующее общественное звучание, и гласность была как бы притуплена. До сих пор не дан внятный ответ, кто должен отвечать, и как могло случиться, что решительные меры были приняты лишь на третий день погрома, развернувшегося рядом с азербайджанской столицей».

Именно в день, когда были приняты решительные меры — 29 февраля — совершались зверские преступления в 41а квартале, и судьба троих из них решается в Москве.

Фотоснимки Мелкумянов, со свидетельствами о смерти, кратким описанием убийств, видели очень многие.

Вспомним еще раз их спокойные, благородные лица, глаза Согомона, навевающий домашний покой взгляд Раисы, гордую осанку Игоря и Эдика, милое лицо Ирины с едва заметной улыбкой. Сколько похотливых взглядов провожали ее от дома до аптеки № 353, где работала она до своей мученической смерти...

Не могу писать здесь обо всем том, что явственно предстало из показаний свидетелей, описания отдельных убийств, результатов судебно-медицинской экспертизы, не могу ни во имя чего. Это не выше моих сил. Это выше нашего национального нравственного естества. Переживания и нервные потрясения находящихся в зале нас, армян, пусть будут и останутся только нашими. До конца жизни.

Для того, чтобы создать приблизительное представление об этом дантовом аде, приведем лишь одно свидетельство. З. Саламов рассказывает:

...Я увидел, что возле 3-го подъезда дома 26, где проживали армяне, бьют женщину... Это была пожилая полная женщина. Мне было известно, что она является матерью двух братьев-армян... Из подъезда № 3 вывели мужчину в возрасте 30 лет... Когда его вывели, то сразу ударили. Затем его сразу отвели к торцу дома 5а и стали избивать. После этого парень в возрасте 23—28 лет подошел к мужчине, который уже избитый лежал на земле, и положил ему за пазуху горящую тряпку. Мужчина вскочил с земли, закричал и побежал за дом 26. Больше я этого мужчину не видел... Далее увидел, что из второго подъезда дома 26 вывели Ирину. Я ее знал... Толпа повела ее к трансформаторной будке. Что с ней делали, мне не было видно. Когда толпа раступилась, я увидел, что она голая лежит на земле, и ее бьет лопатой по спине подросток в возрасте 14—15 лет. Ударил он ее по спине подряд примерно 5—6 раз. Ирина поднялась, замахала руками. Ее опять ударили... Ирина опять упала... Отец позвал меня домой. Сколько было времени, я не знаю. Но уже темнело. Когда подошел к подъезду, то увидел, что Ирина мертвая. Я так подумал потому, что она была без движения. Глаза у нее были открытые, в крови. Она была в сидячем положении. Спина была прислонена к деревянной тумбочке, которая горела... Вокруг Ирины уже никого не было...»

Спустя шесть дней после кровопролития, в Степанакерте, у Братской могилы воздвигнут был памятник жертвам новой резни. 24-го апреля в Ереване, на холме Скорби «Цицернакаберд» поставили Хачкар памяти и обета. Имена семьи Мелкумян должны быть первыми выбиты на наших монументах, во имя чудом уцелевших их внуков, во имя всех оставшихся в живых, во имя нашей безопасности и как призыв быть бдительными.

Геноцид, большой и малый, величественные монументы и скромные памятники. Снова и снова ищешь ответ на вопрос: кто были они, озверевшие эти толпы в том единственном городе Советского Союза, где есть музей дружбы народов.

Кто эти — трое из них? В прошлом преступники и злостные хулиганы? Отнюдь. В обвинительном заключении есть сведения, характеризующие личности обвиняемых. Вот они.

Ахмедов Ахмед Имани-оглы — учился в местной школе, окончив 8 классов, поступил в ПТУ, в 1982 году был призван в Советскую Армию, после демобилизации работал на разных предприятиях, в момент ареста работал на прядильной фабрике старшим прессовщиком, с места работы и учебы представлены положительные характеристики, ранее не судим.

Исмаилов Исмаил Азад-оглы — учился в местной школе, окончил 8 классов, служил в Советской Армии, в момент ареста работал в тресте «Азхимремонт» сварщиком, с места работы, учебы и жительства представлены положительные характеристики, ранее не судим.

Джафаров Явар Гияс-оглы — окончил 8 классов школы, до совершения преступления учился в ПТУ по специальности сварщика, выполнял в школе общественную работу, согласно характеристике с училища — дисциплинирован, активно участвовал в общественной жизни, ранее не судим.

В общем, как и вся советская молодежь. В обвинительном заключении не указано, но трудно предположить, что они не являлись членами ВЛКСМ: все-таки и служба в армии и положительные характеристики. И дофевральское их существование никак не подпадает ни под определение «хулиган», ни «рецидивист». Прикрываются единственным «оправданием»: они мстили, разъяренные услышанным на митинге, хотя и зверь не пошел бы на такое, что они творили. Эти трое из них... И какие это изуверские курсы надо пройти, чтобы так, без подготовки убивать, калечить, насиловать, грабить, жечь, и все это на «любительском» уровне... Загадка? Отнюдь. Были не только слухи о «баланджарском поезде», были не только матери, простоволосые, бьющие себя в грудь, обращавшиеся к своим сыновьям по бакинскому телевидению: «балаларым, чего вы сидите?..», не только сумгаитские и бакинские деятели и «актриса» призывали к действиям. Корни оголтелого шовинизма, национальной ненависти, армянофобства намного глубже и обширнее. Это все хорошо нам известно и неведомо лишь легковерным или предпочитающим легковерие.

Последние, если имеют хотя бы смутные представления о Библии, то о Коране вообще и не слышали. Но не мешало хотя бы поверхностно познакомиться с этой главной книгой ислама, которая не раз издавалась в на-

шей стране и только в Азербайджанской ССР проповедуются более чем в четырехстах нелегальных мечетях. Об этом сообщала советская печать. Эта книга буквально призывает убивать неверных, пятая сура предупреждает «Не берите иудеев и христиан друзьями... А если кто из вас берет их себе в друзья, тот сам из них».

В нашей стране свободы вероисповедания, где было разрушено, взорвано, отдано под хлевы и амбары около 10000 памятников христианского зодчества, было в то же время построено 1600 новых мечетей. Не по той ли причине, что величайший палач — Сталин, боялся угроз Корана: «Воздаяние тем, которые воюют с Аллахом... Они будут убиты или распяты, или будут отсечены у тех руки и ноги накрест...»

Как выглядят эти явные призывы к насилию рядом с действующими советскими законами, которые предусматривают наказание за пропаганду насилия? На лозунгах организаторов резни 88-го года были начертаны высказывания из Корана: «Аллах проклял неверных и подготовил огонь для них». В ином случае посмели бы «хулиганствующие элементы» четвертовать «неверных», сжигать на «подготовленном пламени» людей? Не посмели, если бы не обладали слепой верой, что они останутся безнаказанными, что выполняют они «священный долг, высшую волю»...

Иначе как объяснить, что ни один азербайджанский интеллигент, ни один академик, писатель, музыкант, художник, режиссер, физик... полусловом даже не осудил преступления своих соотечественников, хотя бы в частных письмах?!

Совсем недавно в Москве на очередном заседании клуба «Демократическая перестройка» Галина Старовойтова заявила, что у нее есть сведения, добытые настойчивыми поисками, что пять представителей азербайджанской интеллигенции в той или иной форме осудили сумгаит. И, если рассматривать это число на фоне лозунгов «Свободу сумгаитским героям» на бакинских митингах, то можно считать это число... вполне достаточным.

Один из тех, кто осудил эти злодеяния, — Чингиз Гусейнов. 8-го августа сего года на брифинге «Нагорный Карабах и гласность» известный азербайджанский писатель, доктор филологических наук, в частности, сказал: «...Конечно, это (сумгаит — А. О.) позорная страница

в истории азербайджанского народа. Это нужно признать... Я должен сказать, что исполнителями чьей-то воли выступали действительно люди, имеющие несколько судимостей, то есть люди хулиганствующие... Что касается суда над зачинщиками армянского погрома в Сумгаите, наши правоохранительные органы несколько замешкались, растерялись. Надо было действовать сразу, не дожидаясь... Сумгаитская трагедия... я повторяю, на совести азербайджанцев, но вместе с тем необходимо отметить, что эта ситуация не всегда используется в целях установления истины, и это усугубляется тем, что правоохранительные органы действуют очень медленно».

Видный писатель и ученый, живущий в Москве, прав; да, это позорная страница в жизни азербайджанского народа, всех народов нашей страны. Ведь любого мало-мальски цивилизованного человека приведут в содрогание скупые, но полные жесточайшего трагизма строчки из свидетельских показаний:

«Да здравствует Азербайджан, долой армян!» (свидетель С. Мирзоева).

«...его окружило человек 15—20, и стали бить топорами, ножами, палками. Били этого мужчину по телу и голове. Потом один из парней вытащил горевший матрас и накрыл им мужчину...» (свидетель Д. Зербалиев).

«...горел весь, сразу. Какой-то пацан бросил в огонь тряпку и убежал...» (свидетель А. Минасянц).

«...девушку раздели и бросили в ящики... Девушка раздвинула ящики и закричала. Тогда к ней подошел парень, примерно 20—22 лет. Этот парень принес с собой чайник — белого цвета, с мелкими цветочками. В этом чайнике был бензин. Парень из чайника облил девушку бензином и сам же поджег ее» (свидетель М. Мамедов).

«...Туловище этого парня оказалось в костре, а ноги вне костра. Он подавал еще признаки жизни, пытался выползти из костра, но какой-то парень придерживал его куском арматурного прута и не давал этого сделать...» (свидетель М. Мамедов, обвиняемый по другому уголовному делу).

«...Двое мужчин потащили лежащего парня к костру.. и бросили его в огонь. Потом подходили подростки и палками подталкивали тело этого парня в костер» (свидетель Еникеев).

«...Я не видела, чтобы на него кто-то вылил бензин, но неожиданно верхняя часть тела парня вспыхнула. Он сразу же упал на землю и начал крутиться, видимо хотел погасить пламя, но быстро затих» (свидетель И. Байкова).

И как после этого всего будут жить эти азербайджанские недоросли? Кто они: «мстители», «хулиганы», «преступники»...?

Суд на этот вопрос возможно не ответит. Его дело наказывать. Коллективная совесть азербайджанского народа — его интеллигенция, также не собирается отвечать? Первым делом — себе. Сама — себе. И своему народу. Нам ответ не нужен. Ответ нам известен...

Он будет сведен к испытанному «аргументу». Мол, всколыхнувшее Нагорный Карабах и Армению мощное всенародное движение, выдвинувшее конституционные и справедливые требования, вызвало противодействие в Азербайджане, и... темные силы учинили сумгантскую резню. Других формулировок пока нет ни в азербайджанских источниках, ни в «мотивировках» преступников.

В печальной памяти статья «Эмоции и разум» так и написано: «Страшнее произошли события в Сумганте. Пользуясь взрывоопасной ситуацией, уголовные элементы с целью грабежа врываются в некоторые квартиры, где жили армяне».

Само время очень быстро и без всяких усилий опровергает все положения этой статьи. Опровергает неумолимо, ибо держит в своих руках перо истины.

Пятьдесят два года тому назад, в номере от 19 августа 1936 года «Правда» напечатала пространную статью тогдашнего руководителя партийной организации Закавказья Берии, в которой автор обвинял первого секретаря ЦК Компартии Армении Агаси Ханджяна в национализме только по той причине, что Ханджян осмелился выступить за воссоединение Нагорного Карабаха с Советской Арменией. Вполне понятно, что руководитель армянских коммунистов был объявлен врагом народа.

Так что не новость ни проблема Нагорного Карабаха, ни предпосылки сумгантского ада. И цель развернувшейся «вокруг событий» недостойной возни и нечистоплотных «игр» — попытаться завуалировать правду «свя-

той» ложью и недомолвками замаскировать всенародное движение со справедливыми требованиями и трагедию.

Не думаем, что удастся. Даже если сотни раз будут повторять вздорные формулировки типа «группа экстремистов» или «умышленное убийство из хулиганских побуждений», суть извратить не сумеют. Черное есть черное. Белое есть белое. Серые — волки, которые очень опасны, когда сбиваются в стаи...

Время от времени всматривался в лица этих троих... Превозмогая боль в сердце, желудочные спазмы, головную боль, сдерживая слезы, всматривался в каждого в отдельности, пытаюсь уяснить для самого же себя, что я о них думаю? Особенно, о вожаке — этом человекообразном с правильными чертами лица. О втором, с тонковатой шеей. О подростке с волчьими глазами.

И вдруг понял, что ничего не думаю. Ощущаю в себе и ненависть, и ярость, и... жалость. Не прощение, не христианское отпущение, а жалость. Жалко их, не имеет смысла так жить, так жить — означает стать тяжелой обузой для всех.

Понял, когда прощался с овдовевшими невестками Мелкумяннов, с вдовой М. Амбарцумяна, с присутствующими в зале суда армянами.

Понял, что думаю о наших юношах и девушках. Остро появилось желание видеть всех счастливыми, гордыми, благородными, порядочными, физически здоровыми, безупречными... Захотел видеть их всех в спортивных залах, где они приобретали бы физическую закалку, чтобы безоружными суметь одолеть вооруженный сброд, видеть всех нераздельными с Землей и Книгой, на благо оставшейся нам частицы страны Наири, пожелал поприсутствовать у всех у них на свадьбах, пожелал слышать нескончаемый крик новорожденных в Армении и Карабахе, армянской диаспоре — везде, где есть армяне. Чтоб восполнялись потери миллионов — десятков тысяч — десятков, во имя нашей стойкости, вечности, бесконечного движения вперед.

Я пожелал, чтобы кончился этот кошмар.

Москва — Ереван

АРМЕН ОГАНЕСЯН

«Коммунист»

№ 258 (16537) 2 ноября 1988 года

НАПРАВИТЬ НА ДОСЛЕДОВАНИЕ

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР под председательством Р. Бризе на последних трех заседаниях заслушала показания свидетелей, вызванных в суд дополнительно по ходатайству адвокатов — представителей потерпевших. Явились не все. Одни не смогли приехать по уважительной причине, другие неизвестно где находятся — из Сумгаита выписались в сельские районы Армении, а туда не прибыли. Их показания на предварительном следствии были зачитаны секретарем суда.

С начала судебного процесса над А. Ахмедовым, И. Исмаиловым и Я. Джафаровым перед судом прошли десятки свидетелей. Их показания составили целый том страшного повествования о трагедии жителей армянской национальности города Сумгаита. Трагедии, которая острой болью отозвалась в сердцах людей, осталась в памяти незаживающей раной. Трагедии, которая вызывает к справедливости и человечности.

В ходе судебного следствия полностью подтвердились обвинения, предъявленные подсудимым. Однако, как заявили в своем ходатайстве представители потерпевших — адвокаты П. Шапошникова и Р. Рштуни, не все совершенные преступные действия получили правовую квалификацию. Необоснованно выделено рассматриваемое судом дело, не выявлены причины и условия, способствующие совершению преступлений, не установлены организаторы и вдохновители этих чудовищных злодеяний.

С этим ходатайством адвокаты обратились в суд 11 ноября. Они просят направить дело на дополнительное расследование.

В ходатайстве поясняется: из обвинения, предъявленного Исмаилову, усматривается, что преступления совершены им из хулиганских побуждений и только. До сего времени средства массовой информации, особенно центральная пресса и центральное телевидение и, что самое главное, предварительное следствие, при всей очевидности, не хотят признать, что лейтмотивом массовых убийств армян в Сумгаите была национальная вражда. Между тем материалами предварительного и судебного

следствия, бесспорно установлено, что погромам, резне, грабежам, насилию предшествовала агитация с целью возбуждения национальной вражды, розни и более того — уничтожения армян.

Игнорирование этого обстоятельства привело к тому, что идеальная совокупность совершенных преступлений не нашла отражения в юридической квалификации, хотя наше законодательство предусматривает ответственность за преступления на национальной почве.

Как известно, ст. 36 Конституции СССР гласит: «Какое бы то ни было прямое или косвенное ограничение, установление прямых или косвенных преимуществ граждан по расовым и национальным признакам, равно как и всякая проповедь расовой и национальной исключительности, вражды или пренебрежения — наказываются по закону».

Исходя из Основного закона, уголовное законодательство, в частности ст. 67 УК Азербайджанской ССР, предусматривает ответственность за нарушение национального и расового равноправия, заключающегося в пропаганде или агитации, с целью возбуждения национальной или расовой вражды и розни.

Доказательством того, что в действиях Ахмедова имеется состав указанного преступления, в частности, агитация с целью возбуждения национальной вражды, является обвинительное заключение, в котором записано: «29 февраля 1988 года примерно в 16 часов в районе автовокзала г. Сумгаита Ахмедов принял участие в стихийно возникшем митинге. С помощью мегафона он стал призывать собравшихся к учинению расправы над гражданами армянской национальности». Кроме того, в процессе судебного следствия также установлено, что Ахмедов в районе автовокзала обращался к собравшейся массе народа с призывами идти убивать армян, чтобы очистить от них Сумгаит, громить их квартиры, уничтожать их имущество.

Многочисленную толпу (200—300 человек) Ахмедов повел за собой в квартал 41а. Там он снова обращался с призывами: «Смерть армянам!», «Да здравствует Азербайджан!» (свидетель Я. Рахимов), «Бейте армян!», «Если спрячете их, плохо будет!» (Р. Адилов), «Мусульмане! Покажите, где живут армяне!» (М. Ильясов) и т. д.

Исходя из изложенного, адвокаты полагают, что Ахмедову должно быть предъявлено дополнительное обвинение в связи с агитацией в целях возбуждения национальной вражды по ст. 67 УК Азербайджанской ССР.

В ходатайстве подчеркивается необходимость соединения в одном производстве дел, связанных с преступлениями, совершенными в квартале 41а г. Сумгаита.

На основании постановлений от 24 июня 1988 года следователя по особо важным делам при генеральном прокуроре СССР В. Галкина из уголовного дела № 18/6026888, в связи с массовыми беспорядками, убийствами и изнасилованиями, имевшими место в г. Сумгаите, выделено в отдельное производство дело Ахмедова, Исмаилова и Джафарова. Ввиду того, что в указанном деле отсутствуют материалы, подтверждающие правильность его выделения, адвокаты П. Шапошникова, Р. Рштуни ходатайствовали об истребовании из прокуратуры соответствующих данных для проверки обоснованности постановления от 24 июня 1988 года. Их ходатайство было удовлетворено. Прокуратура СССР предоставила письмо за подписью начальника следственной части Г. Каракосова. Однако в нем не дано четкое обоснование правильности определения прокуратуры о выделении дела. Не получен ответ, имеются ли в производстве прокуратуры или судов дела других лиц, помимо Ахмедова, Исмаилова, Джафарова, привлеченных к уголовной ответственности за участие в массовых беспорядках в квартале 41а.

Между тем сам по себе состав преступления — «массовые беспорядки», по которому квалифицированы преступные действия, указывает на то, что в них участвовали многие из ворвавшихся в квартал 41а. К тому же во время судебного следствия было установлено, что ряд лиц, вызванных по делу в качестве свидетелей, привлекаются по другим делам, за массовые беспорядки и другие преступления, совершенные ими в этом квартале.

Для полноты, объективности и всесторонности исследования и разрешения дела, подчеркивается в ходатайстве, необходимо объединить дело Ахмедова, Исмаилова и Джафарова с уголовными делами всех лиц, совершивших массовые беспорядки в квартале 41а, независимо от того, что они привлекаются за другие преступления.

Противоречит материалам дела и утверждение в названном выше письме прокуратуры СССР о том, что не собрано достаточных доказательств для привлечения к уголовной ответственности других лиц за убийство и покушение на них, совершенных в квартале 41а. А как тогда понимать показания Г. Мамедова, привлеченного к уголовной ответственности по другому делу? Он заявил, что лично ударил по голове три раза (в суде уточнил — два раза и по спине один раз) куском арматурного прута пожилого мужчину, по делу установлено, что это был Мелкумян Согомон. Г. Мамедов показал также, что мужчину избивали Мамедов Ислам планкой от ящика с торчащими гвоздями и Драч Александр по кличке «гитлер», ранее судимый, который нанес два-три удара лезвием топора. Эти показания в определенной степени подтверждаются заключением судебно-медицинской экспертизы, согласно которой в темно-затылочной правой височной части головы Мелкумяна С. имеется 13 ран, которые, видимо, наносились не одним человеком и не одним орудием.

Мамедов Г. также показал, что Магерамов Низами и Фаталиев Фазули бросили в костер молодого мужчину (по материалам дела установлено, что это был Мелкумян Эдуард).

Адвокаты считают, что указанные выше лица должны быть привлечены к уголовной ответственности в связи с участием в убийстве Мелкумяна Согомона, Мелкумяна Эдуарда, и по этому основанию дело также должно быть направлено на исследование.

В ходатайстве говорится: в нарушение ст. 14 УПК Азербайджанской ССР следствие по делу проведено неполно, не выявлены организаторы преступления, а также причины и условия, способствовавшие их совершению.

В материалах дела имеются сведения о том, что одной из причин и условий, способствовавших совершению преступлений в г. Сумгаите, было бездействие милиции. В г. Сумгаит 28 февраля 1988 года были введены войсковые подразделения для обеспечения правопорядка. Но никаких мер по пресечению погромов, поджогов и других преступлений они не предпринимали, занимались самообороной. Чем было вызвано их бездействие? 29 февраля в 15 часов начальники, главные инженеры,

мастера всех ЖЭКов города была созваны в горсовет и безо всякой надобности пробыли там до 20 часов. Зачем надо было изолировать их во время массовых беспорядков? Ведь это они были призваны первыми прийти населению на помощь.

Факты убеждают: преступление готовилось заранее. В газете «Коммунист Сумгаита» 13 мая этого года напечатана статья «В Сумгайтском ГК Компартии Азербайджана». В ней говорится: «...в дни сложной ситуации в цехах завода (трубопрокатного) имело место изготовление топоров, ножей и других предметов, которые могли быть использованы хулиганствующими элементами».

В этой же статье отмечается, что целый ряд партийных и советских работников г. Сумгаита (первый заместитель председателя горсовета Ю. Табасаранский, зам. председателя горсовета А. Тагиров, директор трубопрокатного завода А. Абдулаев и другие) привлечены к строгой партийной ответственности за ненадлежащее исполнение своих служебных обязанностей, что не исключает наличия в их действиях состава уголовно-наказуемых действий.

В квартале 41а г. Сумгаита А. Ахмедов повел толпу, снабженную арматурными прутьями, ножами, топорами и другими предметами, изготовленными заранее. Кем, где и когда были изготовлены эти предметы, по чьей инициативе погромщики были ими вооружены, по делу не установлено. Не установлено также, кем и с какой целью в ночь с 27 на 28 февраля была завалена у автовокзала грудой камней дорога Сумгаит — Баку. Кто организовал проверку автомашин и автобусов около трикотажной фабрики с тем, чтобы не выпустить из города лиц армянской национальности?

Вызывает удивление, с какой быстротой и оперативностью замечали следы преступлений. На второй же день после погрома все поломанные и разбитые домашние вещи пострадавших были вывезены за город и закопаны. Яму сравнивали бульдозерами с землей.

— «Просим, — заключают адвокаты, — направить на дополнительное расследование дело по обвинению А. Ахмедова, И. Исмаилова, Я. Джафарова, поскольку действия лиц, тесно связанных между собой единством намерения, необходимо расследовать и рассматривать в одном деле. Только такое расследование и рассмотрение

даст возможность с необходимой полнотой и объективностью выявить всех участников и совершенных ими злодеяний в 41а квартале в их совокупности, дать им правильную юридическую оценку, организовать профилактическую работу, чтобы ужасы Сумгаита никогда не повторились, а также назначить справедливое и суровое наказание».

14 ноября судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР рассмотрела ходатайство адвокатов, представляющих интересы потерпевших. Принято определение: ходатайство удовлетворить. Дело направить на дополнительное расследование в отношении подсудимых И. Исмаилова и Я. Джафарова. В отношении подсудимого А. Ахмедова суд нашел, что есть достаточно доказательств для окончательного рассмотрения дела и вынесения приговора.

Потерпевшие отказались от дальнейшего участия в судебном процессе и от представительства адвокатов в связи с тем, что ходатайство в той его части, где говорится о дополнительном обвинении по ст. 67 УК Азербайджанской ССР суд счел необоснованным. Не поддержал суд и ходатайство о необходимости выявить организаторов преступления, причины и условия, способствовавшие их совершению.

г. Москва. По телефону.

С. ЖЕЛТОВ

доб. корр. «Коммуниста»
16 ноября 1988 года

СУМГАЙТСКИЙ ПРОЦЕСС

С 18 октября по 18 ноября в Верховном Суде СССР слушалось одно из девятнадцати уголовных дел о преступлениях, совершенных в Сумгаите во время массовых беспорядков 27—29 февраля с. г.

На скамье подсудимых было трое: Ахмед Ахмедов (24 г.), Исмаил Исмаилов (24 г.), Явар Джафаров (18 л.). Им было предъявлено обвинение: убийство семерых человек, покушение на убийство двоих, разгром

семнадцати квартир в 41-м квартале. А. Ахмедов обвиняется к тому же и как организатор этих преступлений, в которых участвовали, помимо тронх, «сотни граждан, в основном, азербайджанской национальности», говорится в обвинительном заключении.

Очерк об этом процессе в Верховном Суде СССР написала специально для газеты «Советакан Карабах» — «Советский Карабах» московская писательница Инесса БУРКОВА. Автор, излагая факты, почти не рассуждает о них, экономя скромную газетную полосу, а, главное, полагая, что наш читатель превосходно умеет сам анализировать происходящее, делать выводы.

— Расскажите суду, что вам известно о событиях 29 февраля в 41а квартале,— обращается председатель суда Р. К. Бризе к очередному свидетелю.

И этот, как и предыдущие, начинает бормотать что-то невнятное себе под нос. Его просят говорить в микрофон — он продолжает еле слышно бубнить.

— В микрофон,— повторяет судья.

Бесполезно. Через какое-то время выясняется, что и этому свидетелю нужен переводчик с азербайджанского. Однако показания приходится вытягивать из него клещами. Ощущение такое, что действие происходит не в зале суда, а в школьном классе, где учитель наводящими вопросами пытается добиться ответа от тупого или ленивого ученика.

— Что за толпа ворвалась в 41а квартал?

— Не знаю, пацаны какие-то. (Один свидетель даже перестарался, ответил: «Малыши»).

— Кто руководил толпой?

— Не видел. Наверное, никто. Сами действовали...

— В мегафон раздавались призывы?

— Не слышал, все орали.

— Что орали?

— Не помню. «Да здравствует Советский Азербайджан!» Что-то про Карабах. «Они так, и мы с ними так». «Громите квартиры!»

— Чьи?

— Не знаю. Вещи выбрасывали во двор, сжигали. А чьи...

— Не видели, как кого-нибудь избивали?

— Нет, что увидишь? Мы в таком состоянии. Столь-

ко народу! Человек двести-триста, пятьсот. Да жильцы из домов сбежались.

Свидетели отвечали почти одинаково, будто их кто-то заранее подготовил. У каждого с памятью стало плохо: «Восемь месяцев прошло, не помню, что было, что следователю показывал». У некоторых зрение оказалось испорченным. Каждый был в шоке. Но в течение трех часов стоял во дворе или на балконе, бегал за толпой от подъезда к подъезду, от окна к окну и наблюдал, как разъяренные банды вышвыривали с балкона мебель, холодильники, телевизоры, постели. Завороженно смотрел в костры, где сжигалось все выброшенное. Нетерпеливо ждал, когда из квартиры выволокут жильцов, догонят, если кто-то попытается убежать, набросятся на них толпой — только скидываются над головами железные прутья, ножи, топоры. Толпа расступается — убитого швыряют в костер. «Он еще шевелился, пытался выбраться из огня — пятеро парней заталкивали его в огонь железными прутьями». (Свидетель А. Архипов).

Все стояли и смотрели — рядом, в стороне, свесившись с балконов и подоконников. (Свидетель С. Мирзоева).

— Как он мог смотреть!? — гневно спросила на суде потерпевшая Карина Мелкумян, вдова убитого Игоря Мелкумяна. Спросила у подсудимого Я. Джафарова, который пытался не признать обвинение.

— Я не убивал, я смотрел.

— Как мог!..

— Смотреть не трудно. Я смотрел.

Не трудно — не тратил физических сил. О нравственности у Джафарова даже слабой догадки не мелькнуло в голове. Убивать трудней, по его понятиям. Один убийца (пока неопознанный) вместе с другими с такой тратой сил бил ногой сваленную мать Игоря Мелкумяна, что «видно у него даже нога устала: начал искать во круг, что бы взять в руки». (Свидетель В. Добжанский). Когда другой убийца бросил в сторону окровавленный длинный нож, стоявшая рядом маленькая азербайджанка осудила его: «Зачем бросил свое оружие?!» Он подбрал. (Свидетель А. Алатвердилова). Долго, остервенело избивала толпа пожилую беззащитную женщину, глумилась над ее телом. Хищно гонялась озверевшая свора за ее мужем, стронтеlem Согомоном Мелкумяном, за их

взрослым сыном Игорем. Дочь Ирину живую бросили в огонь. Проломив череп, сожгли второго сына Эдуарда, семь лет назад выполнившего свой воинский долг в Афганистане.

— Что не удалось душманам, то за них сотворили азербайджанские убийцы,— с горечью сказала вдова Эдика Ирина. Пять человек семьи Мелкумян зверски убиты, силой вытолкнутые из своего дома. Чудом спаслись две невестки и малолетние внуки Раисы и Согомона Мелкумянов: Ирина с дочерью и Карина с сыном и дочерью, третьего ребенка она родила через 2 месяца после резни. Две молодые женщины в глубоком трауре сидят в зале суда — пострадавшие. Рядом еще две вдовы, пожилые: Ася Аракелян и Жасмина Амбарцумян. Их мужья — рабочий Арташ Аракелян, шофер Миша Амбарцумян убиты в эти же страшные часы.

За что, почему убили семерых человек на глазах у всего квартала?

«Из хулиганских побуждений» (записано в обвинительном заключении) совершили эти «умышленные убийства» подсудимые А. Ахмедов, И. Исмаилов, Я. Джафаров. «Группами бесчинствующих хулиганов» названа толпа, чинившая в 41а квартале «погромы, поджоги, избиения, изнасилования, убийства». Складывалось впечатление в первые дни, что суд уходил от мотивов преступлений, совершенных тремя подсудимыми. Почему они убивали людей? Этот вопрос был задан лишь однажды.

«В Ереване был митинг, слышал, Карабах хотят отнять», — объяснил Ахмедов.

«Почему толпа пришла в 41а квартал убивать армян? В связи с карабахским вопросом, с целью мести за события в Нагорном Карабахе?» — спросил у Джафарова адвокат В. А. Яшин.

«Да, по моему», — ответил на его подсказку Джафаров.

И. Исмаилову вообще не пришлось напрягаться: он заявил на суде, что не был в квартале 41а в тот день, суд пытался доказать ему обратное.

При чем тут Карабах, какие «события» имелись в виду? Почему на политический карабахский вопрос отвечают не в законодательном органе дискуссиями, статьями законов, а убийством людей только за то, что им до-

велось родиться армянами? И суд поначалу оставил эти заявления без дальнейшего разбирательства — «хулиганские побуждения».

Но через несколько дней закончили допрос тех свидетелей, которых приводили в зал суда под стражей (они проходят в качестве обвиняемых по другим сумгаитским процессам), и тех, кто боится говорить правду («Нам с ними жить»), и тех, кто, возможно, в душе заодно с толпой (ведь стояли смотрели, выдавали соседей-армян). Дошел черед, наконец, до честных и нетрусливых людей. Из их показаний да некоторых оговорок предыдущих стала вырисовываться такая картина.

29 февраля в половине четвертого дня в просторный двор 41а квартала, образованный десятью домами, выстроенными в каре, ворвался вопль, крик, вой сотен глоток. «Так бывает, когда забьют гол на стадионе». (Свидетель А. Гукасян). Влетела во двор взбудораженная толпа. Взыла сирена мегафона. «Стало страшно, напомнило, как было в войну». (Свидетель М. Козубенко). Все смолкли. И в мегафон воскликнул хорошо поставленный голос (предполагается, А. Ахмедова): «Мусульмане, скажите, где живут армяне? Громите, жгите их квартиры, но не берите вещи». (Свидетель М. Ильясов).

И разгромили квартиру учителей Гукасянов на первом этаже в доме 2 б.

Опять сирена, голос в мегафон: «Карабах наш! Карабах не отдадим! Не прячьте армян». (Свидетель А. Адылов).

«Пусть они убираются из нашей республики. Мы будем жить здесь сами». (Свидетель В. Меликов).

«Да здравствует Турция!» (потерпевшая Ж. Амбарцумян).

«В Карабахе, в Степанакерте армяне убивали и грабили наших братьев и сестер. Отомстим!» (Свидетель С. Гулиев).

«Горбачев с нами!» (Свидетель В. Добжанская).

«Армянам слишком хорошо у нас живется. Укажите квартиры — мы их уьем!» (Свидетель О. Алиев).

Кто-то показывал. Часть толпы врывалась туда, бесчинствовала, выбрасывала вещи, выволакивала на улицу жильцов. Затем начиналось избиение. Били до тех пор, пока жертва не переставала подавать признаки жизни. Вдруг на улице, возле одного из въездов в квартал,

появилась черная «Волга». К ней подбежали двое из толпы, о чем-то переговорили, вернулись во двор к своим. Взыла сирена. Заговорил мегафонщик: «Смерть армянам, армяне здесь жить больше не будут. Вы не знаете, что делают с нашими братьями и сестрами в Нагорном Карабахе. То, что мы делаем,— ерунда!» (Свидетель Н. Теюбова).

И резня усилилась.

Однажды, не получив от зрителей ответа на вопрос: «Где живут армяне?»,— мегафонщик посмотрел в свой блокнот и направил толпу на четвертый этаж в квартиру, где жила одинокая армянка с дочерью. Их не было дома. Квартиру разгромили. (Свидетель А. Айрапетян). «Видимо у них был список с адресами армян». (Свидетель М. Ильясов).

И так от квартиры к квартире, 16 раз — большинство хозяев заблаговременно скрывались у своих родственников в другом квартале, у соседей, в подвале своего дома, наполовину заполненного водой. Кто остался дома, был убит. Семнадцатую квартиру разгромили у украинца И. Козубенко: у них пытались спрятаться Ася и Арташ Аракеляны. Козубенко не убили, но жить в той квартире они уже не могут: жена перенесла тяжелое потрясение.

«Азербайджанцы, если вы считаете себя истинными мусульманами, укажите, где живут армяне. Я вам покажу их кровь на своем ноже». (Свидетель А. Айрапетян). Мегафонщик доводил до экстаза толпу, потерявшую человеческий облик.

Кто-то крикнул:

— Армянин, армянин бежит!

...Все кинулись догонять Арцвика Бабаяна, который выбежал из дому, чтобы позвонить в милицию.

Его догнали, стали бить. Мегафонщик ударил его топором, замахнулся еще, но тут раздался грохот: из-за угла показался бронетранспортер. Толпа рассеялась, скрылась в квартале, продолжала громить там, охотиться за армянами, избивать, добивать, сжигать.

За что?

— Только за то, что мы армяне,— сказала на суде потерпевшая Ирина Мелкумян, вдова убитого Эдига Мелкумяна, воина-интернационалиста.

На родине, у себя дома, он пал от рук «братьев» — азербайджанцев, окончивших интернациональную школу в Сумгаите, работающих рабочими на интернациональных предприятиях.

«Убивайте армян!» — призывал мегафонщик. И убивали. Не только в 41а квартале. Сколько жизней оборвали в Сумгаите толпы «интернационалистов»? Придет время, и мы узнаем эту скорбную цифру.

В зале Верховного Суда СССР не раз возникал вопрос:

— Почему не обратились за помощью в милицию?

— У нас телефон не работал, после обеда его отключили. (Потерпевшая К. Мелкумян, свидетель И. Козубенко).

— У всех армян был отключен телефон,— показал на суде А. Гукасян, который узнал об этом в горкоме партии, где он с семьей провел несколько первых дней после погромов, ожидая эвакуации. (В горкоме укрывались 4 тысячи армян).

По ходатайству потерпевших в суд был вызван начальник городского узла связи Омаров. Он объяснил суду, что была перегрузка двух АТС города: «Армяне пытались звонить друг к другу». По распоряжению из Министерства связи Аз.ССР отключили несколько телефонных блоков, «чтобы избежать аварии».

— Почему не звонили в милицию из азербайджанских квартир?

— Звонили, когда только увидели перевернутую машину во дворе, еще накануне вечера. «Ждите, приедем». Трижды звонила — не приехали (Потерпевшая К. Мелкумян).

«Возле окон опорного пункта милиции избивали мужчин. Милиция отдала город на растерзание. Не было ее в городе. Я не видел». (Свидетель С. Гулиев).

«Милиция все знала. Чего было звонить?» (Свидетель Д. Зарбалиев, студент, сын майора МВД).

«Столько работников милиции в Сумгаите. Могли бы разогнать. Почему Багиров позволил, чтобы у милиции отобрали оружие? Разоружена она была в те дни». (Свидетель Т. Ахмедова, мать подсудимого).

О том, как реагировала милиция, показал на суде свидетель Арсен Аракелян. Он несколько раз звонил с чужого телефона в отделение, в горотдел милиции, при-

бегал, умолял спасти его мать Асю Тиграновну, избитую до полусмерти, подоженную, чудом оставшуюся в живых: бандиты бросили ее, думая, что она умерла. «Ждите, приедем...» Рассказал Арсен в суде и о чудовищной жестокости врачей «скорой помощи». Эти так называемые врачи не только не оказали помощи женщине с сотрясением мозга, переломами, большой кровопотерей, ожогами второй степени, но даже не позволили Арсену внести мать в помещение.

Арцвику Бабаяну, за которым гонялась толпа, спас жизнь БТР, просто проехавший в тот миг по улице Лермонтова.

Да, 29 февраля войска были в Сумгаите. Даже временами курсировали вокруг 41а квартала, но во двор не заворачивали — там буйствовали погромщики. «Мамочка, мамочка!» — кричала Ирина Мелкумян из пожирившего ее пламени, так громко кричала, что перекрывала грохот проходившего за домом бронетранспортера. Кто-то выбегал на улицу, просил помочь: «Там убивают». «Нам не приказано заходить туда», — ответили из притормозившего бронетранспортера. (Свидетель С. Кулиев).

— В 15 часов я видел много солдат на площади у автовокзала. (Свидетель З. Рзаев).

— Что делали солдаты? Они защищали население? — спросила представитель потерпевших П. Л. Шапошникова.

— Защищали себя, — ответил свидетель.

На площади автовокзала днем 29 февраля собралась огромная толпа, 2-3 тысячи человек.

Вокруг стояли солдаты в касках, с дубинками и щитами. И на бронетранспортерах.

— На площади призывали убивать, и солдаты не реагировали?

— В солдат кидали камнями. Они бросились с дубинками на толпу. (Свидетель З. Рзаев).

— Значит, была стычка между солдатами и азербайджанцами? — спросил председатель суда. — Из-за чего?

— Не знаю, — ответил обвиняемый И. Исмаилов. — Я увидел, что солдаты оказывают помощь своему раненому.

— Один БТР наехал на несколько человек. Я увидел

на асфальте человеческие мозги... в центре города, между автовокзалом и «Спутником». (Свидетель З. Рзаев).

Ребята бросали камни в солдат. Солдаты их преследовали. Мы убежали, — показал обвиняемый Я. Джафаров.

— В 41а квартале не было солдат. Когда перестали солдаты преследовать толпу? — спросил адвокат Р. Рштуни у обвиняемого И. Исмаилова.

— Они за нами не пошли. На автовокзале осталось еще много людей, — ответил он.

— Когда на рассвете следующего дня нас привезли на бронетранспортере в горком партии, я был удивлен, как много войск вокруг здания: десантники, курсанты, моряки и военная техника. (Свидетель А. Гукасян). А внутри кварталов убивают людей.

Армия была в Сумгаите, но оборонялась в основном, не защищала жизнь советских граждан армянской национальности. Почему? Где были городские власти все три дня погромов? Закономерно возник в суде и этот вопрос.

Они проводили митинг на площади перед горкомом партии. (Потерпевшая Ж. Амбарцумян, свидетели М. Омаров и З. Рзаев). М. Омарова вызвали в горком, чтобы радиофицировать площадь. Рзаев в своих показаниях описал митинг 28. 11 на площади Ленина. С трибуны требовали: «Пусть армяне уберутся из Сумгаита!» В толпе раздавались призывы убивать армян. Выступил первый секретарь горкома партии Д. Муслим-Заде. Просил ничего не ломать, не портить государственное имущество. Раздал всем журналы и ручки, чтобы выяснить, сколько человек за присоединение НКАО к Армении, сколько требуют выселить армян из Сумгаита. Обещал дать ответ на митинге через несколько дней. Муслим-заде и писатель (кто?) спустились с трибуны и повели толпу к морю. Позднее Муслим-заде, давая интервью «Комсомольской правде», объяснил, что возглавил демонстрацию, чтобы придать ей мирный характер. Он шагал во главе, а от процессии отделялись группы и врываются в жилые кварталы громить армян («Комсомольская правда» от 27 марта 1988 г.).

В Верховный Суд СССР во время процесса поступила телеграмма из Степанакерта:

«На пленуме ЦК КП Аз.ССР бывший секретарь Сум-

гаитского горкома партии Д. М. Муслим-заде обвинил в трагических событиях в Сумгаите также и руководителяй республики. Об этом более подробно он высказался на Бюро ЦК КП Аз.ССР, накануне, при рассмотрении его персональной ответственности. Мы, принявшие участие в работе этого пленума, обращаем ваше внимание на высказывание Муслим-заде, просим в процессе судебного разбирательства разобраться и в этом вопросе.

Погосян Г. А. — первый секретарь Нагорно-Карабахского обкома партии,

Мовсесян З. М. — первый секретарь Степанакертского горкома партии,

Григорян В. С. — первый секретарь Мартунинского райкома партии,

Багиян Г. Л. — первый секретарь Гадрутского райкома партии,

Варданян З. В. — бывший первый секретарь Мардакертского райкома партии,

Петросян С. К. — бывший первый секретарь Мартунинского райкома партии».

Телеграмму приобщили к делу — не огласили ее.

Свидетель В. Мамедов, бывший начальник ЖЭК—12, показал в суде, что правительственная комиссия во главе с Председателем Совета Министров Аз.ССР Г. Н. Сеидовым, прибывшая в Сумгаит 1 марта, дала указание всем начальникам ЖЭКов срочно ликвидировать все последствия погрома: вывести из дворов остатки вещей, выброшенных из разгромленных квартир, отремонтировать двери и окна, вымыть дворы, подъезды, покрасить в квартирах. Хочется верить, что комиссия, впервые встретившись с таким явлением, отреагировала на погром как на разновидность стихийного бедствия. Так или иначе улики были уничтожены, что заметно осложнило работу следствия.

На скамье подсудимых трое. Только трое. Может быть, они втроем разгромили 17 квартир и убили 7 человек? А где остальные триста-четыреста? А где милиционеры, своим бездействием потакавшие резне? А врачи, не оказавшие помощь жертвам избивений? Где управдомы, выполнявшие роль наводчиков? Связисты, отключившие телефоны? Почему их не судят? Кто заранее подвозил камни к местам погромов? Кто сооружал завалы на дорогах, ведущих из города? Кто снабдил по-

громщиков и убийц адресами армян? Откуда у толпы оказались обрезки арматуры одинаковой длины? (Газета «Коммунист Сумгаита» за 15 мая сообщила, что их нарезали на заводах). Почему мегафонщик взывал к мусульманам? Как городские власти могли допустить, что в течение трех суток шла самая настоящая резня? И почему только городские? Разве в Баку не знают, что происходит в тридцати километрах от столицы республики?

Представители потерпевших, адвокаты П. Л. Шапошникова и Р. В. Рштуни сочли, что следствие не ответило на эти и другие вопросы, и 11 ноября обратились в Верховный Суд с ходатайством направить дело А. Ахмедова, И. Исмаилова, Я. Джафарова на доследование и объединить все уголовные дела по 41а кварталу.

14 ноября судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР, рассмотрев ходатайство, вынесла определение: выделить дело И. Исмаилова и Я. Джафарова, направить его в Прокуратуру СССР для дополнительного расследования. Вместо укрупнения дела произошло его дробление. Фактически ходатайство отклонено.

Потерпевшие К. Мелкумян, И. Мелкумян, Ж. Амбарцумян, А. Аракелян, Т. Мелкумян (брат Согомона Мелкумяна) сделали заявление:

«С 18 октября Верховный Суд СССР слушает дело о массовых беспорядках в г. Сумгаите 27—29 февраля с. г. С самого начала нами и широкой общественностью Армении и за ее пределами было выставлено требование рассматривать это дело в Верховном Суде СССР как дело о массовых убийствах по национальному признаку. После неоднократных и необоснованных отказов Верховный Суд СССР принял его к рассмотрению. Однако в ходе судебного процесса выяснилось, что предварительное следствие проведено необъективно и односторонне. Уже сам по себе факт разделения единого организованного преступления на ряд отдельных и самостоятельных дел свидетельствует о тенденциозности и преследует цель скрыть действительных организаторов и виновников. Кроме того, вызывает протест и квалификация массовых убийств граждан армянской национальности как убийств из хулиганских побуждений. В судебном процессе никак не отражается преступная деятель-

ность местных партийных и советских органов, а также уже находившихся в городе воинских подразделений.

В связи с вышеизложенным, потерпевшая сторона не считает возможным дальнейшее свое участие в судебном разбирательстве и в знак протеста покидает зал заседания.

Мы также отказываемся от дальнейшего участия в суде наших представителей, адвокатов П. Л. Шапошниковой и Р. В. Рштуни несмотря на их усилия восстановить истину, несмотря на их добросовестность в выполнении своих обязанностей».

Ж. Амбарцумян, А. Аракелян, И. Мелкумян, К. Мелкумян, Г. Мелкумян покинули зал Верховного Суда СССР. Вместе с ними в полном молчании вышли все армяне.

18 ноября суд вынес приговор А. Ахмедову: назначил ему высшую меру наказания—смертную казнь, расстрел. Процесс обжалованию и кассации не подлежит.

В частном определении суд отметил вскрытые факты бездействия органов МВД и войсковых частей во время массовых беспорядков в 41а квартале Сумгаита и антигуманного поведения некоторых работников скорой помощи.

Был поставлен вопрос о дополнительном расследовании этих фактов и привлечении к ответственности виновных. Важно не только то, чтобы преступник понес заслуженное наказание; гораздо важнее оценка, квалификация преступления. Этого ждут все честные люди нашей страны.

ИНЕССА БУРКОВА

газета «Советский Карабах», 23 ноября 1988 г.

ФАКТЫ И БОЛЬ

В Москве в зале заседаний Верховного Суда СССР слушается сумгаитское дело. Идет процесс, раскрывающий суть памятных всем событий февраля, когда озверевшие преступники убивали, насиловали, грабили, жгли дома. Были задержаны почти сто подозреваемых. Сейчас судят троих. А. Ахмедову, И. Исмаилову и Я. Джафарову предъявлено обвинение в организации и непосредственном участии в массовых беспорядках, сопровождавшихся погромами, поджогами, участии в убийстве семерых человек.

Понять? Осмыслить? Не знаю, способен ли кто. Суд пытается установить истину, факты, выслушивая, сопоставляя страшные подробности. Суд не может ответить на вопрос, снова и снова повторяемый родственниками погибших: «Как можно спокойно смотреть, когда человека забивают насмерть лопатами? Сжигают?»

— Смотрел,— раз за разом монотонно отвечает со скамьи подсудимых Джафаров, которому в феврале еще не было восемнадцати.

— Пусть он скажет, как мог!

...Их привезли сюда не потому, что они смотрели. Председательствующий на процессе член Верховного Суда СССР Раймонд Бризе отводит вопрос: суд исследует события, а не эмоции.

От прежних показаний все трое отказываются. Утверждают, что на предварительном следствии дали их под воздействием силы и угроз. Да, знали о беспорядках в городе, видели группы возбужденных людей, слышали призывы «отомстить армянам». На вопрос, за что отомстить, отвечают: «Ну, за Карабах...» На вывешенной в зале схеме городских кварталов показывают, где были, куда пошли, где наблюдали, как громят квартиры, расправляются с жертвами. И только. Каждый утверждает, что руки его чисты: посмотрел, пришел домой, поужинал, включил телевизор, потом лег спать.

Внешне эти молодые люди вполне спокойны, не смущаются, когда их показания не совпадают с показаниями свидетелей. С неюношеской бесстрастностью отказался отвечать Джафаров на любые вопросы, касающиеся его письма родным, перехваченного при попытке передать его из следственного изолятора. Оглашается письмо: просьба уговорить свидетелей изменить показания в его пользу.

Не могу утверждать, что подсудимые надеются на безнаказанность. Но постоянно вспоминаешь, что в дни сумгаитского кошмара милиция, городские власти не остановили погромщиков и убийц. Ощущение безнаказанности подхлестнуло толпу. Не знаю, будет ли рассматриваться на этом процессе степень ответственности других лиц, однако оценить их действия или бездействие нужно. Вот только два эпизода в подтверждение несправедности вопроса.

Председательствующий: «Свидетель, расскажите все, что вам известно по этому делу».

Свидетель Иван Малый, вальцовщик трубопрокатно-го завода, житель Сумгаита: «Все? Нам не хватит времени... Видел из окна толпу. Как тащили человека. До этого слышал о погромах, но не верил. Не вмешивался потому, что сделать ничего уже было нельзя. Боялся ли за себя? Да. Потому, что прятал в квартире женщину-армянку. Нет. Азербайджанцам, русским, людям других национальностей опасность не угрожала».

Наверное, не так уж слепа была прицельно охотившаяся за жертвами толпа. Сумгаит заставил нас признать серьезность ошибок, допущенных в национальной политике. И нелегко, нескоро изглядятся последствия февральского взрыва: тысячи семей армян уехали из Азербайджана, тысячи азербайджанских — оставили свои дома в Армении. Чтобы вернулась нормальная жизнь, люди должны почувствовать: гарантии справедливости незыблемы.

Второй эпизод в зале суда. Мать одного из обвиняемых выкрикнула: «Почему здесь сидит мальчишка, разве он все организовал?! Здесь должны быть те, кто его научил, кто все это позволил!»

Потерпевшие аплодировали вместе со всеми. Судья Раймонд Бризе заявил, что прикажет очистить зал, удалит публику, если подобное повторится. Конечно, суд — не театр. Но такая реакция говорит о многом. О том, что даже здесь, где гора, казалось бы, разъединяет людей, они сходятся в стремлении уничтожить пружину зла.

Дело суда — дать юридическую оценку преступлению. То, что конкретное уголовное дело из цепи сумгаитских рассматривается Верховным Судом страны, в какой-то мере оценка и политическая: свидетельство того, как серьезна опасность. Слушание продолжается, и мы еще расскажем о ходе процесса.

Незадолго до начала слушания, выступая по республиканскому телевидению, первый секретарь ЦК Компартии Армении Сурен Арутюнян говорил: «Тревожит людей тот факт, что судебное разбирательство ведется в разных городах страны, а в республику не поступает никакой информации, кто наказан, какое наказание понес, сделаны ли надлежащие политические выводы из жестоких, невероятных в нашем обществе преступлений».

162

Информации не хватает и сейчас. Дело слушается в открытом заседании, но из-за небольшого количества мест в зале доступ ограничен строгой системой пропусков. Председательствующий отклонил просьбы о ведении видеозаписи, и даже телесъемка в первый день процесса была прекращена. Мера объяснимая: камеры могут мешать участникам.

Но суд располагает возможностью перенести заседания в другое помещение. Не следует ли так поступить, учитывая, с каким вниманием ждут информации миллионы людей?

А. ПРАЛЬНИКОВ
«Московские новости»
№ 44, 30 октября 1988 г.

ДАВАЙТЕ ДУМАТЬ, ДАВАЙТЕ ДЕЙСТВОВАТЬ

Второго ноября наша делегация, представляющая Союз писателей Армении, прибыла в Москву, чтобы присутствовать на заседаниях суда, где слушается дело о сумгаитском погроме.

Первое впечатление — ошеломляющее. На тротуаре перед центральным входом в здание Верховного суда Союза ССР нас встречает огромная толпа армянской общественности, пытающейся проникнуть сквозь плотный кордон блюстителей порядка. Писательские книжки и журналистские удостоверения, как тут же выясняется, не обеспечивают права беспрепятственного входа в храм Фемиды. Наше продвижение от одного контрольного поста к другому напоминает Брусиловский прорыв по всей линии фронта. Первой удается осуществить натиск Сильве Капутикян, за ней с переменным успехом завоевывают позиции Маро Маркарян, Анаит Саинян, Арташес Погосян, доцент юридического факультета ЕГУ Джемма Мажинян и автор этих строк.

Вводят арестованных. В их облике вызов, в ломаных жестах кич. Жалость? Нет, жалости они у меня не вызывают. Этого произвольного соболезнующего чувства заслуживают только страдальцы.

Зачитываются показания. Свидетель Керимов от них отказался. Однако закон есть закон, показания сняты по форме и уже легли в многотомное дело. Впрочем, ни одного «живого» свидетеля увидеть нам не удастся. Это мы узнаем потом.

Все три дня мы будем, вжимаясь в кресла, вливаясь ногтями в ладони, слушать бесстрастные описания: «взял секач, ударил по затылку», «бросили в костер», «топорами выломали дверь» и т. д.

Причины неявки на суд у свидетелей самые разные: болезнь ребенка, плохое самочувствие. Возможно, я ошибаюсь, но возникает четкое ощущение — воля свидетелей парализована угрозами противников честного разбирательства.

Свидетелей можно понять. До сих пор не дана политическая оценка происшедшему в Сумгаите, следствие буксует на проработке отдельных беспорядков из хулиганских побуждений. В этой обстановке очевидцам очень трудно сохранять гражданское мужество и верность истине вопреки сложившемуся в городе общественному мнению.

Чему удивляться? Центральная пресса молчит. Номера республиканских газет со статьей Армена Оганесяна «Водораздел» и с интервью с адвокатом Рубеном Саакяном «Настал ли час расплаты?» у нас буквально выхватывают из рук. Москвичи потрясены размахом боев местного значения.

Писателям есть что рассказать. Инициативная группа из профессиональных литераторов, журналистов, историков собрала три тома свидетельств сумгаитских очевидцев из числа лично пострадавших. Работа велась на протяжении девяти месяцев, скрупулезно уточнялся каждый факт свидетельств, место и время каждого убийства устанавливались методом перекрестной сверки отдельных показаний, сопоставлялись гипотезы мотивов преступлений.

Приведу несколько выдержек из этих леденящих душу откровений.

Левон Акопян, бригадир монтажников-высотников Аз.СМУ «Сталькоконструкция» (все называемые должности и места работы очевидцев действительны до погрома. Н. К.).

«27 февраля у памятника Нариману Нариманову я увидел толпу в 50 человек, ведущих митинг, а вокруг нее — море людей. Не пять, не семь тысяч, больше — все стояли и слушали. На одном из транспарантов черным по красному было написано: «Смерть армянам!» Я услышал и такой возглас: «Мусульманин, который не выпьет кровь армян, — не мусульманин! Каждый мусульманин должен убить семь армян!»

«Утром, где-то в 9 часов, это уже 1 марта, по мегафону слышу: «Граждане армянской национальности! Ради вашей безопасности просим вас выйти из квартир! Мы отвезем вас в безопасное место!» Это говорили солдаты из БТР.

Не надо быть корифеем юридических наук, достаточно здравого смысла, чтобы усомниться в бытующей версии избиения лиц разных национальностей.

Александр Гукасян, учитель физики сумгаитской средней школы № 23, который присутствовал 1 марта в сумгаитском горкоме партии на заседании руководителей города, республики и работников аппарата ЦК КПСС как представитель пострадавших.

«В большой комнате за столом сидели Демичев, Багиров, военнослужащий Краев, Муслим-заде и другие работники аппарата. Меня попросили рассказать о том, что знаю. Когда я закончил свой рассказ, Демичев задал вопрос: «Почему же все-таки люди не хотят вернуться домой?» Я сделал вывод, что, наверное, городские власти не показали ему наших разгромленных квартир. Его, наверное, провезли по тем районам, которые не пострадали. Я говорю: вы извините, но лично я первым уеду отсюда, такого же мнения будут и все остальные армяне, которые спаслись. В это время меня поддержал Краев. Он встал и обратился к Демичеву: «Петр Нилович, Александр Михайлович правильно сказал в отношении милиции. Когда я прибыл в Сумгаит, в городе было сосредоточено 850 человек милиции. 850 человек! А результатов никаких! Вся милиция разбежалась! Я, солдат, со своим батальоном в районе автовокзала чудом остался жив. Чудом! Нас закидали камнями. Щиты не выдерживали, ломались у солдат». Демичев тогда опустил голову и сказал: «Поднять руку на армию — это уж слишком! Позовите Сеидова!» (Речь

идет о председателе Совета Министров Азербайджанской ССР. Н. К.).

Когда вошел Сеидов, он приказал ему составить списки милиционеров, покинувших свой пост, и отдать их под суд».

До последнего времени ни об одном уголовном деле на «доблестных блюстителей» нам не известно. Комментарии излишни.

Юрий Мусаелян, электромонтер трамвайно-троллейбусного управления г. Сумгаита.

«27 февраля во время митинга на площади перед горкомом партии я видел, как подъехала грузовая машина, откуда стали выносить ящики с водкой и круглые, величиной с кулак, черные комья анаши и бесплатно раздавать людям».

Мадлена Агаджанян, паспортистка.

«Нет, это были не хулиганы... Целый час смотрела из окна — дрыгалась нескончаемая толпа воющих зверей...»

Зинаида Мудрецова, экономист.

«Нас убивали спящими. По-моему, достаточно одного свидетельства, чтобы этих людей заклеить позором на все века».

Обобщая факты свидетельств очевидцев сумгаитской резни, можно сделать следующие выводы: за несколько дней до погрома в организованном порядке были составлены (по данным ЖЭКов) списки квартир, где проживают армяне; 28—29 февраля телефоны в армянских квартирах были отключены; на улицах разбросан речной булыжник, привезенный в город за много километров; убийцы были вооружены металлическими ломками заводского производства; вслед за толпой погромщиков шли грузовики, куда забрасывали трупы, и пожарные машины, смывающие из брандсбойтов кровь с асфальта; утром 29 февраля, уже с 6 часов, шел ремонт «разбомбленных» квартир; бандиты формировались в отряды по тысяче человек, «тысячники» отдавали приказы по мегафону.

Зная это, легко поверить в цифру, прозвучавшую на суде из уст председательствующего на судебном разбирательстве Бризе: в Сумгаите в результате беспорядков получили увечья 275 солдат.

А суд продолжается. Зачитано ходатайство представителей потерпевших: вызвать для допроса в суд новых свидетелей (трех из числа очевидцев зверской расправы над семьей Мелкумянов, а также над Арташем Аракеляном и Мишей Амбарцумяном) и людей, так или иначе причастных к известным событиям: военнослужащего Краева, бывшего первого секретаря Сумгаитского горкома партии Муслима-заде, начальника ЖЭКа № 12 Мамедова, начальника городской телефонной сети и руководителя профтехучилища Сумгаита.

Прокурор счел необходимым вызов в суд первых трех свидетелей, целесообразность явки остальных пока что под вопросом.

Основываясь на этом решении прокурора, представители потерпевших просят отсрочки следующего заседания для подготовки второго ходатайства. Просьба удовлетворена.

Зачитывается еще одно свидетельское показание. И вдруг крик из зала: «Неправда!» У одной из пострадавших сдали нервы.

Судья делает ей замечание и чтение возобновляется.

Рядом со мной плачут в платочки две пожилые русские женщины. На вопрос шепотом: «Вы из Сумгаита?» — отрицательный кивок.

Близится к концу третий день нашего пребывания в Москве. То и дело срывается мокрый снег, резкий ветер продувает насквозь, на улицах гололед, минус 15. Чуть-чуть теплей было в Сумгаите в те проклятые дни, когда людей голыми водили по улицам, а полубезумные матери в тапочках на босу ногу, прижимая к груди детей, замотанных в тряпье, бежали к солдатам, с последней надеждой на спасение. И захочешь забыть, не получится.

Итак, заседание суда окончено. Оно продлится до 10 ноября. Подавленные, нет, раздавленные тяжестью горя выходим из зала. Нервы на пределе. И вдруг отец подсудимого Джафарова с иезуитским смешком задевает невестку Согомона Мелкумяна, чудом оставшуюся в живых Карину. Она спаслась, перейдя с балкона на балкон соседки по виноградному штакетнику, с двумя малолетними детьми, с шестимесячным ребенком под сердцем. Миг — и разъяренная женщина кричит в ответ: «Сволочь!» И тут происходит невообразимое. Лицо Джафарова превращается в волчью маску, оскалив клыки,

оно рычит: «Надо было всех вас вырезать тогда, и не было бы вас и этого процесса!»

Толпа ахает и приходит в движение. Вся она — сгусток боли, оскорбленной чести, ущемленной гордости, страшного бессилия перед слепой черной ненавистью.

Аккуратно подстриженные мальчики в штатском теснят нас к лестнице. «Да как же это можно!» «В здании Верховного суда!» — раздаются возмущенные голоса.

Я успеваю скороговоркой выпалить информацию выходящему из боковой двери адвокату Р. Рштуни. Бравый майор в штатском вежливо берет меня за локоток, почти ласково журит: «Вы же должны понять, что эти люди...» И он крутит пальцем у виска.

Был ли смысл говорить, что я и все мы устали понимать и при этом оставаться непонятыми, что не мне объяснять ему, стражу закона, где положено находиться тем, у кого не в порядке с головой, а вернее, с совестью. Не знаю, был ли смысл, но я сказала ему все, что думаю по этому поводу. Майор охотно со мной согласился.

Жаль, что рамки, в которых ведется суд, слишком узки для воссоздания целостной картины сумгаитского преступления. Невольно приходит на ум толстовская притча о венике, который развязали и сломали по прутику.

Но были и другие встречи и речи иные. В редакциях журналов «Юность» и «Огонек» в Центральном Доме литераторов, многочисленные беседы с известными писателями, социологами, экономистами, юристами — цветом московской интеллигенции. В последние дни к нашей делегации присоединились Грант Матевосян, комментатор Гостелерадио Армении Константин Тер-Ованесов. Нас слушали, затаив дыхание, веря и не веря собственным ушам. Наше общее мнение — даже они, передовые, едва ли не всезнающие люди весьма скудно осведомлены о том, что происходило при наступлении 15-тысячной орды головорезов на Аскеран (около 50 человек искалечено, 350 машин изуродовано, ни одного уголовного дела не возбуждено). В Сумгаите (точные цифры потерь до сих пор устанавливаются), в Ходжалы (двадцать человек в больнице, один скончался, более пятидесяти машин превращены в груды лома)... А ток по цепи идет, гудит напряжение в миллионы вольт челове-

ческих судеб. Где оборвется следующее звено? Давайте думать, давайте действовать. Преступление против нации не должно повториться. Но о нем должны знать все. Именно поэтому.

Ни один из участников встреч не остался равнодушен к нашему горю. Записывали наши адреса, телефоны, предлагали свои координаты, просили держать в курсе дел. В воскресенье мы побывали на Ваганьковском кладбище, где у Армянской церкви собираются москвичи для обмена информацией. К дереву прикноплен последний номер «Коммуниста», интервью с Генрихом Погосяном. Люди изголодались по правде, по справедливости. Все честные сердца обращены к Армении.

... Вспоминается одухотворенное лицо моего учителя по Литинституту, поэта и переводчика, в том числе и армянской поэзии Льва Озерова, только что выслушавшего мой длинный сбивчивый рассказ. В глазах у него слезы. «Наденька, передайте всем в Армении, что с этого дня я считаю себя армянином...»

Было бы замечательно, если бы эта мысль пронзила сознание и каждого армянина, и он бы спросил себя: «А что я сделал для того, чтобы правда восторжествовала?»

НАДЕЖДА КРЕМНЕВА

Москва — Ереван.

«Ерекоян Ереван» от 11 ноября 1988 г.

«Комсомолец» от 17 ноября 1988 г.

БАКУ — КИРОВАБАД

ЗА ЧТО ПОГИБ БОРИС ГУСЕВ?

У Галины Викторовны и Михаила Сергеевича Гусевых был единственный ребенок, сын Борис, который родился совсем, кажется, недавно — в 1966 году. Он рос, как растут все хорошие, чистые дети — очень любил маму, отца и бабушку, ходил в школу, получал хорошие и плохие отметки, имел настоящих друзей, а потом встретил настоящую любовь. Варола жизни ему было отпущено совсем

немного, но он ее прожил, как и должен жить человек с представлениями о долге и чести. И погиб, как человек, защищая собой других людей.

... Его хоронило все Ярцево, частица многострадальной Смоленской земли, где нет камня, который не проклинал бы смерть — с времен Великой Отечественной.

Снимок выпускной, трехмесячной давности — только что окончено военное училище; Борис — офицер. Вид и озорной, и серьезный — дескать, «знай наших»: к финишу пришел почти отличником. Мать привычно смотрит на снимок глазами, где и надежда и гордость.

Мы не успели на похороны. В газетах прошло лишь короткое сообщение о событиях в Кировабаде (Азербайджан) 22 ноября, скупилось на подробности и телевидение. Сами в редакции выясняли — что, кто, как. Потом ехали в городок Ярцево Смоленской области к родным Гусева, страшая предстоящей встречи. Попали на поминки. Утром Бориса привезли домой, днем в школе, где учился, с ним прощался город. Ярцево, узнавшее полной мерой войну, провожало Гусева на кладбище, и многие сотни людей пытались и не могли понять, как это — в мирной жизни и без Афганистана хоронить мальчиков. Собирали стихийно подписи. Хотели, чтобы кто-то где-то мог услышать их голос, протест, крик: «Остановитесь! Хватит! Что вы делаете?! Вы с ума сошли, что ли?»

Листы с подписями лежат у родителей Бориса — Галины Викторовны и Михаила Сергеевича Гусевых. И — груда телеграмм. Большинство из Азербайджана, соблазнования от частных лиц, организаций. «Может быть, о том, что придется слать соблазнования, в Азербайджане надо было думать раньше!» — говорят они. Телеграмму прислал брат Рагима Мамедова, солдата, что погиб, спасая людей во время снеговых лавин в Грузии. Это дорогие Гусевым строчки. Все-таки есть разница между стихийным бедствием, посланным природой, и бедствием, исходящим от людей.

Оля Гусева, жена, студентка медицинского института, десять дней назад вернулась из Кировабада. Там было спокойно, они с Борисом гуляли по городу. И друзья мужа, ближайшие друзья, приехавшие в Ярцево, чтобы быть

с Борисом до самого конца, подтверждают: все было спокойно. Александр Тропынин, замкомвзвода, рассказывает, как началось и что творилось в это проклятое двадцать второе.

Кировабад, давно так сложилось, разделен мостами через реку на азербайджанскую и армянскую части. Во второй половине дня стало известно: готовится что-то нехорошее. Военные встали у мостов, чтобы остановить людей, готовых к погрому армянских кварталов. Их было очень много. «Это напоминало какой-то обморочный рок-концерт, где человеческих лиц не было. Все — словно в трансе». Военные пустили легкую боевую машину, которая крутилась на месте, не подпуская толпу к мосту. В машину полетели бутылки с бензином, она загорелась и встала, и надо было спасать водителя. Часть роты осталась тушить, часть побежала вперед — к толпе. И тут — сзади, с тыла на ребят покотился грузовик, заведенный и пущенный какими-то подонками. Всемем человек остались лежать.

Кто-то из них в больнице. Рядовых Олега Юрченко из Могилевской области и Анатолия Косенко из Днепрпетровской уже нет, как и Бориса Гусева.

Сюда же тех подонков, на поминки к Гусевым или на поминки в семье Юрченко и Косенко, пусть взглянули бы, что натворили. «Мне ничего не надо, только бы взглянуть им в глаза, взглянуть — и все», — повторяет и повторяет Галина Викторовна Гусева.

В больнице, куда привезли ребят, все попрятались, кроме одной медсестры. Александр (а этот светлоглазый сибиряк из-под Тюмени, юноша, уже не производит впечатление человека своего возраста, случившееся сразу сделало его жестко и точно взрослым) выламывал двери кабинетов, чтобы найти хоть кого-нибудь. Он, далекий от медицины человек, понимал, что значат в этой ситуации минуты. Александр уверен: окажи врачи вовремя помощь Боре — он остался бы жить. Потом приехали врачи из военного госпиталя, стали ребят смотреть, срочно оперировать, но Борису это уже не могло помочь.

Горько писать и нельзя не писать эту правду. Она и в том, что толпа исчезла так же неожиданно, как и появилась — само по себе такое не происходит. И в том,

что никого из партийных и советских руководителей обезумевшего города на месте событий не было — об этом свидетельствует ближайший друг Бориса лейтенант Владимир Исаков. Правда и в том, что Гусевы получили только извещение о гибели сына и до сих пор не пришла первая телеграмма: сын плох, но жив. Они бы могли вылететь, проститься. Правда и то, что они не знали, когда и куда привезут гроб.

Так за что погиб Борис Гусев, офицер, и рядовые Олег Юрченко и Анатолий Косенко, за что расплачиваются те молодые люди, которые лежат сейчас в реанимации и никто не знает — выживут ли?

Да, они сделали то, что должны были сделать: выполнили свой воинский и гражданский долг — защитили мост, за которым — женщины и дети, старики. Но от кого, от какого врага? От соседа!

Смотрим семейные альбомы, родные Гусевым люди перебирают в памяти дорогие мелочи жизни Бориса. Как любил он готовить. Писал недавно; вот вернусь — испеку большой пирог. «Вот он, пирог, Боренька, все на столе, только нет тебя...» — сдавленно прорыдал отец.

Он был отличным парнем, Борис Гусев. Добрым, артистичным, выступал на школьной елке в роли Снегурочки, всех веселил, играл на барабане, пел. Любил рыбалку и технические книги — художественную литературу полюбить по-настоящему не успел. Но он успел многое другое — вырасти в Рязанском военно-воздушном десантном командном училище у знающего командира, одним из первых поступил в партию, был с солдатами и строг, и по-человечески прост. Успел стать и хорошим мужем своей Оли — жаль только, что не оставил на земле ни сына, ни дочери.

Последнее письмо Ольги вернулось нераспечатанным. Отдавали его при нас, и лучше было бы нам никогда такого не видеть.

Галина Викторовна говорит, что теперь спокойных ночей у них не будет — друзья Бориса возвращаются к месту службы, а они стали заменой сына — насколько, конечно, это возможно.

Это противоестественно — матерям и отцам хоронить детей. Это противоестественно — под мирным небом и терять, уничтожать свое общее завтра и вчера. Я не

знаю, что можно сделать, но что-то обязательно надо. Ради всех матерей и детей, ради всех богов остановитесь — хватит!

НАТАЛЬЯ КРАМИНОВА

«Московские новости» № 49,
4 декабря 1988 г.

ОСОБОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

В Баку, в Нахичевани, в Кировабаде объявлено особое положение. Бронетранспортеры, танки на перекрестках. Вооруженные солдаты в касках и бронжилетах.

Закрываются некоторые станции Бакинского метро. В центре города перекрыто движение общественного транспорта. С десяти вечера до пяти утра — комендантский час. И только на площади имени Ленина, оцепленной войсками, днем и ночью перед Домом правительства республики уже две недели идет нескончаемый митинг.

ЧТО ЖЕ ПРОИСХОДИТ? Чего хочет площадь? Почему положение стало особым?

Снова обострилась ситуация, которую принято стало называть «положение в Нагорном Карабахе и вокруг него». Поводом послужило то, что в НКАО, в местности Топхана на территории Азербайджанской ССР, началось строительство производственного помещения кооператива, созданного при алюминиевом заводе, расположенном на территории Армении. Вспыхнули страсти.

Как сказал на внеочередном пленуме бакинского горкома партии первый секретарь ЦК КП Азербайджана Абдул Рахман Везиров: «Проходят митинги. В целом они несут мирный характер. Однако под влиянием определенных сил у нас резко активизировались преступные элементы. Хулиганские выходки произошли в 17 городах и районах республики. Ранено немало людей, есть жертвы».

В Нахичевани группа хулиганствующих элементов разгромила ряд административных зданий. Ущерб причинен зданию обкома партии, сожжен автобус, повреждена другая техника. Бесчинства в Кировабаде обер-

нулись трагедией. Около 4 часов дня 22 ноября толпа окружила горком партии. Заведующий одним из отделов обратился за помощью от имени первого секретаря. Чтобы предотвратить погромы, у моста через реку Гянджачай, отделяющую район, где живет много армян, было выставлено войсковое оцепление. Из толпы полетели угрозы, оскорбления. Потом посыпались камни. Кто-то швырнул в солдат боевую гранату. На оцепление вылетел тяжелый грузовик. Его увидели — попытались остановить. Впрыгнув в кузов и добравшись до кабины, военнослужащие разбили стекла, стали перехватывать руль — их полосовали ножами по рукам...

В Кировабаде погибли при исполнении воинского долга, защищая жизнь и достоинство граждан, лейтенант Борис Гусев, рядовой Анатолий Косенко, рядовой Олег Юрченко.

От имени народа Азербайджана ЦК Компартии, Президиум Верховного Совета и Совет Министров республики выразили глубокое соболезнование и сочувствие родным и близким погибших.

Обстановка в Кировабаде и Нахичевани сохранялась напряженной и в последующие дни. Было немало правонарушений и в Баку. Митинг на площади Ленина продолжался организованно, но в городе появились хулиганствующие группы молодежи. Режим особого положения позволил контролировать обстановку.

Военный комендант особого района Баку генерал-полковник Михаил Тягунов обратился к жителям города с просьбой соблюдать спокойствие, не поддаваться провокациям отдельных преступников, не верить слухам, которых появилось множество. Он сообщил, что трижды в день в установленное время будут передаваться достоверные сведения о положении в городе. Созданы военные комендатуры при аэровокзале, центральном железнодорожном и городском автобусном вокзалах, метрополитене, телефонном узле.

Республиканское телеграфное агентство Азеринформ опровергло, со ссылкой на слова заместителя министра внутренних дел Азербайджана, слух о том, что беспорядки в Кировабаде начались после того, как якобы погиб ребенок, попавший под бронетранспортер. Это вымысел.

Слухов много. В городе часто говорят о провокаторах, призывающих к погромам или утверждающих, что они — жертвы погрома.

— Слухи, — сказал мне генерал-майор Виталий Босов, комендант участка № 1 особого района Баку, на территории которого находится митингующая площадь. — Официально заявляю, что ни одного человека, подозреваемого в провокационных речах, к нам не доставляли.

С фотокорреспондентом Павлом Кассиным мы тоже попали в «провокаторы». Неизвестные люди, отказавшиеся сказать, кто они, потребовали предъявить разрешение снимать на улицах. Ни редакционные удостоверения, ни увещевания, что никаких особых разрешений не требуется и в природе не существует, не подействовали. Нам доставили в помещение, где собирались люди, назвавшиеся членами комитета по проведению митинга. Они объяснили, что снимать, конечно, можно. Но многие горожане беспокоятся, что в кадр попадет только «неужное», порочащее демонстрантов. Выделили людей для сопровождения, которые будут предупреждать возможные эксцессы. Вскоре провожатые попытались заняться «цензурой». Этот лозунг снимать не нужно. Зеленый флаг — тоже, лучше другой. Потом требовали засветить все: «Вы покажете только «пену», которая сопутствует любому движению. И ничего не расскажете о причинах митинга, о требованиях людей на площади».

Чего же требуют те, кто по многу дней не уходит от дома Правительства, кто объявил голодовку, кто говорит с трибуны, кто привозит сюда дрова для костра, еду и воду для митингующих?

Отсекая то, что называется «пенной», требования можно свести к нескольким основным пунктам. Прекратить строительство в Топхане, ставшее поводом для выступлений и забастовок (кстати, уже опубликовано официальное сообщение, что оно прекращено и техника с площадки вывезена). Наказать виновных. Распустить бюро обкома партии НКАО, создать новое, интернациональное по составу. Создать на территории Армянской ССР автономную область для азербайджанской части населения. Если это не будет сделано — упразднить автономию Нагорного Карабаха, превратив область в обычные административные районы Азербайджанской

ССР. Прервать экономические связи с Арменией, если НКАО не соглашается отказаться от требований выхода из состава Азербайджанской ССР, нарушая решения Президиума Верховного Совета от 18 июля этого года.

Участники митинга хотят, чтобы на эти вопросы им ответили руководители Азербайджана. Люди требуют правды о фактах коррупции, наказаний за годами творившееся беззаконие. Улучшения экономической обстановки в республике, условий жизни и работы. Требуют вернуть народу его историю, искромсанную учебниками времен сталинщины, отсеченную от нынешней молодежи двумя произвольными изменениями азербайджанской письменности, так что теперь редко кто может прочитать не только книгу начала века, но и надпись на дедовской могильной плите:

Военные машины на улицах Баку украшены цветами и воздушными шарами. По броне прыгают дети. Это, конечно, успокаивает. Но парализованы заводы, дымят ночные костры на площади огромного города. Мегафоны разносят слова и речей и лозунгов. А вечером, чтобы выйти из дома, нужен специальный пропуск.

— Армия решает вопросы, связанные с защитой конституционных прав, — говорит заместитель по политической части коменданта особого района Баку, генерал-майор Борис Александров. — Положение в городе сложное. Обстановка контролируется.

АНДРЕЙ ПРАЛЬНИКОВ,
спецкор «МН»,

«Московские новости» № 49,
4 декабря 1988 г.

ГРАНИЦА

двух союзных республик, воспринимавшаяся многие годы почти условно, стала линией напряжения. Она пролегла по земле и по сердцам людей.

От Еревана до пограничного с Азербайджаном Иджевана — 170 километров по шоссе. После введения в столице Армении особого положения, жесткого режима въезда в город машин на трассе заметно поубавилось.

Но дорога от Еревана продолжает быть тревожной: за последние 5 дней в республику прибыло более 6 тысяч человек из новой волны беженцев.

За день до поездки в Иджеван мы встречались с министром внутренних дел республики Уским Арутюняном. Среди точек особого напряжения он показал на карте не только пограничные поселки, но и районы со смешанным армяно-азербайджанским населением. После нападения на поезд, тяжелого ранения машиниста и его помощника из ереванского депо движение на железной ветке Ереван—Баку, идущей через Нахичевань, сведено до минимума. По взаимной договоренности двух республик отменен пассажирский поезд Баку—Ереван.

Мы задали министру вопрос об общем количестве беженцев из Азербайджана. В течение этого года из соседней республики выписалось 22 тысячи человек. 16 400 из них перебрались в Армению. Но, подчеркнул министр, цифры эти очень приблизительные. Меньше становится и азербайджанцев в Армении. В том же Ереване остались 883 человека — 201 семья. Кстати, азербайджанцы исчезли и с ереванских рынков. Как утверждают тут, цены сразу подскочили.

Иджеванский район Армении граничит с Казахским районом Азербайджана. Отношения двух районов всегда считались образцом дружбы. Ближе к границе на азербайджанской стороне даже построили монумент, на котором три лепестка огромного цветка должны были символизировать союз трех закавказских республик. Теперь на границе передовые посты, посты ГАИ, полоса, которую заняли патрули Владимирской спецшколы МВД. Все изменилось, национальные чувства обострены до предела, теперь с армянской стороны обратили внимание: их лепесток на цветке-монументе меньше других.

... Пограничная ситуация между двумя республиками усугублена еще и фактом: в Азербайджане есть армянские села. И наоборот. Два таких села, азербайджанские Бархударлы и Софлы, — в Иджеванском районе. У обочины толпа мужчин-азербайджанцев.

— Тяжелое время, — говорит рабочий Намик Кулиев, — многие испуганы, вывезли в Азербайджан детей, жен. Но все мужчины остались. Столкновений с армянами у нас пока не было ни разу.

С 23 ноября ежедневно в Иджеван прибывают беженцы из Шамхора, Мингечаура, Казаха, Кировабада... Люди собрались вокруг Аси Геворковой с дочкой и двумя внучками. Их привезли из Кировабада к границе друзья-азербайджанцы. Говорят, кто без машины с азербайджанскими номерами и азербайджанцу за рулем пробиться к Иджевану было бы невозможно.

У поста с армянской стороны множество машин. Приехали встречать родственников-беженцев. К ночи должны подойти пять автобусов с армянскими семьями из Шамхора. На посту долгое ожидание. Собрались первый секретарь райкома, председатель горисполкома, начальники районных отделов КГБ и милиции... Сколько будет семей? Где размещать их и чем кормить? А главное, как успокоить город, не дать выплеснуться ответной реакции?

Наконец автобусы прибыли. Начинаются переговоры. Час, а может, и больше машины с договаривающимися сторонами ездят от поста к посту. Дети и взрослые сидят в автобусах. Наконец объясняют: азербайджанская сторона отказывается передавать беженцев, пока не убедят фотокорреспондентов...

В Ереван возвращаемся ночью. На пустой еще утром дороге появились самодельные шлагбаумы, отряды самообороны. Проверяют документы. Думаю, эти молодые люди сами плохо представляют, кого они ищут.

ВИКТОР ЛОШАК,
специальный корреспондент

Ереван—Иджеван.

«Московские новости», № 49,
4 декабря 1988 г.

ТЕПЕРЬ Я ЗНАЮ, ЧТО ЧУВСТВОВАЛИ ЕВРЕИ ГЕРМАНИИ В 1938 ГОДУ

(Бакинский дневник)

Эти письма написаны уже достаточно давно, но только сейчас мы получили разрешение их опубликовать. Хотя события, в них описываемые, уже перешли в ранг истории, наверняка нашим читателям будет интересно ознакомиться с впечатлениями очевидцев.

М. А.

22. 11. 88.

Шестые сутки подряд народ митингует на площади круглосуточно, но если 4 дня все ограничивалось площадью, то вчера все выплеснулось в город. Шлялись толпы народа, кричали: «Карабах!», «Сумгаит!» и т. д. Вчера бастовал транспорт (автобус, троллейбус, трамвай, такси, часть дня — метро), заводы Шмидта, кондиционеров, ряд других, часть магазинов. На площади было тысяч 200, если не больше, притом контингент сменный — шел поток на площадь и поток с площади непрерывно. Немногие автобусы, которые ездили, останавливались и выгоняли народ, а всех гнали в парк. Сегодня все то же самое, но намного резче. Появились флаги суверенного Азербайджана (сине-красно-белый с полумесяцем и звездой). Ходят типы с повязками на голове а-ля иранские смертники. Обстановка достаточно нервная. По городу носятся машины с торчащими из окон флагами и гудящими сиренами. Вчера было, в основном, без эксцессов (хотя перевернули автобус и положили его поперек трамвайных путей и побили несколько такси), а сегодня уже веселее. С утра в Арменикенде уже швыряли камни, а сейчас говорят, что уже переворачивают машины. Правда, надо отдать должное — на площади порядок. Организовано все достаточно прилично, но в городе, в целом, неприятно. Короче говоря, на «штахим» безопаснее.

Толчком ко всему послужили события в Нагорно-Карабахской автономной области. Армяне, не сумев отделаться юридически, решили сделать то же самое де-факто, то есть разорвать все экономические и политические связи с Азербайджаном и наладить связи с Арменией. В районе Шуши они стали строить алюминиевый завод, вырубали при этом ценный курортный лес. Азербайджанцы тут же стали утверждать, что этот лес — их национальная реликвия, там был Бабек и т. д.¹ В результате этого на площади собралась огромная толпа. Энтузиасты там пьют, едят и спят. По ночам жгут костры. На бульваре брезентовые палатки, в одной штаб с казначеем, в другой — голодающие. Демонстрантам бесплатно раздают жратву и питье, по слухам, Зейнаб Ханларова прислала в подарок грузовик с сервелатом. Доска почета, металлические конструкции для портретов

вождей увешаны лозунгами: «Армяне — вон из Азербайджана», «Армяне, убирайтесь». «Свободу Ахмедову» (это сумгаитский убийца, его огромный портрет висел на Доме правительства). Рядом висят портреты Хомейни и рядом с ним Алиева и Муслима-заде (бывшие руководители республики). Я видел у демонстрантов плакаты с карикатурами: молодцеватый азербайджанец пинком под зад выгоняет из своего дома подлого вида красноносых армян, среди которых — женщина с отвислыми грудями и крестом на шее.

Одновременно с этим сегодня прошел вечер памяти Януша Корчака в районной библиотеке. Было человек 40, многие, явно посторонние, пришли по объявлению. Конечно, если бы не забастовка транспорта, то было бы больше.

23. 11. 88.

Беспорядки продолжаются, причем, по-моему, еще более активно, хотя транспорт уже ходит. Вчера по местному телевидению (центральное молчит, как Зоя Космодемьянская) показывали митинг на площади. С трибуны выступали братья-палестинцы в своих одеялах. Их пригласили, очевидно, поделиться опытом. Телевизор продолжает показывать выступления знатных азербайджанцев, но я мало что понимаю из-за незнания языка. Кроют Балаяна (Зория), Аганбегяна, Сильву Капутикян. Бахтияр Вагабзаде в своей речи по телевизору посетовал, что молодые ребята — выпускники азерсектора по окончании института не находят работу в Баку и уезжают в Россию, а для других наций в Баку работа есть. Он выразил также свое восхищение азербайджанскими девушками, которые до 40 лет не дают, лишь бы не выйти замуж за другую нацию. Армяне первые дни ходили, как обосранные, потом стали массаами уезжать из Баку. Их очень жалко. Временами, в моменты наибольшего разгула страстей мне с ужасом представляется обстановка в Германии.

Теперь я знаю, что чувствовали германские евреи в 1938 г. Недавно на ВП, где я работаю, одна хомейни-образная дама, обращаясь ко мне, кипятилась: «Они едят наш хлеб и плюют нам в лицо! Вся история Армении — это гадость!» И все это при сидящей здесь окаменевшей армянке, которая спустя несколько дней уехала

в Ереван. Про Сумгаит упомянутая выше дама заявила: «Сумгаит — это город, где азербайджанцы героически защищали армян». Резню, конечно, спровоцировали армянские подстрекатели. (Прим. Улавливаете связь с нашими левыми, которые утверждают, что беспорядки на территориях спровоцированы поселенцами?). Армяне передали подсудимых в РСФСР, чтобы скрыть свои грязные делишки. В газетах появилась статья о некоем всемирном армянском заговоре. Доводы типа: «У Дукакиса заместитель — армянин». Каждый день какие-то новые пикантности: разбили мемориальную доску на доме-музее Шаумяна, сегодня я ехал в метро, на схеме заклеено название станции «Шаумян» и сверху написано «Карабах». Народ на площади требовал Шуйского, то есть, пардон, Везирова, но он показаться не пожелал. На работе у нас юные патриоты отправились на площадь. Их лидер, некто Натик, очень интеллигентная личность, даже заявил директору, пытавшемуся их удержать, что сообщит его (директора) данные истинным патриотам.

24. 11. 88.

Сегодня ночью введено особое положение и комендантский час с 22.00 до 5.00. По всему городу стоят танки, БТР, БМП, солдаты в бронезилетах и с автоматами. Запрещены демонстрации, митинги, закрыты кинотеатры. Но, несмотря на это, народ шляется, причем несет портреты убийц Сумгаита, получивших «вышку». С площади не расходятся. Площадь окружена танками, их уговаривают разойтись. Позавчера были столкновения с войсками в Кировабаде и Нахичевани, вчера в Нахичевани и Махачкале. Это то, что точно известно. Только в Кировабаде 3 убитых солдата и 126 раненых демонстрантов. Жгут и громят райкомы. Короче говоря, весело.

Руководит беспорядками некий Неймат Панахов, рабочий, 26 лет. Но я думаю, что его скоро уберут, потому что он призывал присоединиться к Ирану или к Турции. По площади Ленина ходит собака с привязанной к ней надписью «Вазген» (бедного католика тоже кроют на всю катушку).

Еще одно отрицательное явление: все кроют матом перестройку. Некоторые ностальгически вздыхают об Иосифе Виссарионовиче Сталине. Надо сказать, что

армяне в Армении тоже ведут себя по-скотски и выгоняют азербайджанцев. Евреев пока не трогают, но недавно одной знакомой девочке на работе медсестра, с которой у нее были прекрасные отношения, заявила: «Надо будет и с евреями разобраться». Интересно наблюдать изменения в массовой психологии людей: интеллигентные люди вдруг начинают беззастенчиво честить армян и прочее.

25. 11. 88.

Вчера я в перерыв наблюдал происходящее. Жуть. Площадь была оцеплена кольцом солдат. Второе кольцо стояло на Шаумяна, пр. Ленина. Между домом правительства и универсамом «Баку» стояла колоссальная толпа, орала, скандировала, пыталась пробраться на площадь, задевала солдат. Было очень нервно, на грани столкновения. Потом, очевидно, решили избежать столкновения и пропустили их на площадь. Запрет на митинги и демонстрации практически не работает. Силу применять бояться во избежание беспорядков, но все равно стало поспокойнее. Никогда не думал, что придется жить при комендантском часе и особом положении. Зато теперь я готов к жизни на «штахимах». Ничем не удивить.

28. 11. 88.

Понедельник. Тьма солдат (говорят, сто семьдесят тысяч). Два вечера подряд прямо под балконом стоят три БМП, человек тридцать солдат. Комендантский час. На каждом углу задерживают машины, проверяют документы, багажник. Эффективное зрелище. И что любопытно, никто из водителей не выясняет отношений. Очевидно, автомат с примкнутым штыком, направленный в живот — достаточно сильный аргумент.

Опять по телевизору выступают знатные азербайджанцы. Один из них рыдал, говоря, что азербайджанцы в своей собственной республике подвергаются дискриминации, что все лучшие рабочие места, должности, квартиры занимают армяне, евреи, русские, что надо принимать меры. Ему явно не дают покоя лавры Нельсона Манделы.

Вчера также состоялось первое организационное занятие курсов иврита. Записалось 43 человека! На идиш и татский — никого. На идиш хотели две девицы, но, увидев ситуацию, переметнулись. Многие записываются семьями.

1. 12. 88.

Уже зима. Шум здесь уменьшился, но все еще очень напряженно. Солдаты, митингующие, которые пренебрегают особым положением. Продолжает действовать комендантский час.

Продолжается массовое бегство, усиливающееся с каждым днем. Кто в Ереван, кто подальше. Через 2-3 года в Баку не будет ни армян, ни евреев. Все будут довольны.

Кипит вся республика. Говорят, что было в Шемахе, где-то еще. Надо сказать, что все это очень и очень не смешно. Выясняется, что Сумгаит — это не самое худшее, что могло быть.

5. 12. 88.

Сегодня ночью, по слухам, митинг на площади все-таки разогнали. Точно еще не знаю, но, во всяком случае, транспорт не ходит намертво, опять демонстрации под крики «Карабах!», «Месты!» и т. д. Очень занятно. Последние дни в городе неважно. Бьют армян, громят квартиры. Напряженность уже почти 3 недели.

6. 12. 88.

Около 10.30 возле МВД собралась толпа в несколько десятков тысяч человек, которые стали забрасывать его камнями. Меня потряс героизм нашей милиции, которая не поддалась на провокацию, храбро заперла двери и хранила гордое молчание. Нас с работы распустили, и я пошел домой. По городу неслись группами по 4 БМП, ВТР, машины и автобусы с солдатами. Я пошел на Басина и когда был на уровне консерватории, началась стрельба. Побежал в обратную сторону, взял машину и доехал до дому. Весь день шатались толпы, их разгоняли, шла стрельба по всему городу. В итоге всего этого, как сообщил на следующий день комендант города, «были убитые и раненые».

7. 12. 88.

Сегодня все тихо, но город забит танкамч. БМП, солдатами. И слава Богу, а то здесь было бы почище, чем в Сумгаите. Среди солдат, как сообщило радио, 3 уби-

тых и 14 раненых. Ранено также 30 гражданских лиц. Это уже ближе к истине, хотя вопрос — насколько ближе. Наблюдал вчера отряд армянской Хаганы. На Завокзальной стояло человек 20 с собаками, ждали гостей. Говорят, что так было во многих местах. Но ведь «гости» — народ осторожный и при соотношении меньше чем 10:1 визитов не наносят.

Последние события резко изменили в пользу отъезда умонастроение многих евреев, раньше об этом и не помышлявших. Это последнее — единственный положительный результат всех наших чудных происшествий. Скопилось большое количество вызовов. Вчера дозвонился до О. Это был анекдот. Первый раз позвонил В. Мне сказали, что у него номер не отвечает. Так и не дозвонился. Вечером звоню, меня сразу соединяют. Там говорит женский голос: «Алло», — я чисто машинально говорю: «Да», — на что мне по-русски отвечают: «Слушаю Вас». Я спрашиваю: «Мойша дома», — мне говорят, — «такого нет». Я, извинившись и сказав, что ошибся, вешаю трубку. Звонит телефонистка, я ей объясняю, что соединили неверно, она соединяет по новой. Опять тот же голос. Я: «Это такой-то номер?» Она: «Да». Я: «Это Иерусалим?» Она: «Нет, это Реховод». Я вспомнил «Мимино». Короче, позвонил О. В 2 захода сумел продиктовать лишь половину данных. 2 раза разговор прерывался, а в 3-й раз телефонистка отказалась соединить. Такой вот занятный казус. Я прикинул, что в Израиле русскоговорящих порядка 5%. И это же надо — попасть не туда и нарваться на наших.

12. 12. 88.

Тут же поутихло. Имеет место большая народная радость по поводу землетрясения. Во многих городах устраиваются банкеты. Короче говоря, реакция, несколько отличающаяся от «плечом к плечу», упоминаемого в газетах. Вообще, конечно, кошмар. Вчера передали, что приехали израильтяне.

Еженедельник «КРУГ»
(«KRUG») Тель-Авив,
23. 07. 1989.

ПРИМЕЧАНИЕ

Имеется в виду Топхана, безлюдный пустырь, на котором решением Аскеранского райсовета от 23. 10. 1988 г. планировалось разместить небольшой пансионат Канакерского алюминиевого завода. Этот эпизод послужил основой для оголтелой антиармянской кампании в азербайджанских средствах массовой информации, результатом которой стали массовые беспорядки, погромы и убийства. Азербайджанцев и всю советскую общественность убеждали в том, что Топхана — историческая и природная реликвия, хотя она не значилась ни в каких реестрах памятников истории, культуры и природы. Утверждалось также, что в Топхане планируется возвести алюминиевый комбинат, который призван резко ухудшить экологическую обстановку. Хотя специально созданная комиссия Госкомприроды СССР в своем заключении опровергла все утверждения азербайджанской стороны, эпизод с Топханой продолжал использоваться для нагнетения антиармянской истерии, почему и был введен в заблуждение автор «Бакинского дневника». Об эпизоде с Топханой см. также в статье К. Михайлова «Нам вместе жить» в настоящем сборнике.

1989

НАМ ВМЕСТЕ ЖИТЬ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС? РЕШЕН! — УВЕРЕННО ГОВОРИЛИ МЫ НЕСКОЛЬКО ЛЕТ НАЗАД. РЕШЕН? — СОМНЕВАЕМСЯ МЫ СЕЙЧАС, ВСПОМИНАЯ ТРЕВОЖНЫЕ АДРЕСА ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ: АЛМА-АТА, НКАО, ЭСТОНИЯ, АЗЕРБАЙДЖАН, АРМЕНИЯ...

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС. ПРОБЛЕМЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОЕКТЫ В НОВОЙ РУБРИКЕ «СОБЕСЕДНИКА».

В конце ноября — начале декабря 1988 года столица советского Азербайджана жила небывалой, беспокойной жизнью. Особое положение, комендантский час, патрули, танки на городских улицах сочетались с многотысячными митингами и демонстрациями, призывы к справедливости и здравомыслию — с поджогами и налетами на квартиры, известное на весь мир бакинское гостеприимство — с откровенной враждой ко многим из тех, кто родился и вырос в городе на Апшероне. Забастовка, голодовка, беженцы, экстремисты — тревожные слова из Бакинского словаря тех дней. Историки, социологи, политики, вероятно, долго будут спорить и размышлять над тем, как забытые, казалось бы, идеи межнациональной розни стали вдруг осязаемой материальной силой и наложили заметный отпечаток на жизнь Армении и Азербайджана конца 1988 года. Дать универсальный ответ на этот вопрос сложно. Но несомненно, что и для анализа, и для решения проблемы необходим правдивый, честный непредвзятый взгляд на любые события.

18 ДНЕЙ ПЛОЩАДИ ЛЕНИНА

17 ноября 1988 года на центральной бакинской площади Ленина, перед огромным Домом правительства, начался митинг. Он продолжался почти три недели, до ночи с 4 на 5 декабря. 24 ноября в городе ввели особое положение и комендантский час, площадь оцепили войс-

ка, боевые и пожарные машины подкатывали к ней и отъезжали обратно, «митингантам» (новое бакинское словечко) предлагали разойтись, чтобы законы особого положения, запрещающие митинги и демонстрации, не пришлось претворять в жизнь силой... А митинг не угасал, на площади собирались днем до полумиллиона человек, а тысячи самых упорных оставались на ней ночью. Соседний Приморский парк, по которому так любят гулять туристы, накрылся бесконечной чередой полотняных палаток, задымили трубы самодельных печей, а огромное асфальтное пространство площади Ленина до сих пор рябит крупными темными оспинами — от костров.

Чего же хотели «митинганты»? В одном из обращений участников митинга их позиция выражена предельно ясно и четко: «Идет фактически аннексия неотъемлемой части Азербайджана — НКАО...»

Азербайджанский народ в знак протеста против бездействия руководства начал с 17 ноября круглосуточные митинги и демонстрации в Баку...»

Последней каплей, после которой поток народного возмущения захлестнул площадь, были сообщения Азербайджанской и бакинских газет: «В местности Топхана близ Шуши (в НКАО — К. М.) в экологически чистой зоне, известной как историческая достопримечательность, кооператорами из Армении вырубается деревья ценных и редких пород», задумано «строительство филиала Канакерского алюминиевого завода» — без санкции республиканских органов.

Площадь бурлила. Внимала речам ораторов. Скандировала: «Ка-ра-бах!», «Азербайджан!» Пела национальные песни. Она ждала решений, не верила военному коменданту особого района города Баку Михаилу Тягунову, сообщившему о прекращении злополучного строительства в Топхане. 3 декабря, уже в середине третьей недели митинга, с трибуны у Дома правительства писатель Сабир Рустамханлы убеждал собравшихся: «Наши требования выполнены, надо разойтись, дать правительству время». Но выступает 26-летний рабочий, неформальный лидер митинга Неймат Панахов: «Если мы уйдем, площадь займут войска, и все кончится. Нельзя расходиться!» Площадь блокировали. На площадь пропускали по паспорту и тщательно обыскивали. Была

специальная проверка — «оружия и взрывоопасных предметов не обнаружено». Еду и дрова пронести все же ухитрились. Площадь «держалась».

Утро 4 декабря. На углу, возле гостиницы «Апшерон», группа людей окружила молодого майора. Прислушиваюсь к диалогу. Майор: «Нельзя говорить о народах: один лучше, другой хуже. А мне женщина русская рассказывала: идет автобус в Баку, азербайджанцы останавливают, ищут армян. Или видели мы, как соседи выселяют из дома армянку, — как это понять?!»

— И правильно! А почему наших там выселяют и бьют? И мы будем! Майор: — «А зачем на площади сидите? Ваши требования известны, вопросы решаются».

Кто-то согласен, кто-то разочарованно машет рукой. Расходятся. Но не верят. Митинг будет продолжен. И, думал я, почему же майор (поколебавшись, он потом представился мне: Зайцев) здесь один? Где же она, могучая армия партийных и комсомольских политпропагандистов? Первые дни на митинге выступали работники ЦК КП, депутаты Верховного Совета Азербайджанской ССР. «Не убедили», митинг не разошелся. «Роль комсомола? — переспросил меня потом А. Ф. Дашдамиров, заведующий отделом ЦК КП Азербайджана. — Беспомощность, слабое влияние на молодежь...» В последние дни митинга диалог военных и гражданских властей Баку с площадью Ленина был удручающе однообразен:

— Особое положение, митинги запрещены, разойдитесь, иначе будет применена сила...

Итак, последнее утро.

— Вы журналист? Возьмите, пожалуйста, у меня интервью! Расим Шихи-заде, преподаватель математики СПТУ-86. Почему я здесь? Да разве только я? Мы все возмущены: нарушается суверенитет нашей республики. Дело не только в Карабахе. Мы живем в Азербайджане — руководители всех уровней должны знать азербайджанский язык, не захотят учить — пусть уходят. А образование? Мне, учителю, лучше знать, как учить азербайджанцев математике; почему учебники для наших детей утверждают в Москве?

Огромный стенд с лозунгами: «Вернуть Кировабаду имя Низами Гянджеви!», «Восстановить Советскую власть в НКАО!», «Освободить азербайджанскую землю от экстремистов и армян!» На другой стороне

площади, над трибуной, красовался портрет Ахмеда Ахмедова, приговоренного к высшей мере наказания за зверства в Сумгаите. Если вспомнить, что в первые дни митинга площадь Ленина видела и зеленые исламские флаги, и портреты аятоллы Хомейни, можно понять, сколь разные люди на ней собирались. Что их объединяло? Мне кажется, именно площадь — с трибуной и микрофоном. Другими словами, Гайд-парк, хотя бы и в тройном оцеплении внутренних войск.

Через неделю 17 ноября родился «Нумайши комитэси» — «Комитет митинга». Объединились в нем самые активные участники событий на площади. Руководил работой, то есть связями с прессой, организацией питания и порядка на площади «президиум», человек двадцать пять. Проверив еще раз документы, меня пропустили в штаб комитета. Моих собеседников — членов «президиума» — нельзя было заподозрить в экстремизме. Айдык Мамедов, заместитель главного редактора журнала «Советская тюркология», Иса Камбаров, сотрудник Института востоковедения АН АзССР, Исмаил Таригпсийма, доцент юрфака Азербайджанского госуниверситета, Наджаф Наджафов, в тот день редактор (ныне бывший) органа ЦК азербайджанского комсомола — «Молодежь Азербайджана».

Антиармянских лозунгов мы не поддерживаем, говорили они, армянский народ обманут сам, и нужно четко отделить его от армянских экстремистов. НКАО нужно ликвидировать, потому что автономия не оправдывает себя: вместо нормализации межнациональных отношений служит постоянным поводом для раздоров. Азербайджанских беженцев из Армении нужно размещать в НКАО — тамошний климат соответствует условиям их бывшей родины; к тому же, чем больше азербайджанцев поселится в Нагорном Карабахе, тем труднее будет проходить в жизнь «автономная» политика.

Все эти аргументы, которые повторяли в те дни и бакинские газеты, были безукоризненны в той системе отсчета, где центр — площадь Ленина в Баку. Что подумают, что сделают армяне Нагорного Карабаха, просящий, что в Баку хотят ликвидировать их автономию и искусственно заселить область азербайджанцами, — это вне системы, их не нужно и спрашивать.

«Последнего и решительного» ответа на все требования ждала площадь Ленина. Неймат Панахов выглядел к вечеру усталым, не раз произносил страстные речи, но говорил убежденно:

— Это очень важно — официальный ответ. Понимаю, что не все наши требования можно выполнить сразу, но гарантию мы должны получить.

— Если ваши требования удовлетворят, а армяне Нагорного Карабаха станут протестовать против ликвидации своей автономии — что делать?

— Карабах — азербайджанская земля. Их долг — подчиниться. Не понимаю, почему их не наказывают сейчас за нарушение Конституции Азербайджана, за неподчинение республике?

«Их долг — подчиниться...» Сломить сопротивление армян. Надавить на правительство. И здесь, будем откровенны, Панахов выражал и волю, и образ мыслей тысяч людей, собиравшихся на площади Ленина, искренне веривших в «образ врага», живущего в соседней республике.

Наступала ночь. Заканчивались 18 дней площади Ленина. Она призывала к диалогу — и требовала, не желая уступать. Требовали и от нее — разойтись, соблюдая законы особого положения. Диалог из взаимных требований, увы, не получается.

Митинг закончился внезапно. В ночь с 4 на 5 декабря площадь была «очищена». «Митинганты» не хотели уходить, в ход пошли дубинки. Военная техника и слезоточивый газ, к счастью, не понадобились. Площадь замолчала. Всколыхнулся город. Утро 5 декабря. 14 тысяч 800 бакинцев не вышли на работу. Демонстрация, скандируя «Тя-тиль! Тя-тиль!» (забастовка), движется, сворачивая с проспекта Кирова на улицу Низами. Идет, минуя армянскую церковь, наглухо закрытую вторую неделю, на улицу Гаджиева, к зданию МВД. Короткий митинг на маленькой площади. Звон разбитого стекла. Группа людей бросается к дверям. Не поддаются. Горящие глаза, отчаянная решимость. Проезжает туристский «Икарус» — осенью 1988 года они возят солдат. В стеклах автобуса летят камни. Второй автобус, третий. Толпа уходит митинговать в другое место.

В Бакинском ГУВД раздаются звонок: кто-то спрашивает, правда ли, что опрокинут памятник Шаумяну.

А в городе уже слышится стрельба. Однозначные редкие выстрелы, затем — чаще и чаще — автоматные очереди. «Очаг напряженности» ликвидировали — она наполнила город.

ТАЙНА ТОПХАНЫ

О строительстве под Шушой бакинцы узнали из газет. «Злостная провокация» («Спорт», 2 декабря), «Гнусная выходка армянских националистов-дашнаков» («Молодежь Азербайджана», 3 декабря) — вот оценка бакинской прессы. До ноября 1988 года Топхана не значилась в списках памятников природы, истории и культуры Азербайджана. 20 ноября «Бакинский рабочий» поместил статью «Топхана — историческая память народа», и не раз я слышал в Баку, что Топхана для азербайджанца то же, что Куликово или Бородинское поле для русского.

Понятно возмущение народа, на чьи святыни посягают. К сожалению, в том, о чем писали азербайджанские газеты, чем возмущались на митингах в Баку, была очень малая доля правды. А именно: Нагорно-Карабахский облизполком, приняв решение об отводе участка под строительство, просил Совет Министров Азербайджанской ССР утвердить его, но распорядился приступить к строительству немедленно. Конечно, облизполкому нужно было очень хорошо подумать, стоит ли в такой напряженный момент начинать и форсировать строительство напротив населенной азербайджанцами Шуши, не разгорятся ли сильнее межнациональные страсти. Но решение, вызвавшее в республике бурный протест, состоялось.

Все остальное, мягко говоря, не соответствует истине. В Топхану выезжали эксперты Госкомприроды и Госстроя СССР, и из их заключения можно узнать, что отведенный под строительство участок — не заповедный лес, а «закустаренный выгон», что строится на нем жилой пансионат завода, а филиал его — «экологически чистое механическое производство» — хотели возвести совсем в другом месте, что даже единственное дерево на выгоне при подготовке к строительству не тронуто. Работали эксперты вместе с представителями заинтересо-

ванных азербайджанских организаций. Заключение их датировано 25 ноября. Как понимать после этого слова о «злостных провокациях» и победные реляции «строительство в Топхане остановлено!» на страницах азербайджанских газет?

ДОПОЛНЕНИЕ К УЧЕБНИКУ ПО СОВЕТСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ

«Иначе как политической слепотой,—говорил 1 декабря на внеочередной сессии Верховного Совета СССР представитель ЦК КПСС и Президиума Верховного Совета СССР в НКАО А. И. Вольский,— нельзя назвать деятельность и бакинское телевидения... Сплошным потоком льются с экрана угрозы, оскорбления в адрес армян».

Пресса, увы, не отставала от телевидения. НКАО стала мишенью для всевозможных нападок. Руководство области, например, «Погосян и его компания» («Спорт», 2 декабря). Номер «Молодежи Азербайджана» от 3 декабря походил на массивный залп: кроме упомянутой «гнусной выходки дашнаков», читатели внимали статье юриста Л. Гусейнова, для которого вопрос «нужна ли нам такая автономия?», «предоставленная азербайджанским народом на его исконных землях»,— «представляется закрытым», а «требование о лишении НКАО статуса автономии является справедливым и правомерным». На следующей странице сотрудники кафедры политэкономии Азербайджанского госуниверситета призвали размещать беженцев из Армении «только и только в НКАО» — полностью искоренить очаг инфекции национализма в Степанакерте».

В других публикациях Нагорный Карабах выглядел свособразным козлом отпущения, на которого можно легко валить любые проблемы. «Пионер Азербайджана» 7 декабря сообщил, что в плане одной из школьных пионерских дружин Баку всего два мероприятия по интернациональному воспитанию. «Старшая пионервожатая Судаба Акперова объяснила этот застой (если это можно так назвать) событиями в Нагорном Карабахе и вокруг него»,— невозмутимо пишет корреспондент Г. Рагимов. А вот интервью игроков вылетевшего в том году

из высшей лиги бакинское «Нефтчи» («Спорт», 2 декабря). Монолог мастера спорта А. Абдуллаева: «Не снимая с себя ответственности за слабое выступление нашей команды в прошедшем сезоне, замечу, что события в НКАО и вокруг нее в самом прямом смысле отразились на качестве нашей игры». Смешно? Когда бы не было так грустно... 5 декабря бюро ЦК КП Азербайджана рассмотрело вопрос о работе средств массовой информации республики. «За публикацию политически незрелых материалов, тенденциозное освещение событий, извращение принципов гласности и демократизации редактору газеты «Молодежь Азербайджана» Н. Наджафову объявлен строгий выговор с занесением в учетную карточку, и он снят с занимаемой должности», «Строгий выговор с занесением в учетную карточку объявлен редактору газеты «Азербайджан пионери» А. Балаеву за публикацию материалов, наносящих вред политическому воспитанию подрастающего поколения», «Партийные взыскания получили также председатель Гостелерадио республики Э. Кулиев, его заместители Ф. Таривердиев и А. Бабаев». Жаль, что не появилась такая оценка хотя бы неделей раньше...

Любой журналист еще со школьной скамьи помнит слова Ленина: газета — не только коллективный пропагандист и агитатор, но и коллективный организатор. Учебники по журналистике подтверждают этот афоризм примерами нужных и важных дел, которые начинали журналисты. Бакинские средства массовой информации рубежа ноября—декабря 1988 года, к сожалению, могут войти в историю советской журналистики с примерами обратного свойства.

ЦЕПНАЯ РЕАКЦИЯ

6 декабря 1988 года ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «О недопустимых действиях отдельных должностных лиц местных органов Азербайджанской ССР и Армянской ССР, вынуждающих граждан покидать постоянные места проживания». Беженцы! Забытое, казалось, понятие стало повседневной реальностью Азербайджана и Армении. В декабре их было 119094 — азербайджанцев, покинувших свои

дома в Армении, Число армян, выехавших с начала событий в НКАО из Азербайджана — 89641. На поездах, самолетах, военных вертолетах, автобусах, лошадях и просто пешком добирались азербайджанцы до родной республики. Не Топхана, не Нагорный Карабах — именно их рассказы не давали угаснуть гневу и возмущению собиравшихся на площади.

Музафар Намазов, село Шахарджик, Кафанский район Армении: «Ночью армяне — на машинах, с ружьями — ворвались в село, окружили дома: убирайтесь! Многие уходили босые, чуть не голые, бросив имущество...»

Абир Мурадов, 96-летний старик из села Геги того же Кафанского района, плачет, вспоминая, как вели его под руки из родного дома — пешком, через горный перевал, пока не подобрал его семью автобус...

Их сотни, таких людей, в Баку, в 41 районе Азербайджана, где размещены сейчас беженцы. Сотни похожих рассказов — о покинутых и разграбленных домах, о пеших переходах через заснеженные перевалы, об угрозах и поджогах.

Особое положение, введенное в те дни в 17 районах Армении со смешанным населением, было вынужденной крайней мерой — оперативные сводки вызывали в памяти образы партизанской войны: «01. 12. 88 около 03.00 часов колонна из военных грузовиков и личных автомашин, следовавшая из Степанаванского района Армянской ССР... была обстрелена из охотничьих ружей и забросана камнями...» А там, где граница Азербайджана и Армении пересекает шоссе Казах—Иджеван, «встречных» беженцев обменивали, как военнопленных, — «один в один».

Действие рождает противодействие.

— Как живем? — переспросил 50-летний бакинец Роберт Давидян. — Вот так! — и показал на упакованные тюки, громоздившиеся на диване в его небольшой квартире.

— Каждый день звонят по телефону, спрашивают, «Вы еще не уехали?» Дочку уже отправил, сына из дому не выпускаю. Вообще мы стараемся на улицу не выходить. Мой отец, ему 78 лет, пошел в булочную за хлебом. «Идти отсюда, армянин», — сказали ему...

Я видел список бакинских предприятий, где прошли в те дни массовые увольнения армян: ПО «Баккондиционер» — 150 человек, объединение «Азербэлектротерм» — 60, ГПИ «Азгоспроект» — 50—60, реставрационное управление «Барпачи» — 40... Читал сообщение военного коменданта особого района Баку: комендантским патрулем задержаны «граждане Исмаилов Д. Г., Исмаилова Н. В., Алиев В. Н. за самовольное выселение армян и попытку заселить их квартиру беженцами-азербайджанцами».

В конце декабря на встрече жителей НКАО с Андреем Сахаровым академик произнес горькие, но справедливые слова: «И армянскому, и азербайджанскому народам в этих событиях не удалось удержаться на нравственной высоте».

Что происходит, почему Армению и Азербайджан захлестнула цепная реакция насилия? Ответ мы уже слышали на площади Ленина: ведь наших бьют! Но почему, почему за события в Сумгаите в ответе 96-летний азербайджанский старик, а в его мытарствах повинна бакинская семья Давидянов, почему кавказские дороги заполнили встречные потоки беженцев?

Потому что одни — армяне, а другие — азербайджанцы? Потому, что «наше дело правое», как писали бакинские газеты, и «начали не мы»? Спор о том, «кто начал», бесконечный, аргументы в нем — и последние два месяца, и Сумгаит, и февраль 1988-го в НКАО, и массовая высылка азербайджанцев из Армении после войны, и документы прошлого века, и все прочие обиды и инциденты, случившиеся за последнюю тысячу лет. И спор этот — бесчеловечный, когда льется кровь, когда горят дома...

В Агдаме мне показали «Аллею Мудрости» — ряды деревьев и изречения мыслителей на аккуратных стенах: Аристотель, Платон, Ленин, Маркс... Аллея была пуста, лишь у входа грелся у маленького костра солдат с автоматом.

СТЕПАНАКЕРТ: КАКИМ БУДЕТ ВЫБОР?

Дорогу между Агдамом и Степанакертом на полпути пересекает крепостная стена Аскерана. Разрыв сте-

ны заполняют ныне бронетранспортеры. Автономная область напоминает настороженную крепость.

6 декабря 10 степанакертских предприятий не работали, остальные, в основном жизнеобеспечения и сферы обслуживания, работали не полностью. Газета «Советский Карабах», обращаясь к жителям области («Дорогие арцахцы!»), призывала прекратить забастовку — «этого требует решение основной нашей задачи — вывод Нагорного Карабаха из состава Азербайджанской ССР». «НКАО не подчиняется. Степанакерт оборвал все связи с Баку», — не раз слышал я в столице республики. Это правда, в последовательности действий карабахцам отказать нельзя. Область прекратила поставки в республиканские фонды, еще летом сессия облсовета народных депутатов объявила о выходе НКАО из АзССР, а прошедшие недавно пленумы областных комитетов партии и комсомола приняли решение выйти из соответствующих республиканских организаций.

Последний пленум, неуклонно проведенный в разгар событий, конечно, в очередной раз подлил масла в огонь.

— НКАО саботирует, — убежден член коллегии Госплана АзССР Магерен Мамедов. — Более того, обрисованном сознательно препятствует выполнению постановлений ЦК КП и Совета Министров Азербайджанской ССР о мерах по ускорению социально-экономического развития НКАО — не допускает в область наших строителей, тянет с отводом земельных участков.

Перед Новым годом прилавки магазинов Степанакерта были пусты, а на азербайджанских складах лежали товары для НКАО. Автономная область отказалась их принять. Нетрудно понять, что такое «самоопределение», если довести его до логического конца и отказаться, например, от азербайджанского газа и электричества, равносильно в данный момент экономическому самоубийству НКАО. Захотят ли жители Карабаха так «страдать за идею»? В Степанакерте позицию НКАО называют самоопределением, а в Баку — самоуправством. Это «само...» — политическая реальность конфликтного Закавказья наших дней.

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ПРИЧИНЫ И ЦЕЛИ

5 декабря на собрании актива общественности республики первый секретарь ЦК КП Азербайджана А. Х. Везиров ответил на вопрос, почему «именно в настоящее время события вновь достигли кульминации», так: «Прозвучавший в последнее время открытый призыв к партийной организации республики, к трудящимся, всему народу Азербайджана повести решительную борьбу с коррумпированными кланами, засоренностью кадров, а также намечаемые меры по социальному ускорению республики вызвали крайне негативную реакцию противников перестройки».

По сообщению Прокуратуры СССР («Правда», 26 декабря 1988 года), новая вспышка действий экстремистов и хулиганствующих элементов в Азербайджане и Армении пришлось на период работы в обеих республиках специальных групп следователей, нащупавших нити к мозговому центру мафии.

Как говорил на том же совещании А. Х. Везиров, установлены преступные связи карабахской коррупции с «дельцами теневой экономики в Баку».

И все же... Снова и снова вспоминаю сотни тысяч людей на площади Ленина. «Никакие экстремисты, — говорил мне А. Ф. Дашдамиров, — не оторвут рабочего от станка, если не задеть его за живое. Я ходил по площади, разговаривал с людьми, пытался понять, почему они вышли на митинг, чем недовольны. И, как скорлупки, отваливались наносные мотивы: Карабах, Топхана; оставались, например, цены на базаре».

В Баку — миллион триста тысяч квадратных метров «самостройка». Двадцать шесть тысяч семей по сорок пятьдесят лет живут в домах из ящиков, случайных кирпичей и консервных банок. О Карабахе ли думали они, приходя митинговать на фешенебельную площадь Ленина?

Вот за это «живое» — за недовольство условиями своей жизни — чрезвычайно легко задевают любые события.

Да разве лозунги и речи были беженцам нужны? Или забастовки? С 21 ноября по 2 декабря республика недодала продукции на 115 миллионов рублей. На эти деньги, сообщил Азеринформ, можно было построить

520 тысяч квадратных метров жилья. Но площадь — впервые за многие и многие годы! — манила прелестями «непосредственной демократии». Но демократия ли виновата, что в конце XX века в Армении и Азербайджане, в республиках с большой историей и развитой культурой, потребовались особое положение и комендантский час, военные комендатуры в исполкомах, аэропортах, на вокзалах, телефонных станциях, почтамтах, министерствах для того, чтобы соблюдались конституционные права граждан и поддерживался элементарный порядок? Нет, беда наша в том, что и в демократические формы умудряемся мы вложить авторитарное содержание — вспомним, что обращения площади Ленина и к властям, и к НКАО скорее напоминали ультиматумы... «Наша земля!» — говорили в Степанакерте и Баку, и аргументами в этом страшном нелепом споре были у кого слова, а у кого и пули.

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ 1989 ГОДА И НА ПЕРИОД ДО...

«Когда же все это кончится?» — не раз слышал я в Баку. После землетрясения в Армении в бакинских газетах появились соболезнования. Уже 9 декабря Азербайджанское общество Красного Полумесяца передало для помощи пострадавшим 20 тысяч рублей, на 38 тысяч отправили в Армению одежды, предметов первой необходимости.

Неужели только страшное бедствие может притушить вражду? И надолго ли?

— Альтернативы нет — мы должны взять курс на межнациональное примирение, — убежден А. Ф. Дашдамиров. — Азербайджанцев и армян многое разделяет — традиции, язык, религия, обиды прошлого. Но веками выработывались и механизмы, которые позволяли ломать барьеры: двуязычие, смешанные браки, обычай «кир-вз» — «межнациональные крестины». Нужно дать людям успокоиться, не выяснять, кто первый начал, а сосредоточиться на том, что сближает. В Баку есть уже попытки создать комитеты национального примирения.

... Если бы обладал журналист хоть малой толикой административной власти, я непременно убрал бы все

до сих пор «украшающие» Баку красочные ланно и плакаты об интернационализме. После недавних событий они могут показаться насмешкой. Произносить слова легко. Просто жить в мире, не прибегая к высоким словам, труднее. Остановиться, оглянуться — еще возможно. Упустить этот шанс — нельзя.

КОНСТАНТИН МИХАЙЛОВ
наш спецкор.

Баку—Агдам—Степанакерт

«Собеседник» № 3, январь 1989

ПОСЛЕ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯ

У нас нет никаких оснований думать, что кто-либо из членов высшего советского руководства был обрадован трагедией, обрушившейся на армянский народ 7 декабря. Их чисто человеческое сочувствие и скорбь несомненны. Но как реально мыслящие политики они не могли не понимать, что судьба преподнесла им подарок, и они сумели им воспользоваться наилучшим образом.

По свежим следам Чернобыля, в № 5 за 1986 г., наш журнал писал: «М. Горбачев мог бы превратить Чернобыль в свою победу, победу государственного руководителя... Он мог лично приехать в Чернобыль и возглавить спасательные работы... Мог объявить траур... Мог широко открыть двери для иностранных наблюдателей, призвать иностранных специалистов-добровольцев, принять предложенную помощь и запросить еще (и он бы ее получил!). Популярность и уважение, которые бы он снискал, работали бы на него еще многие годы».

Все это и было — к счастью — сделано после армянской катастрофы. И если потом значительная часть помощи не дошла до тех, кто в ней нуждался, то винить в этом нужно не М. Горбачева, а систему, которую он явно хочет, но пока не может преодолеть.

Вторая политическая победа, которой добился М. Горбачев, достигнута отнюдь не по рецептам нашего журнала. Правда, победа эта — пиррова и едва ли она окажется долговечной. Речь идет о разгроме кара-

бахского движения. В тени трагедии, когда внимание всего мира — да и самой Армении — было отвлечено на спасательные работы в Спитаке и Ленинакане, в условиях военного положения, когда танки и БТРы прекратили любые попытки выражения народного мнения, власти обезглавили карабахское движение, арестовав всех его руководителей — комитет «Карабах» и других активистов движения.

Уже во время своего пребывания в Армении М. Горбачев обрушился на «бородачей», смеющих «в такое время» думать и говорить о проблеме НКАО. В его голосе звучал и металл, и неприкрытые угрозы. А затем угрозы воплотились в действия: по приказу коменданта Еревана генерал-лейтенанта А. Макашова в помещении Союза писателей Армении были задержаны собравшиеся на заседание члены комитета «Карабах»: Левон Тер-Петросян, Вазген Манукян, Алексан Акопян, Самвел Геворкян и Бабкен Аракчян. Вместе с ними был арестован и член комитета Ашот Манучарян, но после того, как выяснилось, что А. Манучарян обладает депутатской неприкосновенностью (он — член Верховного Совета республики), его отпустили. Все задержанные в соответствии с указом о военном положении были арестованы на 30 суток.

А затем началась настоящая охота на остальных членов комитета «Карабах» и других активистов движения. 12 декабря взяли Хачика Стамболцяна, руководителя фонда «Милосердие», тесно связанного с комитетом, и как и А. Манучарян, — депутата Верховного Совета. К тому времени Президиум Верховного Совета республики уже дал «добро» на арест своих депутатов.

26 декабря арестовали «комитетчиков» — Ваника Сирадегяна и Самсона Казаряна. 7 января разыскали последних: Ашота Манучаряна (на сей раз уже окончательно), Амбарцума Галстяна, Рафаэля Казаряна и Давида Варданяна. А когда 9 января, по истечении 30 суток административного ареста, родственники тех, кого взяли еще в декабре, явились за своими близкими, выяснилось, что освобождены они не будут. Всему составу «Карабаха» и Хачику Стамболцяну предъявлены три обвинения: в «организации массовых действий, нарушающих общественный порядок», в нарушении указа

за о порядке проведения митингов и демонстраций, в «разжигании национальной розни».

На следующий день тюрьму в ереванском районе Советашен, где содержались арестованные, окружили танки и БТРы, дороги, ведущие к тюрьме, были перекрыты войсками. С этими предосторожностями комитет «Карабах» был вывезен из тюрьмы в аэропорт и доставлен в Москву. Там арестованных поделили между «Бутырками» и «Матросской тишиной». Следствие по их делу ведет объединенная следственная группа КГБ и Прокуратуры СССР.

В освещении арестов руководителей народного движения гласность дала сбой. Газеты лишь продолжают шуметь о какой-то «коррупцированной мафии», разжегшей карабахский конфликт, намекая, что члены комитета «Карабах» и есть эта мафия, источник всех зол. Есть поэтому смысл подробнее познакомить читателей нашего журнала с этими людьми.

Ваник Сирадегян, 42-х лет, член Союза писателей, автор нескольких сборников рассказов. В 1982 г. получил премию журнала «Дружба народов» за лучший рассказ. Его произведения переведены, кроме языков народов СССР, также на испанский, болгарский и чешский.

Рафаэль Казарян, 65 лет, член-корреспондент АН АрмССР, заведующий отделом Института квантовой физики. Ветеран Отечественной войны. Под его руководством создана одна из первых в мире лазерных многоканальных телефонных линий: линия Ереван—Бюракан.

Левон Тер-Петросян, 43-х лет, доктор филологических наук. Научный сотрудник, а затем ученый секретарь всемирно известного Матенадарана — хранилища древних рукописей, ответственный секретарь альманаха «Вестник Матенадарана». Автор четырех монографий и 60 литературно-филологических статей.

Самвел Геворкян, 39 лет, член Союза журналистов. Работал зав. отделом в газете «Аштарак», а затем 15 лет — в должности зав. отделом Гостелерадио Армении, популярный радиокомментатор.

Вазген Манукян, 42-х лет, кандидат физико-математических наук. Сотрудник кафедры численных методов анализа механико-математического факультета Ереванского университета.

Давид Варданян, 38 лет, кандидат физико-математических наук, научный сотрудник лаборатории кафедры физики твердого тела Ереванского университета.

Амбарцум Галстян, 32-х лет, кандидат исторических наук, зам. директора по научной части музея этнографии Армении.

Бабкен Араркцян, 44-х лет, кандидат физико-математических наук, доцент. Работал в АН Армении. Заведующий кафедрой Ереванского университета.

Алексан Акопян, 33-х лет, кандидат исторических наук. Автор более 30 научных работ, сотрудник Института востоковедения АН Армянской ССР.

Самсон Казарян, 35 лет, преподаватель истории средней школы. Сотрудничал в газете «Авангард».

Следующие два человека — еще один член комитета «Карабах» и руководитель фонда «Милосердие» — всего за несколько недель до своего ареста были избраны депутатами Верховного Совета АрмССР (думается, избрала их за то же, за что и арестовали, только избрал народ, а арестовала власти). Это:

Ашот Манучарян, 34, выпускник физического факультета Ереванского университета. Был секретарем комсомольской организации университета. Завуч средней школы.

Хачик Стамболцян, 48 лет, научный сотрудник Института экспериментальной биологии АН АрмССР.

Такие вот «мафиози», воротилы «коррупцированных кланов». Обвиняемые в преступлениях, по самой природе которых необходимы допросы тысяч свидетелей, они содержатся под следствием в тысячах километров от места их совершения. Интересно, — почему, с какой целью?

С какой целью содержится в московских Бутырках, а не дома — в Степанакерте — еще один «коррупцированный воротила» — председатель Совета директоров Нагорного Карабаха Аркадий Манучаров?

Инженер-строитель А. Манучаров, 57 лет, участвует в карабахском движении с начала 60-х годов. В 1965 г. его вынудили покинуть Степанакерт, куда он вернулся только в 1977 г. А. Манучаров — директор Степанакертского комбината стройматериалов, с февраля прошлого года возглавил комитет «Крунк» («Журавль», символ тоски по родине), местный аналог армянского комитета

«Карабах». Когда «Крунк» был запрещен, руководители местных предприятий Степанакерта объединились в Совет, избрав А. Манучарова своим председателем.

Приехавшая из Баку комиссия по проверке деятельности А. Манучарова начала с... обмеров могильных плит на степанакертском кладбище (можно себе представить, какво было отношение армян-христиан к подобной деятельности мусульман — членов комиссии). Работа даром не прошла: обнаружено «недовложение» камня в могильные плиты, а значит — хищение. Именно это и продолжает повторять (когда вспоминает о нем) советская пресса: А. Манучаров арестован не «за политику», а «за воровство».

Трудно, конечно, судить, что конкретно стоит за подобными обвинениями. Однако кто же в Советском Союзе не знает, что при советском способе хозяйствования завтра же можно посадить буквально любого руководителя хозяйственного предприятия. Нужно только желание. Но вот что приходит на ум: можно представить себе, каким промышленным гигантом является местный комбинат стройматериалов в захолустном Степанакерте! Не зря же этим делом союзного масштаба занимается в Москве объединенная следственная группа КГБ и Прокуратуры СССР! Конечно, политика тут ни при чем!

Вглядываясь в армянскую ситуацию, трудно не заметить поразительных аналогий с другими событиями — 20-летней давности: ввод войск и танков в Прагу для сокрушения «антисоциалистических тенденций», арест народных руководителей и их доставка в Москву, дабы обработать и сломать их! Удастся ли теперь повторить опыт предшественника, не потеряв «перестроечного» лица? Маловероятно. Нельзя перестраивать страну, сидя на штыках. От чего-то придется отступить. Хочется думать — не от перестройки.

Но не только на армянский котел пытаются положить тяжелую крышку. Большую тревогу вызывает и соседний Азербайджан. Казалось бы, народное движение в Азербайджане идет в русле, благоприятном для московского руководства: на митингах в Баку на площади Ленина выступали в поддержку решений Верховного Совета СССР от 18 июля 1988 г. Но дело в том, что одно дело — организованная поддержка и совсем другое — стихийное народное движение, самостоятельность, не-

важно, под какими лозунгами она осуществляется. Вновь возрождается эта «многоголовая гидра» — национальное самосознание, с которой власть совладать не может, а понять не хочет (или тоже — не может?).

Вот почему в тех же Бутырках в Москве рядом с членами комитета «Карабах» находится слесарь бакинского завода им. лейтенанта Шмидта Неймат Ахат оглы Панахов и старший научный сотрудник музея литературы АН Азербайджана Магомед Фарзулла оглы Гатами. Гатами — лицо без гражданства, политический беженец из Ирана.

Когда же наконец история научит, что национальные проблемы силой решить нельзя! Силой их можно только загнать внутрь.

Итак, скоро мы должны стать свидетелями многочисленных политических процессов. На одном из них — процессе комитета «Карабах» — на скамье подсудимых будут сидеть 12 человек. Такого массового политического процесса в Советском Союзе не бывало с конца 30-х годов.

«Страна и Мир», 1989, № 1 (49)

ВОПРОСЫ К КАНДИДАТУ

Этого дня многие ждали долгие годы. Годы, когда академика Сахарова обвиняли во всех возможных и невозможных грехах, годы, когда он жил в ссылке — годы, когда в ссылке были честь и совесть.

Что-то невообразимое творилось в этот день перед московским Домом кино. Наверное, ни один зал столицы не сумел бы вместить всех желающих попасть на собрание, чтобы выразить свое доверие и уважение к А. Д. Сахарову, избрав его своим кандидатом в народные депутаты от национально-территориального избирательного округа 1 РСФСР (в этот округ входит Москва). Очередь в Дом кино растянулась на километры.

Но в зал смогло попасть лишь около тысячи счастливых (как-то непривычно употреблять это слово по отношению к людям, попавшим на собрание избирателей). Сколько смогло уместиться в креслах, на ступенях, в проходах...

Если демократизм может царствовать, то в этом зале было именно так. Все были равны в нем. И, наверное, поэтому несли люди на трибуну и свои мысли о жизни страны, и боль своей жизни.

О чем говорили в тот день? Всего рассказать невозможно. Но, думаю, общий тон разговора будет ясен по тем вопросам к Андрею Дмитриевичу, что отобрали мы для публикации.

— Надо ли привлекать к суду живущих сейчас безбедно медуновых, кунаевых, алиевых?

— Я спросил у одного ответственного работника — есть ли основания привлекать к уголовной ответственности Алиева. Он ответил, что есть. Но будет ли это осуществлено, зависит не от моего собеседника, и, тем более, не от нас.

— Намерены ли Вы в случае избрания добиться политического и профсоюзного плюрализма в СССР?

— Я считаю, что нашей стране исторически предстоит политический и профсоюзный плюрализм. Это необходимо.

Но в какой форме это будет происходить, я сегодня не знаю. Пути покажет история, может быть — ближайшая.

— Расскажите о Вашей поездке в Азербайджан и Армению.

— Подробно рассказывать не могу — это была очень напряженная и драматическая поездка. Мы встречались с беженцами с обеих сторон и видели, что эти люди не хотят ни в коем случае вернуться туда, откуда они были вынуждены уехать. Поэтому я считаю, что преждевременно ставить вопрос о возвращении беженцев. Надо помочь им пережить этот сложный период. Ни в коем случае нельзя оказывать на беженцев давления. Это очень важно, потому что факты такого давления, к сожалению, имеют место.

Мы встречались с интеллигенцией обеих республик, видели, насколько сложны и остры противоречия. Нужна большая работа, много нервов придется потратить, прежде чем положение придет в норму. Эти меры обсуждались, но очень трудно найти линию, которая была

бы приемлема для обеих сторон — взаимные подозрения чрезвычайно сильны.

Я считаю, что исходное требование армянского населения Нагорного Карабаха, которое составляет подавляющее большинство населения этой области, справедливо. Армяне там находились под национальным гнетом. Я считаю, что азербайджанский народ заинтересован в том, чтобы не быть народом-угнетателем — это известно всем. Это нужно прежде всего для самого же народа. Об этом говорили и К. Маркс, и В. И. Ленин, и это, несомненно, так. Я уверен, что ни экономика, ни национальные интересы Азербайджана не пострадают, если удовлетворить требование, о котором я говорил.

То решение, что сейчас принято, представляется мне разумным как временное. Его действительность должна проверяться жизнью. И первым пробным камнем будет такой. В Нагорном Карабахе есть много пустующих домов — около 2 тысяч уже сейчас готовы принять переселенцев и около 10 тысяч смогут это сделать вскоре. Очень важно, чтобы сейчас из Армении, принявшей на себя такой страшный удар, было бы свободное переселение в Нагорный Карабах. Можно было бы переселить 50—100 тысяч человек! Никакое препятствование этому со стороны властей Азербайджанской ССР не оправдано ни в моральном, ни в политическом, ни в каких других смыслах.

Я считаю, что в перспективе в Нагорном Карабахе можно создать множество медицинских учреждений, санаториев общесоюзного значения, санатории для детей, больных астматическими заболеваниями. Можно построить здесь и центр по лечению детей, ставших инвалидами в результате землетрясения. Все это можно сделать. В этом гуманном строительстве будут решены тяжелые межнациональные проблемы.

— Почему Вы не возбуждаете уголовное дело против профессора Яковлева, который в журнале «Смена» оклеветал Вашу жену?

— На самом деле клевета Яковлева опубликована в книге «ЦРУ против СССР», в журналах «Смена» и «Человек и закон» общим тиражом 11—12 млн. экземпляров.

Моя жена подала аргументированную жалобу в суд.

Я тоже написал разъяснения по тем пунктам, что относятся ко мне. Это заявление судом принято не было. Причем судья сказал, что не имеет возможности принять заявление по полученным им указаниям. Это было в 1983 году, после этого мы заявлений в суд не подавали.

— Пункт Вашей программы, где говорится об отмене паспортной системы и о свободе передвижений, противоречит пункту о поддержке народных фронтов Прибалтики. Ведь Народный Фронт Эстонии принял решение об ограничении миграции.

— У меня нет формального противоречия, поскольку я говорю о поддержке принципов народных фронтов. Данный же вопрос носит частный характер и должен решаться в частном порядке.

— Намерены ли вы добиваться привлечения к юридической ответственности лиц, преследовавших инакомыслящих в застойные годы?

— Это очень сложный вопрос. Я считаю, что главное — не привлечение к ответственности, а конструктивная деятельность, направленная в будущее.

— В своей статье в книге «Иного не дано» Вы предполагаете поселить крымских татар в определенных местностях в Крыму. Это что — создание резерваций?

— Нет. Я только имел в виду, что, живя на одной территории, им будет легче создать национальный округ.

«Советский цирк» № 8 (208)
18 февраля

ПЕРВЫЙ ВОПРОС — НУ, КАК ТАМ?

На этот вопрос не раз приходилось отвечать после возвращения домой. Просмотрела центральные и местные газеты, в которых рассказывается о Нагорном Карабахе, особенно о столице его — Степанакерте. Один из авторов воспеваает альпийские луга весенней порой, другой — подернутую осенней дымкой горную панораму. И правда — красиво. Весна, лето и осень прошлого года были для Степанакерта хоть и горячей, даже кровавой,

но все же порой надежд. И вот — опять весна, но честных, приемлемых для народа решений нет. Народ жаждет одного — освободиться от унижительного положения «колонии в колонии». Но вера в справедливую власть иссякла. Совершенно открыто говорится о возможных новых вспышках борьбы, внешнее спокойствие в Степанакерте обманчиво. Оно скрывает под собой сильное, тлеющее пламя, грозящее вот-вот вырваться наружу.

В середине февраля в Степанакерте было холодно, чем у нас. Единственную гостиницу заняли начальники из Москвы и беженцы; в доме политпросвета, в кинотеатре, повсюду в городе — солдаты; в общежитии Политехнического института — беженцы. Всего их в городе около десяти тысяч. Беженцы из Баку и Сумгаита — «летние» и «весенние». У этих хоть есть кое-какое имущество, а у «косенных» нет ничего, большинство из них в одной рубашке были изгнаны из своих сельских домов, с возделываемой годами земли. Это армяне из азербайджанских селений. А рядом, десятью километрами глубже в горы, в городе Шуше — такие же беженцы-азербайджанцы, изгнанные из Степанакерта и армянских селений. И тут, и там — сожженные, разграбленные дома, униженные, оскорбленные люди. И тут, и там — есть убийцы и есть жертвы.

Поскольку население Степанакерта значительно увеличилось, магазины пусты. 2 килограмма мяса и 700 граммов масла раз в месяц по карточкам получают только работающие. Не хватает медикаментов и мест в больнице и поликлинике. На рынке что-нибудь купить почти невозможно — экономическая блокада со стороны азербайджанских колхозников действует еще с прошлого лета. Можно купить говядину — по семь, восемь рублей за килограмм.

Сумгаитские события, когда азербайджанские националисты прорвали плотину годами скрываемой и разрастающейся розни, привели к тому, что невинных больше нет. Ненависть теперь полыхает с обеих сторон. И, по-моему, ее уже не в состоянии заглушить или хотя бы умерить присутствие солдат и поголовная цензура, наложенная на выходящие в Степанакерте издания. В недрах народных бурлит непримиримый гнев. Азербайджанская сторона демагогически утверждает: мы, азербайджанцы, — советский народ, нового территориально-

го деления не требуем... Армяне поднимают христианские хоругви; мы, христиане, вам, туркам, покажем... Вспоминаю митинг в Баку, когда азербайджанские коммунисты шли за зеленым знаменем Ислама... А в Степанакерте флаг Армянской ССР на своих домах вывешивают лишь очень смелые люди.

В Степанакерт чужому не пробраться: тех, кто там не прописан или не имеет на то особой необходимости, — не впускают. Местные власти, разумеется, были далеки от мысли, что у нас, сотрудников издания Народного фронта, имеется такая особая необходимость попасть в город. Нам просто невероятно повезло. До Тбилиси летели самолетом, затем — поездом до Евлаха, а дальше — на двух автобусах местного сообщения. Непосредственно в Степанакерт автобусы не ходили, и мы сели в другой, доvezший нас до азербайджанской Шуши. Хоть документы в автобусе проверяли, даже дважды, нам никто не препятствовал, ведь мы ехали в азербайджанский город. Когда автобус огибал подножье горы, на вершине которой виднелся Степанакерт, мы вышли и направились в город пешком, по дороге, на которой не было ни армейских постов, ни танков. Но уже очень скоро в городе стало известно о нашем прибытии. Начали задерживать армейские патрули, часто проверяли документы, вертели в руках наши желтые пропуска в Дом печати — никаких других документов, свидетельствующих о нашей принадлежности к прессе, у нас не было.

Но нам опять повезло. Здание бывшего обкома партии охраняется особо, в нем ведь разместился Особый комитет. На третьем этаже — рабочий кабинет Аркадия Вольского, который теперь сидит в кресле бывшего первого секретаря Генриха Погосяна. У входа в здание мы встретили Погосяна. Представились как латвийские журналисты, и он провел нас в тщательно охраняемое здание. Побеседовали с ним. Затем намекнули, что хотели бы встретиться с Вольским. Поскольку теперь уже нас опекал Погосян, это удалось сделать.

Беседа с Аркадием Вольским была непродолжительной. Он оставил впечатление умного, хитрого, наделенного большой властью руководителя. Несомненно, привлекательный человек. Интересовался нашим Народным фронтом, положением в Риге, однако наших вопросов

старался избегать, как бы откладывая их на потом. Добавил, что положение в Степанакерте не следовало бы драматизировать, что в публикациях не следовало бы упоминать танки, а только моторизованные отряды. Но тут он вдруг разоткровенничался и признал, что не так уж спокойно в Карабахе — прошлой ночью, несмотря на комендантский час, опять убиты два человека.

Да, военные патрули в Степанакерте на каждом шагу. В большинстве — русские, белорусы, представители мусульманских народов Средней Азии. Об участии в событиях латышей свидетельствовала надпись на гербе Латвийской ССР (там размещены все пятнадцать): Да здравствует Латвия! На других гербах подобных надписей не было; надо полагать, что наши твердо придерживаются своих убеждений и вдали от родины.

У одного из солдат спросила разрешения пощупать его бронжилет. Тяжелый. Солдат в нем выглядит весьма неуклюжим, но от ножевых ударов он, говорят, предохраняет. У всех солдат в руках дубинки. И ее рассмотрела — раньше не приходилось видеть вблизи. До сих пор эти орудия избиения показывали только в фильмах о зверствах западных полицейских. Спросила, кто производит дубинки? Парни с неподдельной гордостью ответили: у нас все отечественное.

О древней истории Карабаха или Арцаха свидетельствуют найденные геологами памятники культуры эпохи неолита. Ученые отличают их схожесть с относящимися к этому периоду находками на Армянском плоскогорье.

В VIII—VII веке до н. э. Арцах входил в королевство Вану. После распада этого государственного образования Арцах входил в состав другого армянского королевства — Эрвандуни. Об Арцахе, как о составной части Большой Армении, писал и Страбон («География»). Со II века до н. э. по V век н. э. Арцах входит в состав централизованного государства, созданного армянским правителем Араншахик.

Когда это государство закончило свое существование, Арцах попадает в подчинение Ирану. В V веке по всей Армении идет активное всенародное движение против владычества Персии. В результате борьбы в Арцахе образовалось самостоятельное королевство. Начиная с IV века в Арцахе начинает распространяться христиан-

ство. В дальнейшие века в политической жизни Арцаха все возрастающую роль играет княжество Хачен, которое правят потомки уже упомянутого рода Араншахик. В это время жителям Арцаха приходится отбивать атаки и арабов, и турок.

В конце XII века Арцах входит в состав Северной Армении. В 30—40 годы XIII столетия Закавказье завоевывают татаро-монголы, а далее (XV—XVI века) их сменяют тюркские кочевники. Древние культурные центры превращаются в развалины.

В конце XVI века в Арцахе образуются многие независимые княжества — опять под руководством Араншахик, т. е. мелики. В XVII—XVIII веках арцахские мелики активно борются с захватчиками. В 50-е годы XVIII века предводитель кочевых племен Сариджаллу Панаха Али, используя междоусобицу среди меликов, укрепляется в крепости Соша и объявляет себя карабахским ханом.

В 1805 году Карабах добровольно вступает в состав России, в 1813 году этот факт фиксируется в Гулистанском мирном договоре.

20 мая 1920 года — в Нагорном Карабахе устанавливается Советская власть.

2 декабря 1920 года — декларация Ревкома Азербайджанской ССР о передаче Нахичевана и Зангезура Армении и предоставление полного самоуправления Нагорному Карабаху.

4 декабря 1920 года — статья Сталина в «Правде», полностью поддерживающая решение Ревкома Азербайджанской ССР

16 марта 1921 года — Москва заключает Российско-Турецкий договор. В Нахичевани устанавливается протекторат Азербайджана.

3 июня 1921 года — решением Кавказского бюро РКП(б) Нагорный Карабах присоединяется к Армении.

26 июня 1921 года — решение ЦК РКП(б) и Совнаркома Азербайджана, в котором говорится о несогласии с решением присоединить Нагорный Карабах к Армении.

4 июля 1921 года — на заседании Кавказского РКП(б) повторно принимается решение о присоединении Нагорного Карабаха к Армении, однако по тре-

- бованию Н. Нариманова решение вопроса о Нагорном Карабахе передается в ведение ЦК РКП(б).
- 5 июля 1921 года** — заседание Кавказского бюро РКП(б) с участием Сталина. Принимается новое решение — на сей раз о присоединении Нагорного Карабаха к Азербайджану.
- 7 июля 1923 года** — создается автономная область Нагорного Карабаха в составе Азербайджанской ССР. В Карабахе армяне составляют 95 процентов населения.
- 1965 год** — письмо 13 представителей Карабаха, адресованное ЦК КПСС, Совету Министров СССР и Верховному Совету СССР с просьбой присоединить Карабах к Армении. Эту просьбу поддержали 45000 жителей Карабаха.
- 1968 год** — межнациональные столкновения в административном центре Карабаха Степанакерте.
- Март-апрель 1975 года** — пленум обкома партии Карабаха и пленумы райкомов, на которых стремление присоединиться к Армении квалифицируется как проявление буржуазной идеологии дашнаков.
- 1977 год** — различные учреждения СССР получают большое количество писем жителей Нагорного Карабаха, в которых выражена одна мысль — присоединить Нагорный Карабах к Армении.
- 1986—1987 годы** — среди жителей Нагорного Карабаха вновь актуальным становится вопрос о присоединении Нагорного Карабаха к Армении. Многократные призывы интеллигенции к правительству по-ложительно решить этот вопрос.
- 1 декабря 1987 года** — делегация Нагорного Карабаха в ЦК КПСС.

АИДА ПРЕДЕЛЕ
Атмода 13 марта 1989

МИЛОСЕРДИЕ И ЗАЩИТА

В Нагорный Карабах меня пригласили неспроста. 19 февраля должен был состояться областной учредительный съезд Благотворительного общества: на со-

стоявшихся в ряде районов и городов конференциях уже были избраны делегаты. И тем не менее съезд в запланированные сроки не состоялся. Руководство Особого комитета запретило его проведение. В условиях чрезвычайного положения в мотивации подобных действий нет никакой надобности: не нашлось, мол, помещений, вот и все.

В нынешних условиях милосердие по отношению к народу Нагорного Карабаха приобретает политический характер, это не просто милосердие по отношению к больным, одиноким или подавленным какой-то бедой людям. Это милосердие по отношению к больному, одинокому и подавленному бедой народу. Сегодня, когда в этом крае нет возможности проявлять политическую или национальную активность, милосердие впитывает в себя, объемлет собою их всех. Милосердие — и как общественная организация, и как понятие — сегодня единственная надежда армян Нагорного Карабаха. Я ознакомилась с Уставом общества, выслушала также и менее официальные взгляды. Думается, что положение таково: когда у народа отнято почти все, остаются все же духовные ценности. Если, конечно, такие были. После долгих месяцев забастовок и митингов люди, это правда в принудительном порядке, но все же поняли. При всеобщем митинговании некому заглянуть в душу народа, и, наверное, должно прийти «чрезвычайное положение», чтобы принудить к этому. При невозможности другой активности остается возможность быть милосердным к себе и своему народу. Верить в будущее.

Да, именно это общество, различные слои населения Степанакерта сегодня считают единственным спасением. Несколько вечеров я провела вместе с интеллигенцией города — музыкантами, учителями, артистами. Встретила и одного из совсем немногих христиан. Каждый из них смотрит на милосердие «со своей колокольни», порой наши взгляды на это движение были весьма различными, кое-кто вынашивает далеко идущие планы, имеющие мало общего с милосердием. И тем не менее нельзя без уважения относиться к их стремлению при помощи Благотворительного общества возобновлять и поддерживать старинные народные традиции, способствовать раз-

витию языка — ведь многие армяне в Степанакерте плохо говорят по-армянски, даже читать на родном языке не умеют. Возникла идея развивать народную музыку и народное искусство, приобщать людей к гуманитарному образованию, в котором нашлось бы место и для истории Нагорного Карабаха, и для национальных традиций.

Однако сегодня главное направление деятельности Благотворительного общества — позаботиться о тех приблизительно десяти тысячах армянских беженцев, которые теперь обитают в Степанакерте в весьма тяжелых условиях. Я побывала в этих семьях. В комнате общежития, предназначенной для четырех обитателей, — по восемь—десять человек. Многие не имеют работы, а значит, и средств к существованию. Этим людям прогнали из благоустроенных жилищ в родных селах, дома их сожжены, близкие — поруганы, а то и убиты. Где этим людям искать справедливость? Одну за другой они посылают в Москву телеграммы — непосредственно Михаилу Сергеевичу Горбачеву или Раисе Максимовне. Одному из пострадавших, человеку весьма почтенного возраста, я обещала рассказать о его судьбе, вернувшись домой, в Латвию. Семья Амбарцумянов из села Физуль, десять человек. Их дом разграблен и сожжен. Соседи-азербайджанцы, с которыми всю жизнь ладили, с наступлением темноты били окна, камень попал и в моего собеседника. В телеграмме, которую он послал в Москву, говорится: «...нашей семье не на кого больше положиться, некому верить. Мы многократно обращались в местную милицию, а там над нами потешаются, мол, убирайтесь...» В селе Физуль 130 армянских домов, они разграблены, многие — сожжены. Одна из дочерей Амбарцумяна, учительница, однажды в 7-м классе была встречена выкриками: долой армян! Да здравствуют наши сумгантские герои!

Десятки подобных историй можно услышать в Степанакерте. Выход из этого положения найти будет трудно, потому что армяне требуют одного: отдайте Карабах Армении, и мы будем счастливы! У азербайджанцев иная точка зрения: признайте Карабах нашим и позвольте нам здесь жить.

Пусть простят меня активисты Благотворительного общества, но, на мой взгляд, одной лишь благотворительностью этим людям не помочь. Жители Сумгаита не раз собирали пожертвования для беженцев, особенно в начальный период «смутного времени». Приносили горячую пищу детям, одежду, бытовые предметы. Однако вскоре, по словам активистов, осознав масштабы беды, поохладели. Даже многие из прогрессивно настроенных местных жителей стали проявлять недовольство в связи с потоком беженцев, из-за которого иссякли и без того небольшие запасы продовольствия. Кроме того, беженцы являли собой конкурирующую рабочую силу. А когда приходится в чем-то отказывать самому себе, чужая беда быстро забывается.

Народу Нагорного Карабаха необходимы благотворительность и милосердие. Они пужны не столько беглецам (на мой взгляд, ПРАВИТЕЛЬСТВО должно НЕ-МЕДЛЕННО возместить беженцам ущерб, помочь материально, предоставить жилье и работу), сколько самому народу. В условиях обоюдной — как со стороны азербайджанцев, так и со стороны армян — жестокости необходимо очищающее пламя. Затрудняюсь сказать, какова будет роль общества, но сам народ, благодаря инстинкту самосохранения уже понял, что зло не может быть знаменем справедливости.

Нас от Степанакерта отделяют несколько тысяч километров, однако наши народы близки. У нас общие мечты и чаяния — свобода наших народов и их будущее.

АИДА ПРЕДЕЛЕ

Атмода 27 марта 1989 года

КАРАБАХ: В ОЖИДАНИИ РЕШЕНИЯ

Сегодня весь мир следит за событиями в Нагорном Карабахе. Клочок гористой земли, полторы сотни тысяч жителей, однако именно к ним приковано столь пристальное внимание. Одно это служит доказательством серьезности положения. Нагорный Карабах — это

место, где курсу перестройки следует подтвердить свою высокую «пробу». Более шестидесяти лет прошло с тех пор, как была совершена огромная и непоправимая ошибка. Теперь это признают даже высокопоставленные московские чиновники. И тем не менее, сталинская насильственная национальная политика остается в действии и ныне, ибо ошибочность ее признана лишь на словах. Что до дел, то воз и ныне там. Любую ошибку следует исправить, и чем более вопиющей она является, тем быстрее следует взяться за исправление. Воссоединение Нагорного Карабаха (Арцаха) с Арменией было бы ни чем иным, как восстановлением исторической справедливости. Но отчего такое затягивание решения этого вопроса? Руководители Комитета особого управления Нагорным Карабахом все объясняют тяжелым социально-экономическим состоянием края, ликвидацией последствий землетрясения в Армении и желанием делать лишь всесторонне продуманные шаги, чтобы не обострить положение. Вроде бы все по логике. Однако каждый проживающий в Нагорном Карабахе армянин непрерывно живет в надежде воссоединиться со своими братьями-армянами, и каждый миг промедления лишь уничтожает частицу этой надежды и приближает его к социальной апатии, безнадежности и слепой агрессивности по отношению как к азербайджанцам, так и к русским. Но недоволен также и противоположный лагерь — азербайджанцы. Они сейчас даже не скрывают злобы и ненависти как к армянам, так и к Комитету особого управления, который, по их мнению, принимает во внимание лишь позицию армян.

Итак, недовольны обе стороны. Следует искать выход. Сейчас не представляется возможным анализировать причины, по которым правительство СССР предпочитает затягивание кардинального решения карабахской проблемы. Идет подготовка к Пленуму ЦК КПСС по межнациональным вопросам. Однако не стоит прельщаться надеждами, что постановлениями одного пленума можно будет как взмахом волшебной палочки решить проблемы народов Карабаха, Балтии, Крайнего Севера, средней полосы России... Вероятнее всего будут определены лишь основные направления. Однако проблема Карабаха сегодня требует кардинального решения, конкретных действий, а именно — воссоединения Карабаха

(Арцаха) с Арменией. Разумеется, это вызовет отрицательную, возможно даже агрессивную реакцию со стороны Азербайджана, не исключено даже еще большее обострение положения. Однако при помощи продуманной пропагандистской работы, на худой конец — прибегнув к тем же репрессивным методам, которые так широко применялись против армянских «националистов», можно было бы охладить горячие головы мусульманских экстремистов, тем более, что до сих пор власти проявляли терпимость к выпадам азербайджанских националистов.

Сегодня же продолжение политики маневрирования означает лишь то, что по отношению к армянам будет продолжена политика национальной несправедливости. История подтверждает, что Карабах (Арцах) — это издревле армянские земли, они должны вновь стать таковыми. На размышление наводят реверансы в сторону Азербайджана. Здесь следует вспомнить, какое огромное влияние имели лидеры этой республики при «дворе» Брежневца. Речь идет не только об Алиеве. В течение десятилетий образовалась столь мощная и разветвленная система корруптивных связей, что было бы наивно полагать, будто сегодня она полностью утратила свое влияние. Правда, «составные» этой системы один за другим отдаются под суд или без лишнего шума провожаются на пенсию, однако до полной ее ликвидации еще далеко, ибо на смену одному «партийному мулле» приходит другой. Коррупция во всех «коридорах власти» в Азербайджане процветает и сегодня. Об этом нам с чувством горечи и стыда рассказали простые азербайджанцы: ведь страдает-то народ. Думается, что определенную роль играют также и родственные связи лидеров нашей страны с руководителями Азербайджана. Обо всем этом в конце прошлого года рассказывалось в западногерманском журнале «Шпигель». Прозвучала также версия о вероятном давлении мусульманских держав на СССР в случае, если Карабах будет присоединен к Армении. Однако конкретизировать этот вариант сегодня не представляется возможным: это сфера «тайной дипломатии». Пройдут долгие годы, прежде чем она станет достоянием гласности.

У нас в Балтийских республиках борьба за демократию не сопряжена с такими трудностями: мы солидарны

с нашими соседями, из нашей памяти еще не стерлись воспоминания о традициях государственности. Карабах смотрит на нас с надеждой: каждый наш шаг вперед придает импульс и их движению. Но и мы должны к ним прислушаться. Тогда мы узнаем, что можно преспокойно арестовать депутатов Верховного Совета республики, известных деятелей культуры и науки, видных хозяйственных руководителей. Эти люди обвиняются в том, что выступали против несправедливости по отношению к армянскому народу, допущенной Сталиным и не преодоленной при его преемниках. Это опасный симптом: ведь кое-кто из «властью наделенных» и в нашей республике может додуматься до того, чтобы облегчить себе жизнь такими же полицейскими методами. Ведь это так просто: держать народ в послушании, угрожая танками и резиновыми стеками, не задаваясь вопросом, что об этом думает народ, да и те люди, которые держат резиновые «ударные инструменты» и вынуждены их пускать в ход потому, что приняли воинскую присягу. Многие солдаты в Степанакерте отнюдь не в восторге от того, какими методами там «решаются» национальные противоречия.

ИНТ КАЛНИНЬШ

Степанакерт—Рига,
февраль-март 1989 года

Атмода, 27 марта 1989 года

КТО МЫ ТАКИЕ?

(Из интервью, опубликованного в газете «Знамя коммунизма»,
Ногинск, май 1989 г.)

— В чем вы как историк видите истоки конфликта в Закавказье? Верите ли вы, что предстоящий Пленум по национальному вопросу хоть немного распутает клубок накопившихся проблем? Есть ли реальные пути их решения?

— Сначала скажу о нашей прессе. Я думаю, она сыграла печальную роль в событиях в Закавказье. Дол-

гое время она не просто скрывала, но и представляла в ложном свете все, что там происходит. Она ничего не говорила о попустительской, а то и подстрекательской позиции местных властей. Она не называла Сумгаит—Сумгаитом. Факты насилия, убийства стыдливо именовались хулиганскими действиями, и это способствовало героизации Сумгаита. Если бы с самого начала вещи назывались своими именами, возможно, события не приобрели бы столь трагический оборот. В каком-то смысле повторилась ситуация Чернобыля, мрачным символом которого стали играющие в мячик дети на фоне полыхающего реактора. А символом несправедливости—публикация об этой трагедии, озаглавленная «Соловья поют над Припятью». Даже великое горе не научает. И ложь—в который уж раз?—повторяется. В чем повторение? Льется кровь, насильственно обрываются жизни, а нам говорят о хулиганах, экстремистах, кланах... Снова—руки врагов, снова некие таинственные силы. Опять «враги» нас выручают. Раньше были шпионы, потом—космополиты, масоны. Теперь—кланы. Именно в этой ситуации, когда надо посмотреть глубоко, осмыслить—оказывается, что и не надо куда-то смотреть, вот вам кланы... То есть будто никакого наследия сталинизма, никакой сложности национальных проблем нет и в помине. Но нам не понять этих событий, не изменить положения, если наука, в том числе историческая, не представит полной картины происходящего. И только на этой основе можно делать выводы... Мне кажется, сейчас идет процесс самосуверенизации наций и народностей Советского Союза. Люди хотят чувствовать себя хозяевами своей земли. В разных республиках это происходит по-разному. По отношению к армянскому народу издавна, еще с 1915 года, имел место геноцид в Азербайджане. Постепенно армяне были вытеснены из Нахичевани, потом их начали вытеснять из Степанакерта, из Нагорного Карабаха. И тогда они сказали—нет. Не выдержали, возмутились. В ответ—Сумгаит я, благодаря стыдливому недомолвкам прессы, романтизация «героев» Сумгаита. Если бы всем людям рассказать, как подростки насилуют пожилую женщину, разрезают ее на куски и сжигают—если бы все это, факт за фактом, рассказать, я думаю, представление о событиях изменилось бы очень существенно.

Но и тут, мне кажется, нужно уметь разглядеть нечто глубинное. Думаю, правы и те, кто усматривает в этих трагических событиях вокруг Нагорного Карабаха (а они были трагичны для обеих сторон) попытку азербайджанцев обрести национальное достоинство. Ведь, как и армянская, азербайджанская нация все эти годы подвергалась выравниванию по рецептам сталинской национальной политики. Ее цвет также (а может быть, и в большей степени) был уничтожен в 30-е годы. Осознание себя нацией происходит порой в совершенно уродливых формах — и через насилие, разгул страстей. Но в основе-то — реакция на сталинскую политику выравнивания и уничтожения всего национального, особенного.

Многие смотрят на эти распри двух союзных республик как на что-то окраинное, затрагивающее интересы только Армении и Азербайджана. Но ведь и это не так. Беда-то наша общая! И если из-за этого всплеска страстей процесс суверенизации Армении и Азербайджана будет приостановлен, он приостановится и у нас, русских, и наше достоинство по-прежнему будет придавлено, и наша национальная культура еще больше пострадает.

Чтобы видеть в происходящем общую беду, нужно знать, что Советский Союз был создан не по-ленински, а по-сталински. Вместо федерации на договорной основе, как представлял себе образование Союза Ленин, он был устроен как мощное централизованное государство со слабо выраженной вялой автономией. Таковым продолжает оставаться и до сих пор. И это надо осознать как большую задачу перестройки СССР на ленинских принципах суверенитета федерации. При этом необходимо всенародное обсуждение, широкая научная дискуссия.

С чего начать? Прежде всего надо сказать всю правду. Проинформировать советское общество о том, что происходило и происходит в Закавказье. Издать «Белую книгу» насилья последнего времени, причем с участием обеих сторон. Важно в ходе переговоров добиться хотя бы минимального согласия. Для начала хотя бы минимального!

Недавно я был в Эстонии и убедился: местная и центральная пресса освещают события неадекватно, опять налицо неинформированность и дезинформация. В

итоге — искаженное представление о проблеме многих советских людей. На такой основе ни один вопрос, а тем более национальный, решить невозможно.

Отрывок из интервью,
Юрия Афанасьева,
опубликованного в газете
«Знамя коммунизма»,
Ногинск, май, 1989 г.

СТЕПЕНЬ СВОБОДЫ

А. Д. САХАРОВ. Съезд не решил также и необычайно острые национальные проблемы. Мы получили в наследство от сталинизма имперскую систему с имперской политикой «разделяй и властвуй», с имперской идеологией. Систему угнетения малых республик и малых национальных образований, входящих в состав союзных республик, которые таким образом превращались в империи меньшего масштаба.

КОРР. У Вас есть какие-то конкретные предложения в этом плане?

А. Д. САХАРОВ. Я предполагаю конфедерацию. Всем республикам — союзным и автономным, автономным областям, национальным округам надо предоставить равные права с сохранением нынешних территориальных границ. Все они должны получить максимальную степень независимости. Их суверенитет должен быть минимально ограничен вопросами совместной обороны и внешней политики, транспорта, связи... Может быть, еще чего-то. Главный пункт: во всем остальном они полностью независимы и на такой основе вступают в отношения союзного договора. (...)

Почему необходима такая глубокая степень самостоятельности? Потому что отталкиваемся от имперского насильственного объединения и не можем его... не можем...

КОРР. Демонтировать?

А. Д. САХАРОВ. ... да, демонтировать частично. Надо — полностью, а затем уже из кусков сложить некое новое целое. Составляющие такого целого вначале бу-

дут слабо связаны, связи должны развиваться от нуля, естественно, сами собой. Потом возникнут более тесные связи — экономические, политические, культурные, но — потом. А начинать надо, повторяю, с полного демонтажа имперской структуры. Только так можно решить национальную проблему в малых империях, которыми по существу являются союзные республики — например, Грузия, включающая в свой состав Абхазию, Осетию и другие национальные образования. Если же начать с Грузии, а в РСФСР не сделать того же самого, возникнут очень большие трудности. (...)

В предлагаемой системе должны быть только республики. Бывшие автономные области тоже превращаются в республики. Например, республика Нагорный Карабах не будет принадлежать ни Армении, ни Азербайджану — она будет сама по себе и получит право вступать в экономические и другие отношения с теми, с кем сама захочет.

От такого решения выиграют все граждане страны. И только на таком пути, как мне представляется, можно добиться решения национального вопроса.

Отрывок из интервью
АНДРЕЯ САХАРОВА,
опубликованного в журнале
«Огонек», № 31, июль 1989 го-
да. (Ведущий Григорий Цитри-
няк).

ДРАМА НА ШОССЕ

ЧТО ПРОИЗОШЛО БЛИЗ ГОРОДА АГДАМА

Вот это место, где 18 сентября при исполнении служебного долга убиты офицеры оперативно-следственной группы МВД СССР Андрей Тюгаев и Сергей Габа. Одному двадцать семь, другому двадцать восемь лет. Оба были женаты, имели детей.

Обычное сельское шоссе, по обе стороны невысокие вспаханные холмы. Неподалеку села Шахбулак и Гияс-

лы. Последнее примыкает к городу Агдаму. На асфальте темно-бурые пятна, разорванные документы, журналы, газеты. На обочинах груды камней и щебня. На пашне следы десятков машин.

В инциденте участвовали сотни людей, ослепленных злобой и враждой. И только гибель двух ни в чем не повинных офицеров остановила толпу, можно сказать, предотвратила массовое кровавое столкновение.

Ведется расследование. К нему привлечена следственная группа Прокуратуры СССР. Три человека арестованы. Ничуть не вторгаясь в ход расследования, не давая никаких оценок, предлагаем нашим читателям рассказы тех, кто своими глазами видел и собственным сердцем пережил случившееся. Итак, что же произошло на шоссе близ азербайджанского города Агдама?

А. ВИШНЯКОВ, майор:

— В этот день я возглавлял сопровождение колонны машин с народнохозяйственными грузами — пять бензовозов и четыре грузовика. Из Мардакерта в Степанакерт колонна прошла без происшествий. Только на развилке дорог нам встретилась небольшая группа людей. В обратный путь выехали в 14.30. На контрольно-пропускном пункте номер 13 меня предупредили: на той же самой развилке (Агдам—Мардакерт) собралось до трехсот человек. На следующем КПП по радиации получил приказ изменить маршрут. Колонна свернула на другую трассу и к вечеру благополучно прибыла в Мардакерт.

С. ХОТЯИЦЕВ, старший сержант:

— Наше подразделение подняли по сигналу «Сбор». Что бросилось в глаза? В двух местах на шоссе завалы. По обе стороны толпы людей.

Собравшиеся вели себя вызывающе, требовали убираться, не скрывая, что они сами расправятся с армянами, которые будут здесь проезжать. Мы встали в боевую цепочку. Тогда в нас полетели камни. Затем переместились к мосту, чтобы прикрыть бронетранспортер. Толпа шла за нами. Неслись оскорбления. Майор О. Носков неоднократно пытался успокоить людей, призывал их сохранять порядок. Но в ответ брань. Что всех удивило, среди них находилось немало работников

агдамской милиции, которые, однако, ничего не предпринимали, дабы пресечь беспорядки

Л. ЦВЕТКОВ, подполковник:

— После первой же беседы понял, что здесь не случайно оказалось так много народу. Заправляли всем представители Народного фронта Азербайджана. Они знали, что тут пройдет колонна машин с грузами для армянского населения. Более того, поставили задачу — сделать все, чтобы колонна не прошла. Камни завезли заранее, на виду у милиции, районной власти. Около 15 часов к месту завала прибыло из города Степанакерта подразделение во главе с полковником Б. Пономаревым. Оно остановилось у моста. Вместе с ним направились ко второму завалу. По дороге беседовали с людьми, успокаивали их, советовали расходиться. Осмотрев завал, повернули назад. И тут с моста раздались автоматные очереди.

Ю. ТКАЧЕВ, старший лейтенант:

— Когда приехал на место, сразу же увидел следующее. С холма спускался незнакомый мне лейтенант ранее прибывшего подразделения. У него в руках — изъятые у населения нож, самодельное взрывное устройство, боеприпасы. За ним шагал солдат-фотограф. Их преследовали десять-двенадцать человек. Они требовали засветить пленку и отдать фотоаппарат, толкали солдата, а потом взяли его в кольцо. Оказавшись рядом, я выхватил его из окружения и заслонил собой. Ко мне подошел лейтенант С. Егоров, и мы вместе оттеснили обнаглевших. Вдруг раздался дикий вопль, и с холмов к нам хлынула толпа, в нас полетели камни, бутылки с зажигательной смесью. Один разъяренный бросился к солдату-фотографу и попытался силой отнять аппарат. Пришлось применить прием рукопашного боя. Солдата отправил к бронетранспортеру. Потом, смотрю, у Егорова начали вырывать автомат. К этому времени толпа возросла вдвое. На мой приказ «Стойте!» никакой реакции. Толпа обезумела. И тогда я дал над собой две очереди из автомата. Это позволило нам отойти к машине, где я стал расставлять бойцов для охраны техники. В эти минуты в кольце оказался полковник Пономарев. Взяв с собой сержанта, бросился выручать командира. Кого-

то из толпы опрокинули. Вскоре тот опомнился и начал нецензурно ругаться, а потом, указав на меня пальцем, закричал, что я кого-то убил. Моментально вокруг меня образовалось плотное окружение. Во весь голос скандировали: «Убийца!» Тут я увидел, из-за холма на руках выносят мужчину, посадили его в свою машину и повезли куда-то. Мне удалось пробиться к бронетранспортеру. Роту окружили и стали требовать моей выдачи. Комендант особого района приказал мне по рации оставить роту и отправиться в Агдам, в отдел внутренних дел.

В. ЗАБАЗНОЙ, полковник:

— Это был форменный допрос. В милиции Ткачеву предъявили обвинение в том, что он якобы пьян. Разумеется, проведенный анализ не подтвердил нелепую версию. Потом офицера пытались посадить в камеру ИВС. Мои доводы категорически отверглись. Положение офицера было тяжелое. Из него хотели сделать козла отпущения. Вечером в РОВД приехал комендант особого района генерал-майор В. Сафонов. Ткачев вернулся в часть.

В. ШАУРОВ, майор:

— Только выдержка и самообладание солдат и офицеров не дали разгореться более грозным событиям. В толпе были пьяные и наркотически возбужденные люди. Многие угрожали расправой оружием, открыто нападали на воинов. Некоторые из солдат получили травмы. Явно выделились лидеры, заводилы. Они направляли действия. Были среди них и с фотокамерами. Снимали офицеров. При этом кричали: «Кто попал в объектив, того ждет расправа».

В. КАПУСТИН, сержант:

— Я видел, как майор Черненко передавал группе следователей, прибывших из Степанакерта, изъятые в толпе предметы нападения. Помню, как они уложили их в портфель, сфотографировали его и сделали несколько снимков толпы. Потом, уже в части, я с горечью узнал о трагической судьбе, которая постигла двух молодых офицеров милиции. А ведь они были вооружены и могли бы защитить себя.

Рассказывают оставшиеся в живых члены оперативно-следственной группы МВД СССР:

Р. ВАЛИУЛИН, оперуполномоченный по особо важным делам Главного управления уголовного розыска МВД СССР:

— В Нагорном Карабахе второй месяц. Успел побывать в больнице — после одного трудного разбирательства. Только что выписался. В 15 часов руководитель бригады полковник милиции. А. Солодовников поручил мне сформировать группу и срочно выехать в район Агдама, где якобы произошла стычка военных с населением, в ходе которой было применено огнестрельное оружие. Даже есть раненые. В группу вошли следователь капитан милиции Леонид Петухов из Кургана, эксперты-криминалисты Андрей Тюгаев, Сергей Габа, Петр Любов. Родом из Пензы, Черновцов из Архангельска. За руль «Волги» сел младший сержант Сергей Шпилев из Курска. На машине были яркие надписи «ГАИ» и «Милиция».

Выехали в 15.10. Через 20—23 минут были в Агдамском отделе внутренних дел. Дежурный сообщил, что никого в РОВДе нет, все на шоссе. Поехали туда, «Волгу» остановили в 350 метрах от блокировки машин. Дальше проехать не смогли, так как пространство запружено автотранспортом и людьми. Там, где якобы стреляли в людей, встретились с подполковником Цветковым. Выяснили, что с ним никто из местной прокуратуры и милиции толком не говорил. По существу всю следственную работу пришлось начинать нам. А вопросы встали серьезные. Во-первых, стреляли или не стреляли? Во-вторых, как стреляли — в воздух или в ноги людей? Как водится, начали с осмотра места происшествия, поиска вещественных доказательств и так далее.

Пока ребята занимались этим, я отправился искать начальника милиции И. Пашаева. Мы с ним знакомы, Нашел его, тут же были прокурор города, первый секретарь райкома А. Кулиев, другие руководители района. Представился, сообщил о цели приезда и попросил помощи в выполнении задания. Прокурор сразу заявил, что их следователь Аббасов уже произвел осмотр. Я стал искать Аббасова. Нашел. Оказалось, что следователь, находясь здесь давно, мало что успел. Закралось подозрение: а хочет ли он быть беспристрастным? Обра-

тились за помощью к военным. Они передали вещественные доказательства, рассказали, что после выстрелов потерпевших никто из них не видел, не осматривал, их немедленно увезли в районную больницу. Стало ясно: надо ехать в Агдам. И чем быстрее, тем лучше. В 18 часов закончили осмотр. Я проинформировал об этом прокурора и сообщил, что группа едет в больницу. Сели в машину, проехали медленно несколько десятков метров. За нами толпа: кричат, требуют. Подумалось: где же местная милиция? А навстречу шли легковые автомобили. Чтобы ускорить езду, я вышел из машины и пошел впереди. Внезапно услышал: «Сахла! Сахла!» В переводе на русский: «Остановись! Стой!» Голос был из-за спины. И сразу же поперек дороги встали желтые «Жигули». Нашу машину буквально облепили. Я оказался зажатым между двумя машинами. Стали требовательно спрашивать: «Кто вы? Зачем здесь? Куда следуете?» Я показал на опознавательные знаки, стал объяснять. Кто-то крикнул: «Это армянские террористы». Около меня оказался представительный, хорошо одетый мужчина, к мнению которого прислушивались. Он потребовал у ребят документы. Ему передали удостоверения. Затем велел отдать фотопленку. Мы и на это пошли. Правда, я попросил не засвечивать ее, так как она нужна для дела. Он согласно кивал головой, умело, профессионально вскрывал фотоаппарат. Угадывая в нем представителя власти, я настойчиво просил его помочь нам. Он опять закивал, но никаких действий от него не последовало. А тем временем кто-то через окно вырывает у Петухова портфель с вещественными доказательствами. Открывает его, а там нож, патроны, взрывное устройство... По толпе пронесется рев. Мгновенно выдерживают из «Волги» Петухова и Шпилева. Начинают их бить. Отбирают пистолеты. Стало очевидно: совершилось новое преступление. Я принимаю решение пробиться к руководству района или военным.

Л. ПЕТУХОВ, старший следователь:

— Всех нас били стоя. Били по голове, в спину. Вытащили из карманов бумажники. У машины проткнули колеса. Стали уродовать «Волгу», потом ее опрокинули на крышу. Один снял лобовое стекло и убежал с ним. А нас повели куда-то. Из толпы голос: «Веди их даль-

ше». Нас посадили в чей-то «Москвич»: всех на заднее сиденье. И снова окружили машину. Крики, брань, вопли. Стали раскачивать машину. Хлопнула задняя дверь. Неожиданно громко вскрикнул Сергей. Затем — Андрей. Машина встала на бок. Потом ее поставили на колеса. Прибежал какой-то милиционер, стал успокаивать толпу. Из машины вывели Тюгаева и Габу. До сих пор никак не могу понять, как они шли. Ведь Андрею воткнули нож в сердце, а Сергею в область печени. Нас посадили в новые «Жигули».

Р. ВАЛИУЛИН:

— Честно, я не думал, что уйду далеко. За спиной кричали: «Держи его, он уходит». Все-таки добрался до милиционеров. Два сержанта выслушали меня и остались на месте. Пошел дальше. Встречаю у бронетранспортера заместителя начальника милиции Наврузова. Прошу помощи. Он явно затягивает формирование группы по спасению. Зло говорит: «Я тебе дал старшего лейтенанта, чего тебе еще надо». Наконец, не выдерживаю, беру его и еще двух-трех милиционеров, которые потом отстали. На пути попадается опрокинутая «Волга»: наших нет. Я поднялся на обочину: впереди в трехстах метрах буйствовала толпа. Бежим туда. И вот красные «Жигули». Никогда не забыть: на заднем сиденье Петухов и Шпилев держат окровавленных, почти обнаженных Андрея и Сергея. Зияют огромные раны. Освобождается дорога, и машина помчалась в Агдам, в больницу.

Л. ПЕТУХОВ:

— По дороге все молчали. Андрей умер до операции. У Сергея, кроме ножевого ранения, была сломана нога. Он потерял пять литров крови. Солдаты давали ее прямо на операционный стол. Габа умер сразу же после операции.

Р. ВАЛИУЛИН:

— Следствие начали только 21 сентября, после нашего обращения в республиканскую прокуратуру. Несколько дней ребята жили в гостинице «Карабах»: в чужой одежде, без документов и денег.

Это требует пояснений.

21 сентября в республиканской газете «Вышка» напечатана статья «К инциденту в Агдаме». По просьбе Азеринформа о случившемся подробно рассказывает начальник Агдамского РОВД И. Пашаев. После того, что я услышал от очевидцев, каким-то странным лепетом выглядит это интервью. Если не сказать больше. Вот первая его фраза: «Однако никаких попыток нападения на военнослужащих они не предпринимали». Значит, бросать камни, бить кулаками по голове, в спину, метать взрывпакеты, отнимать оружие — тогда что же все это такое? Далее: «Неожиданно для присутствующих на месте инцидента появилась группа неизвестных гражданских лиц. Не представившись, они стали фотографировать место происшествия».

Да, верно, обезумевшей толпе группа действительно не представлялась, хотя даже она понимала, кто и зачем приехал на машине, на которой было начертано: «Милиция». И не случайно группе удалось поработать целых два часа. За это время, напому, Р. Валиулин встретился с руководством района и обо всем его проинформировал, в том числе и начальника милиции. Что должен делать в таком случае И. Пашаев? Предоставить группе МВД СССР всяческую помощь и поддержку. Ни того, ни другого не было.

Милиционеры во главе с начальником РОВДа, его замом, как видно из рассказов, уклонились от выполнения своего прямого служебного долга и по существу способствовали трагедии. Запомнились слова одного из пострадавших: «Это не милиция, а нечто противоположное».

На многие печальные размышления наводит происшедшее близ Агдама. Вопросы возникают один другого серьезнее. Но мы обязаны получить на них ответы. Не только ради памяти безвинно загубленных офицеров, а и ради торжества добра над злом. Страшная драма на шоссе свидетельствует: от ослепления ненавистью до уголовного преступления — всего один шаг. Еще пример тому. Произошло это уже в самом Степанакерте. При сопровождении колонны азербайджанских машин с грувом в районе электротехнического завода в солдат было брошено самодельное взрывное устройство. Рядовому Сергею Пыхтееву из Пермской области покалечили глаз. А ведь парню до конца службы в армии остался

ляшь один месяц с небольшим. И вот теперь вместо родного дома долгое лечение в госпитале. Такова дорогая цена разжигания вражды и ненависти.

И тут возникает главный вопрос: почему не пресекаются националистические и экстремистские «увлечения»? Пора нам всем глубоко осознать меру своей ответственности за происходящее в обществе. И в центре, и на местах. Проблемы Нагорного Карабаха могут быть решены только на путях компромиссов. Кажется, это понимают и в Ереване, и в Баку, и в Степанакерте. Но что же мешает сделать шаг навстречу друг другу? Нельзя же в самом деле все время ходить по тонкому-тонкому льду. Перед националистической и шовинистической пучиной любая армия, любой народ окажутся бессильными. Вот с таким тягостным ощущением улетал я из Степанакерта, а до этого из Баку и Еревана. Честно говоря, многого жду от осенней сессии. Особенно от народных депутатов двух республик. Ключ к взаимопониманию в их руках!

А. ПЕТРУШОВ,

(спец. корр. «Правды»).

Степанакерт—Агдам

Задержаны лица, подозреваемые в убийстве сотрудников оперативной группы капитана милиции А. Тюгаева и лейтенанта милиции С. Габы, которое произошло 18 сентября около села Гияслы Агдамского района Азербайджанской ССР. Ими оказались некто Зейналов и Исмаилов. У Зейналова изъят пистолет «ПМ» с восемью патронами, похищенный у капитана Тюгаева.

«ПРАВДА», 27 сентября
1989 года
(ТАСС)

УБИЙЦ — К ОТВЕТУ!

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Дорогие товарищи! С этим письмом к вам обращаются родители и жена погибших от рук азербайджанских фанатиков старшего лейтенанта милиции Тюгаева Андрея Михайловича. Трудно писать эти строки. Серд-

це обливается кровью, мутнеет разум от сознания бессмысленности и жестокости содеянного.

Наш сын и муж поехал в Карабах, чтобы внести свой посильный вклад в выполнение интернационального долга и путем раскрытия преступлений помочь обрести людям справедливость. Он был интернационалистом, никогда не испытывал чувства неприязни ни к какому народу. Как человек высокой культуры Андрей отличался и высокой гуманностью. И сам стал жертвой своего же гуманизма.

Незадолго до своей гибели Андрей писал, что азербайджанцы сильно обостряют обстановку в Нагорном Карабахе. Но мы не могли и представить, что разгул фанатизма и вандализма дойдет до такой степени, что может погубить даже представителей МВД. И что в нашей стране, в гимне которой, передаваемом каждое утро по радио, есть слова «дружбы народов надежный оплот», теряется вера во все.

... По специальности Андрей был ученым-агрономом. После службы в армии, по путевке комсомола он был направлен в органы милиции, где зарекомендовал себя с самой лучшей стороны. Он пользовался большим уважением у населения за свое справедливое отношение к людям. Не так давно получил квартиру, и всю ее отделил своими руками. Как он радовался каждой приобретенной вещи! Как любил жену, дочку Настеньку, которой лишь 30 ноября исполнится три года! Каждый день она задает нам вопрос: «Когда приедет мой папуленька из Карабаха?» От этого вопроса у нас кровь застыла в жилах. Как все это перенести?

Гнев и возмущение вызывает у нас то обстоятельство, что в тысячной толпе не нашлось людей, которые могли бы схватить за руку убийц. Мы вовсе не хотим сказать, что в Азербайджане нет культурных и гуманных людей. Но, видимо, их голос тонет в общем разгуле националистического озлобления.

Азербайджанец! Если в твоей республике сложилась столь острая обстановка, то не армянин в этом виноват, и не солдаты и сотрудники следственных органов, которые пришли, чтобы прекратить кровопролитие. Во всем повинно твое собственное руководство, которое довело республику до экономического и социального развала и культурного одичания. И этому руководству выгодно

направлять твой гнев, порожденный в оглуленном и одурманенном сознании, в другую сторону. Если бы ты это понимал, то не поднял бы руку на ни в чем не повинных людей. Не заставил бы так страдать других родителей, жен и детей.

Разве у тебя нет матери, нет детей? Неужели националистический дурман совсем лишил тебя разума и человечности? Ведь Андрей был нашей единственной опорой и надеждой в жизни. Семь лет назад, в 1982 году, наш старший сын лейтенант Михаил Тюгаев погиб в армии, куда он был послан после окончания Пензенского политехнического института. Сейчас оба брата лежат в одной могиле. Даже постороннему человеку становится жутко от той трагедии, что выпала на нашу долю.

Мы не беремся судить, как решить проблему Нагорного Карабаха. Думаем, что история восстановит справедливость. Но принятый Верховным Советом Азербайджана закон о суверенитете этой проблемы не решит, так как он односторонен. Игра ведется в одни ворота.

В трагедии Карабаха повинно и центральное правительство. Своей нерешительностью, догматическим подходом к этому вопросу оно только попустительствует разгулу фанатизма и вандализма.

Однако мы обращаемся к правоохранительным органам: убийцы должны понести суровое наказание. Ответственность должны нести и те люди, которые в силу своих служебных обязанностей должны были обеспечить безопасность жизни людей. Их имена были названы в статье газеты «Правда» «Драма на шоссе» от 27 сентября 1989 года.

Дорогие товарищи! Позвольте через вашу газету выразить глубокую благодарность всем многотысячным коллективам предприятий и организаций, Народному фронту Нагорного Карабаха за присланные нам соболезнования в связи с гибелью нашего любимого сына, мужа, отца и за оказанную материальную помощь. Ваши искренние чувства служили для нас большой моральной поддержкой. Просим передать нашу сердечную благодарность его преосвященству Католикусу всех армян Вазгену Первому за его участие в нашем горе и молитвы за спасение душ погибших.

Мы благодарим редакцию газеты «Советский Карабах», которая поместила обширный материал об Андрее

и Сергее Габа с их портретами, а также отклики многих людей, выразивших глубокое соболезнование и чувства гнева и возмущения в связи со злодейским убийством.

Спасибо вам всем.

Отец — **ТЮГАЕВ Михаил Антонович**: учитель, отличник народного просвещения.

Мать — **ТЮГАЕВА Анна Яковлевна**: врач, отличник здравоохранения.

Жена — **ТЮГАЕВА Галина Васильевна**: медработник.

«Советский Карабах»

16 октября 1989 года

«Коммунист»

16 ноября 1989 года

АРЦАХ: ВЕСТОЧКА С СЕВЕРА

С первым в новом году снегом, окутавшим землю гордого Арцаха, пришла в редакцию областной газеты весточка с севера от проживающих в селе Башмаково Пензенской области членов семьи Тюгаевых.

«Дорогие арцахцы, — пишут Михаил, Анна и Галина Тюгаевы, — армянский народ знает цену человеческому горю. Его история изобилует трагическими страницами. Нагорный Карабах — одна из этих страниц. Мы следим за настойчивой и упорной борьбой, которую ведет народ Арцаха за свое самоопределение. Борьба эта нелегкая, но только в борьбе можно обречь свободу, что дороже всего на свете.

Мы продолжаем получать письма из Арцаха и Армении. По случаю дня рождения нашей дочки и внучки Настеньки нами были получены многочисленные телеграммы и письма от различных организаций, трудовых коллективов, работников милиции, учащихся школ, преподавателей... В этих посланиях выражена сердечная боль в связи с убийством нашего сына, мужа и отца, старшего лейтенанта милиции Андрея Тюгаева, которое произошло в Агдамском районе Азербайджанской ССР. Мы глубоко благодарны всем тем, кто разделил с нами великую боль утраты, наше большое горе.

Многие нашу Настеньку называют «Дочкой Карабаха», что нас глубоко трогает. Мы выражаем вам за эту высокую честь, свою признательность. Еще раз спасибо всем. И пусть на земле воцарятся мир, счастье и благополучие».

А. ГРИГОРЯН,
соб. корр. Арменпресс.
«Коммунист» 6. 01, 1990 г.

НА ГРАНИ БОЛЬШОЙ ТРАГЕДИИ

О ситуации в Нагорном Карабахе и вокруг него наш корреспондент **Н. ЧАПЛЫГИН** беседует с членом Комитета особого управления НКАО, ответственным работником ЦК КПСС **В. А. СИДОРОВЫМ.**

— **Валерий Анатольевич, вы уже около года работаете в НКАО. Как идеологический работник довольны ли вы тем, как освещаются в прессе события в Нагорном Карабахе?**

— Нет, конечно. Я думаю, что сейчас большинство газет, радио и телевидение проявляют чрезмерную боязливость в освещении этих событий. Сложилось так не случайно: все выступления центральной печати подвергаются ожесточенной критике или в Азербайджане, или в Армении. Стоит корреспонденту высказать свой взгляд на развитие событий, проанализировать действия той или иной стороны, как ему немедленно клеится ярлык: «проармянский», «антиармянский», «промусульманский» и т. д.

Почему так сложилось, мы еще поговорим. Пока фиксируем факт: объективные и обстоятельные статьи вызывают шквал опровержений в местной печати, подогревают общественные настроения, сопровождаются протестами от республиканских руководителей в ЦК КПСС. В итоге и появилась та боязливость, о которой я говорил. Только уточним: речь идет не о боязни каких-то наказаний, а о боязни осложнить ситуацию еще больше. Вряд ли это правильно: ведь здесь и идут, и грядут события, имеющие общесоюзное звучание.

— **И как вы оцениваете ситуацию?**

— Как предшествующую большой трагедии, если мы не примем самые решительные и жесткие меры. Собственно, трагедия — даже не в перспективе, она уже произошла. Разве не трагедия — события в Сумгаите? А 300 тыс. беженцев, изгнанных из обеих республик с неслыханной жестокостью? А уже сотни погибших за последние полтора года во взаимных стычках, погромах, резне? А постоянное противостояние двух социалистических республик, развязавших между собой «холодную войну» с готовностью перевести ее в любой момент в гражданскую, братоубийственную?

Сейчас не проходит дня и ночи без выстрелов, взрывов мин, поджогов и погромов. Обстреливаются машины, захватываются заложники, перекрываются завалами автомобильные и железные дороги. Местная милиция не пресекает, а молчаливо поощряет, порой даже сама участвует в этих шабашах. Укрываются от правосудия уголовные преступники. Парализовано народное хозяйство Армении и НКАО. Автономная область вообще находится в блокаде, даже продукты питания и медикаменты приходится доставлять по воздуху.

Дело уже вышло даже за рамки армяно-азербайджанской распри. Все чаще нападения на военнослужащих, представителей правоохранительных органов из Москвы. На днях, как уже сообщалось в нашей печати, были зверски убиты в толпе недалеко от Агдама двое сотрудников оперативно-следственной группы МВД СССР, а еще четверо жестоко избиты. А ведь в этой толпе, фанатично взвинченной и накаленной, находилось руководство Агдамского РК.

Такие факты готовы появиться в любой точке — и вокруг НКАО, и внутри нее. И немудрено, так как господствует атмосфера злобы и вражды, нетерпимости и с той и с другой стороны. Ни одна из них сегодня не может претендовать на «белые одежды». Но когда и где путь крови приводил к миру? Вот ведь о чем не хотят задуматься ни в Азербайджане, ни в Армении.

Посмотрите, какие выступления звучали на только что прошедших внеочередных сессиях Верховных Советов Азербайджана и Армении. Даже представители интеллигенции, призванной быть совестью и нравственным эталоном народа, открыто звали к дальнейшей эскалации. Не на высоте оказались и лидеры партийных, совет-

ских органов, пошедшие, по существу, на поводу у экстремистских сил.

Дело дошло до такой степени вражды, когда отвергается даже идея разумного компромисса. И если мы сейчас не образуем эти распоясавшиеся силы, мы получим в Закавказье внутриотечественный Ливан. Счет жертвам пойдет уже даже не на сотни...

— Почему же дело зашло так далеко?

— Армянское население НКАО всегда, с постоянной регулярностью ставило вопрос о воссоединении с Арменией — так было и в 40-е, и в 50-е, и в 60-е, и в последующие годы. Такие выступления всегда жестоко подавлялись. Репрессии были, конечно, разные, но уже и в 70-е годы за подобные идеи люди расплачивались партбилетом, изгнанием из области и т. д.

— Что способствовало такой ориентации карабахских армян?

— Не только стремление к национальному единству. Объективности ради надо признать, что население НКАО имело основания для социального протеста. Бывшее руководство Азербайджана проводило, по существу, политику великодержавного шовинизма, добиваясь ассимиляции карабахских армян. Ставились рогатки в области культурных контактов интеллигенции, развитии армянского языка, грубо искажалась история края, НКАО как бы железным занавесом была отделена от Армении. Игнорировалась демографическая ситуация. А ведь перед карабахскими армянами постоянным и болезненным примером стояла судьба Нахичевани, превратившейся из армяно-азербайджанской республики в моноэтническую.

Добавьте к этому грубые просчеты в социально-экономическом развитии — да еще на фоне внешне благополучных, социально обустроенных районов Армении, прилегающих к НКАО.

Опять-таки объективности ради подчеркну, что в равно неблагоприятном положении находились и армяне, и азербайджанцы Карабаха. Дискриминация со стороны республики охватывала всю область: сферу образования,

здравоохранения, быта. Многие азербайджанские школы и больницы в НКАО находятся в состоянии, позорном для Советской власти.

Поэтому начавшиеся в феврале прошлого года выступления армян-карабахцев были направлены не против азербайджанцев, а против руководства республики. Отказываясь верить в его желание, готовность и способность улучшить жизненные условия в НКАО, карабахцы единственно с идеей воссоединения с Арменией связывали свои мечты на лучшее будущее.

Вместо того, чтобы вникнуть в причины и следствия возникшего массового народного движения, руководство республики пошло штамповать ярлыки: «националисты», «экстремисты», «дашнаки», попробовало традиционными силовыми методами подавить движение.

— Порой приходится, действительно, слышать такое мнение, что карабахское движение порождено националистическими идеями возрождения «Великой Армении».

— Давайте и здесь не торопиться с обвинениями. Скажите, какой народ не мечтает о национальном объединении? А что, разве доволен исторической судьбой тот же азербайджанский народ, расколотый государственными границами?

То же и об армянах. Трагическая история разбросала этот народ по всему миру, не раз ставя на грань полного уничтожения. Что же зазорного в том, что в новых исторических условиях они стремятся друг к другу и видят здесь перспективы? Другое дело — в каких формах пойдет такое объединение. Утопично мечтать, по крайней мере, сейчас, о государственном возрождении в исторических границах. Ну а широкий и беспрепятственный культурный обмен, общение, образование, наука? Что зазорного, если Советская Армения станет духовным центром армян всего мира? Кому повредит, если она примет в широких масштабах материальную помощь диаспоры?

— Как я понял, руководство Азербайджана такую точку зрения не приняло. И как же пошли развиваться события?

— Трагически. В общественном сознании азербайджанского населения средствами массовой информации, выступлениями интеллигенции, руководителей республики начала утверждаться другая концепция. О том, что выступления карабахцев носят оскорбительный для азербайджанцев характер, что требования о пересмотре границ — оскорбление для чести народа, покушение на суверенитет и т. д. Подчас эти выступления, даже первых лиц, приобретали просто кликушеский характер, звали всеми методами защищать каждую пядь своей земли, каждый куст и т. д. Все это рождало в республике такую истерическую атмосферу, когда и стал возможен Сумгаит.

— Но мы же не раз подчеркивали, что «перестройка — не перекройка». Вы придерживаетесь другой точки зрения? Поддерживаете идею «миацума», т. е. воссоединения НКАО с Арменией?

— Я за «миацум» карабахских армян с Арменией в духовной сфере. За установление разнообразных контактов между трудовыми коллективами предприятий, за сотрудничество и содружество в любом вопросе, представляющем взаимный интерес. Именно такую политику, отвечая в составе Комитета особого управления за идеологическую работу, я и стремился проводить. Что же касается перекопки пограничных столбов — я, безусловно, не сторонник этого. Не территориальная принадлежность, а широкие права, реальная автономия в политической и экономической жизни должны способствовать удовлетворению всех потребностей населения.

Лидеры «карабахского движения» часто говорят, что их вопрос — чисто политический, а социально-экономические вопросы — якобы дело второстепенное. Но политика — это не вопрос о границах, как они его трактуют. Политика — это всегда вопрос о власти: кому она принадлежит, за кем последнее слово в решении всех ключевых вопросов. Так вот, если мы обеспечим в НКАО, как, впрочем, и в других автономиях, реальное народо-властие, демократию и самоуправляемость — мы решим карабахский вопрос именно политически.

Является ли такая постановка проблемы оскорблением для азербайджанского народа, нарушением республиканского суверенитета?

Руководители Азербайджана любят клясться в своей преданности ленинским идеям национальной политики, ширококестельно заявляют о своем интернационализме и т. д. Но давайте сопоставим хотя бы две позиции. В. И. Ленин в своей статье «Итоги дискуссий о самоопределении» говорил о том, что державная нация должна быть абсолютно «равнодушна» к тому, хочет ли малая нация быть вместе с ней, или автономно, или вообще отделиться. Без такого «равнодушия» к территориальному вопросу представитель большой нации не имеет права называться марксистом (см. Полн. собр. соч., т. 30, с. 44). Более того, Ленин подчеркивал, что без широкой «демократии во всех областях, вплоть до определения границ государства сообразно «симпатиям» населения, вплоть до полной свободы отделения», мы и при социалистическом строе не добьемся полного устранения национального гнета. (там же, с. 22).

Сопоставим эти ленинские идеи с призывами любой ценой защищать незыблемость республиканских границ, готовностью даже кровью ликвидировать вопрос о самоопределении.

Напомним также, что Ленин вообще автономию считал временным явлением, необходимым только для того, чтобы нация могла «окончательно конституироваться как нация, обрвать, узнать, организовать свои силы» для самоопределения (там же, с. 42). Так что стремление к национальному самоопределению, к изменению своего государственно-национального и политико-правового статуса — вполне объективно, вполне отвечает духу ленинской национальной политики.

— Таким образом, ваши симпатии в этом вопросе на стороне «карабахского движения»?

— Что касается цели — поднять уровень своей автономии, духовно воссоединиться с Арменией и т. д. — то да!

Однако в жизни ведь важны не только цели, но и методы их достижения. И вот здесь, я считаю, «карабахское движение» сильно себя дискредитировало, когда недоверие и недоброжелательство к руководству республики перенесло на азербайджанский народ в целом. Азербайджанцы были изгнаны из Степанакерта, не до-

пускаются на работу, их селения блокируются, сюда не поступали продукты, медикаменты, почта. В ряде случаев была избрана тактика «выдавливания» азербайджанцев из НКАО, создания для них невыносимых условий жизни. Были прерваны, подчас в оскорбительной форме, все связи с республикой. И такая недалководидная, неумная политика спровоцировала со стороны республики несакционированное строительство в азербайджанских селах промышленных и социально-культурных объектов, бойкоты на дорогах и т. д. Каждая недружелюбная акция рождала ответную, вот и возрастало напряжение, виток за витком.

— А что же руководители партийных, советских органов обеих республик?

— Они прежде всего несут ответственность за то, что республика так и не сели за стол переговоров, не ищут пути к примирению. Дело не только в личностях первых лиц. Дело в общей обстановке в Азербайджане и Армении. Здесь за годы правления Алиева и Демирчяна наряду с «теневой экономикой» сформировалась и «теневая политика», выражающая и обслуживающая интересы коррумпированных лиц. По существу, мы имеем дело с некоторой политической мутацией в виде «социалистического феодализма», умело культивировавшего идею «национального единства» против «внешнего врага». А ведь это так удобно: переключить недовольство населения на этого врага, на его счет списать все беды. В этой атмосфере девальвировались многие социалистические нормы и ценности. «Национальное братство» было поставлено на службу местным вождям. Возник феноменальный для нашего общества облик, который я называю «аятолла» — первый секретарь».

Недавно депутаты Бакинского городского Совета опубликовали обращение к здоровым силам республики, где, в частности, сказали: «Прикрываясь вопросом о НКАО, в республике неистовствует мафия и связанные с ней единой цепью схожие элементы, антисоветские и антикоммунистические группировки, вступившие в связь с экстремистскими националистическими группами, действующими в различных регионах нашей страны...»

Извините за цитирование, но приведу еще одно вы-

сказывание, во многом объясняющее нынешнюю обстановку в Азербайджане. Вот мнение человека со стороны, корреспондента Би-би-си Т. Хьюэла, переданное 6 сентября: «Требование Народного фронта по НКАО, как это ни парадоксально, одновременно и наиболее приемлемое требование для азербайджанского партийного руководства. Если оно согласится на большую демократизацию, оно тем самым подпишет себе смертный приговор. Если же оно поддержит кампанию за возвращение Азербайджану полной власти над Нагорным Карабахом, оно даже может приобрести определенную популярность...»

— А что можно сказать об Армении?

— Думаю, что здесь много однотипных процессов. По моим наблюдениям, процесс борьбы с «демирчяновщиной» явно проходит без должной энергии и последовательности. Не хватает политической и гражданской смелости, широкой консолидации всех здоровых сил. И в этой обстановке Нагорный Карабах — очень удобный случай набрать популярность.

Ну и конечно, своего рода «нарциссовский» комплекс, существующий среди достаточно широких кругов населения, особенно среди интеллигенции, некритическое отношение к собственным действиям, нежелание задуматься над тем, куда ведет дорога этих действий — к храму или к жертвеннику? Почему народ, исконно исповедующий высокую культуру и мораль, в тех же ноябрьских—декабрьских событиях прошлого года скатился до варварской жестокости? Ведь были случаи, сопоставимые даже с Хатынью...

Мне не раз приходилось разговаривать с армянской интеллигенцией на тему прогнозируют ли они, какие последствия для нравственного, психологического здоровья нации могут иметь идеи воспитания, замешанные на концепциях исключительности своего народа, его трагического противостояния вечно враждебным обстоятельствам... Ведь сегодня трудно встретить даже товарищескую пирушку, на которой бы не говорилось вновь и вновь о геноциде и т. д. Даже дети воспитываются в этом ключе, теряя способность беззаботно смеяться.

Я вижу даже по участникам митингов в Карабахе,

как месяц за месяцем угнетается психика населения, как легко появляются на глазах слезы при словах о безысходной судьбе армянского народа, как доверчиво воспринимается любая инсинуация о коварстве врагов. И как на этой почве рождается оголтелый фанатизм!

Не задумываются и о тех последствиях, к которым ведут бесконечные забастовки. Не экономические, а психологические, моральные. А ведь они все заметнее: будто какой-то кривостенный стержень в народе сломался... Безделье не просто разлагает людей, оно губит будущее народа!

— Я знаю, что сейчас забастовка в НКАО прекращена. Но надолго ли? И какие перспективы вы видите дальше?

— Прекращена, но вот именно: надолго ли? Армянское население Карабаха занимает сейчас непримиримые позиции в вопросе о воссоединении с Арменией. Только «миацум»! Любой ценой. Азербайджанское население — и не только НКАО, но республики в целом — настроено еще более воинственно. Лидеры Народного фронта постоянно грозят непредсказуемыми последствиями, за которыми легко проглядывается уголовная политика длинных ножей.

И ни малейшей готовности к компромиссам! Но во что это выльется — очевидно. Тут не поможешь никакими внутренними войсками, тем более при их ограниченных полномочиях.

Решение будет трудным. Но принимать его надо, и без промедления. Вопрос перезрел. И принимать его нужно не под влиянием азербайджанского или армянского фактора, а на принципиальной основе, отраженной в платформе КПСС, в решениях Пленума ЦК КПСС, — на основе идеи о национальном самоопределении.

Безусловно, здесь может быть ряд этапов, учитывающих реалии обстановки. Сейчас, например, я не вижу ничего равноценного особому управлению, временному подчинению НКАО центру. Временному — до того момента, пока не улягутся страсти и нельзя будет решать вопрос в конструктивной обстановке.

Но не будем предвосхищать события. Последнее сло-

во здесь — за Верховным Советом СССР. Его комиссия в ближайшее время выскажет свои предложения. И надеюсь, что это будут не только призывы помириться и подружиться.

«Аргументы и факты» № 39,
30 сентября—6 октября 1989 г

Н К А О:

БУДНИ ОСОБОГО УПРАВЛЕНИЯ

В репортаже из Нагорного Карабаха («МН» № 41) мы рассказывали, как военные расчищали дорогу, чтобы вывести с верхних пастбищ около полумиллиона овец. Саперы кончили работу только поздним вечером. Наутро должны были прийти машины с автоматчиками: охранять пастухов и отары. Но на следующий день горная дорога снова была завалена огромными обломками скалы. Опять пришлось гнать сюда технику, взрывать камень и вновь и вновь выслушивать рассказы жителей армянского села Ванк о том, почему они не хотят пропускать принадлежащий азербайджанцам скот. Резоны знакомые: азербайджанцы сами держат в блокаде всю область — продукты приходится завозить по воздуху, нет бензина.

... Убитые, раненые. Захват заложников. Взорваны мост и газопровод на пути в город Шуша. Загрязнен водозаборник степанакертского водопровода. Срельба из засад. Оружие в цене: по рассказам, автомат меняют на новенький автомобиль. Взрыв на площади перед Комитетом особого управления НКАО. Вооруженная охрана грузов. Для военных выпущены русско-армянский и русско-азербайджанский разговорники. Идет война, которой не дают разгореться сильнее только Комитет особого управления и внутренние войска. А обстановка нагнетается. Азербайджанцы говорят, что 60 тысяч молодых людей готовы подняться по первому сигналу. Записываются в добровольцы армянские мужчины.

И нет доверия друг к другу. В селе Ванк пропал школьный учитель, все уверены — взят соседями заложником. Когда завал на дороге во второй раз расчистили,

подполковник Геннадий Пономарев предложил кому-либо из жителей съездить с нами туда — под охраной, на бронемашине. Никто не согласился. Мы поехали сами и в сельсовете поселка Наристар попросил о том же: поговорить с людьми из Ванка. Тоже отказ. Составили, правда, протокол импровизированного заседания, скрепив его подписями и печатью: никто учителя не выкрадывал, жить собираемся мирно, как жили. Людей на площади в Ванке это не успокоило. Зато успокоило известие, что азербайджанцы увели скот длинной окружной дорогой, не дождавшись расчистки удобного пути. А ведь потери в отарах будут большие.

— У овцы нет национальных амбиций, — говорит председатель Комитета особого управления НКАО Аркадий **ВОЛЬСКИЙ**, принявший этот сложнейший пост в начале года. — Нужно думать, чем кормить людей. И так уже ущерб для страны с начала конфликта — более миллиарда рублей. Сейчас в магазинах Степанакерта снижаем цены на мясо, но не от хорошей жизни. Это результат блокады Нагорного Карабаха. Невозможно подвезти корма для скота, поэтому приходится резать даже маточное стадо: преступление — потом не будет ничего. Карабах и прежде был нищим, а сейчас у нас тысячи беженцев.

— Но важнее всего решить политическую проблему, определить будущий статус НКАО. Без этого, как показало время, не потушить конфликт, не сохранить безопасность людей. Что будет, если, как потребовал Верховный Совет Азербайджана, упразднить Комитет особого управления?

— Тогда нужно отменять и особое положение, выводить войска. А делать это, считаю, никак нельзя: очень скоро придется их возвращать, но ведь тем, кто погибнет, уже не поможешь. И конфликт может выйти за пределы НКАО.

Думаю, нужно восстановить облисполком и обком партии и Комитету особого управления работать вместе с ними, разделив функции, помогая друг другу.

— А если в Баку на это не согласятся, посчитав, что таким образом ущемляются суверенные права Азербайджанской ССР?

— Необходимо искать общий язык, договариваться,

идти на приемлемые компромиссы. Конституционного суда, чьи решения были бы обязательны для всех, признавались бы всеми, мы пока не создали. Другие пути опять же могут привести к обострению обстановки.

— Предлагалось решить вопрос референдумом.

— Тут снова разногласие. И два заведомо известных результата. Если референдум проводить только среди жителей НКАО, в большинстве армян, результат будет один. Если во всем Азербайджане — другой.

Но пока не удается найти компромиссы и в вопросах — менее важных. Не можем, например, образумить работников телевидения в Шуше. Там стоит ретранслятор, передающий I программу ЦТ на всю область. Шушинцы «салятся» на этот канал и выходят в эфир в самое «смотрибельное» время с разнузданно-бранными текстами и беседами. На днях набрасывались с руганью на члена Комитета особого управления Валерия Сидорова: не понравилось опубликованное интервью с ним.

Пробовали убеждать. Прилетали из Москвы из руководства Гостелерадио. Ставили солдат у студии — здание тут же окружили тысячные толпы людей. Ну не стрелять же. Можно, конечно, НКАО перевести на спутниковое телевидение. Так ведь не смогли договориться. Было подобное и с другой стороны.

Реакционные силы в регионе пытаются организовать политический бойкот перестройке. Но уверен: перестройка придет и сюда — гласностью, демократией, добром и справедливостью.

Опасно нынешнее противостояние в Карабахе. Опасным может оказаться и выстрел, и разнесшийся вдруг слух. Опасны «теоретические рассуждения» тех, кто убеждает, что армянам сейчас выгодно, чтобы пролилась их кровь: это заставит сострадать им участников сессии Верховного Совета страны, повлияет на решение вопроса о НКАО. В напряжении солдаты и присланные сюда из разных милицейских школ курсанты. И понятно то, о чем рассказывал дежуривший в аэропорту майор Станислав Тишкевич. По летному полю наперерез садящемуся самолету мчалась неизвестная легковая машина, водитель на сигналы остановиться не реагировал. Могло произойти что угодно, и полагалось стрелять. Бойцов поощрили за то, что огня они не открыли.

Необходима выдержка. Но и какое-то реальное улуч-

шение обстановки, прекращение длящейся уже полтора года блокады НКАО. Пока же улучшение в основном на словах. Уже вернувшись в Москву, услышал: по Азербайджанской железной дороге пошли грузы в Нагорный Карабах. Позвонил члену Комитета особого управления Виктору Плисову.

— Пиши,— сказал он.— Принятые меры явно недостаточны. Цистерны с топливом в Степанакерт практически не поступают.

А вот что говорит народный депутат СССР Борис Дадамян:

— Зарегистрированы следующие факты. Один из составов, например, прошел на территорию НКАО, но разгрузить его не успели: представители азербайджанского Народного фронта связались с машинистом по радио, и он задним ходом вернул состав в Агdam. А на днях работники Комитета особого управления решили проверить, где находятся вагоны, о которых было сказано, что они прибыли в Карабах. Их попросту не оказалось, более того, выяснилось, что грузы, числящиеся доставленными, не поступали даже в Агdam.

Если судить по этим фактам, блокада все еще продолжается.

Андрей ПРАЛЬНИКОВ,
спецкор «МН»
«Московские новости» № 45,
5 ноября 1989 г.

БЛОКАДА

АРМЕНИЯ В ЭТИ ДНИ

Эмма Арутюнян руководила приемом беженцев из Азербайджана. Больше года на двери ее служебной комнаты в ереванском аэропорту «Звартноц» висела надпись, извещавшая, что здесь приехавшие могут получить первую помощь — талоны на бесплатное питание. За минувшее время тревожное слово «беженец» стало общепринятым и в Армении, и в Азербайджане: не затихает конфликт между двумя республиками, начавшийся в

феврале прошлого года после решения сессии областного Совета НКАО о выходе из состава Азербайджанской ССР. Не желая жить в повседневном страхе, сотни тысяч людей были вынуждены бросить дома, работу. Призывы к благоразумию оказались бессильными. Даже страшное прошлогоднее декабрьское землетрясение, унесшее десятки тысяч жизней, не заслонило страстей, вызванных проблемой Нагорного Карабаха.

В маленькой комнате Эммы-джан, куда заглядывают поделиться новостями сотрудники аэропорта, сегодня чаще других повторяется слово «блокада».

«Звартноц» работает в напряженном режиме. Горячее для самолетов приходится доставлять в Ереван по воздуху. Начальник смены пассажирских перевозок аэропорта Арарат Саркисян гозорит, что транспортный самолет из Москвы сжигает по пути практически столько же топлива, сколько может привезти на борту. Машинам, вылетающим из Еревана, приходится брать минимальный запас, которого только-только хватает до промежуточной посадки в Тбилиси или Минеральных Водах — там идет дозаправка. Обходится такая работа фантастически дорого.

Транспортная схема сложилась так, что большая часть грузов (до 85 процентов) поступает в Армению по дорогам, лежащим через территорию Азербайджана. И когда транспортники этой республики перекрыли железнодорожные и автомобильные пути, Армения оказалась практически отрезанной от страны. Эта акция названа забастовкой, хотя почему-то эмбарго распространяется только на грузы для соседей, остальные перевозки осуществляются как обычно. Основное требование — сохранить статус-кво Нагорного Карабаха, заставить армянское население области отказаться от требований выхода из состава Азербайджанской ССР, заставить Армению прекратить поддержку жителей НКАО.

Блокада держится весь сентябрь. Были попытки решить проблему путем переговоров, и какое-то время казалось, что они приведут к успеху. На три дня перевозки частично возобновились, но потом шлагбаумы снова опустились. Опять пришлось доставлять по воздуху цемент и строительные материалы для работ в зонах,

пострадавших от землетрясения. Сейчас уже нет никакой надежды на то, что к зиме удастся построить намечавшееся количество домов — многим придется по-прежнему жить в палатках. Не могут завершить работу и открыть уже построенный госпиталь специалисты из Норвегии, простаивают бригады, посланные на помощь Армении из многих республик и областей.

В Ереване не хватает лекарств. Кроме того, не хватает бензина: даже для машин «скорой помощи» выделяется в сутки лишь по 15 литров. Врачи вынуждены принимать вызовы только в самых тяжелых случаях. Часто им приходится, выслушав по телефону симптомы, советовать то или иное средство из домашней аптечки, и если оно не поможет, звонить повторно: тогда, слив бензин с нескольких машин, выезжают.

Заместитель министра торговли Армении Вааг Саакян сказал, что в республике остался лишь дневной запас дрожжей: если не принять экстренных мер, не на чем будет печь хлеб. Сложно и с мукой, приходится налаживать стоявшие много лет маленькие мельницы в сельских районах. Не хватает сахара, мяса, рыбных консервов, табака. Но продукты из магазинов пока не исчезли.

Хозяйство республики имеет огромные потери. Частично и полностью стоят многие предприятия: нет сырья, склады забиты невывезенной готовой продукцией. Кто возместит ущерб?

— К сожалению, иск предъявить некому, — говорит прокурор Армянской ССР Владимир Назарян, — так как в нашем государстве республики не являются юридическим лицом, которому можно выставить счет. Ситуация, когда одна республика объявляет экономическую блокаду другой, — беспрецедентна. Что ж, значит, нужно учитывать и такое, искать юридические решения и в подобных случаях. Мне представляется, что нужно предусмотреть возможность предъявлять претензии правительству республики, а оно, компенсировав ущерб, вправе обращаться к конкретным виновникам с регрессными исками.

Пока же положение, если бы не его серьезность, можно назвать курьезным. На словах — все за интернационализм и дружбу. Но вот мне пришлось участвовать в переговорах с руководителями Нахичеванской АССР

по поводу разрешения на пропуск через ее территорию хотя бы одного состава, в котором был груз необходимых медикаментов. Председатель Совета Министров автономной республики заявил, что владеет лишь информацией, но не может обязать железнодорожников открыть путь. Решение может принять только Народный фронт, объявивший блокаду.

Приглашенный на переговоры председатель фронта Ильичевского района передал нам меморандум с условиями, на которых может возобновиться доставка грузов. Вот посмотрите.

Общий смысл условий сводится к требованиям извинений Армении за нанесенные Азербайджану «оскорбления», территориальным претензиям, датированным 1924 годом, возмещению убытков азербайджанцам, покинувшим Армению.

У села Ерасх пролегла граница Араратского района Армении и Нахичеванской АССР, входящей в состав Азербайджана. Дорога перекрыта. Шлагбаумы с той и с другой стороны. Раньше тут был пост ветеринарного контроля. Теперь проверяют автомобили тех, кому необходимо все-таки проехать (без крайней нужды никто такой попытки не предпринимает). Военные с той и другой стороны наблюдают за порядком. Но досмотр с азербайджанской стороны ведут не они — люди в гражданском с повязками на рукавах. Поразила сцена, произошедшая при нас: обыскивали армейский автомобиль. Водитель и офицер вышли из кабины и не препятствовали контролерам.

О происходящем в стране и мире в Ерасхе, как и в других районах Армении, сегодня узнают с запозданием. Кончается запас газетной бумаги. Часть изданий приходится возить самолетами из Москвы, из других мест. Была вероятность того, что в республике не выйдут газеты с материалами проходившего в Москве Пленума ЦК КПСС, посвященного вопросам межнациональных отношений, но местные типографии перешли на книжную бумагу и отпечатали тиражи. Таким же образом выдвали материалы сессии Верховного Совета Армении, продолжившей работу после перерыва.

Во всех выступлениях депутатов речь, разумеется, шла о блокаде. Хачик Стамболчян говорил о том, что военные, выделив из своих резервов 350 тысяч тонн го-

рючего для республики, больше не смогут помогать транспортникам. Положение все больше обостряется. Необходимо вмешательство центральной власти, поиск решения на открывшейся в Москве сессии Верховного Совета СССР.

Справка Госкомстата Армении об ущербе, наносимом народному хозяйству республики, экономике других районов, связанных с ее предприятиями договорными отношениями, заканчивается словами: «В случае затягивания решения вопроса о снятии блокады практическая деятельность промышленности республики в течение ближайшего периода фактически будет парализована, со всеми вытекающими отсюда последствиями».

Дискуссия на сессии Верховного Совета Армении возникла из-за предложения некоторых депутатов обратиться за помощью в ООН. Еще раньше такое же предложение было обнародовано в областной газете НКАО «Советский Карабах». Эта автономная область практически находится в блокадном положении многие месяцы. На дорогах, ведущих к ней по территории Азербайджана, идет перманентная «каменная война». Грузы, которые удавалось доставить в Карабах в сопровождении военной охраны, приходили тем не менее разгромленными. Машины не только забрасывали камнями, но нередко и обстреливали. Самое страшное, что продолжают гибнуть люди. Сейчас стало рискованным даже передвижение с конвоем.

Карабаху помогает оказавшаяся теперь и сама в блокаде Армения. В областной центр Степанакерт грузы доставляют из Еревана по воздуху: число ежедневных рейсов увеличено втрое. В аэропорту «Звартноц» нам показали меморандум, подписанный членами первичной организации Народного фронта Азербайджана по Бакинскому аэропорту и адресованный Министерству гражданской авиации СССР и республиканским организациям Армении. В нем предупреждается, что с 25 сентября прекращаются полеты по трассе Баку—Ереван. С целью, — пишут авиаторы, — исключения провокационных и террористических актов армянских экстремистов. Пилоты и служащие «Звартноца» не знают ни одного случая подобных актов. Блокада распространяется и на воздух?

Депутаты на сессии в Ереване поддержали выступление своего коллеги артиста Соса Саркисяна, потребовавшего возбудить уголовное дело против тех, кто организует блокаду. А один из выступавших — Мелик-Пашаев, — извинившись за то, что не знает армянского языка, так как прежде жил в Баку, с болью говорил о тяготах, выпавших на долю армян, не бросивших свои дома, оставшихся в Азербайджане.

На сессии говорилось об аморальности организаторов блокады, ставящей в тяжелое положение людей, переживших землетрясение, потерявших близких, лишившихся крова. Помощь, оказываемая Армении страной, блокирована соседями. Теми самими соседями, которым тоже знакома проблема беженцев: тысячи азербайджанцев оказались в качестве «лиц, вынужденно покинувших места постоянного проживания». Для работы с беженцами на днях образован даже Государственный комитет Азербайджанской ССР.

Блокада, безусловно, недопустимый способ оказания политического давления. Вне обсуждения то, что она должна быть снята. Но пока вопрос не решен (и для того чтобы он был решен как можно быстрее) — необходима правда о событиях в Закавказье. Замалчивание событий вокруг Нагорного Карабаха, информационная блокада весной прошлого года только накалила обстановку. Не осужденные во весь голос бесчинства в Сумгаите привели к новым жертвам, к вспышкам чудовищной жестокости не только в Азербайджане. Были трагедии Ферганы, Нового Узеня... Были тысячи новых беженцев.

Можно понять обиду рабочих ереванского завода «Арм-электродвигатель», получивших телеграмму от заказчиков из Читы с упреками в том, что из-за их националистических амбиций вынужденно простаивают, несут убытки рабочие в Забайкалье. Товарный двор и склады предприятия забиты готовой продукцией. Ее не на чем вывезти из республики, не на чем доставлять сырье. Об этом необходимо говорить, кричать!

Утром 26 сентября корреспондент «МН» выяснил, что накануне и в ночь с 25 на 26 сентября, по данным Главного управления внутренних войск МВД СССР, из Азербайджана в Армению вышли 12 составов со строй-

материалами и 1—с продовольствием, но в Армению пришли только 9 составов со стройматериалами.

Открывая вторую сессию Верховного Совета СССР, Михаил Горбачев сказал, что оставлять этот регион в нынешнем состоянии нельзя. Если дело не примет стабильный характер, по его мнению, правительство СССР вместе с республиканскими органами должно внести Верховному Совету СССР конкретные предложения об исчерпывающих мерах по развязыванию этого узла. Посмотрим день-два, отметил Председатель Верховного Совета СССР, пусть правительство будет готово, чтобы при необходимости доложить свои предложения.

Авет ДЕДУРЯН,
Андрей ПРАЛЬНИКОВ,
спецкоры «МН»

Ереван.

«Московские новости» № 40,
1 октября 1989 г.

БЛОКАДА...

Маяковский утверждал, что уже следующему за ним поколению придется прибегнуть к толковому словарю, дабы постичь смысл таких слов, как «проституция», «туберкулез», «блокада». Увы, донныне обходимся без словарей...

Я помню, как сплошь и рядом цитировался Маяковский во дни «карибского кризиса», экономической блокады Кубы. Помню Вьетнам и Чили: слова «блокада» и «агрессия» шли через запятую...

Даже моей жизни мне не хватает вспомнить, как менялось и в глубине, и в резкости, и в освещенности мелких деталей наше знание о блокаде Ленинграда. На излете эпохи застоя казалось: большего, чем сказано в «Блокадной книге» Адамовичем и Граниным, не скажешь. А потом появилась в «Знамени» «пропущенная глава» о Косыгине; а потом — документы о спецрейсах, регулярно привозивших в сорок втором — сорок третьем

259

«отцам города» и персики, и сгущенку; а теперь еще и фотографии из спецхрана, на которых кондитеры колдуют над пирожными к столу этих самых «отцов» осенью 41-го...

Фотоснимки напечатаны в журнале в тот же день, когда в газетах помещен был отчет о пресс-конференции народных депутатов от Армении.

Я сразу оговорюсь: и в уме не держу каких-либо параллелей, и ни с кем не хочу сравнивать тех азербайджанских железнодорожников, которые, по словам министра путей сообщения СССР, «вышли из повиновения». Слишком сегодня высока цена слова, чтобы так запросто словами пробрасываться. Тем более что я, в дни землетрясения оказавшийся в Азербайджане, прилетевший на самолете с одеждой и лекарствами для детей — беженцев «с той стороны», видел не только взрослых со значками с портретом Хомейни, но и детей, собиравших посылки своим сверстникам — жертвам стихии.

Я хочу другую параллель провести.

Умирал от голода Ленинград, и за одно лишь упоминание об этом в частной беседе человек мог схлопотать 10 лет. Сегодня блокада Армении — и тот же заговор молчания! Только в самые последние дни, накануне открытия сессии Верховного Совета СССР, факты предааны гласности. Ну почему, почему не раньше?!

Блокада... Страшно: все святое в человеке блокировано политическим азартом. Будем трезвы: принятое постановление — еще не прорыв блокады. Блокировать зло — труднее, чем восстановить движение поездов.

Я не знаю, как будут распутывать дальше кровоточащий клубок народные депутаты. Но я знаю, что слово «блокада» имеет и второй — медицинский смысл. И коли болезнь зашла так далеко, коли в ослеплении своем люди посмели обречь на голод, болезни, зиму под открытым небом — уже вторую зиму! — тысячи и тысячи детей, — промедление и впрямь смерти подобно!

Я здесь только от себя могу говорить — от первого лица, на мой личный взгляд. Мне жалко ваших детей, железнодорожники Азербайджана. Да и вас жалко, ибо зло, посеянное вами сегодня в их душах, к вам же и

вернется сторицей. Опамятуйтесь! Вы еще в силах это сделать.

Михаил ПОЗДНЯЕВ
редактор «Семья» по отделу
культуры и просвещения
«Семья»
№ 41, 1989 г.

КОНЕЦ БЛОКАДЫ?

Дорога Ереван—Баку всегда была дорогой проблем. Есть здесь перегоны, где справа по ходу прямо к рельсам подступают скалы, а слева — граница с Ираном. Много предусмотрено: специальные навесы для защиты от камнепадов, пограничные столбы с колючей проволокой в двух метрах от полотна. Но не были предусмотрены, да и нельзя предусмотреть приспособления от междоусобиц. Конфликт между соседними республиками поделил экстерриториальную однопутку на четыре части (см. карту): около 400 километров от Баку до границы с Мегринским районом Армении, через 46 километров — снова Азербайджан, Нахичеванская АССР (202 км) и снова Армения, прямая дорога, по которой проходит три четверти всех грузов на Ереван. Эти подробности нужно знать, чтобы понять, как проходила блокада: забудутся ли они теперь, когда поезда в Армению пошли и наступил конец блокады?

Блокада началась около месяца назад. Тогда впервые на политической карте проступили железнодорожные границы республик. Дорога официально оставалась азербайджанской и азербайджанские железнодорожники по приказу Народного фронта республики отказались перевозить грузы в Армению. С тех пор лидеры фронта приоткрывали шлагбаум, пропуская по несколько составов, — прорывы приходились на дни, когда в Кремле обсуждался вопрос о введении на дороге чрезвычайного положения. Последним днем блокады на сессии Верховного Совета СССР было названо девятое октября. Прилетев в Баку 9-го, мы проводили девяностый поезд в Ереван: четыре дня назад НФА отказался от предъявленных Армении политических требований, переделегировав их правительству республики. Блокада была снята. Серьезные решения, таким образом, дали серьезные результаты.

КОНФЛИКТЫ РАЗРЕШАЮТСЯ

Немногие газеты успели выйти с оптимистическими сообщениями, когда появилась новость: на армянском перегоне мегринские бородатые боевики обстреливают поезда. Машинисты отказываются ехать. Движение может остановиться. Ужасные слухи, рассказы очевидцев и как круги по воде — домыслы вокруг фактов. Невероятных и пока не подтвержденных документально: армяне нападают на поезда, идущие в Армению!

— Не так уж это невероятно, — утверждал член правления НФА Хикмет Гаджи-заде. — Армянам выгодно казаться обиженными. Они хотят, чтобы поезда не ходили и к нам ввели войска. Впрочем, я не исключаю, что это просто стихийная реакция на стресс.

Реакцией союзного правительства было введение внутренних войск — около 200 человек — в Армению для охраны 46-километрового мегринского участка. Туда же прибыл первый заместитель начальника внутренних войск МВД СССР генерал-лейтенант Борис Смыслов. 11 октября его и должностных лиц из Еревана — начальника политотдела МВД Армении Рафаэла Асланяна и замначальника республиканского ГУВД на транспорте Заура Гаспаряна — мы встретили в Мегринском райкоме партии.

— Ну, подумайте сами, — говорил первый секретарь райкома Роберт Меграбян, — как могут армяне стрелять в поезда, идущие в Ереван, зная, что республика задыхается без продовольствия, топлива, жилья для зоны бедствия? Я допускаю, что кто-то мог кинуть камень в идущий состав — дураков не переловишь. Но десятки случаев обстрела, как сейчас говорят...

Заур Гаспарян предлагал, чтобы, кроме двух вооруженных солдат, каждый поезд сопровождала транспортная милиция: по крайней мере информация охраны могла бы опровергнуть слухи. Азербайджанские коллеги поддержали, но, по словам Гаспаряна, большинство машинистов отказалось от помощи. Впрочем, точную информацию, если предпочесть ее слухам, можно получить у транспортного прокурора Азербайджана Ахмеда Алекперова. По его данным, прокуратура ведет следствие только по трем случаям нападения на составы в Мегринском районе. Ни в одном из них применение огнестрель-

ного оружия не доказано. Скорее всего в поезда летели камни.

Экономя время, мы добрались в Мегри по автодороге. И правильно сделали: поезд, в который мы могли бы сесть в Баку, сюда не доехал. Движение остановилось. Почему?

Накануне в Мегри обыскивали грузовик из села Ньюады (последнее азербайджанское село на территории района, около 800 жителей). Обнаружили два самодельных взрывных устройства, завернутых в бакинскую газету «Вышка», и задержали водителя-азербайджанца. Через несколько часов жители Ньюады остановили пассажирский поезд Ереван—Баку. Обошлось без эксцессов; армянских пассажиров, которые могли бы стать заложниками, спрятали пассажиры-азербайджанцы. Еще через несколько часов по команде НФА поезда встали. Из кабинета Меграбяна я позвонил в Баку, в стачечный комитет (он не прекратил работу после окончания забастовки).

— В Мегри захвачены шесть машинистов, — ответили оттуда. — Пятерых уже отпустили. Когда отпустят последнего, откроем дорогу.

Я видел реакцию сидевших в кабинете, шлагбаум, поднятый колоссальными усилиями, опустился легко и привычно — только из-за того, что кто-то не смог или не захотел проверить факты. Это очень расстраивало, но не слишком удивляло. Лидеры НФА и не пытались представить окончание забастовки победой здравого смысла, признанием недопустимости блокады как средства политического давления. И не особенно скрывали, говоря со мной, что движение восстановлено вынужденно, под угрозой чрезвычайных мер. Поезда в тот день пошли, не дожидаясь освобождения задержанного шофера, после беседы представителей фронта с представителями власти — начальником внутренних войск МВД СССР Юрием Шаталиным и первым заместителем министра внутренних дел Василием Трушиным. Версия о захваченных машинистах отпала. И впервые пошло топливо: из 1364 вагонов, отправленных в Ереван, 71 цистерна (21 с бензином, 5 с дизельным топливом и 45 с мазутом). Вмешательство сил беспристрастных и заинтересованных только в разрешении конфликтов оказывалось действенным.

СЛУХИ ОСТАЮТСЯ

Единственное, что пока не удается победить никому, — это слухи.

Мы поехали из Мегри в сторону Баку на пассажирском поезде и еще раз пересекли — обратно — территорию района на грузовом. Впечатления подкрепили курьезные данные: в этот день происшествий не было.

Минут 20 от Мегри до приграничного Ордубада. И внешне в жизни людей не должно быть большой разницы. По карте видно, что невозможно блокировать Армению, не блокировав при этом Нахичеванскую автономию (где, кстати, первыми поддержали призыв к забастовке). И здесь через месяц должны были быть заметны все признаки дефицита. Но ни в Ордубаде, ни в Джульфе, ни в самой Нахичевани мы не увидели привычных сейчас для Армении очередей за бензином и продуктами. Объяснение есть: за время блокады через армянский участок мимо Мегри беспрепятственно прошло около 200 поездов на Нахичевань. Есть еще одна версия, привезенная нами из Мегри: в Джульфе и Нахичевани от составов, следующих на Ереван, отцепляют вагоны с тем, что нужно Нахичевани. Мы не нашли подтверждения этим слухам.

В поезде, на котором мы приехали в Джульфу, 52 вагона: 45 со стройматериалами, домиками для пострадавших от землетрясения, остальное — строительная техника. Состав был сформирован в Баку, и до самого Ильичевска — последней крупной азербайджанской станции — от него не отцепили ни одного вагона. И ничего не добавили, если не считать двух мертвых собак, брошенных на бетонную плиту в открытом вагоне. Здесь же, в Джульфе, нам показывали станционные документы с доказательствами сохранности грузов, подкрепляя их почему-то фотографиями простреленных тепловозов. «Поезжайте в Мегри, — говорили нам, — напишите, что армянские экстремисты получают из-за границы оружие, хотят с боем взять Нахичевань. Они хотят создать «Великую Армению» с границами до Воронежа, у них уже выпущена такая карта». Я слушал десятки новых подробностей и детальных рассказов о том, что происходит в Армении. Но никто, ни один человек не назвал источник этой убийственной информации, не сказал, где

можно найти эту карту, действительно ли рисовали ее в Армении...

Как рождается слух? Недавно в Мегри приехал из Джульфы работник КГБ с точными сведениями: на железной дороге положена мина. Пошли искать, и точно в указанном месте, правда метрах в шестидесяти от полотна нашли под камнем взрывное устройство с обгорелым фитилем. Оцепили район, вызвали саперов, те разобрали стальной снаряд. Он оказался доверху набитым металлической стружкой. Но в сводку «оперативных слухов» эта важная подробность не попала, через неделю все еще говорили о бомбе, которая должна вот-вот взорваться.

... Суточная пропускная способность в Нахичевани — более 20 поездов в каждую сторону. С начала железнодорожных суток — с 18 часов — наш состав был девятнадцатым. И одним из 27, прошедших в этот день через Ильичевск на Ереван. Только завтра, тринадцатого, всплывут в железнодорожных сводках несколько часов мегринского простоя: всего 20 составов, 166 вагонов.

Еще один слух — из категории самых опасных, потому что пущен был министром путей сообщения по Центральному телевидению: «Азербайджанцы садятся на рельсы и не пропускают поезды», — заявил министр, так объясняя полную неподвластность Азербайджанской железной дороги министерству. Такого не видели не только мы, но и все, кого можно считать нейтральными наблюдателями: военнослужащие, специалисты из МВД СССР. Для каждого, кто хоть немного разбирается в ситуации, абсурдность заявления очевидна: азербайджанские железнодорожники беспрекословно действуют в русле политики НФА. (Доведенной до них же не экстремистскими акциями, а в форме приказов). Но очевидна и опасность заявления в ситуации, когда осторожного слова достаточно, чтобы остановить дорогу.

В Ильичевске локомотив отцепили. Скоро со стороны Еревана должен подойти электровоз с армянской бригадой и армянским милиционером-сопровождающим. А пока есть время, чтобы подвести итоги многокилометрового пути.

По мнению представителя Главного управления внутренних дел на транспорте МВД СССР Александра Ки-

танина, хищения и порча грузов, доходящих до Ильичевска, не превышают общие цифры по стране:

— Поломанные домики? Но их могли поломать там, откуда они доставлены — в Казахстане, в России. Армянская сторона жалуется, что наливные цистерны часто приходят пустые или заполненные наполовину. Это проверить очень трудно, замерная техника несовершенна. И потом, в Ильичевске есть пункт коммерческого осмотра, где сохранность грузов должны проверять и получатели — армянские железнодорожники. Здесь их нет...

У нас не было возможности проверить слова специалиста. Думаю, армянские контролеры, приехав сюда, тоже не смогли бы повлиять на ситуацию, когда количество топлива в цистерне «невозможно измерить». А варварски изуродованные (а не просто разукомплектованные) в «России» домики не должны были принимать азербайджанские контролеры в Баку.

Прицепили локомотив. Теперь, пропустив встречный состав, машинист Мартын Саакян поведет свой в сторону Арарата — первой крупной армянской станции.

— Да, здесь блокады больше нет, — говорит он. — У нас не было конфликтов с азербайджанскими бригадами, поезда вышли на нормальный график движения. Но у нас, в Армении, блокада по сути остается. Мы привезли туда очень нужную технику, но она стоит — нет топлива. Так какая разница, где ей стоять? Да, давление на нас прекратилось, но ситуация по-прежнему остается напряженной...

По моим наблюдениям, напряжение не спадает. На автомобильной границе Ордубадского и Мегринского районов, где в отличие от рельсового пути шлагбаум не поднимался надолго уже несколько месяцев, каждую ночь дежурят усиленные пикеты жителей. С азербайджанской стороны в деревянном сарае мы встретили милиционера, главврача местной больницы, анестезиолога, терапевта и еще человек пять добровольцев. Здесь следят, чтобы из Армении не прошли вооруженные экстремисты, а в Армению — оружие для них. Здесь открытые семафоры не считают симптомом мирного будущего. Народный фронт Азербайджана строит здесь для своей заставы долговечный и крепкий каменный домик...

17 октября. Со дня снятия блокады на Ереван прошло почти 600 составов, около 500 вагонов с продовольствием и больше 1000 наливных цистерн.

ЛЕОНИД МИЛОСЛАВСКИЙ,
спец. корр. «МН»

«Московские новости»

22 октября 1989 г.

БЛОКАДА ПРЕКРАЩЕНА — СЧИТАЕМ ПОТЕРИ

На днях руководство Азербайджанской железной дороги сообщило об открытии движения поездов на Армению и Нагорный Карабах. Закончилась многомесячная блокада республики и автономной области, однако ее последствия продолжают сказываться на ритме железнодорожных перевозок.

О том, как ликвидировать потери, наладить нормальный график движения, корреспонденту «Известий» Ф. Иванову рассказывает первый заместитель начальника железной дороги И. Мелкадзе.

— Во время блокады нам приходилось жертвовать грузами, предназначенными для самой Грузии, оставлять их на промежуточных станциях, запасных путях. Сейчас на участке от Сочи до Тбилиси скопилось около 60 таких «брошенных» составов, примерно 3 тысячи вагонов. Все это не могло не сказаться на обеспечении республики. В Грузии возникла напряженная ситуация с топливом, в самом Тбилиси очереди за бензином растягиваются за километры, отмечены сбои рейсов Аэрофлота. Из-за нехватки горючего пришлось отменить все вылеты из Тбилиси 30 ноября. Через день положение удалось выправить, но и сейчас самолеты летают с дозаправкой в Ростове или Краснодаре.

За время блокады из-за простоев вагонов Закавказская железная дорога потеряла 10 миллионов рублей — сумма, которую до конца года восстановить, конечно, не удастся. Кто страдает от этого? Прежде всего сами железнодорожники. Перейдя на хозрасчет, мы планировали увеличить объемы строительства жилья, детских садов, больниц в два-два с половиной раза. Но с такими

потерями эти планы нам теперь не по плечу. Уже не о жилье речь — важно разгрузить дорогу, ликвидировать пробки.

Тбилиси.

«Известия», 13 декабря 1989 г.

ПРОБЛЕМЫ ОСТАЮТСЯ

Составы с грузом для Армении, задержанные по призыву Народного фронта Азербайджана на территории этой республики, постепенно начинают получать зеленый свет. Как сообщил на пресс-конференции заместитель министра путей сообщения СССР В. Бутко, за последние пять дней в Армению передано 7.190 вагонов с продовольствием, горючим, сборными домиками для жителей районов, пострадавших от землетрясения. Теперь остро встал вопрос с их разгрузкой — только в пределах Ереванского отделения скопилось 4.875 вагонов. А вот в НКАО составы с продовольствием и нефтепродуктами по-прежнему не пропускаются. Тревожным остается положение с сохранностью грузов для Армении — за последнюю неделю на Закавказской и Азербайджанской железных дорогах совершено хищений на сумму более 23 тысяч рублей.

Определенная активизация грузопотоков в Закавказье позволила несколько разрядить обострившееся положение на железных дорогах страны в целом. Уменьшилось количество поездов, простаивающих из-за нехватки локомотивов. Однако только на западной границе замерли 230 составов с импортными товарами. Всего же ежедневно простаивают невыгруженными 25 тысяч вагонов. Для нормализации положения, заявил Бутко, железнодорожникам потребуется 35—40 дней. Если, конечно, не возобновится «силовое давление».

Получат ли железнодорожники эту «мирную передышку»? Заместитель министра путей сообщения СССР Л. Пингарев, вернувшийся из Азербайджана, сказал, что гарантий нет. Составы для Армении останавливали (и продолжают задерживать) группы, как он выразился, «посторонних людей», организованные Народным фрон-

том Азербайджана, которые дежурят на ряде железнодорожных станций круглосуточно. Сами железнодорожники в массе своей в подобных акциях участия не принимают. Наоборот: в МПС поступают коллективные телеграммы и письма, в которых железнодорожники выражают обеспокоенность резким падением зарплат из-за простоев.

Недавно принятое Верховным Советом страны постановление о чрезвычайных мерах пока не дает должного эффекта. Организаторы железнодорожной «блокады», ущерб от которой исчисляется миллионами рублей, пока чувствуют себя в полной безопасности. Народный фронт Азербайджана пригрозил новыми забастовками, если собранные следственными органами материалы будут переданы в суд.

Верховному Совету страны, видимо, придется продумать действенную систему мер и санкций, в том числе экономических, которые позволили бы оградить общество от подобного экстремизма. Но в МПС, наверное, необходимо пересмотреть действующую систему грузоперевозок так, чтобы локальные конфликты, ставшие, увы, не редкостью, не оказывали бы существенного влияния на транспортировку грузов в других регионах страны.

Е. ПЕСТРУХИНА

«Труд» 17 октября 1989 года

НКАО: СОБЫТИЯ И РАЗМЫШЛЕНИЯ

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР

Мы, сотрудники Всесоюзного научно-исследовательского института (Ленинград), внимательно следим за событиями, разыгравшимися в Нагорно-Карабахской автономной области, а также в Азербайджанской ССР и Армянской ССР, начиная с 20 февраля 1988 года, когда внеочередная сессия Совета народных депутатов НКАО приняла решение о ходатайстве перед Верховным Советом СССР и Верховными Советами Азербайджанской ССР и Армянской ССР об уважении конституционного права армянского народа автономной области на

самоопределение. Бросается в глаза то, что вместо демократического решения этого поднятого на конституционной основе вопроса пущены в ход беспрецедентные в мировой практике методы силового давления, попытки дезинформировать общественность страны и всего мира путем намеренного искажения сущности таких фактов, как геноцид армянского населения в г. Сумгаите 27—29 февраля 1988 г. и последующих событий вплоть до злодеяний последних дней, как, например, убийство офицеров советской милиции Андрея Михайловича Тюгаева и Сергея Васильевича Габы на глазах представителей правоохранительных партийных и исполнительных органов Агдамского района Азербайджанской ССР 18 сентября 1989 года.

Это нанесло и продолжает наносить урон авторитету Советской власти на международной арене, не говоря о том, что значительно усугубляет кризисную ситуацию в экономике не только Арцаха и Армянской ССР, но и всей страны. А все вместе это приводит к нигилистическим настроениям народа, и, прежде всего, армянского, который вправе требовать справедливого решения данного вопроса.

Всякие варианты так называемых «компромиссных» решений вопроса не что иное как ущемление интересов армянского народа, то есть принципа справедливости. Единственный допустимый временный вариант компромисса — это немедленный вывод области из подчинения Азербайджанской ССР и передача ее под управление центральной власти СССР до проведения в Нагорном Карабахе референдума с целью определения воли большинства населения области.

Дальнейшее искусственное затягивание решения вопроса является совершенно недопустимым, поскольку реально мы уже сейчас находимся на грани позорной межнациональной войны, с последствиями более страшными, нежели войны по защите Отечества от врагов внешних.

Мы просим Верховный Совет СССР безотлагательно решить вопрос НКАО на основе результатов всенародного референдума в НКАО, то есть по принципу справедливости, а именно признания безоговорочного права нации на самоопределение, в рамках Советской равноправной федерации.

Зав. отделением, доктор г. м. н. Харламов М. Г., зав. сектором НРС Соколов Р. И., зав. сектором, доктор г. м. н. Шувалов Ю. М., старшие научные сотрудники доктор г. м. н. Абрамович И. И. и Корень Т. Н., доктора г. м. н., профессора Тафеев Г. П. и Алейников А. Н., зав. кафедрой ЛГУ, доктор г. м. н. Попов А. В., зав. отделом литологии Предтеченский Н. Н., зав. отделом, доктор г. м. н. Соловьев В. В., зав. сектором, доктор г. м. н. Богданов Ю. В., зав. лабораториями Багдасаров Э. А., и Кашик Д. С., ведущие научные сотрудники, доктора г. м. н. Котляр Г. В., Ильинский Ю. В., Романовский С. И., Иванов Н. В., Попов В. Е., Глезер З. И., Бутрова Э. М., Яркин В. И., Власов Н. Г., старшие научные сотрудники, кандидаты г. м. н. Кропачева Г. С., Заморюев В. В., Семериков А. А., Трусова Е. К., Коников А. З., Ганелин В. Г., Васильев И. В., Милыптейн Д. М., Авров Д. П., Кочин Г. Г., Тарноградский В. Д., Тихомиров С. Н., Коваленский О. П., Зуев А. В., Учителева Л. Г., Атабекян А. А., научные сотрудники Пропина Г. П., Козырева И. В., Белова М. Ю., Цветков В. П., Вукс В. Я., инженер I категории Слободинский Д. В., ведущий инженер Шмидт А. О., геолог Ярошенко Р. Н., лаборант I категории Миклухо-Маклай О. А., старший редактор Всесоюзной геологической библиотеки Тихомирова Н. Я., старший инженер Зимогорская П. П., зав. машбюро Харкевич Д. С., машинистка Суворова Е. П., сотрудники производственного отдела Кузуб В. А., Еремеева Л. М.

«Советский Карабах», № 247
«Коммунист» 11 ноября 1989
года, № 260.

ДЕПУТАТАМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

Принятый Верховным Советом Азербайджанской ССР 3 октября 1989 г. закон о суверенитете республики в значительной мере копирует аналогичные законы других республик, однако содержит и ряд положений, со-

вершенно не учитывающих кризисное реальное состояние этнических, социальных, политических и экономических проблем в Азербайджане. Это особенно бросается в глаза на фоне принятого 3 октября с. г. Постановления Верховного Совета СССР «О неотложных мерах по обеспечению бесперебойного функционирования железнодорожного транспорта и базовых отраслей народного хозяйства».

Как специалисты-геологи, многие годы проработавшие со своими армянскими и азербайджанскими коллегами на территории Закавказья, в том числе Карабахе (Арцахе), мы хорошо знакомы с этнической и социально-экономической обстановкой в регионе.

Принятие конституционного закона о суверенитете Азербайджанской ССР, по существу не гарантирующего прав автономных образований, вызывает огромную тревогу у нас как граждан Советского Союза. Пункт о полной законодательной, исполнительной, административной и судебной власти, осуществляемой Азербайджаном на всей территории республики, включая Нагорный Карабах,— это демонстрация полного пренебрежения пусть к несовершенному, но все-таки компромиссному варианту, который представляет собой Комитет особого управления НКАО. Этот закон попирает право населения автономной области на самоопределение—воля безусловного большинства населения НКАО была выражена в решении областного Совета народных депутатов в феврале 1988 года, и подтверждена в августе 1989 г. Съездом народных представителей Нагорного Карабаха, создавшим Национальный совет для руководства областью.

Возможно, немедленное (в марте 1988 г. после сумганитского погрома) компромиссное решение Президиума Верховного Совета СССР о выводе НКАО из состава Азербайджанской ССР и подчинении областного Совета народных депутатов непосредственно Верховному Совету СССР смогло бы спасти регион от углубления противоречий. Такое решение и в современной обстановке столь далеко зашедшей конфронтации, ежедневно грозящей перейти в братоубийственную гражданскую войну, по нашему мнению, было бы разумным компромиссом. Хотя, конечно, решающее слово в этом вопросе должно принадлежать населению НКАО.

ИНТЕРВЬЮ С АНДРЕЕМ САХАРОВЫМ

(из газеты «Монд», Франция; от 30 сентября 1989 г.
Беседу вели Жак Амалрик и Мишель Татю. Перепечатано в газете «Гракан терт», («Литературная газета») от 3 ноября 1989 г.)

Во всяком случае ясно одно: сохранение подчинения Нагорного Карабаха республиканским властям Азербайджанской ССР, которые не дали правильной оценки сумгаитским и кировабадским событиям, которые неспособны, или не желают деблокировать НКАО и нормализовать железнодорожное и автомобильное сообщение с соседними республиками, является антигуманным и может привести к неисчислимым жертвам с обеих сторон и даже к полному физическому уничтожению армянского населения в Карабахе. Такое положение недопустимо в нашем многонациональном советском обществе.

Считаем совершенно необходимым решить на ближайшем заседании Верховного Совета с участием членов Комитета особого управления и Национального Совета Нагорного Карабаха вопросы: 1) о восстановлении в НКАО действующих областных органов Советской власти и непосредственном подчинении их Верховному Совету СССР; 2) о последующем самоопределении Нагорного Карабаха на основе референдума среди его населения; 3) о полном снятии блокады и обеспечении безопасности граждан обеих сторон.

Старший научный сотрудник ВСЕГЕИ, кандидат геолого-минералогических наук **Остроумова А. С.**, старший научный сотрудник, кандидат г. м. н. **Центер И. Я.**, ведущий научный сотрудник, кандидат г. м. н. **Рыбаков М. Б.**, ведущий научный сотрудник, доктор г. м. н. **Павлова И. Г.**, научный сотрудник **Якубович В. С.**, научный сотрудник **Кутырева М. И.**, начальник методической партии ЦОМЭ **Литвак И. И.**, старший научный сотрудник, кандидат г. м. н. **Зелепугин В. Н.**, старший научный сотрудник **Кронидов И. И.**, инженер I категории **Кузнецова Г. И.**, геолог **Масютина С. А.**, инженер **Панфилов В. А.**

Всесоюзный ордена Ленина научно-исследовательский геологический институт им А. П. Карпинского (ВСЕГЕИ)

«Советский Карабах»,
14 ноября 1989 г.

Корр: Ваше мнение о межнациональных столкновениях в Вашей стране.

А. Сахаров: Я солидарен с позицией прибалтийских народов в данном вопросе: согласно ей необходимо принять новую конвенцию, которая заменила бы принятую в 1922 году. Мы должны отказаться от существующих по сей день понятий типа: союзная республика, автономная республика, автономная область и т. д.

Необходимо найти такую территориально-структурную единицу, которая исключила бы любую форму неравенства и эксплуатации.

Особенно трагично положение Нагорного Карабаха. Проблема Карабаха возникла тогда, когда благодаря циничной сделке эта область была силой присоединена к Азербайджану. Это преследовало цель: повысить роль мусульман в стране (учитывая такое соседство, как Турция и Иран). С первого же дня революции Москва уделяла большое внимание мусульманам, намереваясь с их помощью распространить революцию на Востоке. В Турции поддерживался режим Ататюрка, в стране покровительствовали мусульманам. Десятки лет слово «христианин» вообще не произносилось. Горбачев сам настроен проазербайджански.

На начальном этапе проблема Карабаха могла быть урегулирована административным, конституционным путем, на основе права на самоопределение. Но было объявлено, что воссоединение с Арменией противоречит Конституции, которая предусматривает неизменность границ. Но ведь этот принцип Конституции вторичен по сравнению с правом наций на самоопределение.

Необходимо было с самого начала ввести войска МВД в Карабах, что дало бы возможность принять решение в спокойных условиях. Но эта возможность была упущена. Более того, Комитет особого управления (разумное начинание) был сформирован в Нагорном Карабахе только в начале 1989 года, в то время как это не-

обходимо было сделать еще летом 1988 года, когда начались погромы, различные провокации.

Параллельно многотысячным митингам в Баку разгорались страсти. Народный фронт, сформированный недавно в Азербайджане, имеет экстремистскую окраску. Имели место акты насилия с обеих сторон, хотя мы имеем дело здесь не со спорной проблемой между двумя республиками, а с проблемой самоопределения армянской части населения Нагорного Карабаха. Все остальное — это не что иное, как политические интриги и провокации. Сегодня конфронтация приняла чрезвычайно опасный оборот. Когда после землетрясения я приехал в этот регион, то узнал, что азербайджанцы говорят: «Аллах покарал их...» Сегодня Армения блокирована, транспортные средства стоят; перекрыта даже питьевая вода для армянского населения Карабаха.

Страшная угроза нависла и над армянскими областями, которые примыкают к Карабаху, но находятся за его пределами, то есть на территории Азербайджана, — над Шаумянским и Ханларским районами. В Баку сожгли дотла дома малочисленной группы армян, еще находящейся там; в Азербайджане дошли до того, что отказывают больным армянам в медицинской помощи.

«В АРМЕНИИ МЕНЯ ВОЛНУЕТ ВСЕ...»

Михаил Александрович Дудин снова в Ереване. Его взгляд и сердце прикованы к Армении, к Карабаху, к тайне стойкости небольшого народа. Он не просто интересуется событиями, он живет ими, стремится проникнуть мыслью и ощутить нервом. Это изначальное неравнодушие поэта обрело форму и силу в стихах об Армении, переводах из современных армянских авторов. И если мы сейчас ищем модель высокой культуры национальных отношений, то думается, прежде всего о высокой роли М. Дудина в утверждении этой культуры.

Недавно Михаил Александрович вернулся из Карабаха. Наш корреспондент попросила его ответить на некоторые вопросы.

— Михаил Александрович, как Вы думаете, почему уже в зрелые годы Советской власти, которая провозгласила равенство и уважение ко всем народам, столь остры вспышки национальной розни?

— Потому, наверное, что забывались какие-то простые принципы человеческой жизни. Очень много было голословного. Фундамента под этой голословностью было мало. Он был зыбким. Возьмем хотя бы Армению. Здесь почти восемьдесят лет назад все перекорезили, поставили вверх ногами. После геноцида 1915 года народу не хватило сил противостоять этому. Проблемы были загнаны вглубь, но не исчезли. Национальный вопрос, бурно дискутируемые проблемы национальных языков встали так остро именно потому, что все мы так долго находились под гнетом сталинской национальной политики. Любое напоминание о национальном самосознании, национальной культуре объявлялось национализмом.

— Отсюда, очевидно, и деформации «великой» дружбы народов...

— Да, конечно. Но рано или поздно тайна раскроется — Земля ведь круглая, на ней ничего не скроешь. И что мы увидели? Вот строили, строили Вавилонскую башню, а она на наших глазах стала распадаться. Кирпичи летят на нас, строителей, на тех, кто тащил кирпичи, а не на архитекторов. Ошибка была не только в ходе строительства, но уже в выборе фундамента. Но человек упрям. Вы помните легенду о Сизифе. Боги приговорили его поднимать огромный камень на вершину горы, откуда эта глыба неизменно скатывалась вниз, а он опять поднимал ее на вершину. Вот так и человек. Он все равно будет тянуть ее вверх, на вершину и ничего с этим не поделаешь. Он будет тянуть до тех пор, пока перед ним не откроется суть вселенской гармонии. Одной борьбы за вершину достаточно, чтобы он почувствовал себя счастливым.

Важна, наверное, не столько истина, сколько путь к истине. И чем истина дальше, тем целенаправленнее путь к ней. А то, что сейчас происходит, — это ведь тоже путь к истине, поиску счастья, путь к наполненности жизни, к поиску своего места в великой гармонии мира. А гармония всегда соседствует с хаосом.

Всеми проблемами взаимоотношений между народами мы занимались формально, как и многими другими

делами. Только внешняя сторона нас волновала. Я глубоко убежден, что нет плохих народов на земле. На празднике жизни все народы одинаковы. Но, к сожалению, от сволочей, от деспотов, дармоедов еще не освобожден ни один народ. И он часто попадает под власть деспотов, проходимцев. Может быть, мало чувства ответственности за свою душу? Вот, когда я впервые прочел Нарекаци, понял ту истину, что познание — это величайшая ответственность, дарованная человеческому разуму. Знаю — значит, отвечаю. Нарекаци поставил на высокую ступень вот это великое, морально нравственное назначение искусства. Кстати, скоро его тысячелетие и надо исподволь готовиться к этому празднику человеческой души и провести его достойно. Потому, что личность и наследие Нарекаци — этого удивительного монаха — достойны того, чтобы просвещать и современного человека, научить его ответственности. Все разговоры Нарекаци с богом — это не только покаяние. Хотя что такое покаяние? Это отбрасывание ненужного опыта. Вот что делает Нарекаци очень интересным.

— Вы на днях снова побывали в Карабахе. Поделитесь, пожалуйста, вашими впечатлениями.

— В прошлый раз Степанакерт показался очень оживленным, многолюдным. Тогда много было беженцев из Сумгаита, Баку. Их старались устроить. Все были взволнованы, ошеломлены сумгаитскими событиями — было много боли в глазах людей, невысказанности. А сейчас — очереди за хлебом... Комментарий к этому излишни. Но день нашего приезда был хорошим: пришло несколько вагонов муки и для города выделили два, а остальные — по всему Арцаху. Но несмотря на это, я убедился: вера карабахцев в осуществление своих намерений — присоединиться к Армении — обрела новую силу, и поколебать ее невозможно. С каким мужеством они отстаивают свое право не верить в директивную ложь!

С наступлением темноты улицы пустеют, только едут патрульные машины, готовые по первому сигналу бедствия прийти на помощь. Сюда также, как и на станцию «Масис», приходят распотрошенные вагоны со сломанными пломбами. Соседи хотят задуть блокадой непо-

корных карабахцев. По ночам между Степанакертом и Агдамом раздаются одиночные выстрелы ружей и автоматные очереди, и, кажется, что с той стороны вместе с соседним густым туманом ползет по земле темная ночная злоба.

Происходящее трудно понять и объяснить: одни бескорыстно помогают, другие — губят. Откуда эта злоба? Подумайте только: где-то там, в Литве, Киеве, Донецке, в Ростовской области, в Финляндии — людям, попавшим в беду из-за разбушевавшейся стихии, потерявшим кров, хотят помочь — а на пути через Азербайджан эти домики превращаются в мусор. Смотреть на это страшно и думать позорно. Как можно растаптывать человеческое добро и помощь? Это, воистину, не по-людски, не по-божески. Ведь от того, что ты сделаешь худо другому, тебе легче не станет. Пора понять это.

Блокада лишний раз доказывает неразумность и бессмысленность человеческих действий. Иногда ведь масса слепа и идет на поводу у ложного светоча. И вот в этой блокаде и начинают проявляться все жестокости, которые до времени скрыты в человеке. И все это потому, что до конца ничего недоделано. Я знаю всю эту историю. Ведь в Нахичеванской области до революции проживало очень много армян, а теперь их один-два процента. Всех выжили. А карабахцы оказались стойкими по своему характеру.

Вместе со мной в Карабах приехали мой старый армянский друг Левон Мкртчян и грузинский поэт-переводчик армянской поэзии Гиви Шахназар. Он родом из Карабаха. Это его родная земля, но, к сожалению, добраться в его родные места нам не удалось. Дороги перекрыты, а вертолетом не получилось: нелетная погода.

В Степанакерте у нас состоялся литературный вечер. Он прошел на какой-то ноте абсолютного доверия. Мы много говорили и мне было ясно: нет никакой силы на свете, чтобы убедить жителей Карабаха отказаться от своих законных намерений, освободить душу от горькой приниженности. Они видят только один путь — от раскрепощения духа к раскрепощению созидательной мощи народа, на которой долгие годы висел заржавевший амбарный замок нелепого жизнеустройства...

— Как Вы относитесь к положению культуры в стране? Ведь с культуры начинается и уровнем культуры определяется эффект перестройки. Будет ли она приоритетным направлением в деятельности руководства?

— Конечно, культура должна быть действенной. Слова без дела мертвы. Мы до сих пор подходили к культуре утилитарно, видя в ней лишь средство для защиты «сегодняшних» идей. По существу мы делали ставку на культуру, оторванную от народа, как говорят, «спущенную» и «одобренную».

— Михаил Александрович, процесс национального самосознания и в наши дни нередко воспринимается как тормоз на путях исторического развития, в то время как ассимиляционные процессы, напротив, считаются прогрессивными. Как Вы относитесь к этому?

— Можно, конечно, привести к одному знаменателю все числители, но это будет очень однообразная картина. Мозаика-то жизни неисчислима и потому прекрасна. И то, что на земле существуют столько языков, литератур, столько культур — это основное достижение человека. Каждый приносит на праздник жизни какое-то свое, неповторимое начало, и это надо обязательно сохранить.

— А в чем Вы видите залог сохранения национальных культур?

— В великой мозаичности. Видите ли, я люблю разнотравье. Вот клеверное поле или поле люцерны — они одинаковые. Другое дело — разноцветный луг. Там больше жизни, больше гармонии, свободы больше. Вот в чем дело-то.

Если бы все наши слова о свободном развитии нации и народностей соответствовали бы делам! А то, сами видите, что получилось. Осознание себя, своей национальной самооценности и уникальности приводит не к шовинизму, как у нас долгое время считали, а напротив, к уважению другой национальной культуры. Это и приведет нас к подлинной целостности. Мы должны понять: любая культура — великая, общечеловеческая ценность. Она должна быть сохранена. Почему мне так интересно

все, что происходит в Армении? Потому что вместе с Арменией мир может потерять одну из самых древних и самых интересных культур человечества.

— Сейчас наблюдается повышенный интерес к религии. Чем это объясняется? Не утратой ли нравственности, каких-то духовных ресурсов?

— Конечно, и этим. Но дело еще вот в чем. Нет очищения души, нет покаяния. Ведь это тоже очень интересно. Я не знаю, как у вас, но на Руси когда-то были дни покаяния, дни, когда люди каялись, очищались... Религия дает все-таки тайну самоочищения человеческой души, а потому к ней и склоняются...

Многих героев классической литературы отличает мировая скорбь. Наше же поколение страдает вселенской иронией...

— Чем опасна ирония? Сама по себе она прекрасна. Беда же в том, что она может быстро перерасти в сарказм. Тогда уже разъедается душа человеческая. Вот недавно я смотрел фильм одного ленинградского кинорежиссера. Снят город Глухов по Салтыкову-Щедрину. И все слова там Салтыкова-Щедрин. Костюмы современные. Современный чиновник говорит то, что сказал великий сатирик сто лет назад. Приезжая в новый город, градоначальник отдает приказ: «Эту гору срыть, а реку повернуть обратно...» Есть у нас безнациональный функционер, который легко отдаст и выполнит любой чиновный приказ: реку перекрыть — пожалуйста, вырубить вековой лес, убрать церковь — извольте. А потом мы вот что еще забываем. Перечитайте Некрасова: «Люди холопского звания сущие псы иногда, чем тяжелей наказание, тем им милей господа». Нет ли аналогии в современной жизни?

— Михаил Александрович, почему писатели, носители культуры, сегодня оказались в центре национальных страстей?

— Я об этом не думал, но кто же, если не писатель, должен увидеть то, что назревает в глубине народной.

Кто должен выразить боль народа? Художник-то начинается с заботы, с чувства гражданина. Как утверждал Горький, писатель должен быть общественным деятелем уже потому, что именно так воспринимается его труд народом.

Да, писатели хотят выговориться, до конца высказать все свои обиды и сомнения, воздать по заслугам всем виновникам нашего неуклонного прозябания. Все эти годы бессмысленно расходовались не только природные богатства, но и духовные ресурсы наций.

Все живо в памяти человека, ничего не загонишь вглубь и надо сохранить эту открытость. Разговор, который идет сегодня в советской литературе, нацелен прежде всего на усовершенствование человека — в защиту справедливости, чистоты совести. Суть искусства в том и заключается, чтобы помочь человеку постепенно наращивать нравственный стержень своей души. Помните строки Поля Элюара: «Пока на земле существует насильственная смерть, поэт должен погибать первым». Так они и умирали — Пушкин, Лермонтов, Есенин, Маяковский, Лорка, Чаренц...

— **Каковы реальные пределы творческой свободы писателя?**

— Я не знаю, о какой свободе вы говорите. Вот недавно я прочел «Лолиту» Набокова. Преодолею ее с трудом. Меня стошнило. Такую свободу я не хочу. Художник должен сам себе определить границы нравственной свободы. Эти границы очень хорошо знал Нарекаци. Свобода — это особое нравственное состояние, она немислима без осознания этических обязательств. Писатель должен иметь свободу, чтобы говорить правду. Но говорить правду — это искусство, труднейшее из всех искусств.

А придать движение правде может только ответственность перед самим собой, перед обществом. Вот посмотрите, какие книги появились в последнее время. Это настоящие, глубинные раздумья художника над своим временем. Книги Платонова, Гроссмана, Замятина — это жестокие книги, но они все-таки лечат, потому что открывают человеческие глаза на правду. Заставляют задуматься, как и Нарекаци, они учат ответственности познания.

А Блок писал некогда о «тайной свободе». Ведь многое из того, о чем пишут сегодня газеты и журналы, нашло отражение в романах Гроссмана, Платонова, Замятина и других писателей. Недаром Тихонов писал:

Наш век пройдет.
Откроются архивы,
Все, что было скрыто
до сих пор.
Все тайные истории извивы
Свои покажут славу
и позор.
Богов иных тогда
померкнут ликн
И обнажится всякая беда
Но то, что было истинно
великим
Останется великим
навсегда.

Большая литература зиждется на сострадании, на гуманизме. Все современные проблемы — и глобальные, частные — замыкаются на нравственном стержне человека, и, как мы убедились, одними аплодисментами, переходящими в овацию, краеугольный камень нравственного начала человеческой души не изменить. Тут требуется полная самоотдача, которая «...не читки требует актера, а полной гибели всерьез».

Многовековая культура — духовная и хозяйственная, налаженный быт — все выродилось или вовсе исчезло вместе с оторванным от земли крестьянством. Сейчас все кричат: «Землю крестьянам!» А крестьян-то нет. Крестьянство воспитывалось веками, а уничтожили его в 5—7 лет. Одних — сослали, других — расстреляли, а третьи — сами превратились в люмпенов... Страна переживала величайшую трагедию, опережая ход истории, ее пытались приблизить к техническому веку. В итоге она катастрофически теряла свое национальное лицо.

Ведь вот что получается. Всякими новациями мы учили человека любить землю, а сейчас пытаемся восстановить эту любовь к земле, с которой начинается все в человеке. И делаем это какими-то ускоренными методами, отсюда и все срывы. Как я давно убедился: все

на земле стояло и стоит и, дай бог, еще будет стоять на людях, умеющих делать свое дело в совершенстве — на мастерах. И мастер не сделает больно окружающим. Напротив, он поможет самой природе рождать чудо.

МИХАИЛ ДУДИН

Беседу вела Наталья Гомцяи
«Коммунист» 2 ноября
1989 года

ЗА БОРТОМ ИСТИНЫ

Скоро минет два года с тех пор, как карабахский вопрос встал перед нами с небывалой в последние десятилетия остротой. Ознаменовать этот своего рода «юбилей» и призвана, по-видимому, изданная в Азербайджане книга документов и материалов, касающихся, по мнению составивших ее сотрудников Института истории партии при ЦК КП Азербайджана, истории образования НКАО и в большинстве своем публикуемых впервые.

Само по себе такую задачу нельзя определить иначе как благородную. Поражает уже объем сборника: 338 позиций только в оглавлении, 314 типографских страниц текстов, плюс 8 страниц вступления «От редакции» и 10 страниц одного оглавления. Для сравнения отмечу, что в последнее время были опубликованы лишь три документа, важные для понимания проблемы (документы №№ 3—5 в книге «Нагорный Карабах. Историческая справка». Ереван. Издательство АН АрмССР). Думается, уже поэтому объем рецензируемой публикации должен по замыслу авторов продемонстрировать фундаментальность, взвешенность суждений и объективность подхода к предмету.

Однако при ближайшем ознакомлении выясняется, что, например, книга открывается многостраничной подборкой, не имеющей прямого отношения к делу. И в дальнейшем на ее страницах в изобилии встречаются материалы, не отвечающие существу вопроса, но занимающие львиную долю объема (например, публикации

«Из статьи «Безхозяйственность», дважды «Продialog», «Нарком — продторгу», «О газете «Коммунист» на армянском языке и т. д.). Мы привели только наиболее яркие примеры, а вообще читатель найдет десятки следов подобной «работы».

В то же время в книге не нашлось места для трех ключевых документов, для понимания вопросов, поднимаемых армянским большинством НКАО на продолжении десятилетий. Речь идет о «Декларации ревкома Азербайджана о признании Нагорного Карабаха, Зангезура и Нахичевани составной частью Армянской ССР» от 30 ноября 1920 года (подписано Председателем Ревкома Н. Наримановым и Наркомом по иностранным делам Гусейновым), «Письме Председателя ревкома Армении С. Касьяна Председателю Азербайджанского ревкома Н. Нариманову» в январе 1921 года и «Декрете Совнаркома Армении о воссоединении Нагорного Карабаха с Арменией» от 12 июня 1921 года (подписан Председателем Совнаркома Армении Ал. Мясникяном и Секретарем Совнаркома Армении М. Карабекяном). А ведь они говорят о том, что азербайджанские большевики после установления Советской власти в Армении добровольно решили восстановить веками попиравшуюся справедливость и передать Карабах Армении для воссоединения двух частей армянского народа. Ясно, что если бы не было этих документов, то армяне Нагорного Карабаха (исторической армянской области Арцах, в которой армяне непрерывно живут в течение тысячелетий) не стали бы обращаться за справедливостью к Советской власти.

Характерно, что первоначально азербайджанских большевиков поддержал даже Сталин («Правда» от 4 декабря 1920 года), который затем приложил — и, к сожалению, успешно, — все усилия для того, чтобы саботировать решение вопроса. Замечу, что и данная статья Сталина, равно как и телеграмма Орджоникидзе о решении Азербайджанского ревкома («Правда» 4 декабря 1920 года), также отсутствуют в книге.

Кроме того, многие документы цитируются в сборнике таким образом, что из них изымаются все свидетельства о возможности (рассматривавшейся в 20-е годы многими большевиками) воссоединения Карабаха с Арменией. Приведу только наиболее очевидные примеры.

Так, в материале «Из протокола чрезвычайного съезда Советов 2-го участка Шушинского уезда» (1 августа 1921 г., село Кентхурт) слова зампреда СНК АзССР Л. Мирзояна даются в следующем пересказе: «Тов. доказывает, что с экономической, духовной, политической и национальной точек зрения Карабах тесно связан с центром Азербайджана (Баку)». При этом опускается прямая речь оратора, зафиксированная в стенограмме: «Я знаю, все вы хотите присоединиться к республике Армении. Но ведь Карабах экономически связан с Баку и, если вы получите автономию, то все ваши вопросы будут разрешены». Вот так, путем изъятия, за бортом публикации оказывается демократически выраженное волеизъявление армян Карабаха.

Из телеграммы Г. К. Орджоникидзе Г. В. Чичерину от 21 июня 1920 года после слов «О присоединении этих областей к Азербайджану» убраны слова «или к Армении». Этим не только искажается позиция Чичерина, но и делается непонятной следующая фраза той же телеграммы. «Прошу срочно сообщить, остается ли в силе Ваша телеграмма от 19/VI пр. № 168/174». Ведь известно, что именно Г. В. Чичерин, блестящий дипломат и политик с огромным дореволюционным опытом, профессионально владевший всем комплексом необходимой информации в армянском вопросе, и потому как никто другой умевший отделить абстрактные идеалы от реальностей повседневной жизни, наиболее последовательно отстаивал необходимость воссоединения всех разрозненных армянских земель, включая Нагорный Карабах, под эгидой Советской Армении. Кстати, очевидно, именно поэтому в сборнике начисто отсутствуют материалы, исходящие от Г. В. Чичерина или даже просто имеющие отношение к возглавлявшемуся им ведомству: публикация в Бюллетене НКВД от 20 сентября 1920 г., отражающая беспокойство населения Карабаха в связи с ультиматумом Азербайджана о присоединении Карабаха и Зангезура к Азербайджану: два письма Г. В. Чичерина В. И. Ленину от июня 1920 года, где автор отстаивает необходимость воссоединения Карабаха с Арменией, выписка из протокола № 25 заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 7 июля 1920 г., где был утвержден проект Г. В. Чичерина.

Аналогичная участь постигла и пункт пятый из протокола заседания пленума Кавбюро ЦК РКП(б) от 3 июня 1921 г., гласящий «Указать в декларации Армянского правительства о принадлежности Нагорного Карабаха к Армении»; сообщение С. М. Кирова Ленину от 3 июня 1919 г. «Карабах и Зангезур не признают Азербайджанского правительства»: ответ V съезда депутатов армянского населения Карабаха английскому генералу Шательворту от 23 апреля 1919 г., майское 1920 г. послание уполномоченных IX съезда НКВД РСФСР Г. В. Чичерину, где есть такие слова: «2. Объявить о присоединении Нагорного Карабаха к республике Армении, как неотъемлемой ее части» — всех их попросту нет в книге.

В таком контексте подобные умолчания и избирательность составителей сборника выглядят далеко не случайными. Более того — симптоматично. Правда, автором все же не удалось вовсе скрыть все несимпатичные им документы. Так, в «Речи Г. К. Орджоникидзе на торжественном заседании Бакинского Совета по поводу установления Советской власти в Армении (Баку, 1 декабря 1920 г.)» упоминается названная выше «Декларация ревкома Азербайджана». Хотя читателю остается неясно, о чем же в ней шла речь. Тем более, что составители спешат его дезориентировать, не гнушаясь искажением истины, заявляя в специальной сноске о том, что, якобы, именно Г. К. Орджоникидзе допустил искажение текста Декларации.

После этого уже не остается сомнений в том, что книга не отвечает даже самым облегченным представлениям об объективности и фундаментальности.

Масса документов, не имеющих отношения к делу, включена в книгу для механического накручивания объема в целях создать иллюзию «фундаментальности» в худших традициях застойного времени. Многие документы в ней фальсифицированы, а ход истории совершенно искажен. Сборник является ярким примером того, как азербайджанская интеллигенция вместо того, чтобы способствовать духовному возрождению своего народа, прибегает ко лжи и подтасовке фактов как к основным своим «аргументам», что объективно ведет лишь к оболваниванию народа в шовинистическом духе.

Наконец, неискушенному читателю остается неясным из речи Г. К. Орджоникидзе (при отсутствии других документов, которыми располагал оратор и которые существуют до сих пор), почему же из-за Карабахского вопроса в Закавказье творились ужасы и лилась кровь, если (как следует из книги) Карабах всегда вожделем к одному—остаться в составе Азербайджана? Между тем в памяти человечества остался не только армянский геноцид в Турции 1915 г., но и аналогичные события, происходящие в мусульманской по преимуществу части Закавказья в 1905—1907 и 1918—1920 гг.

В этой связи издевкой выглядит утверждение авторов сборника о том, что дружба азербайджанцев и армян еще более укрепилась именно в конце десятых годов XX века. Ведь от армянской резни на территории нынешнего Советского Азербайджана 1918—20 гг. и до сумгаитского геноцида 1988 года и последовавших за ним армянских погромов в Кировабаде, Баку, Шуше и других пунктах, поистине красной нитью проходит основной метод «решений» армянского вопроса в данном регионе.

Тут нельзя не упомянуть, что сборник открывается серией публикаций, взятых из газеты азербайджанских буржуазных националистов начала века «Азербайджан» — официального органа мусаватистского правительства. Конечно, в демократическом государстве, к которому мы стремимся, нельзя никому запрещать придерживаться тех ориентиров, которые ему больше нравятся. Однако удивляет и заставляет задуматься само трогательное единство при решении вопроса Нагорного Карабаха между сотрудниками Института истории партии при ЦК КП Азербайджана и теми, кто по логике должны быть их идейными и классовыми противниками.

Смехотворно утверждение авторов сборника и о том, что оставление НКАО в составе Азербайджана в начале двадцатых годов было справедливым, поскольку экономически Карабах был связан со всем остальным Азербайджаном. Но то же самое можно в равной степени отнести и ко всему Закавказью в целом, ибо одной из главных экономических основ означенного региона была в то время бакинская нефть. Не требовать же, в самом

деле, на этом основании включения Закавказья и сопредельных областей в состав Азербайджана!

Ф. ШЕЛОВ-КОВЕДЯЕВ,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Института истории СССР АН
СССР.

г. Москва

«Коммунист», 11 октября
1989 года.

«ПОЧЕМУ СУМГАИТ?»

Статья под таким названием (в азербайджанской академической газете «ЭЛМ») интригует. В самом деле, какая-нибудь причинно-следственная связь между событием и местом его совершения? С такими чувствами взялся я за чтение этой довольно обширной статьи. И вот статья прочитана. Трудно передать словами шоковое состояние, в которое повергает она непредубежденного читателя, лишенного каких-либо «ситуационных» комплексов и пытающегося честно и беспристрастно разобраться в сложных процессах, проходящих как в самом Нагорном Карабахе, так и вокруг него.

Я много раз читал и слышал в разных интерпретациях термин «идеологическая диверсия». Но с непосредственным явлением, которое можно было бы так квалифицировать, жизнь меня не сталкивала. Пожалуй, статья З. Буниятова — это первый случай, когда я с полным основанием могу сказать: «Осторожно — идеологическая диверсия!» Я имею моральное право судить и выражать свое мнение по поводу статьи Буниятова, не опасаясь того, что он мне скажет: «Да кто ты такой? Пролетел бы ты такое в иные времена...» Напомню, что эти слова академик Буниятов соизволил адресовать академику Андрею Сахарову — советской русской интеллигенции, человеку, выстрадавшему поворот от «иных времен». Мое же моральное право скромней.

Около 40 лет активно работаю в одной из областей современной физики. За годы своей работы я отчетливо

понял, что хотя объект (или субъект), исследуемый учеными, может коренным образом различаться, но методология доказательности и моральные гуманитарные принципы науки — едины. Из сказанного следует, что я хочу говорить не о тех или иных деталях (пусть и весьма существенных для историка-профессионала) истории Армении, а обратить внимание на моральные нормативы и этику научного спора, о стилистике аргументации в духе З. Бунятова. Прежде всего поражает, что статья написана человеком, носящим звание академика. Это высочайшее научное звание уже само по себе многое предполагает и ко многому располагает. Конечно, «чины» (как и звание) людьми даются, а люди могут обмануться». Это так, но все же...

Прочитав статью, я испытал обиду за поруганное научное достоинство и стыд за человека, позорящего, профанирующего ЭТО звание. Из статьи торчат уши предвзятости, злопыхательства, нетерпимости. Поэтому не будучи научным трудом в собственном смысле этого слова, она вряд ли заслуживает и серьезного научного разбора. Повторяюсь, что мы имеем дело с явлением ненаучного ряда. Это скорее всего самохарактеристика автора, раскритикуйте его антинаучной, антигуманной позиции. По жанру статья скорее подходит к анекдоту или, если угодно, к автопамфлету. Лично мне стыдно за то, что Бунятов и я проходим по одному цеху — цеху ученых. Ученый это не голько и не столько носитель глубоких конкретных знаний по выбранному им предмету, сколько личность с высочайшей нравственностью, порядочностью, человеколюбием, уважением к своей и к чужой культуре. Обобщенно мы все это называем интернационализмом. Не таков З. Бунятов, если воссоздать его социальный портрет по его писаниям.

Походя чернит Бунятов ученых, одно имя которых, — гордость страны и символ перестройки. «Аганбегянствующие дашнаки...» (Это из статьи «Тунеядствующие «неформалы». «ЭЛМ» № 15). А в «ЭЛМ» № 19 нам достоверно сообщают, что «толстосумы из-за рубежа»... подкармливают Аганбегяна и его сообщников». По-видимому, «дашнаки Аганбегяна» — это его сообщники — сотрудники журнала «ЭКО», которые смело несли перестроечные идеи в экономику в самые мрачные времена

махрового застоя. «ЭКО» был самым уважаемым и читаемым журналом интеллигенции (всякой), а не только экономистов. «ЭКО» был подлинным «лучом света в темном царстве», когда страна была повергнута в летаргию и мрак. Аганбегян — ученый божьей милостью, с мировым именем. А позорящий его З. Бунятов — широко известен в весьма узких кругах.

Еще одна недобросовестность, мимо которой я как участник Великой Отечественной войны просто не могу пройти.

Бунятов пишет: «Особенно ярко дружба между народами СССР проявила себя в годы войны. Гитлеровской пропаганде так и не удалось разобщить единство наших народов. Я с тревогой задаю себе вопрос — а что, если бы армяне затеяли эту свою возню в годы войны? Несомненно, фронт развалился бы в течение нескольких дней».

Кошунственные, несправедливые, обидные даже в своей постановке слова. Так вот, как очевидец свидетельствую. С армянскими солдатами, кстати, солдатами из тех самых мест, где прошло разрушительное землетрясение, с армянами из тифлисского Авлабара, с армянскими мальчиками из Армавира я прошел вместе весь Кавказ от Таганрога до предгорий Главного хребта. Так вот, там, где стояли армяне, фронту не грозил развал. Армянские солдаты были образцом мужества, терпения, умения организовать жизнь себе и всем окружающим в любых, самых невыносимых условиях, исключительно бескомпромиссной верности долгу. Это были верные друзья и благородные люди. Война, отступление, беды 1942 года разметали нас, но память об армянских и, кстати сказать, в той же мере и грузинских солдатах я храню всю жизнь. Мы ели с ними кашу из одного котелка, спали на снегу, под одной шинелью, мерзли с ними в одном окопе, пили воду из одной лужи. Поэтому, академик Бунятов, не смейте оскорблять честь и достоинство армянского солдата. Вы его не знаете. Они не «разваливали фронт», я не могу вспомнить случая, чтобы перебежчиком был армянин, на моей памяти не было ни одного армянина-самострела...

Я уже не говорю об огромном вкладе армянского народа в нашу Победу в Отечественной войне, в созда-

ние нашей Армии и Военно-Морского Флота. Имена армянских маршалов, генералов, флотоводцев, армянских военачальников нерасторжимы с историей нашей Великой Отечественной войны. Не следует забывать и это, академик З. Буниятов. Вообще, складывается впечатление, что вы «лучше владеете» фактами IV—V—VI... X—XII веков, но плохо знаете или неудачно интерпретируете факты XX века. Возможно ли такое? А что, если бы вдруг появился живой свидетель из X или XI веков? Выдержали бы ваши концепции его показания?

Так как же отвечает З. Буниятов на заявленный вопрос «почему Сумгаит?». Приведем слова автора: «... Крунковцы очень точно вычислили, где можно устроить дебош. Они нанесли свой гнусный удар по Сумгаиту. Почему Сумгаит? Потому что дашнакам вновь, в который раз, захотелось картину художника Верещагина «Апофеоз войны» переделать в современную фотографию с «армянскими черепами». Такова концепция «событий в Сумгаите» с позиции азербайджанского академика-историка.

Ну что можно сказать по поводу такого социально-исторического анализа? Прежде всего это — опять-таки не анализ, а анамнез. Модель «Апофеоза войны» Верещагина с армянскими черепами может прийти в голову только в параноидальном бреде. Ни Кафка, ни Сальвадор Дали в буйстве своей фантазии не придумали бы такой образ. По-видимому, видение горы, составляемой из «армянских черепов», не входило в число факторов, возбуждающих их творчество. Увы, сюрреализм Буниятова идет своим путем, развивается по своим, только ему присущим каннибальским путем.

Итак, индивидуальные факторы, предопределившие выбор Сумгаита в качестве места для расправы азербайджанцев с армянами в знак протеста против «исторической несправедливости армян», обусловлен самими армянами, точнее, «крунковцами». Они сами выбрали Сумгаит в качестве лобного места для собственной казни. Такова логика историка Буниятова.

После установления и обоснования основного тезиса «почему Сумгаит?», академика вообще «развезло». Он «... отрицает наличие в Азербайджане 400 нелегальных мечетей: как об этом галдычит А. Оганесян» (до чего изящно формулирует свои мысли академик!).

А чего стоит такой исполненный человеколюбия историко-библейский пассаж: «Сорок лет пророк Моисей водил по пустыне сынов Израиля, чтобы они забыли о египетском плене, чтобы вымерли те, кто был в плену, и новое поколение ничего о рабстве не знало. Будем надеяться, что в случае с НКАО сорока лет не понадобится». Если это не обещание новых сумгаитов, если это не призыв к организованному геноциду носителей исторической памяти о том, что НКАО не всегда была «неотъемлемой частью Азербайджанской ССР», памяти о том, что история не всегда развивалась справа-налево, как хотелось бы Буниятову, — то что это? Я утверждаю, что академик З. Буниятов предлагает искусственно ампутировать народную память. Он предлагает заселить НКАО армянами-«манкуртами». Так будет удобней для торжества человеконенавистнических идей академика.

И, наконец, последнее. Оспаривая интервью М. Джунусова журналу «Смена» (№ 6, 1989 г.), называя это интервью безграмотным, Буниятов с негодованием восклицает: «И с каких это пор исламская религия стала претендовать на мировое господство? Чувшь какая-то! Перелистайте, доктор Джунусов, хотя бы «Словарь атеиста»!».

В связи с этим заявлением у меня, как у читателя, два вопроса к академику.

Во-первых, объясните мне, что такое «исламский фундаментализм» и каковы его претензии? Меня также интересует, как вы, академик-историк, вероятно, официально примыкающий к марксистскому крылу исторической науки, защищаете, ограждаете (или, наоборот, приобщаете) многомиллионных жителей советского Востока, обобщенно понимаемых как «жителей Востока», от средневекового мусульманского ренессанса?

Во-вторых, вы серьезно считаете, что доктор Джунусов черпает свои суждения из «Словаря атеиста»? Это что, современный парадокс: прочитайте четвертую главу «Краткого курса ВКП(б)»?

Академик Буниятов, вы, вероятно, неоднократно рекомендовали своим ученикам, а может быть и коллегам, сверить свои мысли с «Кратким философским словарем» (редакция М. Розенталя и П. Юдина), этим кладом марксистско-философской мысли, адаптированной до уровня «продолжателя дела Маркса, Энгельса, Ле-

нина...» (Цитирую по 4 изданию КФС, Госполитиздат, 1954 г.).

Да! Серьезно и глубоко вы аргументируете свои взгляды! Это мое мнение по той части вашей статьи, по которой я могу выразить свое суждение.

Что же в заключение? А вот что. Я всегда симпатизировал армянской точке зрения в сложной проблеме Нагорного Карабаха. Для этого были основания, сложившиеся из личных наблюдений отношения азербайджанцев к армянам задолго до эпохи «событий». Но к движению «Карабах» я относился без особого энтузиазма, по-видимому, не очень понимая его цели и воспринимая их сквозь призму доступной информации.

Сейчас, под непосредственным влиянием и воздействием вашей статьи, я прочно перехожу на позиции защитников движения «Карабах» от посягательства таких историков, как вы, академик З. Буниатов. Благодаря вашей статье я много понял. В этом ее позитивное значение в моем понимании вопроса. Хочется думать, что такой вывод делаю не я один!

В. ПЕТРОВСКИЙ

доктор технических наук, профессор, лауреат Госпремии СССР.

«Коммунист» 17 июня 1989 г.

г. Дубна

ТРИ ДНЯ В ФЕВРАЛЕ

Какой стране принадлежит Освенцим?

Чье национальное достояние лагерная Колыма?

Существенно ли географическое расположение для Лидице или гайанского «Народного храма»?

Эти вопросы остались во мне после того, как, взяв в руки машинописный том рукописи «Сумгаитская трагедия: свидетельства очевидцев», я читал и читал его до утра, пока не прочел весь. Только тогда я осознал, что, не узнав ничего ни об Азербайджане, ни о Карабахе, ни об Армении, я много узнал о человечестве — и с самым

себе. После февраля 1988 все мы, так или иначе, граждане Сумгаита, где каждый нашел свое место — в роли жертвы, в роли зрителя, в роли спасавшего и в роли убийцы. Те, кому этот выбор — выбор в жесточайших условиях, какие были в Сумгаите, или в более мягкой форме — предстоит, должны представлять себе полное значение этого символа испытания всех свойств человека на отношение к насилию в его абсолютно прямом, откровенно подлом виде.

Особенность нашей истории — вечное запаздыванье добрых людей, отчего-то опережаемых мерзавцами. И как посмотришь, чем в это время заняты были добрые люди, — окажется, что они боролись с очередным призраком: то с «угрозой реставрации», то с «правовой опасностью», то — с «Ниней Андреевой»...

Сегодня публицистика совершенно ясно излагает читателю, как следовало вести себя членам Политбюро в 1923 году, имея политическое завещание Ленина на руках. Опубликованы и рекомендации современных советских экономистов в связи с хлебным кризисом 1928 года, и много других ценных советов. Однако все это опоздало, и теперь важно не опоздать еще раз. Мало толку будет знать в XXI веке, кого и чего следовало опасаться в году 1989 Р.Х.

И разве трудно знать? Для этого даже не придется звать экспертов. Достаточно ясно видеть происходящее и называть насилие — насилием, а не чем-то еще, например, праведным возмездием или социальной справедливостью.

XX век был веком боен, куда народы забредали неожиданно для себя, под шумок речей о прогрессе, в морке астрономических цифр-показателей возведенного, ввезенного и розданного по справедливости. Они оказывались в западне лишь потому, что признавали некоторые виды насилия допустимыми (и, разумеется, не к себе!). «Допустимое»-то их и пожирало в лице своих активистов.

«Одеяльце, в которое был завернут ребенок, один из активистов взял за край, выкатил из него ребенка на оголенную кровать и бросил в общую кучу вещей, отнятых у семьи», — это не казачья сотня усмиряет крестьянские беспорядки. Это представитель народной власти распределяет по-справедливости национализированное

одеяльце черниговской колхозницы (свидетельство Х. Волович).

... Сегодня вновь заводятся споры о дележе все того же одеяльца, и стороны участвуют в этих спорах с необычайной серьезностью: делить или не делить? И в какой пропорции, если да?.. Рядом с этими дискуссиями печатается малозамечаемая уголовная хроника: Москва, 1989, мать выкатывает коляску с младенцем за дверь, и лишь на минуту задерживается. Выходит, а коляска пустая; трупик тут же находят в мусоросборнике. Кто-то, спускаясь по лестнице, затолкал ее живое дитя в мусоропровод.

Кто?

Злобный сталинист? Растреленный попкультурой рокер? Нацист?

Образованный извращенец?

В Сумгаите свирепствовали заурядные люди, без выраженных идейно-политических характеристик. Вроде нас с вами.

Есть прекрасный тест Генриха Белля: если вы никак не можете решить для себя, верите вы человеку такому-то или нет, задайтесь вопросом — рискнули бы вы вдруг оказаться в его полной власти?

Вопреки кажущейся примитивности, это жестокий, абсолютно безошибочный тест. Редкий политик или публицист и сегодня выдержит испытание на него, какие бы слова он ни произносил. Оттого мы и не глядим друг другу в глаза: это помешало бы нам беспрепятственно лгать.

Недавно журналист, посетивший окраины Рио-де-Жанейро, в стране, примерно в одно время с нами вступившей в процесс демократизации, описал одно из блюд тамошней детской кухни: лепешки из газет, которые мамы пекут, чтобы несколько сбить голод. Свободную прессу размачивают в воде, дают кашице набухнуть, после замешивают и пекут...

— Вот видишь, на худой конец и от гласности будет прок, — сообщил я знакомому политологу.

— Увы, — компетентно возразил он, — бумага в Латинской Америке часто делается из отжимок сахарного тростника и она сладковата. Наша же, из еловой щепы да тряпья, совершенно несъедобна!

— Как, и «Московские новости»?

Эти особенно — они печатаются на финской бумаге с синтетическими добавками...

Сегодня, когда насилие, проклятое официально обществом и государством, вновь исподволь возвращается в нашу жизнь и становится чем-то обыкновенным для нас, — только теперь можно понять, какой мистифицирующей жизнью мы жили. Мы в упор глядим на насилие — и не замечаем его, прельщенные аргументацией насильников и кличками, приготовленными для живых мишеней. У нас нет полновесного языка для самой человеческой жизни, безотносительно к ее патриотической и национал-государственной пользе. Никто при этом прямо не призывает к убийствам — призывают лишь защищать «любой ценой» отвлеченные от живого, вот этого человека ценности.

Мы не уничтожаем человека — мы просто о нем забываем, покидая его в обстоятельствах, грозящих для него смертью. И это делает не экстремист: так устроен, и так продолжает действовать одержимый мифами мозг.

Мы семьдесят лет отдали мифологическому сознанию и сегодня с трудом, недоверчиво поворачиваемся к реальности. Почти целый век у нас ушел на восстановление простейшего обоняния, чтобы мы поняли: труп врага пахнет так же, как пахнет труп друга. Труп классового противника пахнет не приятно и не весело — он пахнет трупом.

Лишь век спустя мы доходим до истины, что жестокость не бывает правильной, ярость не бывает справедливой, насилие не бывает чистым — и нет ничего грязней рук насильника, даже если этот насильник не боялся насилия над ним самим.

Оказалось, реакционерам так же больно, как революционерам, что сталинисты так же мерзнут, как либералы, и ферганские зверства омерзительны, как сумгаитские. Непомерно дорогой ценой мы заплатили за то, что отказывались признать палача — палачом, казненного — несчастным, идеологию — формой самодовольства. И сегодня мы еще раз платим за это: покинутые на полдороге старыми представлениями о мире, исключавшими значение человеческой жизни. Правильны они были или ложны, их сегодня у нас нет.

Зато у нас появился некоторый опыт.

Известны усилия, прилагаемые в последние сорок лет правительствами и народами мира для того, чтобы избежать ядерной катастрофы. Если мы говорим об угрозе термоядерного финала, то есть абсолютного конца катастрофы, сильнее которой мы не способны представить, — есть ли после этого на шкале катастроф такая, о которой лучше помалкивать?

Землетрясения губительны. Экосистемы хрупки. Ядерная энергия опасна. Но ничего нет более опасного и тревожного, чем сам человек, в его попытках утвердить на планете лучшую жизнь навеки и в его склонности прибегать к разнообразным формам насилия с этой целью. Человек значительно опасней для самого себя, чем атомная бомба, которую он сам придумал и применил. И катастрофой ему грозят не технические сюрпризы, а недооценка его собственных склонностей.

Катастрофа — когда ребенка вытряхивают из одеяла, потому что одеяло необходимо для торжества идеалов тех, кто так поступает.

Но какой ряд событий приводит к состоянию власти и человека, когда можно так поступать, не рискуя быть убитым на месте? Вот что важно. Именно этот ряд событий означает растянутую катастрофу. Когда вооруженные люди приходят отнимать вашу жизнь в пользу народа, катастрофа уже стряслась, и вы пожинаете ее результат.

Давайте же исследовать любой случай одобряемого насилия, кто бы его ни одобрил.

Давайте неослабно контролировать ход вещей, который ведет к единственной реальности в мире, еще более опасной и грязной, чем даже само насилие, — к одобрению, защите, к аргументации в пользу насилия. Ведь мы уже знаем, как страшно мы ошибались, как слепы мы бывали — и как упорствовали в своей слепоте. И если наша новая попытка справиться с судьбой кончится так же, как прошлые, чем оправдаемся мы перед новыми жертвами — перед голодающим человеком, перед мерзующим человеком, перед человеком, которого заталкивают в топку?..

Чем — напечатанной наконец-то «Лолитой»? «Архипелагом ГУЛаг»?

Но ведь и 1917 год открыл дорогу типографским публикациям в России полного Пушкина, полного Герцена, романа «Воскресение»... А взгляните в разбитое прикладом лицо русского царя — череп мужчины, на глазах которого стреляли в его детей. Согласился бы Лев Толстой, презиравший Николая Романова, с такой ценой публикации полного собрания своих сочинений?

Никакая гласность не станет нашим оправданием, если вновь из Евразии хлынет ужас.

«Это был праздник зверей. Они в этот день делали то, что делали бы каждый день, если бы не страх перед властями», — говорит Людмила М., одна из жертв толпы наших озверевших сограждан. И она же: «Три дня мы проверялись и на храбрость, и на смелость, и на человечность. Кем мы стали, кем нас воспитали — показали эти три дня, а не те годы, десятки лет, которые мы прожили до этого дня». Так что же такое Сумгаит: пир хищников или испытание людей на человечность? И кто такие мы сами, читатели этой книги — люди или зверье?

Человечество всегда жестоко расплачивалось за самогипноз, за утерю понимания и памяти о происходящем. В дни, когда разыгрывалась сумгаитская драма, мы в столицах читали «Детей Арбата» и ахали: подумать только, каков злодей, этот Сталин!..

Когда кровавая черта, впоследствии усугубленная нерешительностью политиков и замалчиванием прессы, пролегла между двумя народами и в обе стороны от нее потянулись толпы беженцев, мы в столице трепетали перед последствиями «письма Нины Андреевой»: господи, что с нами теперь будет?!

... И мы смели бояться этих призраков в дни, когда одинокий старый человек, спасая десятерых, своей волей стал под ломики негодяев — и они били его по голове этими ломиками изо всех сил! Мы настолько презирали человеческую — свою собственную! — природу, что недооценивали ни силы зверского в себе, ни той силы, что сопротивляется зверству любого насилия.

Мы полагали, что новое мышление приобретают, получая и прочитывая «Новый мир». В это время новое мышление испытывалось и распрямлялось в Сумгаите,

где насилию вновь не удалось загнать человеческий дух в расовое либо иное животное подполье.

Ниже приведены два отрывка из книги «Сумгаитская трагедия: свидетельства очевидцев» (т. 1, Ереван, 1989. Редактор-составитель С. Шахмурадян). Как увидит читатель, это свидетельства тех, кому повезло.

Петросян Владимир Григорьевич, родился в 1956 году. Работал парикмахером в сумгаитской парикмахерской № 1.

Его жена, **Петросян (Халафян) Марина Михайловна**. Родилась в 1962 году. Домохозяйка. Проживали по адресу: «Сумгаит, 4 квартал, д. 24а, кв. 2.

Владимир: Сидели у тещи. Вдруг слышим — крики «Ура! Ура!» Идут. Смотрим — во дворе сотни человек собрались. Весь двор полон. «Сейчас к нам придут, — говорит теща, — сейчас к нам придут! Все спускаемся в подвал!»

Когда все, кто был в квартире, спустились в подвал, я остался с дядей Карменом. Я говорю дяде Кармену: «Давай мы тоже спустимся в подвал. Может, не найдут нас?» Он говорит: «Нет, ты иди, а я пойду в спальню, в спальне я буду». Я спустился, и он за мной люк закрыл. И сразу же эти ворвались, началось там. В подвале все слышно было.

Марина: Да, все слышно. И такой шум был: не только нашу, там и другие квартиры громят — звон стекла, что-то падает сверху.

Владимир: Потом Григорян Эмму с четвертого этажа вывели во двор. До этого ее мужа, Черкеза, столько били у подъезда — где-то 5—6 часов били. Кто ни подойдет, какая группа ни подойдет, все его бьют. Кастрюлями по голове, не знаю чем — по голове...

Марина: Он так стонал, так кричал! С четвертого этажа до нас доносились крики Вали, невестки Эммы и Черкеза. Она кричала как сумасшедшая, звала свою шестилетнюю дочь: «Кристина! Кристина!» Мы уже подумали, что украли, унесли Кристину. Бедная Валя кричит, а со двора смеются: «А-а, Кристины уже нету! Кристины нету!». Потом, когда тетю Эмму вывели, — я ее голос тоже слышала — ее раздели: у нас металлическая сетка на подвальном окошке, там немножко

видно. Потом стали играть на пианино. Они чувствовали себя как дома — свободно, все ломали не торопясь... Я слышала, что в комнате кого-то бьют...

Владимир: Это был дядя Кармен. Его нашли...

Марина: Я тоже подумала, что это дядя Кармен, свекор моей сестры. Его стали избивать... Я сказала: «По-моему, это дядю Кармена бьют». А Владик говорит: «Нет, его соседка забрала, Сабиргаль».

Владимир: Ну, я так сказал, чтобы остальные в подвале в панику не впали. Нас там десять человек было.

Марина: А сын Кармена... Мы его еле удержали, Андрея. Он не мог, все шептал: «Мой отец остался! Мой отец остался!» Мы его еле удержали. Успокаивали Андрея: «Не переживай, твой отец у соседей». Потом слышим — они говорят: «Поднимайтесь на четвертый этаж! Там тоже армяне. Поднимайтесь к ним!» Толпа поднялась на четвертый этаж — что они там творили! Это я уже потом узнала, в автобусе, когда солдаты на бронетранспортерах подъехали. Я видела через сетку, как сожгли одного человека — это оказался Авакян Юра. Он тоже проживал на четвертом этаже. Его прямо вытащили из квартиры, избивали, потом сожгли его... Через окно в подвале я видела, как горит... человек. Я уже не могла... Думаю: «Господи!» Я думала, что дядя Черкез, оказалось — это Юра был.

Владимир: Он защищался долго. Юра долго защищался. Я слышал, как снаружи говорили: «Сколько мы хотим его дверь сломать — не можем. Лом несите, быстро! Лом несите, чтоб взломали ломом!» Подробно потом его сын рассказывал. Его зовут Камо. Он по балконам спустился. Потом говорил: «Я на работе боялся со второго этажа вниз посмотреть, как я с четвертого этажа по балконам вниз спустился — сам не представляю».

Марина: Камо каким-то образом подсоединил электричество к двери, и этих, из толпы, било током.

Владимир: Они железную сетку от кровати приставили к двери и пропустили по ней ток, так что уже кровать била током. И воду налили на пол — уже и пол тоже ток пропускал. Те подходят — бьет током. Тогда толпа приволокла из соседней квартиры, где Григоряны жили, матрасы и по сухим матрасам ворвались в квартиру.

Марина: Из толпы орал: «Откроем дверь — всех перережем! Всех до одного!» Потому что очень долго мучились с их дверью. Родители Камо из задней комнаты, из спальни, перешли по балкону к соседке, к азербайджанке по имени Ханум. Но бандиты догадались, что они, наверное, к ней перешли, потому что на четвертом этаже больше не к кому. И стали колотить в ее дверь. Ханум открыла дверь, стала на колени и говорит: «Что вы хотите? Не трогайте этих людей! Вот, если вы крови хотите... — и она ногу себе порезала, провела ножом по ноге своей. — Вот, если хотите — вот кровь! Только их не трогайте!» Они все равно Юру прямо на руки схватили и вели. Но жену не убили... Из нашего подъезда двоих убили: Юру Авакяна и Эмму Григорян. Мы спаслись, но каково нам было в подвале, что мы пережили!

Владимир: В подвале было столько ящиков, что невозможно было пошевелиться...

Марина: Негде было стоять.

Владимир: Подвал ведь маленький, совсем маленький! И мы вот подальше от люка спустились все в одну кучу, чтобы нас не увидели, если откроют.

Марина: Мы впритык стояли. Мой ребенок, Диана, вспотела вся...

Владимир: Вся мокрая была, когда вышли оттуда...

Марина: Боялась голос подать. Говорит: «Мама, что это?» Я говорю: «Дианка, молчи! Потом, потом!» Вся была мокрая, мы ее к себе прижали. В подвале вокруг нас посуда, баллоны, чуть шевельнешься — загремит. А они все время над нами, прямо над головами стояли, на балконе. Ясно слышали, как переговариваются между собой.

Владимир: И русские среди них тоже были.

Марина: По-русски говорили чисто.

Владимир: Абсолютно без акцента говорили.

Марина: Слышали, как во двор заехала пожарная машина. Что-то вроде лезут по пожарной лестнице, что-то разбивают — слышно. Машина отъезжает. Потом вновь заезжает во двор... Мы уже с ума сходили. Просто у нас уже не было никакого спасения. Мы думали, или смерть, или... Ведь куда не звонили до этого — в милицию, в пожарную, — помощи не было. Ну, мы думаем, все, наверное, убьют, живые останемся — счастливые, значит.

Владимир: Я не верил, что мы оттуда живые выйдем. Думал: «Все равно найдут, в конце концов найдут».

Марина: Найдут. Я тоже так думала.

Владимир: Когда они зашли на балкон, стали ходить прямо над нашими головами и остановились на люке, люк заскрипел весь, я подумал, что они уже открывают. А тут младший наш ребенок захныкал. Ему три года. До этого он спал. Слава богу, успокоили. Гришей его зовут. Отца моего тоже Григорием зовут. «Папа, — говорю, — я уже устал его держать, не могу больше». Я его все время на руках держал, маленький он. Диана хоть стояла, а он не мог стоять, устал, уже ноги не держали его. Диана стояла, все время на ногах стояла, бедная. Она выдержала. Стояла. Когда мы вышли, она вся мокрая была. Все платье было мокрое. От страха. Дрожала. Я чувствую — ее ноги касались моей ноги, — чувствую, как у нее дрожь идет, вся она дрожит. Я говорю отцу: «Папа, как-нибудь сядь на пол и ребенка возьми: я уже не могу держать». У меня уже ноги сводило судорогами. И руки устали, болят. Ну, представьте, семь часов на руках ребенка держать. Я отцу говорю: «Папа, как-нибудь потихоньку сядь, чтобы не слышно было». Еле-еле он сел на цементный пол, и я ребенка потихоньку отдал. Ребенок уже спал. Я отдал ребенка, а он всхлипывал во сне. Я говорю: «Папа, как-нибудь поверни, чтобы не всхлипывал, а то услышат». И мы все — десять человек — все друг друга поддерживали. Говорили: «Тише, тише». Какой-нибудь шорох — шепчем: «Тише, тише». Так сидели мы и ждали своей участи.

Марина: Все это время, стоя, тряслись, дрожали. Кто-то пить хотел — терпели. Во рту все пересохло. У нас прямо горечь во рту была у всех, а тогда я думала, только у меня. Воздуха не хватало, дышать нечем. Мало того, во дворе все горит, этот дым... Запах горящего человека...

Владимир: Одна из женщин сказала: «Так в туалет хочу». А я говорю ей: «Давай на пол, стоя...» А что делать? Это не столько от выпитой воды, это от страха, наверное. У всех от страха.

Марина: От страха.

Владимир: Вы не думайте, что этих подонков интересовали только убийства, побои и изнасилования.

Марина: Грабили и веселились. Играли на пианино.

Ну, музыканты, профессионалы просто, так хорошо играли. Играют и ломают все вокруг.

Владимир: «Джип, джип, джуджялярым» играли, всю дорогу это играли.

Марина: И плясали тоже. Вытворяли все, что в голову взбредет, только шум стоит.

Владимир: Сволочи! Вспомнить тошно... Вот у нас парень есть в пансионате, он говорит, что видел с балкона, как в четвером микрорайоне девушку вели голую... Голую ее вели, били, а вся толпа... Там столб был фонарный: около столба ее остановили, сделали круг и начали хлопать, чтобы она танцевала. Они хлопают, она танцует, а они смеются. Дяде Кармену тоже говорили: «В Ереван поедешь?» Слышно было как его избивают. Но мы просто не хотели думать, что это он... Андрей, его сын, все время твердил: «Папа, папа, папа, папа...» А я говорю: «Молчи, молчи...»

Марина: Его отец даже звука не издал, чтоб мы не заволновались и не выдали себя. Он знал, что сын не выдержит, выскочит из подвала. И вот ради всех нас он молчал. Его мучили всячески — он молчал все равно.

Владимир: Наше счастье это было. Считайте, что второй раз родились. В подвале я все время думал: «Интересно, который час? Скорее бы светло стало, скорее бы. Может, когда станет светло, они перестанут». И вдруг слышим со двора военные команды: «Наряд! Заходи справа! Слева заходи!» ... А потом стали звать: «Армяне есть живые? Живые есть? Выходите!» Я хотел выйти, теща меня за руку держит: «Не выходи, не выходи! Это, наверное, они специально на русском говорят, хотят перехитрить нас». «Нет, — говорю, — я команды слышал, это солдаты». Я в армии служил, знаю все эти приказы. Я уже открываю люк. Теща удерживает: «Нет, нет, нет, не открывай!» Слышу, что солдаты уходят, голоса слабее стали, а я стою и нервничаю. Не выдержал: «Все, я уже не могу, уже не могу!» И резко так люк поднял, изо всей силы, вылез и кричу: «Солдаты, солдаты! Мы живы! Мы здесь! Помогите, здесь дети! Дети, дети! Заберите их». Солдаты услышали, подошли... Мы были такие испуганные, так спешили, что я детей прямо через разбитые окна балкона передавал солдатам. Солдаты говорят: «Давайте, давайте» Теща говорит: давай через дверь выйдем, зачем ты?..» А женщины

прямо через окна спускаются. Руки порезали о стекла...

Марина: Я тоже пальцы порезала...

Владимир: Мы боялись, боялись выходить через комнаты.

Владимир: Это война была, война!

Марина: Ой, какая война? Хуже, чем война. Вот генерал говорил: «Я был в Афганистане на войне, но такого еще не видел».

Бедян Кармен Акопович.

Родился в 1935 году. Проживал по адресу: Сумгаит, 1 микрорайон, ул. Мира, д. 5/7, кв. 8. Работал плотником на хозрасчетном строительном участке треста «Агропромстрой».

Они зашли во двор, эта черная масса. Вот, значит, наш пятый дом стоит, где мы отмечали сороковины, и напротив стоит шестой дом, между нами где-то 30—35 метров, и вот в этом промежутке свободного места не было, все было черно...

Все десять человек, которые были дома, — всех я спустил в подвал. Там был старенький половик, коврик; этим половиком я закрыл сверху люк и посуду, которую взяли напрокат, положил поверх коврика на люк, чтобы не было заметно.

Я остался один. И как вот этот, в клетке белый медведь — видели вы? — ходит из одного угла в другой — точно так же я хожу взад-вперед по квартире. Перед глазами смерть уже, все... Думаю: молодые, пусть живут, а я — черт с ним! — уже 52 года прожил, пусть меня убьют, ничего страшного не будет. И вот, когда первый камень залетел, я думаю: уже все, к нам тоже ворвались. И смотрю — камень за камнем, камень за камнем. И поломали все окна.

Смотрю — через окно, через дверь, через веранду, с трех сторон они стали врываться к нам. Я тут же ушел в спальню, и там шифоньер был — придвинул его к двери. Они, как зашли в гостиную, говорят: «Э-э, здесь много чего есть! Все заходите сюда!» И один говорит: «Здесь магнитофон. Магнитофон — мой!» Другой говорит: «Ковер — мой!» «Слушай, — кричит еще один, — у них и пианино есть». Они открыли пианино. Открыли пианино, и, как я понял, кое у кого из них было музыкальное образование, потому что играли они на пиани-

но хорошо, свои мелодии, песни. Один играет, другой говорит — отойди, я тоже буду играть; играет этот — следующий говорит — отойди, я тоже. Наверное, человека четыре играли так на пианино, и все играли отлично!

Стали толкать дверь спальни, шифоньер сдвинулся, они зашли. Я прижался к стене за шифоньером. Пошли в мою сторону, увидели меня. И один сразу говорит: «А-а, сукин сын, ты здесь!» Молодые, здоровые парни от 18 до 25 лет. И не оборванцы были, не в рабочей одежде; они были хорошо одеты; у кого куртка, у кого плащ кожаный с погончиками, модный. Ломики, где-то сантиметров 40 или 50, вытащили, у каждого в руках блестят. Я говорю: «Слушайте, ребята, что хотите — берите из дома, но меня не трогайте». «Сукин сын, ты еще осмеливаешься говорить?!» — и как начали меня бить по голове, я чувствую — кровь прямо хлышет из моей головы... Где-то раз пять меня стукнули ломиком. Я же говорю, у них были специально приготовленные ломики, на токарном станке. мне кажется, выточены были. Это не одного дня работа.

Вот, значит, когда меня начали избивать и глаз мне выбили, по зубам дали так, что все до сих пор шатаются, один среди них говорит: «Здесь мы его убьем — никто не увидит. Вытащим его на улицу, там, на улице, будем убивать». Я обрадовался!

Я думаю: «Это хорошо. Наши в подвале не услышат мои крики». Хоть столько и били меня, но я не издавал ни звука, потому что думаю, молодой он, сын мой, будет оттуда кричать и узнают их место. Я, значит, когда сказали, мол, вытащить, убить на улице, обрадовался... Но когда меня вытаскивали через общую дверь, и в лицо ударил свежий воздух, я как будто снова ожил. Вытащили уже из подъезда, смотрю — там такой костер горит, и они говорят: «Давайте его тоже... в костер».

И откуда я меня сверхъестественная сила взялась после стольких ударов?! — я их взял двоих, друг об друга стукнул — у меня нашлась такая сила. И один упал туда, другой упал сюда. Бог мне дал и рост, и силу. И хоть я в больнице лежал, нога у меня болела, но, наверное, ни одна машина меня бы не догнала — так бежал я от страха. Толпа кричит: «Ловите, ловите! Армянин убегает! Ловите!» И эти сволочи, эти двое меня поймали. И тут же те сзади подоспели. Подоспели, зна-

чит, и опять меня по голове этими же ломиками, только били теперь сзади, по затылку...

Когда они ушли, я уже ничего не чувствовал. Не знаю, сколько я там лежал, много ли мало. Потом чувствую — человек ко мне подошел, как будто во сне чувствую, что кто-то меня трогает, — русская бабушка: «Сынок, сынок!» Я будто во сне... или не во сне... Потом я очнулся и говорю: «Что?» «Сынок, ты живой?» Я говорю: «Да, живой». «Вставай, — говорит, — уходи, эти сволочи придут сюда обратно». Она мне помогла, подняла с земли, довела меня до маленького сада перед больницей. До этого сада довела и говорит: «Я вернусь, а то они увидят, что я тебе помогаю, меня тоже убьют».

ГЛЕБ ПАВЛОВСКИЙ
«Век XX и мир», № 12 1989 г.

КТО ЕСТЬ КТО В КАРАБАХСКОМ КОНФЛИКТЕ

Культивируемые официальными средствами массовой информации ложь и умолчания о событиях в НКАО и «вокруг него» привели к тому, что колоссальное значение этих событий (не только для Закавказья) недооценивается всюду за пределами Армении и Азербайджана. Недооценка порождает безразличное отношение многих участников демократического движения к карабахскому конфликту, в чем, несомненно, и состоит одна из целей массовой дезинформации.

Нетрудно выделить в карабахских событиях различные, но сложнопереpletенные между собой конфликты.

Конфликт политический, между большинством населения НКАО и властями Азербайджанской ССР состоит в непримиримых пока что противоречиях в определении статуса НКАО. Развитие конфликта привело к настояющему времени к тому, что население области не признает над собой власти бакинского правительства.

Совершенно очевидно, что сторонами в этом конфликте являются власти АзССР с одной стороны и большинство населения Карабаха — с другой. Население

НКАО в этом конфликте сейчас представляет Национальный совет, избранный на Съезде народных представителей, ранее эту функцию исполнял Областной совет НКАО. По меньшей мере один раз население прибегло и к прямому всенародному волеизъявлению в форме так называемого технического референдума, результаты которого подтвердили решение Областного совета НКАО о выходе области из состава АзССР.

Армянская ССР в этом конфликте стороной не является, вопреки тому, что именно этот конфликт часто пытаются представить как спор из-за территорий между Арменией и Азербайджаном. Начало этому конфликту (опять-таки вопреки тому, что обычно говорят) положил Верховный Совет АзССР, когда он отверг обращение Областного Совета НКАО (следует напомнить, что лишь вслед за этим независимость Карабаха от АзССР была провозглашена в одностороннем порядке).

Последнее на настоящий момент слово в этом конфликте также принадлежит Верховному Совету АзССР. Мы имеем в виду принятый в октябре с. г. закон АзССР о суверенитете. Этот закон лишь, на первый взгляд похож на законодательные акты Прибалтийских республик. Стержнем этого закона является беспрецедентный пункт.

Называя этот пункт беспрецедентным, мы имели в виду довольно узкие географические и временные рамки. При более широком поиске прецеденты отыскать, видимо, можно. Так, один из пунктов восходит, возможно, к Турецкой Конституции начала века, согласно которой «Турция является неделимой империей. Ни одна ее часть ни при каких условиях не может отделиться от нее».

Суть его в следующем:

— НКАО и Нахичеванская АССР являются неотъемлемой частью АзССР.

Таким образом, это отвергает в принципе возможность, что сейчас или когда-либо в будущем какая-либо часть населения АзССР сможет воспользоваться своим правом на самоопределение. Все и всегда будет управляться из Баку, что бы в мире не случилось.

Конфликт межнациональный, к которому средства массовой информации стремятся свести все дело, как только речь заходит о Карабахе.

Конфликт межгосударственный. Это конфликт между суверенными государствами, каковыми являются согласно Конституции Армянской ССР и АзССР. Начало этому конфликту было положено два с лишним месяца тому назад открытием экономической блокады Армении со стороны Азербайджана. Подчеркнем, что вооруженная осада Карабаха, предпринятая Азербайджаном, не является в строгом смысле составной частью блокады Армении, это одно из средств, применяемых АзССР в ее попытке решить конфликт с НКАО. Сказанное подтверждается тем, что осада Карабаха началась гораздо раньше и продолжается теперь, когда блокада Армении как будто временно приостановлена.

Таким образом, по инициативе Азербайджана в карабахский конфликт оказалась втянутой и Армения. В последнее время предпринимаются попытки втянуть сюда и Грузию, которой было предъявлено требование не пропускать грузы для Армении. В случае отказа блокадой угрожают и Грузии.

Итак, три конфликта. Проанализируем позицию в каждом из них официальных союзных властей.

В первом, политическом конфликте между бакинской властью и народом Карабаха Кремль стоит на безоговорочно пробакинской позиции. Это не раз удостоверялось различными решениями на высоком партийном и государственном уровнях, а также тезисом М. С. Горбачева о недопустимости «перекройки границ», многократно повторенного руководителями всех рангов. В еще более резкой форме это было высказано Е. К. Лигачевым в Баку, что заявление в духе «был, есть и будет» можно считать предтечей упомянутого пункта недавнего закона о суверенитете АзССР.

В чем причина такой однозначной позиции высших властей? Некоторые склонны объяснять это прямым подкупом кремлевской верхушки со стороны азербайджанских партийно-мафиозных кругов. Не отвергая такую возможность в принципе, заметим, что, по нашему мнению, она мало что объясняет. Карабахская проблема имеет совершенно другой характер. Как только карабахцы отказались от верноподданных прошений в высшие инстанции и подняли вопрос о самоопределении, то есть, предложили верховной власти законодательно оформить и исполнить волю народа только на том основании, что

это — воля народа, они вступили в противоречие с одним из основополагающих законов, управляющих функционированием имперского организма. Этот закон гласит, что империя ни при каких условиях не может поддаться давлению снизу, в особенности в вопросах самоопределения входящих в империю народов или территорий. Преступив это фундаментальное правило, империя перестает быть империей. Требовать такого от имперских властей, все равно, что склонять тигра к вегетарианству. Даже военное поражение не столь опасно для империи, сколь мирное отступление перед тем, кто настаивает на самоопределении. Поэтому в империи нет и не может быть разработанного законодательного механизма для осуществления права на самоопределение в цивилизованных ненасильственных формах. Говоря об империи, мы имеем в виду как «малую» империю — многонациональную АзССР с входящими в нее автономными образованиями, так и «большую» — СССР в целом. Не так уж важно, что в результате выхода НКАО из состава АзССР большая империя как будто ничего не теряет, важен сам опасный прецедент самоопределения снизу.

Перейдем к конфликту межнациональному. Показательно, что общественное мнение Армении обвиняет центральные власти с проазербайджанской ориентации, общественное мнение Азербайджана, напротив, — в проармянской. Мы хотели бы отвести оба обвинения как поверхностные. В действительности задача центральных властей состоит в поддержании постоянного огня под котлом межнациональной вражды, что достигается более или менее скрытым поощрением любой эскалации от кого бы она не исходила. Перечислим факты, дающие основание к такому выводу.

— В конце февраля 1988 г. в известном столкновении у Аскерана при невыясненных до конца обстоятельствах были убиты выстрелами два азербайджанца. Азербайджанская сторона обвиняет в убийстве армян, армянская, основываясь на показаниях брата одного из убитых, утверждает, что стрелял милиционер-азербайджанец. Об этом событии была широко информирована всесоюзная общественность (устаами заместителя генерального прокурора Катусева). При полном молчании

о происходивших одновременно событиях в Степанакерте (сессия Облсовета) это выглядит как провокация.

Запоздалые и неэффективные действия войск в Сумгаите. Об этом достаточно хорошо известно. Сошлемся, например, на показания свидетелей на процессе в Москве. Из них видно, что военные имели инструкции не заходить внутрь кварталов, где 29 февраля (т. е. при наличии войск в городе) продолжались убийства и истязания.

— Неэффективными и вялыми были действия по расследованию сумгаитских погромов. Было допущено уничтожение или сокрытие большого числа вещественных доказательств; против одной из свидетельниц — Зинаиды Мудрецовой — было инспирировано уголовное дело.

— Не было дано политической оценки событий в Сумгаите, что можно расценивать как очередное поощрение преступников и соучастия правительства. Причем азербайджанский академик З. Бунятов (см. его статью «Почему Сумгаит?») считает, что армян в Сумгаите убивали другие армяне (из Еревана) и даже знает фамилию одного из убийц (?!). Занятно, что главным укрывателем этих мифических армянских убийц оказывается сам академик, который 15 месяцев держал в секрете столь необходимые для следствия данные.

— Когда в ноябре 1988 г. произошла вспышка насилия над азербайджанцами в некоторых селах Армении, немедленно было введено особое положение в Ереване, где никаких правонарушений на национальной почве не наблюдалось, зато те места, где насилие, действительно, началось, были оставлены без присмотра, для того, очевидно, чтобы вражда разгорелась сильнее.

— Если предположить, что миссия находящихся в НКАО войск состоит в предотвращении национальных столкновений, то их действия выглядят довольно странно. Войска не отделяют друг от друга места компактного проживания армян и азербайджанцев, а пытаются наводить порядок внутри таких мест. Это бестолковое на первый взгляд занятие обретает ясный смысл, если допустить, что задача войск вовсе не в пресечении столкновений, еще менее — в их предупреждении, а на самом деле — в наказании «умников», беспокоящих правитель-

ство самоопределением, самоуправлением, народовластием, обращениями в Совет Безопасности и прочими сумасбродствами.

Мы далеки от намерений обвинить центральные власти в патологической кровожадности. Их цель вполне прагматическая — не дать межнациональным страстям упасть ниже определенного градуса, чтобы всегда иметь причину отлынивать от принципиального политического решения карабахского вопроса. Не следует забывать и того, что постоянная напряженность в Закавказье служит властям хорошим козырем в их взаимоотношениях с национально-демократическими, да и всеми демократическими движениями по всей стране. Достаточно вчитаться в Заявление ЦК КПСС о положении в Прибалтике, чтобы усмотреть в нем необоснованную экстраполяцию положения в Карабахе на ситуацию в Прибалтийских республиках.

Потворствуя эскалации насилия, союзные власти всеми средствами, включая военные, противодействуют ненасильственным конституционным начинаниям. Упомянутое выше и, казалось бы, бессмысленное введение особого положения в Ереване 24 ноября 88 г. было приурочено к сессии Верховного Совета Армении и имело целью заблокировать реализацию решений высшего законодательного органа республики. По существу это был разгон (хоть и без рукоприкладства) Верховного Совета Армянской ССР. Еще раньше на Ереван десантировались войска для пресечения мирных митингов и демонстраций. Этой же цели служило изгнание П. Айрикяна, арест и содержание без суда членов комитета «Карабах» (в том числе — двух депутатов Верховного Совета), продолжающееся по сей день незаконное содержание под стражей депутата Верховного Совета А. Манучарова (все названные — принципиальные сторонники ненасильственных действий).

Рассмотрим, наконец, позицию властей в конфликте, связанном с блокадой. Зададимся тремя вопросами.

1. В состоянии ли правительство Союза ССР, его Верховный Совет, находящиеся в ведении Союза Вооруженные силы осуществить полное деблокирование Армении и НКАО?

2. Обязаны ли союзные власти это сделать?

3. Желают ли они это сделать?

Положительный ответ на этот вопрос станет очевидным, если вспомнить успешные операции по снабжению заблокированного Кабула и учесть, что ни правительство, ни Народный фронт Азербайджана не имеют пока на вооружении «стингеров». Впрочем ясно, что при твердом и умелом подходе к делу чисто военные акции скорее всего и не потребовались бы.

Положительный ответ на второй вопрос можно считать в Конституции СССР и Союзном договоре.

С третьим вопросом сложнее. Нельзя отрицать, что армейские вертолеты доставляют в Карабах некоторые предметы первой необходимости.

— В Армении кое-что доставлялось по воздуху, например, отпечатанный в Москве тираж «Правды»:

— МПС пытается, насколько это возможно, переключить грузопоток с Азербайджанской дороги на Закавказскую;

— Временное ослабление блокады достигнуто, вероятно, не без давления Москвы.

И вместе с тем...

— Снабжение Армении и в особенности НКАО в полном объеме не восстановлено;

— Никаких гарантий от повторения нет;

— Правящая верхушка сделала все возможное для блокирования дебатов по вопросу о блокаде в Верховный Совет СССР. Очевидный, казалось бы, факт враждебных действий одной из республик СССР против другой, а посредством этого и против всего Союза, был растворен в разговорах о неудовлетворительной работе железных дорог в целом по стране;

— Не обнародовано обращение акад. А. Сахарова с призывом организовать воздушный мост для доставки в Армению и НКАО предметов первой необходимости;

— Имеются сведения о том, что были отвергнуты предложения о доставке в Армению горячего по воздуху, поступившие от ФРГ, Израиля, Кувейта;

— Не был удостоен серьезного обсуждения в Верховном Совете СССР ни один из пунктов постановления Верховного Совета Армении о блокаде (семь из девяти пунктов непосредственно обращены к Верховному Совету СССР);

— За редким исключением сообщения центральных органов информации намеренно невразумительны, так

что, не имея независимых источников, понять кто кого блокирует и зачем, практически невозможно;

— Нет и речи о выявлении и привлечении к ответственности инициаторов, организаторов и исполнителей экономической войны против Армении и Карабаха, притом, что упомянутые лица вовсе и не таятся, а охотно дают откровенные интервью, не смущаясь тем, что их действия можно квалифицировать как экономическую диверсию против СССР.

Сказанного, видимо, достаточно для очевидного вывода: экономическая блокада используется Кремлем как еще одно (наряду с межнациональными столкновениями) средство давления на карабахское движение. Происходящие события дают уникальную возможность измерить уровень гуманности наших правителей. Совсем уморить карабахцев голодом они пока не склонны — вертолетами кое-что подкинут. Но эпидемия инфекционного гепатита в Карабахе, нехватка тысяч домиков для пострадавших от землетрясения, перебои с транспортом в Ереване и других городах Армении, отсутствие в магазинах круп, макарон, растительного масла и пр. — это как раз те кары, которые на сегодня отмерены умником, пекущимся о самоопределении и прочих неактуальных мелочах в духе Хельсинки. Что-то пропишут завтра?

По своим экономическим последствиям блокада, вероятно, сравнима с декабрьским землетрясением, но является, в отличие от этого стихийного бедствия вполне рукотворной бедой.

Какой же должна быть позиция демократической общественности и, в частности, демократической общественности Ленинграда в карабахском конфликте?

Совершенно ясно, что нужно содействовать любым шагам, пусть поначалу и минимальным, ведущим к спаду насилия, других враждебных действий, шагам, открывающим дорогу к терпимости, переговорам, компромиссу, Миротворческая миссия ЛНФ, если она принесет плоды, заслужит название исторической.

В то же время миротворческая миссия не отнимает права и даже обязанности вырабатывать и пропагандировать собственную позицию по существу проблемы, стержнем которой является вопрос о самоопределении,

Мы исходим из того, что право на самоопределение органически присуще каждому народу, и правовой его

авторитет таков, что оно преодолевает любые законодательные акты, любые соображения экономической целесообразности. Законодательные, исполнительные, любые другие власти, препятствующие народу в осуществлении его права на самоопределение, утрачивают по отношению к этому народу статус законных властей и превращаются в узурпаторов. А любое инакомыслие и вытекающие из него ненасильственные действия не могут быть причиной какого-либо рода преследования.

Все справедливое является в конечном счете и практически полезным. Как ни далек Кавказ от Невы, тот или иной оборот дела в Карабахе незамедлительно скажется на ситуации по всей стране и у нас тоже. Наша демократическая общественность отстаивает свои демократические идеалы в условиях относительного благополучия. Для народа Карабаха аналогичная деятельность (до этого уже дошло дело) превратилась в борьбу за выживание, и мы должны понять, что если будет раздавлено Карабахское движение, то наши демократы обратятся в лагерную пыль в самом ближайшем будущем.

Полтора года назад Карабах многие называли полигоном или пробным камнем перестройки. По меркам сегодняшней ситуации такие определения грешат чрезмерным благодушием. Сегодня Карабах — это наша площадь Тяньань-Мынь. Демонстранты уже на площади, вопрос в том, насколько близко танки, и допустим ли мы их на площадь.

КОНСТАНТИН ВОЕВОДСКИЙ
канд. технических наук, ст. н. с.
Ленинградского института инженеров
железнодорожного транспорта

Октябрь 1989 г.

«Титесает» (ЭКОНОМИСТ)
22 декабря 1989 г.

г. Ереван

ЧУЖАЯ БЕДА — МОЯ

Все эти письма в числе других пришли после того, как «Смена» осенью этого года напечатала два интервью о положении в Нагорном Карабахе. Письма существенно дополняют предшествовавшие им публикации, причем порой рассказывают о проблемах, подход к которым только едва намечается: имеется в виду письмо З. Буткани о курдах. Примечательно, что подборка эта (как и все письма-отклики на больной «карабахский вопрос») — интернациональна. Правда, писем от читателей-азербайджанцев — нужно сказать это, чтобы избежать кривотолков, — не было.

А ситуация в Закавказье непростая. Верховный Совет Армянской ССР объявил о присоединении Нагорного Карабаха к Армении, а мы ничего не знаем. Правительство Азербайджана поселяет в мусульманских деревнях Арцаха турок-месхетинцев, нарушая демографическую ситуацию в НКАО, а мы об этом не знаем... Ничего не знаем о геноциде в Сумгаите, а было это почти год назад...

Может быть, эти письма хоть немного рассеют наше незнание. Ведь людей начинаешь понимать только тогда, когда что-то о них знаешь...

Нам в нашем Союзе ССР надо как можно больше знать друг о друге — чтобы лучше друг друга понимать.

ДВА ИНТЕРВЬЮ ПО ОДНОМУ ПОВОДУ

Опубликовав 29 сентября и 14 октября интервью с Робертом Кочаряном и Вилаятом Кулиевым, «Смена» сделала нужное дело. Редкий, едва ли не уникальный случай, когда читатели газеты имели возможность ознакомиться с двумя противоположными точками зрения на события в Нагорном Карабахе. Интервью не нуждается в комментариях, ибо непредубежденный читатель отныне сможет сам составить правильное суждение о том, что происходит в двух республиках, в чем истоки трагедии Карабаха. Ограничусь лишь одним замечанием.

Матушка-история не считается с сантиментами ни азербайджанцев, ни тем более армян. В 1921 году Карабах был отторжен от одной советской республики — Армении и вопреки воле его населения (в те годы почти сплошь армянского) включен в состав другой советской республики — Азербайджана. Удар был тем более чувствителен, что Карабах лишился даже общей границы

с Арменией, хотя отделяет их всего несколько километров.

Карабахское движение возникло в феврале 1988 года, но протест нарастал в течение многих десятилетий. При всей трагичности сложившегося положения, думаю, что в состав Азербайджана Карабах более не вернется. Упрямы в пустынях — в серьезных делах карабахские армяне обретают железное упорство. Готов понять чувства азербайджанцев, которые выросли на мифах об изначальной принадлежности Карабаха Азербайджану, о том, что нынешнее армянское население Карабаха — пришлое, и других. Но над всем этим высятся принципы основных прав человека — в конечном счете борьба идей за их торжество.

При том, что события приобрели столь острый характер, льется и льется кровь, не считаю, что такое положение утвердилось навсегда. Достаточно Азербайджану проявить некоторое понимание, осознать, что имеет место не тривиальный спор по поводу границ, а попытка хоть в каком-то смысле решить больной армянский вопрос, чтобы наступило успокоение. Добрососедские отношения не только возможны, но и вполне реальные.

В. Кулиев представлен читателю как востоковед, в связи с этим (в силу собственной профессиональной принадлежности) вынужден коснуться хотя бы одного из его тезисов. Востоковед, да еще человек, для которого азербайджанский является родным языком, обязан знать, что тюркско-персидский топоним Карабах (в переводе «черный сад») мог появиться самое раннее в XI веке — тогда, когда чуть ли не вся Передняя Азия оказалась под властью тюркоязычных сельджуков. Арцах же — армянское наименование края — упомянут уже в урартских клинообразных надписях. Отмечая этот общеизвестный факт, не хочу тем самым как-то потворствовать тщеславию армян или задеть национальные чувства азербайджанцев, а лишь желаю напомнить, что ученый обязан следовать истине.

КАРЕН ЮЗБАШЯН,
ведущий научный сотрудник
Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР, доктор исторических наук

СТАЛИ «АЗЕРБАЙДЖАНЦАМИ» ДОБРОВОЛЬНО?

Очень хорошо, что «Смена» при освещении сложной «карабахской» проблемы дала слово представителям обеих противоборствующих сторон. Читатель сам сделает выводы из интервью с Робертом Кочаряном и Вилаятом Кулиевым.

Естественно, проблема Нагорного Карабаха в первую очередь затрагивает интересы армян и азербайджанцев. Но я полагаю, что можно было бы предоставить слово и представителю курдского народа по двум причинам: во-первых, будущее советских курдов во многом зависит от разрешения «карабахской проблемы»; во-вторых, о трагической судьбе советских курдов сказано было и на I Съезде народных депутатов, и на сентябрьском Пленуме ЦК КПСС, хотя советские печатные органы пока что избегают этой темы. «Смена» рискует быть первопроходцем. Поэтому я и предлагаю вам опубликовать мое письмо.

Курдское население нашей страны расселено в Закавказье, Казахстане и республиках Средней Азии. В Грузии основная масса курдов проживает в столице республики и городах Рустави, Телави, Батуми.

В Армении основная часть курдов проживает в 25 курдских селениях Талинского и Арагацского районов, а также в Ереване и других городах республики.

Курды Азербайджана живут в основном в Кальбаджарском, Лачинском, Кубатлинском и Зангеланском районах, в районе города Евлах и в Нахичеванской АССР. Территория расселения курдов Азербайджана граничит на востоке с НКАО, на севере и западе — с Армянской ССР и на юге — с Ираном. В 1923 году специальным постановлением АзЦИКа эта территория была выделена в самостоятельную административную единицу с центром в Лачине и получила официальное название — Курдистанский уезд (или неофициальное — Красный Курдистан).

Но в 1929 году Курдистанский уезд был упразднен, хотя до 1969 года в Лачине на азербайджанском языке издавалась районная газета «Советский Курдистан».

Если перепись 1926 года фиксирует на территории Азербайджана 42 тысячи курдов, то согласно переписи

310

1979 года в Азербайджане практически не было курдов? Куда же они девались, учитывая (тем более!) высокий естественный прирост? Не буду вдаваться в подробности, скажу только, что «белому геноциду» способствовало несколько причин.

Курды дважды подверглись массовому выселению из мест постоянного проживания, причем впервые — в 1937 году. При замене паспортов в графе «национальность» вместо «курд» стали записывать «азербайджанец». (Этой меры не избежали и другие мусульманские народы АзССР — талыши, лезгины, удины). В Азербайджане курдам чинили препятствия в сохранении языка и культуры.

Конечно, в Грузии и Армении курды также сталкиваются со многими проблемами, но проблемы иные, ибо в этих республиках никогда не стоял вопрос об ассимиляции курдского меньшинства. Наоборот — всемерно поощрялось стремление к сохранению курдами национальной самобытности.

Конечно, Армения заинтересована в «курдском коридоре» между Армянской ССР и АзССР. Кроме того, курдское население в Армении, Грузии и Азербайджане в своих требованиях учитывает интересы своих республик.

Но несомненно: в восстановлении курдской автономии заинтересованы прежде всего сами курды, и проблема эта отнюдь не надуманна.

Э. БУТКАНИ,
студент Ленинградского
университета

РЕШАТЬ ДОЛЖЕН НАРОД

Прочитал в нашей газете два интервью с Р. Кочаряном «Арцах в блокаде» («Смена» 29. 09. 89) и с В. Кулиевым «Блокада? Другого выхода нет» («Смена», 14. 10. 89).

Я не армянин и не азербайджанец, но если первое интервью вызвало у меня сочувствие к вашему собеседнику, то второе — глубокое возмущение.

Все высказывания В. Кулиева носят шовинистический, великодержавный характер и отражают настроения наиболее экстремистских элементов населения Азербайджана.

Общепризнано, что каждый народ имеет право на самоопределение. Такое право должно быть представлено и народу НКАО. Решать вопрос своего самоопределения должно население НКАО путем референдума на территории НКАО, а не народный фронт Азербайджана.

Таково мнение всех прогрессивных людей во всем мире!

А. Г. ВОЛЬПИН,
ветеран войны и труда

ГРУСТНО ВСЕ ЭТО

Бесконечно благодарен за публикацию интервью с Робертом Кочаряном («Смена», № 225). Вы проявили мужество и отвагу, напечатав правду об очередной трагедии армян. Как будто мало того, что этот народ испытал на протяжении почти что всего двадцатого века. И вот на пороге века XXI вновь возникает призрак «армянского вопроса». Следует воздать должное вам и вашим сотрудникам за то, что первые в стране (кроме Армении и Арцаха) попытались как-то в первом приближении осветить положение, сложившееся в последнее время в Южном Закавказье. Даже Коротич молчит в своем «Огоньке». А тов. Нишанову сам Аллах велит выступать с велеречивыми призывами. Подумать только, дело зашло так далеко, что армяне в целях элементарного выживания вынуждены обращаться за помощью к иранским фундаменталистам! Выходит, что другого выхода нет? Позор!

Как могла возникнуть блокада? Очень просто. Когда неомусаватисты, взявшие полноту власти в Азербайджане, увидели, что Сумгаит сошел с рук и никто из вдохновителей не пострадал, да и исполнители-изверги тоже отделались испугом, то решили, что им все сойдет с рук. А ведь Сумгаит имеет корни: вспомним армянские погромы в 1905 году, затем в 1918—1920 годах в Баку и

других азербайджанских городах. Можно только поражаться мягкотелости и нерешительности Москвы. Неужели сильнее кошки зверя нет?

Грустно все это.

Г. ЦЕРАВА (г. Бокситогорск)
Подбор из писем подготовил
Б. РОВДА, «Смена» 30. 12. 89 г.

АНОНИМНОЕ ВОЗМУЩЕНИЕ

Мы стали привыкать к тому, что СССР идет в ногу со временем в смысле гласности. Однако старая привычка реагировать на чужие решения еще осталась. Скажем, прочитал я сообщение «В МИД СССР» («Известия» № 325) и удивился. Напомню, что речь идет о том, что в сенате США приняли резолюцию о Нагорном Карабахе. Я не политик и не юрист, мне трудно судить, имеет ли право сенат США принимать подобные резолюции. Удивила меня в упомянутом сообщении следующая фраза: «Такое решение сенатской комиссии вызвало острую реакцию советских граждан, и это возмущение нельзя не понять».

А какое, собственно, «какое решение»? Как могут советские граждане возмущаться, не зная чем: ведь сама резолюция не была опубликована в наших газетах? В разгар «холодной войны» было принято публиковать отдельные выдержки из критикуемых документов (пусть даже вырванные из контекста), а уж затем весь документ «единодушно клеймился» и т. д., и т. п. Сейчас нам предлагают блюдо из той же кухни, даже не выдерживая перьев (т. е. отдельные фразы). Думаю, что большинство людей, познакомившись с такой резолюцией, вряд ли согласилось бы с ней. А, может, кое-кто нашел бы ее убедительной — на то и плюрализм.

Товарищи из МИД, пожалуйста, свои сообщения делайте от своего имени. А мы можем высказаться лишь о том, что знаем досконально.

Павлодар

В. МОЕВ
«Известия», 27 декабря, 1989 г.

«МЫ ПРИШЛИ ЗАЩИЩАТЬ»

говорит капитан Виктор Спиридонов, тяжело раненный в бою, в селе Манашид

«Ранен в бою». Эту фразу, знакомую нам лишь по книгам, фильмам, спектаклям, рассказам участников войны, мы, поколение, не знавшее ее, воспитанное в благородном осознании того, что четыре с половиной десятилетия живем под мирным небом, воспринимаем как-то отстраненно, без конкретной ее увязки с чьей-то жизнью, с чьей-то судьбой.

А за дверью этой палаты лежит человек, который ранен в бою. Не когда-то, а буквально сейчас, в эти дни, под небом, которое мы все еще называем мирным. За этой дверью лежит командир подразделения специального назначения капитан Виктор Спиридонов.

Мы входим в палату, и фраза из давнего военного лексикона обретает конкретное содержание, а этот 30-летний парень с раздробленной пулей рукой становится еще одним зримым подтверждением факта, который уже не обойти «дальновидным» молчанием, не извратить услужливым пером, не списать на нескольких зарвавшихся экстремистов.

Да, сегодня льется кровь, гибнут люди, вступают в силу жесткие законы войны, заново осваиваются полузабытые слова «копы», «засада», «укрытие», «беженцы».

Капитан Виктор Спиридонов — один из тех, кто сумел трезво и объективно оценить ситуацию в НКАО, исходя из фактов, очевидцем которых был сам.

— Виктор, когда вы прибыли в Нагорный Карабах?

— Я работал инструктором в воздушно-десантных войсках. В сентябре прошлого года мне предложили возглавить подразделение специального назначения для борьбы с вооруженными террористами. Два месяца занимались формированием подразделения, подбором и подготовкой людей. В декабре прибыли в Степанакерт. Главная задача, которая была поставлена перед нами, — защита местного населения от боевиков, неоднократно

предпринимавших вооруженные нападения на мирных людей, среди которых старики, женщины, дети.

— Мы остро ощущаем нехватку объективной информации. Поэтому как очевидец и непосредственный участник трагических событий последнего времени расскажите о некоторых из них подробнее.

— 19 декабря нас вызвали в поселок Киркиджан — пригород Степанакерга. С ближайшей горы слышалась стрельба. Я определил: стреляли из мелкокалиберных винтовок. Оставив небольшую группу солдат для отвлечения боевиков, я с остальными воинами подразделения отправился в обход горы. Подъем был кругой. Довольно скоро нас обнаружили, ослепляюще хлынул в глаза мощный свет прожектора. А на следующий день это событие шешинское телевидение осветило следующим образом: пьяные солдаты обстреляли мирное население.

Новогодняя ночь была тоже далеко не праздничной. В 2 часа нас подняли по тревоге. На КП поступил сигнал: вооруженные армяне напали на ферму одного из азербайджанских сел. Солдаты залегли в укрытии, шла стрельба из пистолетов и винтовок, мы открыли ответный огонь. Стрелявшие, обнаружить которых нам пока не удавалось, медленно отступали. А в это время местное азербайджанское население стало забрасывать нас камнями, слышались крики, угрозы в наш адрес, ругань. Таким образом, стало ясно, что нападение на ферму организовали вовсе не армяне, а это была чистейшая провокация, поскольку стрелявшие пользовались поддержкой местного населения.

Благодаря ей боевикам удалось скрыться, а на месте мы обнаружили только трех милиционеров, присланных из Баку для охраны порядка.

— Цель, поставленная перед вашим подразделением спецназначения, гуманная — защита мирного населения, предотвращение трагедий Сумгаита и Ферганы. Но достаточны ли средства, которыми вы располагаете, для достижения этой цели, тем более в чрезвычайно сложных условиях горного края?

— Нет, недостаточны. Мы испытываем острый недостаток технических средств. Кроме того, они громоздки, труднопроходимы по горным кручам.

В сложившейся ситуации мы не можем применять и такой метод, как организация засад. Во-первых, в сложной пересеченной местности нам, практически, с нею незнакомыми, ориентироваться очень сложно, в то время как местное население ориентируется прекрасно.

Во-вторых, отлично поставленная информация, прекрасно налаженная связь между боевиками позволяет им довольно быстро обнаруживать засады.

— Расскажите, пожалуйста, подробнее о событиях 12 января, которые привели вас на эту больничную койку.

— В этот день мы получили распоряжение от коменданта НКАО срочно выехать в армянское село Манашид Шаумяновского района, на которое было совершено вооруженное нападение со стороны азербайджанских боевиков.

Прибыв на место и оценив обстановку, я приказал местным жителям отойти назад, солдатам — залечь в укрытие. Вначале, пытаюсь избежать кровопролития, я предложил нападающим уйти. В ответ послышались выстрелы. Тогда я приказал открыть ответный огонь.

В завязавшей перестрелке погиб воин нашего подразделения И. Цымбалюк, ранен младший сержант Э. Сапфилов. Я получил тяжелое ранение: пуля перебила мне локтевую кость правой руки.

Плохо помню последующие события. Запомнил только имя хирурга, оказавшего мне первую помощь, — Карен. Помню еще, что обрабатывал он рану почти в темноте, кто-то из местных жителей принес домашнюю водку, которую он использовал вместо спирта.

Здесь, в Институте травматологии и ортопедии мне уже сделали сложную операцию и заверили, что я не останусь инвалидом.

И еще хочу сказать, что за то время, что мы находились в НКАО, мне не приходилось сталкиваться с фактами враждебного отношения к нам со стороны армянского населения, которое в большинстве своем понимало, что мы находимся там с одной целью — защитить и спасти их от азербайджанских боевиков.

— Виктор, в чем, на ваш взгляд, выход из создавшейся тупиковой ситуации?

— Я убежден, что в отношении организаторов массового террора, провокаторов и убийц мирного населения должны быть применены самые жесткие меры. Безнаказанность порождает новые преступления. Раз ситуация не разряжается, а накаляется с каждым днем, значит применяемые до сих пор меры недостаточны и малоэффективны.

— За последние несколько дней благодаря средствам массовой информации вы стали известны всей стране. И все-таки расскажите немного о себе.

— Я родился на Тамбовщине. Мне 31 год. Как уже рассказывал, служил в воздушно-десантных войсках. Моя семья — жена и дочь Лена — живут в России. Им уже сообщили о моем ранении и о том, что я нахожусь здесь, в Ереване. 23 января Лене исполняется семь лет. Очень хотел быть в этот день с ней рядом, да уж так случилось, что отмечу это событие на больничной койке. Но одиночества я не ощущаю. Люди очень добры ко мне, часто навещают, спрашивают, в чем нуждаюсь, чем могут помочь. А врачи, весь медицинский персонал проявляют ко мне максимум внимания, спасибо им за это.

И еще я хочу сказать: мы плохо информированы о подлинных причинах острого конфликта между двумя соседними народами, поставившими их на грань гражданской войны. Но одно я знаю точно: нельзя, чтобы лилась невинная кровь, преступно, когда страдают дети, вдвойне преступно, когда они гибнут. Вот об этом необходимо подумать в первую очередь и принять мудрое и взвешанное решение, которое может принести наконец мир и покой этому многострадальному краю.

Беседа вела

В. ЗАХАРЯН

«Коммунист» № 15 (16902)

18 января 1990 года

ЗАКАВКАЗЬЕ

РАСКАЛЕННЫЙ ЯНВАРЬ

ЕРЕВАН

В понедельник вечером в Ереван начала прибывать новая волна беженцев из Азербайджана, в основном из Баку. По трапу самолета, прилетевшего из Красноводска, куда армяне доставлены паромом, спустились в основном старики. Большинство из них избиты и перевязаны. Очень мало молодых лиц — детей — многие уехали раньше.

У 37-летнего Семена Григоряна пытались ножовкой отрезать ноги, затем уши. Сходя с трапа, он все время повторял: «Спасся чудом».

Выступая по республиканскому телевидению, председатель только что созданной чрезвычайной комиссии, первый зампред Совмина Армянской ССР Владимир Мовсесян сказал, что в условиях третьей за полгода блокады, мелленных темпов восстановления разрушенного землетрясением, трудностей с устройством более чем 220 тысяч беженцев из Азербайджана республика попала в кризисную ситуацию. Но своих соотечественников она в беде не оставит.

Руководство республики выразило глубокое соболезнование семьям погибших во время бесчинств в Баку.

АВЕТ ДЕМУРЯН

НАГОРНЫЙ КАРАБАХ

— Трое из нападавших взяты нашими бойцами в плен, — докладывал на днях на утреннем оперативном совещании в Комитете особого управления НКАО комендант особого района генерал-майор внутренних войск Юрий Косолапов.

— Не пленные — задержанные, — поправил председатель комитета Аркадий Вольский.

— Они бросили оружие и подняли руки, значит, пленные по-нашему, — возразил генерал и продолжал. — Семеро убитых, есть раненые. Ранен командовавший подразделением офицер.

Уже не раз признавалось, что Азербайджан и Армения в последнее время находились фактически в состоянии войны: ежедневные перестрелки, захват заложников, блокада железных и автомобильных дорог, взрывы мостов. Лишь присутствие солдат, становившихся между враждующими, способно было ненадолго удержать стороны. Но теперь перестал работать и этот фактор. Вооруженные отряды нападают на солдат. Идут настоящие боевые действия.

12 января в комендатуру особого района поступило сообщение об интенсивной перестрелке у села Манашид Шаумяновского района Азербайджанской ССР — на границе с НКАО. Незадолго до этого в соседнем Ханларском районе боевики-азербайджанцы захватили заложниками около 20 армян, среди которых оказались практически все руководители Шаумяновского района, включая первого секретаря райкома партии Владимира Агаджаняна. В ответ армянская сторона задержала более 40 азербайджанцев. И вот теперь — стрельба.

В 11 часов 45 минут бойцы, которыми командовал капитан Виктор Спиридонов, высадились из вертолета у села Манашид. Первым делом прозвучало обращение: «Не стрелять! Здесь внутренние войска!» В ответ — автоматные очереди из-за земляного бруствера, сооруженного жителями села — армянами, постоянно опасавшимися нападения. Но именно этот бруствер использовали сейчас как укрытие подобравшиеся к нему боевики-азербайджанцы. Под автоматными, ружейными, пистолетными пулями солдаты заняли позиции и открыли ответный огонь.

Бой продолжался около двух часов. Тяжело раненого в правую руку командира заменил старший лейтенант Александр Местюков. Восемью военнослужащим противостояли примерно 50 (как назвать — бандитов, боевиков, вооруженных головорезов?). Патроны у солдат были на исходе, и жители села стали подносить автоматные «рожки» из собственных запасов.

Когда пришел второй вертолет с подкреплением и журналистами, бой уже кончился, нападавшие отступили, унося раненых. Но унесли не всех. «Что же ты наделал? — все спрашивал Местюков парня-азербайджанца лет 17 с простреленными ногами. — Что же ты наде-

более мирными, демократическими мерами воздействия. Это, например, блокада дорог, железных прежде всего, экономическое эмбарго». Но выходит, что даже такой «холодной войной» ограничиться не захотели. Льется кровь.

Через Степанакерт идет колонна военных машин. В крытых брезентом — солдаты. Над бортами других — штабеля металлических коек, кипы алюминиевых щитов.

Подкрепления и смена уставшим от нервного напряжения и палаточной неустроенности бойцам. Они еще не знают, что минувшей ночью в селе Туг в Нагорном Карабахе при обстреле казармы смертельно ранен рядовой М. Мантаев. Не знают, в каком районе, каком селе придется им стоять в цепи живого барьера между двумя разъяренными толпами ослепленных враждой соседей.

На совещании Аркадий Вольский говорил:

— Нельзя ли дать валенки хотя бы постовым? Мерзнут солдаты. А что с дровами, привезли? Нужно искать помещение, устраиваться. Поймите, мы здесь, по-видимому, надолго.

Но как и насколько — ответить сегодня не может никто. Конфликт вовлекает все больше людей. Один из вернувшихся из Баку утверждал, что видел среди демонстрантов на улице негра с плакатом «Карабах — наш!»

Остановиться необходимо.

АНДРЕЙ ПРАЛЬНИКОВ
«Московские новости» № 3,
21 января, 1990 г.

КТО ИСТИННЫЙ ВИНОВНИК?

Невозможно без содрогания видеть это. По трапу самолета спускаются избитые, раненные дети, женщины, старики. На лицах застыл ужас пережитого. Эти кадры — свидетельства новых злодеяний против армянского населения Азербайджана. Показать бы их людям всей нашей страны, всего мира. Ведь из информационных сообщений программы «Время» правдивого представления о происходящих событиях составить невозможно. В словесных хитросплетениях не разобрать — кто же истин-

ный виновник национального конфликта. Очевидно стремление уравнивать вину двух участвующих сторон.

Велики боль, психологический шок армянского народа. Остаться безразличным к этому горю не может ни один честный человек.

Естественно возникает вопрос — как же могло случиться такое? Как возможен этот кровавый террор в правовом государстве, сильной, могущественной стране? Ведь наши народные депутаты предупреждали о реальной опасности! Теперь, когда новые факты насилия налицо, остается только удивляться глухоте большинства депутатов Верховного Совета СССР, их нежеланию вникнуть в суть проблемы Нагорного Карабаха.

Семьдесят лет народ жил лозунгами о светлом будущем. Но этапы «развитого», «зрелого» и т. д. социализма чуть не довели страну до полного краха. Но вот перестройка, демократия, гласность. Народ ожил, поверил в коренные изменения нашей жизни.

Вопрос Нагорного Карабаха не возник неожиданно, он подспудно существовал и не раз поднимался в застойные годы. Именно перестройкой был поставлен вопрос Арцаха. Ведь речь шла о восстановлении справедливости по отношению к армянскому населению региона, составляющему 80 процентов от всех, живущих на этой земле, заявившему свое естественное стремление воссоединиться со своим народом, чтобы сохранить национальное достоинство и остатки своих разрозненных исторических ценностей. В ответ со стороны Азербайджана последовала сумгаитская трагедия, чудовищная по своей жестокости и вандализму. Невинными жертвами оказались не только армяне, отбираемые по национальному признаку, но и солдаты правоохранительных органов, пришедшие на помощь, к сожалению, с опозданием.

Ненаказанное зло влечет за собой новые преступления. Сумгаит — типичный геноцид, так и не получил своей политической оценки, и, по существу, оставшись не наказанным, породил целую цепь новых проявлений жестокости и насилия. Это и Кировабад, и сотни тысяч беженцев из Баку, потерявшие все: дом, то, что было нажито за долгие годы, отсутствие компенсации со стороны Азербайджана. Это и Фергана...

Беспрецедентная, циничная блокада Армении и Арцаха со стороны Азербайджана оставила без крова большое число пострадавших от землетрясения, в том числе и детей, в суровых климатических условиях зон бедствия. И это тогда, когда весь мир отозвался небывалым порывом милосердия, оказывая помощью пострадавшим, выявляя в каждом человеке его лучшие качества, его подлинную гуманную природу. Армянский народ никогда не забудет этого. В такой ситуации была непонятна пассивная позиция Центра. Верховный Совет СССР выносит решение сначала с осуждением, а позже принимает заверения азербайджанского правительства о прекращении блокады, вместо вынесения решения о привлечении к уголовной ответственности всех виновных в нарушении ритма работы на железной дороге, компенсации нанесенного материального ущерба. Ведь именно работа железнодорожного транспорта и является прерогативой федерального государства.

Сегодня трагические последствия ненаказуемости налицо. Вновь кровавый геноцид развернут распоясавшимися представителями Народного фронта Азербайджана в Баку и армянских селах Азербайджана. И снова блокада. А с высокой трибуны мы слышим о достижениях перестройки, о подлинной демократии, о завоеванной гласности, об обновленном социализме, во главе которого стоит социальное благополучие отдельного человека, гарантии его безопасности независимо от его национальной принадлежности. Непонятно только, как сопоставить эти высказывания со зверской расправой над армянами, с 9 апреля в Тбилиси и другими кровавыми конфликтами. К сожалению, гласность, не отражающая объективную картину событий, — это уже не гласность. Ведь не секрет, что средства массовой информации, умалчивающие или искажающие реально существующую ситуацию, наносят непоправимый вред и влекут трагические последствия, как это было с Чернобылем. Наблюдаемая асимметрия в оценке событий, умалчивание причин конфликтов в пользу Азербайджана, естественно, еще больше нагнетают стрессовое психологическое состояние армянского народа, который очень долго, стойко и с достоинством переносил все беды, надеясь на какое-либо благоприятное решение арцахского вопроса. Но сколько же можно терпеть? Конечно, бесчинства молод-

чиков Народного фронта Азербайджана при поддержке даже некоторых кругов интеллигенции нельзя распространять на весь азербайджанский народ. Среди них немало и таких, кто с риском для себя спасал армян.

А последние события на государственной границе Азербайджана с Ираном показали, что безопасность нашей границы, являющаяся опять-таки прерогативой федерального государства, легко нарушима! Удивляют при этом жалостливые высказывания т. Нишанова в адрес нарушителей о том, что бедные азербайджанцы не могут посетить могилы своих предков и родственников в Иране, но при этом умалчивают о разгроме ими христианских могил.

Хотелось бы остановиться еще и на проблеме беженцев. В канун Нового года я видела много несчастных неустроенных людей — женщин, стариков, детей, вынужденных ночевать на жестких стульях вокзала. Сейчас прибывает новая волна пострадавших из Азербайджана.

Вопрос жилья и трудоустройства этих людей чрезвычайно сложен. Нельзя сбрасывать со счетов их профессиональную специфику (в основном это горожане), вынужденное русскоязычие. Важен в этой ситуации и фактор разрушительных последствий Спитакского землетрясения. Необходимо включить в решение этой проблемы промышленные предприятия республики, наладить их шефство над районами размещения беженцев, оказать конкретную помощь им.

Т. АСАТИАНИ,

доктор физико-математических наук, профессор, лауреат Ленинской премии.

«Коммунист», 21 января 1990 года

РАССКАЗЫВАЮТ БЕЖЕНЦЫ

На дверях одной из казарм гвардейской мотострелковой Таманской дивизии имени М. И. Калинина — выполненный от руки плакат: «Русские беженцы из Баку». Внутри — ряды плотно составленных кроватей для 120

человек. Это в одной казарме. Всего же на территории Таманской дивизии разместилось более трех тысяч беженцев из Азербайджана. Это из 10.000, которые «пропустил» через себя Московский военный округ за последние дни...

Часть этих людей, которых военно-транспортными самолетами в течение трех последних дней переправляли из зоны чрезвычайного положения, отправится из Москвы в другие районы страны. Часть, увы, небольшая. Остальные будут жить здесь. Пока... Но как долго? — спрашивают люди, в один момент лишившиеся дома. Военные ответить не могут — не их компетенция.

Практически все прибывшие — без денег, документов, не говоря уже о необходимых вещах. Как же происходила их эвакуация? Предоставим слово им самим.

— Последние дни мы жили буквально в настоящей осаде, — говорит пожилая женщина (фамилий все мои собеседники просили не указывать, ссылаясь на оставшихся в Баку родственников). — Невозможно было даже выйти купить хлеб — в доме напротив засели снайперы из боевиков, которые открывали огонь по каждому, кто выходил из дома, включая детей. Ждали, когда нас смогут вывезти. Наконец подъехал бронетранспортер, который окружили вооруженные солдаты. В буквальном смысле под их прикрытием мы забирались в машину...

— Нас вывозили из военного городка на открытом грузовике, — вступает в разговор жена военнослужащего. — Было много народу — женщины, дети, старики. Как только отъехали от городка, по машине открыли огонь. Пришлось лечь на дно кузова...

— Помню, как происходила погрузка в самолет. Аэродром военный, поэтому подгоняли к самолетам бронетранспортеры, на которые взбирались люди, а от туда в самолет. Все происходило ночью, ради безопасности...

— Родился и вырос в Баку, знаю азербайджанский язык, — говорит мальчик лет пятнадцати. — Знаете, это страшно, когда на улице тебя попрекают: ты — русский. После объявления чрезвычайного положения стало опасно не только выходить на улицу, но и оставаться дома. До аэропорта добраться не было никакой возможности: не ходит транспорт.

Многие рассказывали о том, что задолго до январских событий велась тщательная к ним подготовка: оружие пряталось по больницам, в моргах, а на некоторых заводах чуть ли не целые цехи работали на вооружение экстремистов. Это, повторю, слова жителей. Точнее, бывших жителей Баку. Но всего лишь слова, не подтвержденные доказательствами. Однако, думается, в каждом из рассказов есть доля истины.

Все, с кем довелось беседовать в казармах, резко высказывались в адрес центральных средств массовой информации: сообщения о событиях в Баку даются сглаженно, и создается впечатление, будто не так уж все плохо. Говорили, что боевики будто бы видят в этом проявление слабости властей.

Я привожу высказывания людей единственно для того, чтобы восстановить веру у них в труд журналистов. Для того также, чтобы слова их меньше расходились в виде слухов, которые, как известно, чем дальше, тем больше обрастают «подробностями».

Конечно, люди в таком состоянии могут быть и не совсем объективны в оценках, излишне резки в высказываниях. Важно, чтобы в конечном итоге, по зрелому размышлению, чувство национальной розни не брало верх над здравым смыслом.

Покидая Таманскую дивизию, я обратился к заместителю начальника политуправления Московского военного округа генералу В. Щербакову: что же будет дальше с этими людьми?

— Этого я, к сожалению, не могу сказать. Предстоит трудная и огромная работа — компенсировать беженцам потерянное. Этим, понятно, должно заниматься правительство. Армия и так делает все, что в ее силах. Замечу лишь, что пока мы единственные, кто всерьез помогает этим людям. Нужна поддержка советских, партийных органов, профсоюзов, которая пока недостаточна...

Д. ДЕМИДОВ.

«Труд», 25 января 1990 года.

БЕЖЕНЦЫ ПРИБЫВАЮТ В МОСКВУ

К утру 24 января на территорию Московского военного округа из Азербайджана прибыло 53 самолета военно-транспортной авиации, доставивших около десяти тысяч беженцев. Это — семьи военнослужащих. Это — женщины, дети, старики. Это — русские...

Подмосковье, Таманская дивизия. Солдатские казармы. Уныло стоящие вплотную друг к другу казенные металлические кровати. Притихшие дети, потерянные взрослые. Это — беженцы.

— Посмотрите, что с нами сделали,— с горечью произнесла одна пожилая женщина. В глазах ее — слезы. Да, с 20 января идет эвакуация сотен семей, среди которых большинство — жены, дети, родители, близкие военнослужащих Советской Армии и пограничных войск. С первых дней трагических событий они оказались под прицельным огнем боевиков Народного фронта. Как выразилась одна из женщин: «Мы плашмя лежали в квартирах, не смея поднять голову...»

И вот теперь они здесь. В безопасности. Но нет покоя: ведь у многих там еще остались родные, знакомые. И неизвестна их судьба.

— Пожалуйста, помогите разыскать сноху и двух внуков,— обратилась ко мне невысокая седая старушка. Галина Николаевна Федорова, пенсионерка. В Баку живет с 1931 года. Работала на заводе крановщицей.

— Их вывезли сюда в прошлую субботу, а меня привезли только что,— рассказывает она.— Но я их тут не застала. Что же делать? А сын еще в Баку. Господи, живой он? Вот ведь как все повернулось. Как теперь жить?

Судьбы... Судьбы. Рассказывает Валентина Николаевна Власова:

— Я коренная бакинка. В последние пятнадцать лет вместе с мужем, офицером Советской Армии, все мотались по стране, своего угла не было. Наконец вернулись в Баку. Получили квартиру, ремонт сделали. Жить да жить... Сюда же вырвалась с десятью рублями, в одном платье да в одном пальто. Так же одеты и дети. Стараясь экономить на всем, даже на еде: ведь неизвестно, как будет дальше. Спасибо таманцам, они встретили,

обогрели... Тысячу раз им поклон. А муж остался в Баку — ни позвонишь, ни письма не напишешь.

— Надеемся, что в Закавказье разум возьмет верх...

— Да, среди азербайджанцев есть прекрасные люди. Но мало кто их сегодня слушает: власть в руках экстремистов. В любом случае мы туда не вернемся. Не знаю, где нам дадут убежище. Лишь бы только в России...

Как сообщили представители Политуправления Московского военного округа, сейчас более 260 семей остались вообще без крова над головой. У них здесь ни родственников, ни знакомых.

— Но в Баку стало жить невыносимо. В магазинах нам даже хлеб перестали продавать. Продавцы от нас отворачивались,— рассказывают наперебой беженцы.— И никто, кроме армии, нам не помог. Провожая нас, солдаты просили передать всю правду о происходящем. Убеждены: боевики распоясались до предела еще и потому, что они знают — в России многое просто не известно...

... Тысячи беженцев из Азербайджана в Россию — реальность. На это уже невозможно закрыть глаза. И жаль, что о прибывших из Баку заботятся пока только военные. Мне рассказывали, как офицеры и солдаты в частях пускают шапку по кругу, собирая деньги для беженцев. То же самое делают в военных академиях Москвы. Жены офицеров помогают теплой одеждой, детским питанием. Беженцы совершенно справедливо спрашивают: а где же советские, партийные органы Москвы и Московской области, благотворительные и миротворческие организации, неформальные объединения?

Поток беженцев в воинские гарнизоны Московского военного округа нарастает. Необходимо, как заявляли многие, правительственное решение об оказании им организованной государственной помощи и придании прибывшим из Азербайджана семьям статуса беженцев...

И вот стало известно: проблемами прибывших из Азербайджана поручено заняться Государственной комиссией Совета Министров СССР по чрезвычайным ситуациям.

Уже создан фонд помощи семьям пограничников, эвакуированным из Азербайджана. Денежные средства можно перечислить в Главное управление пограничных

войск КГБ СССР на текущий счет № 4140157 в управлении по кассовому исполнению госбюджета Госбанка СССР: Москва, НФО — 299101.

Г. АЛИМОВ.

«Известия», 26 января 1990 г.

ЗАКАВКАЗЬЕ, 25 ЯНВАРЯ

Закавказье, драматизм не спадает: сегодня на первое место вышла проблема эвакуации русскоязычного населения из Азербайджана, прежде всего семей военнослужащих.

К утру 25 января вывезено 30232 члена семьи офицеров и прапорщиков Советской Армии, 2379 — пограничников, 528 — внутренних войск, сотни — работников КГБ.

Страна откликается на горе. Сегодня в воинских частях и училищах, домах отдыха и пионерских лагерях, во многих семьях принимают беженцев.

Главное управление погранвойск принимает деньги на счет помощи эвакуированным семьям пограничников. Номер счета 4140157 в управлении по кассовому исполнению госбюджета Госбанка СССР: Москва, НФО — 299101.

Журналисты «Комсомольской правды» перечисляют пять тысяч рублей в помощь эвакуированным семьям военнослужащих.

РЕЛЬСОВАЯ ВОЙНА?

В начале третьего ночи 24 января на пограничном между Арменией и Грузией железнодорожном перегоне Айрум—Садахло с рельсов сошел пассажирский поезд Ереван—Ростов.

Авария произошла на территории Марнеульского района Грузии — района с преимущественно азербайджанским населением. На насыпь завалились электро-воз и пять первых вагонов. Жертв, по нашим сведениям, нет. Можно утверждать, что последствия могли быть серьезными, если бы не бдительность машиниста, заме-

тившего сразу за крутым поворотом из-за скалы раздвинутые в стыке рельсы и начавшего экстренное торможение за 40—50 метров.

— Мы только приступили к расследованию,—говорит тбилисский транспортный прокурор А. Ш. Бакрадзе,— но мой личный опыт криминалиста говорит, что стык был разъединен преднамеренно. Причем совершившие это разбираются в тонкостях организации движения и пользовались специальными приспособлениями.

Движение на магистрали — единственной, по которой идет снабжение Армении, оказалось прерванным. Несколько десятков составов, следовавших в республику, задержаны на подъездных путях. Ведутся восстановительные работы.

Н. МИКЕЛАДЗЕ

(Наш корр.)

«Комсомольская правда», 26 января 1990 г.

Тбилиси.

ЗАЛОЖНИКИ НЕИЗВЕСТНОСТИ

Передо мной сидят женщины, разные — молодые и пожилые. Русские учителя. Беженцы! Их рассказы о случившемся с ними и их семьями в Баку в последнюю неделю нельзя слушать без содрогания.

Сегодня на улицах Баку стоят танки, дома одеты в черные траурные флаги.

— На многих домах надписи: «Русские — оккупанты!», «Русские — свиньи!» Моя мама приехала по распределению из Курска в глухое горное азербайджанское село учить ребятишек русскому языку. Это было тридцать лет назад. Теперь она пенсионерка. Я второй год работала в школе... Пришла неделю назад в школу, а в коридоре надпись: «Русские учителя, идите в уборщицы!» Я говорю: «Вы что, ребята?». А они в меня плюют... Я их азбуке учила. Теперь вот мы с мамой здесь.

Родственников в России у нас нет. Денег нет, работы нет... Куда? Как? Ведь моя родина — Баку.

Женщины-учительницы, с которыми я беседовал в маленькой комнатке, то и дело утирали невольные слезы обиды.

— Я убежала с дочкой с одной сумкой, за три минуты. Жуткая обида! Я же не политик, я детей учила и не виновата в тех бедах, что были в республике. Я не видела на лозунгах Народного фронта фамилии Алиева. Зато Горбачева они представляли не в лучшем виде. Обидно, потому что я знаю этот народ, у меня там друзья, вся жизнь моя там.

Я не называю имен и фамилий этих женщин — они так просили. В Баку остались их родственники, мужья. Мало ли что...

— Экстремисты прекрасно организованы, чего не скажешь о местных властях. В конце прошлого года жилищные конторы по всему городу потребовали всех заполнить анкеты, якобы для получения талонов на продукты. В анкетах нужно было указать и национальность. Когда начались погромы, в руках экстремистов оказались точные адреса: где живут армяне, где русские, где смешанные семьи и т. д. Это была продуманная националистическая акция.

— За мной прибежал муж, велел мне и ребенку быстро одеваться. Муж у меня военный, но в этот день был в штатском. Я увидела, как он вынул пистолет и положил в карман. Сказал: «В метро идите впереди меня, чтобы я вас видел». В метро русских почти не было. На нас оглядывались, лица у всех напряженные. Только в аэропорту я поняла, что мы улетаем.

— Вам еще повезло. За мной муж приехал на машине. Пятнадцать минут на сборы. У аэропорта нам преградили дорогу экстремисты. Пришлось нашему «газику» таранить их «Волгу». Чудом остались живы.

— Наша семья отдала российскому и советскому флоту триста лет. В Баку у меня остался бесценный архив нашей семьи по истории флота. И сейчас мои племянники служат на военных кораблях на Каспии... Трудные для меня времена и трудно говорить. Я одна воспитываю дочь. Тридцать лет отдала школе, математик. В школе ко мне относились очень хорошо до последнего дня. Но как жить, если дом оцеплен бандитами и

они требуют убираться, если приходишь в магазин, а тебе не продают даже хлеба, потому что ты русская, Хотела снять с книжки деньги, кассирша швырнула мне ее обратно: «Для тебя денег нет!»

— Моя мама уже два месяца не получает пенсию, в Баку русским пенсионерам ее не выдают.

— Многие из нас прилетели в Москву почти без документов. Как быть с трудовыми книжками? Как с ордерами на бывшие квартиры? Ведь мы же должны получить что-то взамен?

— Думаю, что ордера нам не понадобятся. Сама видела, как только армянина изгоняли из квартиры, тут же появлялся новый хозяин с официальным ордером. Словно в райисполкоме он был уже давно готов, только даты не хватало...

— Я не знаю, что делать. В России у меня нет родственников. Пойду в азербайджанское постпредство в Москве и расскажу им, что триста лет моя семья верно служила Родине, мы трудились на благо Азербайджана, мой отец был репрессирован. А я тридцать лет учила азербайджанских ребятишек математике! У меня в кармане сто рублей, выданных государством, и ничего больше. И пусть постпредство думает, где мне купить за счет Азербайджана квартиру, которую сегодня я бросила и которую наверняка уже заняли. Я не претендую на Москву. Я претендую на Россию.

— Может быть, вам обратиться в Министерство народного образования РСФСР? — посоветовал я.

— Не думаю. Если бы у них болело сердце о русском учителе, они бы за эти дни сами к нам пришли... Многим из нас и на улицу в мороз не в чем выйти. Ведь мы же бакинцы...

— Мы — бакинцы... Это звучало в словах каждой русской учительницы. И несмотря на горечь, на боль, на утраты, они где-то в глубине души надеются, что когда-нибудь настанет день, когда они сядут в самолет и бортпроводница скажет: «Мы совершаем рейс по маршруту Москва—Баку. Счастливого пути!»

Но... Я выхожу в коридор военных казарм Московского высшего пограничного командного училища КГБ СССР, где сегодня живут эти женщины. По длинному блестящему коридору ходят курсанты с повязками, на стенах самодельные указатели со стрелками — «между-

городный телефон», «детская кухня». Бегают ребятишки, которые неизвестно когда и где снова пойдут в школу. Тихо ходят грустные русские женщины. Мужья многих из них сегодня там, в Баку, охраняют жизнь азербайджанских детей.

Каждый день в училище прибывают более четырехсот женщин, стариков, детей. Всего в Москве и Московской области русских беженцев из Баку более 20 тысяч.

И. АФАНАСЬЕВ

Москва, январь 1990
«Учительская газета» № 5

ПОЖАР НА ГРАНИЦЕ

Мы привыкли считать, что угроза границе возможна только извне, с «чужой» стороны. 31 декабря произошло нечто беспрецедентное: нахичеванский участок советско-иранской границы подвергся нападению изнутри. Уничтожена сигнализация, сожжены пограничные вышки, разрушены пограничные знаки...

Происходящее в Нахичевани как будто застало всех врасплох. В сообщениях ТАСС говорилось о группе экстремистов, которые вывели из строя сигнализационные системы и линии связи на границе с Ираном, разрушили инженерные сооружения. Информация без комментариев была столь скудной, что давала простор для самых невероятных домыслов и самых различных толкований. Прежде всего изучили масштабы содеянного — разрушения на протяжении 137 километров границы, экономический ущерб — около трех миллионов рублей. «Группе экстремистов» вряд ли такое под силу.

Пресс-конференция начальника Политуправления пограничных войск Николая Бритвина пролила свет на случившееся: в акции, начало которой относится еще к первой декаде декабря прошлого года, участвовало около девяти тысяч человек — приезжие активисты Народного фронта Азербайджана, местные жители. С 19 декабря вблизи застав разбивались палаточные лагеря. Начались систематические массовые выходы на границу. С 23 декабря на митингах зазвучали требования о демон-

таже инженерных сооружений, пограничникам предъявлен недельный ультиматум: или вы делаете это по доброй воле — или сооружения будут сожжены... В Новый год угроза приведена в исполнение.

Призывы открыть границу с Ираном, воссоединить Северный и Южный Азербайджан слышались на митингах Народного фронта в Баку и других городах еще в ноябре прошлого года. Как выяснилось, это были не отдаленные планы, а руководство к действию. Акция готовилась не подпольно, а открыто, громогласно. Все это напоминает «психическую атаку» — ультиматум, многотысячные выходы на берег реки Аракс, угрозы применения силы, складирование оружия...

Погром на границе готовился почти месяц и стал неожиданностью для нас, но не для командования погранвойсками, не для местных органов власти, не для руководства республики и Союза. Однако за все время — ни одного сообщения в печати, ни одного заявления официальных лиц практически никаких действий! Можно предположить, что кем-то была избрана выжидательно-умиротворительная тактика. Выдержка пограничников была безгранична. Они избегали, как могли, насильственных действий, шли навстречу резонным требованиям (так, в распоряжение местных колхозов были переданы целые куски контрольно-следовой полосы, сняты пограничные ограждения с кладбища). По отзывам свидетелей, они даже позволяли обыскивать свои машины и проверять свои документы представителям Народного фронта. Очевидно, возникал вопрос: а как же престиж власти, государства, если офицеры-пограничники дают обыскивать себя празднующимся девятнадцатилетним юнцам? Но это было сочтено необходимой уступкой для поддержания мира.

Со стороны, должно быть, трудно ощутить перепад психологической атмосферы на границе — еще недавно местные жители были первыми помощниками защитников границы, их добрыми соседями. Офицеры пограничных войск выступали по местному телевидению, в средствах массовой информации, растолковывали договор о режиме границы. Велись разъяснительные беседы с лидерами Народного фронта, их предостерегали от противоправных действий. Но, похоже, расчеты не оправдались. Уступчивость и сдержанность пограничников

были восприняты как признак слабости. «Эта акция носит четко выраженный политический характер и оценивается лидерами НФА как победа их движений. Непринятие мер в отношении экстремистски настроенных лидеров НФА может способствовать повторению подобных действий» — такое резюме вынесло после событий командование пограничных войск.

Теперь, когда о бесчинствах на границе сообщила печать, раздаются упреки правительству в слабости, нерешительности. Логика вроде есть. В нашей памяти мирный митинг в Тбилиси, послуживший основанием для использования регулярных частей. А реакцией на ненадежный политический процесс в Прибалтике стал срочный созыв Пленума ЦК КПСС. А что же Азербайджан? В Нахичевань постфактум направлены Председатель Совета Национальностей Верховного Совета СССР Р. Нишанов, секретарь ЦК КПСС А. Гиренко, первый секретарь ЦК КП Азербайджана А. Везиров. В регион выехали представители командования пограничных войск, военной прокуратуры, сотрудники МИД СССР. Вполне вероятно, работает «синдром Тбилиси»: неадекватная случаю решительность в апреле отозвалась сегодня тактикой проволочек. Как бы то ни было, очевидно: ясности по поводу того, когда в условиях демократического государства нужно и «власть употребить», у нас нет. Издержки демократической незрелости?..

За месяц событий Министерство иностранных дел СССР вполне могло публично определить свое отношение к призывам открыть границу и воссоединить Северный и Южный Азербайджан. Но, отвечая на вопрос «Нового времени», начальник Управления информации МИД СССР Геннадий Герасимов сказал: «Народный фронт с нами не советовался». И все же, может ли МИД сказать что-либо по этому поводу? Герасимов уточнил: «Есть государственная граница, и этим все сказано. Она должна проходить там, где она проходит. Мы признаем, что вопрос о границе — тема острая, деликатная. Но Хельсинкский итоговый документ 1975 года подтвердил нерушимость существующих границ. И, хотя к данному региону он не относится, мы рассматриваем его как документ, имеющий универсальный характер...»

У жителей приграничных районов, да и всей республики, естественно, могут быть свои пожелания к властям — по поводу режима границы, по поводу возможности посетить религиозные святыни в сопредельной стране, навестить родственников по ту сторону Аракса. Сегодня заслоны для их волеизъявления сняты. Внешняя политика нашей страны перестает быть заповедной зоной МИДа и Политбюро, так что при желании можно посчитать требования Народного фронта внешнеполитической инициативой народных масс, но... С 10 по 26 декабря, в самый разгар подготовки к приграничной акции, в Москве заседал второй Съезд народных депутатов СССР, в чью компетенцию согласно Конституции и входит вопрос о границах. Непонятно, почему народные депутаты Азербайджана, среди которых есть и представители Народного фронта, не попытались донести волю своих избирателей до высокого собрания обычным, конституционным путем. Акции, организованные на границе с Ираном группой активистов Народного фронта, выглядят поэтому, мягко говоря, несколько провокационными.

8 января мы связались с Николаем Бритвиным. На наш вопрос о ситуации на границе он ответил: по-прежнему выдвигаются претензии, что пограничные сооружения занимают землю, пригодную для возделывания. По-прежнему — тактика ультиматумов. Были попытки дестабилизации обстановки и в районе советско-турецкой границы.

МАРИНА ШАКИНА
«Новое время» № 3 1990 года.

ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ **объявлено 15 января в Нагорно-Карабахской** **автономной области и в некоторых других** **районах**

Неужели — война? Это слово соединилось в сознании с событиями в Азербайджане и Армении прошлой осенью. Председатель Комитета особого управления НКАО Аркадий Вольский с покрасневшими от бессонных ночей глазами терпеливо объяснял нам, журналистам,

ситуацию, скользя карандашом по карте Закавказья, висевшей на стене его кабинета в Степанакерте. А я, следя за карандашом, пожалуй, впервые по-настоящему осознала чудовищность межнациональной чересполосицы в границах республик, областей, районов, оставленной нам в наследство «отцом народов». В Карабахе шли бои местного значения: ночью стреляли, днем бросали камни, захватывали первых заложников. На митингах в Баку сыпались угрозы в адрес армян и призывы не отдавать Карабах. Позади был Сумгаит и погромы в Степанакерте.

Вперед?

И все-таки слово «война» на каком-то этапе выпало из осеннего репортажа. Может быть, кому-то в реплики оно показалось слишком не подходящим к отношениям между двумя советскими республиками. А может, и мне самой где-то в глубине души хотелось, чтобы мой информированный собеседник ошибся в мрачных прогнозах. Однако за долгие месяцы работы в НКАО Аркадий Вольский слишком хорошо вник в проблемы региона. В прогнозах он не ошибся ни разу.

Война. С каким-то обреченным спокойствием производили в беседах со мной депутаты от обеих республик во время осенней сессии Верховного Совета СССР. Казалось, республики уже сделали страшный выбор.

...Между тем национальные амбиции и интересы продолжали скручиваться во все более тугой клубок, из которого уже не выпутаться было «человеку с улицы» — ереванской, бакинской или степанакертской. Счет шел на многовековые обиды.

Нагорный Карабах стал эпицентром и одновременно знаменем, которое подняли националистические движения Азербайджана и Армении. Каждая республика поставила себе целью — добиться своего, чего бы это ни стоило. Под знаменем Нагорного Карабаха начались выступления в Баку и Ереване, требовавшие ухода местных властей, «недостаточно жестко» отстаивающих в данном вопросе интересы своих республик. Одновременно толпы азербайджанцев, вдохновленные Народным фронтом Азербайджана, принялись разрушать приграничные сооружения в районе границы с Ираном: и там, кстати, одним из лозунгов был «Не отдадим Карабах!».

осквернялись армянские могилы на приграничном кладбище.

«Дожили...» Не без злорадства сегодня нашептывает межрегиональный хор консерваторов. Получили, мол, свою демократию...

Получили. И демократия показала, что не все народы и не все республики одинаково к ней готовы. Хотя подавляющее большинство и делает. И здесь, кстати, может помочь именно обилие национальностей и культур в стране — в том случае, если бы мы действительно добродетельно стали приглядываться друг к другу, учиться на примерах и ошибках соседей.

Взрыв подавляющегося годами национального самосознания выплеснул на поверхность горючую смесь: национального достоинства и национального эгоизма, не всегда понятных другим особенностей культуры и традиций. Мы увидели, какие мы непохожие. А значит, и процесс демократизации, естественно, идет в республиках разными темпами, а где-то и болезненно.

Для меня, например, нынешние события в Закавказье выглядят как-то особенно дико на фоне жарких парламентских дискуссий, которые вели в Литве Михаил Горбачев и его многочисленные собеседники. В Литве — сражение умов. В Закавказье — боевые действия.

Значит ли это, что без силы нам не обойтись даже при построении демократического общества?

Без силы, как сдерживающего фактора конфликта, вроде нынешнего — армяно-азербайджанского, пожалуй. И то временно, и ограниченно. Ибо силовое решение в мировой практике еще никогда не срабатывало по-настоящему. В лучшем случае, конфликт удавалось временно приостановить. Взять Ливан, Ольстер, примеры из нашей собственной истории. Вспомним трагические события в Тбилиси. На днях на той же самой площади вновь началась голодовка...

В последнее время я все чаще задаю себе вопрос: не переоцениваем ли мы вообще роль армии, внутренних войск как палочки-выручалочки в трудную минуту, некой пожарной команды без страха и упрека?

Мы сегодня говорим о суверенитете республик, их самостоятельности. Движение в этом направлении — объективный, естественный процесс, годами тормозившийся и от того порой протекающий столь трудно. Од-

нако, на мой взгляд, суверенитет предполагает и ответственность за последствия предпринимаемых республиканским руководством шагов. Когда Верховные Советы Армении и Азербайджана принимали в последние месяцы решения по проблеме НКАО, они не могли не представлять, как среагирует противоположная сторона, а соответственно, какая конфронтация уготована жителям республик. На что они рассчитывали? На то, что центр «спасет», придет солдат, введет в крайнем случае чрезвычайное положение?

Но ведь с расширением суверенитета республики логично было бы, если бы именно республиканские власти взяли на себя заботу об обеспечении безопасности всех своих граждан. Возможно, тогда последствия некоторых решений просчитывались бы более тщательно.

По-моему, в первые годы перестройки многие не отдавали себе отчета в том, какими быстрыми темпами идет развитие национального самосознания в республиках и автономных образованиях. Вспомним, в феврале 1988 года, когда впервые был поднят вопрос о Нагорном Карабахе, на площади Ленина в Степанакерте стояло до 50 тысяч человек — азербайджанцев и армян, — и они вместе предлагали создать автономную республику со своей Конституцией, Верховным Советом, Советом Министров. Были и разногласия в названии будущей республики, и точки соприкосновения. Будь тогда эта проблема решена, возможно, удалось бы избежать нагнетания напряженности в регионе.

Чрезвычайное положение. Хочется надеяться, что оно подтолкнет законодателей на всех уровнях быстрее разработать новые принципы федеративного устройства страны, механизмы разрешения межнациональных споров, принять в Верховном Совете СССР соответствующие документы. Видимо, юристы должны, наконец, определиться и с тем, какому из основополагающих принципов отдать приоритет — суверенитету республики или праву нации на самоопределение. Я бы на первое место поставила самоопределение как важнейшую гарантию обеспечения прав человека в той или иной стране.

Ничто, никакая светлая и справедливая цель, на мой взгляд, не может дать одному человеку право отнять жизнь у другого. Но у многих азербайджанцев и армян,

которые сегодня смотрят друг на друга сквозь прорезь прицела, другое мнение на сей счет. За эти напряженные месяцы стало, по-моему, ясно одно: из центра карабахскую проблему не решить. Ее могут решить только сами республики. И только после того, как поймут бесперспективность и преступность дальнейшего кровопролития. Когда дремлющий пока разум подтолкнет участников трагедии сложить оружие, причем так, чтобы ни одна из сторон не чувствовала себя ни победившей, ни побежденной.

А решение? Испробованы разные варианты. Может быть, наступит время и подумать о новой демаркации границ между республиками после совместного определения ими соответствующих районов демаркации и будущего плебисцита — с представителями центра в качестве наблюдателей?

ГАЛИНА СИДОРОВА,
политический обозреватель
«Нового времени»

«Новое время» № 4, 1990 г.

СВИДЕТЕЛЬСТВУЮТ ОЧЕВИДЦЫ БАКИНСКИХ СОБЫТИЙ

Запорожский аэропорт в последние дни работал с большей, чем обычно, нагрузкой. Днем и ночью приземлялись самолеты с семьями военнослужащих, эвакуированных из Азербайджана.

Такие же лица, наверное, были у наших людей в далеком 1941-м. Боль, гнев, страх, тревога... Тяжело смотреть на этих людей. Еще тяжелее слушать. Их — беженцев — более 500 человек. В основном женщины с детьми и старики. Они уехали в чем стояли. Редко у кого в руках сумка или собранный наспех узелок.

Офицеры и воины гарнизона помогают с размещением и питанием, оформлением авиа-и железнодорожных билетов. Из Запорожья, получив первую денежную помощь, люди разъезжаются к родственникам и знакомым по всему Союзу.

Что же заставило их покинуть родные очаги?

— Почти всю жизнь я жила и работала в Баку,— рассказывает Н. В. Галушкина.— И вот с двумя детьми бросила свое гнездо... Несколько дней были мы под обстрелом. Чудом остались в живых. Что, кроме детей, увезла с собой?

Наталья Васильевна достает из кармана пальто горсть разнокалиберных пуль. Автоматные, пистолетные, пулеметные, обычные и трассирующие. Каждая из них могла унести жизнь и этой, ни в чем не повинной женщины, и ее детей.

— Бронетранспортеры сопровождали нашу колонну до самого аэродрома,— вступает в разговор Петр Деяткин.

— А я никогда не забуду глаз и слов моей дочери, когда нас вывозили из военного городка. Она просила: «Папа, спаси, закрой, я боюсь, меня могут убить». И, несмотря на сопровождение боевых машин пехоты, всю дорогу до аэродрома ожидали, что из близлежащих домов полоснет пулеметная или автоматная очередь,— говорит Юрий Викторович Гузнов.

— Нас заставили уехать,— голос Е. Р. Суровцевой прерывается от волнения.— Приходили какие-то люди и вначале просили покинуть республику, потом требовали, чтобы мы убирались, угрожали, а затем начались погромы...

— Экстремисты начали с армян. А когда те уехали, взялись за русских,— говорит Александра Гузнова,— причем, как мне показалось, этим занимаются не коренные бакинцы. Мы с ними прожили бок о бок много лет. Это в большинстве своем очень хорошие, гостеприимные люди.

Двое собеседников отказались назвать себя. Там, откуда они прибыли, оставались родственники.

Женщина:

— Мы очень благодарны нашей армии. Солдаты и командиры, сами находясь в сложнейших условиях, тем не менее всем, чем могут, помогают гражданскому населению. Только благодаря им мы смогли приехать сюда.

Офицер:

— Обстановка в Закавказье сложная, напряженная, опасная. На сердце тяжело, тревожно, но армия свой

долг выполнит. И службу будем нести, и местному населению, и властям поможем навести порядок.

А. ПАНЧЕНКО

корр. «Правды Украины»
Запорожье.

«Правда Украины» № 24.

ПРОВОКАЦИИ НФО АЗЕРБАЙДЖАНА НЕ ВЫШЛО...

Почти одновременно в стачечные комитеты всех шахт города Шахтерска Донецкой области поступили одинаковые телеграммы. В них, судя по содержанию, представители «народного фронта» Азербайджана обратились к своим землякам с призывом к солидарности.

Как же понимают солидарность авторы телеграмм? Они призывают верить... всякого рода клеветническим измышлениям о положении в Азербайджане и на этой основе направить свое возмущение в адрес Москвы, центра, который, по их утверждениям, виноват в распрях между азербайджанским и армянским народами.

Об одном не подумали те, кто направлял в шахтерские коллективы эти телеграммы: сегодня дончане имеют возможность получить информацию о событиях в Азербайджане из первых рук. Несколько дней назад в Донецком аэропорту приземлились транспорты с беженцами — членами семей военнослужащих. Жены и дети военных, попросив по известным причинам не называть фамилии, не стали скрывать, что именно против них были направлены многие действия экстремистов.

И все-таки стачкомы вынесли обращение на суд горняков. На нарядах перед сменами зачитывался текст «обращения жителей города Физули». Но никакой другой реакции, кроме возмущения, оно у шахтеров не вызвало. В городской стачечный комитет стали поступать ответные письма, телеграммы, звонки. Это и дало городскому стачкому Шахтерска право от имени всех горняков подписать ответное послание, в котором горняки объединения «Шахтерск—уголь» осудили экстремистские действия по разжиганию межнациональной розни среди на-

родов, населяющих закавказские республики. Они выразили поддержку принятого правительством решения о мерах стабилизации обстановки в регионе.

Что же касается телеграммы из Физули, то донецкие горняки признали ее провокационной.

Шахтерск
Донецкая область.

(Корр. ТАСС).

РАЗОБЛАЧЕНИЕ ФАЛЬШИВКИ

Судя по всему, отдельным лидерам народного фронта Азербайджана уже мало разжигания национальной розни в своей республике. Они решили сеять семена вражды и недоверия между народами в других регионах страны. Иначе чем объяснить затеянную ими провокацию, которую оперативно вскрыли журналисты газеты туркестанского военного округа «Фрунзевец».

В адрес военного комиссариата Узбекской ССР пришла телеграмма (ее фотокопию воспроизвела газета) за подписью Уджарского районного отделения народного фронта Азербайджана о том, что якобы в Сальянских казармах Бакинского гарнизона в результате перестрелки между войнами — русскими и других национальностей — погибли 56 узбеков.

По поручению редакции специальный корреспондент «Фрунзевца» в Баку капитан А. Веклич побывал в Сальянских казармах, встретился с солдатами и офицерами. И вот что выяснилось.

Обстановка в этом районе была напряженной. По войнам — среди них есть и азербайджанцы, и узбеки — не раз открывали огонь боевики НФА. Узбек рядовой Х. Саидов, призванный из Бухарской области, рассказывал, как по нему и его товарищам неожиданно стали стрелять с крыш ближайших домов. Попал под обстрел экстремистов в парке боевой техники и другой воин-узбек — рядовой Ш. Эгамназаров. Согласно приказу, солдаты в целях самообороны вынуждены были открыть ответный огонь. Что же касается вражды на национальной почве между самими войнами и каких-то «жертв» в

результате якобы перестрелки между ними, это чистой воды выдумка, о чем заявили все, с кем довелось беседовать журналисту: офицеры В. Бочук, А. Берест, воины срочной службы из подразделения под командованием офицера А. Харченко и многие другие.

Что ж, очередная провокация экстремистов НФА лопнула, как мыльный пузырь. Но не последуют ли за ней другие?

В. ПРУГЕР корр. ТАСС.

Ташкент.

«Коммунист», 1 февраля 1990 г.

ОТКРОВЕНИЯ «ЖЕСТОКОГО ЧЕЛОВЕКА»

«Кавказ в огне»... Под таким заголовком в газете «Атгиммас» См. «Согласие», № 18, 1989 — (сост.) опубликована серия репортажей специальных корреспондентов Аудрюса Ажубалиса и Аудрюса Зданавичюса из Армении, Нагорного Карабаха и Азербайджана. Мы предлагаем вашему вниманию записанную ими беседу с одним из идеологов Народного фронта Азербайджана, сотрудником Института литературы АН республики Гамидом ХЕРИШИ:

Народный фронт Азербайджана рассматривает СССР как дуалистическое государство: мусульмано-христианское, или, точнее, тюркско-славянское. Поэтому у нас совершенно иная тактика, нежели у прибалтийских народов. Мы не рассматриваем даже возможности выхода из СССР, так как для нас это был бы выход из тюркского единства. А вот возможный выход прибалтийских республик был бы нам выгоден: на три европейских христианских народа будет меньше. Это усилит мусульманское влияние в Советском Союзе. Исходя из этого, мы должны с пониманием относиться к вашим усилиям. Мусульманам не выгоден развал СССР и тем самым распад тюркского единства. Азербайджан, Киргизия, Казахстан, Башкирия, Поволжье, Татария, Якутия, Туркмения, Крым, Северный Кавказ — это все тюркские земли. И мы не намерены никому их уступить...

Тюркские народы живут значительно хуже, чем вы в Прибалтике. У вас рай по сравнению с нами. Пройдите километр по узбекской земле и успеете почувствовать трагедию, ощутить, какой гнев в народе зреет. 25-миллионный народ дошел до предела. А казахский? Вот мы говорим: «Карабах! Карабах!» А ведь в 3 раза большую территорию отняли у Казахстана под полигоны. Тоже по-своему автономные округа, только военные. Когда я говорю с казахами, киргизами, я иногда плачу, хотя я — человек не сентиментальный, жестокий человек. Я люблю правду в глаза смотреть. Этому нас наша религия учит, наш тюркский характер таков — надо быть мужчиной в любом случае. Я был в Ферганской долине, Ашхабаде, Казани, Ташкенте, и нет у меня сил описать увиденное там. Они сотворили ад из наших земель. Предприятия плохие, условия вредные. А посмотрите на заводы в Иванове: чистота, порядок, путевки профсоюзные на отдых, женщины в халатиках. На нашей шее сидят, на узбекском хлопке работают. Но однажды мы возьмем их за горло: «Что, хорошую жизнь себе устроили? А посмотрите, как наши женщины работают в 40-градусную жару, когда даже собака ползет в тень, а люди — под палящим солнцем!» У вас все делается через законодательные акты. У вас заводы — в руках русских, и бастуют потому только русские. А у нас, в тюркских республиках, все заводы — в руках народа. И наше основное оружие — забастовки, гражданское неповиновение. Экономический упадок, которым пугают, не страшит: в Азербайджане 93% промышленности подчинено Москве и только 7% — республике. Русские думали, что мы пострадаем, а оказались сами в ловушке...

Да, в нашей борьбе есть элементы джихада (араб. — война за веру, предписанная Кораном. — Ред.): всем миром собраться, поклясться, что будем стоять до конца, что если мы проиграем, то лучше нам не жить на свете. Но это русским кажется, что азербайджанцы вот-вот объявят «джихад». Нет пока надобности в таком мощном оружии, когда все от мала до велика, и женщины тоже, идут на бой, а погибнув, по нашей вере, попадают в рай. Можно пользоваться более мирными, демократическими мерами воздействия. Это, например, блокада дорог, железнодорожных прежде всего, экономическое

эмбарго. Обратите внимание на то, как наша борьба напоминает борьбу арабского народа с Израилем: скажем, нефтяное эмбарго у них и у нас (мы его объявили и Грузии, и Армении, и России). 13 июля армяне начали блокаду Нахичевани и азербайджанских сел в НКАО. Но они эту войну проиграли, когда мы начали со своей стороны блокаду. Ну, глобализируют проблему Карабаха, скажут русским, прибалтийцам, что, дескать, присоединим область к Армении, будет прецедент выхода из несправедливо установленных границ. А если мы определим проблему и глобализируем ее как конфликт христианства и мусульманства, что будет тогда? Это армяне ищут помощи извне: направили письма в ООН, папе римскому, американскому конгрессу. А мы, согласно нашей религии, надеемся только на себя. Хотя знаем, что за нами стоит весь исламский мир, Иран, Турция...

Вообще, Запад склоняется к своему закату. Шпенглер был в сущности прав. А возрождение идет с Востока. В некоторых арабских государствах создан рай на земле. В Иране, например, уровень жизни значительно выше европейского. Я был в этой стране и видел, какая высокая там культура, какая у народа ответственность перед родиной, искренняя религиозность. Если развитие мировой истории пойдет так и дальше, думаю, лет через двадцать картина очень изменится. Сейчас подняли истерику вокруг Армении. Но обратите внимание, ее поражение совпало с поражением всех христианских сил вообще. Люди, говорящие об идее общеевропейского дома, просто хотят снять противостояние Восток—Запад и утвердить новое — Север—Юг. И СССР подключить к себе. И кто это предлагает? Франсуа Миттеран, который с 1954 по 1958 гг. был министром внутренних дел Франции и имел прямое отношение к массовым убийствам алжирских мусульманских муджахидов. Этот человек, у которого руки по локоть в мусульманской крови, говорит о правах человека! Идея общеевропейского дома потерпит фиаско, так как этот дом даст трещину в СССР. Без трагедий не обойдется. А что касается междоусобиц в мусульманском мире, то они способствуют единению тюркских народов, утверждению ислама.

1.

Да и как не испугаться, как не покрыться холодным потом и не отпраздновать труса, если идеологом Народного фронта Азербайджана и одновременно сотрудником Института литературы АН Азербайджанской Советской Социалистической Республики Гамидом Херищи провозглашено всех русских взять за горло! Как не взыграть ретивому, если оказывается, что то ли младший, то ли старший научный сотрудник в сфере изящной словесности решает, быть или не быть «джихаду»! Как не озираться в поисках спасения, если политический прогноз Гамида из рода Херищи однозначен: «Без трагедий не обойдется»! И, наконец, как не поверить прогнозу, исходящему от человека не сентиментального, а жестокого, да еще любителя и вместе с тем профессионала поглядению правде в глаза! Нет, до жути напугал меня Гамид Херищи, тем более что и положение у меня незавидное — сижу-то я у него на шее...

2.

Политические истерики, подобные Гамиду Херищи, не новость в истории. Все, что он говорит, уже звучало в разные времена под лозунгами пантюркизма, исламизма, крови и почвы одной страны — одного народа — одного вождя. Практически, это национализм поселкового или районного масштаба, претендующий стать идеологией верных и чистых для борьбы с неверными и недочеловеками. Поэтому, сидя в Азербайджане, достаточно просто (да еще повторяя зады пантюркизма первой половины XX века) отгрохать себе некую тюркскую государственность от Поволжья до Якутии.

Не вдаваясь в частности, отмечу только эту провинциальную спекуляцию на этнической и конфессиональной общностях. Под одну гребенку стригутся азербайджанцы и якуты, башкиры и туркмены. Стригутся во имя тюркской общности, которая как всякая этническая общность является единством многообразия. Ислам как мировая религия связан с тюркским миром, но не сводится к нему. Ни в одной суре Корана не найти чего-то,

даже отдаленно похожего на, прямо скажу, бредовые амбиции Гамида Херищи, оказавшегося способным говорить за мусульман и тюрков. Не надеясь на коллег Г. Херищи по академии, очень хотелось бы услышать мнение мусульманских духовных наставников о том, что наговорил об исламе сотрудник академической конторы.

Судя по его активному туризму, Г. Херищи является чем-то вроде эмиссара-проповедника благой вести азербайджанского Народного фронта. Наблюдение райской жизни в Иране тоже красноречиво, об этом не мне говорить. О чем сказать я обязан, так это о мелкости фигуры и злобной истеричности путешественника. Могли бы его воспитатели найти другую фигуру, с другим кругозором и с другим уровнем грамотности, чтобы не компрометировать хотя бы себя и идеи, имеющие определенный смысл.

3.

Любой фронт имеет право как угодно трактовать СССР. Плюрализм, он и в Африке плюрализм. Что же касается России и русской традиции, то единость и неделимость России всегда рассматривались с учетом многонационального состава населения и его разнообразной конфессиональной приверженности. Поэтому не примитивный дуализм славяно-тюркский или христианско-исламский находился в основании политической доктрины, а сознание единства многообразия славянского, угро-финского, тюркского, кавказского, алтайского и многих других этносов, связавших свою судьбу с православием, исламом, буддизмом и другими формами традиционных религий. Поэтому мы, русские, видели равно и свою общность с Западной Европой, и свою неповторимость. Мы ощущали евразийскую связь, но оставались русским материком в евразийской этнической стихии. Поэтому Россия с ее многонациональным населением и поликонфессиональностью была и остается явлением всемирно-историческим, которое не поколебал и не поколеблет доморощенный пантюркизм с его открытым антинациональным политиканством, как оно излагается Гемидом Херищи. Именно ему и его соучастникам по переключке карты России необходимо напомнить, что Россия — не удельное княжество и не объект

политических интриг и притязаний. Она и не автономия, чтобы, сидя под чинарой, решать, кому ее земли и народы принадлежат. И по меньшей мере низко и преступно пытаться решить свои склоки за счет России и россиян. Больше этого не будет.

4.

Азербайджанскому народу, братьям по судьбе — до свидания! Худа афиз! И — с надеждой на извечность мудрой дружбы.

ЭДУАРД ВОЛОДИН,
доктор философских наук

ОТ РЕДАКЦИИ:

Интервью газете «Атгимимас» («Согласие») Г. Хериши давал незадолго до событий в Баку и Нахичевани, скорбь и гнев по поводу которых мы можем лишь разделить со всеми, кого они так трагически заделали. Не берем на себя ответственность комментировать подстрекательские — по-иному не скажешь — тезисы Г. Хериши. Это лучше сделал доктор философских наук Э. Володин. Но одно, как нам кажется, несомненно: невинная кровь в Азербайджане пролилась не без влияния на события «теоретических» посылок идеологов вроде Г. Хериши... Научили ли их чему-нибудь последние события? Вот в чем вопрос...

«Литературная Россия»,
02. 02. 90. № 5.

БЕДА... «ВАМ БУДЕТ ПЛОХО»...

В одну из воинских частей Московского гарнизона, ставшую перевалочным пунктом для русских беженцев из Баку, мы, корреспонденты, приехали, когда людей уже рассаживали по автобусам для отправки на временное поселение в санатории и пансионаты Можайска, Звенигорода и в другие места.

Наше опоздание к людям, уже вторые сутки находящимся в пределах Москвы, — семьям военнослужащих и прилетевшим из Баку коренным жителям русской национальности, — было не только следствием журналистской нерасторопности.

— Кругом говорят только о беженцах-армянах, об их трагедии! — воскликнула, увидев фотосъемку, женщина с плачущим ребенком на руках. — А мы, русские?!

В этот же вечер по московскому телеканалу объявили наконец о прибытии русских беженцев из Баку.

А в последующие дни из программы «Время» можно было узнать, что положение в Баку «нормализуется», и в подтверждение тому увидеть на экране милостивую русскую девушку, которая в окружении дружелюбных бакинцев говорила, что никуда из родного города уезжать не собирается, что ей не страшно, тем более, что едва ли не весь Баку в одну ночь оказался завешенным лозунгами, призывающими русских братьев остаться.

Слыша все это из уст русских людей, видя их в полном здравии на улицах оживающего от ужасов города, все же не могу забыть совсем недавнюю свою встречу с русскими беженцами в Москве, и стоит в ушах детский надрывный плач и женский истерический крик-ответ, на вопрос об их возвращении:

— Никогда!!!

Валентина Окользина, жена военнослужащего, врач:

— В ночь с 18 на 19 января к нам пришел сосед, азербайджанец, работник милиции, и предупредил: «Уходите. Сегодня ночью вам будет плохо». Я взяла одну сумочку с документами и пошла в воинскую часть. Потом нас под пулями вывозили в бронетранспортере на военный аэродром, там мы простояли десять часов на холоде, и вот мы, 300 человек, прилетели в Москву. Нас прекрасно встретили в воинской части в Подмосковье и здесь. Но дальше — полная неопределенность... Квартиры наши разграблены.

Никогда не было к нам такого отношения. Они установили пулеметы на крыше роддома и неврологической больницы, и, когда выходили женщины с детьми, чтобы перейти и укрыться в военную часть, — по ним стреляли, а когда выходил азербайджанец из своей машины — прекращали стрелять. Ребята, курсанты училища, закрывали собой женщин и детей.

Супруги Горбуновы, пенсионеры:

Мы забрали внуку, а наша дочь, военнослужащая, осталась. Наш дом рядом с училищем, два дня мы на ходились под обстрелом. Гражданского населения много осталось, им угрожают. Когда входили наши войска, русских женщин и детей заставляли ложиться на дорогу, чтобы переградить путь танкам.

Казарма. Вестибюли и коридоры почти впритык заставлены узкими кроватями под серыми одеялами. Люди спят группками, в кружок, тихо переговариваются. Вообще — странная тишина для такого скопления людей.

Беда... Вот она какая.

И мы вполголоса спрашиваем о том, что необходимо — из посуды, белья, лекарств.

— А деньги? — спрашиваем мы. — Издательство «Современник», газета «Красная звезда», журнал «Советский воин» собрали 500 рублей. Кому их передать?

— Мы пока держимся, нам выдали на семью 100 рублей и обещают еще, — отвечают в семьях военнослужащих.

Достоинство... Некоторые сегодняшние публицисты крушатся по поводу его отсутствия. А вот оно — достоинство, и вот они — милосердие, справедливость, когда жены и сестры военных, получив 100 рублей на семью из двоих-четверых, отказываются от денег в пользу тех, кому эти 100 рублей Министерство обороны выдать не может.

— Помогите гражданским, — это же советует нам и подполковник Ю. Н. Рогачев из политуправления Московского военного округа. Гражданским и в самом деле намного труднее: они — «ничейные». Горько произносить это слово о соотечественниках. В их семьях по двое, по трое детей, для которых нет смены белья, обед уносит по 3—5 рублей из тощего кошелька, а нужны еще и завтрак, и ужин...

КТО ПОМОЖЕТ?

В дни эвакуации сберкассы в Азербайджане закрылись, и люди не смогли получить вклады, не получили и трудовых книжек. Как теперь на работу устроиться? И где жить? — вот что волнует всех.

Сколько еще впереди у них, привыкших к работе, дней, когда при пробуждении обожжет мысль, что идти — некуда...

Тишину взрывает чей-то нервный смех у телевизора. Оказывается, ведущий информационного выпуска рассказывает о них, о беженцах: «эвакуированы», «размещены в домах отдыха», «по 100 рублей на каждого (!), «обеда бесплатные»...

— Оказывается, у нас все в порядке, товарищи! — иронично заметил кто-то. — А мы вот вам расскажем сейчас правду, записывайте.

— Я из украинской семьи, еще деда мои жили в Баку. Чтоб не приняли за армянку, носила два последних года при себе паспорт. А в декабре-январе и это не могло спасти. На улицах и по радио агитировали людей за создание исламской республики — без иноверцев. Мы стали не нужны.

Последний год тяжело было ходить в магазин. Смотрят косо, подсовывают самое гнилье, кто-то из очереди кричит продавщице: «Русским не отпускай! Пусть к себе едут!» Обзывали оккупантами, фашистами, а ведь мы работали вместе с ними на равных. Мулла призывал: «Изгоняйте русских, но без крови!» И сколько же нашлось желающих изгонять!..

— Но нельзя так говорить обо всех. Соседи-азербайджанцы пытались нам помогать, приносили продукты, советовали заранее отправлять ценные вещи, предупреждали: будет что-то страшное... Но чем они могли помочь? Сами боялись...

— Еще бы не бояться, мне друзья из азербайджанцев грустно так сказали: «Вот вы все уедете, и нам ждать хорошего нечего...»

А раненых, убитых в армии уже сколько? Мы летели в самолете с ранеными ребятами. Один с ампутированной ногой, трое обожженных, у одного ранение в позвоночник. А им всего-то девятнадцать...

— Расскажу случай, о котором печать не сообщала. Террористы затащили в пустую православную церковь наших детей как заложников, закрыли двери и обстреливали с ее крыши военный городок. Представляете состояние матерей. Наши бойцы подошли к церкви на бронетранспортере и ценой смертельного риска обезоружили террористов...

В заложники брали и женщин,— роняет Нина П.— А наших детей угрозами заставляли бросать бутылки с горючей смесью в танки отцов. Ребята отказывались...

— А можно я скажу? Там все похоже на спектакль в театре, только страшный. Террористы ходят с черными повязками на лбу и руке — чтоб узнавать друг друга. Брат, когда вывозил меня, тоже надел такую повязку. Он черноволосый, его приняли за своего. Никогда не забуду эти черные повязки. И еще — черные флаги с воткну-тым около них топором. Во сне это снится и — просыпа-юсь. Я уезжала, а подружка-азербайджанка плакала: «Мне так страшно, но куда бежать?» А у наших соседей дети от смешанного брака. Отец — азербайджанец. Он испугался за детей и отправил их с матерью вместе с нами. Они тоже здесь...

Мы уходили длинным коридором, заставленным вплотную кроватями. В проходах играли дети — бело-курые и черноволосые, светло- и черноглазые. Детская память коротка — они смеялись, и от этого щемило сердце. Что их ждет? Где найдут они новый дом? Нас догнала пожилая женщина в черном платье:

— Милые, напишите: русские защищают всех. А кто поймет это и защитит русских?

ЛЮДМИЛА ЖУКОВА

**ПРЕСС-ЦЕНТР
СОВЕТА МИНИСТРОВ РСФСР СООБЩАЕТ:**

Распоряжением Совета Министров РСФСР создана рабочая группа по организации размещения беженцев, штаб которой работает круглосуточно.

С 25 по 29 января рабочая группа разместила в ведомственных пансионатах, домах отдыха и пионерских лагерях Московской, Калининской, Рязанской, Костромской областей 2796 граждан, вынужденно покинувших Азербайджанскую ССР. Фактически их было больше: свыше тысячи зарегистрировались, но разместились у родственников и знакомых в Москве и Московской области. Это — не считая семей военнослужащих.

Кроме того, с 18 по 22 января в пансионатах Под-

московья размещено 500 армян, в том числе 289 человек в пансионатах министерств и ведомств РСФСР.

Организовано их питание, медицинское обслуживание, будет выдана денежная помощь и оказано содействие в приобретении необходимой одежды.

Такая же работа по размещению беженцев ведется в целом ряде областей Российской Федерации. Только в Калининскую область прибыло свыше тысячи человек.

После размещения начинается работа с каждым вынужденно покинувшим Азербайджанскую ССР по определению места их постоянного проживания и трудоустройству.

**«Литературная Россия»
02. 02. 90. № 5.**

ЗАТИШЬЕ В КАРАБАХЕ

После событий в Баку, Нахичевани, Ленкорани Нагорный Карабах стал наиболее спокойным местом в регионе. Во время траура по жертвам бакинской трагедии азербайджанские боевики не нападали, жители армянских сел ведут круглосуточные дежурства в окопах, но серьезных столкновений не было. Однако после инцидентов на узлах связи (достоверной информации о происшедшем получить не удалось) НКАО оказалась полностью отрезанной от мира. Всю минувшую неделю действовал лишь правительственный телефон ВЧ, время разговора жестко ограничивалось.

Связь и прежде была уязвима и ненадежна. Вернувшиеся в Степанакерт связисты рассказывают, что не могут работать в некоторых районах Азербайджана: радиотехника у тамшних боевиков мощнее, чем у военных, и позволяет глушить и прослушивать передачи. Вооруженные автоматами люди в милицейской форме открыто угрожают, не дают связистам работать.

Вообще неразворотливость военных мне, сугубо штатскому, показалась удивительной. Хотя бы такой эпизод. В предыдущем репортаже («МН» № 3) говорилось, что азербайджанские боевики захватили две боевые машины, развернули позиции противораковых зенитных уста-

на них подавление были направлены вертолеты с десантниками. Вертолеты вернулись после того, как один из них был поврежден огнем, ранен штурман.

Решением Министерства обороны внутренним войском были выделены два танка Т-54. Мы отапливались в них к месту событий в Ханларский район. Перед выходом представитель комендатуры вполне серьезно говорил офицерам: «Потеряете танки — стреляйтесь, они даны специальным приказом министерства». Отправление затянулось дотемна: несколько раз снимали и снова загружали боекомплект. Наконец, без снарядов и пульметов тронулись. По сомнительной карте, через мосты с непроверенным тоннажем. Проводник — армянин, как выяснилось, тоже не очень хорошо знал местность. Но случай благоприятствовал, и спустя 13 часов, преодолев чуть больше ста километров, были на месте.

Приказа начать операцию не последовало. А через два дня всех, кто уже знал обстановку, сменили новыми частями, и мы за 20 минут вертолетами вернулись в Степанакерт. Тогдашний комендант района чрезвычайного положения генерал-майор Юрий Косолапов объяснил отбой тем, что боевики пока ведут себя тихо.

Можно понять заботу о безопасности солдат, стремление не пролить кровь. Но генералу докладывали: бойцы, пилоты вертолетов видели в Ханларском районе виселицы с телами на них. Можно было прогнозировать и последствия, тем более, что уже были блокированы аэродром в Гяндже, дорога, по которой намечалось привести значительные силы войск в прилегающие к НКАО районы.

Победой тактического мастерства не назовешь и возвращение четырех танков, захваченных боевиками. Машины были угнаны с железнодорожных платформ, когда их везли из ремонта. Качество работы оказалось таким, что два танка остоли практически сразу, а два других прошли лишь около километра. Террористы отдали металллом без боя.

И в то же время комендант решил провести учения в Степанакерте. Бойцы роты специального назначения захватили здание обкома партии. Солдаты в пятнистых комбинезонах с автоматами наизготовку рассыпались по этажам, ворвались в кабинеты. Сотрудников поставили лицом к стенке, обыскивали. Некоторые комнаты были

взломаны, документы разбросаны. Заставили поднять руки и протестовавшего старшего помощника Генерального прокурора СССР Михаила Славгородского. Работники обкома в заявлении расценили случившееся как оскорбление чести и достоинства, посягательство на авторитет партии в целом.

На следующий день на заседании штаба Комитета особого управления НКАО коменданта попросили осуществить уже отработанным методом захват телестудии в городе Шуше, незаконно узурпировавшей эфир, транслировавшей злобно антиармянские программы. А в дни траура Шуша передавала митинги, на которых требовали смерти армянам.

Студия прекратила работу только после предупреждений нового коменданта района. Но факт ее долгого незаконного существования не единственная несообразность. С введением чрезвычайного положения действует запрет на полеты вертолетов в НКАО и прилегающих районах. Тем не менее в Шушу, примыкающее к Степанакерту село Ходжаллу в день совершается до 70 полетов машин без опознавательных знаков. Кто пассажиры, каков груз? Военные заявляют лишь, что не в состоянии проверять каждый борт.

Объявление чрезвычайного положения повлекло продление комендантского часа, запрет некоторых общественных организаций и их печатных органов, ряд других ограничений. Областная газета «Советский Карабах» стала выходить в половинном объеме и контролируется военной цензурой. В административном порядке задержан заместитель ее редактора Аркадий Гукасян, опубликовавший на днях статью «Раскройте наконец глаза». Этот материал, с моей точки зрения, справедливо критикует существующую до сих пор тенденцию к «балансированности» информации о событиях армяно-азербайджанского конфликта.

Попытки уравнять меру вины, едва ли окажутся убедительными после того, как сумгаитский сценарий был разыгран на большой сцене Баку. Бывший руководитель парторганизации Азербайджана Абдул-Рахман Везиров говорил, что спокойствие в республике недостижимо, пока не решен вопрос Нагорного Карабаха. О том, каким представляется решение, свидетельствуют массовые погромы, разрушение Государственной границы, высели-

ны, бон. В самой НКАО относительно спокойно, и это, нужно признать, свидетельствует о разном подходе сторон к проблеме. Нередко от офицеров (военные стремятся сохранять нейтралитет) приходилось слышать: «Армяне все же добились своего — мы вынуждены помогать им, ведь они обороняются».

Время показало, что призывы к благоразумию, к возвращению беженцев результатов не дают. Новая кровь, новые беженцы. Слишком велика нетерпимость, слишком много оружия. Требуется политическое решение проблемы Карабаха.

Пока оно не принято, новый комендант района чрезвычайного положения Владислав Сафонов начал большую чистку: военные ищут оружие в селах, ведут проверку паспортного режима. Разблокированы автомобильные дороги в нескольких направлениях, и под охраной боевых машин по ним проводят автобусы с пассажирами, грузы. Готовится событие, которого ждали почти два года, — открытие дороги между НКАО и Арменией. Блокада частично снята. Дай бог, чтобы надолго.

На аэродроме в Степанакерте министр обороны Дмитрий Язов сказал мне, что армия готова поддерживать безопасность населения, навести порядок. Но обсуждать конкретные действия не захотел. А пока, по имеющимся сведениям, десятки тысяч боевиков продолжают подготовку к операциям. Спокойствие в Карабахе ненадежно.

АНДРЕЙ ПРАЛЬНИКОВ,
специальный корреспондент
«МН»
«Московские новости», 4 февраля 1990 г.

НАГОРНЫЙ КАРАБАХ

СВЯЗЬ ВРЕМЕН

В двадцатых годах нынешнего столетия, то есть сразу же после установления Советской власти в Азербайджане, было создано Общество обследования и изучения

Азербайджана. В 1925 году это общество издало, и ни в каком-то другом городе, а в самом Баку, в типографии «3-й Интернационал» (зак. № 798) книгу Г. А. Кочаряна «Нагорный Карабах» с картой региона на отдельном листе. Тираж книги в 68 страниц небольшой — всего 500 экземпляров. Ввиду того, что она представляет собой библиографическую редкость, хочется привести несколько цитат, которые проливают дополнительный свет на тот неоспоримый факт, что Карабах, исторически принадлежащий армянам, с преобладающим населением армянского происхождения, находясь под эгидой области в составе Азербайджана, превратился в один из отсталых и запущенных районов.

В предисловии к книге, написанном от 30 сентября 1924 года, говорится: «Настоящая работа представляет собою предварительный доклад, прочитанный на первом азербайджанском краеведческом съезде 22 сентября 1924 года. Летом того же года автор, выполняя командировку Общества обследования и изучения Азербайджана, объездил Нагорный Карабах, собирая материалы для изучения кустарной промышленности, распространенной в крае. Полное отсутствие каких-либо материалов, характеризующих вновь образовавшуюся автономную область, побудили автора прочесть на съезде доклад об «Экономике Нагорного Карабаха».

С первых же строк сообщается, что «Нагорный Карабах, как показывает само название, представляет собою гористую страну, прорезанную по всем направлениям многочисленными ущельями». Далее подробно рассказывается о рельефе, климате, гидрографии, растительности, животном мире горной области Арцах, некогда славящейся своими природными богатствами, лесами, реками и водопадами. И все это было поставлено на службу народа, развивало народное хозяйство Армении.

Большой интерес представляет глава «Население», в котором подчеркивается, что «Нагорный Карабах был выделен из Азербайджана в Автономную область по признаку национального большинства: 94,4 процента жителей его составляют армяне, 5,6 процентов — турки. Всех жителей Нагорного Карабаха, без города Шуши, насчитывалось в 1921 году, согласно сельскохозяйственной переписи, 126.368 человек. Если к этому количеству

прибавить еще и население города Шуши, сократившееся после событий двадцатого года до 9223 (в 1921 году), получим цифру 135.591 человек». Тюрками автор называет азербайджанцев. В 1918—1920 годах, как известно, буржуазные националисты-мусаватисты нанесли Арцаху огромнейшие бедствия: был уничтожен ряд населенных пунктов, а в начале 1920 года почти полностью разрушена Шуша, разорено народное хозяйство, все делалось для продолжения геноцида армян.

Как сообщает книга: «перепись 1921-го года производилась в исключительно тяжелых условиях: целый ряд селений не был переписан счетчиками, ибо эти селения были брошены крестьянами; само проведение переписи было сопряжено с опасностями, и именно в Нагорном Карабахе погибло от рук разбойников два ответственных руководителя переписи». «Это еще одно свидетельство того, что местные власти не хотели показать точного количества, населявшего Арцах, чинили препятствия переписчикам.

О чем еще можно узнать из книги? Да о том, что преподавание в школах проходило на армянском языке, 46 процентов армянских учителей имели армянское образование, тюрков—учителей с тюркским образованием не было.

Азербайджанские власти, зная, что население Карабаха в подавляющем большинстве своем армяне, не обращало никакого внимания на развитие промышленности, сельского хозяйства, транспортных средств, улучшение социальной инфраструктуры. «В смысле обеспечения земель Нагорный Карабах занимает последнее место в республике», «население Нагорного Карабаха в два-три раза слабее обеспечено пахотными землями, чем население других уездов АзССР», «недостаток воды составляет второе после малоземелья большое зло Нагорного Карабаха», «сенокосов почти нет», «травосеяние совершенно не практикуется», «торговая деятельность слабо развита», «нет сколько-нибудь развитой промышленности: ни добывающей, ни обрабатывающей», «малярия ежегодно уносит большое количество жертв»... Вот отдельные места, взятые из книги. И таких — десятки! Но самое страшное в том, что положение после 1924 года не изменилось, а в ряде объектов даже ухудшилось. О населении, его трудолюбии, стремлении даже из кам-

ня добыть воду, автор подробно рассказывает на 35—37 страницах книги. «Жители селения Норашен,— пишет он,— славятся хорошие литейщики, жители Нагардзов как каменщики и плотники... Почти все армянское население Закаспийской области и Туркестана являются выходцами из Нагорного Карабаха. Помимо этого, выходцев из Нагорного Карабаха можно встретить по всему СССР. В настоящее время выходцы из Нагорного Карабаха в несколько раз превышают число коренных его жителей. Из года в год происходит отбор населения: наиболее энергичные, деятельные члены покидают свою родину, которая не в состоянии прокормить их». Такая картина повторяется и поныне. Автор говорит, что ничего, кроме «тяжелой допотопной сохи, вызвавшей к себе большой интерес на Всероссийской выставке», Азербайджанская ССР не смогла представить из Карабаха. Соха эта, по словам автора, «была гвоздем Азербайджанского павильона».

Армянский народ делал все для того, чтобы развивать народное хозяйство Арцаха, благоустроить область, но всегда сталкивался с искусственно возводимыми препятствиями и рогатками. Рассказывая о Шуше, к примеру, автор сообщает, что когда-то «это был прекрасный благоустроенный город, населенный главным образом богатыми армянами-карабахцами; многие из них в течение десятков лет не приезжали сюда, но считали своим долгом построить здесь дом». Трудно, очень трудно жилось армянскому населению в Нагорном Карабахе. Первая мировая война и Октябрьская революция, как пишет Г. Кочарян, «ураганом пронеслась над Нагорным Карабахом, оставив после себя груды развалин, множество могил. До сорока селений с городом Шушой были уничтожены в межнациональных столкновениях. Несколько раз волны авантюристических налетов перекатывались через Нагорный Карабах. Отрезанное от всего мира население жило в постоянном страхе, ожидая гибели от голода или вражеской пули». Ведь то же самое повторяется и сегодня, сейчас.

Каждый день средства массовой информации приносили новые тревожные вести: погромы и убийства мирного армянского населения в Баку, до предела обострившаяся ситуация в Нагорном Карабахе, Ханларском и Шаумяновском районах. Ситуация, страшная своей

непредсказуемостью, поставившая две соседние республики на грань гражданской войны.

Исторические параллели тревожат память, вызывают к разуму и совести. Почему и сегодня, как и почти полвека назад, попирается право автономий на выбор собственной судьбы?

РЭМ ДАВИДОВ,
заслуженный журналист

Грузинская ССР

«Коммунист», 4 февраля
1990 г.

АЗЕРБАЙДЖАНЦЫ — «РАЗДЕЛЕННЫЙ НАРОД»?

На минувшей неделе в иранском меджлисе произошел громкий скандал. Двум депутатам, попытавшимся выступить с трибуны парламента Исламской Республики Иран, не дали говорить на азербайджанском языке. В случившемся как в капле воды отразилось отношение к иранским азербайджанцам в высшем органе законодательной власти этой страны.

Вообще надо сказать, вокруг иранского Азербайджана там всегда кипели бурные страсти. Мне не раз приходилось наталкиваться на утверждение, что едва ли это не самая отсталая часть нашего южного соседа. Да и самих азербайджанцев в Иране называют «азери». Может быть, в этом нет ничего обидного или унижительного. Я заранее хотел бы оговориться, что ничего плохого в свое толкование такого названия азербайджанских собратьев не вкладываю. Просто удивительно, почему вдруг используется именно такое сокращение...

Покойный имам Р. Хомейни, первый духовный правитель страны после свержения шаха в 1979 году, считал, что азербайджанцев как нации вообще не существует. «Они турки», — говорил он. Здесь бы я хотел подчеркнуть, что толкование суждений, подобных вышеприведенному, в Иране было очень много.

Отлично помню, как между Р. Хомейни и великим аятоллой К. Шариат-Мадари, едва будущий духовный правитель возвратился в свою страну после многолетней

ссылки, возникли откровенно враждебные отношения. Дело в том, что К. Шариат-Мадари азербайджанец по национальности. И когда Р. Хомейни стал именоваться, кстати, по собственной инициативе, имамом, тот язвительно заметил:

— Двенадцатый имам, затерявшийся в небесах, который должен принести многочисленные блага и умиротворение миллионам своих последователей-шиитов (и в Иране, конечно), должен спуститься с облака. Новый же имам Р. Хомейни сошел с борта «Боинга — 747» компании «Эр-Франс», доставившего его из Парижа...

По приказу Р. Хомейни великий аятолла К. Шариат-Мадари был помещен под пожизненный домашний арест. Даже тогда, когда тот попросил разрешения отправиться в Лондон, для того чтобы там ему вырезали раковую опухоль, он получил отказ.

Я привел некоторые подробности распри между высокопоставленными духовными деятелями Ирана, чтобы подчеркнуть: даже великому аятолле-азербайджанцу там скидок не делали, несмотря на то, что в свое время он, поддержав Р. Хомейни, спас его от ареста...

Вернемся, однако, к положению в иранском Азербайджане. В нем сейчас проживает 9 миллионов человек. Столицей провинции является город Тебриз. Он не числится среди промышленных или культурных центров Ирана, хотя я вовсе не отрицаю, что у иранских азербайджанцев в чести, своя национальная культура. Но о ней в Тегеране говорят и пишут не часто...

Известно, что еще в 1946 году в иранском Азербайджане произошли события, свидетельствовавшие о том, что его жители хотели добиться торжества демократии. Их выступление было жестоко подавлено армией шаха. Сейчас об этом вспоминают с несколько странным антисоветским акцентом. Но вот в Баку, особенно в связи со «сносом» советско-иранской границы в первой декаде января 1990 года, вдруг с новой силой заговорили о «разделенном народе». Несколько лет назад я слышал от моих бакинских друзей, что хорошо бы решить азербайджанскую проблему в результате присоединения иранского Азербайджана к Советскому Азербайджану. Теперь формула изменена и заговорили едва ли не о создании (по крайней мере, некоторые лидеры Народ-

ного фронта такой лозунг провозглашали) «исламского Азербайджана»...

Не хочу гадать, хотели или нет завязывать какие-то особые отношения с иранским Азербайджаном экстремисты из НФА. Может быть, позднее и в это будет внесена ясность. Но вот нужно ли это Ирану, не случайно пугавшему нас «мусульманским пожаром»? Не лучше ли прекратить начатые на советско-иранской границе «исламские игры» и превратить ее не в источник смуты, а в зону спокойствия? В результате выигрывают и Советский Союз, и Иран.

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ

«Литературная газета», 7 февраля 1990 г.

ПРОНИКАЮЩЕЕ РАНЕНИЕ

Нам выпало жить в немилосердное время.

Когда-нибудь перед нами откроется полная панорама трагедии в Закавказье. Еще будет рассказано о том, как от искры в Нагорном Карабахе взметнулось пламя беды. Мы еще содрогнемся от подробностей погромов армян в столице Азербайджана, когда заговорят документы,— резни, устроенной молодчиками, выдававшими себя за Народный фронт. Еще станет известно, как и почему ситуация вышла из-под контроля... Еще мы прочтем о том, как бывший первый секретарь ЦК компартии республики будто нарочно выжидал в дни, когда каждая минута множила число жертв... Еще узнаем на каком-нибудь очередном Съезде народных депутатов подробности осады города войсками... Нам еще доложит очередной генерал, кто отдал приказ о срочном призыве резервистов, как Советская Армия и граждане СССР стреляли друг в друга на улицах столицы Азербайджана... И, хочется верить: наступит день суда, открытого, гласного, когда поведают нам всем, гражданам этой не знающей покоя страны, как одно преступление, словно по цепной реакции, рождает десятки других...

В начале января бакинских армян предупреждали: убирайтесь, иначе будет худо. Однако еще в декабре

прошлого года Всесоюзный совет общественных организаций беженцев-армян из Азербайджанской ССР писал в адрес второго Съезда народных депутатов о том, что ситуация требует «...немедленно восстановить порядок в Азербайджанской ССР и безопасность проживающего в республике армянского населения и лиц других национальностей, ввести дополнительный контингент воинских частей и подразделений МВД». Думается, Политбюро ЦК КПСС, правительство располагали и другой исчерпывающей информацией о надвигающейся угрозе. Но радикальных мер не приняли.

Связи с Баку долго не было, а потом вдруг в редакции отчаянно зазвонили телефоны. Застучал телетайп с сообщениями, похожими на сигнал бедствия из штормового океана. Нас, журналистов «Огонька», возмущенно спрашивали из Еревана и Баку: «Почему нет правдивой информации о событиях в Азербайджане? Что требуется телевидению, чтобы передать подробные репортажи, разве не хватает видеокамер и самолетов? Почему никто, кроме западных радиостанций, не сообщает, что в Баку продолжают бить?» И люди за тысячи километров, рискуя жизнью, выносили на балкон телефонные аппараты — сквозь помехи доносились взрывы, автоматные очереди. Сжималось от беспомощности сердце...

А потом мы увидели беженцев.

Как только заработала паромная переправа в Красноводске, они хлынули в Москву тысячами, заполнили вокзалы и аэропорты. Старухи, о руки которых расисты гасили сигареты, полураздетые дети в домашних тапочках, женщины и мужчины с потухшими от горя глазами. Мы видели армян, которые оказались виноватыми лишь в том, что рождены армянами, и азербайджанцев, которых изгнали лишь за то, что мать, отец, жена или муж другой национальности...

Вот их голоса, записанные на диктофон. Наберитесь мужества, послушайте...

Артем Александрович Данилян, 81 год:

— Я из Баку. Пятьдесят шесть лет своей жизни работал, воевал на фронте. Когда нам стали угрожать, я, дочь и две внучки жили в подвале. Потом пришли воен-

ные и забрали нас. Армян там, наверное, уже не осталось. Может быть, некоторые еще прячутся...

Леонид Алтунян:

— 16 января к нам пришел участковый, майор милиции, вместе с человеком, который назвался представителем Народного фронта. Сказали: «Покидайте квартиру, иначе вас будут убивать». Мы подчинились — все-таки официальные лица. Неделю нас продержали в запечатом помещении. Жену отпустили, поскольку она русская. Меня с отцом и других — там было человек двадцать — избивали несколько раз в день... Только потом под охраной солдат переправили в Москву.

Дмитрий Сергеевич Папику, 48 лет:

— Я видел все с самого начала. Видел, как поджигали машины с инвалидами, громили инвалидные коляски, выбрасывали из окон имущество, хватили людей на улицах... Меня взяли 13 января как заложника, несколько дней держали в комнате, кажется, метров десять квадратных, где нас было около сорока человек. Мучали каждые полчаса, пытали, избивали. Меня били коваными ботинками, заставляли мыть туалеты. Слава Богу, что вырвались...

Рауф Али-оглы Алискеров:

— Я азербайджанец, но мать — армянка. Нас тоже выселили, когда я был на работе. Они забрали все деньги и били мою мать. Об этом она рассказала, когда я ее нашел. Меня тоже стали избивать, приговаривая: «Откажись от матери, иначе ты не тот человек...» Все они были с ножами. Спасибо солдатам, которые охраняли нас на пароме и дали еды...

...Голоса этих людей прозвучали на Курском вокзале Москвы 22 января 1990 года. На магнитофонной пленке — десятки рассказов очевидцев, и подавляющее большинство из них не «чистые» армяне и не «чистые» азербайджанцы, немало и русских. Чем же провинились эти обездоленные люди перед землей, где родились, работали, жили, язык которой знали не хуже родного? Убежден: в средневековом разбое, учиненном головорезами, нельзя обвинить весь азербайджанский народ, преследовать целые народы могла только сталинская клика. Многие азербайджанцы прятали своих соседей-армян

так же, как в июне прошлого года некоторые узбеки — турок-месхетинцев.

Несколько десятилетий эксплуатировали нашу веру и при помощи насилия, страха удерживали «Союз нерушимый республик свободных». Сколько еще песен было сложено о «братской дружбе», сколько бумаги переведено зря! Новая Федерация не создана. Старую — пытаются удержать силой оружия ради сохранения прежних порядков.

Как бы там ни было, колокол пробил, кровь пролилась; мсть принесет лишь новые бессмысленные жертвы.

Надо остановиться! Никакая национальная или державная идея не может оправдать гибель сограждан в мирные годы. Никогда еще кровавая вендетта никому не приносила благополучия и покоя.

Ни один народ земли не был счастлив за счет чужого горя.

Предав наших мертвых земле с честью и достоинством, подумаем о живых... Тысячи беженцев хлынули за пределы Азербайджана, в том числе и русские, в основном из семей военных. Все наши газетные и телеразговоры о милосердии останутся пустым звуком, если не позаботятся о людях, которые надолго, если не навсегда утратили кров на родине, потеряли родных.

Межнациональная война в Закавказье, которая продолжается за пределами Баку, еще не вполне осознана как национальное бедствие. Российские города, в том числе и Москва, оказались не готовы принять и обогреть изгнанных армян, азербайджанцев, русских, позаботиться о детях и стариках, беспомощных, больных, без денег и документов. Это не только те, кто пострадал от погромов, от стычек на горных перевалах и штурма бакинских улиц, — все наше общество, которое мы перестраиваем с таким трудом, получило проникающее ранение, и рубцы этой немыслимой войны еще долго будут мучить людей.

Ничто живое не подлежит убийству.

Но только один вопрос не дает покоя, хочется спросить всех вас и самого себя: что же со всеми нами случилось?

АНАТОЛИЙ ГОЛОВКОВ
«Огонек» № 6, 1990 г.

ТИХАЯ ТРАГЕДИЯ

Появление русских беженцев из Баку добавило новую драматическую главу к летописи печальных событий в Закавказье. Новая волна беженцев накатила, когда еще отнюдь не улеглись, не успокоились волны предыдущие — не обрели работы и нового места жительства армянские и азербайджанские страдальцы, выкинутые из родных гнезд безжалостной рукой национал-фанатиков. Забывать о них нельзя, что лишний раз подтверждает публикуемый материал.

В самый канун Нового года в подмосковном доме отдыха я познакомился с четырьмя семьями армянских беженцев из Азербайджана. Их там временно приютили. Я записал на диктофон беседу с одним из них, отцом четырех детей. На всякий случай назову моего собеседника вымышленным именем и фамилией, ну допустим, Ашот Петросов. Ему сорок один год, мастер на все руки — каменщик, облицовщик, штукатур, но может еще работать автомехаником и шофером. С ним жена и двое сыновей — симпатичные карапузы с живыми и умными глазенками — Армен и Миша четырех и пяти лет.

Но прежде чем перенести на бумагу наш с ним разговор, должен сделать наиважнейшее предупреждение — убежден, что столь же скорбную историю мог бы рассказать мне и азербайджанский беженец из Армении, и я сел бы за машинку с той же душевной болью. Но случай свел меня с Ашотом Петросовым, поэтому ему слово.

А. П. В феврале 1988 года была резня в Сумгаите, потом наступило некоторое затишье, и мы думали, что все обойдется, что у нас в Кировабаде такое невозможно. После сумгаитских событий приезжали к нам в Кировабад азербайджанцы из Армении, предлагали армянам из Азербайджана меняться квартирами, пока не поздно. Они предвидели развитие событий, а мне их разговоры казались глупыми. К тому же я пятнадцать лет ждал квартиру, своими руками довел ее до ума, игрушечку из нее сделал, и вдруг меняться? Зачем я их тогда не послушал?.. 21 ноября утром прибежал встревоженный сосед, по национальности азербайджанец, но отношения у нас с ним были очень хорошие, и сказал: «Вам надо скрыться, если сумеете. Положение очень

плохое для армян». Я жил на четвертом этаже. Спустился, выглянул из подъезда, вижу, из дома уже выйти невозможно. Дом окружен, и наводчики со списками адресов указывают толпе, где армяне живут. На мое счастье, мимо проезжало пустое такси. Я проработал пятнадцать лет в таксопарке, таксопарк у нас один на весь город, мы все знаем друг друга. Там девяносто процентов азербайджанцев, но мне азербайджанец — водитель такси помог бежать. Вывез нас в армянскую церковь. Военные нас там охраняли. Танки выставили, БТР. В церкви были и избитые, все на полу...

М. В. Вещи вы успели взять?

А. П. Никаких вещей. Только успели взять сонных детей, и все.

М. В. А что орали при этом погромщики? Какие обвинения выдвигали?

А. П. Дикая крик — не разберешь, что они хотели.

М. В. А что за публика — молодая шпана?..

А. П. Нет, были среди них и в годах, даже работники органов милиции.

М. В. В форме?

А. П. В форме.

М. В. Но я все-таки не понимаю — за что? В чем вас обвинили погромщики?

А. П. Все были настроены агрессивно, а вина наша в том, что мы по национальности армяне. Больше никакой вины.

М. В. Что было дальше?

А. П. Потом скрывались в военном городке — закрытой зоне, где жили военные. Там нам предоставили жилье. Двадцать шестого ноября пришел сосед-азербайджанец и сказал: «Вечером, в шесть часов, твою квартиру разбомбили». А потом приехали из Прокуратуры СССР, следственная группа, и я обратился к ним, что вот так и так. Их было четверо, они взяли меня в свою машину, и мы вместе поехали на квартиру. Входная дверь исчезла, ее сорвали с петель и куда-то выкинули, сосед кое-как забил проем досками. Следователи попросили у соседа топорик, доски отбили, мы вошли, у них был фотоаппарат со вспышкой. Пройти по комнатам было невозможно — мебель вся порублена, шифоньеры разломаны и все пустые. Все постельные принадлежности исчезли, ни одной простыни, ничего. Я узнал, что

после погромщиков приходили мародерки-тряпичницы, все хорошее унесли, а что не подошло, покидали через окно во двор и там сожгли. У нас был мешок старых вещей, я думал, найду, починим, залатаем — и мешок исчез. Я незадолго до того мать похоронил. Между прочим, семьдесят азербайджанцев, наших друзей, на поминки пришли. Фотографии были, как выносили, как хоронили. А тут гляжу: обрывки фотографий на полу валяются. Посуда вся побита. Следователи — Сидоров, Андронов и Изгожев из Москвы, все сфотографировали, описали. А потом оценочная комиссия оценила ущерб в восемь тысяч триста сорок три рубля. Я согласился.

М. В. Деньги получили?

А. П. Нет, ни копейки не получил до сих пор. Хотя прошло больше года. А потом события еще хуже обострились. Следственная группа и военные нам говорят: «Куда хотите уезжайте, здесь вам оставаться невозможно». Перед отъездом я с теткой пошел в исполком на счет компенсации за ущерб, а они нас обсмеяли: «Слушай,— говорят,— вам бежать надо, а вы за деньгами ходите». Мы уехали в Ставрополь — жена, четверо детей и я. Эти двое и дочки — восьми и семи лет.

М. В. А где же девочки?

А. П. В Виннице, у тети жены. Сейчас обе в первом классе, год потеряли.

М. В. Итак, вы уехали в Ставрополье.

А. П. Мне сказали, что там можно в совхозе устроиться. Но мне в этом совхозе сказали прямо: «Беженцев из Армении и Азербайджана категорически запрещено брать на работу».

М. В. Почему?

А. П. Не знаю, у них устный приказ был. Они нам сочувствовали, но помочь, однако, ничем не могли. А работа есть, руки нужны. Когда я все надежды в Ставрополье потерял, я приехал в Москву, чтобы отсюда заставили Баку компенсировать ущерб, дали эти восемь тысяч. В Москве ночевали на Киевском вокзале. На следующий день в Армянском постпредстве говорят: «Мы вас поселим в доме отдыха на месяц. Временно, а потом посмотрим, что будет». И постпредство купило моим сыновьям пальто, ботинки, нижнее белье. И дали нам сто рублей. Через двадцать четыре дня нас хотели выселить отсюда. Но здесь отдыхала журналистка Вера

Шагина. Она обратилась ко всем отдыхающим, люди собрали нам деньги, съездили домой, привезли одежду — вот это все, что на мне, они привезли. Потом собрали деньги — получилось по тридцать рублей на семью. Шагина добилась, чтобы нас здесь оставили до Нового года. А теперь слух идет, что скоро нас выселять будут...

М. В. Куда?

А. П. Не знаю. Вернемся опять на вокзальную скамейку. А что делать? Мне посоветовали обратиться в Прокуратуру СССР. Я пошел. Помощник Генерального прокурора Уткин побеседовал со мной и посоветовал написать заявление о выплате компенсации. Заявление ушло в Баку с припиской прокуратуры: «Направляем вам для проверки и принятия мер», и мы получили из Азербайджана ответ, что «списки претендующих на возмещение ущерба посланы в Совет Министров Азербайджана для рассмотрения». После этого мы писали в Совет Министров Азербайджана. Они не ответили до сих пор. Еще это трагическое совпадение с землетрясением... Нас бы, конечно, разместили в Армении, но у них сейчас свои люди на улице остались. Пожалуйста, говорят, поезжай восстанавливать Спитак, Ленинакан, но жить будешь с семьей в палатке. Зимой в палатке,— как это возможно?.. А работать я готов даже дворником. Если дворником меня возьмут, я пойду. В разнорабочие пойду.

М. В. Какие-нибудь источники дохода у вас есть?

А. П. Никаких.

М. В. Неужели никто из ваших до сих пор не устроился на работу?

А. П. Устроились некоторые холостые, живут, где попало, кто как прилепился. А я и в Метрострой ходил, и на ЗИЛ. В Метрострое я им даже облицовал кусок стены, показал мастерство. Они сказали: «Да, ты нам подходишь, берем». Но как только узнали, что я беженец и у меня семья, дети,— нет, говорят, не можем. На завод Лихачева я обратился. Мне говорят: «Да, нужны люди». Трудовую книжку, паспорт, военный билет кадровичка посмотрела, говорит: «Все в порядке, пишите заявление», у меня от радости в голове закружилось. А тут замдиректора заходит. «Вы,— говорит,— документы просмотрели?» — «Да». Он паспорт взял, сзади открыл и этой женщине говорит: «Что вы! Вы разве не знаете, что мы семейных не можем принять, тем более с иногородней

принской. Нет,— говорит,— вы извините, не можем». Все оборвалось...

М. В. Армянское постпредство помогает вам трудоустроиться?

А. П. Вот, они мне дали такую справку: «Дана настоящая гр-ну Петросову Ашоту Мартиросовичу в том, что он действительно с сентября 1989 года находится в Москве по причине обострения межнациональных отношений в Кировабаде. Справка дана для представления при возможности временного трудоустройства». Да только возможности такой не представляется.

Поговорив с другими беженцами, я пришел к невеселому выводу, что после известного миру погромного акта драмы в тиши разыгрывается второй, тихий акт — беженский. Что делают власти для налаживания нормальной, человеческой жизни этих несчастных, оставшихся без крыши над головой, без работы и без имущества? В поисках ответа на этот вопрос я побывал в Госкомтруде СССР у заместителя начальника Управления миграции и переселения Петра Сергеевича Рудева.

— Мы занимаемся беженцами второй год. Мы — это не только Госкомтруд. Это прежде всего правительственная комиссия, а их уже было несколько во главе с зампредами Совмина. Теперь этими вопросами ведают Первый заместитель Председателя Совета Министров СССР Лев Алексеевич Воронин и заместитель Председателя Совета Министров СССР Виталий Хуссейнович Догужиев. Так вот,— продолжал Петр Сергеевич,— всего выехало из Азербайджана, по некоторым источникам, 250 тыс. армян*. (Из них основная масса переселилась в Армению, но 55 тысяч выехали за пределы обеих этих республик. Около семи тысяч находятся в Москве. Остальные осели во многих регионах Российской Федерации, где им была оказана всяческая помощь. Совет Министров РСФСР поручил исполкомам областных и краевых Советов 19 территорий европейской части — в основном юга и центра России — оказывать им содействие при получении жилья и работы на новом месте. В Ростовской области, где старая армянская община, был

* Данные на конец 1989 г.

выделен целый район для расселения беженцев. Там были случаи, когда в один день ставили дома. И проблем нет, никаких писем с жалобами, ничего. Все, кто хотел устроиться таким образом, осели.

М. В. Итак, беженец может приехать, скажем, в Ставрополь, прийти в крайисполком, и ему помогут с жильем и работой?

П. Р. Да. В Ставропольском крае десятки тысяч людей приобрели жилье, построились. Так, во всяком случае, было до последнего времени.

(Признаюсь, оговорка «до последнего времени» меня несколько насторожила, но не хотелось прерывать монолог знающего человека).

П. Р. Разработан механизм компенсации за потерянное имущество и разрушенное жилье. Тот исполком, который готов разрешить беженцам купить дом на своей территории, должен обратиться в «Межреспубликанскую комиссию по вопросам возмещения причиненного материального ущерба лицам армянской и азербайджанской национальности, вынужденно покинувшим места постоянного проживания» — таково ее полное название. Азербайджанскую часть комиссии возглавляет первый зампред Совмина АзССР Раси-Заде, который ведает этими делами. Соответствующее возмещение должно быть переведено обратившемуся к нему райсовету, совету и т. д. То есть сам беженец наличными на руки компенсацию не получит. Денежная операция возмещения ущерба идет между советскими органами власти — теми, кто принимает, и теми, откуда выбыл.

Теперь об армянских беженцах, находящихся в Москве. Есть основание считать, что они прибыли сюда целенаправленно, желая поселиться только в Москве или в Московской области. Между тем правительственная комиссия приняла решение: учитывая остроту с жильем, в Москве, Московской области и Ленинграде беженцев не размещать. Люди, которые этого не знают, подобно Ашоту Петросову, должны быть четко информированы, чтобы понапрасну не тратили в Москве время и деньги. 28 министерств и ведомств предоставляли прибывшим в Москву работу в городской местности европейской части страны, и они от всего отказались. Все армянские беженские семьи в Москве были по несколько раз «пропущены» через комиссии, им пред-

лагали по несколько вариантов, но только десять семей согласались ехать по направлению. В результате было решено прекратить рассмотрение претензий граждан, отказавшихся от предложенных им вариантов или уклоняющихся от принятия решений. Но это не значит, что оказавшимся в Москве не было оказано никакой помощи. Азербайджан выделил 600 тысяч рублей в качестве трехмесячного пособия для беженцев, прибывших в Москву. Из этой суммы по моей подписи три банка Москвы выплачивали по триста рублей на трудоспособного члена семьи.

(Странно, подумал я, Ашот говорил о ста рублях единовременного пособия...).

— Ну а все же, Петр Сергеевич, куда теперь обращаться прибывающим в Москву беженцам — и армянским, и азербайджанским?

— Во Всероссийский центр по трудоустройству, адрес: Москва, Первый Басманный переулок, дом номер три.

Для полноты картины я отправился за информацией в постпредство Армянской ССР в Москве. Принял меня зампостпреда Р. С. Бурназян. В беседе принимали участие сотрудница постпредства — Стелла, сама беженка из Баку.

По подсчетам постпредства, в Москве находятся десять тысяч армянских беженцев. Они осаждают постпредство в надежде получить какой-то спасительный ответ, ценную информацию. Постпредство делает все, что может, а может оно немногое. Главным образом, утешает и успокаивает.

Вот приходят люди, штурмом пробившиеся в гостиницу и бесплатно там живущие.

— Говорят, нас скоро выкинут на мороз? Это правда?

— Надеюсь, что неправда, — отвечает им Бурназян.

— А сколько еще будет держать?

— Вы хотите, чтобы я дал вам гарантию на десять лет? Нет, такой гарантии я дать не могу.

Я спрашиваю:

— А что вы отвечаете, Ремир Саркисович, на прямой вопрос бездомного и безработного беженца: «Куда мне деваться?»

— Отвечаю: в Армению. Там принимают и расселяют всех. Но в сельской местности. А это горожанину не подходит, он не умеет возделывать землю, его тоже можно понять.

— Ставрополь, Краснодарский край, Ростовская область перестали принимать, — печально информирует Стелла. Так вот что значила оговорка Рудева «до последнего времени принимали!» О причинах догадаться нетрудно — перенасыщение беженцами указанных мест, южане хотят разместиться поближе к родным, закавказским краям...

Увы, еще очень и очень далеко до финальной точки в трагической одиссее беженцев. Не так уж хорошо отлажен механизм расселения и трудоустройства, как это кажется работникам Госкомтруда. Что-то недоумано, что-то явно преждевременно объявлено завершенным.

А тут еще в январе новые дикие эксцессы и новые волны беженцев. Паромы вывезли из Баку в Краснодарск последних армянских оптимистов.

МАРК ВИЛЕНСКИЙ
(Газета «Союз», № 7).

ВОЙСКА ВВЕДЕНЫ. ПОГРОМЫ ОСТАНОВЛЕНЫ. ЧТО ДАЛЬШЕ?

Была ли альтернатива применению военной силы в Баку?

Объявлению чрезвычайного положения в Нагорно-Карабахской автономной области и некоторых других районах Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 января и в Баку Указом от 19 января предшествовали погромы и убийства в Баку, нападения на военные объекты с целью захвата оружия и боевой техники в Армении, перестрелки в НКАО и приграничных селах, бесчинства на советско-иранской границе в районе Нахичевани, возобновившаяся железнодорожная блокада Армении, потоки беженцев... События развивались по нарастающей, когда вошла армия. Общественное мнение восприняло этот шаг противоречиво: доверие к армии

как к третейской силе подорвало Сумгаит, где войска появились через три дня после начала резни. Тбилиси, где военная мощь оказалась обращена против безоружных людей. Фергана, где солдаты только и смогли, что охранять лагерь беженцев и вывозить их за пределы республики.

В Баку, к примеру, Москва стала мишенью для обвинений — на этот раз в имперских замашках, рецидивах сталинщины и даже в подавлении национально-освободительного движения в Азербайджане... Массовые митинги протеста против присутствия войск прошли по всей республике. Часть интеллигенции в Москве в появлении на сцене конфликта армии видит угрозу демократизации. «За» голосуют, кажется, только жители сел, попавших в зону «боевых действий», и беженцы из Азербайджана... Родился страшный лозунг: «Войска надо было вводить раньше, а сейчас необходимо как можно скорее вывести».

Отметим, что центру пришлось выбирать меньшее из многих больших зон. Введение чрезвычайного положения, на первый взгляд, подтверждает тезис Народного фронта Азербайджана: события в республике спровоцированы, чтобы найти оправдание вмешательству для поддержки потерявшего власть республиканского руководства. Но в Азербайджане при всем том сейчас даже не двоевластие, как показал ход событий. Там нет политической силы, которая в состоянии была бы контролировать положение и гарантировать гражданский мир и безопасность всему населению — Народный фронт тоже не является таковой. И в этих условиях рефлексировать **за тему** — вводить или не вводить войска — в буквальном смысле смерти подобно. Неужели жители Баку «не замечали» погромов?

Почему перестроечное народное движение в Азербайджане (как характеризуют его представители Народного фронта) пошло по пути насильственных захватов власти (Ленкорань), разрушения границ (Нахичевань), многотысячных митингов со скандированием «Уходите!», обращенным к республиканскому руководству, а не по пути демократических выборов в местные и в республиканский Верховный Совет, которые могли быть проведены в считанные месяцы?

Вряд ли хоть один трезвомыслящий человек в стране считает, что вступление армии — абсолютное благо. Но сводки МВД из Баку сообщают: погромы прекращены, организован отъезд беженцев, мирное население защищено. Первая и главная цель достигнута.

Вторая задача — найти решение проблем путем переговоров — посложнее. Через несколько дней после введения чрезвычайного положения в газетах промелькнула информация: при посредничестве начальника политотдела Ереванского гарнизона генерал-майора Михаила Суркова достигнуто перемирие между Народным фронтом Нахичевани и Армянским общенациональным движением. Одна из немногих обнадеживающих новостей.

*Мы связались с генералом
СУРКОВЫМ:*

— Какова была обстановка к моменту введения чрезвычайного положения?

— В Армении чрезвычайное положение введено всего в одном районе — Горисском на границе с Азербайджаном. Хотя кровопролития там не было, люди интенсивно вооружались — готовились к самозащите, как они это объясняли... 18 и 19 числа в армянском поселке Ерасх и азербайджанском Садарак были перестрелки. Есть погибшие с той и другой стороны. После начала переговоров, инициаторами которых стали военные и в которых участвовали представители Народного фронта Нахичевани и Армянского общенационального движения, удалось достичь соглашения. Сегодня вооруженные группировки от границы отведены. Армия заняла рубеж между противоборствующими сторонами.

— Каковы основные пункты соглашения?

— Первое — прекращение огня. Второе — обмен людьми, захваченными в плен. Третье — обеспечение работы железной дороги. Пока выполнено только первое условие.

— Не было ли в соглашении пункта о том, что стороны должны разоружиться?

— Это самый трудный вопрос. Мы пытаемся убедить население сдавать автоматическое и стрелковое оружие и не настаиваем, чтобы сдавалось охотничье оружие,

если на него имеется специальное разрешение. Больших успехов мы пока не достигли, хотя случаи сдачи оружия были.

— Когда армия покинет регион?

— Когда будут гарантии, что ни одному народу ничего не угрожает.

— Что вы думаете — как народный депутат — о вводе войск?

— Он был необходим, чтобы пресечь кровопролитие. Это своевременная мера. Нет, даже, пожалуй, запоздалая. Еще несколько месяцев назад можно было бы обойтись меньшей кровью...

— Нужна ли в регионе депутатская комиссия?

— Она нужна были в первые дни событий. Мне не совсем понятно, почему в момент обострения обстановки я не слишком часто встречал на передовой народных депутатов... А ведь их присутствие могло повлиять на ход событий. Сегодня депутаты понадобятся уже, наверное, лишь затем, чтобы усадить все стороны, участвующие в конфликте, за стол переговоров.

— Идет ли в Армении подготовка к выборам — или о них все забыли?

— Дата выборов в Армении пока не определена...

А какова же роль Верховного Совета СССР в этой ситуации? Она могла и должна была быть весьма существенной. Процессы должны были привлечь внимание прежде всего или хотя бы комитета Верховного Совета по вопросам законодательства, законности и правопорядка, комиссии Совета Национальностей по национальной политике и международным отношениям. Но... Верховный Совет на каникулах. И происходящее в двух Закавказских республиках не приблизило дату начала очередной сессии ни на один день. Кто же должен создать в республике конституционные условия для нормального развития событий — свободного волеизъявления, защиты прав личности и разрешения конфликтов? Вот и выходит, что другого гаранта, кроме армии, сегодня нет. Восстановив порядок, она займется организацией «круглого стола» политических сил...

МАРИНА ШАКИНА

УРОКИ НА СЕГОДНЯ

Сообщения из Баку и приграничных районов Азербайджана и Армении звучат сегодня менее драматично. Это если мерить трагедию цифрами убитых, раненых, пропавших без вести. Однако для многих тысяч людей, вынужденных покинуть свои дома, в мгновение ока расстаться с привычной жизнью, работой, впереди не одна драма — социальная, психологическая, нравственная.

Отсюда и выстраиваются первые уроки трагедии не только для этих людей, но и для страны в целом.

Вот каковы, на мой взгляд, некоторые из них уже сегодня.

Урок первый. Незащищенность личности. Государство, прежде всего республика, не смогло защитить своих граждан. Погром — это преступление против личности, человечности. И в этом смысле и ввод войск в Баку, и чрезвычайное положение опоздали на несколько дней.

Пренебрежение правами человека не раз в нашей истории приводило к трагическим последствиям. Тем не менее и общество, и власти до сих пор обнаруживают удивительную терпимость к националистическому экстремизму. Отсутствие должного расследования и публичного наказания виновных за Сумгаит способствовало власти к деятельности «Памяти» и примыкающих к ней групп вроде «Союза за национально-пропорциональное представительство», открыто нарушающих Статью 36 Конституции СССР, — дело дошло до рукоприкладства со стороны боевиков упомянутого «союза» в Доме литераторов 18 января — может привести к еврейским погромам в Москве.

Наша страна с разноликими, стремящимися к самостоятельности республиками во многих отношениях напоминает огромный, сообщающийся сосуд. Прибывающие из Азербайджана в Москву беженцы — армяне, русские, — если вовремя не решить их проблем, легко превратятся в материал, вспыхивающий от малейшей националистической искры. Собственно, это и случилось в Баку с беженцами из Армении.

Мне показалось вполне логичным предложение, сделанное на днях на заседании Московской трибуны, со-

бирающей лучших представителей интеллигенции города: возмещение расходов по устройству беженцев за счет республики, допустившей погромы. Думаю, однако, это было бы реально лишь при наличии соответствующего закона, закона о статусе беженцев, который, на мой взгляд, пора принять в рамках Союза. Что касается Московской трибуны, то ее участники, обсуждая резолюцию «Об обострении межнациональных отношений и эскалации насилия в стране», решили создать комитет по борьбе с антисемитскими и другими националистическими проявлениями.

Урок второй. Эскалация насилия. Трагические события в Закавказье и в этом отношении чреватые опасностью для страны с ее экономической нестабильностью. Насилие порождает насилие, рост агрессивности в обществе. С одной стороны, количество оружия в руках граждан увеличивается, чем пользуются преступные элементы. С другой — на политической арене действуют силы, не только тайно саботирующие предлагаемые правительством меры оздоровления экономики, но поощряющие насилие в целях дальнейшей дестабилизации общества. Кое-кто из людей вчерашнего дня, мечтающих о дне завтрашнем, не прочь распространить меры против преступников и на борьбу с инакомыслящими. Таким образом, эскалация насилия таит в себе прямую угрозу еще не окрепшим демократическим институтам.

Урок третий. Многомерность конфликта. Он развивается по четырем линиям, постепенно все туже сплетавшимся в один клубок: конфликт между республиками; по линии республика — центр; между неформальными движениями и местными властями; между стихией толпы и правоохранительными органами. Отделить одно от другого невозможно. Поэтому я не могу согласиться с теми, кто называет события в Азербайджане демократическим движением против диктата Москвы и соответственно в действиях Москвы усматривает лишь попытку расправиться с Народным фронтом Азербайджана (НФА). На мой взгляд, это упрощение. Не надо забывать, что между соседними республиками фактически идут боевые действия. Думаю, что нам, «демократам из центра», не терпится разглядеть и наделить НФА демократическими началами в нашем собственном понимании.

380

Парадокс в том, что НФА, взявший на себя власть в ряде районов Азербайджана и фактически — в Баку, не остановил погромы. Умеренные деятели фронта, выступающие за развитие демократического процесса, строительство современного правового государства в составе обновленной федерации, судя по всему, не контролировали положение, и до ввода войск их буквально поглотила разбушевавшаяся стихия толпы. В то же время надо признать, что сам ввод войск укрепил в руководстве НФА национал-экстремистов.

Отвечая на вопрос коллеги из «Московских новостей», председатель НФА Абульфаз Алиев сказал: «Если бы не Карабах, мы бы быстро двинулись к демократии прибалтийского типа». Но как можно двигаться к демократии через погромы? Признать право на самоопределение республики и отказываться в этом праве входящей в нее автономии?

Урок четвертый. Специфика власти в республике. Сложившиеся феодально-партийные структуры, кланы активно участвуют в борьбе за власть, открыто или подпольно влияя на определенные группы в НФА. Борьба с должностными преступлениями сводилась здесь в последние годы к охоте за взяточниками. Влияние упомянутых кланов подорвано не было.

Другой аспект. Власти оказались неспособными к реальному диалогу с разумными силами в НФА, стараясь сохранить атрибутику власти с помощью уступок национализму.

Урок пятый. Отсутствие закона о чрезвычайном положении и связанная с этим недостаточная конкретизация целей и сроков пребывания союзных войск в Баку. Мне здесь подумалось, что при сохранении федеративного устройства нашего государства союзные войска в чрезвычайных ситуациях можно было бы формировать пропорционально из представителей всех республик. По своим задачам и функциям они могли бы походить на силы ООН по поддержанию мира.

Конечно, вывод войск, как и ввод, не устранил источников напряженности, причин конфликта. Решения возможны только на политическом уровне при соответствующем намерении обеих республик. Необходимы надежные гарантии людям неазербайджанской национальности. Кто их даст? Центр? Республика? Народный фронт?

381

Прибалтийские парламентарии разработали план встречи за круглым столом представителей Народного фронта Азербайджана и Армянского общенационального движения. Может быть, у неформалов диалог получится лучше, чем у Верховных Советов республик?

Ситуация вокруг Нагорного Карабаха тем временем остается тупиковой.

Урок шестой. Верховный Совет СССР и Совет Национальностей оказались в стороне от принятия решений по чрезвычайному положению. Группа депутатов из межрегиональной группы обратилась к руководству Верховного Совета с требованием немедленно созвать сессию. Однако наряду с активностью части наших избранных наблюдается явная пассивность другой и большей их части, живущей, похоже, исключительно интересами своего избирательного округа.

На Московской трибуне прозвучало предложение в новом законе о федерации предусмотреть пункт о праве Союза исключить республику из своего состава за нарушение определенных норм поведения. Думаю, события в Закавказье выдвинули на первый план необходимость принятия самого нового закона о федерации.

ГАЛИНА СИДОРОВА
«Новое время», № 8, 1990 г.

ЛЮДИ С СОДРАННОЙ КОЖЕЙ

В городе Иерусалиме есть Стена Плача. Если судьба занесет вас в Иерусалим хоть на один день, вас непременно подведут к месту в этой стене, где камни ничем не отличаются от остальных, и скажут: «Вот здесь!» «Что здесь?» — спросите вы. «Здесь он стал на колени. Он стоял и плакал и просил прощения у еврейского народа за грех своего народа». И только когда вы спросите: «Да кто он? Кто просил прощения?» — незнакомец сообразит, откуда вы приехали: «О, совет, рашиа!»

Да, мы единственная страна, граждане которой не знают, что возникшее на развалинах третьего рейха немецкое государство взяло на себя ответственность за геноцид еврейского и других народов, осуществленный

нацистами. Что это государство, само разрушенное и нищее, начало выплачивать и выплачивает по сей день ежемесячную компенсацию всем выжившим узникам концлагерей—кто б они ни были и где б они ни жили.

Только советские узники отказались от этой компенсации — сделать это им было тем проще, что они о ней и не подозревали.

Марина Влади рассказывает, что когда Владимир Высоцкий впервые увидел супермаркет в ФРГ, с ним случилась истерика, кончившаяся судорогами и рвотой. Он повторял в каком-то пароксизме отчаяния: «Кто выиграл вторую мировую войну? Кто?» Один народный депутат, хорошо известный по своим частым и всегда экзотичным выступлениям, во время обсуждения на сессии Верховного Совета вопроса о советско-немецком пакте, по существу, повторил Высоцкого. Этот бедно одетый, измученный человек растерянно спрашивал у элегантных, уверенных в себе прибалтийских депутатов: «Какой же я оккупант, если я живу хуже вас? Разве так бывает?» Зал хохотал, а мне хотелось взять этого человека за руку (уж точно не один мужик в его роду сложил голову в войне с фашизмом) и сказать: «Да, бывает».

Вот такие мы, «оккупанты». Это и есть наша суть и наша судьба. Попытку повернуть эту судьбу в нормальное направление мы и назвали словом «перестройка».

Наша перестройка окрашивается кровью. Кровью турок-месхетинцев, армян, русских, азербайджанцев. Ребята из «Памяти», вдохновленные безнаказанностью погромщиков юга, кричат, что не сегодня завтра прольют еврейскую кровь. Тысячи молодых семей, как правило, смешанных, русско-еврейских, покидают страну. Уезжают одаренные, умелые, волевые, уверенные, что выживут в жестокой конкуренции капиталистического мира. Близкий, дорогой моей семье мальчик, прощаясь, сказал: «Может, и не повезет мне там. Но лучше умереть от голода, чем от пули погромщика».

От пули? Если б от пули или осколка. Да вель хуже... Это живому смерть страшна в любом обличье. Но умирающему под изощренными, медленными пытками смерть кажется неслыханным блаженством. «Они резали по кускам, — рассказывает мне женщина-азербайджанка о своем муже-армянине, — он кричал: «Убейте»,

и я связанная, кричала: «Убейте, убейте скорее!» Присила убить мужа. Говорит она с гримасой, заменяющий плач. Никто из московских поклонников «бакинской революции», распространяющих фотографии несчастных, убитых при вводе войск в Баку, не набрался мужества взглянуть в глаза этой женщине. Никто из них не пошел в больницы, где умирают старики с отбитыми почками, женщины, изнасилованные до разрыва внутренностей. А ведь больницы ближе, чем Баку, куда поехали они после всех ужасов в воскресающий присмиривший город, чтобы потом на митингах громко назвать себя «очевидцами событий».

Отчего эти люди, в обычной жизни добрые и щедрые, сейчас одели себя броней непробиваемой, монолитной жестокости к жертвам? Отчего мы, победители величайшей в истории войны, живем хуже всех в цивилизованном мире? Это не два вопроса. Это один вопрос, и частицу ответа на него надо искать у Стены Плача, там, где — согласно легенде — преклонил колени первый канцлер ФРГ Конрад Аденауэр. В те мгновения, когда он преклонил колени, его родина встала с колен. Нищая и опозоренная, перед всеми виноватая и всеми проклинаемая, она встала, да так встала, что в конце концов восточные немцы (не признавшие, между прочим, вины за геноцид) прорвали собственными телами другую, то есть свою — Берлинскую! — стену, чтобы хоть на мгновение глотнуть воздуха свободы. Когда Берлинская стена — этот материализованный символ разделения двух миров — рухнула, это была детонация того взрыва, который свершился в душах людей, пославших Аденауэра к Стене Плача.

В Иерусалиме прекрасный гид, друг моих друзей, водил меня по старому городу. Меня потрясло обилие христианских храмов: протестантских, католических, русских, греческих, армянских. Разноязыкий говор стоял над священной землей, но в нем явно превалировала немецкая речь. Между прочим, сын моего спутника учился в ФРГ, дочь другого знакомого вышла замуж в эту страну. Обычное дело. Вместе с немецкими туристами мы постояли у «детской стены» в одном из храмов. Стыдно плакать при людях, тем более, что считается, это мы в России сентиментальны, а западные люди

сдержаны. Но немки ревели не хуже меня. И тут меня пронзило странное воспоминание.

Лет десять назад, еще в брежневское зловещее затишье, я была на научной конференции в одной из южных столиц. За трезвость еще не боролась, и утренние доклады вечером щедро заливались вином. Моим соседом по застолью был молодой, красивый и хорошо образованный историк из Азербайджана. Между нами возникла та стремительно вспыхивающая и столь же стремительно уходящая дружба, какая бывает во время разного рода научных сборов. Когда за столом начались тосты за братские народы и дело дошло до Армении, наряду с дежурными эпитетами «солнечная» и «многострадальная», был помянут тамадой мало кому известный в СССР, но вошедший в хрестоматии всего мира исторический факт: геноцид армян в Османской империи — истребление полутора миллионов мирных жителей — от грудных детей до парализованных стариков — в 1915 году.

В этот момент я услышала хрип и одновременно почувствовала, что мое платье намокло. Мой сосед вскочил, опрокинув бокал, и забился в истерике, повторяя: «Этого не было, этого не было. Ложь. Ложь». Мы дали ему воды, это помогло, но ненадолго. Я хотела было напомнить ему о документах геноцида, но вспомнила, что ведь он историк и сам все знает. Но он никогда не примет этого знания, поскольку живет в ложном абсурдном убеждении, что никакого отношения не имеющий к тем событиям в Османской империи Советский Азербайджан, а значит, и он лично, виновны во всех грехах против армянского народа, что так думает весь мир и сами армяне, которые раньше или позже за это отомстят.

И у меня сердце заглохло при мысли, что же будет, если тоталитарный режим рухнет, а вместе с ним распадется на куски «новая историческая общность», и каждый «кусочек» вспомнит то, что было запрещено ему вспоминать столетия. Эта мысль исчезла мгновенно. Ведь тогда, в середине 70-х, кто мог поверить, что предсказание Оруэлла по-своему точно: 1984-й будет рубежом годом?!

Андрей Битов, один из самых интеллигентных русских писателей, приехав в начале 70-х в Армению, с изумлением узнал, что гитлеровский геноцид — не пер-

вый, а второй в новейшей истории, что в 1915 году была его генеральная репетиция. «Достать книгу об армянском геноциде,— пишет А. Битов,— оказалось так же трудно, как Библию». Наконец он нашел ее в Ленинке, раскрыл в четырех местах — «...и я больше не могу. Я кажусь себе убийцей, лишь переписывая эти слова, и почти озираюсь, чтобы никто не видел. Тут сидят сто человек. И никто не знает, чем я занят. Все тихо пишут свои кандидатские диссертации... Если мы думаем, что чего-то нет, что чего-то не может быть, что что-то невозможно,— то это есть».

Тогда, в 1915 году, организатор геноцида, лидер младотурецкой партии Энвер-паша сказал посланцу гуманистической Европы немецкому пастору: «Господин Лепсиус, мы будем придерживаться политики, отвечающей нашим интересам. Воспрепятствовать нам может только держава, которая выше всех интересов и не замешана ни в каких мерзостях. Если вы найдете такую державу в дипломатическом справочнике, то позволяю вам снова явиться ко мне в министерство».

Вот первый ключ к любому геноциду: «Мы плохие, но и все плохие». И точка. Но многие ли из наших современников содрогаются, читая про Энвер-пашу? Почти никто не знает, что партия младотурков, осуществляющая геноцид 1915 года, не только не была религиозно-фанатичной, а совсем наоборот — это была революционно-атеистическая партия, которая проводила репрессии и над подлинной исламской элитой. А элита эта, цвет мусульманского духовенства, образовала тайный штаб сопротивления геноциду, связалась с христианскими миссионерами, организовала спасение людей от погромов и переправку в Европу. Многие ныне живущие в разных странах армяне не подозревают, что их предки были спрятаны и вывезены из охваченных резней районов благодаря исламским мудрецам — поэтам и исследователям Корана. И это незнание побуждает столь несправедливо называть сегодняшних погромщиков «религиозными фанатиками». Культура Корана упала в СССР, толпа ожесточенных людей в Гяндже, Ташкенте и Душанбе свистом и грязной руганью прогоняет своих муфтиев, но охотно слушает безграмотных проповедников, имеющих такое же отношение к исламу, как колотящий по жестянке дикарь — к классической музыке.

Революционный атеизм младотурков покорила сердца вождей пролетариата. Романтика, как всегда, мешалась с трезвым геополитическим расчетом. В результате «дарилась» куски территорий (так случилось и с Карабахом, в чем его нынешние азербайджанские жители не виновны, и их приверженность земле понять можно: что-то никто не спешит отдать назад полученное по несправедливым договорам). Но самое страшное: был наложен запрет на упоминание об исторических фактах геноцида армян. Ни памятника его жертвам, ни одной о нем публикации, ни мемуаров. Разве что стихи — только в зашифровке.

Армяне были оскорблены, но вместе с тем произошла духовная мобилизация и консолидация нации. Ребенок вырастал в тайных преданиях, в заветах, в рассказах бабушек и дедушек, в самиздате и тамиздате. Это все способствовало формированию «оппозиционного сознания». Армения дала непомерно большое для маленькой нации число диссидентов. И там же на почве протеста против АЭС и ядовитых производств возникло первое массовое перестроечное движение — прообраз Народно-го фронта. Запрет на память о геноциде имел и обратную сторону — консервацию в народе обиды и неутоленной боли.

Но гораздо страшнее обернулся расстрел исторической памяти для азербайджанского народа. Как могли понять люди тот факт, что ни в одной книге не написано о том, что было на памяти их отцов и матерей? Они поняли это по пословице: «В доме повешенного (или повесившего) не говорят о веревке». Молчанием азербайджанцев побуждали думать, что их предки в чем-то виноваты, но говорить об этом нехорошо: обидно для нации. Так ведь рассуждает и И. Р. Шафаревич: признать, что десятилетиями одни россияне казнили, ссылали и грабили других россиян — значит оскорбить Россию. Но кто же казнил? Евреи? Но их полпроцента, на один большой город палачей не хватит, куда уж на одну шестую земли! И была придумана не отмеченная ни на одной географической карте нация — масоны. Вот эти-то никогда не существовавшие масоны были и есть всему виной.

Как утверждает Фазиль Искандер, на его родине, в Абхазии, где про масонов никто и слыхом не слыхал,

люди придумали другую фантастическую нацию—эндурцев. Пока дела шли хорошо, их не вспоминали, но стоило прийти беде, как началось: умеют эндурцы устроиться. Нам беда — им радость.

Азербайджанский народ не смог придумать ни эндурцев, ни масонов. Защититься от необъявленного трибунала (а замалчивание истории есть самый страшный трибунал) ему было нечем. Если бы целое поколение азербайджанской интеллигенции не было поголовно истреблено в репрессиях 30-х годов, если бы мафия не затапывала способных и честных и не одаривала ловких и бесчестных, не произошло бы того, что после Сумгаита одни члены творческих союзов славил погромщиков, другие осуждали погром, кратко, одной беглой фразой, а потом представляли жертвам геноцида встречный иск, целый лист аргументов, начинавшийся с рокового в таких ситуациях слова «НО...»

Эти аргументы я слышала от лучших представителей НФА, вышедших из него в знак протеста против погромов. Но ведь все эти оправдания мог бы представить городу Иерусалиму и всему человечеству и тот человек у Стены Плача. «Да,— мог бы сказать он,— преступления были, но;

1) Лично мне не за что просить прощения, я был антифашистом и, когда совершались все эти преступления, сам сидел в гитлеровском концлагере.

2) Что касается моего народа, то почему вы говорите о сожженных белорусских и украинских селах, о разоренной Смоленщине, о Бабьем Яре и не говорите о миллионах погибших немцев, о мирных жителях, которых грабили и убивали победители, о варварских бомбежках наших городов?

3) И почему все говорят о миллионах угнанных в Германию и не говорят о десятках тысяч немцев вовсе не эзесовцев и не нацистов, которых поляки изгнали в 1945-м из родных для них мест?

4) И что значит фраза «шесть миллионов невинных погибли в газовых камерах»? Разве среди этих миллионов не было воров, убийц, проституток, шулеров и прочей дряни?

5) А вы знаете, что в городе X некий директор завода V — еврей уволил пятерых рабочих, и все пятеро были немцы?»

Мог бы сказать так Аденауэр и был бы субъективно прав.

1) Да, он лично боролся с фашизмом и страдал от него.

2) Да, гибли немцы не только на поле боя. Да, мародерство и насилие в армии, вступившей в Германию, было пресечено только жестким приказом Рокоссовского: расстреливать виновных! Да, бомбежки англичанами Дрездена — варварская акция.

3) Да, немцев, прежде живших в Западной Польше, в 1945 году выселили.

4) Да, в такой выборке, как шесть миллионов, не может не быть разных людей. И шестьдесят — то одинаково хороших вслепую не наберешь.

И ведь все эти аргументы изложены сегодня в неонацистской литературе. В библиотеке, где я обычно работаю, есть даже книга, в которой Освенцим описывается как санаторий для евреев. Есть у меня и книга на английском, в которой утверждается, что геноцид 1915 года историческая мистификация: несколько армян подрались, а свалили на турок. (Советую любителям конъюнктуры перевести эту книгу на русский, заменив «армян» на «аппаратчиков». Это будет, как говорится, и дешево, и сердито).

Но ни Кондрату Аденауэру, ни его соотечественникам не пришло в голову в те времена предъявлять встречный иск по Нюрнбергскому процессу кому бы то ни было. Кровь своих отцов и матерей, кровь детей, которых фашисты ставили на берлинские баррикады, они записали на счет третьего рейха. И поклялись построить государство, которое заставит мир уважать и ценить немецкий народ.

Скажу больше. Японцы, над которыми было совершено в конце второй мировой войны одно из самых страшных в истории человечества преступлений — уничтожение Хиросимы и Нагасаки атомным взрывом и заражение радиоактивным ядом нескольких поколений, — великой скорбью до сего дня отмечают эту дату, создали на ее основе мощное антиядерное движение, но, повинувшись глубоко нравственному и разумному инстинкту, не сделали из Америки образа врага, не сосредоточили всю энергию нации на обличении американского империализма. Они умудрились соединить протест против

Хиросимы с приятием жестокой правды о безумии японского милитаризма, сумели отказаться от позорного прошлого, взять в учителя тех же американцев и, не теряя ни капли национальной самобытности (дай нам Бог так сохранить свою русскость, как они сохранили свое японство), обогнать своих учителей в мирном состязании цивилизаций.

Тоталитарное государство не дало такой возможности ни одному народу, его населяющему.

Страшен был первый посттоталитарный геноцид — сумгаитский.

Но страшное продолжалось потом. Радио объявило, что произошел «межнациональный конфликт», но благодаря мудрому руководству он улажен. Телевидение показало роскошную армяно-азербайджанскую свадьбу. Честные, талантливые репортажи с мест событий были отвергнуты цензурой. Видеофильмы запрещены для публичного показа. Прорвавшиеся в передачу «Позиция» крупинцы правды были названы «семенами вражды». Русский солдат в этой передаче растерянно говорит: «Но они даже не сопротивлялись. И не мстили». В видеофильме другой русский солдат говорит: «Армяне — какой-то странный народ. Если б убили моего отца, изнасиловали мою сестру, я бы не знаю, что сделал!»

Пройдет несколько месяцев — армяне ответят: будут выгонять с работы, из домов, наконец, возьмут в руки оружие. И в горах Карабаха, в армяно-азербайджанском приграничье, возникнет уже не геноцид, а действительно межнациональный конфликт. Такие межнациональные конфликты сопровождают всю человеческую историю. Сейчас они идут в Стране Басков, в Ливане, на Кипре, в Косово, в Ольстере... Любой честный ученый знает, причина национальных конфликтов — в диспропорции между количеством претендующих на государственность этносов и количеством удобных и желанных территорий. Почему-то эти конфликты идут неравномерно, волнами: тихо в мире, то — как по команде — Косово, Кипр, Карабах. Чижевский считал: все от расположения звезд. Во всяком случае, не от товарного голода. Проездом в Израиль, я видел Кипр: нет слов в советском языке, чтобы рассказать об изобилии этих мест, где войска ООН стоят между двумя враждующими группами.

390

Сейчас мир живет в фазе подъема этноволны: специалисты это знают. Одно из ее проявлений — межнациональные конфликты. Они бывают во всех государствах, кроме тоталитарных: там само государство производит такой обширный и тотальный геноцид, что для частных попыток просто места ни остается. (Витии, называющие сегодняшнее наше государство тоталитарным, должны бы это помнить). В период перехода от тоталитаризма к демократии межнациональные конфликты неизбежны.

Но национальный конфликт и геноцид — совершенно разные вещи. Геноцид можно остановить. Но при одном условии: не называть его межнациональным конфликтом, не смешивать его с национальным конфликтом. Назвать геноцид межнациональным конфликтом так же преступно, как налить в стакан вместо воды соляной кислоты и дать человеку выпить. Но в цивилизованном мире, расследуя такого рода преступления, прежде всего ставят вопрос: ошибка это или умысел? На этот вопрос ответу позже. Пока же напомним: старушка в Сумгаите, которая готовила внукам обед, когда в комнату ворвалась пьяная орава, не имела никаких территориальных притязаний к Азербайджану. Сами пьяные подростки тоже не имели никаких притязаний ни к Армении, ни к старушке, которую они видели впервые в жизни, как и она их. Назвать то, что произошло в то утро между ними, межнациональным конфликтом можно только при условии, что и с давних пор памятное убийство маньяком с армянской фамилией московского ребенка, доверчиво открывавшего дверь «дяде из Москва», мы тоже должны назвать «русско-армянским конфликтом». А газовую камеру тогда надо называть «территорией еврейско-немецкого конфликта»?

Все эти примеры я приводила два года назад московским журналистам — хорошим, честным людям. И они отвечали в отчаянии. «Но у нас же нет частной типографии! А в газетах — цензура, говорят: не надо разжигать страсти, так скорее залечатся раны». Ну да, разумеется, если не разбинтовать рану, не промыть, не залить йодом, если ткань будет преть и гнить, то уж, конечно, рана заживет. Недавно известный тележурналист показывал американских детей, которых несколько лет назад всеми силами медицины лечили от рака и

при этом внушали: в тебе сидит рак, твой враг, борись с ним каждый день, каждую минуту. Сегодня все они, кроме одной девушки, живы, здоровы и счастливы. Потом Познер спросил советских врачей: а что вы об этом думаете? И одна начальственная докторша отвечала: «Мы тщательно скрываем от ребенка, чем он болен». «И долго же скрываете?» — «До конца».

Вот и мы скрывали до конца. А конца не было видно. Неожиданно явились в Москву обезумевшие от ужаса и горя люди — турки-месхетинцы, народ уникальный, переживающий второй в жизни геноцид на памяти одного поколения. (В конце 40-х годов Сталин выслал их из родной Грузии). На вопрос «кто вас резал?» беженцы отвечали: «Они». Не могли выговорить: «узбеки» — так жива в благодарном сердце народа память о щедром узбекском братстве полвека назад. Но как «они» решались на погромы — соседи-благодетели, единоверцы? «А это после Сумгаита! Раз те погромы не объявили геноцидом, то и этот не объявят».

И вот уже качает права подвыпивший «памятник»: «Мы что, у Бога теленка съели? «Азеру» можно армячку в огонь бросить, а русскому человеку нельзя жиду и морду набить? Где ж равенство?» Дожили: требуем равенства в геноциде.

Межнациональные споры иногда тянутся веками. Нет у человечества еще противоядия. С геноцидом ясней. После Освенцима, после поголовного истребления племени, ибо запрет на геноцид стал властной международной нормой. Никаких «с одной стороны, с другой стороны». Погромщик — вне закона, жертве — независимо от того, сопротивляется она или нет, — статус пострадавшего и помощь.

Почему же, удивлялся тот солдат, несколько месяцев не отвечали злом на зло армяне? Это заслуга церкви, интеллигенции, заслуга демократического движения Карабаха и Армении. Сразу после Сумгаита было сказано с экрана, повторено на митингах в Ереване: «Народ не виноват. Ни один волос не должен упасть с головы азербайджанца. Мы требуем: наказать виновных — погромщиков, и помогавшую им милицию, и прокуроров-обманщиков. Только их. Но прежде всего объяснить стране: никаких войн, стычек, драк между нашими народами нет. В одном месте был геноцид. Произнесите

эти семь букв. Ведь оба народа помнят 1915-й и 1918-й: один открытой памятью, другой — скрытой. Скажите слова и залейте опасную жажду памяти».

Мы в Москве — в «Мемориале», в «Московской трибуне», в «Демократической перестройке» — писали воззвания, собирали подписи, посылали наверх: скажите! Из Еревана шли отчаянные телеграммы: еще контролируем ситуацию, но из последних сил. В одном городке, рассказывали очевидцы, весь митинг молча встал на колени перед вышедшим на балкон московским начальником в мольбе: ге-но-цид! Но у начальника не было такого указания. И что им, может быть, думал он, эти семь букв? В их нищий горный край, где дети годами не видят сливочного масла, прислали вагоны деликатесов. Не разгружают! Слова требуют. Слова! Что делать? Они взращены в культуре, в коде которой записано. «Вначале было Слово».

Раньше или позже все тайное становится явным. Недавно перед закрытым заседанием сессии по ситуации в Закавказье показали видеофильм — нет, не о погромах (их даже сфотографировать было невозможно), показали фильм о выживших после погрома, прибывших на пароме в Красноводск. Потом выступили очевидцы. И рухнул миф о каком-то «межнациональном конфликте», завершившемся комсомольской свадьбой по телевизору. Депутаты перестали твердить: «Там какие-то передрались, надо им поровну всем постановление вынести». Наконец ощутили себя частью человечества, уже давно, освободившегося от людоедства. В тот день был сделан первый шаг по освобождению от великого зла двух несчастных народов.

Освобождение произойдет не сразу. Как скоро? А тут и гадать нечего: проверено — с каждым показом в ФРГ фильмов о преступлениях фашизма росло национальное достоинство. И добросжелательность к другим народам росла вместе с ним.

Есть формула, выстраданная веками истории человечества: скорость спада волны национальной или расовой ненависти прямо пропорциональна интенсивности информации о самых страшных результатах этой ненависти. Вот страшная запись в дневниках Короленко:

«Эти дни прошли в сплошном грабеже. Казаки всюду действовали так, как будто город отдан им на раз-

грабление «на три дня»... Мальчишки указывают грабителям жилища евреев и сами тащат что попало. В покупке награбленного участвуют «порядочно одетые люди»...

На улице лежит труп учителя гимназии Ямпольско-го — еврея.

«Многие искренне возмущены. Среди других — смущение... Эта искупительная жертва меняет настроение большинства».

Слово правды о геноциде и для тех, кого бьют, и для тех, кто бьет, равноценно воде во время пожара. Воды не может быть слишком много, ее может быть только слишком мало. Потому в Америке 60-х годов этого века тысячу раз показали и рассказали, спели знаменитый сюжет в кафе кампуса одного из южных штатов: черного парня не обслужил официант; он выскочил, пошел по дороге; все белые студенты пошли за ним; на завтра они привели своих девушек, те — своих братьев, сестер, знакомых. Потом это было названо — «личностная политика»: ты идешь со мной, я иду с тобой, у нас нет идеологии, просто мы идем. Так смывала Америка черное пятно со своей демократии. А «черная месть», «черные пантеры», безумно вспыхнувший терроризм «революционной армии», подорвавшейся на собственных бомбах, — зловещие спутники 60-х годов — ничего не смывали. Они только тормозили, искажали движение к освобождению. И те «новые левые», что путали терроризм с освобождением, совершали ту же роковую ошибку, что и поклонники «революции в Душанбе», утверждающие без всякого юмора: «Что громят — плохо, а что прогнанные структуры — хорошо».

Воды не может быть слишком много при пожаре. Поэтому многосерийный фильм о холокосте, который я еле выдержала один раз (он идет несколько часов), в ФРГ показывали несколько раз. Нужно очень любить свою страну, чтобы так показывать совершенные ею преступления.

Свою страну любят депутаты и ученые Таджикистана, пославшие телеграмму президенту Академии наук Армении с извинением за вспышку насилия в Душанбе.

Свою страну любят русские, добивающиеся расследования о расстреле польских офицеров в Катыни.

Смутное, неосмысленное чувство вины разлагает душу и человека, и народа. Жажда истины распрямляет душу, вытесняет глухую вину, заменяя ее разумным поканием, неотделимым от веры в свои силы.

Не по своей воле молчала пресса о геноциде — ей так велели. А велели не от жестокости, не от презрения к тому или иному народу, а от повального, сверху донизу, убеждения, что если грипп назвать «ОРЗ», так гриппа и не будет. Это предрассудок нашего общества, разделяемый и властями: они ведь тоже нашего роду-племени. Увидеть предрассудок трудно: легче обвинить начальство в тайных связях с мафией, в армянском или, наоборот, азербайджанском родстве, приписывать ему сознательное провоцирование погромов и даже устройство искусственного землетрясения.

Прежде чем написать эту статью, я несколько лет составляла четыре ряда данных: свидетельства участников и очевидцев в Армении, свидетельства и документы Азербайджана, официальные документы, неформальную и зарубежную прессу. Я проверяла эти данные всеми доступными мне материалами науки о социальной психологии национального насилия и геноцида. Я слушала беженцев и бывших членов Народного фронта Азербайджана; слушала доклады Сергея Лезова и Игоря Крупника; Галины Старовойтовой и Гасана Гусейнова. Я прислушивалась к тому, что думали об этих событиях и говорили А. Сахаров, М. Гефгер, Л. Баткин, В. Библер. Перечитывала свои конспекты работ А. Камю и Т. Адорно, Ханны Арендт и Н. Бердяева. Слушала рассказы лидеров «Карабаха», «Крунка», Народного фронта Азербайджана, пресс-конференцию Вольского, рассказы «огоньковцев» и «известинцев» — те, что им так и не удалось напечатать. И я увидела, что на бушующую стихию этнической вспышки наложилась не только борьба политических, экономических, групповых интересов, но и предрассудки, и стереотипы, и страхи, страхи. Страх показаться левым, страх показаться правым, страх прослыть русским шовинистом, человеком с имперским сознанием.

А во мне жил другой страх, и стало легче на душе, когда услышала, как незнакомый человек, писатель Кабаков (автор новой антиутопии), сказал интервьюеру

«Взгляда»: «У меня сейчас один страх: вдруг накажут невинного». Можно ли было не допустить насилия в Баку? Можно. Только одним способом — арестовать тех, кто собирал оружие и организовывал банды. Но в условиях тотального недоверия к власти и поголовного наркотического опьянения формулой «Народный Фронт» это требовало отчаянной смелости. А ее не оказалось. Ни у власти — решиться, ни у общественности — поддержать. Нам всем не хватило мужества встать на сторону горстки бедных, слабых людей (богатые и сильные давно уехали) против уверенных, горластых, размахивающих знаменами. Нам не хватило мужества встать на сторону закона.

В письме к А. Кремневу Короленко вспоминал, что, когда он выступил в защиту вотяков, обвиненных в ритуальных жертвах (известное «мултанское дело»), часть общественности на него набросилась:

«...Разве дело этих людей так уж важно... Еврей писал о том, что евреев притесняют больше, чем вотяков, поляк писал о положении Польши, а украинец говорил о притеснении украинской культуры.

Когда мне случалось выступать в защиту евреев — упреков раздавалось еще больше. Когда же в 1905 году, а позже в 1911 году я нарисовал картину усмирения сорочинских мужиков и полицейских истязаний над мужиками Саратовской губернии, то даже и тогда у меня спрашивали, считаю ли я эти случаи более важными, чем многое другое, о чем я не писал...

На это я отвечал и отвечаю, что считаю себя вправе писать правду, не справляясь, самая ли она важная в данную минуту, лишь бы была правда».

Потому я говорю: геноцид — это все мы. Кровь замученных и слезы бездомных, которых гонят с улюлюканьем по всей стране, нигде не принимая, держатся не только на мафии и террористах. Они и на власти, не сумевшей назвать вещи своими именами и прямо, открыто стать на сторону человечности и закона. Они и на демократическом движении, которое заблудилось в трех соснах и растерянно спрашивало: а как отличить девочку, тихо певшую молитву на тбилисской площади, от мужика, насилующего ребенка? Бедное демократическое движение хотело иметь формулу раз и навсегда: армию вводить можно или армию вводить нельзя.

В романе Солженицына «В круге первом» интеллигентные зеки рассуждают на прогулке: вот революция вроде делалась для справедливости, и насилие было во имя этого, а кончилось все лагерями. Спорят, ссорятся: кто прав, кто виноват? Огромный узловатый мужик — дворник Спиридон — не участвует в споре. Вроде и не слышит. Его и воспринимает как неозвученную массу. И вдруг масса заговорила. «Волкодав — прав. А людоед — нет». Я не знаю другой формулы.

Мы легко признаем, что человек может впасть в состояние шока, транса, помутнения. Но факт того, что это может случиться с массой людей, почему-то признать не хотим. Мы ставим перед собой абсурдную задачу: описать событие честно, не упоминая, где оно происходит, кто были его участники. Чтобы нацию не обидеть! Так возникает ложь, и ее следствие — жестокость.

Не обижает же нормальных русских людей самая уничтожающая критика «Памяти» и ее идейного арсенала. Критика идеологии Ле Пена не может обидеть нормального француза. Казалось бы, ясно,

Однако же есть причины, побудившие многих людей и целые организации, известные вроде бы своим демократизмом, в ситуации геноцида стать не на сторону солдата, выносящего обожженного ребенка из залитого бензином барака, а на сторону революционеров, выставивших молодых камикадзе, чтобы помешать солдату это сделать. Отчего именно наше правительство не признает очевидного для всего мира геноцида? Отчего иные представители элиты, составляя резолюции против бесчинств в ЦДЛ, называют по имени виновника — «Память», описывают пострадавших писателей, а вырезанные турки-месхетинцы вместе с сожженными армянами попадают в этой резолюции в скромную рубрику «и другие»? Отчего на митингах клеймятся какие-то таинственные лица, переодевающиеся то в узбеков, то в таджиков, то в азербайджанцев, то в молдаван, но обходятся стороной известные по именам убийцы? Отчего депутаты, как рассказала нам Г. Старовойтова, весело смеясь, проходят мимо женщин, кормящих грудью детей прямо на ступеньках депутатской гостиницы? Отчего москвичи, столь щедро обогревшие жертв землетрясения, с жертвах геноцида говорят зачастую с раздражением и безразличием? Отчего автобусы с несчастными

людьми, второй месяц не мывшимися, не менявшими белья, не спавшими на мягком, подъезжая к подмосковным пансионатам, встречаются митинги и демонстрации протеста: убирайтесь назад?!

В черствость нашего народа я не верю: я слишком много видела примеров сострадания. Известна мысль о том, что наше общество не может активно сострадать пострадавшим, потому что оно само в целом ощущает себя пострадавшим. Не говоря уже о прошлом, в которое просто страшно оглянуться, тревожные сигналы подает и будущее. Конечно, большинство не расшифровывает эти сигналы рационально, но люди смутно чувствуют, что могут оказаться заложниками в борьбе между вчерашней и завтрашней властью. Ведь сама логика войны, любой войны, такова, что меньше всего воюющие стороны думают о человеке, который на этот случай называется «обывателем». При этом оговаривается: обыватели бывают и образованные, с дипломом. Считая себя таким вот обывателем с дипломом, то есть человеком, который может, сцепив зубы, подсобить нести крест политической борьбы, но которому жизнь в тысячу раз милей, когда в ней нет политической борьбы, я чувствую эти сигналы и как профессиональный политолог могу попытаться их расшифровать. Так вот, я склонна думать, что пассивность, неотзывчивость объясняются просто: не хватает душевных сил на турок, когда сам завтра будешь в их положении. Но главная тревога сегодня не в равнодушии, а в активной агрессивности к пострадавшим. Агрессивность-то откуда? Это страшный вопрос, глубоко философский и абсолютно житейский. Мы входим в глубокую рану: скальпель здесь не должен гнущся.

Я читала не раз в американских социологических исследованиях, что между дискриминированными группами населения, например, неграми и пуэрториканцами, не только нет солидарности, но есть некоторое отталкивание и напряжение, какая-то скрытая, вывернутая наизнанку конкуренция: «Это не нас не любят, это вас не любят! Нас тоже, конечно, но меньше и ошибочно, по недоразумению, может быть, путают с вами? Так вот, не путайте... И я не хочу жить в этом квартале! Ну и что из того, что квартал тихий и чистый? Я не знаю, почему не знаю...»

— Я не знаю, почему, может быть, я плохой человек,— сказала мне соседка по палате в Остроумовской больнице,— но с тех пор, как я узнала, что у Люси «это» (тогда еще не выговаривали слово «рак»), я не могу больше с ней дружить.

— Ты считаешь, это заразно?

— Нет-нет, и если б так, давно б уж... Мы еще на приеме подружились, уже месяц вместе. Но мне кажется: вот она хочет, чтобы и я была такая же...

— Но она же не знает! От нее же скрывают. И мы-то случайно узнали.

— Ну, все равно. Я не могу. Я ее скоро возненавижу.

Увы, это не расовое, не классовое, не национальное. Это страх заразиться несчастьем. Зараженного СПИДом малыша надо оперировать за границей: ни один хирург в стране не рискнул. Пытались поджечь дома инфицированных семей в Элисте. Дезактиваторам, которые целью своего здоровья спасли нас от тотального распространения чернобыльского радиояда, говорили злобно: «Когда вы уже подохнете?» И не только из зависти к внеочередному получению ими квартир. Из страха тоже. Но это страх физический, в нем есть рациональная основа: СПИД действительно заразен, и никто еще точно не знает — как.

Страх заразиться чужим несчастьем лишен разума и оттого еще опасней. Именно он, этот страх, родил крылатую фразу: «Но почему всегда бьют евреев и армян? Значит, они в чем-то виноваты. Дыма без огня не бывает».

В последний раз я слышала эти слова от московского таксиста, очень симпатичного средних лет человека. Я стала рассказывать о географическом положении древней Иудеи, о судьбе Армении. О местах на земле, где нет ни евреев, ни армян, но в их роли выступают другие народы. О том, что в 20-е—30-е годы в СССР практически не было антисемитизма, но были миллионы других «евреев»: кулаки, попы, бывшие дворяне, троцкисты, бухаринцы. Не раз прерывала рассказ: «У вас же время—деньги, а мы стоим у моего дома». Но таксист хотел слушать. Потом сказал: «Вообще-то у меня и друзья среди них есть, они нормальные. Но народ так говорит. Конечно, не знаем ничего. А чего б вам по телевизору все это не рассказать?»

Милый человек, да кто ж пустит меня на телевидение с таким? Раньше можно было только про «дружбу народов», теперь — только про «прогнившие структуры». В очень официальном издании не взяли кем-то туда отнесенную статью о ситуации в Закавказье: говорят, и логика есть, и аргументы живые, но главного нет — не сказано, что во всем виноваты прогнившие структуры. Очень грозное и парадное издательство, туда в прежние времена без славословий «развитому социализму» и не подойти. А теперь вот нельзя обойтись без проклятий «прогнившим структурам». А если у человека правая рука такая, что тогда не могла эти буквы выписать: «раз-ви-той»? А теперь не может: «про-гнив-шие». Может, на левую руку перейти, она послушнее будет?

Можно, конечно, играя словами, сказать, что «прогнившие структуры» — это наше «старое мышление», наши анахронистичные понятия. Но я не верю в «новое мышление» и «нового человека». Мышление и душа — не платье: новым старое не заменишь. Мы люди и не можем превратиться в «новых человек». У нас есть зубы, печень, живот. И боль то в одном, то в другом отравляет жизнь большинству из нас. Если б не было живота, печени, зубов, ничего б не болело, но тогда б и нас не было. Мы не можем избавиться от своих страхов, тревог, обид, подозрений или, как говорят в науке, комплексов. Но мы можем о них знать и лечить их каждый день без абсурдной и вредной надежды излечиться навсегда.

Меня передергивает, когда я слышу, как очередные витии сулят народу «счастливую жизнь». Нет на земле страны счастливых людей, нет места, где не льется ручей слез и крови человеческой. Но на нашей земле они лились и льются морями. Все, что мы можем сделать, — это жить, как люди живут. Не пытаться создать на одной шестой земле то, что невозможно создать на пяти шестых. И в стремлении к этому опираться не только на заветы альтруизма, но и на нормальный эгоистический расчет. Прежде чем лихо требовать, чтобы завтра все республики объявили себя суверенными государствами, а кому не нравится, пусть уезжают — вспомним, что изгнанные из родных домов люди — естественная почва правого переворота. Если б не умная, твердая политика сильного президента де Голля, изгнанные из Алжира

400

французы могли, наверно, устроить во Франции фашистский путч. А изгнанные из Анголы португальцы сильно способствовали фашистскому перевороту в этой стране. Пусть люди недобросовестные упрекают меня в сочувствии колониализму. Я не сочувствую колониализму — ни заморскому, ни отечественному. Но я не сочувствую и тем, кто спешит отметиться в своей «левизне», поставив подпись под требованием немедленно вывести войска, ни минуты времени не потратив на продумывание способов расселения и трудоустройства семей военных. Это, мол, не наше дело. Но если так, и войска выводить — не наше дело.

Но почему у Вацлава Гавела, пострадавшего во время пражской трагедии, болит душа: как устроится семья советских демобилизованных офицеров, когда в стране тысячи бегущих от геноцида, а еще надо переселять миллионы «чернобыльцев» из Белоруссии. И Гавел соглашается ждать год, хотя наши войска в Чехословакии абсолютно не нужны ни нам, ни им. Он предлагает сто тысяч сборных домиков для военнослужащих.

Почему Роберт Конквест, первый и непревзойденный историк сталинизма, потративший жизнь на исчисление наших жертв, на летопись наших страданий, радуясь горбачевским реформам в армии, обеспокоенно спрашивает: «Но что с ними будет, с офицерами? Уже есть бомжи. Как будут учиться их дети? Есть ли специальность у их жен?» Он спрашивает это в гостинице, где я по заданию «Книжного обозрения» беру у него интервью, и возвращается к этой мысли вновь, когда мы идем в гостиницу из издательства, заключившего с ним договор на «Большой террор». «Фантастика! — говорит он. — В Москве будут печатать мою книгу! Да, но как все обойдется? Столько людей не у дел! Еще эти несчастные беженцы».

Эти беженцы сейчас будто раскачиваются на чаше политических весов. Правые кричат левым: «Ваших рук дело!» «Ха-ха, — отвечают левые, — кто вам поверит? Ваших!»

А людям на весах больно. Ведь у них содрана кожа.

ВИКТОРИЯ ЧАЛИКОВА,
политолог
«ЛГ—ДОСЬЕ» март 1990 г.

«ЧЕРНЫЙ ЯЩИК» НА МИННОМ ПОЛЕ

Народный депутат СССР ГАЛИНА СТАРОВОЙТОВА
беседует с корреспондентом «ЛГ»
ЛИДИЕЙ ГРАФОВОЙ

«...нужна мудрая фундаментальная концепция для решения судьбы беженцев. Нужна опережающая политика. А мы все еще пребываем в позе страуса, спрятавшего голову в песок...»

Кто не знает, что в Москве и во многих других городах сегодня бедствуют тысячи неприкаянных людей! «Ах, беженцы — это ужасно...» А что мы делаем для беженцев? Что должно сделать государство? Что может общество?

С народным депутатом Галиной Старовойтовой мы беседовали поздно вечером в гостинице «Москва». Она только что вернулась, расстроенная, из Армянского постпредства, где выслушала немало горьких упреков от беженцев, которые уже второй месяц ночуют на полу: «Никому мы не нужны... Депутаты спрятат о президентских выборах, а до нашей судьбы им дела нет».

Корр. Галина Васильевна, насколько мне известно, на недавнем заседании Верховного Совета СССР по национальному вопросу именно вы требовали принять закон о статусе беженцев?

Г. Старовойтова. Не одна я. Еще депутат Челышев из Запорожья. И некоторые другие вскользь касались. Очень сильно выступил депутат, актер по профессии, Сос Саркисян. Он подчеркнул, что не политик, и говорит на простом житейском языке о зверствах в Баку, об изнасиловании старух... Это звучало жутко. Но наше предложение не было принято. А я предлагала, чтобы Комитет по вопросам законодательства немедленно, в двухнедельный срок разработал проект Закона о статусе беженцев в СССР с учетом международных правовых норм.

Корр. Разве нет у депутатов такого проекта?

Г. Старовойтова. В том-то и дело, что пока нет. Мне случайно испалась разработка, сделанная Госкомтрудом. Я была поражена: с какой безответственностью, легкостью собирается государство решить эту кровотокающую проблему. Там сказано, что беженцев, заполнивших сейчас Москву и Московскую область, нужно «сти-

мулировать» к отъезду на их историческую родину — в Армению. Причем за счет Армении! Беженцев из Азербайджана должна, значит, расселить и трудоустроить разрушенная землетрясением республика?!

Корр. Это какое-то недоразумение. На всех совещаниях в Госкомтруде СССР (там каждую пятницу собирают сотрудников министерств, причастных к работе с беженцами) идет речь о том, что материальное возмещение пострадавшим армянам должен выплачивать Азербайджан. В свою очередь Армения должна расплатиться с азербайджанцами, там ведь тоже тысячи людей бежали, лишившись крова.

Г. Старовойтова. Сравнить нельзя. В Армении сегодня около миллиона человек без жилья. 540 тысяч пострадали от землетрясения, 300 тысяч беженцев из Азербайджана уже приехали в Армению (без всякой, заметьте, агитации!), а около 200 тысяч и ранее жили в ужасных условиях. И это в республике, где население всего 3 миллиона 300 тысяч.

Корр. То есть каждый третий нуждается в жилье?

Г. Старовойтова. Ни в одной республике нет подобного. Прибавьте еще блокаду, замораживание строительства, отъезд строителей, в том числе из других стран, которые после землетрясения взялись помогать. Все это настолько деморализовало армянский народ, что вековая дружба с Россией (300 лет усилий того же царского правительства) ставится под сомнение. В одной армянской деревне меня спросил простой крестьянин: а помнят ли русские, что мы, армяне, вместе с вами воевали против турок? Я подумала и с горечью признала: нет, не помнят. Им это трудно понять. Вся ментальность армян проникнута историей.

Что касается русских беженцев, их в той разработке Госкомтруда рекомендуется «стимулировать» к возвращению в Баку. Уже само это разделение судеб пострадавших по национальностям вызывает протест. Получается, государство как бы входит в положение гонителей, молча с ними соглашается. Мол, не нравятся вам армяне, выгнали всех до одного — и ладно. А вот без русских (их еще много в Баку) остановится промышленность... Да и стратегически важно государству, чтобы русские жили в Азербайджане. Поэтому русские пусть возвращаются.

Я не в силах понять такую «концепцию», она мне представляется настолько же аморальной, насколько и нереальной. Я огдала депутатский запрос председателю Госкомтруда Щербакову: «Владимир Иванович, на чем основаны эти положения проекта?.. Не забыли ли вы, что Армения разрушена землетрясением?...» Ответа не получила.

Корр. И все-таки, Галина Васильевна, оптимальное решение проблемы беженцев — это, конечно же, возвращение. Как бы хорошо кого-то из них ни устроили, любой бакинец, думаю, до конца жизни будет тосковать по своему городу, как по потерянному раю. И нельзя же исходить из того, что азербайджанцы вечно будут резать армян... Правда, стоит в разговоре с беженцами, независимо от национальности, заикнуться о возвращении, слышишь: «Никогда! Ни за что на свете!» Люди до сих пор полны страха — радуются, что остались живы. И ничто другое им, кажется, не нужно, ни о чем будто бы не жалеют. Но вот опомнятся от пережитого...

Г. Старовойтова. Надо смотреть правде в глаза, она жестока: некуда им возвращаться, ни армянам, ни русским. Их квартиры давно заняты.

Корр. Ради справедливости уточним: многие квартиры в Баку заняты, очевидно, теми несчастными ерецами (ереванскими азербайджанцами), которые были вынуждены бросить свои дома в Армении и долго скитались без крыши над головой...

Г. Старовойтова. В общем, я считаю, что об оптимальном решении проблемы сегодня не может быть и речи. Может быть, лучше для этих людей, если они сразу отрешатся от иллюзий.

Корр. На одном из совещаний в Госкомтруде выступал заместитель председателя Бакинского горсовета. Он приехал встретиться с русскими беженцами: не хотят ли они вернуться в Азербайджан? Его спрашивали: а гарантируете ли вы безопасность этих людей? Он отвечал неопределенно. Вспомнил, что однажды Везиров уже давал армянам такую гарантию и многие тогда поверили. вернулись...

Г. Старовойтова. Депутаты от Азербайджана требовали на сессии, чтобы из Баку были выведены войска. Я, выступая, сказала, что согласна с азербайджанскими товарищами: не может Советская власть держаться

силой оружия, это должно быть делом свободного выбора самого народа. Войска нужно вывести, но с условием: никто из оставшихся в Баку людей не должен больше пострадать. Для этого необходимо в месячный или другой ограниченный срок предоставить всем, кто не чувствует себя там в безопасности, право спокойно выехать из республики. Независимо от национальности. Есть ведь много азербайджанцев, женатых на армянках. Или те же демократы, разошедшиеся с политикой народного фронта. И так уж пролито много крови, больше рисковать людьми государство не вправе.

Корр. Но сегодня страх погромов стал как бы составной частью атмосферы во многих регионах страны. Живем, как на заминированном поле, неизвестно в какую минуту где рванет. Неужели предложить заранее всем «иноязычным» покинуть республики? Куда же им ехать — скрываться?

Г. Старовойтова. Около 60 миллионов человек проживает сегодня на территории своей республики. Как автор монографии об этнических меньшинствах я прекрасно осознаю бездонную сложность этой проблемы. Но за то и ратую, что нужна мудрая фундаментальная концепция для решения судьбы беженцев. Нужна опережающая политика. А мы все еще пребываем в позе страуса, спрятавшего голову в песок. Никаких серьезных выводов не делаем из своего же трагического опыта. А порой кому-то выгодно делать выводы, противоположные здравому смыслу. Так, в оправдание позднего ввода войск в Баку выдвигается... «тбилисский синдром». Мол, центр находился в гамлетовских сомнениях. А людей в это время жгли и резали! Центр не получал правдивой информации из республики? Что ж, могу допустить.

Я много говорила с депутатами из комиссии по тбилисским событиям. Они выяснили, что существует пять источников информации, на основе которых принимаются такого рода решения. Пять источников, и все, по сути, бесконтрольны. Прежде всего это информация по партийным каналам. Она бывает двух сортов: письменные шифровки (их сравнительно мало) и телефонные разговоры по ВЧ. Каждый день кто-то в ЦК, отвечающий за какую-то республику, получает телефонную сводку с места. Только в случаях, когда нужно официальное под-

тверждение, чтобы исполнителю снять с себя ответственность, он просит: дайте шифровку. Телефонная же связь по ВЧ абсолютно неуловима и невозстановима. Третий источник — данные МВД. Далее — независимая армейская разведка, кстати, наиболее достоверная. И наконец — сводка КГБ. Казалось бы, уж КГБ все всегда точно знает.

Корр. Сейчас люди с надеждой думают о КГБ: вот кто может предотвратить возможные погромы в других местах. Во времена Андропова в общественном сознании утвердилось мнение, что там работают наиболее компетентные люди, что уж эту структуру коррупция не развела...

Г. Старовойтова. Ну так вот... Мне довелось познакомиться со сводкой КГБ за декабрь—январь. Хорошо знаю положение дел в Армении, избравшей меня депутатом, так что могла сравнить. Обнаружила массу неточностей! Речь, заметьте, идет о событиях, подтолкнувших бакинские события. В сводке КГБ говорится, например, об антиармянском митинге в Степанакерте. Якобы там собралось 10 тысяч... Кто это? Откуда? Ведь в Степанакерте азербайджанского населения нет. Неужели такая «деталь» неизвестна? Еще в той сводке сказано, что 1 декабря выступал Ашот Манучарян и якобы именно после этого — «началось»... Но Манучарян вообще не выступал в то время! А вот роковое выступление Везирова по бакинскому телевидению 13 января в сводке вообще не упомянуто. Если даже КГБ допускает такую путаницу, то как же полагаться на компетентность других источников? Можно ли после этого удивляться, что, когда случается очередная социальная катастрофа, общество не может ответить на вопрос: кто виноват?

Горбачев сказал на той сессии, что, по его мнению, создавать парламентскую комиссию по бакинским событиям не нужно. Действительно, комиссий и так уж слишком много, а КПД их деятельности (кроме комиссии по пакту Молотова—Риббентропа) слишком мал. Комиссии лишены возможности документально восстановить ход событий. На уровне государства у нас нет такого «черного ящика» информации, какой вскрывают, когда гибнет самолет. А он жизненно необходим! Эти тайные разговоры по ВЧ, самое страшное орудие власти партаппа-

рата (и орудие его самоспасения!), нужно обязательно фиксировать, записывать, допустим, на пленку. Пусть эта пленка хранится в особом сейфе, пусть до поры до времени будет абсолютно секретной, но она должна в принципе существовать для истории.

Корр. Наверное, не только для истории...

Г. Старовойтова. Конечно же, в первую очередь это необходимо для выработки правового механизма принятия решений в таких острых ситуациях.

Корр. Столкнувшись довольно близко с проблемой беженцев, я увидела не только отчаяние этих людей, которые чувствуют себя людьми без будущего, но и растерянность, доходящую до отчаяния, у официальных лиц. Около 90 министерств, союзных и российских, участвуют в расселении беженцев по пансионатам и домам отдыха. Ну, расселили, выбившись из сил. Причем — толику. Тысяч шесть—семь. А ведь в РСФСР около полумиллиона беженцев, и основная часть — «неорганизованные», устроились сами кто где. Ну, а у «организованных» сейчас трехмесячный срок бесплатного проживания уже на исходе. Дальше что? Никто не знает. В том же Госкомтруде сообщалось: проект закона о вынужденных мигрантах «находится на снятии противоречий». То есть кочует из кабинета в кабинет. Оказывает-ся, Госплан вообще против такого закона — считает, что достаточно правительственных постановлений. МВД тоже возражает. А вот Минюст настаивает...

Начальник службы миграции и переселения граждан Госкомтруда СССР П. С. Рудев рассказывал мне, что многие высокие должностные лица начинают помогать беженцам с энтузиазмом, а потом отшатываются, упираясь в тулик. Так, например, первый заместитель Предсовмина СССР Л. А. Воронин горячо взялся, «давил» на министерства, как выразился Рудев, «всей доступной ему властью», а через месяц развел руками. «Нет, эти люди в нашей помощи не нуждаются». Якобы сами беженцы вредничают, отказываются от предлагаемых вариантов трудоустройства.

Г. Старовойтова. Конечно, работа с беженцами — страшная работа. Это ведь глубоко травмированные люди, каждому, наверное, нужна помощь психолога или священника. Жаль, что в большинстве они неверующие. Но чиновники не хотят, да и не могут войти в положение-

ние этих людей. А сами люди, увы, наивно надеются, что государство все за них решит. И эти иллюзии, эта инфантильность людей — тоже вина государства, воспитание. Помню, после землетрясения в Спитаке я спросила врача из итальянского госпиталя: в чем он видит психологические особенности наших больных? Он сказал: поразительная пассивность, вплоть до того, что человек ждет, пока врач переложит ему раненую ногу с места на место. «Ваши люди все время ждут чего-то извне и очень мало полагаются на себя».

В том же постпредстве, в гостиницах наряду с больными, старыми людьми месяцами живут молодые и сильные мужчины. Что они делают? Просто ждут! Ставлю себя на их место. Да я бы двух дней не стала ждать «манны небесной». Сказала бы себе, что я в эмиграции, в чужой стране, пошла бы мыть посуду в столовую, устроилась бы в кооператив, где не требуется прописка. Мы ругаем американскую систему с ее жесткой конкуренцией, на самом деле это более здоровый подход, чем создавать у людей иллюзию социальной защищенности, а потом бросать их на произвол судьбы.

Корр. На днях к нам в редакцию приходил гонец от группы бакинских летчиков. Они живут пока в подмосковном пансионате, это высококлассные специалисты, чья профессия всюду нужна, но вот объездили много городов, а жилья им нигде не дают. И даже не обещают. Люди дошли до предела. Захватим, — говорит, — кабинеты в Министерстве авиации и станем там с семьями жить». Я понимаю, этот вопрос не к вам, но что таким людям делать?

Г. Старовойтова. Ко мне тоже обращались, правда, не летчики — пассажиры «ИЛ-86», который прибыл из Баку во Внуково и три дня простоял на стоянке номер 27 с людьми. У них не было ни документов, ни теплой одежды, а их никуда не хотели расселять. Мне позвонил один из беженцев: держать ли дальше оборону? Они решили не выходить, пока не получают каких-то гарантий.

Аэрофлот их кормил, но можете представить, что там творилось в туалетах и вообще. Я позвонила начальнику службы перевозок, он был в растерянности, возмущался этими «настырными людьми». Еще бы — самолет на три дня оказался прикованным к земле. Потом их все-таки поместили в гостиницу.

И еще довольно символическая сцена. Во время второго депутатского Съезда группа беженцев, которых никуда не принимали, прорвала кордон милиции и захватила вестибюль нашей депутатской гостиницы «Москва». И вот на полу были разложены их жалкие пожитки, плакали дети, а мимо ходили невозмутимые депутаты и обсуждали довольно абстрактные вопросы — где в законе лучше поставить запятую. А вопрос о статусе беженцев так и не был поставлен, повторяю, в повестку дня.

Корр. Наверное, потому, что никто не знает, как к его решению подступиться. Все дело в нашем нищенстве...

Г. Старовойтова. Нет, в приоритете ценностей. Провозгласив главенство общечеловеческих ценностей, мы по-прежнему ставим нужды людей на последнее место. Нет средств на людей, которых государство не смогло защитить от погромов? Но тогда зачем запускать корабли в космос? Зачем содержать самый большой в мире танковый корпус? Почему не продать эти танки той же Ливии, как это уже делалось? Каждый танк стоит 800 тысяч долларов...

Корр. Сами беженцы предлагают другой вариант продажи их рабочей силы за рубеж. Весьма популярный в мире наем по временным контрактам, так называемой «гастарбайтер» — «гостевые рабочие». Мы, бы, говорят, могли бы сами заработать валюту на строительство жилья для своих семей, а кроме валюты, привезли бы еще в страну навыки высокого индустриального труда, как это произошло, например, в Алжире... Еще они недоумевают: почему мы мыкаемся без работы, а в это же время наше государство нанимает массу вьетнамских граждан, которые в той же Москве занимают целые общежития и работают без особого энтузиазма, о чем не раз сообщала пресса? Наконец... В тех же гостиницах ВДНХ, где в ожидании, как вы говорите, «манны небесной» томятся беженцы, проживают привозимые из дальних концов страны рабочие по спецнабору. Замечательные специалисты? Но месяц поработав и получив крупную сумму, многие из них запивают втемную. Вызовы милиции, «Скорой помощи»... Беженцы ставят вопрос: почему не используют наши силы на этих же работах до окончательного решения нашей проблемы?

Г. Старовойтова. Меня особенно волнует, что безнравственность политики в отношении беженцев возбуждает к ним злобу и ненависть у местного населения. Эти люди, которых государство не смогло защитить от погромов, имеют право хоть теперь рассчитывать на особую заботу государства. Но — подчеркиваю — не за счет других, тоже нуждающихся граждан. Например, я отношусь с опаской к заявлениям о том, что материальное возмещение за разграбленное имущество, потерянные квартиры, переезды и прочее должна выплатить беженцам республика в целом. Справедливо ли материально наказывать (штрафовать!) целый народ? В чем повинны, допустим, азербайджанцы, с риском для жизни спасавшие соседей-армян? Таких было много. И вообще решать проблемы беженцев, обедняя и без того скудные социальные фонды,— значит, усиливать напряженность в обществе.

Корр. А вы считаете, это нам удастся — вернуть мораль в политику?

Г. Старовойтова. В той мере, в какой мораль возвращается в общество. Сахаров, как мы помним, всегда ставил нравственность на первое место, нарушал правила всех игр, и в этом была его политическая мощь. Один заменял целую парламентскую фракцию, заставлял весь мир слушать себя, потому что действовал с позиций морали и права.

Пока мы не признаем, что кровавые трагедии, которые мы стыдливо именуем «международными конфликтами», — это настоящий геноцид, пока на самом высоком уровне не наступит покаяние, проблема беженцев из тупика не вырвется. Слово «геноцид» не раз произносилось на последней сессии, но официально это заявление так и не признано. Помните: еще в июле 1988 года, когда старый Верховный Совет обсуждал карабахскую проблему, писатель Вардгес Петросян впервые заговорил о геноциде. Горбачев ему тогда возразил: вы же писатель, умеете пользоваться словом. О геноциде, мол, можно говорить, если это целенаправленная государственная политика... На этом возражении дело и застыло.

Я внимательно изучила Конвенцию ООН о геноциде, которую СССР подписал. Так вот, там в статье 4-й есть специальная оговорка: геноцидом считаются не только

действия властей, но и преследования, осуществляемые частными лицами.

Корр. Вчера у меня была приятная встреча: из Калининской области специально приезжала одна из бывших (настрадавшихся!) постоянцев Армянского постпредства, переполненная чувством благодарности к работникам санатория-профилактория завода «Центросвар». Кстати, эта женщина, Эльмира, наполовину армянка, наполовину азербайджанка, имеет двоих детей и еще двое стариков у нее на руках. Она плакала, рассказывая: «Нас приняли, как родных...». Это я к тому, что доброта в наших людях не иссякла, и если дело нормально организовать... Опять же радует, что в своей первой президентской речи Горбачев поставил проблему беженцев в число первоочередных. У вас, Галина Васильевна, есть надежда, что эта тупиковая проблема будет по-человечески решена?

Г. Старовойтова. Жить — значит, надеяться.

«ЛГ — ДОСЬЕ» март, 1990 г.

«ВРЕМЯ ЛОЗУНГОВ УХОДИТ...»

...Национальные беды, конечно, не исчерпываются положением с советскими немцами, советскими евреями и армянами, которое должно быть исправлено немедленно. По крайней мере руководство страны должно недвусмысленно высказаться, дать понять на деле всему нашему народу, есть ли у каждого человека за спиной закон или его судьбой, судьбой его народа вольны распоряжаться разнообразные темные силы бандитского толка. Подлежит отмене любой закон любой республики, если он признает за кем-либо право на дискриминацию по национальному признаку. Это совсем не значит, что следует не признавать права на суверенитет прибалтийских или других республик. Но русские должны понимать, что татары в Москве такое же коренное население, как и они. Литовцы не должны забывать, что поляки не менее коренные жители Литвы, чем они. Корейцы в Казахстане должны располагать теми же правами, что и казахи. И если негры в США могут быть мэрами городов, то наши «инородцы» должны быть по крайней

мере уверены в том, что имеют право создавать свои театры, учить детей на своем родном языке, что никто не смеет оскорблять их, запрещать выбор места учебы или работы по причине существования государства, где этот народ представлен большинством населения. Каждый человек должен быть уверен, что, если какому-нибудь маньяку вновь пришла в голову мысль переписывать инородцев в городе для подготовки погрома (а с турками в Фергане, армянами в Баку это было и кончилось резней; с евреями в Москве и Ленинграде это происходит сейчас и чем кончится — никто не знает), то подобные противозаконные действия впредь будут в своем зародыше пресекаться в соответствии со статьями Уголовного кодекса.

Непоправимые дела творим мы в национальной политике: ничего не знаем, не помним, ничему не учились. Это мы ввозим дешевую рабочую силу из Вьетнама, а квалифицированную свою сбываем (выживаем) за рубеж. Кто-то догадался пригласить на Дальний Восток китайских земледельцев, а что же делать в это время в Средней Азии безработной молодежи? За сотни лет до нас люди пробовали ввозить чернорабочих из слаборазвитых стран. Потом они дорого оплачивали свою погоню за дешевизной. Может быть, Вьетнам и заинтересован в вывозе своей молодежи, может быть, с нашей стороны эта иммиграция скорее является гуманным актом помощи дружественной стране. Но если у нас своя безработица, можно ли такой вопрос решать за закрытыми дверями? Мы все время латаем сиюминутные дыры. Никто не имеет ничего против Китая, но он может и сам разобраться со своими крестьянами.

За последний год бегство из СССР (эмиграция), как это видно из интервью начальника управления виз, разрешений и паспортной работы МВД СССР Р. Кузнецова, более чем утроилось в Израиль, почти удвоилось в ФРГ, почти в пять раз возросло в Грецию. В определенной мере за пределами этих цифр остались армяне, которые бегут не только из Азербайджана, но и из Армении, бегут, помимо США, в Южную Америку, Австралию. «По моему мнению, сам факт эмиграции нормален — это реализация права человека на свободный выбор места жительства, провозглашенный во Всеобщей декларации прав человека еще в 1948 г....» (из интервью

Р. Кузнецова). Но ведь уезжают хорошие головы, хорошие руки, те самые, которые обеспечивали тем большим прирост народного богатства, чем выше была их квалификация. Почему наших эмигрантов охотно принимают за границей? Их, как правило, берут на менее квалифицированные работы, чем на родине, на меньшую зарплату, чем своих. Очень, очень мало кому удается там сделать карьеру. Зачем же покидают они дома, квартиры, близких, могилы предков? Значит, стало неумоготу. Нельзя обвинять сотни тысяч людей в патриотизме. Чушь это.

И вот возникает вопрос: кто же за все это ответит? Да никто не ответит. Как никто не ответил за уничтожение Арала и гигантских площадей отравленной и засоленной земли, за опустынивание в России, за... Список этот слишком длинен, всем известен, вызывает у людей теперь уже скорее досаду, чем возмущение.

Ну тогда другой вопрос: кто исправит? только мы сами. Должен срочно проснуться от летаргии Совет Национальностей Верховного Совета СССР: он проспал резню в Азербайджане, ему и спрашивать с тех, кто отвечает за национальную безопасность. Только давайте без дураков: не надо обвинять безымянных армян, что будто бы они сами себя резали, или первыми начали, или сами бросались из окон, сами заблокировали железную дорогу (как это утверждал один гражданин на предпоследнем Съезде народных депутатов). Не надо опять разводить руками: дескать опоздали немного. Тут все ясно: как и раньше, опоздали не случайно. Дело серьезное. Было бы целесообразно созвать Съезд народных депутатов только по национальному вопросу, предложить желающим заранее прислать свои предложения, заранее их опубликовать, потом систематизировать, а на Съезде, не занимаясь реченесением, обсуждать конкретные предложения, принимать их, выбрав предварительную дееспособную редакционную комиссию.

И последнее. Пока мы возмущаемся, Армения находится в настоящей осаде: прекращено строительство разрушенных землетрясением домов, нет топлива, плохо с питанием. Ну, если нам не стыдно все это терпеть, то ведь армяне принадлежат не только нашей стране, они дети всей земли. Разве люди разучились наводить воздушные мосты? Разве человеческая порядочность

реализуется только через министерства иностранных дел, правительства? То, что происходит в Армении, — не «внутреннее дело СССР», а всемирная беда. Мир людской должен, наконец, заявить, что он больше геноцида не допустит и не позволит считать право на суверенитет правом на суверенный национальный террор. Хватит с нас памятников жертвам Бабьего Яра, Треблинки, резни армян в 1915 г. ...

А. И. ВОРОБЬЕВ,
народный депутат СССР
Отрывок из одноименной статьи
«Огонек» № 14, март 1990

«К СОЖАЛЕНИЮ, ЭТО РЕАЛЬНОСТЬ...»

Пятый номер нашего еженедельника за нынешний год вызвал большую почту. Много писем пришло от читателей из Азербайджана. Неудивительно — в номере, о котором идет речь, мы опубликовали материалы о русских беженцах из Баку, интервью Г. Херисчи литовской газете «Атгимимас» и комментарий к нему доктора философских наук Э. Володина. Все эти публикации касались трагедии, разыгравшейся недавно в Азербайджане, когда экстремисты, умело направляемые коррумпированными политиками, вышли на улицы с оружием, чтобы таким образом решить проблемы межнациональных отношений. Часть откликов на эти публикации была напечатана в нашем еженедельнике. Сегодня мы остановимся на некоторых письмах непосредственно из Азербайджана.

Сначала хочется привести письмо директора Института востоковедения АН Азербайджана, Героя Советского Союза академика Зия Буниятова:

«Я постоянный читатель и почитатель «Литературной России»... Пишу вам по поводу «Откровений» жестокого человека» в № 5 от 2 февраля.

Дело в том, что пресловутый Гамид Херисчи — человек, живущий у нас по «виду на жительство». Он не гражданин СССР, а подданный Ирана... Этот подонок вовсе не олицетворяет азербайджанский народ и никакого права выступать от его имени не имеет. Раньше таких, как он, выдворяли из Советского Союза в 24 ча-

са, а сейчас им предоставлена возможность болтать, что заблагорассудится...

Я прекрасно понимаю доктора Э. Володина. Можно было бы дать этому Херисчи и ему подобным по мозгам еще покрепче! Во всяком случае, прошу вас не ставить знак равенства между азербайджанским народом и жуликами типа Гаида Херисчи».

Уважаемый Зия Мусаевич!

Спасибо за поддержку нашей позиции. Публикуя интервью Г. Херисчи литовской газете, мы, конечно же, не ставили знак равенства между ним и азербайджанским народом. И это отметил в своем комментарии Э. Володин. Дело в том, что интервью Г. Херисчи, на наш взгляд, очень точно отражало настроения и определенные воззрения наиболее оголтелой части пантюркистов, мечтающих об «Объединенных советских эмиратах» от Северного Кавказа до Якутии. Характерно для таких, с позволения сказать, мечтателей и полное пренебрежение мнением народов России, на территории которой оголтевшие «боевики» вроде Гаида Херисчи собираются воздвигать свою исламскую конфедерацию.

Именно потому, что Г. Херисчи недвусмысленно выразил далеко идущие планы пантюркистов, мы сочли нужным познакомиться с ними читателей. Вашу статью «Куда мы идем?» в газете «Бакинский рабочий», уважаемый Зия Мусаевич, мы прочли. Полностью разделяем Вашу озабоченность экстремистскими настроениями части руководителей Народного фронта Азербайджана. Ваша статья, появившаяся еще 1 декабря прошлого года, на наш взгляд, была серьезным предупреждением всем горячим головам: нельзя будить дракона национализма, это может кончиться кровью... Жаль, что не все Вас услышали, и кровь пролилась. Но Вы, Зия Мусаевич, поступили мужественно и мудро. Уверены, что здоровые силы азербайджанского народа это не забудут.

Теперь о письме ученых Института литературы имени Низами АН Азербайджана Я. Караева, В. Кулиева, Э. Ахундовой, И. Сеидова, С. Лукьяновой и С. Османлы. Именно в этом институте, хорошо известном в стране серьезными работами по истории и современному развитию тюркоязычных литератур, числится младшим научным сотрудником Гамид Херисчи.

Сначала авторы письма выражают недоумение: почему, дескать, интервью Г. Херисчи перепечатано сразу десятком газет? Действительно, непонятно? Тогда повторим еще раз: интервью выражает самые крайние взгляды исламских «правых», взгляды, которые не могут не тревожить и христиан, и мусульман, проживающих в России и на Кавказе. Самое главное — январские события в Азербайджане показали, как «теории» Г. Херисчи, высказанные им в ноябре 1989 года, были претворены в «практику» экстремистами всех мастей. Какие еще требуются резоны для подтверждения права «Литературной России» и остального «десятка газет» на перепечатку откровений воинственного младшего научного сотрудника?

Авторы письма в редакцию нашей газеты сообщают, что Г. Херисчи не является «идеологом» Народного фронта Азербайджана, «каким его пытаются представить в глазах всесоюзной общественности некоторые средства массовой информации, но даже не состоит ни в одной из первичных организаций Народного фронта как его рядовой член». Извините, уважаемые ученые, но идеологом Народного фронта представили Г. Херисчи не «некоторые средства массовой информации», а конкретно газета «Атгимимас», которой Г. Херисчи дал интервью. И если бы не этот факт, о Г. Херисчи не знала бы и «всесоюзная общественность». Смехотворно, уважаемые товарищи ученые, выглядит ваша попытка уверить, что мысли, высказанные Г. Херисчи, — «отнодье не выражение какой-либо общей идеологической платформы НФА (тем более целой нации), а личное, сугубо субъективное мнение, которое далеко не во всем совпадает с позицией ученых Азербайджана». Смехотворно потому, что чуть выше вы сообщаете об опровержении, направленном Г. Херисчи в газету «Атгимимас». Что же он, по-вашему, опровергал? Свое «сугубо субъективное мнение»? Тогда почему вы так настойчиво открещиваетесь от него, расширяя свою небольшую группу до всех «ученых Азербайджана»? Мы уже привели письмо одного ученого, академика З. М. Бунятова...

Нам кажется, что запоздавшее опровержение Г. Херисчи и ваше стремление отмежеваться от «сугубого» мнения коллегии продиктованы сегодняшним пониманием того, как безответственная националистическая бол-

товня может оборачиваться на практике кровавыми погромами.

Не случайно большая часть вашего письма этому и посвящена: вы представляете Г. Херисчи таким простаком, который по наивности дал интервью, первое в жизни, а теперь на этом интервью акулы из «некоторых средств массовой информации» сбивают политический капитал, обвиняя в экспансионистских настроениях азербайджанский народ. Далее вы предъявляете претензии к «Литературной России» в том, что на своих страницах она нагнетает «массовый психоз среди довольно многочисленной читательской аудитории» «лживыми рассказами о «русских беженцах»... Интересно, в каком именно месте Баку располагается ваш институт? Да и в Баку ли? Не хочется даже спрашивать, как поднялась у вас, ученых, рука написать это слово — «рассказни».

«С сожалением приходится констатировать, — пишете вы, — опасную тенденцию, наблюдаемую в столь авторитетной газете, как «Литературная Россия», охотно представляющей свои страницы для публикаций националистического толка... Сотрудники Института имени Низами не могут не выразить обеспокоенность позицией газеты...»

Вероятно, публикациями «националистического толка» следует считать письма беженцев? А интервью Г. Херисчи в таком случае пойдет по разряду «интернационального толка» — ведь он рассуждает о проблемах всех тюркских народов на территории СССР... Извините, уважаемые ученые, но ваши сожаления, ваша обеспокоенность позицией газеты вкупе с определением «рассказни», относящимся к материалам о трагедии беженцев из вашей республики, носят одно название: лицемерие.

Огорчило нас и другое письмо, тоже коллективное, из Баку. Подписали его главный редактор журнала «Литературный Азербайджан» ветеран Великой Отечественной войны Иван Третьяков, главный редактор газеты ЦК КП Азербайджана «Вышка» Юрий Иванов и главный редактор газеты «Бакинский рабочий» Геннадий Глушков. Правда, в редакцию нашего еженедельника письмо попало кружным путем: сначала авторы отослали его почему-то в Союз писателей Азербайджана, откуда оно с «сопроводилкой» пошло в Союз писателей

СССР, а потом — под конвоем уже двух сопроводительных писем — в редакцию еженедельника. Очень удобный, сразу заметим, способ пересылки писем: во-первых, не надо тратить на марки, во-вторых, позиция трех главных бакинских редакторов ненавязчиво «заявлена» во всех писательских инстанциях. В «сопроводилровке» СП Азербайджана, кстати, написано, что, «ознакомившись с данным письмом», секретариат правления «разделяет изложенную авторами позицию». Так что это уже получается не только письмо бакинских редакторов...

Шестистраничную ксерокопию письма мы не можем напечатать полностью. Публикуем лишь главные тезисы. «Уважаемые коллеги!

До чего же горько это читать! Нагромождение лжи, инсинуаций, угроз, неточностей... Тем более, что беженцы из Баку, к сожалению, — это реальность, но общая наша беда, раздуть которую — преступление. Тем более, что город наш и сегодня в трауре по жертвам трагических событий «черного января» — людям разных наций. Тем более, что в Баку продолжают жить и трудиться многие десятки тысяч русских. Но их судьба, кажется, мало интересует вас, коллеги из «Литературной России». А вот мы — из их числа...

Непогашенный вовремя огонек провокаций разросся, и дикий огонь межнациональных столкновений охватил наш регион — впрочем, разве только наш? При бездействии или даже попустительстве союзных и местных властей в Закавказье, по существу, вспыхнула война. Поисками путей нормализации должны, по нашему убеждению, заниматься и писатели, и органы печати, сознавая при этом всю полноту ответственности за публикация на эти трудные темы в нынешних труднейших условиях.

Но вы-то, говоря о своем, обращаясь прежде всего к русским, многозначительно отмечая, что беженцы первые, — вы-то к чему зовете? Когда пишете, что в Баку «вошли наши войска», — что, собственно, имеете в виду?

Вам неметя показать «азербайджанскую угрозу» русским. Чего бы еще придумать? И вот из литовской газеты перепечатывается (уже перепечатанная в Армении газетой «Коммунист») беседа с Гамидом Херисчи — или Хериши, в вашем изящном понимании. Вы даете

слово аж доктору наук, который с юмором обличает незадачливого автора.

Да, много места выделили Азербайджану и его проблемам в этом номере газеты. А то ведь годами имени республики не встретишь на ваших страницах... Тот, кто действительно хочет помочь людям, должен представлять себе, какие средства для этого пригодны, а какие только усугубляют трагедию. Бог вам судья, коллеги.

Кроме этого, авторы письма выражают сомнения в достоверности сообщений беженцев (опять «рассказни!»), сообщают, как замечательно живется в одной семье братских народов на земле Азербайджана, как мирно и спокойно сейчас в Баку, и приглашают нас посетить этот город. Но мы погодим брать билеты в Баку... В центральной прессе снова замелькал Азербайджан.

Давайте еще раз перечитаем письмо. Вам, коллеги из Баку, горько было читать материалы номера, посвященного беженцам. Тогда вы должны представлять, как нам горько об этом было писать. По поводу неточностей, лжи и инсинуаций... Это заявление оставляем на вашей вести. Наш корреспондент почти две недели провел в Баку и других районах Азербайджана. Именно в те дни, когда оттуда хлынул поток беженцев. Мы ему верим. Вы вольны не верить. Тогда отсылаем вас к публикации в «Литературной газете» от 7 февраля с. г. «Баку: до и после приказа». Вот что написал спецкор. «ЛГ» А. Кружилин: «К утру 19-го Баку оказался отсеченным от страны пикетами, взвинченными погромами и митингами до полной истерии, с бездействующей милицией и, по сути, с атрофированной местной властью».

Это обобщение — тоже нагромождение лжи? А как быть с публикациями в других газетах? Ведь в наших материалах не было ничего, о чем бы не писала пресса в те горькие дни. Просто все дело в том, что «Литературная Россия» выступила по проблеме именно русских беженцев, о чем почти не писала ни одна союзная газета, о русских с Кавказа, у которых до сих пор нет официального статуса беженцев. Этой позиции не могут простить нашему еженедельнику «интернационалисты» вроде ученых Института литературы.

Вы пишете, что в Баку живут и трудятся десятки тысяч русских. Но их судьба, мол, не волнует «Литературную Россию». Волнует, тут вы не правы, коллеги.

Нам бы хотелось, чтобы она и вас волновала, вас, руководителей русскоязычных средств массовой информации. Однако сейчас нас больше занимают русские, оставшиеся без крова, приехавшие искать защиты и справедливости в Россию. Это наша проблема, приоритетная проблема русских беженцев в России, ибо газета наша — республиканский орган. По этой же причине мы и не писали в свое время об Азербайджане. И не пишем сейчас. Мы пишем о русских, изгнанных из Азербайджана. Чувствуете разницу? Мы пишем, что их плохо принимают в Москве, что они неделями околачивают пороги ведомств. Мы пишем о том, что по инициативе издательства «Современник», общественно-патриотических организаций создан Фонд помощи русским беженцам, о которых пока очень плохо заботится союзное правительство. Вот это и есть наше участие в решении проблемы, это наш путь поисков нормализации.

Отмечая, что беженцы — первые, мы никуда и никого не зовем, в чем вы несправедливо подозреваете газету. Мы пишем горькую правду — это первые беженцы. Потом были вторые — из Душанбе. Вы можете дать гарантию, что не будет третьих? А они уже есть — из Литвы! По поводу НАШИХ войск... Наши войска — это советские войска. В отличие от других войск, для которых в Баку было припрятано два «КамАЗа» полевой военной формы (см. статью А. Кружилина в «ЛГ» от 7. 02. 90).

По поводу интервью Г. Херисчи мы уже все сказали. Что касается точного написания его имени, то мы, как вы понимаете, лишь перепечатали интервью и не несем ответственности за ошибки наших (и ваших) литовских коллег.

И самое главное: вы обвиняете наш еженедельник не больше и не меньше как в преступлении, ибо «Литературная Россия» якобы раздувает беду. Вы предлагаете «не раздувать»? То есть молчать? Так, например, молчать, как газета «Вышка», которую редактирует один из авторов письма Ю. Иванов? 5 января 1990 года, когда по Закавказью, словно по бикфордову шнуру, уже побежал огонек. «Вышка» на первой полосе дала колонку новостей из Гянджа. Что же писала «Вышка»? Об ударной работе щебеночного завода, о строительстве печи для выпуска гажы, о возведении объектов соцкультбыта

для работников железной дороги. Той самой дороги, которая уже была блокирована боевиками...

А о чем сообщала «Вышка» читателям 18 января, в самый пик кровавых событий? «Нефть идет, люди работают», «Прибыль сама не прибывает», «Эксперименты московского биолога», «Признание заслуг в области культуры», «Школа искусств» — вот заголовки номера... Да крохотное сообщение «От ЦК КПСС...»

Извините, коллеги, но так молчать мы не умеем. И не хотим. Позвольте усомниться в искренности Ю. М. Иванова, с которой он «уличает» наш еженедельник в «раздувании беды». Скорей всего на руку националистическим погромщикам работало молчание республиканской прессы. А потому и не вам, Ю. М. Иванов с товарищами, взваливать на нашу газету вину за преступления. Нам хватит забот, чтобы поддержать изгнанников, ваших читателей. Действительно, побойтесь Бога, коллеги!

Спасибо всем читателям, кто поддержал беженцев словом и средствами, перечислив деньги на счет № 700507 МГУ Госбанка СССР в Москве, филиал 201791, по адресу: 117042, Москва, ул. Житная, 12.

**ОТДЕЛ ЛИТЕРАТУРНОЙ
ЖИЗНИ И ИНФОРМАЦИИ
«ЛИТЕРАТУРНОЙ РОССИИ»**

**«Литературная Россия»
06. 04. 90, № 14/1418)**

АРМЕНИЯ В 90-Х ГОДАХ: ПЕРСПЕКТИВЫ И ОПАСНОСТИ*

Автор публикации, которую мы предлагаем вниманию читателей, крупный английский историк, арменовед. Но не только. В публикации, повторяющей с небольшими сокращениями текст доклада, прочитанного им несколько месяцев назад в Оксфордском университете,

* Статья К. Уокера ввиду ее важности включена в сборник в порядке исключения.

немало чисто политических оценок и суждений. Некоторые из них отнюдь не бесспорны. Но бесспорно другое — объективность и дружелюбное участие в судьбе армянского народа, трезвость и аналитичность мысли, которых нам так порой не хватает.

Итак, взгляд со стороны...

В восьмидесятих годах мы стали свидетелями значительных перемен, касающихся Армении и армянского народа. В первую очередь, это — широкомасштабная кампания за объединение Армении и Карабаха. Эта борьба, начатая самим народом Карабаха и проводимая на протяжении двух лет, продолжается. Нежелание властей принять справедливое и основанное на принципах демократии решение по проблеме не только вызывает разочарование армян, но и создает опасность во всем регионе. Существует возможность расширения и ужесточения конфликта. На протяжении восьмидесятих годов проводилась и другая кампания — за признание геноцида 1915 года. В этом плане достигнут определенный прогресс, в частности, в Европейском парламенте, однако вопрос этот потребует больших усилий и во многом остается на повестке в девяностых годах. В рамках диаспоры заметно большее единство, частично как следствие карабахского движения и отчасти как результат борьбы за признание геноцида. Прошлогоднее трагическое землетрясение на севере Армении также повлияло на рост этого единства. Как бы то ни было, ясно, что задачи, начатые в восьмидесятих годах, потребуют большей работы в девяностых.

Поскольку Советская Армения является единственным на сегодня армянским государством, она и должна быть, в первую очередь, в поле нашего зрения, а не гипотетическая Армения или какая-либо из общин армянской диаспоры. Кроме Карабаха и восстановления севера республики, Армении предстоит решать и другие важные задачи: оздоровление окружающей среды, демократизация общественной жизни. Эти вопросы, вероятно, будут на повестке и в девяностых годах. Однако наиболее важной темой, занимающей умы людей и не сходящей со страниц нашей прессы, является именно Карабах.

Можно лишь поражаться фиаско Комитета особого управления, возглавляемого Аркадием Вольским. Име-

ется много неясностей относительно причин неудачи Вольского и возникает множество вопросов, на которые трудно ответить. Имеется ли у властей, старающихся создать видимость объективности, секретный план в Закавказье, втайне благоприятствующий азербайджанцам? В итоге событий прошедших двух лет позиции азербайджанцев выглядят предпочтительнее. Сегодня вооруженные азербайджанцы окружают Карабах, и Баку навязывает экономическую блокаду Армении. Странно, что Москва не предпринимает никаких акций против агрессивных и насильственных действий Баку. Вооруженные банды азербайджанцев нападают на транспорт с грузами для Карабаха, для Армении, в том числе и с поставками в помощь пострадавшим от землетрясения, грабят и уничтожают их и не несут за это никакой ответственности. Более того, в СССР информация о событиях в регионе подается в благоприятном для азербайджанцев свете. Если и в самом деле все это происходит согласно секретному плану, то как в этом случае следует действовать армянам как на родине, так и в диаспоре? Это — сложные вопросы, которые необходимо рассмотреть, даже если на них нет ясных ответов.

В то же время армяне уже тем, что подняли карабахский вопрос, сделали его злободневным. Мы не должны упускать из виду этот благоприятный для армян фактор. Проблема поставлена на повестку дня. Ее сокрытие и отрицание — прошедший этап. Это открывает определенные возможности. Хотя армяне сейчас и в менее предпочтительной ситуации, возможно, что проявляя достаточно упорства, терпения и дипломатии, постоянно и непоколебимо проводя политическую кампанию, Карабах сможет со временем быть объединен с Арменией. Но, если это и случится, это произойдет не скоро.

В карабахской проблеме есть два аспекта: сама борьба за изменение административного устройства и освещение проблемы, что столь же важно. Следует рассмотреть вопрос освещения проблемы ТАСС и другими советскими агентствами новостей. Почему они не дают беспристрастную информацию по армянской позиции? Сумгайтская резня упоминается лишь вскользь, игнорируется тот факт, что к насилию в Закавказье впервые прибегли азербайджанцы сумгайтск. резней. В то же время армян обвиняют за то, что они требуют объедине-

ния Армении с Карабахом, хотя это полностью соответствует идеям перестройки. Справедливые требования демократии и культурной автономии подавляются, а шовинистические выпады Зия Буньятова и его приспешников получают зеленый свет в Баку. Армянское требование Карабаха отличается недвусмысленностью и прямотой. Это могучая и простая идея: справедливость и демократия для народа Карабаха. Поэтому любые власти, неспособные удовлетворить это требование, естественно, должны стремиться затуманить, насколько это возможно, истинный характер конфликта. Отсюда важность манипуляции информацией в карабахском вопросе. Даже если мы не можем объяснить причину подобной манипуляции в СССР, важно признать, что это происходит, и всегда помнить об этом.

Почему такое происходит в СССР, причем в эпоху гласности — это лишь одна из загадок. Но есть и другая: почему западные средства массовой информации следуют советской линии и в основном неудачно освещают или объясняют умеренные и законные требования армян? Мы видим, как московский корреспондент «Нью-Йорк таймс» Билл Келлер соглашается с бакинской версией и скрывает истинную природу конфликта — угнетение карабахского народа азербайджанским правлением. В «Спектейтор уикли» опубликована статья московского корреспондента «Дейли стар», где преобладает антиармянская настроенность. Достойно сожаления и то, что Руперт Корнуэлл из «Индепендента» пишет о конфликте, побывав лишь в Баку, не посетив Ереван или Степанакерт. Фактически в сфере чисто политических дискуссий как в Европе, так и в Америке антиармянские взгляды получили больше поддержки, чем армянская точка зрения. Из сказанного ясно, что за доступ к средствам массовой информации в США армяне должны бороться. Один из примеров, используемых антиармянским лобби, и довольно широко, является то, что борьба за Карабах преподносится не как борьба за демократию и справедливость (т. е. проблема, которую можно решить), а как этническая, родовая, религиозная и т. п. и потому тупиковая, не имеющая решения.

Те, кто поддерживает на Западе карабахское движение, должны выражать свои аргументы просто, ясно и полно. Все, что касается фактического положения кара-

бахского народа, должно получать отражение, комментироваться: ничего нельзя отбрасывать как очевидное. Любой проазербайджанский аргумент или заявление, какими бы абсурдными они ни были, должны комментироваться; их нельзя оставлять без ответа, ибо это будет рассматриваться как свидетельство поддержки азербайджанской точки зрения. Любой аргумент, выдвинутый Зия Буньятовым, должен быть полностью исследован. Необходимо комментировать и статьи западных журналистов, необъективно освещающих проблему.

При продвижении своих взглядов армянам следует быть аналитичными, скрупулезными и точными в деталях. Справедливость требований еще не означает их автоматическую реализацию. Права нужно доказывать, защищать, писать о них, бороться за них, лоббировать на национальных и международных форумах. Призывы за права человека и демократические свободы являются лишь частью политического процесса во всем мире, хотя это самая важная база для любого политического требования. В этих обстоятельствах глобальные заявления неуместны, их не должно быть в обсуждениях по Карабаху. Они лишь усилят стереотипы на Западе, а стереотипы и обобщения не могут помочь. Необходимо создавать подборки конкретных случаев нарушения прав человека, ущемления национальных прав и т. п. Это требует тщательной и кропотливой работы.

Анализ карабахского вопроса показывает, что требования армян в переводе на язык демократии и прав человека звучат намного весомее. Они направлены против утвержденных в Карабахе Азербайджаном с 1923 года беззакония, отрицания естественных прав человека, запрещения обучать детей армянскому языку, поселения азербайджанцев на территориях, оставляемых армянами из-за невыносимых условий жизни на родной земле. Армянам необходимо делать упор на демократические принципы, а это как раз и не получило должного звучания за последние 20 месяцев.

Борьба за демократию и права человека легко может переродиться в конфликт на почве традиционной межнациональной вражды. Мы видели, как это произошло в Ливане и Ольстере. Было бы трагедией, если бы это случилось и в Закавказье. А это может случиться, если заглухнет голос армян за демократию и его заменит

звонкий призыв к Западу своим христианским братьям и сестрам. Если такой призыв когда-либо прозвучит, тогда конфликт возможно станет неразрешимым. У армян есть уникальный шанс сделать выбор: либо поддержать борьбу в Закавказье, выражая ее суть согласно принципам демократии, либо замуровать конфликт навсегда и неразрешимо в средневековых крепостных стенах племенной ненависти.

Давайте рассмотрим странную приверженность западных журналистов азербайджанской точке зрения и отрицанию возможности изменения статуса Карабаха. Возможно, это следствие журналистской неосведомленности; возможно — результат дружеского давления со стороны азербайджанцев или иного влияния. Но я думаю, что следует учитывать и западный настрой мышления, позволяющий появляться статьям типа келлеровских. Я бы отважился на такую мысль: упрощенческий негибкий западный ум хочет, чтобы весь Запад был христианским и «хорошим», а весь Восток — мусульманским и «плохим», куда можно спроецировать все свое «плохое». Наличие таких восточных наций как армяне, которые являются христианами, идет вразрез с этой базисной категоризацией. Западное мышление как раз не хочет знать о христианских нациях в Азии.

Я понимаю, что это лишь теория и что она может показаться надуманной. Но важно распрощаться с идеей, довольно распространенной среди армян, что другие христианские нации всегда будут помогать им. Это — нереалистическая политика и полностью искаженное отражение реальных связей между людьми и нациями. Язык христиан против мусульман (будучи языком неизменности) не только противоречит интересам армян: это фальшивый и неточный язык и не соответствует историческому прошлому. Христианство как общность существует лишь со средних веков; и лишь с XVII века, т. е. 300 лет, Европа, в каком-то смысле, — христианский континент. Народы Европы омывались волнами океанов рационализма, материализма и демократии. Более того, экономические и стратегические интересы Британии заставили ее рассматривать последние 150 лет в качестве своего главного союзника на Ближнем Востоке не какую-либо христианскую страну, а Османскую Турцию.

Королева Виктория обожала Турцию Абдул Гаида. В 1870-х годах она грозилась отречься от престола, если ее правительство не будет проводить более акцентированную протурецкую политику. Ничто не может более ясно продемонстрировать, насколько нежизненной является идея преданности, верности наций, основанной на религии. Однако именно этой идее до сих пор продолжают придерживаться многие армяне. Это — мертвая идея, которая не продвинет дело армян ни в какой борьбе. Демократия, гармоничные отношения между всеми народами, каково бы ни было их культурное или этническое прошлое — вот принципы, единственно возможные в настоящее время и в будущем. И именно эти принципы представляют армяне, выдвигая проблему Карабаха, хотя они и не очень явственно проглядывают. Народу Карабаха более всего может помочь язык демократии, звучащий громко и ясно. Если вы хотите помочь ему, говорите на языке демократии. Если же вы хотите помочь азербайджанцам, — говорите на языке религиозных различий, крестовых походов и средневековья.

В Армении, помимо Карабаха, на повестке есть и другие важные проблемы. Экологическая борьба — одна из них, и она ведется. Кроме экологической борьбы, есть проблема депопуляции (эмиграции), на которую нельзя закрывать глаза. Выгодно ли Армении да и всему армянскому народу, чтобы тысячи армян эмигрировали в Калифорнию? Нужно ли им давать статус политических беженцев в США? Я не хочу здесь входить в дебаты по этому вопросу, но хочу отметить лишь то, что может быть упущено из виду в дебатах, — что действия имеют последствия.

Другой важной сферой армянской политической активности, конечно, является борьба за признание геноцида 1915 года. Мы должны признать огромные успехи в этом направлении, достигнутые в восьмидесятых: приговор Постоянного Трибунала Народов в 1984 году, принятие ООН 24-го параграфа, подготовленного Бенджаминном Витакером, в подкомиссии в Женеве и голосование в Европейском парламенте в Страсбурге в июне 1987 года. Однако не должно быть места благодущию, и армяне должны бороться за каждый дюйм на пути признания своих требований другими мировыми форумами, и это потребует больших усилий. Дело в том,

что, как и с карабахской проблемой, налицо инстинктивная стойкая тенденция, бытующая в некоторых ведомствах и правительствах Европы, как и во всей Америке,— воспринимать, в первую очередь, а возможно и только лишь антиармянскую точку зрения. Мы видели это в ответе госсекретаря США Джорджа Шульца Алексу Манукяну, выразившему армянскую точку зрения. Американские власти показали, что они готовы принять во внимание взгляды тех, кто совершал насилие и несправедливость, но не взгляды и чувства их жертв. Вот структура, в рамках которой ведутся дискуссии о геноциде 1915 года в США. Нужды Турции, ее желания, чувства возмущения и оскорбленного достоинства сразу же и машинально берутся во внимание. Настоящая и прошлая боль, испытываемая армянским народом вследствие уничтожения, чудовищной резни и, как следствие, потеря родины администрацией не воспринимается. Вот почему борьба должна быть продолжена.

Каковы же выводы? Главное, чтобы любое высказывание, исследование по геноциду было как можно более простым, ясным, обеспеченным первоисточниками как можно тщательнее. Можно лишь сожалеть, что армяне так долго полагались на вторичные или сомнительные источники, объясняя случившееся в 1915 году, а не обратились сразу же к лучшим архивным материалам. Жаль, что никто не подготовил сборника на английском языке оригинальных документов из архивов Германии и Австрии, хотя некоторые документы были переведены на французский язык. Необходимость в этом особенно ощущается, когда ведется дискуссия по факту геноцида или когда требуется дополнительная информация по нему: однако такого сборника нет. В этой области в девяностых годах нужно провести огромную работу. Многие важнейшие исследования по армянскому геноциду еще предстоит сделать.

Имеется и большой пробел. Он состоит в том, что не предъясняется понятный мотив геноцида и его обстоятельства. Любой неармянин, когда слышит впервые про геноцид, хочет узнать, почему это случилось. Почему турки убили всех армян? Иногда дается серьезный ответ, по-видимому, правильный: вследствие пантюркизма — создание тюркоязычными народами единого государства на базе турецкого этноса, что предполагает

уничтожение армян. Те, кто не столь хорошо знакомы с историей, говорят, что геноцид совершен, потому что турки являются мусульманами, а армяне — христианами, а мусульмане всегда хотели убивать христиан. Однако это не объясняет, как армяне смогли выжить до тех пор, находясь в мусульманском окружении. Давайте обратимся к самой истории.

В начале этого века, когда с введением османской конституции было поставлено под сомнение традиционное превосходство турок, они стали искать новую идентификацию. Были три альтернативы. Первая — османизм, поиск общего османского патриотизма, независимо от расы или происхождения. Вторая — ислам, который обещал трудности не только с христианскими народами, но и христианскими державами, и, кроме того, многие лидеры новых турок придерживались атеистических и позитивистских взглядов. Третьей альтернативой был тюркизм, доктрина, незаметно перешедшая в пантюркизм.

Итак, что же выбрали турки? Они выбрали тюркизм, и к 1911 году младотурки были полностью пропитаны тюркистскими идеями. Приняв тюркизм, турки отбросили ислам. Поэтому веру армян в то, что все их несчастья исходят из мусульманской природы османской империи, определенно нужно поколебать. Триумvirат младотурок: Энвер, Талаат и Джемаль были неверующими. Они никогда не ходили в мечеть. Они даже не были втайне неверующими, как султан Абдул Гамид. Все же очень часто, когда читаешь об армянском геноциде, видишь, что не только особо подчеркивается исламская природа турок, но, что более серьезно, не выявляется истинная и угрожающая природа тюркизма.

«Бютюн Тюрклер бир орду»: это жестокая и ужасающая суть тюркизма. Это не цитата из Корана. Это лозунг, отточенный Зия Гемальбом, который и является истинным мотивом убийства сотен тысяч армян в Кемахе, Мексине и Тер-эль-Зоре. Погромы в Сумгаите в феврале 1988 года также говорят об этом. А много ли армян знают, что означает этот лозунг, и многие ли смогут объяснить его значение неармянам? Этот лозунг означал смерть для армян. Сколько турецких текстов, отражающих сущность «Бютюн Тюрклер бир орду», было переведено с турецкого языка на английский или

французский? Пока они не будут переведены, всегда останется пробел для тех, кто ищет серьезного и продуманного объяснения событий 1915—16 годов. Сегодня неармяне — конгрессмены, парламентарии, министры иностранных дел или члены комитетов защиты прав человека — хотят понять, просто те, кто мог бы им помочь понять, еще этого не сделали. Исследовал ли кто-либо в печати концепции «Туранчилик», «Тюркюлюк» и «Тюрклюк», используя тексты того периода? Насколько я знаю — нет. Будем надеяться, что к концу девяностых годов, когда будут опубликованы некоторые тексты, указывающие на жестокую, грубую антиармянскую природу, основанную на расизме, пантюркизме, каждый интересующийся сможет постигнуть суть проблемы.

Для сравнения посмотрим, какой тезис об армянах наиболее известен во всем мире. Это гитлеровское заявление, сделанное накануне нападения на Польшу: «В конечном счете, кто сегодня помнит об армянах?». А это заявление даже не касается ситуации, когда бы под угрозой был армянский народ. Оно касается совершенно другого комплекса обстоятельств и другого народа. Я могу лишь удивляться, что армяне продвигают такое заявление про другой народ, сделанное через 24 года после самих событий, и не заостряют внимание на мотивах своего собственного геноцида. Это явно тот случай, который психотерапевты называют замещение: фокусировка на состоянии других людей, поскольку, возможно, концентрация на собственном состоянии слишком болезненна и трудна.

Никто не отрицает, что армянам трудно обращаться к этим делам. Искать идеологию, санкционирующую геноцид, — значит пристально вглядываться в самые темные сферы человеческого зла, возможно, в наиболее запретные сферы, являющиеся табу. И все же, если мы хотим хоть как-то понять, что же случилось с армянами в 1915 году, все это должно быть исследовано и мысленно все страдания должны быть пережиты исследователем. К сожалению, без обращения к самым темным сторонам человеческой сущности нельзя достичь сколько-нибудь исторически правильного понимания геноцида армян.

Другой момент, на который надо обращать внимание, — это высокий интеллект турецких лидеров периода

первой мировой войны. На своих тайных советах образованные турки, особенно доктора, были наиболее способными, изощренными и дальновидными торговцами смерти и расовых убийств. Армяне часто концентрируют внимание на фигуре вульгарного политика Талаата. А я говорю, обратите внимание, на получивших европейское образование докторов Бехаедина Шакира и д-ра Назима и вы найдете истинных типажей иттихадистов — убийц, людей утонченных и спокойных манер, которые просто провели работу по планированию уничтожения армян. Исследуйте их труды и деятельность: читайте произведения Зия Гекальба. Вот задачи на девяностые годы.

В США и в европейских странах, следующих в фарватере американской внешней политики, имеется нечто вроде набора интересов, препятствующих ясному изложению армянской точки зрения или реалистичному отражению армянской проблемы. Возможно, в это свой вклад внесли и сами армяне в своем стремлении угодить западному обществу с его предрассудками относительно всего восточного.

Однако сотрудничество между народами и разрушение стереотипов будут способствовать созданию благоприятной атмосферы для того, чтобы армянский вопрос был услышан. Прежде чем обратиться к природе правды и неправды на Кавказе, нужно, чтобы были условия, при которых армяне будут услышаны.

Кампания по дискредитации прошлого Армении и ее сегодняшних требований подкрепляется коварным использованием денег правительством Турции. В частности, программа исследований по современной Турции Института восточных и африканских исследований (SOAS, London University) получила годовое пожертвование в сумме 10.000 фунтов стерлингов от турецкого правительства. Я желал бы знать, какова степень независимости этих исследований после такого подарка, не повлияет ли это на свободу исследований институтом проблем курдов и других национальных меньшинств в Турции, левых сил и даже самой структуры государственного устройства с наличием восьми типов полицейских сил, причем все восемь — вооруженные? Я думаю, что можно быть уверенными, что армяне не будут рассматриваться.

Как бы ни сожалели мы об упадке британских академических традиций и методов, в какой-то мере нужно отдать должное умной акции турецкого правительства, сумевшего внести свои «годовые субсидии» в момент, когда университеты и их исследовательские программы открылись для субсидирования иностранными правительствами по мере размывания британского интеллектуального наследия и стандартов.

В свете официальных турецких дотаций SOAS интересно узнать, что пишут турки об армянах, что они сейчас публикуют? Недавно я посмотрел книгу, изданную в Стамбуле под заголовком «Армяне в истории и армянский вопрос». Автор—Эсат Урас. Это перевод книги, изданной впервые в 1950 году в Турции, с некоторыми дополнительными материалами. Эта книга является одновременно и неточной, и напыщенной и, местами, злобно расистской. Ее содержание демонстрирует мышление средневекового тюремщика, но не гражданина современного государства, называющегося республикой. В ней подтверждается позиция, выражаемая в огульных нападках на армянскую историю, язык, культуру и общество. Отрицается не только их право на стремление к лучшей доле, развитие культуры и т. п., но и сама их этническая самобытность. Резня Абдул Гамида игнорируется, а геноцида 1915 года не было и не могло быть, если судить по информации в этой книге. Эту книгу можно действительно назвать пособием для башибузуков. Даже в старые османские времена публиковались более здравые и современные взгляды, касающиеся армян.

В самой Армении сегодня ведутся дискуссии относительно будущей ориентации страны: нуждается ли все еще Армения в России как защитнице против пантюркизма или такая позиция свидетельствует о рабской психологии, присущей колониям, поскольку старые идеи пантюркизма мертвы, государства, окружающие Армению, заняты сейчас своими собственными проблемами. В этом контексте я бы хотел сказать следующее: давайте помнить о физической кампании азербайджанцев против армян—Сумгаит, Кировабад, Баку, каждодневные убийства в Карабахе. Давайте также помнить, что азербайджанцы открыто призывали к аннексии Зангезу-

ра, и, насколько я знаю, совершили несколько нападений на Зангезур.

Физическая кампания—это с одной стороны. Теперь посмотрите, что происходит к западу от Армении. Физической кампании нет, но есть постоянная кампания интеллектуального терроризма, крайне расистские нападки, являющиеся фактически призывом к уничтожению армян. Вот это и представляет собой книга Эсата Ураса и именно эту книгу власти нашли целесообразным опубликовать в 1989 году. Нет ли тут взаимодополняемости между физическими нападениями на армян в Баку и интеллектуальными нападениями на них из Анкары.

Удивительно, что в дебатах о будущем Армении никто, по-видимому, не хочет исследовать позиции двух империй: России и османской Турции, поделивших Армению между собой в колониальный и постколониальный периоды. Необходимо сравнить и противопоставить их. Конечно, Россия действовала и действует в отношении Армении в колониальной манере. А разве Турция—нет?

Естественно, со времени возникновения карабахского вопроса было много критики в отношении подхода Москвы к Армении. И действительно, есть что-то очень странное и расстраивающее в том, как Москва подходит к решению проблем Кавказа, причем и в действиях, и в манипуляциях информацией. Однако между Москвой и Арменией нет идеологических противоречий. Москва не стремится к отрицанию Армении и не утверждает, что Армения—это лишь древнее географическое понятие, как это делает Анкара. Может быть, советский коммунизм не лучшее лекарство для Армении в настоящее время, однако надо подумать и о том, а какова может быть альтернатива. По-моему, нельзя забывать о судьбе Северного Кипра. Никто особо ничего не сделал для вывода турецких войск оттуда. Если Турция двинется на Армению, когда русским в конце концов надоеет быть объектом ругани со стороны армян, то мир, по-моему, останется равнодушным. Трудности Армении с Москвой являются случайными, тогда как конфликт с Турцией и тюркизмом на данном этапе является глубоким и идеологическим.

Какие бы перемены ни произошли в девяностых годах, я не предвижу особых изменений в Турции в отношении армян. Отсутствие какой-либо интеллектуальной гласности, по-видимому, будет сохраняться. Это означает, что останется корректируемая история, отрицание ярких фактов османской (турецкой) истории, появление одобренных государством материалов, вместо серьезных академических исследований. Все же некоторые турецкие журналисты-эмигранты ставят под сомнение правильность акцентов в турецких ценностях, а именно оспаривают ценность достижений государства и армии в ущерб правам человека, человеческой самобытности и мировой культуре. Хорошо, что имеет место такая постановка вопроса и, возможно, армянам следует отреагировать на нее и поддержать ее.

Один из возможных способов противостоять господствующей официальной антиармянской идеологии Турции — это показать, что она идет вразрез с надеждами Турции вступить в политический союз, в Европейское сообщество. Если удастся показать, что культурные и политические репрессии в тех масштабах, в каких они практикуются в Турции, не приемлемы для Европы, это может заставить призадуматься. Может быть, целесообразно напомнить, что, варварски разрушая величайшие армянские церкви, Турция разрушает прекраснейшие архитектурные памятники, имеющие важное значение для истории архитектуры именно той группировки, к которой она хочет присоединиться. Конечно, нельзя быть уверенным, что будут реальные результаты, однако попробовать стоит.

В условиях угроз со стороны Азербайджана и Турции и отсутствия ясности в политике Москвы в области межнациональных отношений Армения переживает трудные времена... Не может быть, чтобы на политической карте Кавказа и северо-западной Азии появились абсолютно новые союзы. Возможно, хотя и маловероятно, ослабление или же прекращение власти России в регионе. Заявления г-на Горбачева по прибалтийским республикам, особенно по Литве, указывают на приоритетность сохранения существующих границ СССР. Можно предположить, что то же самое верно и для Закавказья. Но в любом случае армянам следует предусмотреть и эту возможность: ослабление Советской власти, особенно,

если усилится давление Грузии с требованиями об отделении. Каковы в этом случае перспективы для Армении?

Не имеющая выхода к морю страна на Кавказе совсем не то же, что такая же страна в Европе. О каком-либо союзе с Азербайджаном или Турцией не может быть и речи, поскольку эти страны придерживаются стойкой антиармянской идеологии.

Другой момент, который, по-моему, армянам следует знать, это изменившаяся вследствие очевидного окончания холодной войны ситуация в Турции. Турция всегда пользовалась военной, дипломатической и экономической поддержкой пропорционально ожидаемой угрозе, исходящей от России (имперской или советской). Поэтому, если окажется, что угроза из Москвы действительно уменьшится (а в данный момент оказывается, что так оно и есть), то отпадет и фактор, побуждавший оказывать Турции всяческую помощь. В результате госдепартамент США может продемонстрировать независимость в отношении вопросов, затрагивающих интересы Турции, хотя, как я могу судить, это произойдет не очень уж скоро. Я бы все же настоятельно советовал не строить воздушных замков и не впадать в иллюзии (как это склонны делать некоторые), что с первым дуновением ветра перемен полностью вступит в силу Севрский договор.

Перспективы для армян в девяностых годах будут очень отличаться от тех, которые были раньше. Я лишь надеюсь, что армяне диаспоры достаточно осведомлены о сегодняшних реалиях и имеющихся возможностях, чтобы смогли использовать в своих интересах создавшуюся ситуацию. Обстоятельства сегодня требуют большой гибкости ума, огромных знаний в области идеологии и истории, знания настроений и предрассудков Запада, а также умения делать правильные выводы. Не будет преувеличением, если сказать, что в Армении сейчас возможно любое развитие событий. Армяне должны иметь соответствующую стратегию для любой из возможностей, иначе они буквально рискуют стать жертвой второго геноцида. Архаичное и закостенелое мышление, старые конфликты, разъединявшие армян диаспоры последние шестьдесят с лишним лет, конечно, уже не приносят пользы. Хорошо, что разлад церкви, в сущности, прео-

долен, однако жаль, что в армянских общинах перемены происходят, преодолевая сопротивление, вместо того чтобы была готовность к сближению, когда появляется возможность. Если армяне диаспоры должны помочь своим соотечественникам на родине, то, по-моему, в самой диаспоре должно быть более серьезное и большее взаимопонимание, а также широкая осведомленность в международной политике.

Возможности армянской диаспоры оказать помощь в борьбе своих соотечественников в Степанакерте и в Ереване во многом ограничены. Но она может содействовать этой борьбе, пропагандируя ее, приковывая к ней внимание, добиваясь признания справедливости этой борьбы, как на государственном уровне, так и в прессе.

Постоянная поддержка диаспоры чрезвычайно важна для продвижения дела соотечественников на родине, для достижения справедливого урегулирования в Закавказье после десятилетий несправедливости и отрицания естественных прав населения Карабаха. Давайте пожелаем им удачи в эти опасные и трудные для них времена. Давайте также твердо решим делать то, что реально может быть сделано на Западе, чтобы помочь им в борьбе за справедливость и безопасное будущее.

«Коммунист» 24 мая 1990 года

КРИСТОФЕР УОКЕР

№ 115 (17002)

Я ОТКРЫЛА СВОЮ АРМЕНИЮ

Только недавно случилось мне прочитать анонимное письмо русской женщины из Ставрополя в МВД Армянской ССР, опубликованное в газете «Коммунист» 24 февраля 1990 г. Я тоже русская. Я тоже мать солдата. Работаю уборщицей в одном из детских садиков Смоленска. Так сказать, простой русский человек. Но не могу себе представить, что письмо писало мыслящее существо. Иначе как понять, что до сих пор человек не попытался разобраться в том, что происходит между двумя союзными республиками, не взглянул на карту

Закавказья? 72 года в русских душах убивали духовность. И преуспели! Горько видеть, что вокруг так много людей, у которых «проблема колбасы» затмила все, кому свои волосы дороже чужой головы. Я хочу дополнить ответ журналиста.

25 месяцев назад я тоже мало что знала об Армении и Азербайджане. А потому произошедшее в Сумгаите меня потрясло. Но еще больше потрясло то, как отреагировали на это наша пресса, наши власти. Не могла понять, как могло, практически безнаказанно, случиться такое в великой державе мира, что или кто заставил наши власти укрывать бандитов? Много воды утекло с тех пор, но и сейчас мне не понятно, как может находиться на своем посту генеральный прокурор Союза тов. Сухарев, который должен олицетворять собой справедливость, основанную на строгости закона.

Сейчас очень многие требуют, чтобы была дана политическая оценка сумгаитских событий. Именно безнаказанность разнесла кровавые семена из Сумгаита в Фергану, Новый Узень, Абхазию, Баку.

Если бы была такая возможность, я бы обратилась к каждой матери Союза со словами: «Если вы не хотите, чтобы пролилась кровь вашего сына, брата, мужа — решительно защищайте сыновей и дочерей любого народа, безвинную кровь которых проливают погромщики!»

Жизни ваших мужей или сыновей угрожает опасность потому, что, узнав о резне в Сумгаите, именно вы не потребовали строгого суда над убийцами! Именно вы живете с коростой равнодушия на душе, которая не позволяет вам самим вникнуть в суть конфликтов.

Не стыдно ли нашей центральной и областной прессы за то, что у людей такая каша в голове? Но это мое письмо не о роли прессы в одурачивании народа, в данном случае русского. Это особый и долгий разговор. А я вновь обращаюсь к «матери солдата внутренних войск» с просьбой не идеализировать русский народ, не впадать в розовый шовинизм: мы такой же народ, как и сотни других. Мы разные. И каждый найдет в русском человеке то, «куда смотрит сам». Вы пишете: «...русский народ такой великодушный...» Да. Есть такое. А приходилось ли вам читать или слышать о еврейских погромах и о том, что идея борьбы с «жидо-масонским» заговором

жива и поныне? Хотя каждому честному, не зараженному фашизмом человеку понятно, что еврей-рабочий, еврей-интеллигент по пользе своей Отечеству имеет больше права называться россиянином, чем какой-нибудь лодырь и алкоголик русский.

Вам непонятно, почему многие относятся к русским не так хорошо, как нам того хотелось бы? А потому, на мой взгляд, что многие народы Союза и Восточной Европы отождествляют русский народ и тех коммунистов, ошибки и преступления которых теперь общеизвестны. И пока мы не восстанем против такого отождествления, нам не следует ждать только приветливых улыбок от поляка, прибалта, венгра и многих других. А еще потому, что и среди других народов есть люди ленивого ума и сердца, как вы, как я. Они еще долго не поймут, что руками русских простых невежественных парней пользовались вожди-преступники, называя эти преступления служением Отечеству или интернациональным долгом.

Вам непонятно, почему армянам так дорог «клочок земли» НКАО? А вы представьте себе, что живете в одной половине Ставрополя, подчиненного народу, дискриминирующего основное население, т. е. вас, а ваши родители остались на свободной территории. Хотели бы вы воссоединиться со своими родителями? Вы ведь, наверное, знаете, что даже М. С. Горбачеву и руководителям Азербайджана пришлось признать, что была дискриминация армян в Карабахе.

Я не могу заниматься политическим ликбезом. Сами просыпайтесь от летаргии. И если вас интересует история отношения России и Армении, то вы узнаете, что издавна за свои прорусские настроения Армения платила жизнями тысяч своих сыновей.

Вы не могли не читать о том, что тысячи беженцев и русской национальности выехали именно из Азербайджана. В упрек им и таким депутатам, как Ярин, хочу сказать о том, что, если бы они подняли голос протеста, когда появились первые беженцы (независимо, какой национальности), то одним не пришлось бы стать беженцами, а другим — создавать фонд помощи русским беженцам. Теперь не секрет, что и через границу в Азербайджан поступало оружие. Ведь границу с Ираном разрушали и с этой целью.

Вы возмущаетесь тем, что армянские парии для защиты жизней захватывали оружие и в музеях. А вам не показалось святотатством то, что в Азербайджане город Кировабад переименован в Гянджу? И не интересует ли вас, почему азербайджанским властям и лидерам НФА так неприятно имя Сергея Мироновича Кирова — одного из честнейших руководителей Советского Союза? Наверное, вы не знали, что в Азербайджане уничтожены памятники великим сынам армянского народа, родившимся на земле теперешнего Азербайджана, даже таким, как знаменитый полководец маршал Баграмян, не знали, как уничтожали армянские церкви (даже засыпали искусственными холмами), но о том, что при разгроме границы жители, или, как теперь говорят в сводках МВД, лица азербайджанской национальности, разрушали христианские кладбища — вы не могли не читать. Возмущались ли вы таким изуверством?

Этими напоминаниями я не хочу у читающих вызвать чувство неприязни к азербайджанскому народу. Уверена, большинство его — люди честные. Просто хочу докричаться до чувства справедливости у «матери солдата внутренних войск», которое, может быть, поможет ей понять, почему убийцы из Сумгаита на свободе, а к «боевикам»-армянам власти так строги.

В заключение хочу сказать, что до «сумгаита» я думала и знала об Армении и Азербайджане чуть больше, чем, к примеру, о Зимбабве. И мне тоже могли бы сказать: «...вашей вины тут немного». Всех так плохо учили. Но тревога и возмущение погнало меня на Кавказ: в Сумгаит, Баку, Ереван. Оба отпуска (за 88-й и 89-й годы) я была там, и то, что я теперь знаю, — малая часть верхушки айсберга. Но все-таки хоть что-то. Я ездила. Смотрела. Слушала. Я открыла свою Армению. Поняла, что там живут наши братья, которых мы, россияне, вольно или невольно предали, изначально оставили в беде.

ЛЮДМИЛА из Смоленска

От редакции:

Автор письма просила поставить именно такую подпись, но ее адрес и фамилия редакции известны.

«Коммунист» 17 июня 1990 г.

НУЖНА ПРАВДА

30 мая ЦТ показало репортаж о том, как группа армян «перестреляла» советских солдат на окраине Еревана. Те, в кого стреляли, потеряли убитыми одного человека, те кто стрелял, десятки. Странно... Опять раненые и убитые. Иные ни в чем не виноваты. Офицер показал дом, от которого велась стрельба. Рассказал, как солдаты оборонялись, и как они аккуратно это делали, чтобы не пострадали жители. Потом показал оружие, отнятое у армян-«бандитов». И все это было правдой. Единственно, что не сказали телезрителям, — с чего же все началось? Просто так? На пустом месте?

Не знаю, как другим, но мне эта передача напомнила бесчисленные «афганские репортажи», с 1980 года и по 1989 заполнявшие наш «голубой экран». Там тоже наши мирные, добрые ребята помогали сеять хлеб, строить школы, а бандиты-душманы за это стреляли в них из-за угла. И пятнадцать тысяч матерей у нас в стране не дождалась своих сыновей. И почти миллион афганских — тоже. А потом шок на всю трехсотмиллионную страну: оказывается, нас там не ждали и туда не звали! Оказывается, мы принесли на их землю и кровь, и смерть, и голод, и пять миллионов беженцев. Есть виноватые? Нету. Были да вышли. «Дорогие покойники» — Брежнев, Устинов, а кто третий — забыла. Да и неважно это. Важно (хотя с Афганистаном не все еще ясно и кому-то все еще не хочется расстаться с остатками «афганской идеи»), что душманов, то есть бандитов, мы стали уважительно называть муджахедами. И впереди нас ждет полная правда об этой войне, которая, может, будет не менее страшной и такой же пронзительной, как правда о Калитниковском кладбище, «Золотой горе» под Челябинском и Катъни. Но так или иначе часть правды про Афганистан мы уже получили.

Может, пора подумать про Армению? И, говоря о том, что там происходит, начинать с начала, а не с конца. Ведь армянские парни-«бандиты» не развлекаются тем, что стреляют в русских, молдавских или украинских ребят, а доведены до отчаяния ложью или умалчанием всех наших средств информации и в первую очередь ЦТ, политикой, не защищающей слабого и тем

разрешающей разгул насилия по принципу «сила есть — ума не надо». Погибшие солдаты не виноваты в том, что их привезли на эту землю. Но те, кто их туда послал, — не идут ли они по пути зачинателей афганской авантюры? Они обязаны были задуматься, чем закончится многомесячное напряженное пребывание армии в городе, где отродясь не было национальных конфликтов. Только кровью. Есть же психологи — военные, государственные и всякие прочие — и, наперс, должны с ними консультироваться государственные и военные руководители страны.

У нормального человека, хоть сколько-нибудь осведомленного о том, что было с Арменией и в Армении за эти два года, в голове не укладывается, как могло совершиться столько несправедливого за столь невеликий срок. Я задаю себе тьму вопросов и ни на один не нахожу ответа.

Почему наша гласность в этом вопросе всегда не срабатывает?

Почему письмо Андрея Дмитриевича Сахарова, которое он принес в «Московские новости» в марте 1988 года, было опубликовано отрывками и до сих пор неизвестно стране?

Почему страна не видела по ЦТ фильм о Сумгаите?

Почему мы не знаем, были ли осуждены участники погромов в Сумгаите и в других местах? Кто и где их судил? Почему телезрителям не были показаны суды?

Почему были арестованы после землетрясения члены комитета «Карабах» — единственные люди в республике, которым доверял народ? Почему, когда были почти миллионные антиармянские митинги в Баку из-за того, что армяне якобы вырубают священную рощу в Топхане, стране и Азербайджану не показали это место? Все бы увидели, что никакой рощи нет (и не было никогда). Не верите? Спросите у Вольского. Он достаточно долго был в Карабахе.

Почему солдаты, депортирующие армян из Карабаха, говорят, что это необходимо, так как армия не может гарантировать безопасность? Почему фактически продолжается блокада Армении и особенно Карабаха, несмотря на решение Верховного Совета? Правда, на последние два вопроса лично я ответ знаю — потому что армия торчит в Ереване, где ее присутствие является

объективно провокационным, вместо того, чтобы охранять дороги и быть демаркационной линией между враждующими людьми.

Только получив от ТВ и других наших «органов гласности» ответы на эти вопросы, страна сможет понять, что произошло, что происходит с нами. А в газетах на все лады звучит: «информация должна быть правдивой и взвешенной». Интересно, как это сочетать? Ведь правда только тогда, когда она полная, а если взвешенная (кем? по чьему мнению?), то она будет полуправдой, четвертьправдой и в конце концов — ложью.

Не вспоминая наше общее «далекое», стоит еще раз вспомнить Афганистан — как раз тот случай, когда мы девять лет жили «взвешенной» правдой. Год назад в Армении вышла книга «Сумгаит в показаниях свидетелей». Сегодня она опубликована в США и в Англии. Ни слова от составителя. Только голоса тех, кто пережил те дни — сплошная кровоточащая рана. Их воспоминания, как разговор с собой. Не перед камерой, не в микрофон, не для печати. Так говорят в темноте ночи себе, молча, сжав губы. А ты читаешь. Глаза заливают слезы, ноет то ли сердце, то ли душа. И жгучий стыд, что это случилось здесь, в мое время, в моей стране. И ты вроде как соучастник. И память снова возвращает тебя в те дни.

Сумгаит потряс армянский народ. Потряс жестокостью, цинизмом. Потряс азербайджанский народ организованностью и безнаказанностью. А вся необъятная страна — одна шестая планеты — по сей день не колыхнулась. Она не знает правды. Гласность? Хоронили погибших, разыскивали тела пропавших. Бастовала Армения. Бастовал Карабах. С экрана телевидения российский рабочий класс упрекал, мол чего они не работают, мы из-за них плана не выполняем. Хотелось отвести глаза от экрана, чтобы не видеть лиц людей, которым в очередной раз заморочили голову.

Бесспорно, Сумгаит получит историческую оценку. Но как же они запаздывают эти наши исторические оценки, будь то Советско-Германский пакт (в свое время подписание документа с аналогичной оценкой, вынесенной Верховным Советом СССР, составленного нашими друзьями прибалтами, стоило добавочного пункта в наших уголовных приговорах), ввод войск в Афгани-

стан и многое подобное. Сейчас страшно, что постоянно запаздывает трезвая оценка того, что происходит в эти уже перестроечные годы. А уж смотреть на два хода вперед — ни-ни.

Опаздываем! И сразу же стремительно несемся вперед к следующей беде. А других «вперед» у нас в последнее время не отмечается. Я думаю, что сегодняшнее политическое топтание на месте нашей страны и всеобщее неверие корнями уходят в предсумгаитские дни.

Карабах, может, первым поверил в лозунг «Вся власть Советам» и законным решением своей Советской власти постановил идти тем путем, который выбрал народ — 75 процентов людей, живущих на этой земле. Армения поддержала это движение. Оно было именно перестроечным, и если против, то только против сталинского способа решения, какому народу где быть и как жить. Не поняв этого, власть защитила только сталинскую Конституцию, больше никого, даже себя. Нигде в стране и больше никогда не было у перестройки и ее лидера такой поддержки, как в Армении и Карабахе. Вспомните главный лозунг тех дней: «Горбачев — да». Но страх перед любым массовым народным не санкционированным движением — изначальная доминанта нашего государства. Власти испугались. Их страх дал возможность темным силам устроить Сумгаит. Началась ложь. Стыдно вспомнить, как высокие чиновники твердили стране — мы опоздали на три часа, это была кучка хулиганов и т. д.

И покатила на нас с Карабаха (вроде как преступного — вспомните летнее (1988 года) заседание Президиума Верховного Совета СССР и полукрытого Сумгаита) лавина трагедий: провокации вокруг Топханы, Кировабад, Тбилиси, Фергана, Узень, Абхазия, Осетия, Киргизия... Еще долго будут с ними разбираться комиссии Съезда и Верховного Совета. И разгул насилия. И потоки беженцев. Без войны умудрились стать страной беженцев. Сколько их — армян, азербайджанцев, русских, татар, месхов, евреев, немцев? И даже на «отца народов» нельзя сослаться...

А потом новый ужас — Баку. Высокое светлое небо, пирс, уходящий далеко в море. Девичья башня... На улицах жгут людей, завернутых в ковры и облитых бен-

зином... И танки... Господи, Боже ж ты мой... Что же еще у нас будет? И каждый ищет ответ — надо ли было вводить войска? Для чего? Спасать людей или спасать власть. Ну например, Везирова? Хоть и вчерашний день, но...

В декабре 1988 группа москвичей вместе с Сахаровым была в Закавказье. Встреча с первым секретарем ЦК КП Азербайджана. Везиров два часа, как на сцене, читает нам лекцию об азербайджанско-армянской дружбе. С трудом Андрей Дмитриевич пробился через его рокошущий, привычноораторский голос. Рассказали, с чем приехали. Не заметил. Опять о дружбе: «Мы — народы-братья». Я и скажи, что братья, бывает, есорятся, но в беде забывают прошлов. Вот землетрясение — такая беда. Вы обижены, что мир не замечает вашего дружелюбия. Отдайте армянам сейчас Карабах. Ведь там сейчас нет клочка земли, чтобы приткнуться. Весь мир ваш народ на коленях поблагодарит. И песни в веках петь будут. Видели ли вы его лицо, когда он отрубил: «Землю не дарят. Землю завоевывают. Кровью». И еще повторил со смаком: «Кровью!» Так закончился разговор с властью в Баку. Везиров обещал кровь. Она пролилась!

Вот и Баку стало прошлым. Как быть дальше? Самый частый ответ — не вспоминать эти два года. Начинать с трагического января 1990. Но у нас теперь все месяцы трагические. Ничего нам это не принесет, если не начать с начала этого страшного двухлетия. Руководство должно, обязано рассказать стране всю цепь своих ошибок, бездействия или недопустимых действий. Рассказать правду теперь. Пока теплится еще малая надежда на наш парламент. И не бояться ни мусульман, ни христиан, ни даже атеистов. И понять, наконец, что виновником всех наших бед является страх. Страх властей потерять свою власть.

Может, мне, полуармянке, полуеврейке, не надо было это писать. Лучше написала бы женщина-азербайджанка, спасающая армянскую семью. В книге о Сумгаите приведены ее слова, сказанные во время сумгаитского погрома: «Посмотри, что творится, ведь мой ребенок видит это, завтра он будет такими же вещами заниматься». Это предупреждение всем нам. Если мы не найдем пути

сделать так, чтобы государство было для людей, а не люди для государства, — наши дети, наши внуки станут толпой озверелых нелюдей.

г. Москва.

ЕЛЕНА БОННЭР

«Коммунист», 19 июня 1990 год

ГАЗЕТА «АРМАНДЖ» О ПОЛОЖЕНИИ КУРДОВ

В последние годы зарубежная курдская периодика не раз публиковала статьи об армяно-курдских отношениях, положении в закавказском регионе, отмечая справедливый характер стремления армян Арцаха к воссоединению с матерью-Арменией. Выходящая в Швеции и широко распространяемая в странах проживания курдов газета «Армандж» («Цель») недавно поместила обширную статью о положении курдов в СССР и арцахской проблеме.

Автор статьи, курдский публицист Хасан Мзгин выступает с интересными размышлениями об изменениях, происходящих в СССР и социалистических странах, подчеркивает их исторически неизбежный характер. Анализируя проблему межнациональных отношений в СССР на современном этапе, автор статьи пишет: «Я был крайне удивлен, ознакомившись с одной публикацией относительно положения курдов в Азербайджане. Почему? Да потому, что в ней постоянно повторялась фраза о том, что в Советском Союзе курды не имеют никаких проблем, их национальный вопрос решен». «Я склонен был когда-то верить этому, — продолжает он, — потому что верил «вождю» Сталину. Увы, оказалось, что мы обмануты». Курдский публицист приветствует сам факт признания нерешенности национального вопроса в СССР и отмечает, что это явилось результатом того, что «интернационализм и равноправие остались на бумаге». «Идеи интернационализма, — размышляет автор статьи, — в некоторых местах и для некоторых народов остались мертвым словом. Показательный пример тому — Азербайджанская реопублика».

Обосновывая свою мысль, Х. Мзгин пишет: «Если одна «социалистическая» (кавычки автора — Ш. М.) республика вследствие разногласий подвергает блокаде другую республику, закрывает транспортные дороги, ведущие туда, и тем самым ставит другой народ в тяжелое положение, то это не что иное, как насмешка и издевательство над интернационализмом». «Действия Азербайджана против Армянской республики хорошо иллюстрирует характер азербайджанского интернационализма», — заключает автор свою мысль.

Х. Мзгин видит органическую связь между политикой, проводимой в Азербайджане в отношении армян, и положением курдов в этой республике. «В курдском вопросе деяния Азербайджана также показывают, что Азербайджан находится на позициях не Ленина, а Сталина». Он отмечает, что игнорирование национальных прав курдов, их депортация и ассимиляция представляют собой составные части национальной политики в Азербайджане. «Политика в отношении курдов является частью политики, проводимой по отношению и к другим народам. Эта реальность иллюстрируется насилием, применяемым Азербайджаном против армянского населения».

Достоинны внимания размышления автора о растоптанных национальных правах курдов и армян после первой мировой войны как результат международных дипломатических и политических сделок (от Севра до Лозанны). «Планы создания армянской и курдской государственности, — пишет он, — окончательно были захоронены вследствие коварной и нечистоплотной политики Мустафы Кемалю и сил, поддержавших его». По мнению Х. Мзгина, эта политика имела свое продолжение. «Эта политика Мустафы Кемалю и его единомышленников продолжалась в Азербайджане... Выполняя заветы своего духовного вождя, руководители Азербайджана начали ассимиляцию курдов, а часть Армении насильственно включили в пределы своих границ». Автор справедливо замечает, что «именно это является причиной того, что в Азербайджане никогда ни слова не говорится и не пишется о чудовищных преступлениях Турции против курдов».

Говоря о факторах, лежащих в основе политики, направленной как против армянского, так и курдского

народов, публицист пишет: «В политике, направленной против курдов и армян, слова и дела Азербайджана и правительства Турции исходят из одной основы. В вопросе о правах курдов и геноциде армян Турция дипломатическими трюками и другими действиями, старается отвести внимание международной общественности от широко распространенных и известных фактов». Автор критикует «абсурдность утверждений азербайджанских руководителей о якобы «добровольном» характере ассимиляции курдов». И дальше: «С другой стороны, они (руководители Азербайджана — Ш. М.) притворяются глухими перед справедливыми требованиями армян Нагорного Карабаха». «Эти политические линии взаимосвязаны и имеют один исторический корень», — делает вывод автор.

Подытожив свои мысли в конце статьи, Х. Мзгин пишет: «Совершенно очевидно, что в курдском вопросе позиции азербайджанского и турецкого руководства сходятся».

Ш. МГОЯН,
доктор исторических наук,
профессор

«Коммунист» 28 июня 1990 года

О СТАТЬЕ В. РАММА И ВОКРУГ НЕЕ

1. «ВОКРУГ НЕГО» ДА ОКОЛО

Так хочется охарактеризовать статью Владимира Рамма «Межнациональный конфликт? Нет! Но что тогда?» о пребывании в Азербайджане по приглашению НФА («Час пик» от 21 мая с. г.). При том, что статья написана живо, и хочется надеяться, искренне, ее нельзя назвать удачной. К сожалению, серьезность темы, за которую взялся В. Рамм, констатирует с поверхностным, чтоб не сказать легкомысленным, подходом к ее разработке. Не хотелось бы втягиваться в полемику по поводу отдельных фактов (впрочем, довольно немногочисленных), затронутых в статье. Поучительнее проанализировать коренные пороки в самом подходе к проблеме.

1. КТО ЕЗДИТ В ТУЛУ ЗА АРБУЗАМИ, ТОМУ ДОРОГА ЗА САМОВАРАМИ — В АСТРАХАНЬ

От очевидца, пробывшего в Азербайджане по приглашению НФА почти два месяца, интересней всего было бы узнать о положении в этой республике и в первую очередь о самой этой организации — Народном фронте Азербайджана, о которой говорят и пишут очень по-разному и далеко не всегда со знанием дела. Обо всем этом в статье В. Рамма сказано очень мало, а об НФА — просто ничего. Взамен этого читателю предлагается пересказ услышанных В. Раммом (и, по-видимому, им разделяемых) суждений об армянских боевиках. Кто же был информатором Владимира Рамма? Читаем: «представители внутренних войск, МВД и КГБ Азербайджана рассказали нам о трех независимых военных формированиях, базирующихся на территории Армении...» и т. д., об окладе жалованья рядовых и командиров, внутренней структуре формирования, их численности (40 тыс.), об иностранном вооружении. Все это, как можно понять, без предъявления каких-либо документальных подтверждений: «рассказали нам...» — и все. В одном романе Стругацких это называется «слухи, рекомендованные к распусканию». На чем основывается доверие В. Рамма к неназванным «представителям»? Надо полагать, что если представители тех же учреждений беззастенчиво лгали комиссии А. Собчака по Тбилисским событиям, то уж В. Рамму сокрут, не моргнув глазом. Странно, что его не насторожило точное совпадение цифры 40000 с оценкой численности боевиков НФА, данной ранее министром Язовым.

Следовало бы обратить внимание и на полную нелепость утверждения об иностранном вооружении армянских формирований. В отличие от Азербайджана, имеющего по ту сторону госграницы соплеменников и единоверцев, Армения граничит с откровенно враждебной Турцией и отнюдь не дружественным Иранским Азербайджаном, и границы эти были и остаются, не в пример некоторым другим, в полной неприкосновенности. Так что заграничное оружие могло бы быть доставлено в Армению лишь в результате тщательно спланированной серии контрабандных операций, небольшими порциями, и, скорее всего, по воздуху. Никаких сведений о за-

держании ввозимого в Армению из-за границы оружия от пограничников или таможенников, как известно, не поступало, следовательно, это оружие, если оно существовало, попало в Армению «не наследив». Значит, наши друзья «представители» могли его идентифицировать только в том случае, если оно — иностранного производства. Но какой простофиля станет рисковать разоблачением и ввозить оружие иностранных марок, если стараниями нашего ВПК мир нашпигован автоматами Калашникова и другой советской военной техникой? Стоило ли ехать на 55 дней в Баку за этой «лапшой для ушей», если ее ежедневно и в избытке поставляет «Красная Звезда»? Между прочим, миф об иностранном оружии привозил в Ленинград член правления НФА Этибар Джафаров еще в октябре 1989 года. Изложенные здесь элементарные соображения он парировать не смог. Сказанного, к сожалению, еще не достаточно, чтобы установить, где родился этот миф — в НФА или в КГБ, ибо Э. Джафаров связан с обеими этими организациями. По его словам, он (тележурналист по профессии) выполнял для КГБ съемки с вертолета во время Сумгаитского погрома. Впрочем, как говорили автору настоящей статьи (хотя за достоверность этих сведений он поручиться не может), за отъездом Э. Джафарова из Ленинграда последовал звонок из НФА, дезавуирующий его выступление и характеризующий его как самозванца.

2. ГДЕ ЭТА УЛИЦА, ГДЕ ЭТОТ ДОМ?

С непростительной небрежностью В. Рамм обращается с такими теперь, увы, далеко непрозрачными понятиями, как «азербайджанская деревня (село)» или «армянская деревня (село)». Так, например, за термином «армянская деревня» может скрываться:

- 1) деревня, теперь и прежде населенная армянами;
- 2) пустующая деревня, в которой прежде жили армяне, ныне оттуда изгнанные или бежавшие;
- 3) такая же деревня, населенная теперь азербайджанцами (возможно, беженцами), пришедшими в уже пустые дома;

4) то же, но с той разницей, что деревню населяют люди, изгнавшие ее законных жителей.

Число возможных вариантов удваивается, если учесть, что деревня может находиться на территории одной из двух республик, и еще удваивается, если слово «армянская» обозначает не исходный, а нынешний этнический состав ее населения. Очевидно, столько же толкований у понятия «азербайджанская деревня».

Нетрудно понять, что в зависимости от того или иного толкования многие сообщаемые В. Раммом сообщения, в частности, его бойко, но не очень вразумительно описанное приключение на БТР, приобретают совершенно различную окраску.

Статья, вообще, изобилует недоговоренностями и умалчиваниями. Члену комиссии ЛНФ по межнациональным отношениям следовало бы знать, а зная, не таить от читателей, что рассказанный ему ст. лейтенантом Есиным инцидент с «девятнадцатью армянскими пастухами» уже нашел отражение в официальной печати, где он толкуется совершенно противоположным образом. (Ереванская газета «Коммунист» 11. 04. 90, корреспонденция журналиста Власенко, по данным которого эти люди были захвачены на армянской территории военными, вторгшимися из Азербайджана). Проглочено и продолжение этой истории, Рамм пишет: «Возбуждено 19 уголовных дел. Потом следователи из центра уехали. И... тишина». Что это за «тишина», которую не дерзает нарушить В. Рамм? Что стало с задержанными: отпустили, возвратили в Армению, увезли в «центр», оставили в азербайджанской тюрьме? Неужели нет разницы?

3 В СТИЛЕ ПЛОХОГО ДЕТЕКТИВА

Описывает В. Рамм обнаруженные неизвестно где, кем, когда и кем человеческие останки со следами истязаний. Нельзя о таких вещах говорить полунамеками. Без указаний на то, кто убийца, кто жертва, без точной ссылки на источник информации это сообщение приобретает характер легкомысленной, а потому кощунственной бравады своими острыми впечатлениями.

4. ТИШЕ, ОРАТОРЫ, ВАШЕ СЛОВО, т.

Показательно, что в своей статье В. Рамм не касается карабахской проблемы, слово «Карабах», вообще, ни разу в статье не встречается. За этим без труда угадывается тактика Народного фронта Азербайджана, чьим гостем был Владимир Рамм. Известно, что НФА в качестве предварительного условия любых контактов с армянскими представителями выдвигает категорическое требование не касаться карабахской проблемы. Уклоняются от таких обсуждений и миссионеры НФА, прикомандированные к различным общественным организациям, депутатским группам, проповедующие на митингах. Что же, можно об этом и помолчать, но (перефразируя известное изречение), когда умолкают дипломаты, в разговор вступают пушки. Кому это выгодно? — спросим мы словами В. Рамма.

5. СПРАШИВАЙТЕ, НО И ОТВЕЧАЙТЕ

В. Рамм совершенно прав в том, что «межнациональная рознь является не причиной конфликта, а следствием». Но что же является причиной? Вопросительным знаком заканчивается и сама статья и ее заглавие. В. Рамм держится в рамках умеренного свободомыслия недавнего прошлого, когда и на то, чтобы спросить, нужно было набраться духу. «Межнациональный конфликт? Нет! Что тогда?» — спрашивает В. Рамм. Автор настоящей статьи берется ответить на этот вопрос во второй ее части.

II. ОТВЕТ НА ВОПРОС В. РАММА

1. КРЕМЛЕВСКО-АРЦАХСКИЙ КОНФЛИКТ

— Вот тот стержень, на который нанизываются все коллизии в многострадальном регионе. Возьмем на себя смелость утверждать, что с первых дней арцахского (карабахского) национально-освободительного движения Кремль повел против него непримиримую войну на унич-

тожение, которая в последние месяцы приобрела вполне открытую форму.

Думается, не нужно объяснять, почему кремлевские власти в той или иной степени и форме преследуют либерально-демократическую оппозицию от демплатформы в КПСС до Демократического союза. Вследствие информационной блокады, воздвигнутой вокруг Карабаха, мало кто осознает, что пионером едва ли не всех демократических начинаний в нашей стране является карабахское движение. Попробуем обосновать этот тезис.

1. Программа большинства демократических движений предусматривает получение большинства в Советах и проведение своей политики через эти органы власти. В Ленинграде первая часть этой программы выполнена буквально на днях, и работа нового Ленсовета только начинается. Несколько дальше продвинулись балтийские республики. В НКАО эта задача была решена к февралю 1988 года, и 20 февраля Областной Совет НКАО принял, по-видимому, первое в истории СССР решение, не продиктованное вышестоящими инстанциями, преодолев при этом мощное давление партийно-бюрократических верхов АзССР.

2. Более радикальные силы, например Демсоюз, отвергают работу в Советах и призывают к созданию альтернативных структур власти, но реальных успехов на этом пути не демонстрируют. В Карабахе к необходимости таких структур пришли летом 1989 года после того, как власти распустили Облсовет. В результате этого был создан Национальный совет НКАО, принявший на себя всю полноту ответственности и пользующийся огромным авторитетом у населения.

3. Учредительное собрание существует сейчас лишь в радужных мечтах радикал-демократов. В Карабахе роль учредительного собрания сыграл Съезд народных представителей, избравший Национальный совет НКАО и принявший другие основополагающие решения.

4. Идея референдума носится в воздухе, но нигде в СССР не реализована. Историческое решение Облсовета НКАО от 20 февраля 1988 года было основано на результатах т. н. технического референдума, в ходе которого подавляющее большинство населения высказалось за присоединение к Армении.

5. Пионером в деле национального самоопределения большинство читателей полагает, видимо, Литву. Как видим, Карабах опередил ее на два года.

6. То же можно сказать о «партийном» самоопределении. Нагорно-Карабахская организация КПСС отложила от КП Азербайджана задолго до XX съезда Литвы.

7. По-видимому, первая в новейшей истории страны политическая стачка произошла в Степанакерте в февралемарте 1988 года.

2. СНАЧАЛА — МЫТЬЕМ

Случись все это несколько раньше, расправа была бы скорой и откровенной. Облсовет — к стенке или в тюрьму, всех карабахских армян — следом за крымскими татарами. Но к началу 88-го года имитация строительства правового государства была в самом разгаре, и властям пришлось изобретать более сложные ходы. Наряду с быстро исчерпанными мерами (перестановки в местном руководстве, волеречивые обращения, неисполнимые партийно-правительственные постановления и обещания) главная ставка была сделана на разжигание национальной ненависти среди окрестного азербайджанского населения, провоцирование кровавых столкновений, которые оправдали бы самые крутые меры. Параллельно с этим была организована и продолжается доселе кампания дезинформации в печати, на радио и ТВ, цель которой — представить карабахское движение как кучку оголтелых экстремистов, жуликов и казнокрадов.

Первой пристрелкой можно считать Аскеранское побоище на подступах к Степанакерту на следующий день после сессии Облсовета НКАО. (Сколько убог арсенал «кремлевских мечтателей» и как, тем не менее, плохо мы его изучили. Не то же ли самое произошло на днях в Риге, где коротко остриженные представители «общественности» с неуспешными разгладиться рубцами от фуражек на лбу и красными флагами в руках пытались устроить свалку на пороге Верховного Совета?) Все последовавшие затем кровавые события двух лет, включая сумгаитские, бакинские погромы, суть не что иное, как недолеты и перелеты залпов, выпущенных по Степанакерту.

Особенно показательны в этом отношении январские события в Азербайджане. Многие недоумевают, почему центральные власти так долго терпели погромы в Баку и не только не вводили войска, но и не задействовали войска, находившиеся в городе, почему почти месяц позволяли беспрепятственно громить госграницу. Предположение, что власти забеспокоились, когда погромщики, расправившись с армянами, набросились на русских, не выдерживает критики. Нынешнее положение русских беженцев в Москве, вынужденных пикетировать ВС РСФСР, показывает, что они интересуют Кремль не больше, чем жертвы Сумганта или суверенитет Азербайджана. Все станет ясным, если предположить, что все эти «фокусы», террористам позволялись до тех пор, пока сохранялась надежда их руками устроить резню в непокорном Карабахе, а прогулки через границу нужны были, в частности, для того, чтобы запастись оружием и боеприпасами. Когда же стало ясно, что бандиты не оправдывают возложенных на них надежд, и в Карабахе, защищаемый ополченцами, ворваться не могут, а предпочитают громить беззащитных инородцев и подбираются уже к партгосучреждениям, решено было прекратить становившуюся все более рискованной затею, что и было исполнено 20 января с. г.

3. НЕ МЫТЬЕМ — ТАК КАТАНЬЕМ

Когда в свое время в Москве иссякли надежды на то, что удастся справиться с афганской оппозицией силами кабульского режима, Москва уничтожила проштрафившегося Амина и ввела в дело свои войска. Когда в январе 1990 года иссякли надежды на то, что удастся справиться с карабахским движением руками снаряжаемых в Баку боевиков, Москва свергла Везирова и ввела свои войска в Азербайджан. Кто-то должен был заменить не справившихся с задачей сакинских боевиков. Эту роль взял на себя ограниченный контингент советских войск под командованием ген. Сафонова, введенный в НКАО. В истории Кремлевско-арцахского конфликта начался новый этап — этап прямого военного подавления.

Чем занимаются военные в Карабахе? Тем же, чем занимались в Афганистане: силой насаждают власть

кабульского (пардон — бакинского) правительства. В области введен жесткий оккупационный режим. Приказами № 1 и № 125 от 20. 01. и 25. 04 коменданта района особого положения (см. газ. «Советский Карабах» от 20. 01 и 29. 04) запрещены митинги, демонстрации (включая первомайскую), театральные зрелищные мероприятия. 24 апреля военные напали на траурное шествие, посвященное 75-летию геноцида 1915 года, имеются пострадавшие и задержанные.

Запрещена деятельность армянских общественных организаций и Национального совета НКАО. Фактически пресекается и деятельность местных органов Советской власти. Генералу Сафонову принадлежит неологизм «несанкционированная сессия» в применении к областному Совету народных депутатов. Запрещено использование множительной, звуко- и видеозаписывающей, радио- и телепередающей техники. Приказано изъять звукоусиливающую аппаратуру. Все почтовые отправления подвергаются досмотру. Не работают местные радио и ТВ.

Ограниченный контингент ген. Сафонова перенял от вооруженных формирований НФА на заботы по блокированию дороги Горис—Лачин—Степанакерт, так что блокаду НКАО осуществляют теперь вооруженные силы СССР. Связь с Арменией разрешена только по воздуху, причем число самолетов ограничивается военной комендатурой. Еще более суровой блокаде подвергнуты населенные армянами Шаумяновский район и Геташенский подрайон АзССР, которые отрезаны войсками и от Армении, и от НКАО, сообщение с ними возможно только вертолетами.

Вольшая часть президиума Национального Совета отсидела месяц без суда и следствия в Ростовской тюрьме, с ними и некоторые другие видные деятели области, например, зам. главного редактора областной газеты.

4. ЕЩЕ ДВУХ ЗАЙЦЕВ ТЕМ ЖЕ ВЫСТРЕЛОМ

Открывая необъявленную войну против Карабаха, в Москве преследовали еще две цели: нейтрализовать оппозиционные движения в Армении и Азербайджане,

сравнить их между собой и подтолкнуть к экстремизму и терроризму, ибо при вынужденной оглядке на общественное мнение с террористами справляться легче, чем с мирной ненасильственной оппозицией. Это в разной степени и в разном качестве удалось в обеих республиках. В Азербайджане все оппозиционное движение приняло, по-видимому, откровенно экстремистский характер, все едва прозвучавшие при создании НФА задачи социального, культурного и т. п. характера были вскоре отставлены. В настоящее время самое гуманное средство в арсенале НФА — блокада железных дорог.

В Армении партгосаппарату удалось ссылками на внешнюю опасность, зависимость от поддержки из Москвы и тому подобные вещи притормозить развитие демократического движения, убедить многих в неактуальности задач общедемократического характера в настоящей тяжелой обстановке. Это проявилось, например, в дискуссии по поводу пресловутого п. 6 в ВС Армении осенью 89-го года.

5. ВЕК ЖИВИ — ВЕК УЧИТЬСЯ

В том числе и у своих противников. С таким пожеланием хотелось бы обратиться к деятелям либерально-демократического движения народным фронтам, МДГ, МАДО и т. д. Как видим, кремлевский истеблишмент очень тонко распознал в карабахском движении своего непримиримого противника. Видимо, это произошло раньше, чем осознали это сами карабахцы, которые в феврале-марте 1988 года с доверчивостью, заставляющей вспомнить 9 января, выходили на митинги с портретами Горбачева и просили его «лично» приехать в Карабах, от чего их быстро отвадили последовавшие меры партии и правительства. Наверное, в сходной стадии находятся сейчас балтийские республики, где подчеркнутой лояльностью и сговорчивостью во всех вопросах, кроме главного — самоопределения, пытаются заслужить снисходительность Москвы. Литва продвинулась несколько дальше двух других республик, и к ней по карабахскому сценарию уже применили блокаду, однако поскольку ни Белоруссия, ни Калининградская область на роль Азербайджана не годятся, блокаду пришлось откровенно декретировать из Кремля.

К. ВОЕВОДСКИЙ

25 мая 1990 г.
г. Ленинград

От редакции:

Совершенно очевидно, что искомая статья В. Рамма, вернее, ее содержание — не более чем затравка для К. Воеводского, построившего вокруг заданной темы достаточно серьезный политологический трактат. Отдавая должное стремлению ленинградского журналиста внести свою лепту в «разъяснение» причин межнационального конфликта, следует вместе с тем, на наш взгляд, с определенной долей скепсиса подходить к подобным точкам зрения, даже К. Воеводского. И не только потому, что все намного сложнее и вместе с тем проще.

В свое время российские социал-демократы сумели привлечь на свою сторону многих пламенных революционеров Кавказа (в основном армян) тем, что разоблачили преступную роль царских властей в разжигании (в имперских, конечно, целях) межнациональной армяно-татарской войны 1905 г. Разоблачили, доказали, назвали врага (царское правительство и, шире, общественный строй!) и направили против него революционный порыв бакинского пролетариата и национально-освободительное движение армянской буржуазии. Поскольку само собой подразумевалось (и, естественно, прямо обещалось), что с победой в России революции и уж тем более с приходом РСДРП к власти все национальные проблемы будут решены, а национальные чаяния — удовлетворены. Как они были «решены» и «удовлетворены» — известно. Обжегшийся на молоке дует на воду. Где гарантии, что проявившиеся на новом историческом витке очередные российские (то бишь союзные) радикалы и демократы с приходом к вождельной власти пожелают (мы уже не говорим о возможностях) решить и удовлетворить законные, вытекающие из всех международных правовых норм — те же, что стояли на повестке в начале этого мрачного века — наши требования и чаяния? По сути, армянскому национально-освободительному движению предлагают впрячься (вновь) в общедемократическую упряжку...

«Комсомолец» 12 июля 1990 г.

«ПРЕДОТВРАТИТЬ ВТОРОЙ ГЕНОЦИД АРМЯН»

30 мая в репортаже Центрального телевидения рассказывалось, как группа армян в пригороде Еревана открыла огонь по солдатам Советской Армии. Снова погибшие и раненые. Ни в чем не повинная молодежь. Офицер показывает какой-то обстрелянный дом, уверяет, что солдаты лишь защищались, защищая также и жителей. Потом он показал отобранные у армянских «бандитов» боеприпасы. Все правильно. Только телезрителям не было сказано, что было причиной всему этому, с чего все началось. Не знаю как другим, но мне эта передача напомнила бесчисленные афганские «репортажи», которые с 1980-го по 1989-й год наводняли наши телевизоры. И в Афганистане, казалось, наши смелые и миролюбивые ребята помогают сеять зерно, строить школы, а банды душманов их обстреливают.

Неужели по этой причине 15 тысяч матерей в нашей стране и около миллиона в Афганистане больше не ждут своих сыновей? А душевный удар, нанесенный 300-миллионному населению? — Оказывается, нас там не ждали, даже не звали, это мы сеяли на земле этих людей смерть и голод, превратили в беженцев пять миллионов людей. Есть виновники?

**Ни один нормальный человек не может поверить,
что возможно сделать так много ошибок
за столь короткое время**

Нет, были, но теперь уже их нет в живых — «наши дорогие покойники» Брежнев, Устинов и еще третий, чье имя я запомнила.

Хотя не это главное, а то, что в вопросе Афганистана не все еще выяснено, многие с трудом забывают «афганскую идею», удивляются, почему мы душманов, то есть бандитов, теперь называем уважительно муджахедами.

Будущее, возможно, вскрыет всю правду об этой войне, которая, думаю, будет не менее потрясающей и страшной, чем правда о недавно обнаруженном недалеко от Москвы Калитниковском кладбище — сталинской

мясорубке, правда о горе Доре близ Челябинска или правда о катынской бойне польских офицеров. Тем не менее, мы так или иначе уже кое-что знаем про Афганистан, пора, пожалуй, вернуться к Армении, и описывая, что сейчас происходит там, дойти до истоков. В конце концов, не ради удовольствия молодые армянские армянские ребята-«бандиты» стреляют в русских, молдавских и украинских парней. Их довели до отчаяния ложь и молчание всех средств массовой информации, и в первую очередь Центрального телевидения, а также те политики, которые, не защищая слабых, делают возможной эскалацию насилия по принципу «сильный всегда прав». Конечно, убитые солдаты не виноваты, что их послали в Армению, но те, кто сделал это, не провоцируют ли они новую афганскую авантюру? Они давно должны были додуматься и снять тяжелое, многомесячное военное давление с города, где никогда не было самого ничтожного межнационального столкновения. Нельзя все решать с помощью крови. Наши гражданские и военные руководящие органы должны были обсудить эти вопросы с военными психологами, со своими официальными советчиками.

Ни один нормальный человек, как бы мало ни был информирован о всем том, что произошло за последние два года в Армении, не может поверить, что возможно сделать так много ошибок за столь короткое время. Я и сама задаюсь вопросами, ответы на которые не могу найти. Почему наша гласность оказалась столь бессильной в армянском вопросе? Почему из письма Андрея Сахарова, которое он направил в газету «Московские новости» в марте 1988 года, был опубличован лишь отрывок, да и тот остался почти неизвестным в нашей стране? Почему Центральное телевидение не показывает кадры о Сумгаите? Почему мы практически ничего не знаем о суде над организаторами сумгаитского и других погромов? Кто их судил, когда? Почему по телевидению не показан суд? Почему сразу после землетрясения арестовали членов комитета «Карабах» — то есть тех, кому больше всего доверял народ? После этого ареста в какой дырявый мешок провалилось 85 процентов союзной и международной помощи? Поскольку говорят, что после того как армяне «осквернили» святой лес Топхана, в Баку состоялся почти миллионный антиармянский

митинг, почему эту местность не показали ни всей стране, ни хотя бы народу Азербайджана? Ведь все бы увидели, что подобного леса не существует (и никогда не существовало), там только и только дачи азербайджанских номенклатурных работников. Не верите мне — спросите А. Вольского, присланного из Москвы управлять Карабахом, он довольно долго оставался там.

Пусть эти дачи увидит азербайджанский народ, 33 процента которого живет ниже уровня бедности. Почему блокада Армении, и в частности Карабаха, продолжается, несмотря на решение Съезда народных депутатов? Честно говоря, лично я знаю ответ на последний вопрос: армия вместо того, чтоб охранять дороги и создавать разделительную линию между противоборствующими сторонами, остается в Ереване, где ее присутствие играет роль только раздражающего фактора.

Только тогда, когда по телевидению и с помощью других средств информации, созданных гласностью, прозвучат ответы на эти вопросы, страна узнает, что произошло и что сейчас происходит в Армении. Все газеты и радиостанции все время повторяют, что информация должна быть «убедительной и взвешенной». Интересно, возможно ли такое? Правда только тогда правдива, когда она цельная. А если она взвешена (к тому же не ясно, кто должен взвешивать, какой мерой?), то превращается в полуправду, в четверть правды, в конечном счете — в ложь. Чтоб не залезать в дебри нашей истории, вспомним еще раз Афганистан и то, как мы долгих девять лет жили во «взвешенной» правде.

Изданная в Армении год назад книга «Сумгаит. Глазами очевидцев» уже вышла в свет в Соединенных Штатах и в Англии. В книге без всяких комментариев звучит голос тех, кто пережил дни кровавых мучений. Эти воспоминания — не интервью, зафиксированные видеоили звукозаписывающей техникой, данные прессе, а монологи.

**Причина всех наших несчастий —
страх властей — страх потерять власть**

Каждый будто бы разговаривает сам с собой, наедине, не разжимая губ, не произнося вслух ни слова. А ты, ты читаешь, и глаза твои наполняются слезами, сердце

сжимается. И жгучий стыд охватывает за то, что это произошло здесь, при твоей жизни, на твоей земле! Чувствуешь себя виновной, воспоминания вновь возвращают тебя к тем дням.

Сумгаитская резня своей жестокостью и цинизмом дестабилизировала армянский народ, своей организованностью и безнаказанностью — азербайджанский народ. А эта бескрайняя страна, занимающая шестую часть земли, до сих пор никак не проявила своего отношения, потому что не знает правды. Гласность ищите? — Пожалуйста. Покойников похоронили, искали тела пропавших без вести, Армения бастует, Карабах — тоже. По телевидению русский рабочий класс укоряет: «Они не работают, и поэтому мы не можем выполнить план». Хочется отвернуться от экрана, чтоб не видеть лиц тех людей, головы которых опять заполнили ветром.

Несомненно, Сумгаит удостоится суда истории, но очень уж запаздывают у нас суды истории — будь то германо-советский договор, вторжение в Афганистан или многочисленные подобные события. Страшно подумать, что приговор всему тому, что происходит в наше перестроечное время, также будет запаздальным. И без того мы уже опоздали в выборе правильной дороги в будущее и, не видя уже перспективы, все время попадаем в объятия несчастий. Думаю, топтание на месте нынешней политики нашей страны и всеобщее недоверие готовят нам новые сумгаиты.

Карабах, пожалуй, первым поверил в лозунг «Вся власть Советам!» и решением областного Совета одобрил избранный 75 процентами населения путь — то есть путь воссоединения с Арменией. Армения в свою очередь поддержала это движение, которое вытекло из духа перестройки и противопоставлялось только власти сталинского типа, которая сама решала, какой народ кому должен подчиняться, где должен жить. Не понимая этого, власть защищала сталинскую Конституцию более чем что-либо, даже — свое собственное существование. В нашей стране нигде и никогда перестройка и ее лидер не имели таких защитников, как в Армении и в Карабахе.

Вспомните главный лозунг тех дней — «Горбачеву — да!» Но для нашего правительства характерен страх перед любым самородным движением народных масс.

Правительство испугалось, и именно это дало возможность неуправляемым силам разнуждать Сумгаит. Начался поток лжи. Стыдно даже вспомнить, как высокопоставленные руководители уверяли народ: «Мы опоздали только на три часа, это были дикие банды».

Как последствие неудачного сокрытия погромов в Карабахе и Сумгаите (будто бы виноваты местные армяне — помните летнюю сессию Верховного Совета 1988 года?) на нашу голову обрушился поток трагедий — ужасы Гопханы, Кировабад, Тбилиси, Ферганы, Узеня, Абхази, Осетии... Позже комиссии Конгресса и Верховного Совета долгое время будут стараться понять причины обоюдного насилия — правительства и народа, а также все новых потоков беженцев. Мы без войны смогли стать страной беженцев. Сколько их — армяне, азербайджанцы, татары, месхетинцы, евреи, поволжские немцы. Не знаешь, что и сказать «маленькому отцу народов».

И вот новое бедствие — погромы в Баку. Высокое, светлое небо, уходящий к горизонту волнорез. Девичья башня. Не видя сама, я уже любила этот город по рассказам отца. Он был из тех, кто устанавливал Советскую власть в Баку и Ереване. Для чего? На улицах завернутых в ковры людей обливали бензином, поджигали, а танки... Господи боже мой, что нам еще предстоит пережить! Каждый хочет получить ответ — нужно ли было вводить в город войска? Для чего — для спасения людей или власти? Например — Везирова. Опять его?

...В декабре 1988-го, когда с Сахаровым и одной московской группой мы были на Кавказе, имели встречу с первым секретарем Везириным. Он нам, как актер, прочел речь об армяно-азербайджанской дружбе. Андрею Сахарову с большим трудом удалось перебить опытного оратора. Объяснили, почему мы пришли. Никакого отклика. Продолжал говорить о дружбе: «Мы — народ-братья». Я вынуждена была сказать, что даже между братьями бывают споры, но во время несчастья все забывается. Неужели землетрясение не несчастье? Вы обижаетесь, что мир не замечает вашей доброй воли. Отдайте Карабах армянам, потому что в Армении не осталось ни пяди земли, пригодной для жизни, и весь мир коленапреклоненно выразит благодарность вашему народу. Нужно было видеть его лицо, когда он меня

перебивал: «Землю не отдают, ее завоевывают — кровью!» Самодовольно повторил: «Кровью». Вот так завершилась наша встреча с бакинскими руководителями. Везиринов обещал кровь. И сдержал свое обещание.

Теперь и Баку в прошлом. Что делать? Самый пространственный ответ — забыть последние два года, игнорировать события января 1990 года. Но теперь в нашей стране и месяца не проходит без трагедий. Мы ни к чему не придем, если не вернемся к этим двум страшным годам.

Правительство обязано признать перед народом свои многочисленные ошибки, бездействие или непринемлемые действия. Правду надо сказать теперь, пока еще мы связываем хоть какие-то надежды с нашим парламентом. Сказать, не боясь ни мусульман, ни христиан, ни даже атеистов. Понять, наконец, что причина всех наших несчастий — страх властей. Страх потерять власть.

В течение бессонных ночей я то перед пишущей машинкой, то перед телеэкраном, где идет трансляция съезда российских коммунистов. Семьдесят лет звучат одни и те же слова. Опять, как и всегда, попытки поставить идеологию превыше всего, потуги создать военно-патриотическое общество, запугать Западом. Опять, как и всегда, пустословие под ширмой защиты интересов трудящихся. Опять, как и всегда... С одной целью — крепко, до конца удержать власть в своих руках, с надеждой — может, страна еще раз поверит. Но возможно ли, чтоб в одной стране было 300 миллионов дураков?

Когда работаю или смотрю столько, что глаза начинают смыкаться, ложусь без сна и рождается сумасшедшая мысль написать Горбачеву, будничными, простыми словами, объяснить, что было бы хорошо, если бы он не вошел в историю как ответственный за второй геноцид армян. Затем добавить, что все мы смертны, а зло остается в веках. Он должен понять, что лично может спасти Армению и армянский народ. Не слишком ли много крови пролилось в нашем веке на этой планете? Две мировые, гражданские войны, геноцид армян 1915 года, геноциды евреев, Камбоджи, наш ГУЛАГ. Не хватит? А все те молодые азербайджанцы, армяне, русские, которые собственной кровью окропили розовые камни Кавказа?

Не слишком ли много крови пролилось
в нашем веке на этой планете?

Неужели всего этого мало для Президента самой большой страны, занимающей одну шестую часть земли? Но услышит ли он? Нет! Так же, как на заседании Верховного Совета не услышал Андрея Сахарова, который говорил: «Для Азербайджана Карабах — вопрос престижа, для армян — жизни и смерти».

Может, не надо, чтобы я, полуармянка-полуеврейка, писала все это, может, будет лучше, если это сделает та азербайджанка, которая во время сумгаитских погромов спасла армянскую семью. В сумгаитской книге она говорит: «Посмотри, что делается. Мой ребенок тоже видит это, и завтра будет делать то же самое». Это для всех нас должно быть предостережением. Если мы не найдем способ, чтоб правительство существовало для народа, а не народ для правительства, наши дети и внуки станут бездушными дикарями.

ЕЛЕНА БОННЭР
«Фигаро», 20 июля 1990 г.

ЧЕРНЫЙ САД

В этой войне нет победителей, но сиротеем мы все...

На перевале прикорнула туча. Густой туман окутал зеленые кроны. И черную, без иголок, мертвую сосну.

В январе из-под ее веток поднялся высоко в небо жирный, клубящийся дым. Люди, нападавшие с оружием в руках на одно из сел, жгли тела своих жертв солдаты на их пути появились случайно...

— Не верю! Докажите! — кричал русский человек, отец солдата. А невеста солдата, русская девушка Катя, и мать его, рано поседевшая Серафима Васильевна, обнявшись, рыдали в сторонке. На страшное пепелище легли цветы.

Капитан С. Осетров, ефрейтор А. Мороз, рядовые В. Федотов и А. Прижимкин для родных — все еще живые, лишь только пропавшие без вести. Следователи, которые завершают свою скорбную работу, говорят о

другом. Родители, в который раз прилетая в Карабах за правдой, не соглашаются с очередными версиями, спорят, плачут.

Карабах — «Черный сад» в переводе. Для многих людей воспоминания о нем еще долго будут изматывать душу в кошмарных снах.

Сегодня в селе Азат армян нет. И в соседнем Камо — нет. А в Чайкенде, затерянном в горах, и теперь еще с подозрительной осторожностью встречают каждую машину. Люди напуганы. Память января держит их в напряжении: мужчины часть собираются группами, обсуждают что-то. Есть ли у них оружие? Говорят, что есть и что в случае нападения оно будет стрелять.

А пока боевые заставы внутренних войск стерегут покой. Или — затишье? Войска выполняют роль сдерживания. Если завтра по каким-либо причинам они уйдут, опять прольется кровь?

На границе между двумя республиками есть свои «горячие» точки. Они — там, где в непосредственной близости друг от друга располагаются азербайджанские и армянские села. Местечко Бархударлы — из «горячих» точек.

Едва наш вертолет приземлился на открытой площадке, как несколько спецназовцев, взяв его в кольцо, изготовились вести огонь по окрестным сопкам. Оттуда исходила опасность.

Все время, пока мы разговаривали с начальником здешней заставы Виктором Вакульчуком, мощный ствол бронетранспортера выжидающе водил по сторонам. На всякий случай.

— Ведь мы здесь, как на передовой, — говорит офицер. — Что ни день, то стрельба. Позавчера, например, перестрелка длилась с половины двенадцатого ночи и почти до пяти утра. Пострадавших среди солдат нет. Среди нападавших — двое убитых...

Фронтные сводки? Очень похоже. Но при всем при том страдают не только боевики, но и мирные жители. Армяне или азербайджанцы — не все ли равно? Если кто-то умирает, сиротами становимся мы все...

Пятилетняя Юля Осетрова, дочь пропавшего без вести капитана, расплакалась на руках у своей бабушки. Ее успокаивали, тянули конфетки — а она, содрогаясь всем телом, плакала еще горше. Еще невыноси-

мой. Мы отворачивались, ведь мы ничем уже не могли помочь...

Я долго не смогу забыть эту картину. Вспоминал беззащитную девочку, когда трясся в вертолете и смотрел на горы, где проходит ставшая опасной граница. Когда ранним утром в расположении одной из частей беседовал с ребятами-спецназовцами, крепко сложенными и уверенными в себе, но считающими неоправданным свое пребывание здесь. Когда в Степанакерте вглядывался в лица играющих на улице детей... рядом с боевой техникой, что охраняет площадь и здание обкома.

В этом здании, где расположились комендатура района чрезвычайного положения и республиканский оргкомитет по НКАО, я чувствовал себя в безопасности. Пожалуй, теперь отдаю себе отчет: это обманчивое впечатление. Но тогда, вечерами, когда над площадью рыскали прожекторы, когда солдаты в бронезилетах и с автоматами наизготовку, ожидая нападения, вглядывались в темноту, беспокойно было на сердце. Или мне передавалось беспокойствие тех, с кем я делил кров? Ребята-азербайджанцы из пресс-центра оргкомитета считали дни до конца своей командировки.

— Дембель! — радовался, как дитя, пожилой человек, потому что завтра ему прибывала смена и потому что завтра он снова окажется в относительно спокойном Баку.

Не хотел бы никого обидеть, но вынужден сказать: без охраны солдат внутренних войск республиканскому оргкомитету в Степанакерте не удержаться. Местное население игнорирует его. Лишь изредка на первый этаж обкомского здания, где находится приемная оргкомитета, заходят армяне-беженцы: получить справку, трудовую книжку, профсоюзный билет... — все то, что впопыхах было оставлено «там» и без чего трудно наладить жизнь здесь.

Вот уже полгода, как армянское население Нагорного Карабаха объявило представителям Азербайджана в Степанакерте об акции гражданского неповиновения.

Члены оргкомитета ни разу с тех пор не выходили из здания обкома без сопровождения солдат, ни разу не выезжали в районы, не встречались с трудовыми коллективами без такого «эскорта».

Почему?

— В постановлении Верховного Совета страны от 28 ноября прошлого года, — рассказывал народный депутат СССР З. Балаян, — говорится о создании союзной контрольно-наблюдательной комиссии. Ей была дана власть и приданы войска. Но поскольку комиссия не работает, инициативу перехватил оргкомитет во главе со 2-м секретарем ЦК КП Азербайджана В. Поляничко. Созданный не на паритетных началах, оргкомитет ведет линию Баку: обустроивает и расширяет лишь азербайджанские села, переселяет в НКАО турков-месхетинцев с целью изменить демографическую ситуацию, мешает проведению демократических выборов в Областной Совет...

Не менее решительна другая сторона.

— В соответствии с тем же постановлением Верховного Совета страны парламент Азербайджана образовал республиканский оргкомитет по НКАО и предусмотрел включение в его состав представителей от автономной области. И не наша вина, что вторая половина отказалась сотрудничать, — говорил член оргкомитета М. Радаев, заместитель Председателя Совета Министров Азербайджана.

Как бы там ни было, сегодняшняя ситуация взрывоопасна еще и потому, что никто не идет на компромиссы. Пример?

Народные депутаты во главе с З. Балаяном требуют, чтобы комендант района чрезвычайного положения Г. А. Малюшкин дважды в неделю встречался с ними, рассказывал о ходе дела.

— Этому не быть! — твердо заявил В. Поляничко на одном из последних совещаний в Степанакерте.

Не получается ли тогда, что пропасть неведения углубляется, а противостояние — растет? И не потому ли обстановка в регионе все больше осложняется?

Последние события. 11 июля — обстрел автоколонны на трассе Мир—Башир—Кельбаджар, трое погибших. 14 июля — взрыв жилого дома в Степанакерте, погибла женщина. 19 июля — нападение боевиков на одну из застав, к счастью, без жертв со стороны внутренних войск. 19 июля — по неполным данным, захват трех военнослужащих в качестве заложников...

Военные приписывают эти действия армянским боевикам. Конечно, негодуют. Но и в Армении, как я понял,

побывав в Ереване, отношение к ним неоднозначное. Некоторые называют боевиков бандитами, другие же — борцами за справедливость.

Никого не оправдываю. Насилие есть насилие. Однако, что руководит действиями людей с оружием в руках? Если кто-то еще надеется урегулировать положение в НКАО миром, то другие, разуверившиеся за прошедшие три года, предпочитают отныне иной путь. Войны.

Большой переполох в Степанакерте вызвал приезд группы народных депутатов РСФСР. Встретился с двумя из них, В. Мазаевым и Ф. Шеловым-Коведяевым. Рассказывали:

— Мы приехали по поручению нашего парламента, чтобы ознакомиться с условиями службы граждан РСФСР. Нас смущает, что присутствие русских солдат в регионах межнациональных конфликтов вызывает антирусские настроения. К тому же ряд парламентов республик уже поставил вопрос о недопустимости призыва своих земляков в «горячие» точки. Верховный Совет РСФСР оставляет за собой право заявить о необходимости равного участия республик в разрешении таких проблем. История знает примеры, когда функции поддержания мира выполняли интернациональные силы...

Депутаты посетили несколько воинских подразделений, мирные села, встречались с неформалами, представителями упраздненных обкома и облисполкома... Предварительные наблюдения?

В законах о чрезвычайном положении, о правах и обязанностях внутренних войск говорится о ситуации, когда на улицах городов и сел происходят массовые беспорядки. В НКАО и во всем особом районе — война: действия боевых организаций с равных сторон, убийства по политическим мотивам, пушки и минометы... В законах же не предусмотрена возможность такого развития событий. Отсюда — отсутствие достаточных прав у военных. Нет гарантий их защищенности — ни моральных, ни материальных.

Нет четкой регламентации взаимоотношений войск и населения. Потому возможны конфликты, непонимание одной стороной другой. Законодатель, таким образом, переложил ответственность с себя на солдат. И он прав?

Внутренние войска, по мнению депутатов, подчас занимаются не своей работой. Вряд ли спецназ должен

использоваться, например, для патрульной службы. А курсанты высших школ МВД — участвовать в боевых операциях. Не хватает специалистов? Но за три года можно было их подготовить...

Еще одно наблюдение депутатов: армия, внутренние войска должны выполнять сугубо военные задачи и ни в коем случае не вмешиваться в политику. Мне рассказывали о случае, когда силой штыков была сорвана сессия депутатов НКАО.

...А между тем в Степанакерте распространились слухи, что парламентарии России хотят отозвать своих граждан из региона. Если таковое произойдет, узнал реакцию обитателей Большого дома, то Азербайджан вынужден будет создавать собственную армию.

Национальные вооруженные силы? Не абсурд, если припомнить последние решения ряда парламентов из республик. Но как оправдывают их создание в Ереване, к примеру?

— Сегодня разрозненные боевики действуют по своему усмотрению, — говорили мне. — А если все военизированные формирования подчинятся одному центру, скажем, Верховному Совету республики, будет четкая координация их действий, жесткий контроль. То же — и с азербайджанской стороны.

Значит, «санкционированная» кровь? Пожалуй, наоборот. Возникает более трезвая оценка ситуации у той и другой стороны, более ответственное регулирование войсками. Ведь не напали же друг на друга за все время «холодной войны» Советский Союз и США?

Пока же... Идет «странная война». Необъявленная, но война. И более других сегодня достается именно «третьей силе» — ребятам в краповых беретах. Они стали границей между двух огней и вынуждены, по-христиански, подставлять левую щеку, когда ударили по правой.

Установка солдатам — «первичная собственная безопасность» — увя, не срабатывает да и не может сработать. В войсках будут потери до тех самых пор, пока конфликт не разрешится политическими средствами.

Какими?! Разве решений, причем самых высоких, было еще недостаточно? Вспомнить только создание Комитета особого управления НКАО, а затем введение чрезвычайного положения в области и прилегающих к

ней районах Азербайджанской ССР. Однако ни одно из них все же не привело людей к национальному согласию. Случайно?

Опять предлагается вариант: прямое президентское правление в автономной области. И опять другая сторона возражает: в нашей республике все дела должна решать сама республика. И опять мне напоминают о противоречии в Конституции СССР: статья 70-я признает за каждым народом право на самоопределение, а статья 78-я гарантирует суверенитет союзной республики, избыточность ее границ.

Государство для народа или народ для государства?

Впрочем, определять приоритеты — политикам. А мне сегодня, после командировки в НКАО, становится понятней, что там пока — тупик. И нужно искать новые пути, чтобы, выбравшись из него, пойти дальше.

В. КОМАРОВ
(Наш спец. корр.).

Степанакерт—Ереван

«Комсомольская правда» 25 июля

КОГДА ПОЛИТИКА ВМЕШИВАЕТСЯ В ПРАВО

Более пятнадцати месяцев находится в заключении депутат Верховного Совета Армянской ССР Аркадий Манучаров. Восемнадцать месяцев длится его дело. Дело далеко не рядовое. Оно находится под контролем народных депутатов СССР, за его ходом следит общественность Запада и народы двух республик Армении и Азербайджана. Какой же это процесс — уголовный или политический? Политический, — считает адвокат Манучарова Юрий Шмидт. Почему? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо, наверное, вернуться к его истокам.

— Два года назад был Сумгаит, первые погромы: убивали армян. Как проявление стихийного сопротив-

(Печатается с небольшими сокращениями).

ления армян был создан комитет «Крунк», который провозгласил целью своей деятельности защиту жизни армянского населения, воссоединение Армении и Нагорного Карабаха. Лидером комитета на многотысячном митинге был избран Аркадий Манучаров.

Фактически «Крунк» никакой деятельности развернуть не успел. Хотя он и был зарегистрирован как официальная организация в областном Совете НКАО, его регистрация была отменена Верховным Советом Азербайджана, так как деятельность комитета была не по вкусу властям республики. В программе «Крунка» никаких призывов к экстремистским действиям не было, он действовал исключительно мирными, конституционными методами.

Работе комитета всячески препятствовали, не желая допустить развития движения. Действовали разными путями. Пытались внести раскол, задобрить лидеров. Но это не привело к успеху. Тогда тактику изменили, решив нейтрализовать движение другим способом. Вспомнили о нашей старой традиции — политических лидеров, имеющих взгляды не соответствующие официальным, представлять уголовниками, наркоманами и так далее. Все это к Манучарову было отнесено довольно трудно.

Но он был директором комбината строительных материалов. Его обвинили в хищениях и получении взяток. Эти обвинения добавили к обвинению в организации массовых беспорядков, и 28 ноября 1988 года Манучарова арестовали. С тех пор он находится под арестом.

— Насколько серьезны обвинения, предъявляемые Манучарову?

— С точки зрения уголовного кодекса, обвинения весьма серьезные, хотя, по моему убеждению, совершенно бездоказательны. Для того, чтобы оценить реальную общественную опасность предъявленного Манучарову обвинения в организации массовых беспорядков необходимо напомнить, что речь идет о сентябре 1988 года. Что такое настоящие «массовые беспорядки» мы узнали позднее, после событий в Фергане, Абхазии, Новом Узене, Душанбе, Ташкенте... Все, что происходило в Степанакерте, ограничивалось выкриками толпы, надписями на стенах, несколькими разбитыми стеклами. Стандарт оценки данного состава преступления за минувшие полтора года изменился настолько, что сейчас дело по

обвинению Манучарова в организации массовых беспорядков прокуратура «выделила в отдельное производство», и можно утверждать, что никакой судебной перспективы в этой части у дела нет. Это не говоря уже о том, что «подстрекательская роль Манучарова» — никакими доказательствами не подтверждена.

Не удалось прокуратуре собрать и доказательств, изобличающих Манучарова в хищении, несмотря на широкоэшелонные заявления об этом в прессе и в разных трибунах.

В итоге ему предъявили обвинение в получении взятки в сумме восемнадцати тысяч рублей, якобы за предоставление квартир работникам комбината строительных материалов. Изобличающие Манучарова показания были получены от четырех работников комбината после того, как они сами были заключены в следственный изолятор города Шуши (азербайджанский район Нагорного Карабаха).

Как только их освободили — все они от своих показаний отказались, причем отказ этот, с моей точки зрения, обоснован предельно убедительно.

— Но вернемся к истории этого дела.

— Итак, дело возбудила прокуратура Азербайджана. Затем оно было передано в Прокуратуру СССР, Верховный суд СССР в качестве нейтральной территории, на которой должно было состояться судебное разбирательство, выбрал Белоруссию. Верховный суд Белоруссии направил дело в Брестский областной суд, который, не найдя оснований для предания Манучарова суду, возвратил дело генеральному прокурору СССР для дополнительного расследования.

И тут, 27 августа прошлого года, Манучаров был избран депутатом Верховного Совета Армении. Поскольку депутат пользуется правом неприкосновенности, я, как только дело вернулось в прокуратуру, заявил о необходимости изменения меры пресечения и потребовал, чтобы Прокуратура СССР вошла в Верховный Совет Армении с представлением о даче согласия на содержание под стражей депутата. Тогда же в защиту Манучарова на имя генерального прокурора СССР поступили заявления от 155 народных депутатов СССР, а двадцать народных депутатов представили в прокуратуру личное поручительство.

На все эти обращения Прокуратура СССР не прореагировала. Манучаров продолжал оставаться под стражей.

По вопросу о статусе депутата прокуратура заняла такую позицию: раз Манучаров взят под стражу до избрания депутатом, значит, никакого согласия Верховного Совета Армении не требуется. Надо отметить, что в законе в этой части имеется определенный пробел, ибо в то время, когда он принимался, прерогативой выдвижения кандидатов обладали лишь партийные органы, и никто не думал, что может быть возможен такой случай.

По Конституции Армянской ССР избирательным правом обладают все граждане, кроме лиц, признанных умалишенными. В Конституции же СССР (в редакции 1987 года) говорилось, что в выборах не участвуют также лица, содержащиеся в местах лишения свободы. То есть между конституциями Армении и СССР существовало определенное расхождение, и в последующем это стало иметь значение, потому что возник вопрос, а мог ли вообще Манучаров быть избран депутатом?

Моя позиция основана на том, что в соответствии с Конституцией СССР уголовная ответственность наступает только по приговору суда. А значит, все остальное — в том числе привлечение в качестве обвиняемого и заключение под стражу — является лишь предварительными следственными действиями. Да так и стадия судопроизводства называется — предварительное следствие. В это время человек считается невиновным, ведь, повторяюсь, уголовная ответственность наступает только по приговору суда.

Я считал, что позиция прокуратуры неверна и что на Манучарова должен распространяться Закон о статусе депутата. Прокуратура в тот период не оспаривала того, что Манучаров является законно избранным депутатом, но заявляла, что никакого согласия Верховного Совета Армении не требуется.

Накануне открытия второго Съезда народных депутатов СССР дело было еще раз направлено в суд. Верховный суд СССР снова послал его в Белоруссию, и снова оно оказалось в Бресте.

На втором Съезде из-за формулировки статьи Конституции о том, кто не может участвовать в выборах, разгорелась целая баталия. Была предложена такая

редакция: в выборах не участвуют лица, «содержащиеся по решению суда или с санкции прокурора» в местах лишения свободы.

И есть большие основания предположить, что вот эта самая добавка — с санкции прокурора — была сделана специально в связи с делом Манучарова. Лишение свободы с юридической точки зрения — это вид уголовного наказания. Следственный изолятор к местам лишения свободы не относится. То есть, для текста закона формулировка: содержание в местах лишения свободы не по приговору суда, а с санкции прокурора — недопустима! Это нонсенс!

Принятие этой поправки означало бы, что высший орган власти дает свое толкование юридическому термину — «места лишения свободы». И если бы такую редакцию приняли, это означало бы, что спорить нам больше было бы не о чем — к местам лишения свободы могло бы относиться любое помещение с решетками на окнах. И сразу бы могло быть принято постановление Президиума Верховного Совета СССР о признании избрания Манучарова депутатом недействительным.

Но народные депутаты проявили твердость и блокировали принятие этой поправки, которую, кстати, прежний состав Верховного Совета РСФСР поспешил включить и в Конституцию, и в Закон о выборах РСФСР. И у прокуратуры уже не было возможности поставить перед Президиумом Верховного Совета вопрос о незаконности избрания Манучарова депутатом.

15 января этого года произошло своеобразное чудо. Брестский областной суд, проявив высокую принципиальность и подлинную независимость, во второй раз направил дело Манучарова на дополнительное расследование, сославшись, в частности, на то, что прокуратура не получила согласия Верховного Совета Армении. При этом суд определил немедленно освободить Манучарова из-под стражи под личное поручительство народных депутатов.

Но распорядительное заседание суда (как это обычно и бывает) проходило в отсутствие обвиняемого. Поэтому в зале суда он освобожден быть не мог (Манучаров в это время находился в Москве — в Бутырьках).

Председательствующий на судебном заседании исполнил свое определение и сдал его для срочной отправ-

ки спецпочтой в Москву. Но вслед за этим он сам был отправлен в неожиданную командировку в город Пинск. Председатель Брестского областного суда, не имеющий никакого права вмешиваться в процесс судопроизводства, включая стадию исполнения судебных решений, распорядился не отправлять определение об освобождении в следственный изолятор. То есть, он совершил прямое преступление против правосудия.

Одновременно помощник генерального прокурора СССР принес протест, в котором потребовал отменить определение областного суда. В обоснование быстрого, я бы сказал, пожарного, темпе, при грубом нарушении закона уже на 19 января дело было назначено к рассмотрению в кассационной инстанции.

Я уже успел поздравить Манучарова со скорым выходом на свободу, понимая, что по закону нет той силы, которая этому освобождению может препятствовать. Однако такая сила нашлась.

Выступая в Верховном суде Белоруссии, я потребовал возбудить уголовное дело против председателя Брестского суда, в ходе расследования которого установить лиц, оказавших давление на работников суда и фактически склонивших их к совершению преступления. Я уверен в том, что этими лицами могут быть только представители высшего политического руководства — и не республики, а страны.

Верховный суд Белоруссии вынес по этому поводу совершенно беспрецедентное решение. Имея только два возможных варианта — отклонить протест прокурора или удовлетворить его и вернуть дело на новое рассмотрение со стадии предания суду (но в обоих случаях Манучаров должен быть освобожден), — Верховный суд все-таки выбрал совершенно незаконный, третий. Коллегия Верховного суда Белоруссии, не дав оценки протесту, отменила определение суда и направила дело председателю Верховного суда СССР для направления в другую республику. В итоге человек не был освобожден из-под стражи, несмотря на имеющееся решение об этом. А Верховный суд республики уклонился от исполнения закона, огласив нечто, не имеющее с ним ничего общего.

На этом заседании прокуратура впервые заняла новую позицию, заявив, что Манучаров никаким депутатом вообще не является, что его избрание незаконно.

С 15 января преступление продолжается. Я обратился к председателю Верховного суда Белоруссии, прокурору Белоруссии, генеральному прокурору СССР с требованием опротестовать определение Верховного суда, и в каждом из своих обращений указывал на то, что именно на них ложится вся полнота ответственности за продолжающееся беззаконие. Но до настоящего момента никакого ответа я не получил.

Именно это развитие событий и дает мне право заявить, что дело Манучарова — дело политическое. Этого заявления я раньше не делал (хотя и раньше был убежден в этом), поскольку я адвокат, привык говорить только то, что могу доказать. Но описанные события являются неопровержимым свидетельством того, что именно политика вмешалась в право и превратила его из права в произвол.

— Что же так мешает освободить Манучарова?

— Я считаю, что, столкнувшись в 1988 году с совершенно новым для нашей страны явлением — национально-освободительным движением народа, руководители нашего государства с самого начала дали ему неверную оценку. Борьбу народа за свои национальные и политические права попытались объяснить, во-первых, недовольством социально-экономическими условиями жизни, а во-вторых, найти конкретных виновников в лице неких «коррупцированных элементов». В действительности корень проблемы лежит гораздо глубже.

Манучарову же особенно не повезло, ибо еще в декабре 1988 года, то есть в самом начале расследования данного дела, один из высших руководителей нашей страны прямо назвал его фамилию как одного из лидеров мафии, той самой «коррупцированной верхушки», которая якобы разжигает пожар конфликта вокруг Нагорного Карабаха.

И хотя время давно опровергло это голословное утверждение, послушные исполнители в лице руководства Прокуратуры СССР упорно пытаются доказать недоказуемое.

К тому же высказываются опасения, что освобождение Манучарова — лидера движения армян Нагорного Карабаха — как бы подольет масла в огонь международного конфликта.

Но дело в том, что даже если бы Манучаров был экстремистом (а он экстремистом не был, он призывал к мирному решению карабахской проблемы, и его авторитет был настолько высок, что помогал удерживать народ от противоправных действий), то все равно беззаконие осталось бы беззаконием, и никакие благие намерения этого оправдать не могут.

Политика не должна вмешиваться в право. В противном случае кажущийся положительный эффект на деле обернется тяжким ущербом и для прав человека, и для интересов общества, и для авторитета нашего государства в глазах человечества.

— И последний вопрос: как получилось, что вы — ленинградец — стали адвокатом Манучарова?

— Во-первых, для профессионала это дело не только интересное, но и исключительно благородное по характеру защиты. Во-вторых, обратившиеся ко мне с предложением принять защиту Манучарова люди сослались на просьбу человека, которому никогда и ни при каких условиях отказать я бы не смог. Просьбу Андрея Дмитриевича Сахарова. И в дальнейшем, до последнего дня своей жизни, Андрей Дмитриевич выступал в защиту Манучарова, делал для него все, что мог сделать как гражданин и народный депутат.

Ленинград.

Записал
С. БАЛУЕВ
Смена № 69.

ПОЧЕМУ НЕ ДОСКАЗЫВАЕТЕ, ТОВАРИЩ ГЕНЕРАЛ?

Под рубрикой «Отвечаем на вопросы читателей» газета «Красная звезда» от 20 июня с. г. опубликовала материал «В огне конфликта». Поводом для этой публикации послужило письмо москвича Е. Сырцова, который просил редакцию рассказать, «сколько всего воинов нашей армии и флота было убито и ранено в связи с международными распрями, действиями экстремистов в закавказских республиках?»

По просьбе редакции на вопрос читателя, который волнуется, надеюсь, не только его, ответил начальник управления генерального штаба Вооруженных Сил СССР, генерал-лейтенант И. Матвеев. Вот что он пишет:

«В связи с межнациональным конфликтом в Закавказье с 19 января по 18 июня этого года погибли 37 воинов Советской Армии и Военно-Морского Флота, в том числе 8 офицеров, 3 прапорщика, 26 солдат и сержантов, а также жена прапорщика. Среди погибших 28 русских, 5 украинцев, 1 белорус, 1 казах, 2 азербайджанца, 1 эстонец. 26 человек убиты непосредственно экстремистами. 11 человек погибли в результате несчастных случаев, в том числе при нарушении мер безопасности.

Кроме того, 153 военнослужащих армии и флота были ранены и травмированы. 10 после ранений умерли.

Вот так подробно ответил генерал на вопрос читателя газеты. Однако, как это уже не раз случалось, официальные лица в своих комментариях опять чего-то недоговаривают. И для того, чтобы внести ясность в это «что-то», мы позвонили в генеральный штаб Вооруженных Сил СССР. На звонок ответил сам начальник управления.

— Товарищ генерал, скажите, пожалуйста, почему за точку отсчета «межнациональных распрей», как выразился читатель «Красной звезды», вы приняли день 19 января?

— А когда они начались?—поинтересовался генерал.

— Два года назад...

— А я решил отметить период с 19 января...

— Ну, а почему именно с 19-го, а не с первого января?

— Я так решил.

— Не могли бы вы уточнить, сколько воинов Советской Армии погибло и было ранено в каждой из трех союзных республик в отдельности?

— У меня под рукой нет таких сведений.

— Мы позвоним попозже...

— А я не обязан давать вам по телефону такие сведения.

— Но ведь они не представляют военной тайны, тем более, что вы сами обнародовали обобщающие цифры?

— Я вам уже ответил.

Неинформированность начальника управления ген-

штаба о том, сколько и в какой республике погибло воинов, настораживала, особенно на фоне того, как педантично он перечислял национальный состав пострадавших. Мы сказали генералу, что, по нашим сведениям, например, за весь период межнационального конфликта на территории Армении погибло всего лишь два воина, причем именно в тот период, какой указал И. Матвеев— после 19 января.

— Я такими сведениями не располагаю,— отрезал он.

Видя, что наши вопросы не доставляют удовольствия генералу, мы задали ему последний вопрос — не считает ли он, что, «уравняв» мрачную статистику потерь, он тем самым вводит в заблуждение общественность страны, формирует у нее искаженное представление о действительных событиях в регионе? Прозвучавший ответ не оставлял сомнений в том, что наш абонент так не считает.

Полагая, что генерала, возможно, подвела его служебная неинформированность, мы сделали запрос начальнику политотдела Ереванского гарнизона генерал-майору М. Суркову. И получили ответ: за весь период межнационального обострения на территории Армении погибли два воина Советской Армии и 16 — ранены.

Из штаба округа в Тбилиси, куда мы обратились за разъяснениями, сообщили: в нынешнем году на территории Грузии три воина Советской Армии получили ранения.

Теперь надеюсь, в свете этих уточнений читатель сумеет составить правильное представление, на чей счет нужно отнести тех погибших и раненых, о которых говорил генерал И. Матвеев.

Обратимся еще к одному свидетельству, которое должен был знать уважаемый генерал,— 4 февраля с. г. газета «Известия» сообщала: «По официальным данным на 3 февраля 1990 года число пострадавших военнослужащих и гражданских лиц в Азербайджанской ССР и Армении в период чрезвычайного положения составляет: погибшими — 148 человек, ранеными — 503».

А еще через день автор, которого мы процитировали, уточняет: «В предыдущем репортаже я сообщил о жертвах среди военнослужащих в период чрезвычайного положения, не уточнив цифры отдельно по республикам,

что сразу же вызвало реакцию одной из них. Уточняю: в Армении погибших нет».

С некоторых пор в отношении «армянского экстремизма» сформировалась официальная точка зрения, и поэтому некоторые центральные средства массовой информации усердно «отрабатывают» эту тему. Путем недомолвок в печати, языкового жонглирования завынный читатель подводится к мысли, что террористов и вообще антиперестроечные силы, посягнувшие на священные принципы обновления в стране, нужно искать в Армении.

Этим и только этим можно объяснить тенденциозное умолчание генерала И. Матвеева, не пожелавшего сказать всей привиды читателям газеты. Этим объясняется и специальная верстка материалов на той же полосе газеты, когда комментарий начальника управления генштаба Вооруженных Сил СССР предваряется корреспонденцией подполковника В. Каушанского о политической ситуации в Закавказье, в которой тема армянского экстремизма представлена в категоричной форме.

22 июня телезрители, наблюдающие за работой учредительного съезда Коммунистической партии РСФСР, услышали вопрос ко второму секретарю ЦК Компартии Армении О. И. Лобову относительно того, имеет ли он моральное право баллотироваться на пост первого секретаря Российской компартии после гибели «стольких российских парней в Армении» при прямом попустительстве республиканских властей? При этом спрашивающий делегат пояснил, что задать этот вопрос его заставили «кровь товарищей и слезы их матерей». Справедливый вопрос, но не по адресу. Насколько же деформировали пресса и другие средства массовой информации сознание своих читателей вольной интерпретацией событий в Армении, если даже здесь, на съезде Компартии России, могут прозвучать упреки в адрес республики, народ которой сам подвергся геноциду. И в том, что общество до сих пор не знает всей правды о том, что происходит в регионе, виноваты публикации, одну из которых мы привели в пример.

**Л. АЗРОЯН,
ДЖ. БАЛАГЕЗЯН**
корр. Арменпресс.
«Коммунист», 26 июня 1990 г.

БАКУ: НАЧАЛО ДЕВЯНОСТОГО...

Январские трагические события, происшедшие в Азербайджане и его столице в нынешнем году, начались с массовых хулиганских бесчинств в приграничных районах. В первых числах месяца экстремисты учинили разгром государственной границы на протяжении 169 км, нанеся ущерб в более чем 5 млн. рублей. На главных виновников возбуждено уголовное дело. Спустя две недели совершилось еще более страшное преступление: при попустительстве органов милиции были убиты и растерзаны 56 человек армянской национальности. Затем вспыхнули погромы и грабежи квартир тех, кто был вынужден покинуть Баку (всего 700). В других городах, например, в Ленкорани, Нефтечале, Джалилабаде, представители народного фронта Азербайджана (НФАЗ) фактически отстранили законную власть от руководства, чем еще больше усугубили взрывоопасную обстановку, что привело к новым беспорядкам и преступлениям. Все случаи противоправных действий тщательно расследуются. С этой целью привлечено более 200 работников союзных и республиканских органов прокуратуры, КГБ и МВД. Вместе с тем Верховным Советом Азербайджанской ССР, а также различными организациями создано (как бы в противсвес официальному следствию) немало всевозможных комиссий из представителей различных движений и объединений, в том числе и лидеров НФАЗ. Каждая из них преследовала одну цель — подтасовка и фальсификация фактов, стремление переложить вину за случившееся в Баку кровопролитие исключительно на Вооруженные Силы. Последним, чтобы окончательно очернить их, приписывается преднамеренная слепая жестокость в действиях, связанных с объявлением чрезвычайного положения и вводом войск в столицу Азербайджана. Причем ввод войск фальсификаторы называют не иначе, как вторжением.

Автор этих строк знает о многих фактах, описываемых здесь, не понаслышке и не из последних уст. Начиная с 20 января, он более месяца находился в столице Азербайджана, организуя работу группы военных прокуроров и следователей (26 офицеров), а также координируя их взаимодействие с основной следственной бригадой, руководимой представителем следственного отде-

ла КГВ СССР. Пришлось попадать и под обстрел боевиков, которые вели прицельный огонь по военнослужащим.

Массовый опрос военнослужащих, проводившийся в ходе расследования, задокументированные показания непосредственных участников событий позволяют сделать вывод о том, что лидеры НФАз, его экстремистское крыло заблаговременно готовились к захвату политической власти в Баку и других населенных пунктах республики.

Осознавая значимость овладения ключевым административно-политическим центром, которым является столица Азербайджана, эти силы заблаговременно (практически сразу же после отмены особого положения в ноябре 1989 г.) приступили к совершенствованию тактики своих действий, созданию дополнительных структур вооруженных формирований — так называемой «освободительной армии».

Серьезная трансформация в этот же период произошла в руководящих органах НФАз, где интеллигенция, создавшая это неформальное республиканское объединение в помощь перестройке, была оттеснена на задний план, а главенство взял в свои руки «штаб национальной обороны».

Используя вывеску НФАз, «штаб» стал готовить свои «вооруженные силы» — так называемых боевиков, которые были сведены в отряды численностью 20—30 человек, жестко управлялись, имели инструкторский состав и нацеливались на действия в строго обозначенных районах, установленных зонах влияния. Последующие события показали, что вооруженные формирования были созданы в морском пароходстве, на Каспнефтегазфлоте, в таксопарках с привлечением транспорта медучреждений и маршрутных такси.

Заблаговременно отработывались системы связи и выискивались средства усиления вооруженных группировок в тех районах, где наличных сил могло не хватить для достижения конечных целей. Уже в первых числах января 1990 года велась разведка режима в повседневной деятельности войск, системы караульной и внутренней служб. Зафиксированы попытки знакомств представителей НФАз, боевиков с военнослужащими с целью приобретения у них оружия, например в артиллерийской

и ракетной частях, караулах, на складах вооружения, а также множественные контакты на дорогах Баку—Перикшишкюль, Гюздек и др. Солдатам при этом предлагалась сумма от 500 рублей (в начале января) до 5 и даже 25 тысяч рублей — по мере нарастания напряженности. С такими предложениями обращались и к приписникам, прибывавшим в Баку для усиления воинского гарнизона накануне и в ходе введения чрезвычайного положения.

По сути, маскировка лидерами НФАз их подлинных целей и задач была сброшена после событий, происшедших в Баку 13 января. Теперь их основные усилия стали откровенно направляться на то, чтобы нейтрализовать действия МВД республики, проверить свои возможности организации массового террора, раздробления и торможения концентрированных действий правоохранительных органов многочисленными акциями населения в различных районах города. Следует отметить, что своего экстремисты добились. Части МВД республики оказались неспособными предотвратить случаи вандализма и разбоя, поскольку была парализована морально-психологическая готовность милиции и руководства республики оказать достойный отпор насилию.

Отчетливо сознавая, что воины армии, руководствуясь гуманными соображениями, не останутся безучастными к противоправным действиям экстремистов, лидеры НФАз, начиная с 16 января организовали блокирование воинских частей, военных училищ и городов, Краснознаменной Каспийской военной флотилии (ККФ), мест компактного проживания офицеров и прапорщиков, подъездных путей к аэродромам.

Спустя два дня народный фронт Азербайджана фактически ввел в Баку противозаконное чрезвычайное положение. Боевое ядро НФАз осуществляло на свой манер контроль за транспортной пропускной системой, телефонной, в том числе, междугородной связью, работой (срывало ее) государственных учреждений. С подачи лидеров «фронта» на митингах объявлялось о создании «освободительной армии» во главе с Э. Мамедовым. Сам же «командующий» хвастливо заявлял, что решением НФАз ему было присвоено звание «полковник»,

Узнав, что в город стали прибывать части внутренних войск, лидеры народного фронта провели массовую акцию по вовлечению горожан в компанию граждан-

ского неповиновения, используя лживые лозунги о том, что военнослужащим поставлена задача — уничтожить азербайджанское население в отместку за армянские погромы.

Словесным, моральным и физическим оскорблениям подвергались офицеры Бакинского гарнизона: П. Е. Рытов, А. И. Берестов, В. И. Латышев, жены военнослужащих Н. Я. Бабушкина, В. И. Воробьева, С. П. Кузьмина, С. И. Сокольникова и многие другие. Например, только с 22 по 28 января на квартиры офицеров различные хулиганствующие и экстремистские элементы звонили около 200 раз, требуя освободить жилплощадь и покинуть Баку. Семьи военнослужащих капитана медслужбы В. К. Быстрова и лейтенанта Р. И. Истокова захватывались в качестве заложников.

Об истинных целях НФАз, его «военного руководства» свидетельствует личная встреча генерал-майора В. Л. Соколова с «командующим» Э. Мамедовым. Последний выдвинул ультиматум о выводе войск, подчеркнув, что армия должна выполнять свои внешние функции, а не роль жандарма. «Мы требуем, — заявил он, — чтобы солдаты не стреляли в народ». На вопрос, кто сказал, что армия собирается стрелять в народ, «командующий» внятного ответа не дал. Генерал-майор Соколов потребовал от Мамедова дать команду на разблокирование военных городков, так как это нарушает повседневную жизнедеятельность частей: не позволяет подвозить продукты питания, воду и горячую пищу, организовывать гарнизонную службу, — унижает честь и достоинство Советской Армии. Но тот отказался пойти навстречу и выполнить справедливое и законное требование.

Кроме того, Мамедову были заданы вопросы: зачем ведется разведка военных городков и с какой целью были захвачены на станции выгрузки Зазалы 4 танка, а также два офицера — полковники Тяпков и Брославский? «Но я же дал команду, чтобы возвратили танки и освободили полковников», — с издевкой ответил «командующий». Объяснить же цели как этих, так и других не только провокационных, но впрямую враждебных действий экстремистов-боевиков не смог. Так, последние 19 января захватили радиостанцию, похитив при этом блоки и документы, а также оружие. В ходе отражения

малета получил ранение начальник связи танкового полка майор Корчагин. Мамедов же, сославшись на неинформированность, ушел от ответа при обсуждении и этого случая.

Уже с 19 января во многие военные городки практически невозможно было пройти. Все прилегающие улицы запрудили грузовики, автобусы, наливные цистерны с горючим и сжиженным газом.

Также были блокированы участки магистралей города на пути к аэропорту и въездах в город. На баррикадах и крышах, окружающих военные городки домов, в том числе и административных зданий (Министерства автомобильного транспорта, Центра АСУ, ЦСУ и др.), в открытую стали появляться вооруженные автоматическим оружием, в том числе и пулеметами, боевики. А на балконах этих зданий устанавливались прожекторы и фонари. Они включались с наступлением темноты, и всю ночь их направленный свет освещал территорию городков, вокруг которых группы людей толпились круглосуточно. Многочисленные наблюдения за подобными акциями позволяют сделать вывод о том, что экстремисты проявили как ухищренную тактику, так и изверскую сущность преступников. К примеру, на ближних подступах к блокам «баррикадам» размещались в автобусах женщины и дети, за ними — толпа возбужденных молодых людей, нередко пьяных и, как можно предполагать, употребивших наркотические средства. И вот за таким «живым щитом» укрывались вооруженные боевики, «командиры» и «инструкторы». Подобная схема построения «боевых порядков» наблюдалась практически повсеместно.

В этот же период был полностью блокирован фарватер для выхода кораблей ККФ судами Каспнефтегазпрома, действия которых управлялись с теплохода «Оруджев», где базировалось руководящее ядро НФАз, его «штаб». Последний, используя судовую радиостанцию, четко реагировал на все изменения в обстановке и отдавал соответствующие распоряжения.

Сосредоточенные силы боевиков блокировали гражданский аэропорт (его работа была полностью парализована). Даже прилетающие из отпуска военнослужащие в город не пропускались и высаживались насильно из любого вида транспорта. Задерживались сле-

вавшие в места несения службы машины с составом караулов, а во второй половине дня — любые, даже обеспечивающие жизнедеятельность и госпитализацию больных. Стали избиваться военнослужащие возле своих домов, обыскиваться при выходе за КПП частей.

В условиях, когда шло откровенное унижение армии, повсеместно предпринимались попытки обратиться к людям на блоках-«баррикадах» с призывом к разуму, с просьбой разойтись и не чинить препятствий войскам, которые будут разблокировать военные городки и подъездные пути к ним. К примеру, с такой речью в 11 часов 19 января выступил политработник генерал-майор Н. Ф. Зубков. Суть его обращения сводилась к тому, чтобы люди разошлись по домам, не подвергли свою жизнь опасности, увели женщин и детей, не применяли оружия в ответ на действия войск по разграждению подъездных путей к военным городкам. В это время появилась группа руководства НФАЗ, которая провела оперативный инструктаж «командиров» и «инструкторов» боевиков. После этого в толпе началась настоящая истерия. Открыто демонстрировались оружие, бутылки с зажигательной смесью, самодельные взрывчатые устройства. Боевики стали наращивать силы, занимая господствующие возвышения, места, удобные для обстрела военного городка, крыши и балконы прилегающих зданий.

С 15 часов развернулись мероприятия по окончательному блокированию КПП и подъездных дорог. Последние буквально «забивались» автомобилями, загруженными камнем, щебенкой, железобетонными плитами, нефте- и газоналивным транспортом. Практически военные городки оказались в полной осаде по всему периметру, к ним нельзя было пробиться даже в одиночку.

После принятого Министром обороны СССР решения на разблокирование военных городков, дорог и магистралей, ведущих к военным объектам, войска действовали грамотно и четко, проявляя гуманизм, мужество, самоотверженность. Так, выход бронегрупп одной из частей осуществлялся не со стороны КПП, где имелись небольшие скопления людей, а в другом месте, через пролом в заборе, который протаранили танками. При этом никаких жертв среди мирного населения допущено не было. Солдаты, в основном из приписного состава,

приступили к распределительным работам. В ответ боевики открыли массированный огонь по личному составу. Шквал огня обрушился на военный городок, где в палатках располагались люди. Не секрет, что местное население знало о расположении в военном городке частей и подразделений. Следует отметить особо, что по медбату велся наиболее интенсивный огонь. О каком милосердии в этом случае со стороны боевиков может идти речь? Подверглись обстрелу, о чем свидетельствуют многочисленные пробоины в зданиях именно со стороны города, и жилые дома офицерского состава. Солдаты же стали отвечать огнем только после того, как среди них появились убитые — старший сержант запаса В. П. Гамарцев, старший сержант С. Н. Пятаков и другие. Уже в первый день, а точнее в первые минуты после начала разграждения, погибло несколько военнослужащих СА и ВВ МВД, а также жена военнослужащего.

Огонь велся войсками не по толпам населения, как это хотят представить лидеры НФАЗ, а только в ответ на огонь боевиков и снайперов, расположившихся на крышах зданий и балконов. И все же, когда на балкон, откуда вел огонь снайпер, боевиками была вытолкнута женщина с ребенком, ни одна солдатская пуля в ту сторону не полетела.

Разумеется, при этом нельзя полностью исключать возможность гибели отдельных невооруженных граждан, так как шел настоящий бой и сохранить психологическую устойчивость, не допустить случайного выстрела было практически невозможно.

Оперативно оценив обстановку, командиры подразделений и частей с целью исключения гибели невинных людей изменили тактику борьбы с боевиками и снайперами. Были созданы мобильные группы по их захвату, которые, действуя расчетливо и профессионально, проникали на чердаки зданий и вели одиночный огонь только в ответ на стрельбу экстремистов. Боевики и после прорыва заграждений не отступили. Члены новых бандитских групп, мобильно перебрасываемых с различных концов города, стреляли уже в каждого военного, кто попадал в поле их зрения.

О вероломстве и подлости экстремистов свидетельствует и другой неопровержимый факт, подтвержденный

данными судмедэкспертизы: пять военнослужащих, погибших в эти дни, были убиты в опину, фактически в упор, когда они зачаливали технику за блоков-«баррикад» для ее растаскивания танками и тягачами.

О применении военнослужащими оружия, тем более массовом, против мирного населения не может быть и речи. Все это провокационные выдумки. В самых сложных ситуациях войны проявляли выдержку и самообладание, зачастую, оберегая граждан, подставляли себя под удар. Убедительным примером того могут служить действия воинов-десантников под командованием офицера Ю. А. Наумова. Встретив мощное заграждение при въезде в Баку с южного направления, они взяли его атакой в пешем строю. Притом без единого выстрела, захватив более 70 вооруженных боевиков, которые вели по личному составу массированный огонь. Другая же часть, выдвигавшаяся со стороны военного аэродрома, израсходовала при прорыве в город лишь 258 патронов, о чем имеется соответствующий акт, при стрельбе вверх, из открытых люков БМД (боевая машина десанта) для разгона организованных групп боевиков. Даже дилетанты в военном деле поймут, что, ведя огонь из открытых люков, поразить людей перед войсковой колонной невозможно, могли быть убиты лишь те, кто был на крышах высотных домов.

Экстремисты же использовали изуверские методы борьбы. Например, разогнав тяжелые груженные автомобили и направив их в колонны и цепи солдат, они выскакивали из набирающих скорость грузовиков. Разливали и поджигали нефтепродукты, а также завалы из предварительно облитых нефтью, бензином и мазутом автопокрышек, забрасывали людей и технику бутылками с зажигательной смесью, самодельными и боевыми взрывчатыми устройствами.

Потерпев поражение в столкновениях 20 января, экстремисты перешли к акциям террора практически по всему городу: обстреливали посты и передвигающиеся колонны, отдельные машины. Производился активный обстрел войсковых нарядов из машин, в том числе и с символикой медицинской скорой помощи.

И впоследствии экстремистские силы использовали все возможное для развязывания террора в отношении военнослужащих. Так, в Баку неоднократно осуществля-

лись наезды автомобилей на солдат и офицеров. Например, автомобилем ГАЗ-24 без номерных знаков преднамеренно сбит военнослужащий военных войск; двое солдат и сержант морской пехоты получили тяжелые увечья от наезда на них, совершенного умышленно водителем автомобиля ЗИЛ-130.

Не менее рьяно и жестоко препятствовали экстремисты возвращению к месту жительства воинов запаса, хотя сами же добивались принятия решения об их выводе из Баку и Азербайджана. Колонны автомашин, которыми те доставлялись на аэродромы, постоянно обстреливались, в результате чего вновь лилась человеческая кровь. Только 22 и 23 января погибли три человека из числа убывающих.

В этот же период имели место случаи гибели и ранений тех, кто обеспечивал эвакуацию семей военнослужащих, и пожелавших выехать граждан из числа русскоязычного населения. Причем в ходе обстрела мирных колонн ответный огонь не открывался, чтобы не усугублять обстановку и не подвергать излишней опасности женщин и детей. Более того, для уменьшения угрозы жизни последних их разместили в центре кузовов машин, а боковые места заняли воины, прикрыв эвакуируемых своими телами.

Бесчеловечная сущность антинародных сил проявилась и в их действиях на море. Как уже упоминалось, 19 января для заграждения фарватеров около 50 единиц судов Каспморнефтефлота сосредоточилось в Бакинской бухте. Тем самым были грубо попораны международные правила мореплавания, вследствие чего создалась реальная угроза судоходству в бухте и вблизи нее. Эти действия, которые международное морское право квалифицирует как преступные, совершались осознанно, злоумышленно. 21 января заместитель главнокома ВМФ адмирал В. В. Сидоров, приняв делегацию капитанов гражданских судов, пытался разрешить конфликт мирным путем. В ответ на это «делегаты» заявили, что они не допустят выхода в море кораблей флотилии, в случае попытки экипажей последних освободить фарватеры подожгут нефтеналивные суда и резервуары с нефтепродуктами на берегу.

Членов делегации предупредили, что гидрографические суда (ГС) флотилии будут вывозить эвакуируемых

женщин и детей. Капитаны не возражали против этого. Но когда гидрографы вышли в бухту, суда Каспморнефтефлота напали на них. И это при том, что оперативный дежурный флотилии сообщил на теплоход «Оруджев» о выходе двух ГС из бухты. Это сообщение передали в 17 часов 21 января, и только спустя сутки получили ответ, причем отрицательный. Наконец после радиопереговоров «Оруджев» дал добро на выход ГС и спустя десять минут они отошли от пирса.

Но их спокойный ход был кратковременным. Вслед за ними снялся с якоря «Нефтегаз — 10» и полным ходом устремился к ГС. Дежурный успел оповестить командиров гидрографических судов, и те, увернувшись от тарана, вернулись на базу. Вторично они вышли в море уже под охраной артиллерийского катера.

Но распалившихся экстремистов уже трудно было остановить. Не помогло и то, что даже многие их «союзники» — капитаны судов, участвующие в блокаде фарватера, — пытались предотвратить преступную акцию. Увидев, что «Нефтегаз — 10» намерен таранить ГС, они возмущенно кричали по радио: «Это провокация!.. Нельзя идти на таран!..»

Между тем с «Оруджева» поступила команда: «Назначенным судам выйти на таран!». И экстремисты выполнили ее. Не остановило их ни предупреждение о том, что в случае опасного сближения по преступникам будет открыт огонь, ни предупредительные выстрелы в воздух. Только мастерство командира ГС спасло 167 человеческих жизней, хотя судно получило значительные повреждения. И все же провокация на море этим не закончилась. В 21 ч. 07 мин. того же дня было перехвачено радиосообщение судна «Баба-заде», в котором извещалось, что капитану этого судна поставлена задача «взять заложников», т. е. захватить два ГС и артиллерийский катер.

Безответственную акцию удалось предотвратить решительными действиями военных моряков.

Несмотря на провокации и жестокое отношение к себе, воины проявили образцы выдержки и великодушия. Убедительным примером того является освобождение вокзала и судна «Оруджев», где сосредоточивались активисты ИФАз. При этом последние не имели потерь, в то время как от их автоматнo-пулеметного огня (его вели

с судов «Водолей-4», «Нефтегаз-30», «Сухона») пострадали в разной мере многие воины-десантники.

Нет причины жаловаться на военнослужащих и основной массе местного населения. Более того, жители Баку и других населенных пунктов не однажды выражали благодарность личному составу воинских подразделений за содействие и помощь. Так, политработник лейтенант А. Н. Пугачев возглавил команду из 8 солдат и сумел обеспечить подвоз на двух машинах продовольствия и медикаментов в блокированное армянскими экстремистами азербайджанское село в районе Биюк-Кизи. Отсюда же воины эвакуировали нуждающихся в медицинской помощи 16 больных жителей.

Лидеры ИФАз, ввергшие народ в кровопролитие, не пострадали и в других местах, где велись боевые действия. Они предпочли укрыться от ответственности перед согражданами и законом кто в отдаленных районах республики, кто в других городах страны. Скрылся, к примеру, один из самых непримиримых и воинствующих лидеров экстремизма, — Н. Панахов, за которым тянется след преступной деятельности с 1988 года.

Выдвигая националистические лозунги, «республиканцы» типа Панахова лицемерили. Их главная цель — нагнетание страстей и захват власти, а не решение межнациональных вопросов. Например, блокируя и обстреливая территорию и здания Бакинского высшего общевойскового командного училища (БВОКУ), они даже не пожелали взять в расчет то, что значительное число курсантов — лица коренной национальности. Находясь в плену непомерной амбиции, ослепленные ненавистью, они вели массированный огонь по «объекту», не разбирая «своих» и «чужих». Такая же ситуация сложилась и в других местах, где от рук взбесившихся земляков получили ранения воины-азербайджанцы прапорщик Т. С. Саламов, рядовой М. А. Газиев и другие, а старший прапорщик О. С. Ахундов и рядовой М. С. Мамедов были убиты. Считалось: кто в военной форме, тот экстремистам враг, поскольку мешает осуществлению их властолюбивых и мафиозных планов.

После событий 20 января длительное время распространялись и поддерживались слухи о десятках тысяч погибших от рук «фашистской армии» (имелась в виду Советская Армия), о том, что трупы их затоплены в

море, в том числе и на судах, баржах, захоронены тайком на острове. Все это, разумеется, наглая ложь. Ну а ярлык «фашистов» больше подходит к тем, кто поднял руку на перестроечный процесс, на демократию.

Таким образом, анализ происходящих событий позволяет сделать следующие выводы:

1. Количество оружия, изъятого у экстремистов, а также организация его массового производства на ряде предприятий свидетельствуют широкомасштабной кампании лидеров НФАз, стремившихся достичь своих конечных целей (захвата власти и ликвидации социалистических завоеваний) вооруженным путем.

2. Доподлинно установлено, что в случае промедления действий войск планировался и готовился на 14 часов 20 января городской митинг, на котором было объявлено о низложении конституционной власти и приходе к руководству республикой экстремистов крайне правого крыла НФАз.

3. Выступления боевиков носили откровенно антиармейский агрессивный характер и имели целью сломить морально-психологическую готовность войск, помешать им в защите конституционных устоев в республике: проводилась активная работа по склонению на свою сторону военнослужащих из числа лиц коренной национальности. Ставка делалась именно на то, что удастся добиться выступления с оружием в руках солдат-азербайджанцев, подчинить своему влиянию прапорщиков местной национальности, ведающих складами с вооружением, и посеять сомнения и колебания в среде офицеров, представлявших Азербайджан в Вооруженных Силах. Антиармейская направленность в действиях экстремистских сил проявилась и в том, что в ходе событий осуществлялось самовольное заселение квартир военнослужащих. По далеко не полным данным, только в Баку таких фактов вскрыто 105; 7 офицерских квартир разграблено и 7 сожжено, полностью уничтожены огнем крыши двух домов офицерского состава.

4. Попытка противопоставить армию народу носила также явно дискредитирующий Вооруженные Силы характер. Бросив на блоки и завалы женщин и детей, и открыв огонь по солдатам за их спиной, экстремисты стремились спровоцировать массовое применение оружия армией для расстрела мирного населения, чтобы пол-

ностью оправдать свои грязные цели, разбой и насилие. До сих пор местные жители подвергаются давлению и запугиванию со стороны экстремистов. Сорван учебный процесс в двух высших военных училищах Баку в результате выезда из города преподавателей из числа гражданских лиц. Возникла угроза планомерному комплектованию первого курса училищ.

О подлинном же авторитете армии, несмотря на усилия НФАз ее дискредитировать, свидетельствует иной пример. В Джалилабаде на собрании партийно-хозяйственного актива, уже после 20 января, секретарем райкома, председателем райисполкома и начальником РОВД был избран (один в трех лицах) командир десантного полка подполковник В. И. Орлов.

5. Группы военной организации НФАз, уйдя в подполье, видимо, готовят новые выступления против законной власти и армии.

6. Утверждения о массовом терроре, развязанном армией, несостоятельны. В дополнение к уже приводимым фактам следует добавить то, что за все это время как в результате прямого воздействия боевиков, так и при сопутствующих обстоятельствах, вызванных чрезвычайным положением, погибло 38 военнослужащих.

СПИСОК ВОЕННОСЛУЖАЩИХ, ПОГИБШИХ ОТ РУК ЭКСТРЕМИСТОВ В БАКУ В ЯНВАРЕ-ФЕВРАЛЕ 1990 ГОДА

19 января

1. Старший сержант Сергей Николаевич ПЯТАКОВ: погиб от ранения в голову.

2. Старший сержант запаса Владимир Пантелеевич ГАМАРЦЕВ: погиб от ранения в голову и грудь.

3. Рядовой Александр Юрьевич КУЗИН: погиб от ранения в голову.

4. Рядовой Сергей Григорьевич РОГАЧЕВСКИЙ: погиб от ранения в голову.

20 января

5. Капитан Александр Владимирович МАЛЕЕВ: погиб от ранения в голову.

6. Старший прапорщик Олег Сулейманович АХУН-ДОВ: погиб от ранения в живот.

7. Прапорщик Петр Степанович ЦЕСОРУК: погиб от ранения в живот.

8. Старший сержант запаса Олег Сергеевич СОБОЛЕВ: погиб от ранения в голову.

9. Младший сержант запаса Александр Ермолаевич РУСЛАНОВ: погиб от ранения в голову.

10. Рядовой Василий Васильевич КОВАЛЕВ: погиб от многочисленных ранений, в том числе в голову и шею.

11. Рядовой Сергей Зиновьевич ОЛЕЙНИК: погиб от ранения в грудь и живот.

12. Рядовой Александр Владимирович ЛУКЬЯНОВ: погиб от ранения в живот.

13. Рядовой запаса Игорь Ефимович РЕДЬКО: погиб от ранения в голову.

14. Рядовой Андрей Михайлович ТАРАКАНОВ: погиб от ранения в голову.

22 января

15. Рядовой запаса Павел Анатолиевич БОРИСОВ: погиб от ранения в голову.

23 января

16. Рядовой Ярослав Алексеевич ВАКУЛЕНКО: погиб от ранения в голову.

17. Рядовой Михман Сасибали оглы МАМЕДОВ: погиб от ранения в голову.

24 января

18. Сержант Евгений Геннадиевич ГОЮСАН: погиб от ранения в грудь и живот.

25 января

19. Старший лейтенант Александр Владимирович КОНОПЛЕВ: погиб от ранения в голову.

20. Лейтенант Александр Николаевич АКСЕНОВ: погиб во время доставки в госпиталь от потери крови после тяжелого ранения в ногу.

21. Рядовой Сергей Борисович ЛУКИН: получил множество ран, скончался в госпитале.

27 января

22. Рядовой Евгений Геннадьевич БОГДАНОВ: погиб от ранения в грудь, найден в колодце.

29 января

23. Рядовой Владимир Николаевич ГОРБОНОСОВ: погиб от ранения в голову.

24. Рядовой Григорий Григорьевич ПЛЮЩАЙ: погиб от ранения в живот.

1 февраля

25. Курсант Андрей Петрович КУЛЕШОВ: смертельно ранен в грудь 22 января при эвакуации семей военнослужащих, скончался в госпитале.

4 февраля

26. Рядовой Борис Ефимович КОЗЛОВ: погиб от ранения в живот.

7 февраля

27. Рядовой Александр Викторович СЕМИН: погиб от ранения в голову.

9 февраля

28. Майор Владимир Алексеевич ХАРИТОНОВ: погиб от ранения в голову, скончался в госпитале.

11 февраля

29. Младший сержант Озумбат Хасанович ДЖУМАЕВ: погиб от ранения в голову, которое было получено во время патрулирования (стреляли из окон).

Кроме перечисленных жертв экстремизма погибло еще девять военнослужащих. Хотя в их смерти нет прямой вины экстремистов, но последние своими преступными действиями создали ситуацию, способствовавшую гибели и этих людей.

В заключении еще раз отвечу, что участие войск в мероприятиях после установления чрезвычайного положения в Баку было вынужденным и необходимым, причем спровоцированным антигуманными и антидемократическими действиями экстремистов-отщепенцев. Только вмешательство воинских подразделений при бездействии правоохранительных сил Азербайджана сумело предотвратить более тяжелые последствия, гибель тысяч ни в чем не повинных людей.

Генерал-майор юстиции

В. Г. ПРОВоторов

«Военно-исторический журнал»

№ 7, 1990 г.

«ВО ВСЕМ ВИНОВАТ ГДЛЯН...»

(Полемические заметки по поводу воинствующего национализма)

Тысячелетия истории человечества... Появлялись и приходили в упадок государства, на их обломках создавались новые. Формировались нации со своим уровнем цивилизации, развития языка, письменности, неповторимыми обычаями. Осуществлялось взаимопроникновение культур, религий разных народов и одновременно шли войны, войны, войны — как единственный общепризнанный в то время способ обогащения государств, создания обширных империй, разрешения этнических, религиозных и иных противоречий и конфликтов. Разорительные, опустошительные завоевания привели к исчезновению одних народов, разбросали по всему свету другие, и потребовалось немало времени, чтобы сначала отдельные представители общества, а затем все большие слои населения в развитых странах усвоили, что «плохой» мир лучше «доброй» войны, что нет «плохих» и «хороших» народов, что люди равны между собой независимо от цвета кожи, расовой и национальной принадлежности, вероисповедания.

В международных отношениях в основном утвердился отказ от войны как «продолжения политики иными средствами», стали осуждаться проявления расизма, шовинизма и национализма в любых формах, а распад колониальных империй сопровождался расцветом национальных культур, самосознания народов, укреплением добрососедских отношений между государствами, разрешением имеющихся противоречий путем переговоров, а не силовыми методами. Наряду с этим как проклятое наследие прошлого и по сей день в различных регионах мира еще происходят конфликты, ожесточенные столкновения и даже войны на этнической и религиозной почве. Примечательно, что за редким исключением они характерны для слаборазвитых стран с невысоким уровнем культуры либо для государств недемократических. К их числу, к сожалению, относится и наша страна.

Закономерны процессы обострения межнациональных

отношений и распада Союза. Колониальная политика царизма после октябрьского переворота хоть и претерпела определенные изменения, но имперская сущность ее сохранилась. Жесткая централизация привела к тому, что федерация, союз существовали больше на словах, а фактически функционировало унитарное государство, подавлялась самостоятельность, унижалось национальное достоинство граждан. Вспомните, как уже после октября 1917 г. произвольно определялись границы создаваемых республик, других национальных образований, как захватывались независимые государства, выселялись целые народы. От диктата центра, утвердившейся партийно-полицейской системы одинаково страдали и страдают народы России и Армении, Украины и Молдавии, Прибалтики и Узбекистана, других союзных республик и автономных образований.

Несмотря на противодействие партийно-государственной бюрократии совместными усилиями демократических движений, которые набирают все большую силу, сегодня уже возможно радикально преобразовать страну в добровольный союз политически и экономически самостоятельных республик, обеспечить выход из него тех государств, которым выгоднее существовать самостоятельно, путем референдумов, переговоров и другими способами разрешать накопившиеся межнациональные противоречия и спорные вопросы, в том числе и территориальные.

Немалый, а порой и решающий вклад в этот непростой, крайне болезненный процесс должна и просто обязана внести прогрессивная часть интеллигенции — носитель исторического опыта, традиций, передовых идей времени. К сожалению, следует отметить, что сознательно либо по недомыслию немало ее представителей, наряду с мафиозными группировками, занимают ныне позицию национализма и национал-шовинизма. С их легкой руки претензии, неприязнь, а то и ненависть распространяются не к исторически обреченной системе «развитого социализма», не к монополизировавшей власть и надругавшейся над народами коррумпированной партийной элите, не к ее конкретным представителям, не к хищникам-миллионерам, а к другому народу или группе народов в целом. Отравленные ядом национализма, люди отвлекаются от радикальных преобразо-

ваний в собственном доме от деятельности своих лицемерных и чванливых руководителей, от собственных кровососов-богатеев. Для них врагом становится армянин, турок, русский, узбек, киргиз, т. е. человек другой национальности, что бы он из себя ни представлял. «Разделяй и властвуй!» — этот древний принцип успешно внедряется в нашу жизнь, в том числе при активном содействии воинствующих националистов из числа лиц, которые считают себя интеллигентами. Приведу конкретный пример.

Передо мной лежит книга, изданная в текущем году в г. Баку в издательстве «Язычы» на русском языке тиражом 30 тыс. экземпляров. Прекрасно оформленный переплет, красочные, приковывающие внимание обложка и заголовок: «Белые пятна истории и перестройка». 220 страниц текста на хорошей бумаге, приемлемая цена 1 руб. Очевидно, что уже по этим параметрам книга не залежится, найдет своего читателя. Чему способствует и рекламная аннотация: «Член Союза журналистов СССР с 1965 года Ариф Мансуров имеет много научных трудов, выступал на страницах республиканской и центральной печати. В своей книге автор рассматривает вопросы исторической и современной действительности, обнажает истинное лицо противников перестройки, подтверждая свои выводы неопровержимыми фактами и документами».

Нет смысла подробно пересказывать содержание этого «произведения». Ссылки на различные публикации, «свидетельства», многочисленные восхваления в адрес «мудрой» политики нынешнего руководства страны во главе с Горбачевым, назойливо повторяемое слово «интернационализм» не в состоянии скрыть махрового националиста в лице автора. Примечательно, что многие «беспорные факты» основаны лишь на его умозаключениях. Очевидно и другое. Появление подобного рода «творений» является отражением официальной политики партийно-государственными структурами власти. Только еще приступая к углубленному изучению межнациональных отношений в стране, на примере данной книги, впервые столкнулся со столь откровенной концепцией ненависти к другому народу, основанной на грязной стряпне явных фальсификаций, а это вызвало не только отвращение, негодование, но и стремление

дать решительный отпор, бороться с подобными (а их, видимо, немало) отщепенцами человеческой цивилизации. Однако судите сами о некоторых положениях и выводах этого «научного труда».

Как открытым текстом, так и в завуалированных формах автор пытается убедить читателя в том, что армянский народ и его интеллигенция («армянские оборотни») выполняют зловещую роль как в нашей стране, так и за ее пределами. Для воссоздания «Великой Армении» на землях, которые якобы ей никогда не принадлежали, армяне, по утверждению всезнающего Арифа Мансурова, искажали исторические факты, учиняли резню и погромы тюрков на современной территории Турции и Азербайджана, «выдумали» факт какого-то «геноцида» в конце прошлого века и в 1915 г. с целью опорочить миролюбивое правительство Турции, в годы сталинских репрессий «внедрились» в республиканские органы НКВД — МГБ Азербайджана для террора «над лучшими представителями народа», заняли «все ключевые позиции «теневой» экономики», составляя основу мафиозных структур в стране, спровоцировали несуществующую проблему НКАО и т. д., и т. п.

Автор делает и другое «открытие». Оказывается, расселившись как по нашей стране, так и по всему миру, армянский народ и его интеллигенция сформировали «московское лобби» или «пятую колонну» в СССР и мощное «лобби» за рубежом с целью «сеять смуту, беспорядки и антиправительственные выступления». В подтверждение своих «изысканий» он, в частности, приводит пример подобного вмешательства во внутренние дела США. «Чтобы добиться побольше голосов, он (Рейган) в год президентских выборов (15 апреля 1980 г.) и в первый период своего президентства (22 апреля 1981 г.) осуждающе говорил о «геноциде» 1915 г. Однако после своего утверждения Р. Рейган и государственный департамент США под нажимом широкой общественности взяли под сомнение факт геноцида, чем вызвали озлобление армянских кругов в США, после чего на него было совершено покушение!»

Остается лишь сожалеть, что мировая общественность не знакома с Арифом Мансуровым, его информацией о причастности армян к покушению на жизнь Рейгана, другими «разоблачениями». Наверное, стоило бы

приехать в Баку представительной делегации специалистов, чтобы в естественных условиях среды обитания изучить повадки, образ жизни, понять причины появления и процветания нового типа «ученых», которые свято убеждены, что бы негативного ни происходило в мире, повинны в этом могут быть только армяне.

Под этим углом зрения понятно откровенное негодование автора по поводу того, что армяне не заняли ключевые позиции в науке, экономике, партийно-государственных учреждениях, правоохранительных органах страны, где их деятельность «носит открыто циничный и безнаказанный характер». С гневом обрушивается Мансуров с бездоказательными обвинениями на всех видных деятелей армянской национальности, огульно объявляя их, а заодно и весь армянский народ «противниками перестройки». Естественно, что в число «армянских оборотней» автор включил и одного из самых популярных людей не только Армении, но и всей страны, известного представителя политической оппозиции ныне существующему режиму власти Т. Х. Гдьяна. Его фамилия склоняется с первых до последних страниц книги. Еще бы! Ведь сегодня общеизвестно, что Гдьян находится в опале у Горбачева и его «команды», а значит его деятельность можно безнаказанно (пока!) использовать под обоснование любых измышлений. Например, о том, что межнациональные конфликты в разных регионах страны разжигают опять же... армяне. Под этот вывод готов и очередной «беспорный факт»: «Значительный вклад в обострение межнациональных отношений внес другой представитель «пятой колонны» в СССР — следователь по особо важным делам Прокуратуры СССР Тельман Хоренович Гдьян, который в течение 6 лет своей деятельности в Узбекистане «посадил» более 8 тысяч человек, и все они, по странному стечению обстоятельств, почему-то оказались лицами узбекской национальности».

Видимо, нет смысла вновь подробно возвращаться к истокам возникновения обстоятельствам расследования и причинам разгрома нашумевшего дела о мафиозных группировках Узбекистана и Москвы, его перевоплощения из «дела о мафии» в «дело следователей». Сегодня в этом не сумели разобратся лишь слабоумные да те граждане, которые ритуально читают перед сном газету

«Правда» — как руководство к действию. Но на некоторых моментах вкратце все же следует остановиться.

В ходе следствия было бесспорно установлено, что партийно-государственная структура власти в Узбекистане совпала со структурой мафии. Путем махинаций, например, на хлопковом поле, а оттуда через райкомы, обкомы, хозяйственные органы поступал неисчерпаемый поток денег в ЦК КП Узбекистана, Совет Министров и Президиум Верховного Совета республики, к их первым лицам. Оттуда широким веером взятки шли в Москву — в министерства, ведомства и, конечно, в ЦК КПСС. В безотказный преступный конвейер (от дехкана, бригадира до Ш. Рашидова) оказались вовлеченными миллионы граждан, в основном простых людей, «стрелочников». Их вынуждали совершать преступления, с них безжалостно выколачивали «дань» вышестоящие «баи» и «курбаши» с партбилетами в кармане.

Когда в 1983—1984 гг. «нарыв лопнул» и вообще отрицать махинации и коррупцию стало уже невозможно, местные мафиози и их покровители из центра «перестроились» на ходу. В июне 1984 г. они провели XVI пленум ЦК КП Узбекистана с участием Е. К. Лигачева. На нем было признано, что в республике, дескать, имеются «отдельные негативные явления», но в целом в парторганизации «здоровый кадровый корпус» и ему по плечу самостоятельно устранить имеющиеся недостатки, искоренить факты взяточничества, хищений, злоупотреблений. С энтузиазмом приступили мафиози к выполнению этого решения. Усилия местных правоохранительных органов и следственных групп из центра они направили на борьбу со «стрелочниками», с «пешками», которыми всегда жертвовали «на пути к коммунизму». В то же время, отдавая на закланье свой узбекский народ, «отцы» мафии контролировали, чтобы не были ватронуты их личные и имущественные интересы. В начале им эта политика удавалась. В 1984—1987 гг. десятки тысяч второстепенных и десятистепенных правонарушителей были осуждены, а почти все организаторы сохраняли свои посты и капиталы. На республиканских пленумах ЦК, активах, собраниях мафиози подводили итоги кампании репрессий против собственного народа, козыряя своими заслугами друг перед другом и перед Москвой в «бескомпромиссной» борьбе с «отдельными

негативными явлениями». Горе и страдания пришли в сотни тысяч узбекских семей. Вместе с ними росло и чувство социальной несправедливости, все более остро воспринимался этот произвол в общественном сознании.

И лишь следственная группа Прокуратуры СССР, возглавляемая Гдяном, действовала иначе. Мы были поражены увиденным в республике. Роскошь привилегированного класса власть имущих, сотни миллионеров и мультимиллионеров, а рядом нищета народа, нищета основной массы простых тружеников, их жестокая эксплуатация. Рабский детский труд на полях, эпидемии, высокая смертность (особенно детская), социальная неустроенность и незащищенность большинства населения, безработица. Спекулируя на традиционном уважении к старшим, к власти, используя другие рычаги воздействия, новоявленные богачи содержали свой трудолюбивый народ в состоянии редкостной покорности. И на этом фоне царили вопиющая бесконтрольность, безнаказанность, круговая порука во всех структурах власти, всеобъемлющая коррупция.

При таких обстоятельствах мы посчитали несправедливым, безнравственным, политически вредным идти по проторенному пути своих коллег (хотя и нас на это упорно наталкивали) и массово привлекать правонарушителей к уголовной ответственности, не затрагивая в то же время корней мафии. Всеми средствами отстаивая независимость, мы не только не стали орудием в чьих-то руках (ни местных «отцов» мафии, ни центра), но сумели избрать и все годы отстаивать свою линию следствия. Мы пошли по пути массового освобождения от уголовной ответственности второстепенных исполнителей, а это тысячи и тысячи граждан, в то же время выявляя и арестовывая организаторов мафиозных групп. В их числе пять секретарей ЦК КП Узбекистана, председатели Совмина и Президиума Верховного Совета республики, десять первых секретарей обкомов партии, министры и их заместители, генералы милиции и др. Впервые в практике крупных расследований наша следственная группа провела криминально-политическое исследование корневой системы мафии более чем за 20-летний период, организовала массовое изъятие у обвиняемых «черной партийной кассы» в золоте, деньгах, облигациях на десятки миллионов рублей. Утвер-

ждая новые принципы следствия, мы, естественно, вступали в противоречие с утвердившейся репрессивной направленностью уголовной политики, с устоявшимися канонами, а на фоне своих коллег выглядели «белыми воронами».

Было очень непросто в обстановке ожесточенного противодействия, провокаций выжить и отстоять свою позицию. Приходилось вести борьбу порой на три фронта; с местной мафией, ее покровителями из Москвы и собственным руководством Прокуратуры СССР. Как все же удалось продержаться в течение 6 лет — это тема для более обстоятельного разговора, возможно, будущих мемуаров. Лишь отмечу, что мы сумели в этот период разоблачить лживый тезис об «отдельных негативных явлениях» в регионе, доказать наличие массовой многоступенчатой коррупции, утвердить политико-правовую состоятельность избранной нами линии следствия. Это позволило решительно выступить с требованиями прекратить в Узбекистане произвол массовых репрессий. Не местные патриоты, а интернационалист Гдян и его коллеги с конца 1985 г. и весь 1986 г. «бомбили» глухое к чужим страданиям руководство страны письменными обращениями. Например, в ЦК КПСС их скопилось столько, что гр-ну Мансурову хватило бы на новую книгу. Кстати, об одном из таких обращений — докладной записке на имя Горбачева, которая в конце 1986 г. была предметом обсуждения на Политбюро ЦК КПСС, сообщил, в частности, на заседании Верховного Совета СССР 17 апреля с. г. Борис Николаевич Ельцин, который уже в то время был нашим единомышленником. Во многом благодаря титаническим усилиям Гдяна и его группы в 1987 г. удалось остановить «маховик» массовых репрессий не только в Узбекистане, но и в других хлопкосеющих республиках, где события начинали разворачиваться по отработанному сценарию. И этим мы гордились и будем гордиться всю свою жизнь.

В связи с этим не только лживо, но и на редкость кощунственно звучит утверждение Арифа Мансурова об организации Гдяном уголовного преследования «лучших представителей» узбекского народа именно по национальному признаку. Ни созданные в 1989 г. по нашему «делу» и тенденциозно настроенные три комис-

сии (ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Съезда народных депутатов СССР), ни наши личные противники в лице генерального прокурора СССР А. Сухарева и председателя КГБ СССР В. Крючкова, ни руководители страны не осмелились предъявить нам подобных обвинений. А Мансуров решился.

«Ай, Моська, знать, она сильна, коль лает на слова...», — невольно вспоминаются слова из известной басни Крылова. Ведь автор книги имел возможность не раз слышать по радио и телевидению, неоднократно читать в прессе, что самая крупная в стране группа Гдьяна, в отдельные периоды состоявшая из 200 и более следователей, привлекла к уголовной ответственности за 6 лет своей работы... лишь 62 человека да еще около 100 соучастников обвиняемых временно содержались под стражей до выдачи ими многомиллионных богатств. Среди арестованных, помимо узбеков были и таджики (8 человек), и русские (6 человек), и лица других национальностей. В каком же кошмарном сне прирезались Ариф Мансурову «более 8 тысяч «посаженных» — причем лишь узбеков? Впрочем зачем возмущаться? Объявлять белое черным, брать «с потолка» любые данные — излюбленный прием всех фальсификаторов. Главное для них, чтобы хоть немного смахивало на правду, да «фактов» побольше. А на это Мансуров мастер. Почему не был привлечен к уголовной ответственности начальник ОБХСС МВД Узбекской ССР, армянин, возмущенно вопрошает он? И невдомек читателям, что никогда армянин на этой должности не работал, а налицо очередная фальшивка.

«Любите книги — источник знаний», — часто повторял А. М. Горький. Что же мы можем почерпнуть из «источника», изданного в Баку? Немало. Например, узнать о «причинах» кровопролития в Фергане: «Дело в том, что трагические события в Фергане и других областях были спровоцированы молодчиками из комитета «Карабах», которые, сомкнувшись с местными бандами, устроили открытую резню турок-месхетинцев, большинство из которых официально значатся азербайджанцами».

А имеет ли Гдлян непосредственное отношение к геноциду в Сумгаите? Ни за что не догадаетесь! Раз он армянин, значит, имеет — уверяет Ариф Мансуров, со-

общая очередную «сенсацию»: «Подкупленные Гдляном и Каракозовым на «узбекские деньги», в Сумгаите орудовали более 60 уголовных элементов из Степанакерта, Еревана, блестяще владевших оружием насилия и говоривших на азербайджанском языке. Не случайно Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев на специальном заседании Президиума Верховного Совета от 18 июля 1988 г., отвечая на гнусную выходку В. Петросяна по поводу надуманного им «геноцида» в Сумгаите, говорил: «Но слушайте, это же были отбросы общества, уголовные элементы, зачем же вы приписываете все это азербайджанскому народу?»

И все. Точка. Одна выхваченная цитата Горбачева, и больше никаких ссылок на какие-либо документы или другие, подлежащие проверке данные. А зачем? Ведь вам об этом сообщает сам Ариф Мансуров! Конечно, пальма первенства по дискредитации комитета «Карабах», следственной группой Гдьяна, нежеланию признать факт геноцида в Сумгаите принадлежит центру. Автор многих «научных трудов» уже повторяется, зато демонстрирует богатую фантазию и даже чувство юмора. «Революционное чутье» и «коммунистическая убежденность» его не подводят, подсказывают настолько «беспорные факты», которые ввиду их явной абсурдности нет смысла и комментировать.

Одной из целей «московского лобби», комитета «Карабах» и других «армянских оборотней», по утверждению автора, является дискредитация руководства страны, Политбюро ЦК КПСС. Приводится ряд «примеров», в том числе и такой. Гдлян, дескать, стал «притеснять» Е. Лигачева в ответ на его твердую позицию по проблеме НКАО: «Конечно же политическая цель этих национал-экстремистов — подвести страну к пропасти обострения межнациональных отношений, а говоря прямо — развязать гражданскую войну в СССР», — подводит итог Ариф Мансуров.

Подведем его и мы. В каком государстве мы живем? Если верить автору книги, то в правовом, во всяком случае руководство страны и Азербайджана стремится к этому. Тогда закономерен вопрос: почему Ариф Мансуров продолжает издавать «научные труды» и до сих пор не привлечен к уголовной ответственности? Ибо содержачие его книги предусматривает такую ответст-

венность за разжигание межнациональной розни, оскорбление и клевету, соединенную с обвинением в совершении тяжких преступлений. После появления в свет его пасквиля прокурор Азербайджана (по месту совершения преступлений) либо генеральный прокурор СССР, если они действительно следят за законностью в республике и страны, обязаны были возбудить уголовное дело в отношении Мансурова и провести расследование. В любой демократической стране до конца дней своих пришлось бы выплачивать этому «ученому» миллионы долларов штрафа. Но не в нашей. И далеко не случайно расхваливает автор книги так называемую перестройку и руководство страны. Он хорошо знает позицию центра и убежден, что ни один волос не упадет с его головы! Что уголовные дела сегодня возбуждаются против лидеров национально-освободительных движений (Аркадий Манучаров, комитет «Карабах» и др.), против находящихся в оппозиции народных депутатов (профессор Т. И. Корягина и др.), иных инакомыслящих (генерал КГБ Калугин О. Д. и др.). Что вместо тюрьмы и штрафов получит он гонорар за свой «научный труд», будет иметь почет и уважение в кругу единомышленников, продолжит аналогичное «творчество». Сегодня его время.

Но пусть знают Ариф Мансуров и ему подобные, что демократические силы в стране укрепляют позиции и уже не за горами их победа, утверждение не мнимых, а истинных основ правового государства. А что это значит для Мансурова и других национал-provокаторов, разжигающих животные инстинкты и толкающих народы во вчерашний день цивилизации, думаю, объяснить не надо.

И последнее. Рядом с Гдлянком в числе «противников перестройки», как правило, упоминается и Иванов. И лишь автор книги постарался «забыть» о моем существовании. Случайно ли? Отнюдь. Слишком фамилия неподходящая, не вписывается она в розыгрыш «армянской карты». Вот если бы соратником Гдльяна оказался Иванян или хотя бы Оганесян! Какой простор открылся бы для «творчества» Арифа Мансурова, сколько новых «беспорных фактов» сообщил бы он читателям!

Так во всем ли виноват Гдлян? Конечно. Даже и в том, что в результате политики пантюркизма и геноцида армянского народа миллионы его представителей,

как и сам Гдлян, оказались разбросанными по всему свету и говорят на множестве армянских диалектов.

Н. ИВАНОВ,
народный депутат
Армянской ССР.
«Коммунист» 18 августа 1990
года № 182 (17069)

НА СТУПЕНЯХ БЕДЫ

Когда Галина СТАРОВОЙТОВА вышла из самолета, у трапа ее уже ждали автоматчики. Представители военного руководства области заявили народному депутату СССР, что если она немедленно не покинет Нагорный Карабах, то будет отправлена в филтрационный пункт, по сути, камеру предварительного заключения, где выясняется личность человека.

— Галина Васильевна, Карабах — ваша неутраченная боль. Но, насколько я знаю, в последний раз вам удалось побывать там в конце 1988 года еще с Андреем Дмитриевичем Сахаровым. Что привело сюда снова?

— Решение двух парламентов — российского и армянского, крайне обеспокоенным состоянием дел в автономной области, соблюдением там законности и прав человека. Об этом просили также мои избиратели в Ереване. А еще надо было передать для математической школы электронные калькуляторы. Потому что родина карабахских детей в блокаде, и они уже давно не видели никаких достижений цивилизации, кроме БТРов, танков, автоматов.

— Так почему все-таки вас задержали военные?

— Когда под конвоем меня привели к коменданту, а затем туда же явились еще несколько вооруженных офицеров, я тоже задала этот вопрос. Услышала в ответ: на основании Указа о чрезвычайном положении. Однако на депутата СССР ограничение права на перемещение по территории страны не распространяется. Тогда военные начали ссылаться на министра юстиции Азербайджана Оруджева, издавшего документ, который

явно противоречит закону о статусе депутата, ущемляет его права.

Как я потом узнала, на аэродроме начали собираться возмущенные моим задержанием люди. Для умирания невольного несанкционированного митинга готовились части спецназа. В маленькой душной комнатке мы находились уже несколько часов. Все это время комендант аэропорта вел телефонные переговоры. Все более нервничал и наконец прямо спросил «Вот сейчас она направится в Степанакерт. Что же мне ее за руки хватать, за платье?!» Хотя куда я могла двинуться из кольца мужчин с пистолетами и автоматчиков снаружи? Нет, физическое насилие ко мне не применяли, но реальная возможность подобного была.

— Вы не называете ни одной фамилии. Потому что не знаете их?

— Знаю. Но не называю сознательно. Эти люди в очень трудных условиях пытаются исполнить свой долг. И не их вина, что после соответствующей односторонней идеологической обработки они живут, будто на чужой земле, постоянно ожидая нападения со стороны армян, что их плохо кормят, снабжают. Но все же, несмотря на мое сочувствие к ним, не могу не отметить непрофессионализм армии. Практически в одно время со мной Нагорный Карабах посетил зарубежный корреспондент, естественно, не афишируя свою поездку, и беспрепятственно получил необходимый ему материал.

— А вы так и не смогли выполнить намеченную программу?

— Я уже находилась у коменданта Степанакерта, когда позвонил Президент Азербайджана Муталибов—мод, обстановка в республике,—узнавший (откуда?) о моем визите в Карабах,—накаляется. И хотя я не рекламировала предстоящую рабочую поездку, пообещала, войдя в сложность положения Президента, ограничить ее сутками.

— Ваше впечатление после посещения Карабаха. Заметно ли хоть малейшее улучшение ситуации?

— Положение гораздо хуже, чем в начале конфликта. Невольно вспоминается история перехода Брита-

ской империи в Британское содружество. В 1948 году, после резолюции ООН об образовании государств израильского и палестинского, протекцию над этой территорией еще сохраняла Англия. Она ушла, не решив многолетней распри между противоборствующими сторонами. Но сами участники конфликта не могут его решить в принципе.

— Говоря об Англии, вы проводите параллели с нашей ситуацией?

— Конечно. Центр готов умыть руки, вывести войска; сказав: разбирайтесь сами. Как депутат российского парламента и как мать я понимаю эту позицию. Однако как же быть с федеральными обязательствами? Какие в таком случае преимущества по сравнению с национальной независимостью дает вхождение в состав СССР? И вообще у меня ощущение, что в центре постепенно складывается мнение: Арменией можно и «пожертвовать». Имею в виду ее выход из Союза. С ней слишком много проблем.

У нас замалчивается кровопролитие в Закавказье и в Средней Азии—это стало обычным делом. Можно сделать вывод, что цена человеческой жизни там и в европейской части страны становится различной. А это типичный колониальный менталитет. Имперское сознание и имперская политика продолжают. Да, наши солдаты не должны гибнуть под пулями за Кавказскими горами. Но многовековая империя обязана нести определенный груз ответственности за то, что происходит в ее пределах.

— Недавно я беседовал со вновь избранным Председателем Верховного Совета Армении Левом Тер-Петросяном, и он сказал, что армию из Карабаха необходимо вывести. Вы же, похоже, настаиваете, что она должна там остаться?

— Ни в коем случае. В НКАО необходимо восстановить Советскую власть. Пока же генерал Сафонов создал там такой же жестокий репрессивный режим, какой во время военного положения создал в Ереване генерал Макашов. Между тем законность в Карабахе грубо попирается. В частности, насильственно изменя-

ются демографические пропорции населения, из отдельных сел люди попросту депортируются.

Войска из Нагорного Карабаха надо убирать. Но на границы Армении и Азербайджана ставить заслоны между конфликтующими сторонами. И по периметру Карабаха. А также в отдельных взрывоопасных точках, где достаточно близко друг от друга живут армяне и азербайджанцы. Конечно, обеспечив армию всем необходимым.

— Согласен с вами в том, что подобными мерами в какой-то степени конфликт можно пригасить, но не затушить.

— Безусловно, силовое давление проблем не убавит. Поскольку нет политических решений, идет вялая, тихая, замалчиваемая гражданская война. На сегодня реальным, считаю, остается один общедемократический путь — отказ от четырехступенчатого деления народа на сорта, от разных форм национальной государственности. Необходимо раскрыть так называемую русскую матрешку, когда одни народы почему-то помещены внутри государственных образований других народов, зачастую далеких от них и по религии, и по традициям, и по культуре. Следует реализовать прямые связи всех этих образований на центр: минуя промежуточные инстанции.

Ливан, Афганистан, Карабах — увь, это надолго. Генетическая память о пролитой крови быстро не исчезает. Что касается Нагорного Карабаха, большие надежды возлагаю на предстоящие в конце сентября выборы нозого парламента Азербайджана. Думаю, будет законодательно оформлен реальный политический плюрализм, существующий в республике. Там есть здоровые силы, с которыми можно сесть за стол переговоров.

Беседу вел

В. КИСЕЛЕВ

«Московские новости» № 34,
1990 г.

ВЫСТУПЛЕНИЕ ПОДПОЛКОВНИКА ИЩУКА АЛЕКСАНДРА СЕРГЕЕВИЧА ПО АРМЯНСКОМУ ТЕЛЕВИДЕНИЮ

Зимой этого года я баллотировался кандидатом в народные депутаты России. Сильнейшим побудительным мотивом вступления в борьбу за мандат народного депутата РСФСР явилась та картина, я считаю, позорная картина, когда на первом Съезде народных депутатов СССР в мае 1989 года генерала Родионова призывали с трибуны к ответу за действия войск в г. Тбилиси. Я понял, что сегодня, когда решается вопрос о власти не только в стране, но и в республике, в РСФСР, очень важно, кто придет к власти, какая власть завтра отдаст команду применить силу против своего народа, какая власть, как в случае с Родионовым, послезавтра откажется от нас и какая власть послезавтра объявит врагами народа военных.

Вот этот сильнейший побудительный мотив и подвинул меня на борьбу за мандат народного депутата России. Я потерпел поражение. В предвыборной платформе одним из главных пунктов я определял разработку и принятие закона о внутренних войсках, в котором, по моему мнению, необходимо было бы запретить использование внутренних войск в разрешении межрегиональных конфликтов на межнациональной почве до тех пор, пока не использованы все меры политического характера. В случае с Нагорным Карабахом я считаю, что в 1988 году была упущена возможность решения проблемы политическими мерами.

Тогда говорили, что нет прецедента. Сегодня этот прецедент есть — образование союзной республики Татарстан. Значит, можно было и в 1988 году решить проблему образования автономии или республики, или союзной республики с подчинением центру.

И тогда не затянулось бы решение этой проблемы на долгие 2,5 года. Мне на предвыборных встречах задавали вопрос: как я вижу решение проблемы Нагорного Карабаха? Я тогда отвечал, что именно так вижу решение этой проблемы.

Будущее нашей страны мне видится страшным, карта Родины в пятнах режимов чрезвычайного положения.

Офицеры внутренних войск за 2,5 года прошли в горячих точках страны хорошую подготовку в различных должностях.

Мне в Нагорном Карабахе в этом году выпала необходимость выполнять обязанности коменданта телерадиоцентра, а в последние дни офицеры политотдела комендатуры в НКАО по контролю за средствами массовой информации. Выполнение обязанности коменданта телерадиоцентра привело к необходимости изучить эту проблему. В каких условиях работает телерадиоцентр, в каких условиях находятся средства массовой информации? Сейчас я могу аргументированно рассказать об этом.

Я пытался склонить нескольких корреспондентов к тому, чтобы они подготовили материал. Я считаю, что это — взрывоопасный материал, и тема которого — «Средства массовой информации в условиях чрезвычайного положения». Как они живут, как им приходится жить в этих условиях? Не только средствам массовой информации, но и людям, которые работают в этих средствах массовой информации.

Но вот для меня было непонятно: я комендант радиотелецентра, коллектив которого отстранен от работы. Кого контролировать? Оказалось, нужно контролировать работу группы сотрудников Гостелерадио республики, приезжающих из Баку в командировку и ведущих вещание на область. Почему так получилось? Потому что в январе с введением режима чрезвычайного положения в Нагорном Карабахе стало ясно, что средства массовой информации — это мощное оружие. Кто имеет или владеет ими, тот имеет возможность влиять на сознание людей. Видимо, исходя из этой предпосылки в январе этого года с введением режима чрезвычайного положения телевидение области прекратило свое существование. Ситуация такая, что здесь, в городе Степанакерте, находится телецентр, а ретранслятор находится в Шуше. Буквально выключением гумблера можно прекратить передачи степанакертского телевидения.

С телевидением понятно, а с радио? Ведь радио можно здесь организовывать в городе Степанакерте. И не нужно опасаться, что в Шуше отключат его. Но в начале февраля военная комендатура, по сути дела, отстранила коллектив телерадиоцентра от ведения пере-

дач. Я не смог найти документы в военной комендатуре, которые определяют законность или правомерность этой меры, когда коллектив отстранен, караул, который находится на 1-м этаже телерадиоцентра, обеспечивает вещание работникам Гостелерадио Азербайджанской ССР. Но, видимо, люди, которые ответственны за эти акции, понимали, что необходимо подготовить соответствующие документы. Так рождается 7-го марта с. г. приказ председателя Гостелерадио Азербайджанской ССР об освобождении от должности председателя Комитета телерадиовещания области Согомояна Г. С. в связи с тем, что он не выполнил ранее изданный приказ о том, что Комитет по телевидению и радиовещанию области является структурным подразделением Гостелерадио Азерб.ССР. Причины найдены, далее, естественно, коллектив не примет этот приказ и не согласится с освобождением от должности председателя Комитета по телевидению и радиовещанию тов. Согомояна, и можно будет объяснить, почему коллектив отстранен от теле- и радиовещания на область. В мае месяце появляется приказ Гостелерадио, который несколько смягчает формулировку об освобождении тов. Согомояна. Приказ гласит: освободить в связи с уходом на пенсию. Но тем не менее создается предпосылка и ряд объяснений к тому, что коллектив не работает, «якобы не работает». На самом деле, как стало мне известно в беседе с представителем Гостелерадио Азерб.ССР, все это формальные причины. Комитет по телевидению и радиовещанию, телецентр НКАО закрыли не для того, чтобы открыть для работы. Как в этих условиях выглядит действие комендатуры района чрезвычайного положения?

12-го февраля с. г. издается приказ коменданта района чрезвычайного положения, который определяет контроль, установление контроля за средствами массовой информации. Противоречит это закону? Нет. В указе о введении чрезвычайного положения в НКАО от 15-го января с. г., затем и в Законе «О правовом режиме чрезвычайного положения» есть такой пункт. Например, в Законе «О правовом режиме чрезвычайного положения» это пункт 14, ст. 4, который гласит: устанавливать контроль за средствами массовой информации. В чем заключается контроль? Согласно приказу комендантского района чрезвычайного положения № 27 от 12 февраля

контроль выглядит следующим образом. Устанавливается порядок радиопередач, для радио с 7 часов 15 минут до 8.00 и с 13.00 до 14.00, с 20 до 21.00 понедельник, вторник, среда, четверг, пятница, суббота, воскресенье, в воскресенье — 17.00 ч. 17.30—18.30. Прямой эфир исключается с тем, чтобы можно было контролировать, что записали на радио. Этим же приказом я был назначен на должность коменданта телерадиоцентра. Если вдуматься в смысл приказа, то приказ определен для работающего телецентра. Но как можно контролировать средства массовой информации, если коллектив отстранен от ведения радио- и телепередач? Словом, формальность. Учитывая, что коллектив не признал приказ председателя Гостелерадио Азерб.ССР об освобождении тов. Согомоняна от обязанности председателя комитета, комендантом района чрезвычайного положения в мае месяца был издан приказ, который в общем-то перефразировал приказ Гостелерадио Азерб.ССР, и уже тов. Согомонян уволен по приказу коменданта.

Естественно, коллектив не принял и это. Для меня было важно установить, в компетенции ли комендатуры открыть телецентр, возобновить его функционирование. После двух месяцев напряженной работы (июль, август) я решил, что это не входит в компетенцию комендатуры. Тогда кто может решить этот вопрос? Ясно, что Гостелерадио Азерб.ССР откажется от его решения. Может быть, Гостелерадио СССР может решить этот вопрос? За подписью тов. Ненашева мы получили телеграмму о том, что Комитет по телевидению и радиовещанию НКАО является структурным подразделением Азерб.ССР, т. е. тов. Ненашев дал понять, что этот вопрос должны решать здесь, в республике. Тогда вместе с комендантом по газете «Советский Карабах» И. М. Железко мы обратились к командующему внутренними войсками МВД СССР генерал-полковнику Шаталину с вопросом: как быть, если комендатура сегодня через контроль средств массовой информации — телевидения, радио и газеты настолько «вошла» в область политики, что необходимо положить этому предел. Выслушав наши доводы, командующий внутренними войсками МВД СССР генерал-полковник Шаталин высказался по проблеме так: коллектив телерадиоцентра должен приступить к работе, население области должно слушать мест-

ные радиопередачи и смотреть местные телепередачи. Контрольные функции комендатуры должны заключаться в том, чтобы не допустить нарушения Закона о печати, в частности, ст. 5-й, а также ст. 9 Закона «О правовом режиме чрезвычайного положения», где говорится, что за распространение провокационных слухов, за действия, побуждающие к нарушениям правопорядка; действия, направленные на разжигание межнациональной розни, применяются штрафные санкции в виде штрафа до 1000 руб. или административного ареста до 30-ти суток и не более. Вот чем должна заниматься комендатура, вот в чем должны состоять контрольные функции по отношению к телевидению и радио области. Казалось бы, разъяснения получены и должны вступить в силу. На сегодняшний день, а эта запись производится 5 сентября с. г., первые шаги в изменении контрольной функции комендатурой сделаны по отношению к газете. Если раньше, будем говорить до 29 августа, комендант газеты как цензор просматривал все материалы, которые готовились к публикации, и своей рукой вычеркивал и изымал материалы, которые, по его мнению, разжигали межнациональную рознь, провоцировали население на нарушение правопорядка или же распространяли слухи, то теперь, в соответствии с Законом о печати, цензура не допускается. Поэтому военная комендатура осуществляет контрольные функции следующим образом. Ведется контроль за опубликованными материалами в газете «Советский Карабах», и если в данных материалах усматриваются нарушения ст. 5 Закона о печати, а также ст. 9 Закона «О правовом режиме чрезвычайного положения», тогда составляется протокол и направляется в суд, начальнику УВД или его заместителям, или коменданту. Принимается решение по составлению протокола и применению штрафных санкций к средствам массовой информации. Я думаю, недалек тот день, когда и телецентр будет работать по такому же принципу. Мы уже говорили об информационной блокаде по отношению к населению НКАО со стороны официального руководства Азербайджана. Я довольно-таки подробно изложил, в чем это проявляется: местное население не может смотреть свои телевизионные передачи, передачи из Еревана привимаются не всеми радиоприемниками, радиовещание ведется работниками радиотелецентра г. Баку. А

разве это не информационная блокада, когда информация из НКАО ограничивается в другие республики и в центральные средства массовой информации? Возьмем хотя бы следующий пример: произошла авиакатастрофа 1-го августа с. г., погибли люди, на место авиакатастрофы смогли добраться только лишь корреспонденты Азеринформа. Ни корреспонденты ТАСС, ни корреспонденты других средств массовой информации не смогли там побывать. А ведь нужно было дать людям правдивую информацию, дабы пресечь слухи.

Сегодня завершается моя командировка в НКАО. Как мне видится развитие ситуации в данный момент? Я считаю, что ситуация в Нагорном Карабахе на сегодня взрывоопасная, сложная, она чревата непредсказуемым развитием событий. И это предопределено той предвыборной борьбой, которая развернута в Азерб. ССР между двумя основными силами — Народным фронтом Азербайджана и официальными структурами власти. НФА, обвиняя официальные органы власти Азербайджана в том, что они не способны решить проблему Нагорного Карабаха, всячески стремятся взорвать обстановку в Нагорном Карабахе. Как это делается? Проводятся специальные операции с привлечением сил отрядов милиции особого назначения. Я не могу утверждать, что отряды милиции особого назначения Азербайджана в основном укомплектованы из бывших боевиков, но тем не менее действия, которые были предприняты в Фарухе Аскеранского района, очень напоминают действия азербайджанских боевиков в январе этого года. В частности, обозленные тем, что не удалось изъять оружие, омовцы избили нескольких армян и таким образом отомстили за свою неудачу. На границе между Агдамским и Аскеранским районами была попытка выставить КПП из гражданских вооруженных лиц. Кто это такие? Кто их вооружил, кто дал право? Только внутренним войскам дано право выставлять КПП. Это — Народный фронт. С другой стороны, официальные органы власти Азербайджана, заигрывая с Народным фронтом, пытаются убедить и их, и народ, и всю общественность в том, что они способны решить проблему Нагорного Карабаха. И делают для этого определенные шаги. Ну, например, расформирование районных комитетов партии. Если в Гадрутском районе

это прошло относительно мирно — орган компартии был расформирован в районе и образовано оргбюро из представителей, направленных из Баку, которых не принимает местное население, то в Шаумянском районе эта акция расформирования райкома партии была, к сожалению, проведена с помощью внутренних войск МВД СССР. Другие шаги, которые предпринимает официальные органы власти Азербайджана по отношению к НКАО — это и изменение демографической ситуации в пользу азербайджанского населения. Как это делается? Путем строительства жилья, предприятий. Предпринимаются попытки изменить процентное отношение армян и азербайджанцев в НКАО.

Армянский народ НКАО с возмущением воспринимает действия и НФА, и официальных органов власти. Горячие головы (они, не будем скрывать, есть в НКАО) зовут к оружию, ибо считают, что в конечном итоге Азербайджан выйдет из состава СССР и тогда все равно придется вести вооруженную борьбу, так лучше ее начать сегодня. Я должен сказать, что есть в НКАО и здравомыслящие силы, которые считают, что вооруженный путь — это не путь решения проблемы, и задачу перед собой ставят другую — проведение выборов в органы власти и через законно избранные народные органы власти решение проблемы НКАО. Как в этих условиях внутренние войска себя чувствуют? Я должен сказать следующее: для того, чтобы остановить действия НФА, у внутренних войск, дислоцированных в Нагорном Карабахе, видимо, сил на сегодняшний день недостаточно. Сил тем более недостаточно, чтобы остановить действия официального руководства Азербайджана. Тогда возникает вопрос: что же делать? Я глубоко убежден, что отменять режим чрезвычайного положения, выводить внутренние войска в сегодняшней ситуации — это безрассудство. Почему? Отмена режима чрезвычайного положения, вывод внутренних войск из НКАО взорвет ситуацию, которая сегодня складывается в Армении. А мы знаем, там избрана законная власть, она набирает силу, она принимает меры для расформирования АНА, других вооруженных организаций, а значит, снимается угроза для Азербайджана, а значит, нужно прекратить все те возгласы, крики об агрессии Армении по отношению к Азербайджану. Далее. Сня-

тие режима чрезвычайного положения, вывод внутренних войск из НКАО, я считаю, взорвет и ситуацию, которая складывается сегодня в НКАО, ибо проникновение вооруженных азербайджанских формирований на территорию НКАО и действия против армянского населения вызовут противодействие. Это будет гражданская война, это будет страшное кровопролитие.

И наконец. Снятие режима чрезвычайного положения, вывод внутренних войск из НКАО взорвет обстановку и в самом Азербайджане. Я думаю, это взорвет обстановку и в Союзе в целом.

«Советский Карабах», 14 сентября 1990 г. № 192 (2623).

НАДЕЖДА? БЕЗНАДЕЖНОСТЬ? БЕЗ ПРАВА НА ЗАЩИТУ?

«Я гляжу на фотокарточку...»

БУЛАТ ОКУДЖАВА.

Два с половиной года пылает и исходит кровью Закавказье. 6 миллионов азербайджанцев, живущих на территории 86 тысяч квадратных километров и 3 миллиона армян — на территории — 30 тысяч квадратных километров забыли о мире. Из-за чего? 157 тысяч армян Нагорного Карабаха с территорией 4 тысяч квадратных километров проявили свою волю — решением сессии Областного Совета 20 февраля 1988 года потребовали права воссоединения со своим народом. С тех пор мы войну называем конфликтом, действиями экстремистов, бандитов, но только не войной. Сильного против слабого. Права с насилием, Карабах начал с права, Азербайджан — с насилия.

Ровно через неделю, после окрика из Москвы на Областной Совет Карабаха, начался погром в Сумгаите и шел три дня — 26, 27, 28 февраля. Армяне надеялись на правосудие и гласность. Получили кровь в Звартноце, где, говорят, командовал, ставший теперь известным, генерал Макашов, и поток неправды по телевидению и в прессе. Под ее шум родилось миллионное движение в Азербайджане в защиту «священной рощи» в Топхане.

Мы с Андреем Дмитриевичем были там и убедились, что рощи никогда не было, но неподалеку от ущелья, за городом Шуша стоят дачи азербайджанского истеблишмента. За бакинскими митингами последовали погромы армян в Кировабаде и других районах Азербайджана. И поток беженцев-армян. В конце ноября 1988 года армяне не выдержали и стали выгонять азербайджанцев из Армении. Установилось равновесие новой беды — 230 тысяч беженцев-армян и почти столько же беженцев-азербайджанцев.

Землетрясение. Стресс у всех армян. И еще полмиллиона бездомных. Войска, введенные в Армению, в Ереван, где сроду не было насилия. Азербайджанцы разрушают азербайджано-иранскую границу, идет поток оружия в Азербайджан. Потом азербайджанская блокада Карабаха и Армении. Разворованная международная помощь ей. Кровавый январь 1990 года в Баку. Армия, которая упорно не желает разделить враждующих, но начинает насильственную депортацию армян из Карабаха под предлогом того, что не сможет их защитить. И формирование армянских отрядов самообороны. В ответ на сотни изнасилованных, на трупы женщин и девочек, во влагалище которым загнаны водопроводные трубы, на то, что людей заворачивали в ковры, обливали бензином и жгли. Потеряв надежду на чью-либо помощь и защиту, армяне теперь надеются только на себя. Не честный бой, в котором будут убитые, но не безропотные жертвы. Вы можете предложить им что-либо другое?

Что сделало правительство за эти годы? Объявило недействительным решение февральской сессии областного Совета Карабаха. Это означало защиту сталинской Конституции и пренебрежение правом народа на самоопределение. Раставив по разным областным судам арестованных за Сумгаит, скрыло от страны их чудовищные преступления. Пренебрегло всеми аргументами армян на Президиуме Верховного Совета СССР летом 1988 года. Ввело режим особого правления, но фактически оставило Карабах в подчинении Азербайджану. Арестовало членов комитета Карабах, единственных людей, которым доверяла потрясенная землетрясением Армения. В Карабахе разогнало комитет Крунк и одного из его лидеров полтора года продержало в тюрьме. Оказалось бессильно вместе со всей армейской нашей

мощью противостоять разрушению границы и блокаде. Правда, извлекло урок и блокаду сумело позже применить против Литвы. Куда как правовое государство! В Сумгаите опоздало с войсками на три дня, а в Баку уже на шесть, да еще армия действовала так, что добавила к сотням убитых в дни погромов сотни погибших азербайджанцев. Обещало восстановить за два года разрушенное землетрясением (до срока осталось четыре месяца), восстановлено всего — ничего. Не сумев или не захотев разрешить азербайджано-армянские противоречия парламентским путем, испугавшись их, правительство само открыло путь насилия не только в этом регионе, но везде — все поняли, что оно озачочено только властью, а не судьбами людей и народов.

Почему я пишу об Армении? Ведь кровь и в Средней Азии — тоже кровь, а не вода? Не потому, что речь идет о судьбе целого народа. И не потому (пусть меня кто-то не простит), что речь идет о христианском народе. Но потому что нигде так не проявлялась тенденция центра не защищать слабого, что является главнейшей обязанностью всякого правительства, а помогать сильному. Как только насилие в отношениях Азербайджан — Армения стало двусторонним, вся политика центральной власти приобрела откровенно антиармянский характер. Уравнивание жертвы и палача поражало. И все еще хотелось думать — это ошибка, неумение, страх. Но только не сознательная политика. Последние недели перечеркнули слабо тлевшую надежду. Не успел закрыться XXVIII съезд, как на экране нашего телевизора появился до того мало кому известный человек по фамилии Ревенко. Оказалось — новый член президентского совета. Для первого знакомства он сообщил, что президентский совет (сиречь он лично!) поступил к созданию нового союзного договора. А как же республики? Разве не они будут решать, какие функции им отдать наверх? Как с Конституционной комиссией Съезда народных депутатов СССР? О ней забыли? И впопыхах не подумали, что такой способ создания союзного договора только оскорбит все «великая и малая и белая» и прочие народы нашего уже, хочешь не хочешь, бывшего Союза, лишит надежды на самостоятельное решение судьбы все автономии от Тувы до Коми, от Бурятии до Карабаха. Сегодня 3 августа одумались — сообщили, что

Верховные Советы республик начали принимать участие в консультациях. Об автономиях пока не было сказано ни слова.

За «явлением» Ревенко — подошли 25 июля и Указ Президента Союза Советских Социалистических Республик «О запрещении вооруженных формирований, не предусмотренных законодательством СССР, и изъятии оружия в случаях его незаконного хранения». Против кого этот Указ? Против Прибалтики, идущей своим путем? Против Белоруссии, отменившей действие ст. 73 Конституции СССР, на основании которой указ издан, на своей территории? Против Молдавии, Украины, Средней Азии? Или, может, против Азербайджана, чей Верховный Совет уже одобрил его, да так быстро, что создалось впечатление — не сговорились ли они — Президент и азербайджанский Верховный Совет? Для изъятия оружия у мафии и бандитов указ не нужен. Вооруженные формирования, которые сами себя так называют, есть только у армян. Указ этот против них. Но оружия армянские фидайны не сдадут. И уже открыто заявили об этом. Не сдадут, потому что их предали, а у преданных народов рано или поздно приходит чувство, что «лучше умереть стоя, чем жить на коленях». А если не приходит, то значит, это — не народ.

Ну вот! Написали об армянах, у которых почти миллион бездомных, камни вместо земли и надежда только на самих себя. Об Азербайджане, погибающем в нищете, как все мусульманские республики, и в озлоблении, культивируемом его правителями — алиевыми, везировыми, сегодняшними. О центральной власти. А мы? «Москва моя, ты самая любимая», «Петербург, Петроград, Ленинград», «Россия, нищая Россия»? Мы? В первое время потрепыхались в «Московской трибуне». Были какие-то статьи, слова, потом хором замолчали. Межрегионалка ни разу не заикнулась. Вольнолюбивая Прибалтика сочла, что от нее это далеко. Наша хваленая гласность? Я напому только Андрея Дмитриевича. В марте 1988 года — отдал в «Московские новости» открытое письмо М. С. Горбачеву о Карабахе и крымских татарах — до сих пор полностью не напечатано. В мае интервью «Пятому колесу» — сказанное о Карабахе в эфир не попало. Вы все слышали на Верховном Совете за две недели до его смерти слова Сахарова: «Для Азербайджана Кара-

бах — вопрос престижа, для Армении — это вопрос жизни!» Слышал их, но не услышал и Председатель Верховного Совета — ныне Президент.

У меня сотни писем и тысяч телеграмм. Самые частые слова, обращенные к Андрею Дмитриевичу: «стыдно» и «прости нас». Стыдно, что не защитили, не поддержали. Прости за это. Не будет ли нам всем стыдно? Не будем ли мы, когда свершится трагедия, говорить полууничтоженному или вновь рассеянному по миру армянскому народу «прости нас», а себе «стыдно»? Ведь до чего мы — молчаливники-соучастники дошли, когда лучшие из нас, наши депутаты могут сказать об армянах-беженцах — пусть едут в Армению, Россия для русских. Дошли до того, что за годы молчанием и неправдой довели свою Россию до ненависти к армянам — это мы демократы-либералы так подыграли правительству в его неправой политике. Вторую неделю после указа я смотрю на эту фотографию. Это тоже армянские фиданьи. Год 1916-й. Но царскому правительству не пришло в голову их разоружать. А может, даже давали оружие, чтобы им не пришлось, добывая его, убивать русских солдат. Слева стоит мой отец, Сидит Микоян. Они защищали свой народ, бедных и богатых, женщин, стариков, детей. Потом устанавливали Советскую власть — в Баку, Грузии, России, Армении. Потом ее защищали. Мой отец лютой зимой где-то в горах на Семеновском перевале. А стоило ли ее устанавливать и защищать, если она отняла у народа последнее право — право на защиту? У меня спрашивают, какое мне до всего этого дело? Но как быть, если я не могу снять с себя ответственность за то, что делал мой отец и его соратники. За власть, которую вольно или невольно они установили.

Со мной как в дурном романе. Еще не кончила писать эту статью, как Ирак оккупировал Кувейт. Какое мое дело? Опять сильный бьет слабого. А я соучастница. Господи, да не в переносном, а в прямом смысле. Тридцать лет назад я — врач — участвовала в оспопрививальной кампании в Ираке. Да не где-нибудь, а в Иракском Курдистане. Курды требовали автономии. Багдад ответил им приказом о разоружении. И наши советские танки — родные Т-тридцатьчетверочки — давили курдское сопротивление. А чтоб впредь было неповадно, потом еще добавили ОВ. Ладно — газ был не наш, кажет-

ся, французский. Только курдам от этого легче не стало. А после Курдистана, уже в Багдадском госпитале я выхаживала арабских ребятишек — сегодняшних солдат этой безумной страны, у которой нашего оружия хватит не то что на весь Ближний, но и на Дальний Восток. Боль за Кувейт. И страх, что под шум этой всемирной трагедии (смотрите и слушайте сегодняшние двадцатилетние — все было по такому же сценарию в 1968 году, когда наши танки оказались в Праге и в канун 1980 года, когда Советская Армия вторглась в Афганистан) наши активисты по разоружению — не ядерному и общемировому, а местного, домашнего значения — зальют кровью Армению.

Каждый день в газетах натываюсь на ставшее уже штампом словосочетание «архитектор перестройки». И каждый раз вздрагиваю, вспоминая новостройки зоны землетрясения, которые погребли под своими обломками тысячи людей. Не строи ли мы что-то столь же халтурное и столь опасное? И увидит ли когда-нибудь снова наш архитектор и наш Президент миллионный митинг, подобный февральским 1988 года в Ереване, с транспарантами «Горбачев — Да»?

5 августа 1990 года.

ЕЛЕНА БОННЭР

Постскриптум. Статья была написана месяц назад. Никто ее не взял. Вежливо сказали — чересчур эмоциональна. А можно писать о несправедливости без эмоций? И зачем?

За месяц произошло многое. В Армении новый Верховный Совет, новый его Председатель, новое правительство. Что-то понял и Президент СССР, продлив действие своего указа на два месяца. Часть фиданьев присягнула Верховному Совету Армении, часть их была разоружена самими армянами. Говорят, что по Еревану снова можно ходить спокойно, не боясь случайной или неслучайной пули. Но в Карабахе власть армии. Недавно туда с трудом пустили народного депутата. А независимых корреспондентов давно и прочно не пускают. Нарушается, а временами полностью прекращается азербайджанской стороной авиационная связь Армении и Карабаха, при том, что железнодорожная связь давно

стала фикцией, а по шоссе проехать — почти то же, что добровольно поставить себя к стенке. И по горным дорогам ездят армейские бронетранспортеры, с которых на русском языке раздается призыв-предупреждение армянам покинуть Карабах. И последние известия: под эгидой газеты «Московские новости» представители Верховных Советов Азербайджана и Армении садятся за стол переговоров. Надежда? Безнадежность? Поиск справедливости?

10 сентября 1990 г.

ЕЛЕНА БОННЭР
«Голос Армении», 21 сентября
1990 года.

НАГОРНЫЙ КАРАБАХ: МЕДЛЕННЫЙ ВЗРЫВ

Из всего узла проблем, затянувшегося вокруг Нагорного Карабаха, мы представляем сегодня одну — чрезвычайное положение и права человека. О ситуации в Степанакерте рассказывают члены общества «Мемориал».

«Июньским вечером мы, соседи, сидели в беседке у себя во дворе. Время было 21.55, оставалось еще 5 минут до комендантского часа. Нас вдруг окружили автоматчики. Подталкивая автоматами, повели к машине... Привезли нас на площадь под памятник Шаумяну... Там уже было человек 35—40. В это время пошел сильный дождь. Всех заставили сидеть на корточках с руками, заложенными на затылок. А мне солдат приказал лечь на землю. Я думал, он шутит. Говорю, мол, паспорт и другие документы намокнут. Но солдат подтолкнул меня автоматом. Мне, пожилому человеку, пришлось из страха за свою жизнь лечь прямо в лужу. В таком состоянии меня и еще двоих держали полчаса...»

Рассказывает житель Степанакерта Б. Р. Балаян. Его однофамилец А. А. Балаян, бывший там же на площади, добавляет такую деталь: молодой парень, отшучиваясь от унижения и намекая на дождь, сказал: «Сауна». Его потащили за БТР, избили дубинками, приволокли назад и заставили лечь в лужу лицом вниз (там уже лежали двое)...

Получив возможность реально влиять на дела в своих регионах, мы постепенно перестаем реагировать даже на трагедии в соседнем доме. Это относится и к Нагорному Карабаху. Между тем НКАО, где насилие стало фоном жизни, где действует новый закон о чрезвычайном положении, должна интересовать нас не только из сочувствия. Мы можем увидеть здесь, что такое порядок, установленный силой.

Этим летом мы, наблюдатели от общества «Мемориал», отправились в Нагорно-Карабахскую автономную область. Из «дорожных впечатлений» главное то, что из Армении в Нагорный Карабах проехать нельзя: шоссе Горис—Лачин заблокировано внутренними войсками. Аэропорт Еревана, забитый невольными многосуточными его обитателями, за день отправляет в Степанакерт не более семи пассажирских самолетов. Таково распоряжение коменданта района чрезвычайного положения генерал-майора В. Н. Сафонова. Со стороны Азербайджана путь в Нагорный Карабах свободен.

Первые впечатления в самом Степанакерте: солдаты с автоматами проверяют багаж, вооруженные патрули на улицах. БТР с расчехленными пулеметами разъезжают по городу; здание распущенного обкома превращено в военную комендатуру; тихий, удивительно уютный южный городок, запах цветов, разлитый в воздухе, неторопливость и приветливость жителей; абсолютная пустота в продовольственных магазинах. Жители как будто не замечают военных, но вот подвыпивший гражданин начинает кричать что-то патрулю, и вскоре его увозит военная машина. «Получит скорее всего 30 суток», — объясняют нам.

За внешним спокойствием — страшная напряженность, нервы на пределе и у гражданских, и у военных. Уже больше полугода все живут в условиях чрезвычайного положения, а это значит: комендантский час, запрещение массовых мероприятий (театр, кино, футбол, не говоря уже о митингах или демонстрациях), запрет находиться вне дома без удостоверения личности, проверка паспортного режима на квартирах, контроль над средствами массовой информации, ограничение въезда и выезда, досмотр транспортных средств и многое другое. Как ведут себя в этих условиях военные? Соблюдаются ли при чрезвычайном положении гражданские права?

СУД ВЕРШАТ ПОЛКОВНИКИ

Военные — внутренние войска, курсанты высших школ милиции, оперативно-следственная группа, приданные им воинские части — оказались едва ли не главной властью в регионе, где существуют два органа, претендующие на роль законной гражданской власти: Совет народных депутатов НКАО и Республиканский оргкомитет по НКАО. Они возникли после принятия 28 ноября 1989 года ВС СССР постановления, упраздняющего Комитет особого управления, которое гласило: «Создать на паритетных началах с НКАО республиканский оргкомитет и восстановить деятельность Совета народных депутатов НКАО 20-го созыва и его исполнительного комитета...» Президиум ВС Азербайджана выполнил первую часть постановления (правда, от НКАО в оргкомитет никто не вошел), а вторую выполнить отказался. Сессия Совета народных депутатов НКАО выполнила как раз вторую часть постановления. Но ни облсовет, ни странный оргкомитет, сочетающий функции партийной и государственной власти (он руководствуется в своей деятельности Уставом КПСС!), не осуществляют реально властных функций. 15 января в НКАО было объявлено чрезвычайное положение. Закон в этом случае предоставляет чрезвычайные полномочия органам государственной власти и управления, но не указывает, каким именно.

В день нашего приезда в Степанакерт стало известно, что в районе чрезвычайного положения (включающего кроме НКАО прилегающие к области Азербайджанской ССР) новый комендант — генерал-майор Г. А. Малюшкин (с 1 августа этот пост вновь занял В. Н. Сафонов). Мы попросили его о встрече и спросили прежде всего о том, какой орган на данный момент является органом государственной власти в НКАО. Вот его ответ:

«Государственной властью является правительство Азербайджана. Организационный комитет по НКАО представляет правительство Азербайджана, деятельность которого направлена на стабилизацию обстановки в НКАО. Ведется конкретная работа по обеспечению нормальной жизнедеятельности населения, а комендатура обеспечивает общественный порядок... Облсполком расформирован... Главная задача — не допустить крово-

пролития, обеспечить жизнь и безопасность людей... Мы сторонники концепции — максимум законности и минимум насилия...»

Многочисленные встречи и знакомство с документами показали нам, что это, к сожалению, только слова.

Начнем с самого заурядного в НКАО — с административных наказаний. Решением генерал-майора В. Н. Сафонова людей штрафовали на 500—1000 рублей только за то, что они отправили телеграммы в Верховные Советы СССР и Армянской ССР о творящихся беззакониях. Ежедневно задерживаются десятки людей, арест за малейшее нарушение, как правило, не менее 15 суток, штрафы гигантские, тысячные. Единственное дело об административном аресте, к которому был допущен адвокат, обнаружило картину вопиющего безразличия к закону.

25 мая Юрий Бахшиевич Нерсесян, генеральный директор Нагорно-Карабахского редакционно-производственного объединения, был освобожден от занимаемой должности приказом начальника штаба комендатуры особого района НКАО полковника Овчинникова. Сам такой приказ противоправен, так как подобное увольнение — прерогатива органа государственного управления. Нерсесяна вызвали в комендатуру для ознакомления с приказом. Он отказался поставить на приказе свою подпись и был тут же арестован, 30 суток. Из рапортов, на основании которых Нерсесян был задержан, следует, что виновен он только в несогласии с приказом. В деле отсутствует письменное объяснение Нерсесяна и — что всего удивительнее — постановление об административном аресте. Основания ареста остались загадкой для адвоката, которому, кстати сказать, не дали вопреки закону ознакомиться со всеми материалами дела.

Юрий Бахшиевич серьезно болен. После двух дней содержания под стражей он был госпитализирован в областную больницу, где пробыл целый месяц. Диагноз: ишемическая болезнь сердца, постинфарктный кардиосклероз, стенокардия. Врачебная комиссия направила его для продолжения лечения в НИИ кардиологии Армянской ССР. Но стоило Нерсесяну обратиться в комендатуру за паспортом для выезда на лечение, как он был снова арестован и помещен в следственный изолятор.

Четверо суток изолятора, приступ и снова больница. Выехать за пределы района чрезвычайного положения он сможет только после отбытия 30 суток, причем время, проведенное в больнице, не идет в счет...

«ПОДЧИНИТЬ РЕДКОЛЛЕГИЮ КОМЕНДАНТУ»

Записывая показания многих других арестованных, мы пришли к выводу, что следует говорить не просто о систематическом грубом нарушении закона военными властями, но и о творимом ими беззаконии. Не соблюдаются даже упрощенные формальности, предусмотренные законом о правовом режиме чрезвычайного положения. Так, в нарушение статьи 9 известные нам дела не рассматривались ни в суде, ни руководством местного органа внутренних дел, ни комендантом, постановления об административном аресте не предъявлялись. Комендатура сплошь и рядом превышает свои полномочия. Так, жители Степанакерта подвергаются домашнему аресту по предписанию коменданта, хотя подобные меры в компетенции органов государственной власти и управления. А приказ В. Н. Сафонова отключить у некоторых жителей Степанакерта домашние и даже служебные телефоны с передачей номеров «для нужд МВД»? (Верховный суд СССР дал разъяснение о незаконности подобных распоряжений). Иногда доходит до гоголевского абсурда. 20 января, задержав Аветиса Саркисовича Григоряна, вооруженные люди в штатском доставляют его в аэропорт, а затем в тюрьму Новочеркаска. На третьи сутки Аветису Саркисовичу показали протокол задержания, из которого следовало, что задержан был Григорян Аветик Арменакович за отказ предъявить документы сотрудникам милиции. Аветис Саркисович пытался объяснить, что его приняли за другого, и получил ответ: «Под каким именем вас привезли, под таким и будете сидеть». 30 суток...

18 января заместителя редактора «Советского Карабаха» Гукасяна А. А. арестовали за статью, напечатанную в тот день в газете, и отправили в тбилисскую тюрьму. Здесь обнаружилось, что в деле Гукасяна нет ни протокола задержания, ни постановления об аресте — вообще ничего, кроме газеты с его статьей. Даже много

зловидавшие офицеры МВД не могли скрыть изумления. Гукасян отсидел 17 суток...

Взаимоотношения комендатуры со средствами массовой информации в НКАО достойны отдельного обсуждения. Достаточно сказать, что областное телевидение, по сути дела, запрещено, а передачи из Еревана вопреки постановлению Совмина СССР фактически не транслируются. 31 января В. И. Сафонов издал приказ № 19, первый пункт которого гласил: «Редактора газеты «Советский Карабах» и редколлегия... подчинить коменданту района чрезвычайного положения и начальнику политотдела комендатуры...» В газету был назначен военный комендант, без визы которого не может быть напечатан ни один материал.

Областное отделение Союза журналистов обратилось в Верховный Совет СССР. Отвечая на обращение, генерал-майор Нечаев (зам. начальника политуправления внутренних войск МВД СССР) признал неправомочность приказа. Но на деле все осталось по-прежнему.

«ПРАВДА, НО БЫЛО ЕЩЕ ХУЖЕ...»

28 июня ереванская газета «Комсомолец» напечатала статью Левона Мирзояна «Акция на рассвете». В ней рассказывалось, как осуществлялась операция по проверке паспортного режима и изъятию оружия в горных селах, проведенная внутренними войсками и оперативно-следственной группой МВД СССР 21 июня.

Мы попросили генерал-майора А. Г. Малюшкина прокомментировать эту статью. Он сказал:

«Поскольку боевики продолжают проникать в НКАО, мы вынуждены проверять паспортный режим и изымать незаконно хранящееся оружие, боеприпасы и взрывчатку.. При этом войска, так же как и милиция, действуют в рамках закона. То, что написано в статье,— фальсификация и искажение фактов. Никакой грубости по отношению к мирному населению не допускается, к бандам проявляется твердость и решительность».

1 июля мы узнали, что в тех же селах утром еще раз была проведена подобная акция, и срочно отправились туда. Села Сарнахпур и Даграз Аскеранского района Нагорного Карабаха — дальние горные села близ грани-

цы НКАО и Агдамского района Азербайджанской ССР; большая часть жителей — люди пожилого возраста.

Стелла Габриелян, зоотехник, зав. фермой в Сарнахпюре, подтвердила все, что с ее слов было написано в статье «Акция на рассвете»:

«21 июня я проснулась рано утром от шума. Все село было окружено военными грузовиками и боевыми машинами. В наши ворота стали громко стучать чем-то тяжелым, грохот стоял страшный. Во двор вошли человек 10 военных, документы свои не предъявили. Они стали обыскивать дом, сорвали ковер со стены, выбросили из шкафа всю одежду, ходили по ней, перевернули и сломали диван. Нам сказали: «Всех вас отправим в Сибирь».

Мой сын Севак, 12 лет, с утра ушел за скотиной. Когда он вернулся, солдаты схватили его и затащили в машину. Я не знала об этом. Когда солдаты ушли из дома, я вышла на улицу. По всей деревне стоял шум и крик. В центре села стояла машина, в которой сидели задержанные сельчане. Среди них я увидела своего сына. Он был напуган и округлившимися глазами смотрел на меня. Я очень испугалась за своего ребенка и тут же на улице упала в обморок. Мне потом рассказали, что соседей, которые бросились мне помочь, солдаты отогнали. Мужа тоже не подпустили. Плакала и рвалась к Севаку моя мать. Она держала на руках мою двухлетнюю дочку. Солдат направил на нее автомат. Мать стала кричать: «Стреляй, фашист!»

Мать Стеллы Габриелян, находившаяся с нами, заплакала и ушла в другую комнату, а рассказчица продолжала:

«Сегодня утром снова приехали военные. Их было столько же, как и в прошлый раз. Обращались вежливо, культурно, представились и показали свои документы. Капитан расспрашивал нас, что тут случилось 21 июня. Они сказали: «Мы пришли к вам обсудить статью и выяснить, насколько верно там все описано. И еще мы хотим показать вам, как должна проводиться настоящая проверка». В этот раз тоже были обыски у наших соседей, но все делали культурно — что взяли, положили на место. А в тот день был ужас. С тех пор ребенок боится всех говорящих по-русски».

В Сарнахпюре, в правлении колхоза, мы встретились с председателем колхоза Славой Мирзояном и с домохозяйкой, матерью четырех детей Зиной Аванесян. Председатель колхоза сказал:

«Между тем, как сегодня вели себя военные и как в прошлый раз, есть разница. Сегодня они обращались вежливо. С ними был военный корреспондент. Нам показали статью и спросили, правда ли там написана. Я ответил: правда, но было еще хуже. Кстати, в прошлый раз они забрали без всякого объяснения колхозную машину, и назад мы ее не получили».

Зина Аванесян рассказала, что после сокрушительного и безрезультатного обыска мужа почему-то увели, а когда она, заперев дом, пошла следом, солдаты выбили окно и взяли хранившиеся в доме 2.300 рублей и золотые вещи. Второй «обыск», без хозяев, видели соседи. В военной прокуратуре Зине Аванесян сказали: «А где у вас доказательства, что вещи взяли военные?» Ее мужа продержали несколько дней в КПЗ, и у него стало плохо с сердцем. «Сейчас он в больнице. Мне не объяснили, за что его арестовали», — закончила женщина.

Так было и в селе Даграз. Грубость, угрозы, порча имущества. В церкви, в клубе вместо того чтобы попросить ключи, взломали замок. Часто обыски проводились без гражданских понятий.

Не обсуждая целесообразность подобных акций, не можем не сказать, что при таких методах и «манерах» результаты — а по утверждению комендатуры, 21 июня было обнаружено огнестрельное оружие, бикфордов шнур и тому подобное — будут вызывать естественное сомнение. И главное: ставка на запугивание, на коллективную ответственность деревни за действия отдельных ее жителей ведет к формированию у сельского населения образа карателя, оккупанта.

МЕСТЬ

Но самое страшное из того, что мы узнали, произошло 24 мая в Степанакерте. В этом городе войска не раз применяли оружие. Так было 10 октября прошлого года, 2 и 9 января, 26 апреля — нынешнего. Но до 24 мая гибли только гражданские лица.

Чтобы собрать информацию о трагическом инциденте 24 мая, мы говорили с комендантом района чрезвычайного положения, с председателем горисполкома, с депутатами облсовета, с журналистами областной газеты, с начальником политотдела комендатуры, опрашивали свидетелей и пострадавших, собрали документы и сфотографировали еще сохранившиеся следы от пуль.

В тот день в Степанакерте был убит один военнослужащий и несколько получили ранения. Кто стрелял в военный патруль, как погиб при этом солдат, неясно. Ни один из нападавших не был ни задержан, ни убит. Показания свидетелей, опрошенных нами и официальная версия довольно сильно отличаются. Следствие еще не закончено. Безусловно, организаторы и исполнители этого преступления должны понести наказание. Однако то, что произошло после убийства солдата, тоже преступление. Военные вышли на улицы города, и началась настоящая карательная акция против мирного населения, обстрел жилых домов.

Давыденко Ирина Владимировна, врач «скорой помощи», рассказала нам, что она выехала на вызов в район автовокзала около 23 часов. Там в окружении солдат и офицеров лежал убитый солдат, рядом — раненый. Их доставили в больницу, в городе уже шла стрельба. Солдаты хватали прохожих и избивали дубинками. В течение часа с лишним военные не давали машинам «скорой помощи» выезжать на многочисленные вызовы местных жителей. На жалобу врачей заместитель коменданта города ответил, что жалеть жителей Степанакерта нечего. Выехав наконец в город, бригада обнаружила на улице адмирала Исакова УАЗ с водителем, у которого рука практически была оторвана пулей. По мнению врача, он пролежал в машине более часа. В этот момент проезжающий БТР открыл огонь из пулемета по окнам жилого дома, едва не задев врачей. В больнице водитель УАЗа скончался. Другие бригады «скорой помощи» также доставляли в больницу избитых, с пулевыми ранениями, с переломами, с сотрясением мозга жителей Степанакерта. Ирина Владимировна говорит, что офицеры на улицах кричали: «Всех поубиваем, всех стрелять надо!» Потом старшие офицеры уже пытались остановить солдат, но не могли.

Апресян Борис Шагенович был дома вместе с женой и двумя детьми, когда на улице началась стрельба. Примерно в 23.45 в дверь квартиры начали стучать. Вошли 9 военных с автоматами в руках. Спросили Хозяев, есть ли у них баллон, выходящий на улицу, — оттуда в солдат бросили бутылку. В квартире Апресянов балкон выходит во двор. Тем не менее хозяина решили забрать, а на его попытки объясниться ответили дубинками и прикладами. Апресяну рассекли лоб (остался шрам) и сломали три ребра. На жену, пытавшуюся заступиться, направили автомат. Самого Апресяна, босого, в крови, вывели на улицу и погрузили в машину, предварительно пустив в лицо струю слезоточивого газа. Несчастный человек сумел как-то объясниться со случайно попавшимся на пути майором. Майор приказал его отпустить, но по дороге к дому солдаты продолжали его избивать, напоследок во дворе сапогами. Борис Шагенович пробыл в больнице 29 дней.

Бывший фронтовик Гурген Аршавирович Агасарян видел из своей квартиры, как обстреляли случайно подвернувшийся УАЗ, как стреляли по домам, избивали прохожих. Он позвонил в областное управление милиции, и дежурный сказал, что такое творится по всему городу.

Через день после этих событий группа следователей Прокуратуры СССР приступила к сбору показаний свидетелей. Но настроивает на пессимистический лад оценка событий 24 мая генерал-майором А. Г. Малюшкиным:

«Бронетранспортеры не стреляли на улицах города. Стрельбу из автоматов вели только военнослужащие, находившиеся в составе наряда, подвергавшегося нападению. Стреляли только по боевикам, отражая нападение».

Ни один нападающий не пострадал — но ранили людей, находившихся далеко от места происшествия.

Чрезвычайное положение не должно означать право войск на насилие и беззаконие. В соблюдении законности надо видеть не препятствие для скорейшего наведения порядка, а защиту самой жизни — и солдат, и гражданского населения. Если не будут наказаны истинные виновники как гибели солдата, так и «карательной акции», внутренние войска превратятся во внешние для населения, на первый план выступит их роль притеснителей, а не защитников. А ведь население НКАО, по-ви-

димому, не может обойтись без войск, разделяющих армянские и азербайджанские населенные пункты.

Между тем внутренние войска постепенно превратились в еще одну сторону конфликта. И теперь нужны уже посредники между войсками и населением. Эту функцию для азербайджанского населения выполняет Республиканский оргкомитет, для армянского населения симметричную роль играют местная милиция и отдельные энтузиасты-политработники. Но этого недостаточно. Армянская сторона к военные взаимно блокируют обмен информацией через газету и радио и в каждом действии другой стороны усматривают прежде всего провокацию.

Одна из необходимых мер: вместо крайнего ограничения допуска журналистов создать наиболее благоприятные условия для их деятельности, для отражения в прессе позиций всех сторон конфликта, различных точек зрения. И, разумеется, необходимо систематическое независимое наблюдение прав человека. Такие наблюдатели могли бы стать посредниками между всеми сторонами конфликта.

ОЛЕГ ОРЛОВ

— сопредседатель

московского «Мемориала»,

ДМИТРИЙ ЛЕОНОВ

— председатель правозащитной

комиссии Всесоюзного общества

«Мемориал»

«Новое время» № 38 1990 г.

НЕ ПОБРЕЗГОВАЛИ

«Военно-исторический журнал» не побрезговал использовать справку департамента полиции для объяснения сегодняшней ситуации в республике.

Оказывается, «Военно-исторический журнал», специальный орган Министерства обороны СССР, нынче читают не одни лишь генералы и офицеры. Читают и представительницы слабого пола. Кто знает, может быть, потому, что в последнее время журнал вопреки своему названию печатает все больше огнедышаще современных

материалов, следуя на всех парах в кильватере с такими флагманами этого воинственного направления, как «Молодая гвардия» и «Наш современник». Читательница — В. Михайлова — обращается в августовском номере в редакцию с недоуменными, но лукавыми вопросами: «Опять в Армении раздаются выстрелы, опять льется кровь, опять гибнут люди, — пишет она. — Чего хотят эти вооруженные люди, кто и что ими руководит? Неужели это все началось вдруг? Было ли что-либо подобное в прошлом?» Чтобы подтвердить предположение читательницы, что все началось не вдруг, редакция печатает в двух номерах обширный материал — справку департамента полиции о деятельности партии «Дашнакцутюн»...

Редакция не сумела разыскать в Армении или России специалистов-историков? Иначе с чего бы она устремилась в архивы департамента полиции?

Правда, курс этот прокладывают опять же флагманы. В «Молодой гвардии» я недавно прочитал: «Кого же беспощадно истребляли революционеры?»

Это в основном были выдающиеся люди России: гвардейцы, генералы русской армии, специалисты, руководители (жандармерии). Полагаю, не потому публикатор В. М. Копылов просился в архив, что редакция получила письмо читательницы, нет, просто документ оказался созвучен взглядам и представлениям редколлегии журнала.

Я не буду касаться конкретных фактов и оценок справки, которая составлена на основе донесений филеров, доносов и инсинуаций полицейских провокаторов (редакция стыдливо называет их «поступившими из различных источников документами»). Справка подчинена сугубо прагматическим и специфическим служебным целям охраны.

Но деятельный жандармский подполковник предвзывает справку кратким «Историческим очерком», в котором предлагает оригинальное истолкование истории армянского народа и армянского национального характера, подводя под практические полицейские акции, так сказать, теоретический фундамент. «Туземцы-армяне волей-неволей должны были входить в сношения с переселявшимися и преклоняться перед их силой, — пишет историк от жандармерии. — Тогда же вырабатывались

в силу инстинкта самосохранения, как и у оставивших свою родину евреев, свои специфические национальные черты, кстати, весьма схожие с европейскими. К евреям же они подходят (более других народов) и в чисто физическом отношении. Отличительные черты их психики — национальная замкнутость и отсюда вытекающие презрение и ненависть к другим народам, черствый эгоизм и себялюбие. Наряду с этими качествами вследствие векового рабства выработалась и двуличность: преклонение и лесть перед сильным и в то же время старание принести ему чем-либо вред. Постоянные сношения все с новыми народами развили в армянах любовь к торговле, а вместе с тем к обману и стяжанию богатств, тем более что в силу тех же исторических причин, развив в себе наблюдательность, они поняли, какой огромной силой является капитал в повседневной жизни не только человека, но и государств».

Жандармский подполковник всячески внушает тем, для кого предназначалась справка: армяне дьявольски коварны и вероломны. Даже приняв христианство, «армяне отчасти уподобились притаившейся и свернувшейся в кольцо змее, выжидающей случая ужалить кого-либо из окружающих... Гнусно скрыв свою принадлежность к опаснейшей ереси и заручившись дружеством России, армяне стали ползти в нее из Турции, обогреваться и богатеть». И т. д. и т. п. Впрочем, автор справки пишет ненавистью не только к армянам и евреям, турок он тоже терпеть не может (слава богу, другие народы оказались вне его поля зрения): «Объясняется это отличительными чертами, присущими туркам: воинственностью, ленью и вместе с тем любовью к роскоши, отсюда, естественно, у турок всегда являлась бедность, а вместе с тем неудовлетворенность желаний в связи с неспособностью к труду. Не удивительно, что индифферентизм иногда исчезал сам собой и победители обращались к карманам побежденных. Больше всего, конечно, приходилось армянам, ставившим главной целью в жизни капитал. Сопротивление будило боевые инстинкты турок, и поэтому нередко начинались армянские погромы».

Справка эта предназначалась, как мы нынче говорим, для внутреннего пользования, такое историческое «исследование», наверное, не просто было бы напечатать в

открытой печати в России той поры. Пожалуй, застыдили бы. Однако махровое черносотенство, зоологическая ненависть к инородцам жандармского подполковника удивления не вызывают. Все помыслы и деятельность его были направлены на то, чтобы держать в узде, усмирять и карать народы. Не на этих ли принципах строилась сталинская национальная политика, не тогда ли были посеяны зерна тех явлений, которые мы пожинаем сегодня?

Не ясно, что привлекло в этом полицейском издании «Военно-исторический журнал»? В редакционном предисловии к этой сенсационной публикации после сухой информации о том, что в департаменте полиции «регулярно по каждой организации (революционной.— Л. Л.) составлялись отчеты», говорится: «Несмотря на некоторую субъективность в оценках, которую мы не разделяем, публикуемый один из таких отчетов, составленный подполковником департамента, фамилия которого, к сожалению, в архивах не сохранилась (кажется, редакции жаль, что она не может воздать должное этому проницательному историку.— Л. Л.), нам кажется, представит интерес для читателей». Все-таки хотелось бы знать, что именно в черносотенно-жандармском документе, по мнению «Военно-исторического журнала», представляет интерес для нашего читателя, какие оценки жандармского подполковника кажутся редакции уязвимыми, сомнительными из-за «некоторой субъективности», а какие они считают бесспорными и проливающими свет на то, что происходит сейчас в Армении? И вот еще какой вопрос у меня возник: не объясняют ли испытываемые журналом Министерства обороны столь странные симпатии к идеологии охранного отделения некоторые неполадки в этом министерстве, о которых в последнее время все громче говорит общественность?

И последнее. У Наума Коржавина есть давнее стихотворение о старом генерале, который «был столпом самодержавья», долгие годы на поле брани верой и правдой служил отечеству и государю. Бывший однополчанин, сделавший большую карьеру, решил облагодетельствовать старого служаку, выхлопотал ему теплое место.

Генерала пригласили
В Петербург от марша армий.

Генералу предложили
Службу в корпусе жандармов.

— Хватит, вас трепали войны,
Будет с вас судьбы солдатской.
Все же здесь куда спокойней,
Чем под солнцем азиатским.

И ответил строгий старец,
Не выказывая радость:
— Мне доверье государя —
Величайшая награда.

А служить — пусть служба длится
Старой должностью моею...
Я могу еще рубиться,
Ну, а это — не умею...

Брезгливое презрение к жандармам, к охране — неписаная, но нерушимая традиция русского офицера. Какими же соображениями руководствовался журнал, переступая через эту традицию?

Л. ЛАЗАРЕВ
«Литературная газета» 26.09.90
№ 39 (5313)

ГОЛОДОВКА НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ ПРОДОЛЖАЕТСЯ...

В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР

Горько: страна уже привыкает к политическим голодовкам. Люди все чаще решаются на отчаянные поступки. 9 сентября объявил голодовку народный депутат СССР от Нагорно-Карабахской автономной области, писатель Зорий Балаян. Позже к нему присоединились еще трое народных депутатов СССР: всемирно известный ученый академик Виктор Амбарцумян, один из известнейших артистов страны Сос Саркисян, Вачаган Григорян, а также председатель исполкома упраздненного Нагорно-Карабахского областного Совета народных депутатов Семен Бабалян. К столь жесткой форме протеста, как голодовка, прибегли народные депутаты

СССР — почему? Куда же дальше? Прибегли наши собратья по творческому труду: ученый, писатель, артист. Зорий Балаян недавно перенес тяжелейшую операцию на сердце. Виктору Амбарцумяну во время голодовки исполнилось 82 года. Страшно...

Отнюдь не одобряя голодовку, как форму политической борьбы, давайте все же разберемся: что на сей раз явилось ее причиной? Чего хочет народный депутат Зорий Балаян? Выдвигает ли он невыполнимые экстремистские требования? Нет. Он хочет одного: чтобы было выполнено постановление Верховного Совета СССР, принятое еще 10 месяцев назад.

В начале 1989 года, 12 января Президиум Верховного Совета СССР, учреждая Комитет особого управления НКАО, приостановил одновременно деятельность областного Совета и его исполкома — словно бы забыв, что в Конституции нет статьи, дающей право упразднять выборные органы.

28 ноября 1989 г. Верховный Совет СССР, принимая постановление «О мерах по нормализации обстановки в Нагорно-Карабахской автономной области», упразднил теперь уже в свою очередь Комитет особого управления, предписав создать на паритетных началах с НКАО республиканский оргкомитет и восстановить деятельность Совета народных депутатов и исполкома. Однако выборная конституционная власть так и не была восстановлена. Как известно, после трагических событий в Баку положение в регионе резко обострилось. В Нагорном Карабахе было объявлено чрезвычайное положение, которое при отсутствии областного Совета фактически переросло в положение военное. Конкретно видно, к чему на деле привело невыполнение постановления Верховного Совета СССР: к тому, что ситуация в Нагорном Карабахе не только не улучшилась — еще более осложнилась. К тому, что продолжает проливаться кровь. К тому, наконец, что люди — известные, талантливые люди — жертвуют собой, рискуют жизнью, объявив политическую голодовку. Мы не требуем ничего более того, что уже узаконено законом.

Мы призываем к гуманности. Слишком много трагедий. Погибает человеческая культура. Погибаем мы.

Мы призываем наших армянских сограждан прекратить голодовку. Мы призываем Верховный Совет СССР

содействовать выполнению собственного решения о восстановлении в Нагорном Карабахе конституционной власти.

Ф. БУРЛАЦКИЙ, А. ГЕЛЬМАН, А. ГОНЧАРОВ, Д. ГРАНИН, А. ЖИГУЛИН, М. ЗАХАРОВ, В. КАРПОВ, Д. КУГУЛЬТИНОВ, В. КУДРЯВЦЕВ, Л. ЛАВЛИНСКИЙ, Ал. МИХАЙЛОВ, В. РАСПУТИН, В. СОЛОУХИН, М. ШАТРОВ, И. ШКЛЯРЕВСКИЙ

«Литературная газета», 26 сентября 1990 г.

О Б Р А Щ Е Н И Е ВСЕСОЮЗНОГО КОМИТЕТА СОЛДАТСКИХ МАТЕРЕЙ И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОГО ФОНДА МАТЕРИНСТВА НКАО

Дорогие матери и сестры!

Тревогой и волнением переполнены сердца каждой из нас. Глубоко осознавая свою политическую и материнскую ответственность за судьбы своих народов, за будущее наших детей, мы воссоединили наши голоса. Наси русских и армянских, украинских и узбекских женщин, матерей всех национальностей сплачивает единое желание — добротой и любовью спасти наши народы от угрозы всеобщей трагедии — гибели безвинных людей, наших братьев и сестер, наших сыновей.

Чтобы предотвратить малейшую возможность кровопролития в Закавказье, прежде всего необходимо урегулировать создавшуюся сегодня крайне тяжелую ситуацию в Армении и НКАО, политическими методами защитить конституционные права мирных граждан, солдат и офицеров. Только радикальные шаги по снятию политической, экономической и духовной блокады со стороны правительств СССР и Азербайджана могут способствовать стабилизации обстановки, обеспечению безопасности наших детей.

Беззакония, творимые на территории НКАО подразделениями Советской Армии, внутренних войск МВД, руками наших солдат, позором ложатся на нашу материнскую честь! Мы не допустим, чтобы наши сыновья

росли убийцами и мародерами, озлобленными людьми. Мы не допустим, чтобы рука солдата поднялась на мирных людей, на народ, поднявшийся на национально-освободительную борьбу за свою независимость и самоопределение.

Мы больше не верим в помощь Президента. Мы больше не верим военному руководству страны, на совести которого гибель десятков тысяч наших детей не только в Афганистане, но и в нашей стране.

Мы, матери и сестры, члены Всесоюзного Комитета солдатских матерей и Благотворительного фонда материнства НКАО обращаемся ко всем женщинам нашей страны, ко всем правозащитным организациям Советского Союза, ко всем депутатам Верховного Совета СССР, Совета Национальностей с призывом остановить все беззакония, нарушения прав человека, дать политическую оценку всем противозаконным и антиконституционным действиям, продолжающимся вот уже почти три года в отношении населения Арцаха.

Мы обращаемся ко всем международным правозащитным организациям с призывом поддержать Резолюцию II Международной Конференции по правам человека (г. Ленинград, 4 сентября 1990 г.), в которой говорится о необходимости создания компетентной международной комиссии, составленной из юристов, политологов, правоведов, журналистов для выявления нарушений прав человека в НКАО, для широкого информирования мировой общественности и восстановления гуманистических ценностей в регионе. Мы будем добиваться выполнения своих требований всеми силами нашей души, силой материнского сердца, материнской любви.

«Советский Карабах», 28 сентября 1990 г. № 203 (2634)

В А З Г Е Н И :
«Я ЕДУ ТОЛЬКО С НИМ»

Закончилась продолжавшаяся двадцать один день голодовка народных депутатов СССР **З. БАЛАЯНА, В. АМБАРЦУМЯНА, С. САРКИСЯНА, В. ГРИГОРЯНА,**

а также председателя исполкома упраздненного Нагорно-Карабахского областного Совета народных депутатов **С. БАБАЯНА**.

На девятнадцатый день, когда под угрозой оказалось уже не только их здоровье, но и жизнь (З. Балаян недавно перенес тяжелейшую операцию на сердце, В. Амбарцумяну во время голодовки исполнилось 82 года), в Москву прилетел авторитетнейший в Армении человек — глава армянской церкви католикос Вазген I.

В гостинице «Москва», где находились голодающие, из уст в уста передавались его слова: «Я еду только вместе с ними».

После пресс-конференции армянского католикоса в пресс-центре МИД, где он сделал заявление, удалось с ним встретиться отдельно.

— На этот раз у меня грустная миссия, — сказал Вазген I. — Голодовка народных депутатов — акт не только протеста, но и безнадежности. Они сыны нашей церкви, и я не мог оставаться равнодушным к их судьбе. Кроме тех телеграмм, которые я послал им, я счел долгом лично приехать и принести свое благословение, свое уважение к ним и, главное, надежду на то, что тяжелая карабахская проблема найдет разрешение в ближайшее время. Я приехал призвать их считать достаточным то, что они сделали до сегодняшнего дня. О голодовке узнала вся Армения, весь народ оценил мужество и стойкость духа. В святой Эчмиадзин со словами сочувствия и восхищения приходят также письма и телеграммы со всего мира.

Внимание общества заново привлечено к Нагорному Карабаху, к необходимости возобновления там деятельности органов самоуправления со всеми их функциями. Но теперь нужно искать иные формы борьбы за то, чтобы все в Карабахе снова получили право собственной волей вершить свою судьбу.

Я не верю, что нынешняя ситуация в интересах армянского или азербайджанского народов. Оба народа находятся в тревоге — жаль и тех, и других. Продолжение конфронтации никому не принесет пользы. Однако недостаточно только словесно выразить эти чувства. Нужны решительные действия — и мы ожидаем их со

стороны центра, — чтобы путь к примирению и взаимопониманию был открыт.

Е. КУЗЬМИН
«Литературная газета» 3. 10.90.
№ 40 (5314)

НАГОРНОМУ КАРАБАХУ — ВЫБОРНЫЕ ОРГАНЫ ВЛАСТИ

Да, положение в Нагорном Карабахе чрезвычайно сложное. Струна напряжения натягивается все больше и больше.

Да, по периметру границ области происходят стычки боевиков и льется кровь невинных людей.

Да, экстремисты действуют вопреки законам страны и всего цивилизованного общества, хотя всем ясно: силой оружия межнациональные споры решить нельзя — ею можно только усугубить положение.

Да, солдаты и офицеры внутренних войск несут тяжелую службу, делая в соответствии с воинским долгом все для того, чтобы не допускать трагических столкновений сторон, способствуют поддержанию мира.

Но все это отнюдь не является основанием, чтобы население автономной области на протяжении длительного времени существовало в политическом вакууме. Совершенно очевидно, что для налаживания нормальной жизни в регионе нужна нормальная власть. Не военная, которая может выполнять лишь сугубо охранные функции, а гражданская. Но парадокс в том, что в Нагорном Карабахе советской власти в лице Советов народных депутатов не существует.

Будем говорить прямо. Во время пика напряженности в этом регионе в начале 1989 года при создании Комитета особого управления НКАО Президиум Верховного Совета СССР пошел на нарушение Основного Закона страны, ликвидировав в области выборные органы. Тогда казалось, что другого выхода не было. Но с тех пор прошло 19 месяцев. Распушен и Комитет особого управления. Однако власть Советов так и не восстановлена.

Логично задаться вопросами:

Как это можно совместить с понятием правового государства?

Как можно население целой области оставлять без выборных органов власти, да еще во время, требующее принятия решений, от которых зависят судьбы целых народов?

Как можно готовить новый союзный договор, который строится на расширении и неуклонном уважении прав народов, и пренебрегать конституционными правами населения НКАО?

Верховный Совет СССР еще в ноябре прошлого года принял постановление, предписывающее восстановление деятельности Совета народных депутатов и его исполнительного органа. Казалось бы, вопрос решен. Однако эта деятельность так и не восстановлена, что, безусловно, добавляет масла в огонь напряженности. И вот результат: группа народных депутатов от Нагорного Карабаха объявила голодную забастовку в поддержку требования о восстановлении власти Советов у них на родине. Прибегнуть к крайней форме политической борьбы их толкнуло отчаяние из-за неспособности решить вопрос в рамках нормального демократического процесса. Требование их полностью соответствует Конституции, а потому законно.

Движимые чувством справедливости, мы обращаемся к Верховному Совету СССР с призывом добиться выполнения своего решения от 28 ноября 1989 года и восстановить в Нагорно-Карабахской автономной области власть Советов. Справедливость должна восторжествовать.

Председатель президиума Советского комитета защиты мира, народный депутат СССР

Г. БОРОВИК

члены бюро президиума СКЗМ народный депутат СССР
**А. АНАНЬЕВ, А. АЛЕКСИН,
Г. АРБАТОВ, В. ЗОРИН,
В. КОВАНОВ, Г. КУЗНЕЦОВ,
А. МАСЕВИЧ**

«Литературная газета» 3. 10. 90
№ 40 (5314)

КАРАБАХСКАЯ ДРАМА

серия репортажей «Радио Свобода» из Нагорного Карабаха, программа «В стране и мире» 7, 8, 9, 12, 13, 14 ноября 1990 г.

7 ноября

Ведущий программы Савик Шустер: «В Нагорном Карабахе в любой день может вспыхнуть пламя гражданской войны — так считает Андрей Мальгин, народный депутат Моссовета и главный редактор журнала «Столица», который сегодня утром вернулся из поездки по дорогам карабахского конфликта. В поездке Андрея Мальгина сопровождал его помощник по работе в журнале, также депутат Моссовета, ветеран войны в Афганистане Александр Поляков.

Что показалось самым тревожным в НКАО? Андрей Мальгин рассказывает.

Андрей Мальгин: «Самое тревожное, и нас это, по правде сказать, удивило, дестабилизирующим фактором является армия. Степанакерт наводнен техникой, военнослужащими, хотя это компактная зона проживания армян, и нет нужды выполнять разделительные функции там. А функции выполняются совсем другие — карательные функции.

Очень многие жители Степанакерта задерживаются, причем днем или вечером до наступления комендантского часа, избиваются. Мы разговаривали в больницах с жертвами этих избиений. Случаи мародерства, разбоя, воровства со стороны вооруженных сил, со стороны солдат практически ежедневны. Местное население терроризируется солдатами. Под предлогом поисков оружия совершаются набеги карательных отрядов на мирные села.

Я был в селе Каджаван Мардакертского района. Это разоренное село, его покинули жители. Две недели назад ночью силами Рижского и Вильнюсского ОМОН, отрядов милиции особого назначения, подкрепленного внутренними войсками, эти деревни были расстреляны. Есть жертвы, есть раненые. Все мужское население, это порядка 23—25 человек, угнано в тюрьму в город Шу-

ша, где проживают азербайджанцы, а население этой деревни армянское. Содержатся они там незаконно, подвергаются насилию.

В этой деревне творились страшные вещи. Никогда не думал, что Советская Армия способна повторить то, чем занимались американские солдаты в деревне Сонгми. У нас записаны свидетельства очевидцев, кстати, и свидетельства солдат тоже, и я очень хочу, чтобы эти свидетельства прозвучали по радиостанции «Свобода».

Это не единственная акция. Позавчера, буквально на наших глазах, омоновцы разгромили областной комитет ДОСААФ. Оружия, естественно, там не нашли, зато погром учинен полнейший: сорваны двери, разбиты стекла, лозунги разорваны, кстати, лозунги о нерушимом единстве народов Союза. Такая довольно символическая акция.

К чему все это приводит? Армянское население кто-то умышленно настраивает против армии, и тем самым разжигаются антирусские настроения. Армяне НКАО сейчас на грани взрыва, и то, что этот взрыв еще не происходит, во многом заслуга местных армянских властей, тех самых, которые распущены. И районные, и городской степанакертский Совет, комитеты партии распущены, руководители исключены из партии решением ЦК Компартии Азербайджана, но все-таки продолжают находиться на своих местах, руководят хозяйственно-политической жизнью области.

Нужно сказать, что есть еще один важный фактор, по которому не начинаются открытые действия против русских солдат. Это вопрос традиций. Многие мне говорили: как я могу поднять руку на русского солдата? Мы с русскими всегда жили в мире. Старейшины Нагорного Карабаха, все они ветераны Великой Отечественной войны, там 7 героев Советского Союза, с этими солдатами воевали. Они не могут перейти черту и поднять руку на этих солдат. Но скоро чаша терпения переполнится, я думаю действительно скоро. Если ничего не изменится.

Каким же может быть развитие событий? Я думаю, существуют два возможных пути развития.

Первый и наименее реальный это такой путь: армия переходит от карательных к миротворческим функциям, войска выводятся из Степанакерта и других районов компактного размещения лиц одной националь-

ности и размещаются в местах возможных столкновений. Сейчас их туда не дозовешься, если они приезжают, то постфактум, когда взаимные стычки уже произошли, когда кровь уже пролилась. Следующий шаг — воссоздание местных органов власти, без этого не может существовать область. И, что самое главное, выведение Нагорного Карабаха из административного подчинения Азербайджана. Это должна быть зона какого-то особого управления, не относящаяся ни к Армении, ни к Азербайджану. Либо она должна войти в ведение России, как последнее столетие до восемнадцатого года она была под протекторатом России.

Армянское и азербайджанское — все должно быть паритетным. Если сейчас азербайджанские милиционеры разгуливают с автоматами по всей территории области, я это видел, в том числе и разговаривал с ними в аэропорту, находящемся, кстати, на армянской территории, то армянские милиционеры разоружены. Поэтому и в этом должен быть паритет.

Второй путь, наиболее реальный и, к сожалению, чреватый серьезными последствиями, если ничего не произойдет из того, что я перечислил выше — в ближайшие месяц-два, до конца года точно, армянское население области перейдет в открытое вооруженное сопротивление Советской Армии. Для этого есть все возможности, все предпосылки. Люди хорошо вооружены, мы видели это вооружение, они знают местность, они готовы к войне в условиях партизанской борьбы, причем, готовы все от мала до велика. С кем бы я не говорил — все готовы защищать свою землю. Начнутся военные действия, по всей видимости, по всей территории Карабаха. Боюсь, что именно этого добиваются сейчас войска. Но армия в этом случае застрянет в Карабахе, как застряла уже однажды в Афганистане, как американцы застряли во Вьетнаме. В условиях горного, покрытого лесами Карабаха сражаться с этими людьми будет очень трудно. Вот такие две перспективы.

Что же в этом случае останется делать нам, представителям демократического лагеря? Я думаю, что есть смысл повторить то, что уже делалось в тридцать седьмом году, то есть участвовать в том, что будет в Карабахе силами интернациональной бригады. Я знаю, что если будет известна правда о том, что происходит в Ка-

рабахе, очень многие молодые люди, русские молодые люди, особенно из числа воевавших в Афганистане, я говорил с ними, захотят принять участие за независимость коренного населения этой земли. Конечно, это будет очень серьезное решение, тут надо посоветоваться, подумать, и не втянет ли такое событие в гражданскую войну всю страну. Это тоже возможно. Но сейчас в эту гражданскую войну втягивает нас Советская армия, размещенная на территории Карабаха. Я в этом убежден.

Савик Шустер: «Вы слушали впечатления от поездки по Нагорному Карабаху народного депутата Моссовета, главного редактора журнала «Столица» Андрея Мальгина.

Начиная с завтрашнего выпуска программы «В стране и мире» мы предлагаем Вашему вниманию серию репортажей Андрея Мальгина «По дорогам карабахского конфликта».

8 ноября

Андрей Мальгин: «Во вчерашнем репортаже я вскользь упомянул о случае, происшедшем в селе Каджаван Мардакертского района.

Карательный отряд советских войск совершил нападение на это село. На языке карателей это называлось «акцией». Село было уничтожено. Сегодня я хочу рассказать об этом подробнее.

В Каджаване я был. Кстати, дорога туда и обратно заняла почти весь день, хотя можно было преодолеть это расстояние за 40—50 минут. Но армия перекрыла сейчас дороги, и нам во время всей нашей поездки пришлось пользоваться кружными путями, проселочными, горными очень плохими дорогами.

Село Каджаван из числа новых сел. Туда приехало жить десятка два молодых семей—выпускников степанакертского пединститута. Ребята приехали весной, отстроились, обзавелись скотом, распахали окрестные земли, открыли школу, детский сад, небольшой магазинчик, клуб—обжились. На беду, через поле, на расстоянии примерно километра находится село азербайджанское, и оттуда частенько постреливали. Я и сам слышал ве-

чером автоматные очереди, хотя Каджаван сейчас пустует. Стены испещрены следами от пуль, стекла выбиты, на земле валяются разорванные детские книжки, внутри в домах поломанная мебель, снаружи бродят ставшие бездомными исхудавшие собаки. Что же здесь произошло?

Рассказывает Сара Мангасарян: «Двадцать четвертого октября, без десяти пять утра мы были разбужены стрельбой из автоматов. Мы выскочили из дома и увидели, что обстрел ведется со всех сторон, и что приехало очень много солдат. Все было освещено ракетами, свет был очень яркий. В наш дом ворвалось сразу сорок или пятьдесят солдат. Они стреляли в стены. Женщины и дети кричали, просили о пощаде. Мы слышали такие же крики из других домов. Моего сына бросили на пол и стали без объяснений бить сапогами. Потом направили дуло автомата ему в шею и закричали: «говори правду, сволочь, сейчас мы тебя расстреляем. Мы спрашиваем: за что, что мы сделали? Такой мы получили приказ, отвечают солдаты. Они перевернули весь дом. Они искали не оружие, а деньги и украшения. С меня сорвали серьги, кольцо, крестик, все деньги наши рассовали по карманам. Бросили мне три рубля—возьми старуха. купишь завтра хлеба. Все, что было заготовлено на зиму в банках было разбито, всю нашу одежду изорвали, пулями изрешетили весь потолок. А потом всех парней собрали вместе и увезли. Детей они избили дубинками.

У одного десятилетнего мальчика весь живот и вся шея—это сплошной синяк». Кстати, добавлю от себя, я этого мальчика видел.

Рассказывает Наира Багманян, домохозяйка, мать четверых детей: «Солдаты в красных беретах ворвались в дом не через дверь, а выбив окно. Мужа связали. С такой силой ударили 15-летнего сына Аркадия, что он покотился по полу. Связанного мужа били сапогами, прикладами по бокам. Разбили холодильник, детское пианино. Лейтенант показал на нашу 13-летнюю дочь и сказал рядовому: нравится она тебе—бери ее. Это многие слышали. Забрали тысячу пятьсот рублей. Уходя, из автомата открыли огонь по нашей машине стоявшей у двери».

Еще одно свидетельство. Мариэтта Минасян, завмаг, мать троих детей: «Моего сына Мгера избивали во дво-

ре. Другие солдаты в это время переворостили весь мой магазин, забрали шестьсот рублей выручки, забрали три тысячи рублей, сбереженных для строительства дома».

Еще одно свидетельство. Гаянэ Петросян, учительница школы: «Мой муж Армен Бабаян тоже учитель. Нашу месячную зарплату 380 рублей солдаты забрали себе. Пропали и 10 тысяч сбережений, на которые мы собирались строить дом. Не знаю, что они сделали с Юриком, но его ужасный крик до сих пор стоит у меня в ушах. 30-летний Алиш Бекчарян был убит из автомата. Камо Багдасаряна не сумели добить, он в больнице, в реанимации».

Еще одно, последнее свидетельство. Рассказывает Гагик Габриэлян, водитель: «Сначала, в нападении участвовали милиционеры, говорившие по-азербайджански, потом к ним на помощь пришли солдаты в красных и черных беретах. Рому бросили на пол. Его молодая жена Анна, которая беременна, попыталась дать ему одежду, потому что он был голый, но ее грубо оттолкнули. Забрали 2700 рублей, разбили магнитофон. Если бы вы видели, как они вырывали друг у друга двадцать магнитофонных кассет... Чуть было не перестреляли друг друга».

Довольно показаний очевидцев. Осталось назвать тех, кто провел в селе Каджаван эту доблестную акцию, хотя визитных карточек они не оставили. Как удалось выяснить, это солдаты Вильнюсского и Рижского ОМОН, милиционеры азербайджанского МВД и солдаты внутренних войск, приписанные к комендатуре района чрезвычайного положения. Всего в акции участвовало более двухсот военнослужащих. Каджаванцы сумели записать номера двух БТРов — 511 и 537, ОМОНовцев привезли в красном автобусе с номером 65-15 АГФ, который обычно находится в Степанакерте. Во время акции, а закончилась она только в половине девятого утра, к селу не подпускали ни сотрудников местной милиции, ни руководителей района, ни машину скорой помощи. Дорогу просто перегораживали БТРы. Кстати, любопытно, как удалось установить соединения, участвовавшие в карательной акции. Я упомянул номер автобуса, он находится всегда во дворе пединститута в Степанакерте, и когда на страницах местной газеты «Советский Карабах» был опубликован рассказ об этой акции и был

сообщен номер автобуса, испуганные офицеры сообщили армянам, что это не их соединение и по секрету назвал Рижский и Вильнюсский ОМОН, которые просто арендовали автобус для этой акции.

По свидетельству Сары Мангасарян, ее сын в числе других мужчин села находится сейчас в Шуше, в азербайджанской тюрьме. Мы говорили с ней в понедельник при свечах, поскольку электростанция, находящаяся в азербайджанском районе, по вечерам отключает в армянских районах свет.

Мы не сразу нашли Сару. Оставшиеся в Каджаване женщины и дети покинули село. Накануне, 4-го ноября у ее сына должна была быть свадьба. Тут же сидел старик, отец невесты. Скажите, спросил я, вот ваш сын вернется, вернутся другие мужчины, где вы будете жить? Неужели в Каджаване? Обязательно! — воскликнули все за столом, в том числе отец девушки, которой придется ехать с молодым мужем под пули. Это наша земля, — сказали люди, — мы будем жить на ней.

Для программы «В стране и мире», Андрей Мальгин, Нагорный Карабах!

Корреспондент «Радио Свобода» уточнил, что в описанных событиях действовали солдаты Рижского ОМОН, в то время как солдат Вильнюсского ОМОН в Карабахе не было.

9 ноября

«Начну с того, чем кончил вчера. Рассказывая о карательных акциях, которые армия проводит в Карабахе против армянского населения, я вдруг задумался — не получается ли так, что я встал на сторону одной из противоборствующих сторон, потерял объективность. Я говорил в Карабахе и с армянами, и с азербайджанцами. В общем, и те и другие жаловались, что устали от противостояния, что хотят вернуться к нормальной мирной жизни. Я понимаю и тех и других. Но прочитаем сводку МВД СССР, в которой перечислены все происшествия в районе чрезвычайного положения за минувший месяц, за октябрь. Вот какую статистику дает эта сводка.

Убито: армян — пятеро, азербайджанцев — один.

Ранено: армян — шесть, азербайджанцев — ноль.

Совершено разбоев и краж скота всего — 15.

Угнано голов крупного рогатого скота:

у армян — 825, у азербайджанцев — 0.

Угнано мелкого рогатого скота:

у армян — 1224, у азербайджанцев — 0.

Обстрелы населенных пунктов:

армянских — 6, азербайджанских — 1.

Обстрелы и забрасывания автомашин камнями совершено:

армянами — 2, азербайджанцами — 7.

Поджоги объектов:

армянских — 1, азербайджанских — 0.

Прямые свидетельства угона скота в азербайджанские населенные пункты — 5.

Итак, судя по этим данным, армянские населенные пункты чаще подвергались нападению, именно у армян угоняли скот, именно их дома сжигали, а на их машины чаще всего нападали. Казалось бы, что должны делать в этой ситуации войска, которыми нашпигован Нагорный Карабах? Они должны были бы разоружить азербайджанскую сторону и обеспечить охрану армянской стороны. Но читаем сводку дальше.

За указанный период войсками комендатуры РЧП, т. е. района чрезвычайного положения, проведено четыре операции по изъятию оружия у населения, все — в армянских населенных пунктах. В трех случаях найдены складирования оружия и другого военного снаряжения. В азербайджанских населенных пунктах таких операций не проводилось как в НКАО, так и в районах, примыкающих к НКАО и входящих в район чрезвычайного положения.

То есть, карательные акции проводятся только в армянских селах, разоружена только армянская милиция. У азербайджанской в руках автоматы. Скот азербайджанцы уводят, по сути под прикрытием войск.

По разному объясняют такое пристрастие расквартированных в НКАО войск армяне. Одни говорят, что все войска в Карабахе находятся на довольствии Азербайджана, который тратит на их содержание около 18 миллионов рублей в год, и армия просто служит тому, кто ее кормит.

Другие ссылаются на то, что Комиссия Верховного Совета СССР, созданная год назад и призванная действия войск контролировать, на самом деле существует лишь на бумаге. Распоряжается же в Карабахе до сих пор так называемый Оргкомитет, куда представители армянского населения не входят. Именно эту власть военные в Карабахе считают законной.

Действительно, председатель Комиссии Верховного Совета Фотиев за минувший год лишь дважды удосужился побывать в Нагорном Карабахе, да и приезжал лишь на несколько часов и время проводил исключительно в комендатуре.

Я слышал и другие объяснения, вплоть до того, что офицеры получают большие деньги от азербайджанской мафии и что Раиса Максимовна, мол, мусульманка, и потому Горбачев старается отдать Карабах азербайджанцам, или, как их все здесь называют, туркам.

Я думаю, что Раиса Максимовна здесь ни при чем, хотя надо признать, Горбачева сейчас в Нагорном Карабахе ненавидят все. Дети лепят глиняные фигурки Горбачева и расстреливают его камнями. Считается, и не без причин, что Горбачев обманул карабахцев.

Что касается больших денег, якобы полученных офицерами, то тут, я думаю, все проще. Хотя мне и показали списки офицеров, отправляющих со степанакертской почты баснословные суммы себе на родину, это, скорее всего, просто награбленное, а не полученное в качестве мзды. Во всех пострадавших селах я слышал о повальном мародорстве солдат и офицеров...

Откуда же пришел этот приказ — развернуть против армянского населения террор? Разумеется, из Москвы. Судите сами, ведь с чего все началось? С того, что Нагорный Карабах объявил о своей самостоятельности, об отделении от Азербайджана. А в Карабахе решение об отделении принял и областная Совет, и областная партийная организация. Такое решение поддерживает большинство населения, ведь более 80% его — армяне, и любой референдум ясно какой дал бы результат.

За день до Сумгаита Горбачев предупреждал о непредсказуемых последствиях их шага. Намек был понят, наутро началась резня. Но надежды на террор со стороны азербайджанцев не оправдались. Армяне быстро оправились от шока, организовались и сумели дать от-

пср. Тут-то и пришлось прибегнуть к помощи армии, которая на словах разделяет две враждующие стороны, а на деле борется с народом, попытавшимся самоопределяться.

Паралельно осуществляется широкомасштабная азербайджанизация области. Строительство такого масштаба я давно не видел. Скажем, рядом с аэропортом строится новый населенный пункт, так вот, насколько хватает глаз, от горизонта до горизонта сплошная строительная площадка. Материалы и мощная строительная техника поступают бесперебойно, а переселенцы из Азербайджана обеспечиваются кредитом и другими формами поддержки.

Одновременно Карабах силами армии оказался полностью отрезанным от Армении. Единственное средство сообщения—небольшой самолетик ЯК-40, всего несколько рейсов в день, каждый из которых забирает не больше сорока пассажиров. О грузовых перевозках нет речи. Второй аэропорт, куда на грунтовую полосу садятся кукурузники, в Мардакерте время от времени уничтожается войсками, его поле распахивается тракторами и плугом. Грузы, прибывающие на степанакертскую железнодорожную станцию, разграбляются.

Между Карабахом и Арменией всего лишь 6-километровая полоска, но она надежно перекрыта войсками. Как утверждает генерал-майор Сафонов, комендант района чрезвычайного положения, он готов открыть путь в Армению в любой момент, для этого ему нужен лишь приказ сверху.

Уже вылетая из Степанакерта в Ереван, в аэропорту я разговорился с молодыми ребятами, как оказалось, москвичами, из орехово-борисовского милицейского полка. В разговоре выяснилось, что на политзанятиях им внушают, что войска прибыли в Карабах, чтобы защитить азербайджанское национальное меньшинство, что все преступления, совершаемые в области, на совести армянских экстремистов. Я без труда убедился, что солдат вводят в заблуждение, как, впрочем, и всех нас. В сообщениях ТАСС, в информационной программе «Время» нас пичкают точно такой же дезинформацией.

Как такие фальшивки создаются, я расскажу в своем следующем репортаже из Мартунинского района Нагорного Карабаха».

Савик Шустер: «10 сентября ТАСС выступил с сообщением, в котором говорилось: армянские боевики совершили нападение на село Верин Диманлар Физулинского района и потребовали от жителей покинуть село. По просьбе диманларцев из Физули подоспело подкрепление. Нападение было отражено. 19 боевиков взяты в плен. Чтобы выяснить, что же произошло на самом деле, Андрей Мальгин выехал на место происшествия, и первое, что он выяснил, произошли эти события, хотя и недалеко от Физули, райцентра с азербайджанским населением, но все-же на территории «Мартунинского района, где большинство населения составляют армяне».

Андрей Мальгин: «Первый визит я совершил к лицу официальному — первому секретарю Мартунинского райкома партии Олегу Есаевичу Есаюну. Привожу его рассказ, записанный мной на пленку:

На границе с Физулинским районом находятся армянские села Сос и Мачкалашен. 8-го сентября жители этих сел торжественно открыли храм — Амарасскую церковь. На следующий день около восьми часов вечера в храм ворвались военнослужащие, учинили в нем разгром, осквернили его, угрожали священнику. Я связался с военным комендантом нашего района Фоменко с просьбой немедленно обеспечить охрану храма. Он отказался это сделать, порекомендовал охранять храм своими силами, с утра поставить около храма пост. Но, увы, события развернулись в ту же ночь. Около часа ночи в райком позвонила Ахшун Ованесян, председатель колхоза, и сообщила, что на ее колхоз напали — приехали БТРы и открыли стрельбу.

Мы тут же выехали на место происшествия. Впереди была машина, в которой находились начальник райотдела милиции, его зам, и два участковых милиционера, по дороге к ним подседа председатель колхоза. По дороге мы слышали звуки интенсивной стрельбы. Мы приблизились к месту событий, это примерно метрах в 200 от храма. Милицейская машина с включенной мигалкой прорвалась вперед, на нее обрушился шквальный огонь. Выбжавшие из близлежащей фермы люди сообщили

мне, что приехали солдаты на БТРах, стреляют во всех, кто проезжает мимо, задерживают, есть много раненых. Я связался по рации с начальником милиции, но он не отвечал. Минут 40-50 шла беспорядочная стрельба, затем наступило затишье, после чего солдаты двинулись цепью в нашу сторону, прочесывая автоматами местность. Мы спрятались на ферме, которую буквально изрешетили пули. Мы попытались вернуться по той же дороге, но из того азербайджанского села, которое мы видели раньше и которое показалось нам пустым, по нашей машине открыл стрельбу замаскированный там БТР. Пришлось дожидаться рассвета и возвращаться через горы.

А вот что поведал мне начальник райотдела милиции Валерий Габриэлян:

«Подъезжая к тому месту, из которого велась стрельба, я включил мигалку и через микрофон повторял: прошу не стрелять, я начальник райотдела милиции, готов вступить в переговоры. Ответом мне была стрельба прямой наводкой по нашей машине. Вылетело лобовое стекло, заглох двигатель. Мы выскочили из машины. Прямо перед собой я увидел коменданта Физулинской комендатуры, майора Нестерова, окруженного группой солдат. Он потребовал бросить оружие и подойти. Первым поднял руки и двинулся в его направлении инспектор Аганбегян, тут же в него выстрелили, попали в плечо, он с криком упал. Нам ничего не оставалось делать, как броситься врассыпную. Я прыгнул в кусты, по которым сразу же был открыт огонь. Нестеров крикнул мне: выходи, а не то я тебя сейчас убью. Я вышел, он несколько раз ударил меня автоматом. Примерно час всех нас заставили лежать лицом вниз, затем связали, сложили штабелями, как дрова, и погрузили в автобус. Нас было в этом штабеле 26 человек, в том числе женщина, председатель колхоза.

Нас привезли сначала в Физулинскую комендатуру, потом в райотдел милиции. Начальник этого отдела, увидев меня, сделал вид, что удивился: ой, среди вас, оказывается, работники милиции, надо же, такую операцию возглавили работники милиции. Я в ответ говорю: что вы делали в Мартунинском районе?

Больше суток нас продержали под арестом. Работников милиции не били, но мы слышали крики наших

ребят — их жестоко избивали. Одного из наших — Вацка Карапетяна — убили.

Узнали мы о сообщении Азеринформ, мол комендатура Физулинского района совместно с районным управлением внутренних дел задержали группу вооруженных армянских бандитов, в числе которых начальник милиции Мартунинского района, пять сотрудников райотдела милиции и боевики. Но кто же эти боевики? Двое учителей, председатель колхоза, главный агроном района, сторож фермы, животноводы, короче все, кто имел несчастье проехать мимо карателей, обосновавшихся возле храма. В конце концов, большинство их нас освободили, но девять человек до сих пор в плену. Они находятся в Бакинской тюрьме, и непонятное следствие по их делу ведет прокуратура Азербайджана. Мы требуем перевести их хотя бы в Степанакерт, потому что они могут не выдержать издевательств, которым их подвергают в тюрьме.

Взятые нас быстро разобрались, что мы не боевики, но, оказывается, уже доложили прокурору республики, уже сообщили в программе «Время», уже написали в газетах и просто не знали, что с нами делать».

Что ж, на этом можно было бы поставить точку, но я хочу сослаться на публикацию газеты «Советский Карабах» от 2-го ноября. Вышедшие на свободу «боевики» Сергей Арутюнян, Андраник Саакян и другие, рассказывая об издевательствах, которым их подвергали в тюрьме солдаты внутренних войск, поведали любопытную историю. Оказывается, после особенно жестоких побоев их пытались заставить позировать при любопытной съемке. 70-летнему Саркису Саруханяну дали в руки гранату, а он, кстати, ветеран Отечественной войны, старый заслуженный человек, учитель, рядом с ним поставили остальных, и они должны были изображать атаку, в качестве тех самых боевиков, о которых сообщило ТАСС. Когда участники этой инсценировки наотрез отказались принимать в ней участие, их бросили наземь и долго избивали ногами».

13 ноября

Андрей Мальгин: «То, что происходит сейчас в Нагорном Карабахе, можно назвать одним словом — произвол.

По идее жизнь в области должна была бы проходить под знаком постановления Верховного Совета СССР от 28 ноября 1989 года. Это постановление отменило статус особого управления, название постановления было успокаивающим «О мерах по нормализации в НКАО». Что ж, минул год и можно подвести некоторые итоги.

В первом пункте постановления обещано: «Будут приняты решительные и безотлагательные меры по снятию блокады с железных и автомобильных дорог на территории Азербайджанской ССР». На самом деле блокада области значительно ужесточилась. Со стороны Баку ее осуществляют азербайджанцы, со стороны Армении — армия. Я видел, как посредине автомобильной магистрали прямо на асфальте строят дома. Армяне хотели удлинить взлетно-посадочную полосу степанакертского аэродрома, чтобы туда из Армении могли летать более вместительные самолеты, так азербайджанцы тут же застроили эту полосу со всех сторон домами. Они пусты, так как из-за шума в них невозможно жить, но они под охраной внутренних войск.

Пункт 3 постановления гласил: «Создать на паритетных началах с НКАО республиканский оргкомитет и восстановить деятельность советов народных депутатов НКАО». Что же в действительности? Оргкомитет создан, но в нем нет ни одного армянина. Более того, ни одного представителя Карабаха. Чьи же интересы он защищает? Деятельность же областного Совета никто не собирается восстанавливать так же, как и областной комитет партии. ЦК Компартии Азербайджана отдельным постановлением запретил деятельность райкомов и, что самое удивительное, райисполкомов. Как может ЦК партии запрещать советы народных депутатов? Об этом никто не задумался: ни в Москве, ни в местных военных властях. Более того, руководители Мартунинского района рассказывали мне, как в сентябре солдаты внутренних войск МВД СССР, выполняя распоряжения азербайджанского партийного руководства, оккупировали здание Мартунинского райкома и райсовета, запретив появляться в нем не только работникам райкома и райсовета, но и районной организации ДОСААФ и комсомола. Здание в течение нескольких суток осаждали толпы местных жителей, военные вертолеты и БТРы оказывали на них психологическое воздействие, но пока руководи-

тели района не получили возможность войти в здание, толпы не разошлись. Пожалуй, Карабах — это единственное место в Советском Союзе, где народ отстаивает райкомы.

В постановлении Верховного Совета от 28 ноября прошлого года далее сказано: «В двухмесячный срок разработать и принять новый закон о статусе НКАО, гарантирующий самоуправление, самофинансирование, территориальный хозрасчет, свободу экономических и культурных связей». Прошло не два, а значительно больше месяцев, а обстановка в Нагорном Карабахе становится все более напряженной, и никаких новых законов не принято. О каких культурных связях может идти речь, если в области закрыт театр, свирепствует военная цензура, происходит глушение передач армянского радио, сокращены ретрансляции передач республиканского армянского телевидения. О каких экономических связях мы можем говорить, если вырастив в этом году небывалый урожай зерна, карабахцы не знают, где его перемолоть в муку. Азербайджанские мукомольные заводы отказываются это делать. Армения же от Карабаха отрезана.

В постановлении читаем: «Принять меры с целью недопущения изменения демографической ситуации в области, нарушающего сложившийся национальный состав». Тут делается все наоборот. В спешном порядке возводятся новые азербайджанские населенные пункты, в том числе, в сугубо армянских районах. Если посмотреть на географическую карту, то новое строительство выглядит весьма своеобразно: оно клиньями входит с разных сторон в мононациональную армянскую территорию. Тем самым перерезаются дороги, отсекаются друг от друга армянские населенные пункты со сложившимися хозяйственными связями. Одновременно азербайджанцы создают на этих территориях промышленные предприятия, колхозы, обеспечивая занятость десяткам тысяч переселенцев.

Постановление предусматривало создание при союзном парламенте контрольно-наблюдательной комиссии, но как она может наблюдать за развитием событий, если ее члены не бывают в Карабахе? Никаких решений, обязательных для военных властей, установленных здесь жесткую диктатуру, комиссия не принимает. Она суще-

ствует только на бумаге. Зато комитет, присланный из Баку, расположился на центральной площади Степанакерта под охраной войск. Во главе его второй секретарь ЦК Компартии Азербайджана Поляничко. Внутренние войска, разоружая, в соответствии с указом президента, армянское население Карабаха, включая милицию, почему-то забывают это делать в отношении азербайджанцев. Мало того, что население там вооружено, так еще азербайджанское МВД, непомерно увеличив свои штаты, в каждом населенном пункте держит сотрудников. Ладно бы они охраняли жителей села. Нет, нередки случаи карательных акций против соседних армянских сел. Получается, что внутренние войска, призванные обеспечить в Карабахе мир, способствуют эскалации насилия.

17 сентября в упоминавшееся мной Мартуни приехал генерал-полковник Шаталин, командующий внутренними войсками МВД СССР. А в этом районе прошла сеть провокаций: занятие райкома войсками, акция по взятию заложников у Амарасской церкви и так далее. На все вопросы о странной роли вооруженных до зубов азербайджанских милиционеров Шаталин отвечал так: это дело министерства внутренних дел Азербайджана, Москва не вмешивается. Но почему, хочется спросить генерал-полковника, Москва не вмешивается, если существует постановление Верховного Совета, если приняты даже президентские указы.

Первый секретарь Степанакертого горкома партии Грант Мелкумян, с которым мне довелось беседовать, не без оснований полагает, что многочисленные азербайджанские милицейские отряды, отличающиеся крайней жестокостью, это просто оформившиеся вооруженные формирования азербайджанского Нагорного фронта. Я бы на месте генерала Шаталина обратил бы внимание на это обстоятельство, а не отмахивался от вопросов.

И вот результат. Шаталин уехал, а почувствовавшие свою безнаказанность азербайджанские милиционеры и ОМОНовцы продолжали бесчинствовать.

Так, 29 октября солдаты внутренних войск при участии азербайджанской милиции разгромили села Авдур и Мерушен. Второй секретарь райкома партии Валерий Айрапетян, оказавшийся свидетелем событий, рассказал мне, как это происходило. Как солдаты выбили окна и

двери в четырех домах, избили их жителей. В числе пострадавших оказался председатель колхоза, которого избили, отправили на фильтрационный пункт — страшное место, откуда никто не возвращается здоровым. Причина — найденные возле его дома две старые гильзы от охотничьего ружья.

Когда солдаты закончили разорять дома, они сели в два БТР, двинулись в центр села, сломав ограду памятника павшим воинам, в 9.00 остановили БТР на площади села и, включив музыку, принялись танцевать. После этой разрядки, подвергшей жителей села в ужас, они отправились разорять соседний Мерушен.

В больнице Степанакерта я разговаривал с тяжело раненым жителем Авдура Юрием Гаспаряном и узнал от него подробности, от которых стынет кровь. Но об этой встрече и о беседах с другими пострадавшими, а ими переполнена степанакертская больница, я расскажу в следующий раз».

14 ноября

Андрей Мальгин: «Одно из самых тягостных впечатлений от этой поездки — посещение степанакертской городской больницы. Она в эти дни похожа на прифронтовой госпиталь, хотя военные действия в полном смысле слова в Нагорном Карабахе пока не ведутся. Больница переполнена ранеными.

Я разговариваю с 46-летним Робиком Мирзояном. Он жестоко избит, лицо его страшного желто-синего цвета, сплошной синяк, на лбу и на глазу повязка. Врачи сказали, что Робик останется без глаза.

«В половине десятого вечера, — рассказывает он, — я шел домой, чтобы успеть до начала комендантского часа. Со мной было трое друзей и мальчик. Неожиданно к нам приблизился патруль — пять солдат в бронежилетах. Они были как-то странно взвинчены, глаза их блестели. Я сразу же подумал, что они либо пьяны, либо находятся под действием наркотиков. Они потребовали паспорта. Мы достали их, а мальчишка, испугавшись их, почему-то побежал от нас. Один из солдат вскинул автомат, чтобы стрелять в мальчику. Я не дал

ему этого сделать. Тогда нас загнали в машину и держали часа два или три. Потом подъехала другая машина, в которой были еще арестованные. Всех нас отправили в фильтрационный пункт, там приказали стать лицом к стене, расставить ноги шире плеч. Тут же меня ударили прикладом автомата по голове, я упал, потерял сознание. Потом мне рассказали, что, когда друзья попытались меня поднять, их тоже избили.

«Скажите,— спросил я Робику Мирзояна,— с вами первый раз такое происходит?»

«Нет. Однажды я сделал замечание офицеру, который матом обругал пожилую женщину. Тогда он приказал солдатам побить меня дубинками. Многие мои знакомые избиты в Степанакерте среди бела дня.

Робик прав, таких случаев много. Даже на квартиру народного депутата СССР Зория Балаяна, за несколько дней до моего приезда в Степанакерт, неизвестные в военной форме совершили нападение. В городе получило широкий резонанс убийство архитектора Армена Акопяна патрулем. Он был убит тремя пулями у порога своего дома. Кстати, как свидетельствует хирург, производивший вскрытие, это были не обычные пули, а пули со смещенным центром тяжести. Попадая в тело человека, они несколько раз меняют направление, буквально разрывая его изнутри.

В 1986 году Советский Союз под нажимом мировой общественности вынужден был отказаться от применения этих пуль в Афганистане, но они, как видим, продолжают использоваться внутри страны. Именно этими пулями были в прошлом году убиты солдатами шестеро человек на ереванском вокзале.

За несколько дней до моего приезда в Нагорный Карабах там побывала группа независимых военных экспертов Союза «ЩИТ», они обнаружили, что пули со смещенным центром тяжести использовались при проведении акции в селе Авдур в октябре этого года...

Еще одна беседа с поступившим накануне Нельсоном Баласаняном из села Дудукчи Гадрутского района:

«Ночью примерно в три часа, услышав шум возле дома, я поднялся, разбудил семью. В дом ворвались солдаты в красных беретах, но некоторые были в обычной милицмейской форме. Дети, а у меня их четверо, запла-

кали. Я сказал им: не плачьте, дети, это же русские солдаты, они не сделают вам ничего плохого. В этот момент меня ударили по лицу, сломали нос. Стали кричать: давай оружие. Я ответил, что оружия нет. Тогда меня связали, бросили возле лестницы, перевернули весь дом, убили собак. Когда выяснили, что оружия нет, меня избили так, что я потерял сознание. Сейчас приходила жена, сказала, что солдаты унесли все наши деньги, 800 рублей, и все золотые вещи. Мешки с зерном, мукой, кормами порезали и высыпали на землю».

Я шел из степанакертской больницы и думал не об этих людях, залечивающих здесь свои раны. Я думал об их детях. С каким чувством к русским солдатам и вообще к русским вырастут они? Не раз в Карабахе я слышал, что растет первое поколение, у которого ненависть к русским будет заложена в крови. Их отцы и деды не знали этого чувства. Никогда за всю историю Нагорного Карабаха русские не причиняли вреда его населению. Более того, без малого триста лет тому назад Карабах добровольно вошел в состав Российской империи, стал форпостом нашего государства на южных границах. Все взрослое население Карабаха ушло в 41 году на войну. Оттуда вернулось семь героев Советского Союза.

Что расскажет своему ребенку Феликс Бархударян, заведующий степанакертским магазином № 1? Его выгнали из машины на бензозаправочной станции. Он предъявил по требованию солдат документы. Избиение началось в тот же миг. Избитого Феликса привели в кафе на железнодорожном вокзале. Там вдоль стен уже стояли десятки задержанных, широко расставив ноги лицом к стене. Так простояли пять часов. Если кто-то пытался переменить позу, его били по бокам прикладами. К одному из стоявших подошел солдат и участливо спросил: где у тебя больше болит? Тот показал на колено, тут же солдат с силой ударил по колену прикладом автомата. «Самым удивительным,— говорит Феликс,— было то, что никто из нас не сопротивлялся, но они все равно били по головам, ногам, бокам, рукам. Мне казалось, что это мне снится или снимают какой-то военный фильм».

Таких свидетельств я привез из Карабаха много, очень много. Интересно, знает ли министр внутренних дел СССР тов. Бакатин, чем занимаются в Нагорном Карабахе подчиненные ему внутренние войска.

Для программы «В стране и мире», Андрей Мальгин, Нагорный Карабах».

ОГЛАВЛЕНИЕ

От составителей

1988 год

Нагорный Карабах	7
Р. Медведев. Национальный конфликт в Закавказье и кризис политики гласности	25
А. Д. Сахаров. За спокойствие и мудрость	30
С. Горячев (Письмо в «Огонек»)	33
Мих. Лотман. Нагорный Карабах—Сумгаит	34
А. Д. Сахаров. Неизбежность перестройки (отрывок) Карабах	55
А. Василевский. Туча в горах	74
В. Шейнис. Уроки карабахского кризиса	89
Р. Гамзатов. Открытое письмо моему другу Наби Хазри	99

Сумгаитские процессы

В. Лошак. Сумгаит. Эпизод трагедии	114
Настал ли час расплаты?	118
А. Оганесян. Водораздел	128
С. Желтов. Направить на следствие	144
И. Буркова. Сумгаитский процесс	149
А. Пральников. Факты и боль	160
Н. Кремнева. Давайте думать, давайте действовать	163

Баку — Кировабад

Н. Краминова. За что погиб Борис Гусев?	169
А. Пральников. Особое положение	173
В. Лошак. Граница.	176
М. А. Теперь я знаю, что чувствовали евреи Германии в 1938 году (Бакинский дневник)	178

1989 год

К. Михайлов. Нам вместе жить	186
После землетрясения	199
Вопросы к кандидату (Интервью с академиком Сахаровым)	204
А. Пределе. Первый вопрос — Ну, как там?	207
А. Пределе. Милосердие и защита	212
И. Калниньш. Карабах: в ожидании решения	215
Ю. Афанасьев. Кто мы такие?	218
А. Д. Сахаров. Степень свободы	221
А. Петрушов. Драма на шоссе	222

Убийц — к старту (Письмо в редакцию)	230
Арцах: весточка с севера	233
На грани большой трагедии (Интервью с ответственным работником ЦК КП В. А. Сидоровым)	234
А. Пральников. НКАО: будни особого управления	243

Блокада

А. Демурия, А. Пральников. Армения в эти дни	246
М. Поздняев. Блокада	252
Л. Милославский. Конец блокады?	254
Блокада прекращена — считаем потери	260
Е. Пеструхина. Проблемы остаются	261

НКАО: События и размышления

Открытое письмо в Верховный Совет СССР (сотрудников ВСЕГЕИ)	262
Депутатам Верховного Совета СССР (Второе письмо сотрудников ВСЕГЕИ)	264
Интервью с Андреем Сахаровым (отрывок)	267
М. Дудин. «В Армении меня волнует все»	268
Ф. Шелов-Коведяев. За бортом истины	276
В. Петровский. «Почему Сумгаит?»	281
Г. Павловский. Три дня в феврале	286
К. Воеводский. Кто есть кто в карабахском конфликте	299
Чужая беда — моя	308
В. Моев. Анонимное возмущение	313

1990 год

«Мы пришли защищать»	314
А. Пральников. Закавказье: раскаленный январь	318
Т. Асатиани. Кто истинный виновник?	322
Д. Демидов. Рассказывают беженцы	325
Г. Алимов. Беженцы прибывают в Москву	328
Н. Микеладзе. Рельсовая война?	330
И. Афанасьев. Заложники неизвестности	331
М. Шакина. Пожар на границе	334
Г. Сидорова. Чрезвычайное положение	337
А. Панченко. Свидетельствуют очевидцы бакинских событий	341
Провокации НФО Азербайджана. Не вышло	343
В. Пругер. Разоблачение фальшивки	344
Э. Володин. Комментарий ученого (к беседе с Г. Хериши	

Откровения «жесточкого человека»	348
Л. Жукова. Беда... «Вам будет плохо»	350
А. Пральников. Затишье в Карабахе	355
Р. Давидов. Нагорный Карабах: связь времен	358
И. Беляев. Азербайджанцы — «разделенный народ»?	362
А. Головков. Проникающее ранение	364
М. Виленский. Тихая трагедия	368
М. Шакина. Войска введены. Погромы остановлены. Что дальше?	375
Г. Сидорова. Уроки на сегодня	379
В. Чаликова. Люди с содранной кожей	382
«Черный ящик» на минном поле	402
А. Воробьев. «Время лозунгов уходит» (отрывок)	411
«К сожалению, это реальность...»	414
К. Уокер. Армения в 90-х годах: перспективы и опасности	421
Людмила из Смоленска. Я открыла свою Армению	436
Е. Боннэр. Нужна правда	440
Ш. Мгоян. Газета «Армандж» о положении курдов	445
К. Воеводский. О статье В. Рамма и вокруг нее	447
Е. Боннэр. «Предотвратить второй геноцид армян»	458
В. Комаров. Черный сад	464
С. Балувев. Когда политика вмешивается в право	470
Л. Азроян, Дж. Балагезян. Почему не досказываете, товарищ генерал?	477
В. Провоторов. Баку: начало девяностого	481
И. Иванов. «Во всем виноват Гдлян...»	496
На ступенях беды (Беседа с народным депутатом Г. Старовойтовой)	507
Выступление подполковника Ищука Александра Сергеевича по армянскому телевидению	511
Е. Боннэр. Надежда? Безнадежность? Без права на защиту?	518
О. Орлов, Д. Леонов. Нагорный Карабах: медленный взрыв	524
Л. Лазарев. Не побрезговали	534
Голодовка народных депутатов продолжается	538
Обращение всесоюзного комитета солдатских матерей и благотворительного фонда материнства НКАО	540
Е. Кузьмин, Вагген I: «Я еду только с ним»	541
Нагорному Карабаху — выборные органы власти	543
А. Мальгин. «Карабахская драма»	545
Оглавление	647

Составители:

Сурен Тигранович Золян
Грачик Казарович Мирзоян

**НАГОРНЫЙ КАРАБАХ И ВОКРУГ НЕГО...
ГЛАЗАМИ НЕЗАВИСИМЫХ НАБЛЮДАТЕЛЕЙ**
(сборник статей)

Редактор *Э. К. Кацахян*
Худ. редактор *С. В. Погосян*
Техн. редактор *А. К. Тоноян*
Корректор *А. В. Мандакуни*

ИБ № 3273

Сдано в набор 20. 05. 1991 г. Подписано к печати 28. 08. 1991 г.
Формат 84×108^{1/32}. Бум. тип. № 2. Гарнитура «Латинская». Печать
высокая. Усл. печ. 29,82 л., печ. 29,82 кр. от., изд. 33,74 л. Ти-
раж 20000. Заказ 632. Цена 6 руб.

Издательство «Луйс», Ереван-9, ул. Корюна 19а.

Головное предприятие полиграфического производственного объеди-
нения имени Акопа Мегаларта комитета по печати при Совете Ми-
нистров Республики Армения, Ереван-9, ул. Теряна, 91.